

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

БАЛКАНСКАЯ РАСПРЯ:

**РАСПАД БАЛКАНСКОГО СОЮЗА И
МЕЖСОЮЗНИЧЕСКАЯ ВОЙНА 1913 ГОДА
В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ ПРЕССЫ**

Нестор-История
Санкт-Петербург
2023

УДК 94
ББК 63.3(2)524
Б20

Издание подготовлено в рамках гранта Российского научного фонда
№ 23-28-01062 «Балканская распря 1912–1913 гг. и русское общество»,
<https://rscf.ru/project/23-28-01062/>

Рецензенты:

кандидат исторических наук *О. А. Агансон*,
кандидат исторических наук *В. Б. Каширин*

Составление, подготовка к изданию, комментарии, введение
Н. С. Гусева, Б. С. Котова

Б20 Балканская распря: распад Балканского союза и Межсоюзническая война 1913 года в зеркале русской прессы. — СПб. : Нестор-История, 2023. — 544 с., ил.

ISBN 978-5-4469-2294-9

DOI 10.31168/4469-2294-9

Осенью 1912 г. началась Первая балканская война — Болгария, Сербия, Греция и Черногория совместно выступили против Османской империи и нанесли ей поражение. Однако вмешательство внешних игроков, прежде всего Австро-Венгрии, и нерешенные вопросы территориального размежевания на Балканах довольно быстро спровоцировали конфликт среди союзников, вылившийся во Вторую, Межсоюзническую, балканскую войну лета 1913 г. Данная книга представляет собой републикацию статей из российских газет разных политических направлений за 1912–1913 гг., посвященных распаду Балканского союза и войне между его участниками за раздел отвоеванных у турок македонских земель. Магистральными темами являются поиск правых и неправых в споре о Македонии, ужас от братоубийственной войны и разочарование в славянской идее.

Книга предназначена для специалистов по истории Балкан, русской общественной мысли начала XX в., а также широкого круга читателей, интересующихся прошлым России, балканских народов и славянской идеей.

УДК 94
ББК 63.3(2)524

© Гусев Н. С., Котов Б. С., составление,
комментарии, введение, 2023

© П. К. Донской, дизайн обложки, 2023

© Издательство «Нестор-История», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Гусев Н. С., Котов Б. С. Введение 9

Статьи

1. «Речь». 21 сентября 1912 г. Передовая статья	53
2. «Русские ведомости». 27 сентября 1912 г. Передовая статья	55
3. «Московские ведомости». 30 сентября 1912 г. Ожидать ли примирения?	57
4. «Московские ведомости». 14 октября 1912 г. <i>Novus nascitur ordo</i>	60
5. «Русское слово». 17 октября 1912 г. Румынский задор	63
6. «Речь». 18 октября 1912 г. Передовая статья	66
7. «Русские ведомости». 26 октября 1912 г. Передовая статья	68
8. «Новое время». 27 октября 1912 г. Полнота прав. <i>М. Меньшиков</i>	71
9. «Речь». 3 ноября 1912 г. В сербской армии. (От нашего специального корреспондента). <i>Н.</i>	77
10. «Новое время». 22 ноября 1912 г. Перемирие и старая опасность	80
11. «Русские ведомости». 25 ноября 1912 г. Уголок македонского ада. (От нашего корреспондента). <i>А. Деренталь</i>	83
12. «Новое время». 26 ноября 1912 г. Румынское распутье	85
13. «Русские ведомости». 27 ноября 1912 г. Передовая статья	88

14. «Славянские известия». 2 декабря 1912 г. Румынские аппетиты. <i>В. Кораблев</i>	90
15. «Голос Москвы». 7 декабря 1912 г. Румынский флирт	92
16. «Русское слово». 13 декабря 1912 г. Раздел.	94
17. «Речь». 19 декабря 1912 г. Балканские настроения. (От нашего специального корреспондента). <i>Влад. Виктор</i>	96
18. «Речь». 22 декабря 1912 г. Балканские настроения. (От нашего специального корреспондента). <i>Влад. Виктор</i>	100
19. «Речь». 28 декабря 1912 г. Балканские настроения. (От нашего специального корреспондента). <i>Влад. Виктор</i>	103
20. «Русское слово». 30 декабря 1912 г. Вмешательство	106
21. «Речь». 1 января 1913 г. Балканские настроения. (От нашего специального корреспондента). <i>Влад. Виктор</i>	109
22. «Русские ведомости». 13 января 1913 г. В освобожденной Македонии. (От нашего корреспондента). <i>А. Деренталь</i>	112
23. «Речь». 17 января 1913 г. Война или мир? Греческая точка зрения. <i>П. Милоков</i>	115
24. «Речь». 27 января 1913 г. Война или мир? Македонская точка зрения. <i>П. Милоков</i>	120

25. «Речь». 5 февраля 1913 г. Передовая статья 126
26. «Новое время». 7 февраля 1913 г. Последние минуты. 129
27. «Русские ведомости». 8 февраля 1913 г. По Македонии. Плоды угнетения. *Ст. Вольский*. 131
28. «Славянские известия». 10 февраля 1913 г. Автономная Македония. *Н.Е. Матвеев* 135
29. «Славянские известия». 10 февраля 1913 г. Греко-болгарские отношения. (Из недавних событий). *Н. Сурин* 136
30. «Славянские известия». 24 февраля 1913 г. Как поделят союзники завоеванную территорию?. (Из беседы с дипломатом). *В. Кораблев* 139
31. «Речь». 27 февраля 1913 г. Балканские настроения. (От нашего софийского корреспондента). *Влад. Викторов* 141
32. «Голос Москвы». 3 марта 1913 г. Румыно-болгарский конфликт ...145
33. «Русские ведомости». 3 марта 1913 г. Передовая статья 147
34. «Русское слово». 7 марта 1913 г. Смерть короля Георга 149
35. «Речь». 12 марта 1913 г. Желания и действительность в македонском вопросе. *П. Милоков* 152
36. «Русское слово». 13 марта 1913 г. Новая Болгария. (От нашего софийского корреспондента). *И. Калина* 153
37. «Новое время». 22 марта 1913 г. Болгаро-сербская полемика 157
38. «Русское слово». 3 апреля 1913 г. Раздел 159
39. «Новое время». 4 апреля 1913 г. Еще одна война 162
40. «Голос Москвы». 6 апреля 1913 г. Берегите союз! 165
41. «Русские ведомости». 7 апреля 1913 г. Передовая статья 166
42. «Русское слово». 7 апреля 1913 г. Союзные недоразумения 169
43. «Речь». 8 апреля 1913 г. Распри между союзниками. *П. Милоков*. ... 171
44. «Новое время». 10 апреля 1913 г. Сербы и болгары. 176
45. «Речь». 10 апреля 1913 г. Сербо-болгарская распря. *П. Милоков* ...179
46. «Русское слово». 10 апреля 1913 г. Болгарские русофобы. (От нашего софийского корреспондента). *И. Калина* 185
47. «Русское слово». 10 апреля 1913 г. Этнография Балкан. *В. Михайловский* 187
48. «Русские ведомости». 18 апреля 1913 г. Этнография и македонский вопрос. *А. Максимов* 190
49. «Речь». 19 апреля 1913 г. С театра войны. (От нашего специального корреспондента). *Влад. Викторов*. ... 192
50. «Голос Москвы». 20 апреля 1913 г. Балканский союз 196
51. «Славянские известия». 21 апреля 1913 г. Союзнические отношения. *Н. Сурин*. 197
52. «Новое время». 23 апреля 1913 г. Русское посредничество? 200
53. «Речь». 23 апреля 1913 г. Балканские настроения. (От нашего софийского корреспондента). *Влад. Викторов* 202
54. «Утро России». 24 апреля 1913 г. Болгария и Сербия. (От нашего софийского корреспондента). *Верус* .. 206
55. «Московские ведомости». 30 апреля 1913 г. Россия, Болгария, Сербия. *П. Мансуров*. 208
56. «Новое время». 30 апреля 1913 г. Сербско-болгарский спор 210
57. «Речь». 30 апреля 1913 г. Греко-болгарская распря. *П. Милоков* ...212
58. «Новое время». 3 мая 1913 г. Куцовлахи и болгары 217
59. «Русские ведомости». 4 мая 1913 г. На Мраморном море. (От нашего корреспондента). *А. Деренталь* ... 220
60. «Голос Москвы». 5 мая 1913 г. Необходимость посредничества России. *Н.П. Мамонтов*. 224
61. «Речь». 5 мая 1913 г. Сербские аргументы. *П. Милоков*. 226
62. «Русское слово». 5 мая 1913 г. Европейское вмешательство 232

63. «Славянские известия». 5 мая 1913 г. Балканские письма. <i>К. Бербенко</i> 234	84. «Новое время». 25 мая 1913 г. Балканские народы и их соседи 281
64. «Голос Москвы». 8 мая 1913 г. Сербь в Македонии. <i>Н. П. Мамонтов</i> 235	85. «Речь». 25 мая 1913 г. Передовая статья 283
65. «Утро России». 9 мая 1913 г. Союзники? <i>Верус</i> 237	86. «Новое время». 27 мая 1913 г. Балканский Пьемонт 284
66. «Голос Москвы». 12 мая 1913 г. Опомнитесь.....239	87. «Утро России». 28 мая 1913 г. «В объѣты Австрии»... (От нашего софийского корреспондента). <i>Верус</i> 286
67. «Новое время». 12 мая 1913 г. Греция и Италия 241	88. «Русское слово». 29 мая 1913 г. Болгарская мания величия 289
68. «Голос Москвы». 14 мая 1913 г. Условия русского арбитража 244	89. «Голос Москвы». 30 мая 1913 г. Пред лицом болгаро-сербской войны. <i>Н. П. Мамонтов</i> 291
69. «Русские ведомости». 15 мая 1913 г. Брат на брата. (От нашего корреспондента). <i>А. Деренталь</i> ...245	90. «Утро России». 30 мая 1913 г. Высочайшая телеграмма на имя короля Сербии и царя Болгарии 293
70. «Русское слово». 15 мая 1913 г. Раздел Балкан и Европа 248	91. «Земщина». 30 мая 1913 г. Твердое царское слово 294
71. «Утро России». 15 мая 1913 г. Каиново дело 250	92. «Голос Москвы». 31 мая 1913 г. Высочайшая телеграмма 295
72. «Речь». 16 мая 1913 г. Передовая статья 252	93. «Русское слово». 31 мая 1913 г. Последнее средство 296
73. «Новое время». 17 мая 1913 г. Декларация сербского министра-президента 254	94. «Русские ведомости». 31 мая 1913 г. Передовая статья 298
74. «Земщина». 18 мая 1913 г. Братский спор. <i>С. Глинка</i> 257	95. «Утро России». 31 мая 1913 г. Передовая статья 301
75. «Новое время». 18 мая 1913 г. Австрия и Балканы 259	96. «Земщина». 31 мая 1913 г. Союзники опомнились. <i>С. Глинка</i> 302
76. «Русские ведомости». 18 мая 1913 г. Передовая статья 261	97. «Московские ведомости». 1 июня 1913 г. Своевременное предостережение 303
77. «Речь». 18 мая 1913 г. Редакционная статья 264	98. «Новое время». 1 июня 1913 г. В Европе и на Балканах 306
78. «Московские ведомости». 21 мая 1913 г. Окончание Балканской войны 265	99. «Русское слово». 1 июня 1913 г. Светлые надежды 308
79. «Утро России». 21 мая 1913 г. Козни греков. (От нашего софийского корреспондента). <i>Верус</i> 266	100. «Новое время». 2 июня 1913 г. Россия и балканская война 310
80. «Новое время». 23 мая 1913 г. Накануне преступления. <i>М. Меньшиков</i> 269	101. «Речь». 2 июня 1913 г. Редакционная статья 312
81. «Речь». 23 мая 1913 г. Передовая статья 274	102. «Русское знамя». 2 июня 1913 г. Важный исторический момент. <i>Р-ѳ</i> 313
82. «Утро России». 23 мая 1913 г. Кто победит? (От нашего софийского корреспондента). <i>Верус</i> 277	103. «Новое время». 4 июня 1913 г. Балканские ответы 316
83. «Утро России». 23 мая 1913 г. На пути ко второму миру 279	104. «Русское слово». 4 июня 1913 г. Болгарский ответ 318
	105. «Утро России». 4 июня 1913 г. Ответ без ответа 320

106. «Голос Москвы». 6 июня 1913 г. Балканская опасность 322	131. «Земщина». 29 июня 1913 г. Пора кончить бойню. <i>С. Глинка</i> 366
107. «Утро России». 8 июня 1913 г. «Конь бледный» 324	132. «Новое время». 29 июня 1913 г. Румынское вторжение 367
108. «Русские ведомости». 12 июня 1913 г. Передовая статья 326	133. «Новое время». 29 июня 1913 г. Ураган растет. <i>М. Меньшиков</i> 369
109. «Речь». 12 июня 1913 г. Передо- вая статья 328	134. «Русские ведомости». 29 июня 1913 г. Передовая статья 375
110. «Речь». 14 июня 1913 г. Балканские настроения. <i>Влад. Виктор</i> ов 330	135. «Утро России». 29 июня 1913 г. Горе Болгарии 376
111. «Утро России». 14 июня 1913 г. Первая кровь 335	136. «Речь». 30 июня 1913 г. <i>Fides</i> <i>ripis. Максим Ковалевский</i> 377
112. «Голос Москвы». 15 июня 1913 г. Накануне балканской войны 336	137. «Славянские известия». 30 июня 1913 г. Брат на брата. <i>В. Кораблев</i> ..379
113. «Русские ведомости». 19 июня 1913 г. Передовая статья 337	138. «Русские ведомости». 2 июля 1913 г. Балканский арбитраж. <i>Asper</i> 381
114. «Утро России». 19 июня 1913 г. В Петербург! 339	139. «Русское слово». 2 июля 1913 г. Румынское вмешательство 383
115. «Новое время». 20 июня 1913 г. Последние минуты 341	140. «Речь». 3 июля 1913 г. Положение на Балканах 386
116. «Речь». 21 июня 1913 г. Редакци- онная статья 343	141. «Утро России». 3 июля 1913 г. Дело царя Фердинанда.....387
117. «Утро России». 21 июня 1913 г. Дело Каина 345	142. «Земщина». 4 июля 1913 г. Разъ- яснение спора. <i>С. Глинка</i> 389
118. «Земщина». 22 июня 1913 г. Голос крови 346	143. «Новое время». 4 июля 1913 г. Довольно драки! <i>М. Меньшиков</i> ...391
119. «Утро России». 22 июня 1913 г. Славянская мечта. <i>И. Ланте</i> в.....347	144. «Московские ведомости». 5 июля 1913 г. Позор и горе. <i>Врач Влади-</i> <i>мир Клевезаль</i> 396
120. «Голос Москвы». 23 июня 1913 г. Накануне европейских осложне- ний 349	145. «Речь». 5 июля 1913 г. Новая бал- канская война. <i>В. Плеть</i> нев.....398
121. «Голос Москвы». 23 июня 1913 г. Румыния и Россия. <i>Н. П. Мамон</i> тов 350	146. «Новое время». 6 июля 1913 г. Печальные возможности 401
122. «Русское слово». 23 июня 1913 г. Разбитое корыто 352	147. «Речь». 6 июля 1913 г. Диплома- тия и балканский кризис 403
124. «Земщина». 26 июня 1913 г. Новая угроза. <i>С. Глинка</i> 356	148. «Московские ведомости». 7 июля 1913 г. Накануне заключения мира 406
125. «Русское слово». 26 июня 1913 г. Балканское безумие 357	149. «Новое время». 7 июля 1913 г. Балканская гегемония 408
126. «Московские ведомости». 27 июня 1913 г. Борьба союзников 358	150. «Речь». 7 июля 1913 г. Передовая статья 410
127. «Русское знамя». 27 июня 1913 г. Передовая статья 360	151. «Русское слово». 9 июля 1913 г. Адрианополи и Турция. 412
128. «Утро России». 27 июня 1913 г. Братская помощь 361	152. «Земщина». 10 июля 1913 г. Еще что выдумали. <i>С. Глинка</i> 413
129. «Голос Москвы». 28 июня 1913 г. Румыния в балканском споре 363	153. «Киевская мысль». 10 июля 1913 г. Организаторы катастрофы. <i>Антид Ото</i> 415
130. «Русские ведомости». 28 июня 1913 г. Ослепление. <i>Юр. Лиги</i> н 364	

154. «Земщина». 11 июля 1913 г. Воинственный зуд. <i>С. Глинка</i>	419	174. «Речь». 27 июля 1913 г. Передовая статья	462
155. «Московские ведомости». 11 июля 1913 г. Славянская идея. (Письмо к издателю). <i>Ел. де-Вутте</i>	421	175. «Русское слово». 27 июля 1913 г. Худой мир.	464
156. «Утро России». 11 июля 1913 г. Триумф цинизма	424	176. «Голос Москвы». 28 июля 1913 г. К пересмотру Бухарестского трактата	466
157. «Голос Москвы». 12 июля 1913 г. Предел терпения!	426	177. «Киевская мысль». 28 июля 1913 г. Бухарестский мир. <i>Антид Ото</i>	468
158. «Утро России». 12 июля 1913 г. Европа против Турции	428	178. «Русские ведомости». 30 июля 1913 г. Передовая статья	473
159. «Московские ведомости». 13 июля 1913 г. Балканская горячка	429	179. «Речь». 30 июля 1913 г. Передовая статья	475
160. «Голос Москвы». 14 июля 1913 г. Начало конца	431	180. «Русское знамя». 30 июля 1913 г. Непрочный мир	477
161. «Голос Москвы». 16 июля 1913 г. Греческая вакханалия. (От нашего корреспондента). <i>В. Ф. В-н</i>	433	181. «Новое время». 31 июля 1913 г. Ничему не научились	479
162. «Московские ведомости». 16 июля 1913 г. Возрождение варварства	435	182. «Речь». 1 августа 1913 г. Горе побежденным	481
163. «Русское знамя». 16 июля 1913 г. Война между братьями	437	183. «Речь». 2 августа 1913 г. Передовая статья	484
164. «Русские ведомости». 17 июля 1913 г. Передовая статья	439	184. «Новое время». 3 августа 1913 г. Кто кому должен. <i>М. Меньшиков</i>	486
165. «Утро России». 17 июля 1913 г. Россия и Сербия. Статья ген.-лейт. Е. И. Мартынова.	442	185. «Речь». 3 августа 1913 г. От Портсмута до Бухареста. (От нашего парижского корреспондента). <i>Д.</i>	491
166. «Русское знамя». 21 июля 1913 г. У соседей. Болгария	445	186. «Земщина». 6 августа 1913 г. Опасная игра. <i>С. Глинка</i>	493
167. «Мусульманская газета». 23 июля 1913 г. «Адрианополь или смерть». <i>Саид Габиев</i>	446	187. «Русские ведомости». 6 августа 1913 г. Торжество победителей. (От нашего корреспондента). <i>А. Деренталь</i>	495
168. «Утро России». 23 июля 1913 г. Бухарест и Австрия	451	188. «Русское знамя». 6 августа 1913 г. Роковая ошибка. <i>Квис</i>	498
169. «Русское слово». 25 июля 1913 г. «Встреча» московского отряда в Болгарии	452	189. «Голос Москвы». 8 августа 1913 г. Болгария и новый балканский союз.	500
170. «Русские ведомости». 26 июля 1913 г. Передовая статья	454	190. «Утро России». 9 августа 1913 г. Цена Адрианополя.	501
171. «Речь». 26 июля 1913 г. Передовая статья	456	191. «Московские ведомости». 10 августа 1913 г. Балканы после мирного договора.	503
172. «Утро России». 26 июля 1913 г. Мир без примирения	458	192. «Русское знамя». 10 августа 1913 г. К характеристике балканских славян. <i>Г-в</i>	505
173. «Московские ведомости». 27 июля 1913 г. Мирная конференция в Букуреште	460	193. «Славянские известия». 11 августа. 1913 г. Балканские письма. <i>К. Бербенко</i>	506

194. «Славянские известия». 11 августа 1913 г. Итоги балканской войны. <i>В. Кораблев</i>	507	199. «Русские ведомости». 28 августа 1913 г. Софийские настроения. (От нашего корреспондента). <i>А. Деренталь</i>	522
195. «Земщина». 14 августа 1913 г. Назойливые требования. <i>С. Глинка</i>	511	200. «Русское слово». 29 августа 1913 г. Идеиное убожество. <i>Г. Петров</i>	525
196. «Новое время». 14 августа 1913 г. Независимая Македония?	513	201. «Русские ведомости». 20 сентября 1913 г. Балканские перспективы. <i>С. Котляревский</i>	528
197. «Русское слово». 15 августа 1913 г. Еще одна сербская победа	517	Именной указатель	530
198. «Речь». 23 августа 1913 г. Немножко справедливости. <i>В. Богучарский</i>	520	Географический указатель	536
		Источники иллюстраций	539
		Abstract	541

ВВЕДЕНИЕ

Связь России с Балканами уходит в глубь веков — достаточно вспомнить походы князя Святослава в X в., не говоря уже о культурных и церковных связях с православными народами полуострова, которые не прерывались даже в самые темные для православия и России времена. Но фактически до XVIII в. представления о Балканах были весьма смутными и черпались в основном из двух источников. Первым были приезжие церковные деятели, привозившие из обителей в дар древние рукописи, а увозившие пожертвования московских государей. Вторым же являлись беглецы из рабства, попавшие в крымский плен, а затем оказавшиеся на широких просторах Османской империи. Первых встречали с радостью, но опаской, вторых же и вовсе рассматривали как потенциальных вероотступников, а потому и верили им с большими оговорками. Со временем к ним добавились дипломаты, с конца XV в. периодически навещавшиеся в Константинополь для переговоров с султаном. Впрочем, у российского государства тогда не было ни потребностей, ни возможностей для активной политики на полуострове. Все изменилось с Петром I, мыслившим об интересах страны в глобальном масштабе. Его действия на южном стратегическом направлении — это не только Азовские походы, но и основание в 1702 г. первого постоянного дипломатического представительства России в Османской империи.

Первым проявлением новой политики России на Балканах стал Прутский поход 1711 г. Именно тогда Петр I открыто объявил об освобождении православных и славянских народов полуострова как о цели войны. «И сего года весною намерение имеем, дабы не токмо возмощи нам противу неприятеля-бусурмана с воинством наступати, но и сильным оружием в средину владательства его входим и утесненных православных христиан, аще бог допустит, от поганскаго его ига освободить», — гласил царский манифест, обращенный к народам Балкан¹. Эти планы сложно назвать глубоко продуманными, и, несмотря на заверения от черногорцев и жителей Дунайских

¹ Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1962. Т. 11. Вып. 1. С. 117–119.

княжеств, помощь войску Петра была оказана незначительная, а сам поход окончился унижительным поражением. Тем не менее, если окно на Балканы и не удалось прорубить, то была сделана щель, которая под давлением с обеих сторон стала стремительно расширяться. Уже в 1715 г. в Россию прибыл духовный и светский владыка Черногории Данила Петрович-Негош с просьбой о протекторате и регулярной субсидии, на что получил согласие. Через несколько лет царский указ положил начало целенаправленной политике привлечения южных славян для заселения новых территорий империи.

В последовавшие десятилетия намеченная политика в регионе успехов не имела, лишь при Екатерине II она вышла на новый уровень. И уже в январе 1769 г. после начала войны с Турцией российская императрица в манифесте обратилась к «страждущим в турецком порабощении единоверным нам народам» с призывом воспользоваться войной «ко свержению ига и ко приведению себя по прежнему в независимость»¹. В ходе войны 1768–1774 гг. большое количество южных славян и греков сражалось в рядах российской армии, а сама она впервые не только вышла к Дунаю, но и переправилась через него. И уже на территории современной Болгарии был заключен Кючук-Кайнарджийский мир. Его условия положили начало превращению России в официального защитника православных народов Балкан. Последовавшая вскоре очередная война с Турцией 1787–1791 гг. закрепила позиции России на Черноморье и Балканах и позволила ей перейти к следующему этапу освобождения славян.

Османская империя тем временем переживала свой закат. В проблему превратилась в том числе и вчерашняя гордость султана — корпус янычар, утративший свое значение, но не желавший терять свои привилегии. Именно в ответ на захват янычарами власти в Белградском пашалыке и устроенный ими террор в отношении мирного населения местные сербы в 1804 г. подняли восстание. В первых числах февраля своим главой повстанческие старшины избрали Георгия Петровича, вошедшего в историю под именем Карагеоргий. Он, как и многие участники движения, имел боевой опыт, приобретенный на стороне Австрии в ее войне с Турцией. Это вкупе с широкой поддержкой населения привело к успехам восстания — уже к середине марта 1804 г. были освобождены 9 из 12 нахий (округов) пашалыка, турецким гарнизонам удалось удержаться в крепостях, в том числе и самом Белграде. На начальном этапе повстанцы требовали фактически лишь соблюдения своих законных прав — ограниченной автономии, установленной султанскими фирманами (указами) в 1791–1793 гг. Однако размах восстания вызвал опасения в Константинополе, и в регион направили войска, которые были разбиты сербами, и конфликт перерос в национально-освободительный. Несмотря на победы, отнюдь не радужные перспективы повстанцев были очевидны, и они стали

¹ *Каширин В. Б.* Освободитель Бухареста: тайный эмиссар Екатерины II подполковник Назар Каразин (1731–1783). М., 2022. С. 193–194.

искать опору среди великих держав, но действенной поддержки не находили — Европа переживала эпоху наполеоновских войн.

Для России в этот момент главным направлением внешней политики являлось противодействие распространению влияния наполеоновской Франции, в орбиту которого попала и Османская империя. В 1806 г. началась очередная русско-турецкая война, целью которой было в первую очередь решение вопроса о Дунайских княжествах, а не о положении сербов. Тем не менее, последним уделялось значительное внимание. В Сербию прибыл российский военный отряд, действовавший совместно с повстанцами, а затем и представитель дипломатического ведомства К. К. Родофиникин, который должен был удовлетворить просьбу сербов о содействии в организации внутреннего управления. Война затягивалась, поскольку ее ход и выделяемые на нее силы и средства зависели от более масштабного конфликта в Европе, войска неоднократно переходили Дунай, одерживали победы и поражения, но возвращались на зимовку на левый берег реки. Перелом наступил с назначением командующим армией М. И. Кутузова. В 1811 г. он сумел близ Рущука (ныне — Русе) заманить турецкую армию в ловушку и окружить ее. Султан прислал парламентариев для переговоров о мире, но они затягивались и продолжались в Бухаресте до мая 1812 г. В итоге граница России отодвигалась до реки Прут, сербы же получали автономию. Впрочем, она просуществовала недолго. Пользуясь тем, что Россия была занята борьбой с Наполеоном, осенью 1813 г. османские власти направили в Сербию войска и жестоко расправились с местным населением. Большинство лидеров восстания бежало в Австрию. Но уже вскоре началось Второе сербское восстание 1815–1817 гг., результатом которого и стала фактическая автономия Сербии.

Процесс пробуждения балканских народов набирал обороты. Уже в 1821 г. генерал русской службы, грек по происхождению и сын господаря Молдавии и Валахии А. Ипсиланти поднял восстание в Дунайских княжествах, стремясь затем с боем пробиться на свою историческую родину и освободить ее. В Петербурге о его инициативе не знали и не поддерживали ее. Авантюра провалилась, лидер повстанцев бежал в Австрию, где был задержан, и умер в Вене в 1828 г. Но этого оказалось достаточно, чтобы спровоцировать сход лавины греческой национальной революции. 25 марта¹ 1821 г. началось скоординированное восстание на Пелопоннесе, затем распространившееся и на другие части Греции. Ответом стали турецкие репрессии, жертвой которых стал и 80-летний Константинопольский патриарх Григорий V.

Победы «законных наследников Гомера и Фемистокла», как их охарактеризовал А. С. Пушкин, вызвали в Европе, и России в том числе, осязаемую волну сочувствия. Однако помощь выразилась лишь в сборе пожертвований и проектах дипломатического урегулирования конфликта, поскольку

¹ В тексте приводятся даты по юлианскому календарю (старому стилю), для важнейших событий в скобках даты продублированы и по григорианскому.

для России новое столкновение с Османской империей в условиях незалеченных ран Отечественной войны не могло внушать оптимизма. Англия же предприняла более действенные шаги, поддержав повстанцев на государственном уровне, чем упрочила свое влияние в стране. После некоторого затишья армия султана начала планомерно наносить поражения грекам и осуществлять террор в отношении населения, вызвав новую волну филэллинских чувств. Результатом ее стало англо-франко-русское сближение, которое воплотилось 8 октября 1827 г. в совместном разгроме турецкой эскадры в Наваринской бухте.

Султан потребовал извинений и возмещения ущерба, на что великие державы пойти не могли, и разорвали дипломатические отношения с Константинополем, а вскоре Высокая Порта, как церемониально именовали правительство Османской империи, объявила России войну. После побед И. И. Дибича, взявшего Адрианополь (ныне — Эдирне) и остановившегося в нескольких переходах от Константинополя, и И. Ф. Паскевича, подошедшего к Трапезунду (Трабзону), Порта запросила мира, который был подписан в 1829 г. в Адрианополе. Помимо достижения собственных целей, Россия в нем оговорила автономию разной степени для Дунайских княжеств, Сербии и Греции. Через год великие державы подписали Лондонский протокол, признавший независимость греков, хотя и на весьма ограниченной территории.

Через два с лишним десятилетия Россия вновь двинула свою армию на Балканы — началась трагическая для нее Крымская война. Однако на первых порах будущее рисовалось более радужно. Представители болгарской диаспоры в России сообщали руководству страны, что стоит армии лишь подойти к болгарским землям, как там вспыхнет антитурецкое восстание. Действительность же оказалась совершенно иной — местное население проявляло пассивность. Сербское правительство под австрийским и османским давлением заняло позицию нейтралитета. Определенные надежды возлагались на черногорцев и жителей Герцеговины, уверявших российского эмиссара Е. П. Ковалевского в скором восстании. И оно действительно вспыхнуло, но носило весьма ограниченный характер, не только в силу настроений местного населения, но и откровенных угроз Австрии. После же отвода русских войск из Дунайских княжеств и очевидной бесперспективности надежд на соединение с ними повстанцев, вопрос о масштабном антитурецком восстании отпал. По итогам Крымской войны на самих Балканах формальных изменений не произошло, но были заложены условия для произошедшего вскоре объединения Молдавии и Валахии.

В последовавшие десятилетия шли менее очевидные, но более значимые процессы. Сербия и Черногория, пользуясь фактической независимостью, формировали государственный аппарат, а в Болгарии перешел в активную фазу процесс борьбы за национальную независимость. Важной его вехой стало учреждение в 1870 г. фирманом султана Болгарского

экзархата — национальной церкви, не подчинявшейся Константинопольскому патриархату.

В 1875 г. Балканы вновь запылали. Вспыхнуло восстание в Герцеговине, перекинувшееся и на Боснию. Турецкие войска безуспешно пытались его потушить, а тем временем в апреле 1876 г. началось вооруженное выступление в Болгарии. Несмотря на длительную подготовку, оно оказалось менее успешным, и вскоре турки подавили его, утопив страну в крови. Жестокость расправы над мирным населением вызвала возмущение в европейских странах. Для расследования событий на Балканы была направлена специальная комиссия, в состав которой входил российский дипломат А. Н. Церетелев. Собранный им список жертв и разоренных сел был опубликован в российском «Правительственном вестнике». Общественное мнение в России требовало защитить болгар, активно выступали за это Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, И. Е. Репин, В. М. Гаршин, В. Д. Поленов, К. Е. Маковский и многие другие. И в этой взвинченной обстановке Великого восточного кризиса началась сербско-турецкая война, в которой приняло участие около пяти тысяч русских добровольцев, в том числе и возглавивший сербскую армию «лев Ташкента» генерал М. Г. Черняев. Но изменить ситуации они не смогли, и лишь угрозы Петербурга остановили Порту от того, чтобы завершить войну разгромом Сербии.

Переговоры дипломатов не привели к изменению в статусе балканских народов, сосредоточенная в Бессарабии, но бездействующая армия лежала тяжелым бременем на государственных финансах, общественное мнение давило на императора Александра II. 12 апреля 1877 г. в Кишиневе он подписал манифест об объявлении войны: «Всем Нашим любезным верноподданным известно то живое участие, которое мы всегда принимали в судьбах угнетенного христианского населения Турции. Желание улучшить и обеспечить положение его разделял с нами и весь русский народ, ныне выражающий готовность свою на новые жертвы для облегчения участи христиан Балканского полуострова <...> Исчерпав до конца миролюбие наше, мы вынуждены выскомерным упорством Порты приступить к действиям более решительным. Того требуют и чувство справедливости, и чувство собственного нашего достоинства. Турция, отказом своим, поставляет нас в необходимость обратиться к силе оружия»¹.

История последней победоносной войны Российской империи хорошо известна, осада Плевны и оборона Шипки, генералы Гурко и Скобелев знакомы многим не только по учебникам, но и по художественной литературе и кинематографу. Заключенный 19 февраля (3 марта) 1878 г. Сан-Стефанский предварительный (прелиминарный) мирный договор, казалось, завершил миссию России по освобождению балканских православных народов.

¹ Полный сборник официальных телеграмм Восточной войны 1877 г. Вып. 1. С 11 апреля по 15 декабря 1877 г. включительно. СПб., 1877. С. 1–2.

Однако его условия подверглись значительной ревизии на Берлинском конгрессе великих держав. Сербия, Черногория и Румыния обрели независимость, но Босния и Герцеговина оказались под оккупацией Австро-Венгрии, судьба Болгарии оказалась еще трагичнее. Ее разделили на три части — Македония возвращалась в состав Османской империи, правда, с обязательством проведения в ней реформ, северная часть страны провозглашалась вассальным княжеством, южная — автономией. В положениях Берлинского трактата 1878 г. были заложены корни будущих конфликтов — обеих Балканских войн и сербско-австрийского противостояния, ставшего поводом для Первой мировой войны.

Несмотря на то, что пункты Сан-Стефанского договора о Болгарии фактически были полностью пересмотрены, трактат сыграл важную роль в истории страны. Именно границы, обозначенные в соглашении российским послом в Константинополе графом Н. П. Игнатьевым, стали для болгар программой национального расширения.

Первым шагом по ее реализации стало объединение 6 сентября 1885 г. вассального княжества Болгарии с автономной Восточной Румелией. В Петербурге негативно оценили этот шаг и отзывали всех русских офицеров, служивших в болгарской армии. Ситуацией решил воспользоваться сербский князь Милан, уже в ноябре объявивший Болгарии войну, но армия молодого княжества нанесла ему сокрушительное поражение в битве при Сливнице. Объединение формально состоялось на условиях личной унии — болгарский князь становился генерал-губернатором Восточной Румелии. Следующей на очереди стояла Македония, превратившаяся в арену борьбы соседних народов.

Население Македонии в последние десятилетия XIX в. превратилось в объект национальной пропаганды — болгары, сербы и греки создавали школы для воспитания детей в нужной национальной ориентации, боролись за обладание церквями и церковными кафедрами, прибегали и к открытому террору руками различных чет — иррегулярных вооруженных отрядов. И именно их деятельности мы обязаны появлению выражения «стрельба по македонски».

Сербы обратили свое внимание на Македонию всерьез после объединения Болгарии и Восточной Румелии, поняв, что регион может быть полностью утрачен. Долю этих территорий, в первую очередь окрестности Скопье, наряду с Косовом воспринимали как части «Старой Сербии». Именно Скопье являлось столицей Стефана Душана, при котором средневековое сербское королевство достигло зенита своего могущества, а «Царство Душана не дает сербам спать», как отмечал русский очевидец еще в 1880 г.¹ В другом македонском городе, Прилепе, находилась столица Марко Мрнявчевича — широко известного героя сербского эпоса Королевича Марко.

¹ Кулаковский П. А. Письма Ап. А. Майкову // Русские о Сербии и сербах. Том II (архивные свидетельства) / сост. А. Л. Шемякин. М., 2014. С. 183.

Для болгар эти земли также являлись частью их средневекового государства — Первого болгарского царства. Однако помимо исторических аргументов они выдвигали этнографические, поскольку небезосновательно считали территорию Македонии населенной своими соплеменниками, а выходцы из нее к тому же играли значительную роль в жизни самого княжества. Главным легальным организующим началом болгарского влияния являлся Болгарский экзархат. Одним из основных аргументов Софии в пользу своих прав было то, что местное население в основном выбирало именно экзархистские церкви. На этом поле их основными соперниками выступали греки.

Они именовали местное население «болгароговорящими» или «славяноговорящими» греками и посредством церкви вели агрессивную ассимиляторскую политику, от которой пострадало в том числе и немало древних славянских рукописей. Инструментами этой политики служили и прямой подкуп местного населения, и содействие турецких властей в давлении на сторонников экзархистов.

Все стороны конфликта активно апеллировали к европейскому общественному мнению, публиковали многочисленные пропагандистские работы о том, кому должно достаться географическое сердце Балкан. Вдобавок на рубеже XIX и XX в. на сцену вышли и те жители Македонии, которые объявили о существовании отдельной македонской нации и начали активную пропаганду этой идеи. Их деятельность проходила главным образом в России, но широкого отклика не встретила.

Активность болгар, сербов и греков вкупе с нередким конформизмом местного населения рождала курьезные ситуации, когда родные братья официально считались представителями разных национальностей. Не давали четкого ответа и противоречивые донесения российских консулов в регионе, которые, однако, редко становились достоянием общественности. Последняя же опиралась в основном на свидетельства русских путешественников. Большая часть из них склонялась к тому, что местное население по преимуществу — болгарское, но многие, признавая его славянским, считали, что оно не имеет четкой национальной идентичности. Потому к болгаро-сербскому противостоянию демонстрировалось различное отношение, а к претензиям греков — сугубо негативное.

Сама Македония в то время была полна вооруженных отрядов сторонников Болгарии, Греции, Сербии, которые сражались зачастую не с турецкими властями, а между собой, и выступали инструментом террора по отношению к мирному населению, заявлявшему о своей иной национальной принадлежности. Наибольший размах имело болгарское вооруженное движение. В 1893 г. в Салониках была основана Внутренняя македонско-одринская¹ революционная организация (ВМОРО), в 1895 г. в Софии — Верховный македонско-одринский комитет (ВМОК). Обе конкурирующие структуры

¹ Одрин — славянское название города Адрианополя (ныне — Эдирне).

организовывали вооруженную борьбу против турецких властей в Македонии, в итоге стремясь вынудить великие державы надавить на Османскую империю из-за непрекращающихся террористических актов и насилия властей. В 1902 г. четы ВМОК подняли восстание в Пиринской части региона, получившее название Горноджумайское, однако оно не распространилось и было легко и жестоко подавлено турецкими властями. На следующий год ВМОРО готовила собственную акцию, целью которой являлась длительная дестабилизация ситуации — поддержание тлеющего огня, не позволяющего великим державам забыть о регионе. 20 июля в день св. Ильи восстание вспыхнуло в Македонии, оно локализовывалось в недоступных горных районах. 6 августа в праздник Преображения Господня четники начали боевые действия в Адрианопольском вилайете. Данные события, вошедшие в историю как Ильинденское или Ильинденско-Преображенское восстание, широко освещались в мировой прессе, но повстанцы быстро потерпели поражение от регулярных войск. Турецкие власти ответили террором по отношению к местному населению, и великим державам пришлось вмешаться.

В октябре 1903 г. в штирийском замке Мюрцштег императоры Австро-Венгрии и России Франц Иосиф и Николай II пришли к соглашению о совместном российско-австрийском контроле над ситуацией в этой балканской области. Оно воплотилось в тождественной инструкции послам обоих государств в Константинополе и вошло в историю как Мюрцштегская программа реформ. Ею предусматривалось предъявление турецкому правительству ряда требований: назначение при турецком главном инспекторе Македонии особых «гражданских агентов» от России и Австро-Венгрии, обязанностью которых должно было быть наблюдение за выполнением предусмотренных 23-й статьей Берлинского трактата реформ; реорганизация турецкой жандармерии под руководством иностранного генерала; изменение границ административных единиц на Балканах «в видах более правильной группировки отдельных народностей»; преобразование административных и судебных учреждений с привлечением в них представителей христианского населения и т. д.

Султан Абдул-Хамид II под давлением Вены и Петербурга был вынужден принять совместные русско-австрийские требования, однако затем турки сделали все для того, чтобы саботировать осуществление этого проекта реформ. Формально он был свернут после младотурецкой революции 1908 г. Она провозглашала равенство подданных империи, легализовывала деятельность всех политических и общественных организаций Македонии. Однако эйфория быстро прошла — вскоре стало ясно, что новое правительство, сформированное младотурецким комитетом «Единение и прогресс», не готово к решительному переустройству империи на основе равноправия национальностей и предоставления автономии национальным меньшинствам. Вслед за Аданской резней армян 1909 г. младотурки взялись за Балканский полуостров: в 1910 г. в силу вступил закон, направленный против свободы деятельности политических союзов, что повлекло за собой возврат

к нелегальным формам борьбы со стороны Болгарии, Сербии и Греции. Тогда же была проведена широкомасштабная акция по изъятию оружия у жителей европейских вилайетов, сопровождавшаяся насилием над христианским населением.

Однако младотурецкая революция оказалась лишь началом череды исторических потрясений на Балканах в 1908 г. 22 сентября того года о своей независимости объявила Болгария. На следующий день Австро-Венгрия вывела войска из Новопазарского санджака и аннексировала Боснию и Герцеговину, еще через день Греция заявила о присоединении Крита. Решения Берлинского конгресса были дезавуированы. В Белграде болезненно отреагировали на юридическое закрепление власти Вены над их соплеменниками, что окончательно испортило отношения между странами. Но пострадали и сербско-болгарские отношения. Синхронность действий Софии и Вены рождала подозрения в их сговоре, и болгарским политикам постоянно приходилось это отрицать, прежде всего, перед сербами. К тому же для Белграда стало очевидным, что присоединение населенных соплеменниками Боснии и Герцеговины откладывается надолго и необходимо менять вектор внешней политики, и более пристальные взоры обратились на Адриатическое побережье Албании и Македонию.

Для Болгарии объявить о независимости было мало — требовалось признание этого факта великими державами. Османская империя, понимая, что возможности наказать строптивого вассала нет, ограничилась предъявлением финансовых требований, в несколько раз превышающих годовой бюджет Болгарии. Переговоры затягивались, и сопровождалась бряцанием оружием, тогда Россия выдвинула собственную программу урегулирования вопроса. Впятеро уменьшенную компенсацию официальный Петербург брал на себя, эти средства шли в зачет турецкого военного долга, сохранившегося с русско-турецкой войны 1877–1878 гг., официальной Софии же предоставлялся на 75 лет льготный кредит. Лишь после этого в 1909 г. были подписаны все протоколы, согласно которым Болгария официально признавалась независимой.

Таким образом, путь, который к концу первого десятилетия XX в. Россия прошла на Балканах, давал ей право предполагать, что ее мнение будет братьсся в расчет православными государствами полуострова. К тому же с Болгарией в 1902 г. была подписана военная конвенция, Черногория существовала во многом за счет российских субсидий, а в Белграде с 1903 г. пришли к власти силы, открыто заявлявшие о своей ориентации на Россию. В Петербурге, как и в остальных европейских столицах, в это время готовились к масштабной войне, а потому надеялись не только на сохранение мира на Балканах, но и на формирование там союза дружественных ей государств.

Боснийский кризис 1908–1909 гг. в России назвали «дипломатической Цусимой» — Петербургу не удалось ни добиться желаемого изменения режима черноморских проливов, ни воспрепятствовать австро-венгерской

аннексии. Оставшись без поддержки со стороны партнеров по Антанте — Англии и Франции, России пришлось признать новые границы империи Габсбургов. Отношения с Веной окончательно испортились. После аннексии Боснии российская дипломатия стала прилагать немалые усилия для объединения балканских государств в единый блок на антиавстрийской основе. Балканский союз рассматривался в Петербурге как орудие не столько против Турции, с которой русская дипломатия не теряла надежды достичь сепаратного соглашения по проливам, сколько против Австро-Венгрии и Германии. Балканский союз, по мысли глав МИД А. П. Извольского и С. Д. Сазонова, должен был стать плотиной, преграждающей дальнейшую экспансию Вены и Берлина в направлении Эгейского моря.

Российский посол в Константинополе Н. В. Чарыков даже предполагал привлечь к участию в формирувавшемся Балканском союзе Турцию. Включение ее в Балканский союз рассматривалось российскими дипломатами как обходной путь к сближению России с Портой, которое могло привести к достижению двусторонней русско-турецкой договоренности об изменении статуса проливов в выгодном для России направлении. Это могло бы усилить позиции России на берегах Босфора, парализовав влияние Германии на всем Ближнем Востоке. Однако реализовать союз балканских стран в таком виде российской дипломатии не удалось. Из православных стран полуострова только Сербия и Черногория были заинтересованы в антиавстрийской направленности союза. Что касается Греции и Болгарии, то они не имели счетов с Австро-Венгрией. Завершить же дело национального объединения всех болгар и эллинов они могли не в союзе с Турцией, а только в союзе против нее.

К тому же само младотурецкое правительство прохладно отнеслось к плану российской дипломатии. После подписания австро-турецкого соглашения в феврале 1909 г., урегулировавшего конфликт между обеими странами из-за аннексии австрийцами Боснии и Герцеговины, младотурецкий комитет «Единение и прогресс» все активнее сближался с Берлином и Веной. В конце 1909 г. официальный представитель Константинополя в Берлине Осман Низами-паша предложил министру иностранных дел Австро-Венгрии А. Эрентало заключить союз между империей Габсбургов, Османской империей и Румынией. Такой поворот Порты к активному сотрудничеству с державой, только что аннексировавшей территории, формально остававшиеся после Берлинского конгресса под суверенитетом султана, не был удивительным. Ведь, как отмечает канадский историк македонского происхождения Э. Россос, «венское правительство было наиболее последовательным и твердым противником идеи Балканского союза и, поэтому, лучшим защитником Турции против балканских наций, чьи хорошо известные территориальные притязания угрожали территориальной целостности Османской империи в Европе»¹.

¹ Rossos A. Russia and the Balkans. Inter-Balkan Rivalries and Russian Foreign Policy. 1908–1914. Toronto, 1981. P. 15.

Достижение договоренности между Болгарией, Сербией, Грецией и Черногорией оказалось нелегкой задачей — их притязания зачастую распростирались на одни и те же территории. В 1911 г. ход переговоров ускорился. ВМОРО организовала в г. Штипе теракт, на который местное турецкое население ответило резней болгар. Болгарская печать взяла повышенный тон и стала нагнетать воинственные настроения. Захват итальянцами Ливии в ходе итало-турецкой войны 1911–1912 гг., а также начавшееся весной 1911 г. албанское восстание, вскоре охватившее сразу четыре турецких вилайета (Скутарийский, Янинский, Битольский и Косовский), лишний раз продемонстрировали слабость Османской империи и связали ее армию. Эти события подстегнули переговоры бывших вассалов султана для заключения наступательного военного союза. Однако Балканский полуостров оказался слишком мал для того, чтобы удовлетворить территориальные притязания населявших его народов.

В октябре 1911 г. на секретных переговорах в Белграде министра иностранных дел Сербии М. Миловановича и главы болгарского кабинета И. Гешова была достигнута принципиальная договоренность о заключении политического и военного альянса между Сербией и Болгарией. 29 февраля (13 марта) 1912 г. между двумя странами был подписан секретный союзный договор. Он предусматривал совместное выступление против Турции с целью завоевания и раздела Македонии, а также взаимную помощь и совместные действия в случае, если какая-либо «великая держава» (под ней подразумевалась Австро-Венгрия) попытается захватить балканские территории Османской империи. Это обеспечивало Сербии помощь болгарской армии в случае австрийского вторжения в Новопазарский санджак, разделявший территории Сербии и Черногории и представлявший собой единственно возможный для австрийцев путь движения на Салоники. Будущие приобретения делились следующим образом. Сербскими признавались земли к северу и западу от Шар-Планины, болгарскими — к востоку от Родопских гор и Струмы. Относительно же Македонии условились, что территории к востоку от линии Крива-Паланка — Охридское озеро перейдут Болгарии, оставшиеся земли (т. н. «спорная зона») будут разделены при арбитраже русского императора.

Сербо-болгарский союзный договор был дополнен военной конвенцией от 29 апреля (12 мая) 1912 г., в которой определялись конкретные военные меры на случай войны с Турцией. 16 (29) мая 1912 г. к Балканскому союзу присоединилась Греция: правительство Э. Венизелоса, которого современники именовали «хитроумным Улиссом», подписало с Болгарией союзный договор, причем границы сфер влияния двух государств в Македонии и Фракии не наметили даже приблизительно, что в дальнейшем привело к конфликту между Софией и Афинами. В сентябре 1912 г. было достигнуто устное болгаро-черногорское соглашение о совместном выступлении против Турции. Возникла система двусторонних соглашений, названная

Балканским союзом. В дальнейшем такую дипломатическую подготовку будут ставить в вину болгарскому руководству: во-первых, страна отступила от одного из краеугольных камней своей политики — сохранения целостности Македонии, во-вторых, условия союзных договоров не решали конфликт между странами, а замораживали его, и с самого начала Балканский союз создавался на шаткой основе, под которую его создатели заложили мину замедленного действия.

19 июля в г. Кочанах произошел новый теракт, организованный ВМОРО, и последовала новая резня. Общественное мнение балканских государств стало открыто требовать войны, правительства начали мобилизацию, встреченную населением с восторгом. По словам русских очевидцев, мобилизованные «стекались как на свадьбу». Жившие за границей болгары, сербы, черногорцы, греки срочно ехали домой, чтобы вступить в армию и отправиться биться против вековых угнетателей.

«Европейский концерт», как именовали великие державы, постарался предотвратить самостоятельный передел карты небольшими балканскими государствами. Последней попыткой дипломатического нажима стало совместное заявление, сообщенное от имени шести великих держав российскими и австро-венгерскими представителями властям в Софии, Белграде, Цетинье и Афинах. Бурлящим странам в очередной раз обещали реализацию статьи Берлинского трактата о проведении реформ в Македонии и предупреждали, что изменение территориального status quo Европейской Турции не будет допущено¹. Но не для того раскручивался маховик военной машины на Балканах. Направляя в Константинополь ноту с требованием скорейших реформ в Македонии под их контролем, страны-участницы Балканского союза не ожидали иного ответа, кроме отказа.

И 25 сентября (8 октября), обставив все театральными жестами, Черногория начала войну с Османской империей, 5 (18) октября Болгария, Сербия и Греция присоединились к ней. Началась Первая балканская война, целью которой объявили принуждение Порты к выполнению взятых на себя ранее обязательств и достижение автономного статуса и самоуправления для населенных христианами областей Европейской Турции².

Моральный фактор сыграл немалую роль в победах над турецкой армией, находившейся в стадии реорганизации. Однако ресурсы сторон были несопоставимы, и балканским союзникам требовалось достичь максимальных успехов в ближайшее время, пока противник не перекинул резервы из азиатских провинций. Это они успешно осуществили.

Уже к концу октября 1912 г. исход кампании был предreshен. В первые же дни войны болгарская армия нанесла приграничное поражение туркам при Кирк-Килиссе (болг. Лозенград, ныне — Кыркларели) и стремительно

¹ См. статью № 2.

² Данный вопрос обсуждался в статьях № 1, 3.

двинулась на восток. 15–20 октября на линии Бунар-Хиссар — Люле-Бургас состоялось сражение, по итогам которого войска султана в беспорядке отступили уже до Чаталджинской линии укреплений, в 40 км от Константинополя растянувшихся на пространстве от Мраморного моря до Черного и прикрывавших путь на столицу Османской империи. 27 октября второй по размеру город в Европейской Турции Адрианополь был осажден, к тому моменту болгары освободили Родопские горы и продвигались в Эгейской Македонии.

10–11 октября в решающем сражении при Куманово сербы разбили турецкую армию, после чего на македонском театре военных действий войск султана фактически не существовало. В результате битвы было освобождено Косово поле, и солдаты, вступив на эти священные для национальной памяти сербов территории, целовали землю. Отмщение за битву 1389 г. состоялось. На востоке победоносная армия продолжала наступление и заняла большую часть Македонии, в том числе и ту ее часть, что, согласно договору, должна была отойти болгарам. Сербы совместно с черногорцами освободили Новопазарский санджак, разделявший два государства, и начали продвижение вглубь Северной Албании, спеша выйти к Адриатическому побережью, где начали осаду хорошо укрепленного Скутари (Шкодера).

В Эпире греческая армия под командованием наследника престола Константина оттеснила турок в Албанию и приступила к осаде крепости Янина. 27 октября комендант Салоник подписал капитуляцию, и греческие войска немногим ранее болгарских вступили в город. В то же время греческий флот очистил от турецких гарнизонов почти все острова Эгейского моря, а афинский парламент еще накануне войны объявил о присоединении к греческому государству острова Крит.

Болгары не смогли сходу взять Чаталджинские позиции, последний серьезный рубеж Константинополя, укреплявшийся на протяжении нескольких десятилетий при помощи немецких инженеров. Не принесли удачи и кровопролитные штурмы. Армия была измотана, в ней начала свирепствовать эпидемия холеры. Это обстоятельство, а также давление со стороны великих держав, опасавшихся полного поражения Турции и вступления победоносных балканских войск в столицу Османской империи, привело к прекращению боевых действий и заключению 20 ноября (3 декабря) 1912 г. перемирия между Турцией и Балканским союзом. К этому моменту под контролем турок на Балканах оставались лишь маленький кусок земли за чаталджинскими укреплениями, полуостров Галлиполи и три крепости — первая столица Османской империи в Европе Адрианополь, Янина и Скутари.

В России Первая балканская война была встречена с восторгом и большим интересом. Газеты отправили своих корреспондентов на Балканы, увеличили тиражи и выделили отдельные рубрики для новостей о войне. О Балканах и о войне вышел ворох брошюр: в одних очевидцы рассказывали о своих впечатлениях, в других анализировались боевые действия, третьи

осмыслили глобальные процессы на полуострове, четвертые же знакомили публику с полуостровом и народами, его населяющими. В дополнение к печатным произведениям нужно отметить, что именно под впечатлением от Первой балканской войны штаб-трубач 7-го кавалерийского запасного полка В. И. Агапкин сочинил в 1912 г. свой знаменитый марш «Прощание славянки», впервые исполненный на Гимназической (ныне — Коммунальной) улице Тамбова при проводах добровольцев, отправлявшихся на помощь балканским союзникам. Подобные мероприятия часто превращались в стихийные митинги.

Обращения в дипломатические представительства балканских союзников в России с просьбой записать в добровольцы начались накануне объявления войны. Как минимум несколько десятков русских офицеров, чаще всего поручиков и подпоручиков, пребывающих в запасе, подали рапорты об отпуске и отправились прежде всего в Болгарию и Сербию. Немало из них затем вернулись с боевыми наградами. Среди добровольцев, впрочем, встречались и люди гражданских профессий, и даже гимназисты, больше боявшиеся гнева директора гимназии, чем турецкой пули.

Однако куда большее значение имела гуманитарная помощь, оказанная русским обществом. Средства собирались различными способами. Проводились благотворительные концерты и лекции о Балканах, доход от которых шел в пользу воюющих, и т. д. На масштабных уличных мероприятиях осуществлялся сбор пожертвований различными организациями. Среди них масштабом выделялся так называемый Славянский день, прошедший 12 ноября 1912 г. После подсчета собранного сумма составила 103 848 рублей и 90 копеек. В кружках были обнаружены иностранные серебряные монеты, старинная медь, фальшивые денежные знаки. Помимо этого жертвователи отдавали нательные кресты, серьги. Найдены были и записки, довольно интересные по своему содержанию. Часто встречались пожелания успеха в борьбе, обещания помочь «если не финансами, то своей могучей грудью», присутствовали и трогательные детские послания: «Я жертвую всю свою копилку, <...> купите хлеба и накормите бедных детей-славян», «Сегодня день моего рождения. Папа дал мне 3 руб. на куклу, а я жертвую их на раненых»¹. В некоторых говорилось и о поистине героических поступках. Так, один пьяница признался, что отказывается от водки и средства передает славянам. Но не всех восхищали победы над Турцией — присутствовали и записки, направленные против войны.

Сбор пожертвований обеспечивал в том числе посылку на Балканы лазаретов Российского общества Красного Креста. В Сербию по линии РОКК было отправлено 23 врача, 66 сестер милосердия и 115 санитаров.

¹ Москва — Сербия, Белград — Россия. Сборник документов и материалов. Т. 3. Общественно-политические и культурные связи. 1878–1917 / авт.-сост. А. Л. Шемякин, М. Перишић [и др.]. М.; Београд, 2012. С. 322–323.

Действовали и отряды, сформированные на частные средства: лазарет дочери сербского короля и русской княгини Елены Петровны, Таврический отряд и лазарет Кауфманской общины на средства семьи Терещенко. Всего раненых сербских солдат спасали присланные из России 1 госпиталь, 6 лазаретов и один отряд. В Болгарию Россия отправила 282 человека медицинского персонала, благодаря которым функционировали больница на 200 койко-мест, 6 лазаретов, одна рентгеновская лаборатория, 12 санитарных отрядов, действовавших вблизи фронта, и склад медицинских материалов. Доступ к нему предоставили и болгарским медучреждениям.

Масштаб интереса к войне на Балканах породил моду на нее, и как это часто бывает, на волне этого увлечения внезапно многие стали специалистами по полуострову. Яркий показатель этого — пьеска, опубликованная в журнале «Сатирикон». Разговор происходит в дачном поезде второго класса, участники диспута путают деятелей и топонимы, далее происходит диалог, который стоит привести, немного сократив:

«Третий пассажир: Все орут да орут “Крест на Святую Софию”. Разве болгары — нехристи?..

Второй пассажир: София?.. Столица Болгарии?.. Гм... Это знаете, еще... не установлено.

Первый пассажир (с апломбом): София — сербский!

Второй пассажир: Ну, нет, София — румынский!..

Третий пассажир: <...> да как же православный город и вдруг без креста?

Первый пассажир: Здесь очень длинная история, рассказать которую трудно»¹.

Общество, со времен русско-турецкой войны 1877–1878 гг. не радовавшееся большим победам, а лишь огорчавшееся поражениями в войне с Японией, искренне переживало за успехи православных народов Балкан.

Впрочем, надо признать, не все были одинаково охвачены эйфорией от побед балканцев. Во-первых, совершенно иные чувства они вызывали у российских мусульман. И среди них шел сбор пожертвований в пользу турок, а добровольцы отправлялись сражаться под знамена султана. В условиях официального российского нейтралитета к событиям они имели на то полное право, впрочем, на местах чиновники трактовали такие действия по-разному. Во-вторых, наиболее вовлечены в славянские чувства оказались образованные городские круги. По донесениям российской охранки, среди крестьян интереса проявлялось мало, а симпатии испытывались в основном потому, что «нехрист-турка притесняет православных». Буржуазия в целом была настроена отрицательно по отношению к войне, поскольку уже несла убытки из-за закрытия черноморских проливов, через которые осуществлялась треть общероссийского экспорта, и опасалась разрастания конфликта до общеевропейского масштаба.

¹ Сатирикон. 1913. 19 июля.

Не равно распределялись симпатии и среди участников Балканского союза. Греки воспринимались как несколько инородный элемент в объединении, которое часто характеризовали как славянское, а потому нередко писали о победах славянских армий, славян и т. д. Отстраненное отношение к потомкам эллинов ярче всего выразилось при оценке их претензий на территориальные приобретения и поведения по отношению к славянским союзникам, что нашло свое отражение и в публикациях, помещенных в данной книге.

Как видим, одной из главных причин симпатий к Балканскому союзу являлось участие в нем славянских народов. Потому проводились «славянские обеды» и «славянские концерты», сборы «в пользу воюющих славян» и «Дни славянских флагов», активизировали свою деятельность Славянское благотворительное общество и Общество славянского научного единения. Победы южных славян воспринимались и как свои, поскольку они своей свободой и государственностью были во многом обязаны России. К этому примыкало и понимание событий как завершения русского дела по освобождению балканских народов от турецкой власти. Такой мотив озвучивали общественные и политические деятели как в России, так и в самих южнославянских странах. Наиболее ярко он выражался по отношению к Болгарии, память о войне за освобождение которой еще не остыла. Освещавший войну 1877–1878 гг. журналист Вас.И. Немирович-Данченко не мог пропустить событий 1912 г. и часто вспоминал прошлое, глядя на болгарских солдат: «Точно в их жилы с злаками полей, с плодами садов влилась доблесть наших безвестных и безымянных героев»¹.

Тем не менее, радость от славянских побед была обращена не только в прошлое, но и в будущее — они казались доказательством силы единения славянского племени, что в будущем должно было сыграть свою роль в противостоянии с «германизмом»². В тот момент, когда только Черногория объявила войну Турции, но являлось очевидным, что вступят в нее и остальные члены Балканского союза, публицист Т. Ардов выпустил статью «Война против Австрии». В ней он писал: «Это — борьба с исламом (вернее, просто с дурным правительством исламского государства) за свободу славянства, но вместе с тем это и борьба против немецкой Европы за будущее славянства <...> Это — первый бой славянства с германизмом, но вместе с ним и решительный — роковой бой»³. Как ни парадоксально, но по отношению к Османской империи русское общество испытывало меньше антипатии, нежели по отношению к Австро-Венгрии и Германии. Именно они виделись главными врагами славян, коварными, сильными и настоящими врагами славянства. Недаром многие «славянские» собрания или манифестации превращались в антиавстрийские, и правительству России, пытавшемуся избежать

¹ Немирович-Данченко Вас.И. Собрание сочинений. Т. XIV. СПб., 1913. С. 88.

² См. статью № 4.

³ Ардов Т. Война против Австрии // Утро России. 1912. 30 сентября.

обострения в отношениях с Дунайской империей, даже приходилось запрещать собрания или разгонять митинги с подобной риторикой. Пусть даже манифестанты пели «Боже, царя храни».

Естественно, присутствовало и понимание противостояния как «борьбы Креста против Полумесяца». Но столь очевидный для основной массы населения мотив часто подвергался критике, в первую очередь со стороны либеральных и социалистических кругов. Для них же было характерно и иное понимание событий на Балканах — наступления прогресса и демократии на архаику и деспотизм, символом которой представлялась Османская империя. В. И. Ленин даже писал, что разговорами о национальном освобождении «извращается смысл и историческое значение» происходящего на Балканах. Но главное, против чего выступали левые круги, — способ, которым достигалась победа прогресса. «Никогда и нигде “свобода” не достигалась угнетенными народами посредством войны одного народа против другого», — утверждал будущий лидер Октября¹. Впрочем, надо признать, влияние такой точки зрения было минимальным. Подавляющее большинство русского общества выступало на стороне балканских союзников, радовалось их победам и желало им закрепления за столом переговоров достигнутого на поле боя. Но в истории Балкан народам редко давали возможность самостоятельно определить свою судьбу. Не стали исключением и события 1912–1913 гг.

Радикальное изменение сохранявшегося на Балканах после Берлинского конгресса положения вещей стало неожиданностью для великих держав. Ошеломляющие победы балканских государств застигли врасплох всю Европу. Стало ясно, что сохранить *status quo* невозможно. Неожиданные по своей скорости и решительности для правительств и общественности европейских стран победы Балканского союза над турками поставили на повестку дня ряд сложных вопросов, к решению которых не была в то время готова ни одна из великих держав: о новом территориальном разграничении на Балканах, о будущем статусе черноморских проливов, о судьбе эгейских островов, некоторые из которых были заняты итальянскими войсками еще в ходе итало-турецкой войны, наконец, вопрос о распределении сфер влияния великих держав в Азиатской Турции.

Официальная Россия под давлением побед балканских православных народов меняла свою позицию. В конце октября в Петербурге дали согласие на переход Адрианополя под скипетр царя Фердинанда, хотя ранее этот город рассматривался как дальние оборонительные рубежи Константинополя, на который в России были свои виды. К концу года было решено отказаться и от принципа *status quo*. Изначально им преследовались две цели. Во-первых, создавался механизм защиты стран Балканского союза, поскольку редкие аналитики предрекали их победу. Во-вторых, с его помощью можно было

¹ Ленин В. И. Позорная резолюция // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Издание 5-е. Т. 22: Июль 1912 — февраль 1913. М., 1973. С. 151–152.

предотвратить усиление другого антагониста южного славянства — Австро-Венгрии. Придерживаясь принципа сохранения довоенных границ, в Петербурге стремились избежать продвижения на юг империи Габсбургов¹.

Однако Австро-Венгрия не собиралась бездейственно наблюдать за усилением своих противников. Поняв, что сохранить *status quo* в новых условиях невозможно, австрийская дипломатия попыталась укрепить свои позиции на Балканах за счет создания отдельного албанского государства. С этой целью она потребовала от Сербии, Греции и Черногории, которые в ходе войны заняли населенные албанцами территории, немедленно вывести свои войска из Албании. Правительства этих балканских стран, стремившиеся поделить эти земли между собой, решили поначалу не обращать внимания на ультимативные требования Вены. Однако в Австро-Венгрии началась частичная мобилизация, призванная продемонстрировать серьезность намерений империи настоять на своем варианте территориального размежевания на Балканском полуострове.

Особенно серьезное давление австрийцы оказывали на Сербию. Для нее албанские земли являлись возможным выходом к Адриатике, и лишение их означало сохранение экономической зависимости от Австро-Венгрии, через территорию которой шла большая часть импорта и экспорта сербских товаров. В Вене и Будапеште опасались также, что слишком усилившаяся и территориально увеличившаяся Сербия станет центром притяжения для проживавших в Австро-Венгрии югославянских народностей (сербов, хорватов, словенцев). Это ставило под угрозу территориальную целостность самой империи, для которой национальные распри уже давно превратились в хроническую болезнь. К началу декабря 1912 г. Генштаб Австро-Венгрии сосредоточил на границе с Сербией и Черногорией до 200 тыс. солдат и офицеров. Одновременно пресса этой страны начала кампанию травли Сербии, угрожая военной расправой в случае неподчинения австрийским требованиям.

Россия не могла остаться в стороне. Военный министр В. А. Сухомлинов настаивал перед царем на проведении мобилизации в приграничных с Австро-Венгрией округах. Николай II, видимо, под давлением своего окружения, среди которого было немало «ястребов», колебался. Премьер В. Н. Кокцов и глава МИД С. Д. Сазонов выступали против этого шага, опасаясь дальнейшей эскалации и прямого конфликта с Веней. Они прекрасно понимали не только военную неподготовленность России к столкновению со странами Тройственного Союза — Германией и Австро-Венгрией, но и то, что партнеры России по Тройственному Соглашению (Антанте) — англичане и французы — не собираются ввязываться в войну из-за такого незначительного и напрямую их не касающегося вопроса, как выход Сербии к Адриатике. После долгих споров правительство постановило начать закупку лошадей, усилить охрану мостов и передислоцировать кавалерийские части ближе

¹ Такой мотив *status quo* рассмотрен в статьях № 6–8.

к границе с Дунайской империей. Мобилизационные же мероприятия отложили, поставив их реализацию в зависимость от дальнейшего хода событий. В конечном итоге, в Петербурге ограничились лишь задержкой на службе нижних чинов, подлежащих увольнению в запас, что довело численность войск западных округов до штата военного времени. На дипломатическом уровне же было принято решение в целом не противодействовать австрийскому проекту создания отдельной Албании, а постараться скорректировать ее границы в пользу Сербии.

Британская дипломатия, чтобы не допустить распада «европейского концерта» и сохранить единство действий держав для мирного решения всех сложных вопросов, поднятых победами балканцев, предложила собрать в Лондоне международный форум — совещание послов. Все державы выразили согласие с этим предложением, и 4 (17) декабря 1912 г. совещание в Лондоне начало свою работу. От Англии в нем участвовал глава внешнеполитического ведомства Э. Грей, остальные страны — Россию, Францию, Германию, Австро-Венгрию и Италию — представляли послы в столице Великобритании. Два наиболее острых вопроса были решены уже в самом начале работы конференции: о создании автономной Албании и о предоставлении Сербии лишь коммерческого выхода к Адриатике посредством проведения интернационализированной железной дороги по албанской территории. Тем самым снималась непосредственная угроза военного выступления Австро-Венгрии против Сербии, способного втянуть в водоворот балканского конфликта великие державы. События 1912 г. оказались фальстартом Первой мировой войны.

Опасность перерастания Первой балканской войны в общеевропейскую таили в себе не только австрийские требования к Сербии уйти с Адриатического побережья, но и румынские претензии к Болгарии¹. Румыния была неприятно удивлена и обеспокоена быстрым поражением армии Османской империи и усилением Болгарии, которая после блестящих побед под Кирк-Килиссе и Люле-Бургасом, казалось, заняла место балканского гегемона, став самой сильной в военном отношении страной региона. Быстрые победы союзников застали Бухарест врасплох. Румынскому правительству были выгоднее затяжное противостояние на Балканах и победа турок. В таком случае в Бухаресте получали возможность продиктовать Болгарии условия, при которых румынское королевство сохранит нейтралитет: уступка города Силистрии и большей части принадлежавшей болгарам Южной Добруджи.

Румыны желали присоединить Силистрию еще в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в которой принимали участие на стороне России. Однако по Берлинскому трактату 1878 г. они получили только северную часть области Добруджи с городом Констанцей (приобретая тем самым выход

¹ О румынских территориальных претензиях к Болгарии см. статьи № 5, 7, 12, 14, 15, 20, 25, 26, 32, 58.

к Черному морю); Южная Добруджа с Силистрией была включена в состав болгарского государства. Кроме того, согласно решениям Берлинского конгресса, России возвращалась отторгнутая от нее после Крымской войны южная часть Бессарабии, в 1856 г. оказавшаяся в составе Молдавского княжества, а затем — в составе Соединенных княжеств Молдавии и Валахии, в 1881 г. провозглашенных Королевством Румыния.

Официальный Бухарест был недоволен как решением вопроса о Силистрии, так и возвращением России части бессарабской территории. В дальнейшем румыны неоднократно заявляли о желании исправить румыно-болгарскую границу, передвинув ее на юг. Начиная с 1880-х гг. это придунайское государство двигалось в фарватере политики Австро-Венгрии, с которой в октябре 1883 г. был заключен тайный военно-политический союз, фактически направленный против России. Чтобы теснее привязать Румынию к Тройственному союзу и отвлечь внимание ее общественности от тяжелого положения трансильванских румын, Вена и Будапешт постоянно подогревали в стране антирусские и антиболгарские настроения, направляя внешнеполитическую активность Бухареста на восток — в сторону российской Бессарабии, и на юг — в сторону болгарской Добруджи.

Удобный момент для предъявления требований к Болгарии настал во время Первой балканской войны, когда все ее вооруженные силы были задействованы на фракийском театре войны с Турцией, и граница с Румынией осталась совершенно открыта для вторжения. Спустя несколько недель после начала войны правительство Т. Майореску заявило, что Румыния будет требовать территорию от Туртукая до Балчика как компенсацию за благожелательный нейтралитет. Так начался болгаро-румынский спор об исправлении границ, который шел параллельно с Первой балканской войной и был разрешен только летом 1913 г. Большую роль в нем играли противоречия между великими державами.

Весомость румынским претензиям к Болгарии придавала и позиция, занятая австрийской дипломатией в конфликте из-за Добруджи. В начале ноября 1912 г. председатель Народного собрания Болгарии С. Данев отправился в Будапешт, где в это время находились император Франц Иосиф и наследник престола эрцгерцог Франц Фердинанд, с целью через Австро-Венгрию повлиять на Румынию, убедив ее отказаться от своих притязаний на Добруджу. Хотя С. Данев и встретил в Будапеште весьма любезный прием, однако его миссия завершилась безрезультатно. Император, эрцгерцог и министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Л. Берхтольд в беседах с болгарским политиком обещали лишь воздействовать на Румынию, чтобы она не прибегала к крайним средствам для отстаивания своих требований. Сами же эти требования румын в Австро-Венгрии не рассматривали как необоснованные.

В Вене желали сближения между Болгарией и Румынией, стремясь таким образом отдалить болгар от Балканского союза и вовлечь эту страну в орбиту политики австро-германского блока, с которым Румыния была давно и, как

тогда казалось, прочно связана. Поэтому австрийская дипломатия старалась предотвратить вооруженное столкновение между Румынией и Болгарией. Л. Берхтольд уговаривал болгарское правительство пойти навстречу Бухаресту и обеспечить его нейтралитет, согласившись на некоторые территориальные уступки. Одновременно, чтобы не раздражать болгар и не вызвать их недовольства, глава австрийской дипломатии в неофициальном порядке заявил болгарам, что Австрия готова поддержать болгарские притязания на Салоники, на которые претендовали также и греки.

Позицию российской дипломатии в болгаро-румынском споре из-за Добруджи определяли, прежде всего, два обстоятельства. Во-первых, российская дипломатия при С.Д. Сазонове стремилась к улучшению отношений с Бухарестом, оставшихся после Берлинского конгресса холодными и отчужденными. Как свидетельствовал сам министр, предупредительное отношение России к вопросу об обеспечении безопасности дунайской границы Румынии должно было стать «отправной точкой» румыно-российского сближения, которому на протяжении сорока лет мешали Вена и Берлин, поддерживавшие антирусскую пропаганду в Румынии и раздувавшие страхи румынского общества перед огромным восточным соседом¹. Такое сближение Румынии с Россией и другими странами Антанты неизбежно привело бы к переориентации внешнеполитической активности молодого балканского государства с южного (Добруджа) и восточного (Бессарабия) на западное направление — в сторону венгерской Трансильвании и австрийской Буковины, где румыны составляли значительную долю населения.

Во-вторых, министерство иностранных дел России опасалось военного вмешательства Румынии в войну Балканского союза с Турцией, что поставило бы Болгарию и ее союзников в очень сложное положение и, кроме того, грозило вовлечением в конфликт Австро-Венгрии, связанной с Бухарестом военным союзом. Чтобы не допустить этого и последующих политических осложнений, требовалось дипломатическим путем решить болгаро-румынские разногласия из-за Добруджи, даже за счет некоторых уступок со стороны Софии. В результате российская дипломатия заняла несколько двусмысленную позицию: не отвергая саму идею территориальных компенсаций для Румынии за счет Болгарии, она стремилась ограничить эти компенсации минимумом и на этой основе найти мирное решение болгаро-румынского спора.

Сначала болгары отказались рассматривать требования Бухареста. Однако борьба России и Австро-Венгрии за симпатии Румынии облегчала последней решение ее задач. Поэтому российское министерство иностранных дел советовало правительству И. Гешова не отвергать полностью румынские притязания и решить спор компромиссом, который в тех условиях означал большие или меньшие территориальные уступки со стороны Болгарии.

¹ Сазонов С.Д. Воспоминания. Берлин, 1927. С. 127.

6 февраля 1913 г. представители шести великих держав на Лондонской конференции обратились к правительствам Румынии и Болгарии с предложением передать спор между двумя странами на решение «европейского концерта». Результатом этой медиации, во время которой страны Тройственного союза настаивали на принятии румынских требований во всем их объеме, а страны Антанты стремились уменьшить румынские аппетиты, стало подписание 26 апреля (9 мая) 1913 г. С. Д. Сазоновым и послами пяти великих держав в России Санкт-Петербургского протокола. Решения, зафиксированные в нем, не удовлетворили обе стороны. Болгарам пришлось отказаться от крупного города Силистрии с трехкилометровой зоной вокруг него, румынам же — ограничиться присоединением лишь одного этого города — все остальные территориальные претензии Бухареста на болгарскую Добруджу были отклонены великими державами. В результате обе стороны чувствовали себя обиженными: румыны считали, что они получили слишком мало, а болгары — что они потеряли слишком много. Тем не менее, непосредственная опасность румынского вторжения в пределы Болгарии была устранена.

Одновременно с работой совещания послов в Лондоне в декабре 1912 г. начались мирные переговоры между представителями Балканского союза и Турции. Они с самого начала проходили очень трудно, поскольку расхождения между требованиями победителей и максимальными уступками, на которые соглашались турки, были чрезвычайно велики. Все решилось неожиданно. 10 (23) января 1913 г. в столице Османской империи произошел младотурецкий переворот. Новые руководители страны отказались от переговоров. В итоге после двухмесячных безрезультатных дискуссий в Лондоне 21 января (3 февраля) 1913 г. война на Балканах возобновилась. Она не принесла коренного перелома в пользу Турции. Напротив, войны султана продолжали терпеть поражение за поражением: 21 февраля (6 марта) греки овладели Яниной, а 13 (26) марта после трехдневного штурма, предпринятого болгарами и помогавшими им сербами, пал Адрианополь. На Балканах оставалась только одна турецкая укрепленная позиция — осажденная черногорцами и сербами крепость Скутари на севере Албании. Вскоре, 10 (23) апреля, и она капитулировала, в результате чего турки утратили почти все свои владения на Балканах. Но воспользоваться плодами победы черногорцам не дали, и они были вынуждены под давлением великих держав передать порт вновь создаваемой Албании.

Первая балканская война ослабила позиции австро-германского блока. Усиление Сербии, почти вдвое увеличившей свою территорию, вынуждало австрийский Генштаб в случае большой войны в Европе отвлекать значительные силы на балканский фронт, ослабляя тем самым войска в Галиции, направленные против России. Османская империя, на которую в Берлине со времен миссии генерала К. фон дер Гольца 1883 г. привыкли смотреть как на будущего союзника в войне против России, была крайне ослаблена после поражения и потери почти всех своих европейских владений.

Отношения между балканскими союзниками давали Вене шанс исправить ситуацию. Между Болгарией с одной стороны, и Сербией и Грецией — с другой назревал конфликт, связанный с разделом приобретений. Он стал всплывать на поверхность еще осенью 1912 г. после взятия Салоник¹. Для болгар и греков они являлись не просто крупным и удобным портом на Эгейском море. Болгары апеллировали к тому, что это город славянских первоучителей — Кирилла и Мефодия, греки указывали на античное прошлое Фессалоник. Помимо того, обе стороны уже десятилетиями боролись за влияние своих соплеменников в нем. Как и во всей Македонии, главным оружием противостояния были церкви и школы. Константинопольский патриархат, пользуясь влиянием перед властями, всеми силами препятствовал открытию болгарских учреждений. Правдами и неправдами они постепенно появлялись, но их влияние все же было ощутимо меньшим. Хотя и весьма значимым. Так, болгарская мужская гимназия в Салониках фактически играла роль кузницы кадров для ВМОРО. Впрочем, нельзя было назвать город и греческим — среди калейдоскопа национальностей, характерного для портового города империи, в нем преобладали евреи-сефарды, еще в XV в. переселившиеся от гонений на Пиренейском полуострове, греки и болгары же являлись второй и третьей по численности общиной соответственно. Но вокруг Салоник, прежде всего, в окрестностях Флорины и Кастории (Лерина и Костура на болгарский манер), по мнению путешественников, преобладало славянское население.

Судьба города решилась по воле случая — турецкий комендант города предпочел сдать его грекам, подошедшим на день ранее болгар. Последним разрешили войти в Салоники в ограниченном количестве. При последующем внешнем мире между греческим королем Георгом Глюксбургом и болгарским царем Фердинандом Кобургом шла ожесточенная борьба на символическом уровне. Первый вместе с семьей поселился в Салониках и приглашал всех в гости к себе. Второй при поездке в декабре 1912 г. сошел с поезда за несколько километров, прибыл в закрытой машине в болгарскую дипмиссию, где был торжественно встречен болгарскими. Тем самым он подчеркивал, что приехал не в гости. Однако не всегда борьба носила символический характер — в феврале 1913 г. в г. Нигрите, неподалеку от Салоник, состоялось полноценное сражение между греками и болгарскими, в котором приняли участие по несколько сотен солдат и офицеров с каждой стороны.

У русского общества бóльшую тревогу вызывали отношения болгар с сербами². Уже с ноября 1912 г. в прессе стали появляться известия о противоречиях и открытых столкновениях между ними. Становилась все более

¹ О болгаро-греческом конфликте см. статьи № 10, 13, 16, 19, 22–24, 29, 30, 42, 43, 50, 57, 61, 65, 67, 79.

² Об этом см. статьи № 8, 9, 11, 16, 24, 30, 33, 35–37, 39, 44, 45, 50, 51, 53–56, 69, 75, 77, 81, 82, 89, 108, 109.

очевидной неприглядная изнанка оккупации Македонии сербами: сыпались сообщения о закрытии болгарских школ, репрессиях в отношении священников и учителей, демонстрировавших болгарскую идентичность. Не обошлось и без символического: города переименовывались на сербский манер, с вывесок удалялась характерная для болгар буква «ѣ» в конце слова, местным жителям менялись фамилии на сербские — Христовы становились Христичами, а Ивановы — Иваничами¹.

Несмотря на эти сообщения, на формальном уровне Болгария и Сербия оставались союзниками и действовали соответствующим образом. В осаде Адрианополя сербская армия оказывала болгарской существенную помощь, прежде всего в артиллерии. Однако, когда в марте 1913 г. крепость пала, праздник братской победы был омрачен спором о пленении коменданта Адрианополя Шукри-паши: сербы заявили о том, что им принадлежит эта заслуга, болгары доказывали несостоятельность утверждений своих союзников². Сербы недаром так упорствовали в своей трактовке их роли во взятии Адрианополя. Они настаивали на том, что оказали болгарам гораздо большую военную помощь, чем это было прописано в военной конвенции 1912 г., в то время как болгары, напротив, не выслали войска на македонский фронт, чем, по мнению Белграда, нарушили союзный договор. А потому, указывала сербская сторона, договор подлежит пересмотру и в других своих положениях. «Единственный способ привести разногласия союзников к удовлетворительному концу — опираться в окончательном решении вопроса о разделе новой территории на данные, установленные самой войной», — писал приехавший в Россию весной 1913 г. белградский профессор А. Белич³. И для не самых проницательных внешних наблюдателей стало ясно — из-за раздела Македонии союз трещит по швам.

К историческим, этническим и эмоциональным аспектам отношения к этим землям со стороны соседей, о чем мы уже писали выше, добавились аргументы и сугубо рационального характера. Общественность и политические круги Сербии и Греции опасались, что Болгария получит слишком большую часть турецкого наследства на Балканах и сможет претендовать на роль гегемона среди балканских государств. Мысль о том, что это — тайное желание царя Фердинанда, сербы и греки активно проводили в общественном пространстве европейских стран, и России в том числе, добавляя особо чувствительный для последней аргумент — болгарский царь мечтает о византийском престоле и уже даже приготовился к коронации в храме Св. Софии под именем Симеона. Подобные прожекты вполне походили на стиль мышления Фердинанда Кобурга, но весной 1913 г. были явно неисполнимы. В то же время, нельзя не признать рациональность сербского довода о необходимости общей

¹ О политике сербов в Македонии см. статьи № 17, 18, 21, 22, 31, 36, 45, 51, 61, 64.

² Оценки этого спора см. в статье № 39.

³ *Белич А.* Сербы и болгары в Балканском союзе. СПб., 1913. С. 14.

границы с греками на случай войны с болгарами — историю Балкан сложно назвать летописью мира, а новый передел полуострова явно не мог изменить ее парадигму. Впрочем, нельзя обвинить балканских политиков, не сумевших предвидеть столь ожесточенный спор из-за раздела завоеванных у Турции территорий, в близорукости: на момент заключения договоров в 1912 г. ситуация выглядела существенно иначе, и противоречия казались разрешимыми.

Во многом именно австро-венгерский проект создания Албании спутал все карты территориального размежевания. Сербь, так и не получившие в ходе войны выход к морю, решили компенсировать это за счет Македонии и в феврале 1913 г. обратились к болгарскому правительству И. Гешова с предложением пересмотреть условия раздела завоеваний, содержащиеся в союзном договоре. В Белграде хотели оставить себе не только всю спорную зону со Скопье, но и значительную часть того района Македонии, который по союзному договору входил в безусловно болгарскую часть, в том числе такие важные центры, как Охрид и Битола. Это позволило бы сербам иметь общую границу с Грецией и провести по Вардарской низменности железную дорогу до Салоник, что, как декларировалось, могло им компенсировать утрату собственного выхода к морю. Указание на то, что австро-венгерское вмешательство и появление нового государства изменили ситуацию на полуострове, весной 1913 г. последовательно озвучивалось Белградом как обоснование для пересмотра условий территориального размежевания между союзниками. В том числе и незадолго до заключения мира Н. Пашичем в его выступлении в скупщине¹.

Из-за создания Албании и греки чувствовали себя обделенными, поскольку по требованию другой державы Тройственного союза — Италии в границы нового государства была включена северная часть Эпира со смешанным греко-албанским населением. Не получив всего Эпира, Греция намеревалась вознаградить себя в Южной Македонии, а также во Фракии, занятой болгарскими войсками. Принципиальное значение имели Салоники. Там в марте 1913 г. от руки анархиста А. Схинаса погиб греческий король Георг I². Убийца погиб при задержании, мотивы и заказчики преступления остались неизвестны. Однако в силу обострившихся отношений между союзниками многие недвусмысленно посматривали в сторону болгарских македонских организаций. Новому королю Константину I это явно не добавляло поводов для шагов навстречу Софии.

В самой же Болгарии продолжали настаивать на выполнении буквы договора, отказываясь от его пересмотра. В качестве главного аргумента болгары указывали на свой вклад в победу над турками — именно они нанесли поражение основным силам противника во Фракии, а их армия по своей численности в тот момент равнялась или даже превосходила совокупные армии сербов и греков.

¹ См. статьи № 73, 75, 77.

² Освещено в статье № 34.

В России с тревогой следили за трениями между союзниками. Рушились уже казавшиеся реализованными мечты о мире на полуострове и формировании сильного союзного блока православных (Болгария, Сербия, Черногория и Греция) или хотя бы славянских (Болгария, Сербия и Черногория без Греции) государств. Однако территориальные противоречия между балканцами, столь остро проявившиеся весной 1913 г., грозили похоронить эту перспективу, снова погрузив Балканский полуостров в состояние войны всех против всех. Это было тем более неприятно, что России — в силу непримиримости позиций спорящих сторон — пришлось бы рано или поздно делать выбор между Болгарией и Сербией вместе с Грецией, поставив тем самым крест на своих претензиях играть роль своего рода благожелательного покровителя для всех балканских христианских народов.

В Белграде решили использовать формальный статус российского императора как арбитра в договоре с Софией, а также неформальное влияние России, которое она могла оказать на события. Для этого была развернута пропагандистская кампания, вышедшая на свой пик весной 1913 г. В Петербург прибыли сербские ученые, публицисты и политики, они активно выступали на общественных собраниях и в прессе, публиковались переводы сербских брошюр, доносившие их точку зрения на раздел Македонии. В ход шли отсылки к историческому эпосу и народной обрядности, средневековой истории и архитектуре, лингвистике, а также к крови, пролитой сербами при освобождении этих территорий. Эмиссары Белграда с ревностью указывали на то, что их соплеменниками Россия всегда жертвовала, а болгары были у нее любимчиками, которые и свободу свою получили менее тернистым путем. Некоторым своеобразием отличался и аргумент о том, что хотя местное население называет себя «бугари» (болгары), но делает это посредством именно сербского слова. Одним словом, в ворохе такой аргументации разобраться было категорически невозможно.

Но присутствовали и рациональные доводы, которые не ограничивались общей границей с Грецией и выходом через долину Вардара к Салоникам. Одним из них являлось доказательство, что сербская армия не менее сильна, а победы не менее значимы, чем болгарские. Это обоснование собственной мощи было важно с прицелом на будущее общеевропейское противостояние. Антиавстрийскую карту сербы разыгрывали весьма активно. Помимо постоянных указаний на австрийское происхождение болгарского монарха, его постоянные заигрывания с Веной, представители Белграда большое внимание уделяли тезису о своей Сербии и сербах как «предстраже» славянства на Балканах. «Потому она должна быть крепка духом и телом, и обязанность всякого славянина и их друга дать возможность Сербии стать таковой», — писал И. П. Табурно — русский журналист, черногорец по происхождению и личный друг сербского премьера Н. Пашича¹.

¹ Табурно И. П. Вопрос о распределении завоеванной у Турции территории между Болгарией и Сербией. СПб., 1913. С. 39.

Представители русского общества втянулись в обсуждение данной проблемы, что можно увидеть по приводимым в настоящем издании статьям из газет¹. Одним из наиболее активных участников дискуссии о разделе Македонии и стремительно ухудшающихся взаимоотношениях союзников являлся лидер кадетской партии П. Н. Милюков. Он считался знатоком Балкан, поскольку неоднократно бывал на полуострове, а в декабре 1912 — январе 1913 г. совершил поездку по полуострову, где встретился с первыми лицами Сербии и Болгарии, а также имел беседы с представителями различных политических и общественных сил. Судя по его путевому дневнику, он получил обширную и ценную информацию о взаимоотношениях союзников и положении дел в Македонии, на основании которой затем готовил выступления в Думе и газетные статьи. Помимо своей уверенности в том, что спорные земли тяготеют к Болгарии, П. Н. Милюков исходил из интересов России, и они, на его взгляд, заключались в поддержке именно этой страны. Она была сильнейшим государством на Балканах, а поддержка Сербии, как считал политик, приведет Россию к полноценной войне против Австро-Венгрии, чего он хотел избежать. Сербские пропагандисты подвергли П. Н. Милюкова жесткой критике, объявили его агентом Софии, указывая на его тесные связи с Болгарией и на то, что в этой стране он жил и работал в конце XIX в. Впрочем, вольных и невольных агентов в России имели и София, и Белград, и часто ожесточенные споры в защиту чьих-то прав на Македонию вели именно представители русского общества. Весной 1913 г. Россия стала полем информационной войны между болгарами и сербами.

В данном противостоянии Болгария и Сербия задействовали и собственные академии наук, выступившие с доказательствами правоты своих стран. Заявления академий в мае 1913 г. в Петербурге вызвали дискуссию, развернувшуюся в Обществе славянского научного единения. В ней участвовали представители российской общественности, сербы, болгары и даже представители македонцев, настаивавших на этнической обособленности населения спорного региона. Собрание шло на повышенных тонах и закончилось скандалом. 16 мая 1913 г. после половины второго ночи заседание приняло резолюцию. В ней сообщалось, что ввиду сложности и запутанности проблемы единственным выходом из ситуации является арбитраж. «Будет ли этим арбитром Россия или гаагский трибунал — это должны исключительно решить спорящие стороны»².

А на следующий день, 17 (30) мая, в Лондоне был наконец подписан мирный договор, завершивший Первую балканскую войну. Создавалось независимое албанское государство, Османская империя отказывалась в пользу

¹ См., напр., об истории и этнографии региона статьи № 24, 28, 31, 43, 47, 48, 61.

² Сербо-болгарский спор за обладание Македонией. Оценка событий, предшествовавших сербо-болгарской войне 1913 года, в изложении заинтересованных сторон и членов общества. Пг., 1915. Приложения. С. 11.

«союзных государств» от острова Крит и владений в Европе к западу от линии Энос — Мидие. Финансовые вопросы, как планировалось, будут решены на конференции в Париже, остальные (связанные с военнопленными, торговлей и т. д.) — специальными конвенциями. Лондонский мирный договор окончательно разрушил установленную Берлинским конгрессом систему международных отношений на Балканах и воплотил популярный тогда лозунг «Балканы — для балканских народов». Однако это не означало мира — оставалось невыясненным, какая часть Балкан достанется каждому балканскому народу¹.

А еще через день, 19 мая (1 июня) 1913 г., правительства Э. Венизелоса и Н. Пашича подписали строго секретный греко-сербский союзный договор, направленный против Болгарии. Сербы и греки сосредоточили значительные силы в тех местностях, которые они хотели сохранить за собой, а болгары, в свою очередь, начали переброску войск из Фракии к линии соприкосновения, намереваясь выбить своих союзников-соперников из Македонии и тем самым силой решить вопрос о принадлежности этой области. Одновременно в Софии разразился правительственный кризис — премьер И. Гешов подал в отставку, на его место заступил С. Данев. Однако формально у власти осталась партийная коалиция, условно считаемая пророссийской.

В последовавшие недели все усилия российской дипломатии были направлены на то, чтобы не допустить перерастания болгаро-сербского территориального спора в войну между двумя странами². По предложению министра иностранных дел С. Д. Сазонова 26 мая царь Николай II обратился с личным посланием к главам государств, стоявших на пороге войны. В торжественных письмах, адресованных Фердинанду Кобургу и Петру Карагеоргиевичу, российский император заявлял, что болгаро-сербская война из-за Македонии будет преступлением против всего славянства и безобразным завершением освободительной войны против Турции. Вдобавок он предупреждал Белград и Софию, что Россия сохраняет за собой полную свободу действий по отношению к тому государству, которое начнет первым братоубийственную войну. Он предложил спорящим сторонам прибегнуть к русскому арбитражу, тем более что такая процедура разрешения конфликтов между союзниками была специально оговорена в сербо-болгарском договоре 1912 г. Однако ответы Болгарии и Сербии оказались уклончивыми³. И в Белграде, и в Софии больше рассчитывали на мощь своей армии, чем

¹ О предчувствии войны между союзниками статьи № 38–42, 49, 53, 54, 59, 63, 66, 69–71, 74–77, 82, 86–89, 107, 110–112.

² О призывах к российской дипломатии усилить давление на союзников с целью предотвращения войны между ними статьи № 52, 55, 56, 60–62, 68, 71, 72, 78, 83–85.

³ См. статьи № 90–106.

на благосклонность Николая II — блестящие победы над турками вскружили головы сербским и болгарским правящим кругам, породив у них уверенность в своих силах.

Тем не менее, уже С.Д. Сазонов пригласил премьеров Болгарии, Сербии и Греции в Петербург для переговоров об урегулировании разногласий между балканскими союзниками. Н. Пашич и Э. Венизелос ответили согласием. Однако премьер Болгарии С. Данев 7 июня телеграфировал посланнику в России С. Бобчеву, что поскольку требования Болгарии об арбитраже в рамках договора сербами не принимаются, то правительство Болгарии не видит смысла во встрече трех премьеров в столице России и отклоняет это предложение. Отметим, что, в отличие от своих коллег, он в меньшей степени был фигурой, от которой зависел исход событий. На него оказывали давление как царь Фердинанд, не готовый к уступкам, так и военные, уверенные в успехе. Таким образом, неудачей закончилась последняя попытка российской дипломатии удержать балканских союзников, быстро превратившихся во врагов, от военного столкновения из-за раздела военных трофеев, полученных в ходе успешной войны с Турцией. Это отклонение русского посредничества констатировало печальный факт, что Россия уже не располагала прежним авторитетом среди балканских стран.

Фактическому отклонению русского арбитража балканскими государствами немало поспособствовала австро-венгерская дипломатия, которой болгаро-сербский спор из-за Македонии предоставил уникальный шанс восстановить свои позиции в качестве вершителя судеб балканских народов. Стремясь к разрушению военно-политического блока, мешавшего экспансии Австро-Венгрии на Балканах, Л. Берхтольд подталкивал Болгарию к войне с союзниками, обещая предоставить заем, дать гарантии территориальной целостности Болгарии в случае неудачного для нее исхода войны, а также организовать албанские отряды для диверсий против сербских войск в Косово и Македонии. Австро-венгерский посланник в Софии А. Тарновский подогревал антисербские настроения правящих кругов Болгарии. Одновременно австрийские дипломатические представители в Бухаресте К.Э. Фюрстенберг и в Константинополе Я. Паллавичини пытались склонить правительства Румынии и Турции к сохранению нейтралитета в случае начала войны, дабы не усложнять положение Болгарии. Правители Австро-Венгрии даже не считали нужным скрывать свои истинные цели в отношении Балканского союза. Так, глава венгерского правительства И. Тиса, касаясь положения на Балканах в венгерской палате депутатов, 7 июня 1913 г. заявил, что если сербы и болгары хотят решить свой спор военным путем, то они имеют на это полное право, всякое же вмешательство в эту распрю с предложением арбитража есть покушение на независимость балканских стран.

Усилия Вены падали на благодатную почву. Болгарский царь Фердинанд происходил из знатного и владетельного австро-венгерского рода,

был тесно связан с венским двором, с Россией же его отношения исторически являлись намного более сложными. Его статус как болгарского князя долго не признавался официальным Петербургом, в силу его происхождения и зигзагов внешней политики не верили ему ни правящие, ни общественные круги России. Фердинанд об этом знал, и несмотря на теплые приемы во время визитов в Россию и на то, что крестным отцом престолонаследника являлся Николай II, симпатий к крупнейшей славянской державе не испытывал. В самой Болгарии традиционно существовало разделение политиков по условному принципу русофобии и русофилии, но на деле в зависимости от международной конъюнктуры они нередко подстраивались под ситуацию, оставляя на втором плане свои симпатии. Царь же ловко пользовался таким раскладом, делая ставку на те или иные политические силы в зависимости от своих намерений. И в июне 1913 г. он предоставил большее фактической власти не премьеру, а своему помощнику по должности главнокомандующего генералу М. Савову, которого причисляли к сторонникам ориентации на Вену. В итоге Фердинанд и его военные даже не поставили в известность правительство, когда отдали приказ атаковать сербскую и греческую армии.

В ночь с 16 (29) на 17 (30) июня 1913 г. началась Вторая балканская война. Первоначальные тактические успехи болгар, достигнутые за счет первого натиска, скоро сошли на нет. Сербская и греческая армия перешли в контрнаступление и нанесли противнику поражение при Брегалнице, однако были вынуждены приостановить продвижение из-за успехов болгар на направлении Пирота и Скопье. Исход войны решило вступление в нее Румынии¹. 27 июня (10 июля) войска короля Кароля перешли границу и практически не встречая сопротивления двинулись на Софию, выйдя к ее пригороду Враждебне. В Бухаресте требовали исправления границы и уступки почти всей Добруджи до линии Туртукай–Балчик. В Болгарии сменился кабинет министров, во главе правительства встал один из старейших политиков страны — В. Радославов. Его приход к власти означал переориентацию политики с Петербурга на Вену. Болгары попытались заключить перемирие с сербами и греками, чтобы сосредоточиться на отражении румынской агрессии. Но бывшие союзники прекрасно понимали, что время на их стороне, и стали затягивать переговоры, в конце концов отвергнув болгарское предложение. 30 июня (13 июля) Османская империя фактически вступила в войну против Болгарии². 250-тысячная армия во главе с лидером младотурок военным министром Энвер-пашой наступала от Чаталджи вглубь Фракии. За несколько дней турки смогли занять Люле-Бургас,

¹ Отношение в России к этому можно проследить по статьям № 121, 123, 129, 132, 136, 139, 145, 146, 149, 156.

² Реакцию русского общества на это см. в статьях № 151, 152, 154, 157, 158, 162, 167, 183.

Кирк-Килисе, а 10 (23) июля 1913 г. они восстановили контроль над Адрианополем, оставленным гарнизоном без боя. Вскоре они вышли к довоенным пределам Болгарии. Дальнейшее их наступление прекратилось под дипломатическим нажимом Петербурга. В тех условиях у болгарского руководства не оставалось иного выхода, кроме как признать 16 (29) июля 1913 г. свое поражение и капитулировать.

17 (30) июля 1913 г. в столице Румынии начались мирные переговоры между болгарами и их противниками. Во время работы Бухарестской мирной конференции, председателем которой стал премьер-министр Румынии Т. Майореску, Россия и Австро-Венгрия в отдельных вопросах совместно отстаивали интересы разгромленной Болгарии. Поддерживая болгар, Петербург и Вена боролись за влияние в этой стране. Россия стремилась не допустить окончательного перехода Софии в лагерь Тройственного союза. К тому же не в интересах Петербурга было подпускать слишком близко к Босфору и Дарданеллам греков, все больше увлекавшихся идеей восстановления Византийской империи с центром в Константинополе. Австрийская дипломатия, напротив, надеялась своим демонстративным покровительством болгарам еще больше укрепить свое влияние в Софии, вовлечь Болгарию в Тройственный союз, а также по возможности ослабить Сербию, не позволив ей захватить слишком много земель в Македонии. Таким образом, русская и австрийская дипломатия, преследуя противоположные цели, заняли схожие позиции.

Шансы Дунайской монархии в борьбе за симпатии болгар были предпочтительнее — ее не сковывала необходимость сохранить близкие отношения с Белградом. Официальные позиции Петербурга и Вены по новому территориальному разграничению на Балканах были объявлены уже в первый день работы конференции. Россия предложила, чтобы граница между Болгарией и Сербией проходила по водоразделу рек Вардар и Струма, оставляя Штип сербам, а Кочаны и Струмицу — болгарам; греко-болгарская граница должна была пройти таким образом, чтобы города Серрес и Драма отошли к Греции, а порт Кавала достался Болгарии. Австрийские предложения шли гораздо дальше в деле защиты интересов Софии: весь левый берег реки Вардар и вся юго-восточная часть Македонии, включая Драму, Серрес и Кавалу, по австрийскому проекту должны были войти в состав болгарского государства.

Дипломатическая борьба за Кавалу, на которую претендовали греки и болгары, на бухарестских переговорах оказалась особенно упорной. По этому вопросу великие державы разделились на две довольно неожиданные группы — Россия, Австрия и Италия поддерживали Болгарию, а Франция, Германия и Англия — Грецию. Позиция римского кабинета в вопросе о Кавале была обусловлена тем, что всякое усиление наследников Фемистокла угрожало потерей контроля над оккупированными Додеканезскими островами, на которые настойчиво заявляли свои права греки. Именно этим греко-итальянским

антагонизмом объяснялась позиция, занятая французской дипломатией, которая в вопросе о Кавале противопоставила себя своему русскому союзнику. В Париже усилившуюся в результате двух Балканских войн Грецию рассматривали как потенциального союзника против Италии, возлагая большие надежды на греческий флот, а потому настойчиво поддерживали греческие притязания на Кавалу. За оставление этого порта в руках греков выступил и Берлин. Если Россия и Австрия соперничали за симпатии болгар, то Франция и Германия вели борьбу за Грецию — Вильгельм II давно хотел видеть королевство эллинов двигающимся в фарватере политики Тройственного союза, а личные связи с греческой династией (греческий король Константин был женат на сестре Вильгельма), казалось, благоприятствовали сближению двух стран. В конце концов, на сторону Афин встала и Англия.

Баланс сил оказался не в пользу Болгарии. По условиям подписанного 28 июля (10 августа) 1913 г. между Болгарией, с одной стороны, и Сербией, Черногорией, Грецией и Румынией — с другой, Бухарестского мирного договора Эгейская Македония с портами Кавалой и Салониками переходила к Греции, Сербия получала Вардарскую Македонию с городами Скопье, Битола, Охрид, Куманово, Прилеп, Штип. Болгария же приобрела Родопы, Пиринский край Македонии и часть Фракии между реками Марицей и Местой с портом Дедеагач (ныне — Александруполис), что давало ей выход к Эгейскому морю.

Подписанный полтора месяца спустя, 16 (29) сентября 1913 г., в Константинополе болгаро-турецкий мирный договор закрепил потерю болгарскими и значительной части завоеванной осенью 1912 г. Фракии с Адрианополем, за исключением районов Малко-Тырново, Свиленграда и Царево.

В Болгарии войну почти сразу окрестили национальной катастрофой, а решение напасть на бывших союзников — преступным безумием. Несмотря на серьезные потери, колоссальное напряжение, территория государства увеличилась всего на 16 %. При этом была утрачена часть довоенной территории, населенная болгарскими, а соплеменники в Македонии оказались под новой властью, которая расценивалась как более опасная в силу ее ассимиляторских стремлений.

Мириться с таким положением в стране не собирались. Потому в царском манифесте о демобилизации сообщалось, что «истощенные и уставшие, но и не побежденные, мы должны свернуть наши славные знамена до лучших времен», и звучал призыв: «Рассказывайте вашим детям и внукам о доблести болгарского солдата и готовьте их к завершению однажды славного дела, которое вы начали»¹.

¹ Янчев В. Армия, обществен ред и вътрешна сигурност между войните и след тях. 1913–1915. 1918–1923. София, 2004. С. 29. О непрочности мира на Балканах и, следовательно, в Европе см. статьи № 133, 138, 171–173, 175–181, 188, 191.

Для болгар Македония и ее жители были той святыней, от которой они не могли отказаться и за которую были готовы сражаться. Это будет очевидно и во время Первой мировой войны, когда на все предложения о компенсациях за счет Османской империи в Софии будут отвечать, что им нужна именно Македония. Именно решение македонского вопроса окажет влияние и на действия Софии во Второй мировой войне, а после нее будет негативно сказываться на отношениях между Болгарией и Югославией. Да и сейчас взаимоотношения Болгарии с Северной Македонией демонстрируют то, насколько болезненно воспринимаются события начала XX в. Потому ошибочным было бы считать, что в 1913 г. Болгарию на Вторую войну толкнула Вена или лично царь Фердинанд — идея национального объединения предопределила события июня 1913 г.

Сербия вышла победителем из войны. Территория ее увеличилась на 85 %, а население — с 2,9 до 4,4 млн. человек. Вырос ее авторитет как сербского Пьемонта — центра объединения нации. Однако было очевидно, что значимые части этой самой нации — в Боснии и Герцеговине — удастся присоединить лишь в результате войны с Австро-Венгрией, а по итогам Балканских войн в своем тылу сербы приобрели злейшего врага в лице болгар. Приобретения в Македонии тоже нельзя назвать однозначными — впервые в своей новой истории сербское государство включило столь большой объем представителей других национальностей, что разрушало традиционную гомогенность Сербии и вдобавок потенциально рождало очаги национального сопротивления. Как большой успех тогда рассматривалось возвращение Старой Сербии и в первую очередь легендарного Косова поля — центра национальной мифологии народа. Но уже тогда внимательный аналитик мог увидеть зачатки тех проблем, с которыми Белград столкнется в Косове в конце XX в.

Не были однозначны итоги войн и для Черногории. Территория расширилась, пусть и не настолько, как это хотелось королю Николаю. Но, с другой стороны, это было оплачено чрезмерными людскими потерями и истощением государства. Фактически страна «надорвалась» в Балканских войнах, во многом и по вине взбалмошной политики своего правителя. Времени на восстановление история ей не предоставила, и с началом Первой мировой войны горькая участь гордой Черногории была предreshена.

Для Греции же Балканские войны стали триумфом, территория выросла на 68 %, а население — на 78 %, что делало страну эллинов по этому показателю вторым после Турции государством полуострова. Присоединены были не только земли на материке, но и большинство островов в Эгейском море, и вожденный Крит, и фактически полуостров Афон. Увеличилась политическая и стратегическая значимость Греции на Балканах и во всем Средиземноморье. Все это рождало в греках оптимизм и распаляло их мечты о захвате Константинополя, а также прилегающих к Эгейскому морю районов Малой Азии.

Итоги Межсоюзнической войны породили в болгарском обществе сильные реваншистские настроения и стремление к сближению с Австро-Венгрией и другими государствами Тройственного союза, которые казались естественными союзниками против Сербии и Греции. Балканский союз, созданный усилиями русской дипломатии, летом 1913 г. распался, однако в ходе Второй балканской войны сложился альянс Сербии, Черногории, Румынии и Греции. Учитывая, что первые три участника этой комбинации имели серьезные конфликты интересов с Австро-Венгрией, а Греция находилась во враждебных отношениях с Италией, этот альянс потенциально был направлен и против Тройственного союза. Особенно неприятным для империи Габсбургов было усиление Сербии, которая вдобавок отныне имела общую границу с Черногорией, что открывало путь для объединения двух этих югославянских государств.

Ситуация, сложившаяся на Балканах после подписания Бухарестского мира, оказалась крайне запутанной. Комплексные результаты двух Балканских войн несли для основных соперников среди великих держав в этом регионе — Австро-Венгрии и России — как плюсы, так и минусы. Вене, несомненно, на руку был развал Балканского союза, непримиримая вражда между двумя его сильнейшими членами и начавшийся в Софии разворот внешнеполитической ориентации на Двуетидную монархию. Однако в ходе Второй балканской войны все более явственным становился дрейф Румынии от Тройственного союза в сторону России и других стран Антанты. Официальный Бухарест перестал быть безгласным австрийским сателлитом и впервые противопоставил свои интересы на Балканах интересам Габсбургской империи.

Общий итог борьбы на Балканах в 1912–1913 гг. был скорее в пользу держав Антанты¹. Османская империя, на которую в Берлине уже смотрели как на будущего своего союзника в грядущей войне против России, Англии и Франции, была разгромлена. Прорусски настроенная Сербия, вызывавшая все большие опасения австро-венгерских политиков и военных, значительно усилилась. Тяжелое поражение понесла Болгария, где в 1913 г. стремительно нарастали русофобские настроения². Была заложена основа для отхода от Тройственного союза Румынии и русско-румынского сближения.

Как позднее доказали югославские и болгарские историки, и Белград, и София летом 1913 г. взяли курс на войну, но именно последняя первой развязала полномасштабные боевые действия, и тяжесть вины за произошедшее легла на нее. Русское общество летом 1913 г. переполняло негодование по поводу Болгарии³. В первую очередь оно обрушивалось на руко-

¹ Оценки итогов двух Балканских войн современниками см., напр., в статьях № 187, 194, 201.

² См. статьи № 36, 46, 59, 87, 169, 199.

³ См. статьи № 147, 152–154, 166, 186, 195.

водство страны — лично царя Фердинанда и его министров¹. Их именовали «тлетворными элементами», «авантюристами, которые толкнули Болгарию на катастрофу». При этом в прессе нередко звучали призывы к болгарам «решительно и бесповоротно освободиться» от таких правителей. Самому монарху часто припоминали его австрийское происхождение. Его именовали «австрийцем на славянском престоле», «австрофильствующим правителем Болгарии», многократно указывали на то, что он действовал по указанию Австро-Венгрии. В общем, русское общество, не понимая истинных причин разногласий между союзниками, винило во всем Вену, которую считало главным победителем обеих Балканских войн. Успех австрийской политики воспринимался как поражение славянства, что было наиболее горьким для тех кругов, которые продолжали верить в идею славянского единства.

В отношении самой Болгарии звучали весьма противоречивые оценки. Так, некоторые публицисты призывали навсегда отказаться от симпатий к ней и полностью переориентироваться на Сербию — принципиального противника Австро-Венгрии. Эта точка зрения была присуща правым изданиям. Однако звучали голоса и в защиту проигравшей страны — они требовали предотвратить ее чрезмерное наказание и унижение. Такую позицию чаще высказывали авторы «Речи» и «Русских ведомостей»². При этом они исходили не из гуманных соображений, а из желания установить прочный мир на Балканах или сохранить Болгарию для борьбы с Дунайской империей. В то же время открыто высказывать поддержку Софии было опасно. Так, даже П. Н. Милюков был вынужден отказать в публикации в «Речи» статьи жены своего друга Л. М. Драгомановой-Шишмановой: «“Речи” как органу, который обвиняли в болгарофильстве, не совсем удобно выступать с такими статьями»³.

Сам же лидер кадетов летом 1913 г. вновь отправился на Балканы в составе Комиссии по расследованию причин и ведения Балканских войн, организованной Фондом Карнеги за международный мир⁴. Несмотря на то, что в нее вошли еще 7 представителей Австро-Венгрии, Великобритании, Германии, США и Франции, наиболее сведущим в балканских делах являлся именно П. Н. Милюков. Однако его участие и породило проблемы в реализации задач Комиссии. Если болгары с большим удовольствием представили материалы против своих вчерашних союзников, то сербы и греки фактически блокировали работу этой общественной организации, причем в Белграде это выразилось в публичной обструкции, которой подвергли

¹ Это ярко выражено в статьях № 122, 141, 156, 163, 182.

² См. статьи № 120, 130, 134, 135, 138, 140, 145, 148, 151, 160, 164, 168, 198.

³ Научен архив на Българската академия на науките (НА-БАН). Ф. 11. К. Оп. 3. А. е. 968. Л. 50.

⁴ См. статьи № 193, 197.

лидера кадетов. Естественным результатом этого стала неравномерность указаний в тексте доклада на совершенные в ходе Балканских войн преступления, а сам он сыграл немалую роль в складывании негативного образа полуострова¹. Но ни доклад, ни аналогичные по содержанию статьи не могли изменить негативного отношения к Болгарии. Это обуславливалось тем, что ее винили в первую очередь не в нападении на союзников, а в том, что из-за ее действий пострадало славянское дело, воспринимавшееся как продолжение русского.

С точки зрения общеславянских интересов Вторая балканская война привела лишь к потерям². Как указывал публицист «Нового времени» М. О. Меньшиков, не столь важно, к сербам или болгарам ближе македонские славяне, намного существеннее, что при сохранении союза они жили бы в славянском государстве. Теперь же часть их оказалась под ярмом Греции, а вдобавок славянство утратило болгар, которые вместе с Добруджей перешли Румынии³. Такая точка зрения была весьма распространена — как и ранее, русское общество не проявило особых симпатий к православным неславянским народам Балкан⁴ — грекам и румынам, а в газетных статьях нередко высказывались крайне негативные оценки действий греков и румын летом 1913 г. Однако отнюдь не потеря территорий считалась наиболее скорбным итогом Межсоюзнической войны, а сам факт внутриславянской распри.

Более полугода общество пребывало в эйфории, царила атмосфера праздника единения славянства, забвению предавали все хорошо известные сербско-болгарские разногласия, в том числе и войну 1885 г. И в один момент все рухнуло. «Была яркая уносящая мечта — с первым выстрелом она погасла. Были высокие нежащие грезы — с первой струйкой братской крови они затоптаны в грязь», — писал автор газеты «Утро России»⁵. С ее же страниц звучал озлобленный призыв: «С бесплодной, злополучной для России политикой чувства пора покончить навсегда»⁶. Однако довольно быстро русское общество вернулось к идее славянского единства.

И вскоре стали публиковаться призывы «неустанно пропагандировать славянскую идею», ведь нельзя ее хоронить из-за действий австрийца

¹ Характерно, в частности, что в 1990-е гг. на фоне войн в бывшей Югославии доклад был переиздан на английском языке с очевидной целью дискредитации сербов в глазах мирового сообщества.

² Об оценках итогов войн в свете интересов славянства см. статьи № 114, 117, 119, 128, 131, 137, 165, 188, 196.

³ Меньшиков М. Довольно драки! // Новое время. 1913. 4 июля.

⁴ В то же время разочарование в южных славянах отчетливо выражено в статьях № 80, 124–127, 144, 192, 200.

⁵ Лаптев И. Славянская мечта // Утро России. 1913. 22 июня.

⁶ Цена Адрианополя // Утро России. 1913. 9 августа. См. также об этом статьи № 113, 184.

на славянском престоле¹. От нее оказалось очень сложно отказаться². Славянская идея являлась одним из главных символов российской внешней политики последних столетий и идеологическим обоснованием текущей. Вдобавок она была не только описанием прошлого, но и надеждой на будущее. Русское общество решило остаться в плену славянофильских фантомов, отказываясь понимать, что у славянских народов интересы и потребности могут быть не только разными, но и полностью противоположными, а из-за «клочка» Балкан они могут устроить кровавую распрю, разрушившую мечту о славянском единстве.

А уже через год после начала Второй балканской войны в журнале «Военный сборник» вышли стихи «К печальной годовщине»:

Я поле посетил недавней лютой битвы,
Где год всего назад лилася кровь рекой,
Где небо слышало проклятья и молитвы
Сквозь ружей трескотню и орудийный вой.

Где в злобе яростной бросался брат на брата,
Где порван был союз, создание долгих лет,
И где, казалось, не было возврата
К дням незабвенным общей славы и побед!

Теперь же поле то покрылось все цветами
И, красотой своей чаруя в тишине,
Под дивными и ярко голубыми небесами
О лучшем будущем там грезит как во сне:

О близком времени святого примиренья,
Союзном шествии обеих братских стран,
О выручке своих из уз порабощенья
И общем празднике сплотившихся славян!

И ветерок, волной ленивой пробегая,
Как будто шепчет полю, в думы погружен,
О том, как он играл, победно развевая
Ткань Скадрских, Битольских и Одринских знамен!..³

¹ *Витте Ел.* Славянская идея. (Письмо к издателю) // Московские ведомости. 1913. 11 июля.

² О надеждах на изменение ситуации в сторону единения славян см. статьи № 144, 150, 155, 157, 170.

³ *Ч. К печальной годовщине* // Военный сборник. 1914. № 6. С. 86.

До начала Первой мировой войны, в результате которой исчезнут и Российская империя, и Австро-Венгрия, славяне окажутся по разные стороны фронта, а сама идея славянского единства навсегда изменится, оставались считанные недели.

* * *

В рамках представленного небольшого экскурса полноценно представить многоплановую историю Балканских войн невозможно, потому, не претендуя на полноценный обзор историографии, считаем необходимым указать ряд работ, легших в основу исторического очерка, и к которым заинтересованный читатель может обратиться для более глубокого понимания этих процессов.

Широкий контекст балканской истории представлен в серии коллективных трудов «История Балкан»¹, а также в серии, посвящённой международным отношениям на Балканах². История Болгарии и Сербии в XX в. подробно рассмотрена в соответствующих коллективных монографиях³. К сожалению, специального исследования истории Балканских войн российская наука пока не создала. Лишь о Болгарии накануне и во время этих событий в двух своих книгах написал В. А. Жебокрицкий⁴, но эти труды во многом уже устарели, и приведенная информация требует переосмысления. В то же время отдельные аспекты Балканских войн нередко рассматривались.

В первую очередь внимание привлекал данный конфликт в рамках международных отношений. Уже в 1914 г. российский МИД опубликовал дипломатические документы об этом периоде, которые дают представление о действиях официального Петербурга в условиях складывания, побед и развала Балканского союза⁵. Данный корпус источников был существенно дополнен в советское время⁶.

¹ История Балкан: Век восемнадцатый. М., 2004; История Балкан: Век девятнадцатый (до Крымской войны). М., 2012; История Балкан: Судьбоносное двадцатилетие (1856–1878 гг.). М., 2013; История Балкан: На переломе эпох (1878–1914 гг.). М., 2017.

² Век Екатерины II. Дела Балканские. М., 2000; Александр I, Наполеон и Балканы. М., 1997; Международные отношения на Балканах. 1830–1856 гг. М., 1990; Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг. М., 1986; В «пороховом погребке Европы». 1878–1914 гг. М., 2003; За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002.

³ Болгария в XX веке. Очерки политической истории. М., 2003; Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М., 2011.

⁴ Жебокрицкий В. А. Болгария накануне Балканских войн 1912–1913 гг. Киев, 1960; Он же. Болгария во время Балканских войн 1912–1913 гг. Киев, 1961.

⁵ Сборник дипломатических документов, касающихся событий на Балканском полуострове (август 1912 г. — июль 1913 г.). СПб., 1914.

⁶ Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств. 1878–1917. Сер. вторая. 1900–1913. Т. 20. Ч. II. 14 августа — 17 октября 1912 г. Л., 1940.

Немало исследователей затронули данные события в контексте европейской политики. Прежде всего, следует обратить внимание на книги классика исторической науки Е. В. Тарле¹ и академика Ю. А. Писарева². Балканские войны изучались и через призму взаимоотношений России с другими государствами, в первую очередь великими державами, накануне Первой мировой войны. Здесь необходимо отметить несколько коллективных трудов — соответствующий том истории российской внешней политики³, а также трехтомник, посвященный отношениям России с другими странами накануне и во время Первой мировой войны⁴, а также индивидуальные труды О. Р. Айрапетова⁵, В. Н. Виноградова⁶ и А. В. Игнатьева⁷.

К изучению общественного мнения историки обращались неоднократно. Среди значимых работ следует отметить раздел Э. Урибес в коллективном труде⁸, несколько монографий Е. Г. Костриковой⁹, книгу Н. С. Гусева¹⁰, серию статей Б. С. Котова¹¹, статью Т. А. Филипповой об отражении Балканских войн в сатирической печати¹² и книгу Г. И. Шевцовой о гуманитарной помощи России Балканам, в первую очередь Сербии¹³. Данный

¹ Тарле Е. В. Европа в эпоху империализма, 1871–1919 гг. 2-е изд., доп. М.; Л., 1928.

² Писарев Ю. А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1985.

³ История внешней политики России. Том 5. Конец XIX — начало XX века (от русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 2018.

⁴ Россия в системе международных отношений накануне и в годы Первой мировой войны. Т. 1–3. М., 2020.

⁵ Айрапетов О. Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914. Т. 4: Внешняя политика императора Николая II. 1894–1914. М., 2018.

⁶ Виноградов В. Н. Двуглавый российский орел на Балканах, 1683–1914. М., 2010.

⁷ Игнатьев А. В. Внешняя политика России 1907–1914: Тенденции. Люди. События. М., 2000.

⁸ Урибес Э. Российское общество и внешняя политика // История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции) / отв. ред. А. В. Игнатьев. М., 1997.

⁹ Кострикова Е. Г. Русская пресса и дипломатия накануне Первой мировой войны. 1907–1914 гг. М., 1997; Она же. Российское общество и внешняя политика накануне Первой мировой войны. 1908–1914. М., 2007; Она же. Геополитические интересы России и славянский вопрос: Идеинная борьба в российском обществе в начале XX века. М., 2017.

¹⁰ Гусев Н. С. Болгария, Сербия и русское общество во время Балканских войн 1912–1913 гг. М., 2020.

¹¹ Котов Б. С. Межсоюзническая война лета 1913 года в восприятии русского общества (по материалам прессы) // Новая и новейшая история. 2015. № 3; Он же. Политика Австро-Венгрии во время Балканских войн 1912–1913 годов в оценках российской прессы // Новая и новейшая история. 2019. № 4, № 5.

¹² Филиппова Т. А. «Прощание славянки»: Балканские войны в русской сатирической журналистике начала XX века // Родина. 2012. № 5.

¹³ Шевцова Г. И. Русский гуманный поход на Балканы (1912–1913). М., 2012.

перечень далеко не полон, историки затрагивали эту тему многократно, в том числе и на материалах региональной прессы. Не имея возможности привести здесь обзор всех работ, мы отсылаем читателя к монографии, где он представлен весьма подробно, хотя и не без лагун¹, и приносим извинения коллегам, которых не смогли упомянуть в силу краткости данного текста.

* * *

Вопрос о том, что такое общественное мнение и как его выявить, — один из самых спорных и обсуждаемых в научной литературе, особенно когда речь идет об обществах доиндустриальных. Да и сама дефиниция общества далеко не однозначна. Мы далеки от иллюзии, что газетные статьи полностью отражают мнение населения Российской империи, даже той его части, которую можно назвать русским народом — наднациональной общностью, к которой относилось себя большинство жителей страны. Многоукладность России обуславливала и различное восприятие информации. Даже после начала Первой мировой войны в деревнях мало интересовались международными делами, а покупку газет считали пустой тратой денег². Таким образом, крестьяне фактически оказались вне информационного потока. Как показывают доклады «охранки», в широких массах симпатизировали православным народам Балкан в войне против турок или в противостоянии с Австро-Венгрией в силу религиозных взглядов. Однако, смеем предположить, во внутрибалканском противоборстве крестьяне не могли разобратся.

Главным же носителем общественного мнения были читающие городские жители. Они читали газеты, выражавшие точки зрения, к которым были сами близки. Международная политика же для большинства обывателей — сфера, где у них нет достаточных знаний и компетенций для выработки собственного мнения. И СМИ, воспринимавшееся потребителем как авторитетное, формировало точку зрения читателей на такие вопросы. В нашем случае печатное мнение становилось мнением общественным. В то же время дать какие-то количественные характеристики восприятия Балканских войн невозможно. Тиражи газет дают лишь общее представление о читателях, которые могли параллельно обращаться к разнонаправленным изданиям, вдобавок далеко не всегда потребитель информации соглашался с позицией редакции или тем более отдельного публициста.

Русское общество всегда было крайне разнообразным по своим взглядам. Возможно, кому-то покажется, что выбор изданий и статей пристрастен или не полон, но любой отбор предполагает пространство для критики. Мы попытались представить широкую палитру мнений о балканском конфликте,

¹ Гусев Н. С. Болгария, Сербия и русское общество... С. 50–70.

² Александров Н. «Мы сначала возьмем Краков, а потом уже Берлин». Костромская деревня в начале войны // Родина. 2014. № 6.

потому привели мнения правых «Русского знамени», «Земщины», «Нового времени», «Московских ведомостей», правоцентристских «Утра России», «Голоса Москвы», либеральных «Русских ведомостей», «Русского слова», «Речи», левой «Киевской мысли», выражавшей мнение либеральных мусульман «Мусульманской газеты» и ратующих за единение славян «Славянских известий»¹.

Естественно, невозможно было уместить в книге и все статьи на балканскую тематику, вышедшие в означенных изданиях в интересующий нас период. Прежде всего, при отборе особое внимание привлек следующий ряд проблем. Центральной являлись взаимоотношения внутри славянства, в первую очередь между болгарами и сербами, и восприятие славянского вопроса в целом. Здесь лейтмотивом были спор о Македонии и дискуссия о будущем славянства в условиях, когда намечается противостояние с «германизмом». В контексте грядущей Первой мировой войны большую значимость имело и отношение к действиям неславянских государств региона, Греции и Румынии, особенно с учетом их потенциального привлечения на сторону Антанты. Но еще более важной проблемой являлось отношение общества к Австро-Венгрии и Германии накануне рокового 1914 г., отражение взглядов публики на будущих противников России в мировой войне. Отметим, что сквозной темой является оценка русским обществом российской внешней политики — так или иначе события трактуются в свете действий России или ее непосредственных интересов.

Приведенные в статьях оценки порой диаметрально противоположны друг другу, а нередко и далеки от истинного положения дел, но только при таком широком взгляде можно понять, какие споры шли в русском обществе начала XX в. не только о балканских делах, но и о месте славян и России в мире. При этом подчеркнем, позиции авторов статей могут не совпадать с мнением составителей данной книги, а нередко и противоречат ему, однако мы не вступаем с ними в полемику по каждому поводу, а лишь комментируем заведомые ошибки или технические неточности, стремясь сохранить удобство сборника для чтения.

Текст статей приводится в соответствии с современными орфографией и пунктуацией, для облегчения чтения все оригинальные варианты выделения в тексте унифицированы в виде курсива, неочевидные сокращения расшифрованы в квадратных скобках, а «г.» перед фамилией следует читать как «господин». В конце книги помещен именной указатель, в который включены авторы публикаций и личности, упоминаемые в них. При этом, понимая

¹ При этом мы исходили из важности публикации материалов, которые малодоступны, потому, например, крайне ограниченно включили недавно переизданные статьи Л. Д. Троцкого (*Троцкий Л. Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война.* СПб., 2011) и не задействовали журнальные статьи, поскольку большое количество журналов тех лет ныне доступны в сети «Интернет».

невозможность полноценно представить биографии таких исторических личностей, как П. Н. Милюков или Л. Д. Троцкий, мы решили ограничиться лишь самой краткой характеристикой персоналий. Завершает книгу географический указатель. Важность последнего обусловлена тем, что авторы статей пользовались разными топонимами, опираясь на турецкие, славянские или общепринятые названия. В нашем перечне первым указано современное название, варианты перечислены через запятую. В нем отсутствуют названия сел, однократно использованных в публикациях лишь для иллюстрации отдельных событий.

Гусев Н. С., Котов Б. С.

СТАТЬИ

1

«Речь». 21 сентября 1912 г. Передовая статья

Новая черта положения на Балканах, на которой мы считаем свое временно остановиться, заключается в том, что приготовления к войне с Турцией на этот раз совершаются одновременно и согласованно всеми четырьмя балканскими государствами. Мы не говорим уже о том долгом периоде в истории восточного вопроса, когда за балканских христиан вступалась и воевала Россия, когда судьба их решалась международными конгрессами, но и позднее, когда одна за другой балканские народности вышли из состояния безгласных рабов презренной турецкой райи¹, они продолжали служить предметом чужой опеки и дипломатического интригующего соперничества. Была одна причина, которая мешала им поднять голос от своего собственного имени и властно заявить о своих правах и своих требованиях. Это — их собственное взаимное соперничество. Кто ближе знаком с балканскими отношениями, тот хорошо знает, каким страшным проклятием для балканских христиан была эта невозможность сговориться.

Раздоры болгар, сербов и греков были постоянным фактором, на котором безошибочно спекулировали их общие враги и соперники. Невозможность примирить между собой великодержавные притязания, согласить и ввести в рамки «великоболгарскую», «великосербскую», «великогреческую» национальную идею была основной аксиомой, на которой строились все балканские расчеты. В результате возможность *совместного* выступления всех их против Турции долгое время просто не входила в соображение дипломатов и политиков.

И вот в настоящий момент, как оказывается, эта основная трудность, лежавшая на пути решения балканских вопросов, преодолена. Слухи о переговорах, даже о тайных соглашениях между Болгарией, Сербией и Грецией ходили уже довольно давно, но по старой привычке этим слухам как-то

¹ Райя (тур.) — дословно — «паства», «стадо», наименование немусульманских подданных Османской империи.

плохо верилось. В настоящее время мы уже имеем дело не со слухами, а с совершившимся фактом, о котором громко заявляют договорившиеся союзники.

Кому такое соглашение вредно, легко видеть из того, кто его осуждает. Резкие отзывы по поводу четверного балканского союза были помещены в венской прессе, которая с досадой отметила, что в деле сближения балканских держав главная роль принадлежит русской дипломатии. Действительно, австрийская политика, так же, как и турецкая, всегда играла на разъединении славян между собою и с греками. Еще в 70-х годах болгарские и сербские патриоты заметили эту тенденцию и указали на ее опасность. Но все попытки практически сблизиться до сих пор не приводили ни к чему. Всегда в таких случаях поднимался неразрешимый вопрос: а как мы поделим между собою Македонию? Ту Македонию, которую болгары признавали всецело болгарской, сербы — на три четверти сербской, греки — на половину греческой.

Как же решен вопрос в настоящее время? Решения, если они и есть, конечно, держатся в глубокой тайне. Но возможно также и то, что эти решения просто предоставлены будущему. На эту отсрочку прямо указывает та формулировка требований, с которою готовятся выступить союзные государства.

Они предполагают потребовать от Турции — автономии Македонии. Автономия, как многократно указывалось, есть единственное решение, исключаящее раздел и сохраняющее Македонию цельной и неделимой. Автономия, следовательно, есть и единственное решение, при котором конфликтные требования болгар, сербов и греков не то, что удовлетворяются, но отсрочиваются до неопределенного будущего без обиды для кого бы то ни было. Автономия в то же время есть такое государственное устройство, которое обещало всем балканским нациям свободу национальной пропаганды; а от успехов этой пропаганды зависело и зависит, какая часть Македонии в действительности признает себя болгарской, греческой или сербской. Так как ни одна из этих национальностей не хочет считать современное положение окончательным и каждая стремится его улучшить, расширить район своего национального влияния, то все одинаково нуждаются в отсрочке и охотно примирятся, найдя эту отсрочку в признании Македонской автономии.

Так стояло, во всяком случае, дело, когда приходилось мирить претензии христианских народностей с неприкосновенностью турецкой территории. Так ставят вопрос и сейчас четыре державы в своем ультимативном обращении к Турции. Но... жребий войны может существенно изменить эту постановку вопроса. И, начиная войну требованием автономии Македонии, балканские державы легко могут кончить, в случае военного успеха, предъявлением своих сепаратных притязаний на ту или другую часть оккупированной их войсками территории.

Вот тогда, в момент этих заявлений, проявятся настоящие трудности вопроса, ныне скрывающиеся под спудом. Тогда наступит очередь и для дипломатии европейских государств доказать свое бескорыстие и свою склонность к миру. Тогда же придется во имя этого мира оказать и то или другое давление на отдельные балканские государства. Предвидеть размер этого давления так же трудно, как и размер военных успехов и основанных на них претензий. Как бы то ни было, согласие, хотя бы и временное, и неполное, четырех балканских держав само по себе, независимо от своей судьбы в будущем, имеет огромное практическое значение. *Без него война была бы невозможна.*

Это и имеет в виду австрийская печать, когда обвиняет Россию в подготовке балканского союза против Турции. Но она не имеет в виду — или намеренно игнорирует — другое. *Без четверного согласия нельзя было бы и локализовать войну.* Здесь мы имеем впервые дело с новой системой балканского равновесия, призванного сменить европейское в балканском вопросе. Если Европа может до поры до времени спокойно смотреть на то, как бушуют волны национального энтузиазма на Балканах, то это исключительно потому, что в настоящее время, впервые за всю свою историю, Балканы довлеют самим себе.

2

«Русские ведомости». 27 сентября 1912 г.

Передовая статья

Начали черногорцы... Первая бросилась на Турцию в атаку самая маленькая славянская держава, не дожидаясь, пока могучая ее союзница Болгария скажет Константинополю свое окончательное слово. Вряд ли здесь можно видеть только случай, только взрыв черногорской горячности, которой томительное ожидание стало не под силу. Скорее это факт, показывающий, что с виду медлительная Болгария решила воевать во что бы то ни стало.

Болгарии трудно. Она напряжена до самозабвения, она вся собралась в один комок, чтобы прыгнуть и схватиться, наконец, грудь с грудью с вековым врагом славян в той схватке, к которой она готовилась едва ли не с самого момента своего освобождения. Но что она перед колоссами, какими являются великие державы? Колоссы же эти делают ей суровые, повелительные представления: не начинать, не делать ничего, что явится бесповоротным, пока они, великие державы, не кончат думать. А день идет за днем, грозя уменьшить шансы, которые дает Болгарии быстрота ее мобилизации. И для болгар ни тени нет сомнения, что соглашение держав не прозвучит в благоприятном для них тоне. Так разве грех скорее поставить Европу перед

совершившимся уже фактом, не навлекая прямо на свою голову ее громов? Начала Черногория... Это — *enfant terrible*¹ и баловень России. Ей ничего не будет. Болгария же не может не поддержать союзницы в отчаянной борьбе. И если это так, если догадка эта справедлива, то кто же за это Болгарию осудит? Ведь для нее самой у нее уже с Турцией идет война, а на войне законными признаются всякие уловки.

Начала Черногория и начала как раз накануне совместного представления Австрией и Россией той ноты, которая передана нам «Агентством Гаваса»² и содержание которой вряд ли не стало в Софии известно несколько раньше ее окончательной редактировки³. Нет, повторяем, едва ли тут можно видеть лишь прихотливое стечение обстоятельств. Скорее, это болгарское *pop possumus*⁴ в той форме, какая вынуждается соотношением сил при разговоре между четырехмиллионной страной и гигантами, считающими вместе своих подданных десятками десятков миллионов, не говоря про то, что с ними идут и прочие великие державы.

Но если нота и не предотвратит военную грозу, если за молниями, которыми озарилась Черная Гора, послышатся громовые удары в долине Марицы, то все же она сама имеет первостепенное значение. «Державы твердо постановили не допускать нарушение *status quo* Европейской Турции», не взирая, на чью сторону склонится при войне победа. И трудно допустить, чтобы державы впоследствии способны были передумать, тем больше, что война и по своему театру, и по финансовым ресурсам всех могущих принять участие стран никак не обещает длиться значительное время, достаточное, чтобы нарушить в Европе только что достигнутое согласие. Конечно, было бы напрасно говорить, что после этой ноты даже при успехе Болгария не сможет ничего ценного достигнуть. Бывают скидки с такого рода заявлений, и нет более растяжимой вещи, чем турецкое *status quo* с реформами,

¹ Несносный, избалованный ребенок (фр.).

² Французское частное телеграфное агентство Шарля-Луи Гаваса — одно из влиятельнейших информационных агентств мира в начале XX в., его преемником является «Агентство Франс-Пресс».

³ Имеется в виду совместная нота всех великих держав от 25 сентября (8 октября) 1912 г., обращенная к балканским странам и переданная Россией и Австро-Венгрией как уполномоченными Антанты и Тройственного союза. Нота предупреждала, что великие державы выступают за сохранение *status quo* после завершения войны на Балканах при любом ее исходе. Тем самым Балканскому союзу и Турции делалось предупреждение, что все жертвы начинающейся войны будут напрасны, поскольку державы все равно не допустят изменения границ на Балканском полуострове, определенных Берлинским конгрессом 1878 г. Это была последняя попытка европейской дипломатии разрядить взрывоопасную обстановку и предотвратить военный конфликт на Балканах.

⁴ «Не можем» (лат.) — крылатое выражение категорического отказа, восходящее к Евангелию.

хотя бы и не затрагивающими «суверенных прав султана». Под этим флагом, как показывают ранее бывшие примеры, может пройти, по существу, почти что полная автономия Македонии; слияние же части ее с Болгарией тогда может считаться вопросом одного терпенья. Но все же нота, врученная совместно Австрией и Россией, этими старыми «уполномоченными Европы» на Балканах, это напоминает времена известного «мюрцштегского соглашения»¹, о которых Турция может вспоминать с гораздо большим удовольствием, нежели балканские славяне, и если у Болгарии есть еще надежда на осязательный выигрыш в борьбе, то Сербии, соседке Австрии, при всяком обороте дела, к несчастью, придется отказаться от окрыляющих ее сейчас мечтаний.

3

«Московские ведомости». 30 сентября 1912 г.

Ожидать ли примирения?

Восстановление мира на Балканах или, в крайнем случае, локализация войны составляет предмет стараний и искреннее желание нашей дипломатии. Излишне говорить, что для нас, для России, восстановление мира было бы наиболее желательно и выгодно. Наша политика в отношении славянских и христианских народностей Ближнего Востока давно представляла сплошной ряд ошибок, за которые нельзя хвалить. Наша бесконечная «неподготовленность» к серьезным международным столкновениям составляет явление, с которым нельзя мириться. Но, оставляя в стороне оценку этих обстоятельств и беря факты, каковы они есть, нельзя не сознаться, что примирение на Балканах при данных условиях было бы наиболее желательно.

Но тем не менее необходимо осознавать вероятность неуспеха наших желаний. Недостаточно желать, недостаточно даже стараться, — важно еще понимать, достигнем ли мы желаемого? К сожалению, на вопрос о вероятности сохранения мира на Балканах нельзя ответить иначе, как выражением величайшего сомнения.

Нельзя не вспомнить, прежде всего, что мы здесь имеем пред собой вековой исторический конфликт. Турки разрушили на Балканах царство Болгарское и царство Сербское, так успешно созидавшие народности Балканского полуострова. Турки разрушили Византию, представлявшую объединительный центр для огромных пространств разнородных жителей Ближнего

¹ Имеется в виду Мюрцштегская программа реформ, выработанная Россией и Австро-Венгрией в 1903 г.

Востока. Роль организации всего разрушенного взяла на себя Турция, исполняя свою задачу огнем и мечом и жесточайшим деспотизмом. Но когда грозная сила завоевателей начала ослабевать, придушенные народности стали понемногу вырастать. Россия стала орудием освобождения их и нанесла Турции ряд жесточайших ударов, сокрушивших ее. Россия была исторической причиной гибели Турции, в чем, конечно, и не имеет причин раскаиваться. Это — одна из величайших наших заслуг человечеству, один из фактов, придающих нравственное достоинство истории России. Понятно, что эта историческая миссия сблизил нас с Балканами и Ближним Востоком, сделала нас опорой христианских народов и их надеждою... Так было в недавнем прошлом...

И вот теперь наступает момент, нами же подготовленный, момент, когда балканские народности делают, может быть, последний шаг к своему освобождению, к низвержению ига, их семь или восемь веков раздавливавшего. Ряд балканских держав, освобожденных при нашей помощи, настолько окрепли, что пытаются сделать этот новый шаг вперед самостоятельно. Они говорят Европе и нам: оставьте нас в покое, нам не нужна вашей помощи, мы расправимся сами, только не мешайте. Они вместе с тем заявляют, что не имеют в виду полного уничтожения Турции, а желают добиться лишь автономии остальных христианских областей, еще стонущих под властью турок.

Итак, казалось бы, — хотя и стыдно нам стоять в стороне от собственного исторического дела, — мы могли бы не мешаться и предоставить событиям разворачиваться самостоятельно. Но можем ли мы поверить, чтобы балканские государства действительно исполнили то, что обещают? Дипломатия этому не верит, и совершенно справедливо. Дипломатия взамен того говорит славяно-греческому союзу: оставьте оружие, мы на сей раз обещаем вам действительно исполнить то, что обещали 30 лет назад, но доселе не исполнили. Могут ли, однако, этому поверить балканские народы? Нет, они не верят, и мы полагаем, что они совершенно правы.

Тут дело не в том, чтобы какая-нибудь сторона была не искренна. Допустим, что все безусловно искренни, и что балканские державы и европейская дипломатия действительно желают исполнить свои обещания. Но вопрос в том, имеют ли они возможность исполнить обещаемое?

Это вопрос не искренности, а кредитоспособности. Имеют ли балканские державы, имеет ли европейская дипломатия достаточно средств для того, чтобы решить тяжкую задачу, которую каждая сторона обещает взять на себя?

Ни та, ни другая сторона этих средств, к сожалению, не имеют.

Мы не разбираем балканского и турецкого вопроса во всей их сложности. Берем лишь тот небольшой круг усложнений, который теперь сделавшись причиной войны, берем вопрос македонский. Державы обещают мирно достигнуть автономии Македонии, а балканские государства хотят этого

достигнуть вооруженной силой. Но ведь и те, и другие хотят и обещают сделать нечто невообразимое, а следовательно, и неисполнимое.

Если бы кто-нибудь обещал автономию островов Архипелага¹, может быть, это была бы задача трудная, но, по крайней мере, понятная человеческому уму, а посему исполнимая. Когда же говорится о Македонии, то мы имеем пред собой нечто неопределимое. Дать автономию Македонии: но что такое Македония? Где она находится? Она как будто есть, и ее точно так же нет. В Турции нет Македонии, а имеется несколько вилайетов, в которых она по клочкам разбита, причем ни один не заключает ее целиком, и каждый захватывает такие области, которые с Македонией ничего общего не имеют. Наиболее «македонский» Монастырь захватывает Албанию и даже Скутарийскую область, заходя и в Косово, которое составляет уже не Македонию, а Старую Сербию. Огромная часть Македонии входит в вилайет Салоникский, где, однако, славянский элемент почти подавлен греческим, так что об этом вилайете, как о чем-то однородном немислимо и говорить. Как же дать автономию Македонии? Македонию нужно сначала создать. А кто будет создавать? Если Турция, то кто же поверит ей в добросовестном создании собственной своей смерти? Если балканские державы, то каждая будет стремиться к тому, чтобы создаваемая область получила характер ей родственный. В Македонии, нигде не сосредоточенной, перемешаны сербы, греки, болгары, румыны, албанцы и турки. Сербы и болгары — каждый говорят, что Македония по народности принадлежит именно к их национальности. Греки считают Македонию греческою областью. По языку своему македонские наречия внутри страны примыкают к болгарскому и сербскому языкам, но не отождествляются с ними, а на западе и юге «македонцы» говорят по-албански и по-гречески.

Кто же будет проводить границы автономной Македонии? Если заинтересованные стороны, то есть Турция и четыре балканские державы, то это невозможно. Можно задушить Турцию, если хватит сил, но добиться ее согласия на то, чтобы ее владения раскромсали по своему соображению воюющие против нее Болгария, Сербия, Черногория и Греция — это немислимо. Это значило бы для Турции кончить свое государственное существование. Но кто же в таком положении не предпочтет умереть честно, с оружием в руках?

Итак, как бы ни были искренни обещания балканских держав, они невыполнимы по существу, а следовательно, им невозможно верить.

Однако и державы не могут исполнить своего обещания в сколько-нибудь удовлетворительной мере. Пред ними возникают те же затруднения, что и перед балканской коалицией. И для них нужно сначала созидать области, которым придется давать автономию. Турецкое правительство не может допустить этого и для европейских держав, среди которых при этом возникли

¹ Имеются в виду населенные греками острова Эгейского моря.

бы, вдобавок, разногласия, очень сходные с разногласиями балканских держав.

Итак, мы видим споры, предложения, обещания, оружие и дипломатию, но элементов примирения не видим. Примирение может быть достигаемо на моменты, с тем чтобы война опять и опять появлялась, как единственное средство покончить вопрос. Но и война способна довести до мира только в том случае, если на сцену выступит какая-то огромная и бескорыстная сила, пригодная к роли примиряющего третейского судьи, ибо балканские державы, уничтожив Турцию, немедленно перессорятся и между собой.

Только внешняя бескорыстная сила может создать нечто стройное из этнографическо-политического хаоса турецких провинций. А такой силы на свете нет, — кроме России, если бы, конечно, она сохранила былую мощь, не считала бы себя неподготовленной и имела план действий. Тогда она в совокупности с народностями и государствами Ближнего Востока имела бы шансы занять место третейского судьи, воздав каждому должное и не допустив ничьего посягательства на чужое...

Другого исхода нет в самой природе обстоятельств. И потому, хотим мы этого или не хотим, выгодно это для нас или губительно, — но обстоятельства очень скоро потребуют нас стать на свой исторический пост. А потому — для нас, прежде всего, требуется перестать быть вечно «неготовыми», сделаться готовыми, и притом готовыми *ко всему*.

4

«Московские ведомости». 14 октября 1912 г. *Novus nascitur ordo*¹

Отбрасывая все преувеличения телеграмм и корреспонденций, с обеих сторон налагающих лубочную мазню на борьбу Балканского полуострова, мы имеем все же несомненный факт быстро идущего разгрома Турции. Балканская коалиция на всех пунктах не только бьет турок, но что всего важнее — неуклонно осуществляет поставленный себе план действий.

Все очень хорошо знали, что сущность процесса, совершающегося на Балканском полуострове, состоит в постепенном росте славяно-греческих народностей, в постепенном упадке турок. Но едва ли кто-либо в Европе и у нас представлял себе, что этот процесс достиг уже такой завершенности. Воскресшие народности Балкан всем казались еще лишь подростками, которые не только требуют опеки, но и сами не осмеливаются жить без указки опекунов. Оказалось совсем не то. Балканским народностям, быть может, много

¹ «Рождается новый порядок» (лат.).

помогло то обстоятельство, что опекуны явно обнаружили свои корыстные цели, свое желание подчинить славяно-греков, освобожденных от турецкого ига, своему собственному. Европейский расхват прямо бил в глаза своей бесцеремонностью¹. О России, разумеется, ничего подобного нельзя было думать, и если о русском захвате враги славян и России распространяли усердные слухи, то это было чистой клеветой. Но Россия в качестве опекуна проявила другое, не менее вредное свойство: полнейшую неспособность оградить интересы опекаемых и самое крайнее малодушие пред расхитителями чужого достояния. Целые века имевшая своей миссией освобождение христианских народностей Ближнего Востока, Россия в решительную минуту оказалась всего боящейся, не доверяющей ни себе, ни другим, не решающейся ни на что, и этим старческим настроением старалась сковать порывы молодых наций Балканского полуострова к энергическому и полному существованию.

Прискорбно это видеть для русского, не отчаявшегося в жизненности своей страны, убежденного, что силы России несравненно более могучи и что старческое бессилие наше падает виной не на нацию в широком смысле, а только на те направления и настроения, которые получили внешне командующую роль. Наша либерально-радикальная интеллигенция, правящая Россией даже и тогда, когда она числится в «нелегализированных партиях», дошла до такой степени непонимания исторического процесса, что приветствовала даже победу младотурок², в которых видела свое подобие и дело которых признала тем же самым, что она осуществляет в России. Полнейшее непонимание ни славян, ни турок, ни смысла исторического процесса, естественное у людей, отрешившихся вообще от традиции истории, — давало со стороны либерального общественного мнения России нравственную поддержку такому турецкому движению, которое, если бы оно действительно способно было оживить Турцию, уложило бы в могилу славяно-греческий мир. Но, к счастью для судеб Ближнего Востока, младотурки оказались тем же, чем являются для России «кадеки» и октябристы, элементом только разлагающим нацию и государство. Они нанесли Турции последний удар,

¹ Имеется в виду захват европейскими державами территорий Османской империи. За несколько лет до начала войны Балканского союза против турок, в 1908 г., Австро-Венгрия аннексировала турецкие провинции Боснию и Герцеговину, которые, формально оставаясь частью Османской империи, де факто находились под австрийской оккупацией и австрийским управлением со времени Берлинского конгресса 1878 года. В 1911 г. итальянское правительство вступило в войну с Османской империей с целью захвата ее владений в Северной Африке — Триполитании и Киренаики (совр. Ливия). По условиям Лозаннского мирного договора, подписанного в октябре 1912 г., турки вынуждены были отказаться в пользу итальянцев от двух этих провинций.

² Имеются в виду события 1908 г., связанные с победой младотурецкой революции в Османской империи.

и хотя такое же разложение трудами наших либерально-радикальных элементов погрузило в маразм и Россию, бывшую покровительницу Востока, пред народами Балкан открылся вопрос: или самостоятельно нанести решительный удар издыхающей поработительнице, или ждать европейского захвата, неизбежного при пассивном «неделании» ослабевшей духом России. Ни Европа, ни Россия не ожидали, чтобы балканские народности оказались созревшими для таких смелых решений.

Но они оказались достаточно созревшими, окрепшими для того, чтобы решиться действовать на свой страх, оставив в стороне и советы, и угрозы опекунов. Напрасно дипломатия старалась сдержать движение. Оно разразилось в силе, которой никто не ожидал.

Печально положение русского, сравнивающего наше прошлое и настоящее в восточном вопросе. Но для балканских народов, кажется, пошло в пользу и наше падение, и хищничество Европы. Если бы мы стояли на высоте событий, балканские народы, быть может, предпочли бы идти под нашим руководством и не сделали бы этой пробы самостоятельного действия. Но положение их было безвыходно. Ниоткуда не было помощи, отовсюду видны только опасности и угрозы самостоятельному бытию молодых наций Востока. Приходилось идти на риск. И они пошли на риск сами, вопреки всем настояниям, угрозам и предсказаниям «печальной участи». «Мы хотим жить и умереть с нашей матерью Грецией», — ответили критяне, и тот же ответ молчаливо был дан всеми остальными.

Самое достопримечательное в этих событиях состоит в том, что балканские народности сумели сговориться между собою и поставить зрело обдуманый план раздела Турции. Та задача распределения балканских территорий между многочисленными народностями, перемешанными на нем, которая казалась неразрешимой для дипломатии, была разрешена самими народностями Балкан. Нужда учит уму-разуму, потребность друг в друге учит взаимным уступкам. Удержатся ли балканские народности на этой высоте или снова перегрызутся друг с другом на общую погибель — покажет будущее. Но мы находимся в таком моменте, когда они пришли к соглашению, открывающему им новую великую жизнь, ибо несомненно, что за этой пробой временного соглашения явится выработка постоянного. Последствия этого бесчисленны. На Ближнем Востоке *novus nascitur ordo*. Могущественная федерация, равная в силах крупным державам Европы, конечно, способна будет возвысить свой голос в области нынешнего безотпорного хозяйничанья всезахватывающих и всеэксплуатирующих европейских держав, и кто скажет, где кончится влияние этого нового мирового фактора, рождающегося из смелого почина балканской коалиции?

Европа, — можно сказать, поголовно, — со страхом и злобой смотрит на этот неожиданный для нее оборот. Балканская федерация выхватывает добычу из рук алчущих эксплуатации других народов. Все усилия сохранить мир и *status quo* до тех пор, пока европейские державы подготовят прочные

захваты различных кусков Турции, разбиты смелым почином балканской коалиции. Возможно ли остановить ее успехи? Вот исторический вопрос для европейских держав, и — к несчастью нашему — эту возможность они могут создавать только при нашем участии, если мы его дадим...

Дадим ли мы его? Вот вопрос, почти равный быть или не быть для России.

Между нашими традициями, интересами и задачами будущего на Ближнем Востоке и планами и интересами Европы нет, безусловно, ничего общего. Для нашего будущего нужен не захват Востока, не его эксплуатация, не господство на нем Англии, Франции, Германии, Австрии, а совершенно наоборот. Нам нужно то же самое, что нужно для самих народностей Ближнего Востока: их свобода, их государственное существование, их сила и развитие. По природным условиям мы солидарны с ними, и мы сознательно и по чувству подготавливали тот самый *povus ordo*, который теперь рождается — увы, без нашего участия. Но хотя мы и не участвуем в завершении своего собственного исторического дела, однако, пассивными до конца мы не можем пребыть, несмотря ни на какие внушения своих опасений. Ход событий подвигается. Скоро, очень скоро наступит минута, когда Европа должна будет сказать свое слово: согласиться на переворот или противодействовать ему активно. С кем же окажемся мы: со своими или с чужими? Кого поддержим: свое собственное дело, свое будущее или своекорыстные интересы мамоны¹ в захвате наследия Магомета? Вот вопрос завтрашнего дня.

Наш ответ на него будет ответом нашим о будущности России.

5

«Русское слово». 17 октября 1912 г. Румынский задор

С Дуная пришли тревожные вести о положении, которое, будто бы, готовится занять Румыния. Вслед за воинственной речью короля Карла, которому, по-видимому, захотелось обновить, с русским фельдмаршалским жезлом в руках², увядшие лавры своей армии, из Вены и Берлина посыпа-

¹ Мамона — символ своекорыстия, заботы о собственном благополучии в Евангелии.

² В сентябре 1912 г. королю Румынии Карлу (Каролю) Гогенцоллерну был присвоен высший военный чин Российской империи — генерал-фельдмаршала, в память о той помощи, которую он оказал России в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. По иронии истории, румынский король оказался последним, кто был удостоен этого чина.

лись известия о производящейся в Румынии мобилизации и об отправке румынских войск к болгарской границе. Престарелый Гогенцоллерн решил оградить свое королевство от славянского натиска и заявить, будто бы, требование о компенсации. Сколько известно, славянские страны ведут войну с Турцией, а не с Румынией, и никакого натиска славянских народов на славных потомков древних римлян за последние 500 лет не отмечено историей. Напротив, Румыния обязана своим освобождением от турецкого ига исключительно победам русского оружия. Натиск на румын более двух столетий идет только со стороны мадьяр, которые не без успеха пытаются денационализировать подданных короны св. Стефана¹, говорящих на румынском языке. Неискупленная Румыния лежит по ту сторону Трансильванских Альп, и взоры молдаво-валахских ирредентистов² должны быть, конечно, обращены на север, где четыре миллиона их соотечественников томятся под скипетром Габсбургов. Если в более или менее отдаленном будущем мыслима какая-либо компенсация Румынии, то разве за счет Буковины и Трансильвании. Мечты бухарестских шовинистов о завоевании Бессарабии могут только повредить будущему развитию нижнедунайского королевства. В Бессарабии румыны составляют меньшинство населения, притом вкрапленное оазисами среди русских и болгар, а не живущее сплошной массой.

К сожалению, часть румынской нации (особенно высшее общество) настроена враждебно по отношению к России и, по странному недоразумению, считает себя обиженной на Берлинском конгрессе. Это враждебное настроение проявилось особенно ярко несколько месяцев назад, во время празднеств по случаю столетней годовщины присоединения Бессарабии к России. Между тем, Румыния, возвратив России не принадлежавший ей до 1856 г. Измаильский уезд, в котором и румын-то очень мало, получила Добруджу и выход к Черному морю. Смело можно сказать, что весь экономический прогресс Румынии за последние 30 лет тесно связан с ее единственным морским портом — Констанцей, без которого сбыт продуктов сельского хозяйства Молдавии и Валахии на европейские рынки был бы крайне затруднительным. Мы дали Румынии окно в Европу, и за это нас же честят. Но Болгария, во всяком случае, не может отвечать за чужие грехи. Что касается интересов

¹ Земли короны святого Стефана — земли Венгерского королевства, символом которого была корона средневекового правителя венгров короля Стефана (Иштвана) (970/975–1038), причисленного после смерти к лику святых.

² Ирредентизм — политика государства, партии или политического движения по объединению народа, нации, этноса в рамках единого государства. Первоначально ирредентизмом именовалось движение в Италии в конце XIX — начале XX века, направленное на присоединение к Италии приграничных территорий Австро-Венгрии с итальянским населением — Триеста, Трентино и других. Термин «ирредентизм» используется для характеристики схожих национальных движений также в других государствах и странах.

полутораста тысяч куцовлахов¹, живущих в Македонии, то их никто и не собирается нарушать; на их язык и культуру греки и болгары, живущие с ними бок о бок, никогда не посягали². Неужели же Румыния готова силой оружия возвратить своих сородичей под турецкое иго и обречь их огню и мечу башибузуков-мстителей?

Воинственный задор Румынии, проявившийся ни с того, ни с сего после первых побед болгарского оружия, угрожает серьезными осложнениями на Ближнем Востоке. Без сомнения, бухарестские политики не решились бы действовать на свой страх и риск. Нетрудно в новом сальто-мортале только что образованного румынского коалиционного правительства увидеть направляющую руку венского кабинета. По-видимому, граф Берхтольд, не встретив сочувствия своим агрессивным планам ни в Италии, ни в Германии решил зажечь костер с другого конца. Еще до начала балканской войны в Вене и Пеште усиленно бряцали оружием и грозили занять не только Новобазарский санджак, но и самый Белград, если только сербы и черногорцы осмелятся двинуться в знаменитый отныне санджак. Угрозы Австрии оказались пустым бахвальством. Новобазарский санджак очищен союзными войсками от турок и управляется теперь от имени королей Петра и Николая, но ни один австрийский солдат не перешел сербской границы. Повинуясь какому-то потайному сигналу, венская печать обнаружила вдруг необычайную нежность к славянам и особенно к Сербии. Двуетные политики решили, что безопаснее загребать жар чужими руками, и в качестве пушечного мяса выдвигаются закулисными режиссерами злосчастные румыны.

Новая попытка вмешательства незваных гостей в чужие дела должна быть пресечена в самом начале, пока не возникла серьезная опасность общеевропейской войны. На румынскую мобилизацию мы должны ответить мобилизацией черноморского флота. Воевать с Румынией Россия, конечно, не собирается. Для обуздания непомерного шовинизма румын достаточно заявлений в решительном тоне со стороны нашей дипломатии. В случае, если дружественные советы не помогут, необходимо прибегнуть к мирной блокаде румынского побережья. Интересы сохранения мира за пределами Балкан вполне оправдывают подобные меры, которые скоро отрезвят чересчур пылкие головы.

¹ Куцовлахи (аромуны, цинцары) — народ, населяющий Балканский п-ов, говорящий на языке, близком к румынскому.

² В действительности Константинопольская патриархия и в отношении куцовлахов осуществляла политику эллинизации.

**«Речь». 18 октября 1912 г.
Передовая статья**

Победы балканских государств уже создали на полуострове положение, совершенно непохожее на то, какое существовало две недели назад. То великое неизвестное, которое разрешается только вооруженным столкновением сил, в значительной степени выяснилось. Мир знает теперь, что та Турция, поддержка которой считалась одной из основ европейской политики, не может держаться на собственных ногах. Стало ясно и то, что на Балканах может быть создано новое, самостоятельное равновесие, гораздо более устойчивое, чем прежнее, и, следовательно, вовсе не требующее таких постоянных усилий для поддержания его, как существование «больного человека»¹. Конечно, всякая ломка вредна и опасна для установившейся системы интересов. Но в данном случае ломка уже началась, и в интересах всех сделать так, чтобы она была последней.

Таким образом, простая необходимость создать новое устойчивое положение на Балканах, в связи с очевидной невозможностью поддержать старое положение, диктует всем, как заинтересованным, так и незаинтересованным в сохранении Турции, обязательность широкого пересмотра всех спорных вопросов, накопившихся на Ближнем Востоке. К этому присоединяется еще столь же общее невольное сознание, что пролитая кровь имеет свои права, реальность которых поддерживается, притом, готовностью бороться за сохранение приобретенного с той же энергией, с какой совершилось самое приобретение.

Другими словами, сама собой выступает на первую очередь та группа требований балканских держав, которые мы на днях оставили для отдельного рассмотрения. Эти требования уже начинают сосредоточивать на себе внимание не только печати, но и европейской дипломатии. Из разных источников мы слышим в последнее время отдельные заявления, что не только требования болгарской ноты от Порты² перед объявлением войны, но и частичные «исправления границ», «территориальные прирезки», небольшие нарушения status quo признаются не невозможными. Венский корреспондент «Daily Mail» даже сообщает из «заслуживающего доверия источника», что в дипломатических кругах уже обсуждается план раздела Европейской Турции по окончании похода. То, что «Daily Mail» и «Pall Mall Gazette»

¹ Метафорическое обозначение Османской империи в европейской прессе второй половины XIX — начала XX вв. Принято считать, что именно так во время обсуждения накануне Крымской войны «восточного вопроса» с британским послом Дж. Г. Сеймуром назвал слабеющую державу российский император Николай I.

² Порта (также Оттоманская Порта, Блистательная Порта, Высокая Порта) — принятое в истории дипломатии и международных отношений наименование правительства (канцелярии великого визиря и дивана) Османской империи.

передают об этом плане, довольно близко совпадает с тем, что известно о требованиях балканских держав. Чтобы судить о территориальных пределах этих требований, достаточно вспомнить картину оккупации турецких областей сербскими, болгарскими и греческими войсками. Картина эта в точности соответствует претензиям каждой воюющей нации. План раздела говорит о новых автономных княжествах Албании и Македонии, об отдаче Сербии гавани на Адриатическом море, Болгарии — выхода к Эгейскому морю, Черногории — большей части санджака. Все это для осведомленных людей отнюдь не является новостью, и значительная часть местностей, подлежащих разделу, уже находится в руках соответственных балканских государств. Несомненно, именно такое распределение оккупированных земель было предметом предварительного взаимного уговора четырех союзников. Можно догадываться, что кое о чем балканские государи (черногорский и болгарский, во всяком случае) переговаривали своевременно отчасти уже задолго до войны и в Вене.

Венская печать за последнее время громче всех хоронила *status quo* и кричала о необходимости непосредственно столкнуться с правопреемниками Турции в соседних с ней областях. Совершенно из другого источника, но к той же самой цели, шло одушевление известной части нашей печати, требовавшей сохранения за победителями всех плодов их завоеваний. Газеты так много говорили о моральной необходимости этого исхода и так красноречиво изображали полную невозможность отнять завоеванное у победоносных армий, что в короткое время как бы уже сложилась в публике уверенность в благоприятном исходе всех этих требований.

В последние дни, однако же, публика получила два серьезных предостережения. Одно — это недвусмысленное заявление о намерении австрийского правительства самому позаботиться о своих интересах в случае, если *status quo* будет нарушено. Другое — это веские слова румынского короля Карла своим новым министрам. Оба эти соседние государства, как можно было предвидеть, выступили в тот момент, когда балканские армии прочно увязли на оккупированной турецкой территории, далеко от австрийской и румынской границ. И Австрия, и Румыния не ограничились словами, а приступили, по-видимому, к подготовительным действиям. Оба государства, очевидно, выжидают первого благоприятного случая, чтобы предъявить требования компенсаций. Таким благоприятным случаем, несомненно, явится попытка балканских государств или их европейских защитников выйти из рамок *status quo*.

В таком положении слишком большая готовность сдать в архив эту благодарную для насмешек дипломатическую формулу не может не казаться несколько подозрительной. История балканской дипломатии показывает, что формулой *status quo* никто никогда не стеснялся и что в пределах этой формулы можно, в сущности, делать все, что угодно. Но формула *status quo*, не мешая ничему на Балканах, однако же, оказывала и впредь может оказать

одну серьезную услугу: она охраняла Балканы для Балкан и не допускала чужого вмешательства.

Националистическая печать горячо спорит о том, должен ли Балканский союз идти под гегемонией Австрии или под эгидой России. Но самое правильное решение — и не безвыгодное для нас — было бы: ни Россия, ни Австрия. «Балканы для Балкан». Этот лозунг привлек бы к нам все сердца на Балканах и поставил бы серьезную препону нашему политическому сопернику. Вот почему следовало бы нам усвоить этот лозунг раньше, чем догадается воспользоваться им Австрия.

Не будем разбираться, наступит ли в будущем, близком или далеком, такой момент, когда отбросить формулу *status quo* будет совершенно безопасно и удобно. Но в настоящую минуту этот момент, во всяком случае, еще не наступил. Удержать Австрию и Румынию от непосредственного вмешательства является теперь более важным, чем когда-либо. А сделать это можно лишь на той почве, которую Австрия уже официально признала: на почве сохранения *status quo*.

Это не значит, конечно, чтобы какие бы то ни было, хотя частичные и маловажные, нарушения *status quo* оказались недопустимыми. Но необходимо, чтобы такие нарушения прошли через европейскую санкцию. А для этого необходимо, чтобы самая возможность общеевропейского контакта сохранилась. Следовательно, неизбежно и сохранение основных условий этого контакта, уже принятых Австрией. Это тем более необходимо, что окончательный исход войны еще нельзя считать вполне решенным... Каков бы он ни был, всегда будет лучше для самих балканских государств удовлетвориться меньшим, но не впустить к себе Австрию, чем открыть широко ворота всяческим нарушениям *status quo* с риском увидеть и Австрию в числе нарушителей.

7

«Русские ведомости». 26 октября 1912 г.

Передовая статья

Напрасно «Новое время» утверждает, — так жаловалось наше министерство иностранных дел устами своего официоза, — будто бы в балканском кризисе «наша дипломатия ничего не предусмотрела, ничего не предотвратила и всюду опоздала». Нет, не напрасно. Напрасно только аттестовать так одну русскую дипломатию. Все европейские кабинеты оказались захвачены одинаково врасплох балканским ураганом, и если для России теперь нет оснований огорчаться происшедшим «недосмотром», то для других стран дело обстоит печальнее. «Всех нас, — так высказался недавно в Константинополе

один из самых влиятельных послов, — надобно было бы сдать за штат, в пенсионеры. Более блестящего свидетельства нашей негодности нельзя было бы придумать»...

Годны они или негодны, но дипломаты сейчас опять оказываются на первом плане. Пушки на поле битвы договаривают последние слова. О перемене в военном счастье больше не может быть и речи. Молниеносным историческим событиям приходится уже подводить итоги. Подсчет же этот не может обойтись без участия Европы, и в канцеляриях ведомства иностранных дел по всем странам кипит напряженная работа. Отказ Европы от коллективной ноты касательно поддержания балканского status quo, хотя ее чернила не успели еще вполне засохнуть; вторая «формула согласия», предложенная Пуанкаре, и крики Австрии о том, что Франция — «нечестный маклер»; турецкое ходатайство о посредничестве и затруднения со стороны воюющих балканских государств, — все это больше возбуждает сейчас общественное внимание Европы и России, чем телеграммы о бомбардировке Адрианополя или Скутари. И общество не ошибается в своей оценке. Там — потухающая уже местная война; здесь — опасность нового, на этот раз всеевропейского пожара.

За чем при этом особенно приходится следить? Крушение Турции в известной мере затрагивает интересы всех западноевропейских великих государств. И Англия, и Франция, и Италия, и Австрия с Германией, — все были бы гораздо более довольны, если бы случившееся не случилось, если бы была возможность еще продлить дни жизни «больного человека». Иди война не со столь головокружительной быстротой, эта заинтересованность Европы в дальнейшем сохранении Турции, конечно, и не преминула бы сказаться. Но ход событий опрокинул все расчеты, и, чувствуя, что реку исторического развития невозможно заставить обратиться вспять, Европа сама поторопилась поставить надгробный памятник пресловутому status quo. Однако если прочие державы готовы были бы при переделе Балканского полуострова остаться почти что посторонними свидетельницами, заявив лишь о неприкосновенности Константинополя да позаботившись о переносе на Грецию, Болгарию и Сербию соответственной части турецкого государственного долга, то среди них есть две, которые не проявляют склонности на этом помириться: одна из них — великая, другая — не великая, но и не настолько малая держава, чтобы с голосом ее не приходилось считаться. Мы разумею Австрию и Румынию, которые в качестве балканских государств считают себя вправе не остаться с пустыми руками при дележе турецкого достояния на Балканах.

Причем Румыния? Ее права какие? Союзники купили свою победу ценой тяжких жертв; союзники, начав войну, шли на жестокий риск, ибо их участь в случае неудачи оказалась бы поистине плачевной; за что же Румыния, не истратив ни копейки денег, не пролив ни капли крови и не рискуя ничем, могла бы требовать себе вознаграждения? Но право в международных отношениях — понятие, которому придается смысл глубоко отличный от того, какой

с ним связан в гражданской жизни. Всякое государство само признает за собой абсолютное право на существование. Все, что грозит ему, оно имеет право отражать. Всякий сосед считается опасным. Отсюда всякое усиление соседа, за чей бы счет оно ни произошло, обычно вызывает правовое в международном смысле требование, чтобы было восстановлено нарушенное «политическое равновесие» или соотношение сил. Так мотивируется при чужих успехах со стороны соседей претензия на получение «компенсаций».

Во имя своего государственного самосохранения Румыния не может не ссылаться теперь на эту давнюю политическую практику Европы. Те государственные образования, которые представляет, — или, если угодно, представлял, — Балканский полуостров, идут слоями. Слой греческий, над ним турецкий, над ним славянский, над ним в Румынии латинский, а наверху — опять славяне, представляемые и Россией, и западнее — многоязычные австрийские владения. Являясь латинской прослойкой между русским и балканским пластом славянства, Румыния никогда не могла чувствовать себя особенно спокойно: недаром Бисмарк вскоре после берлинского конгресса сочувственно говорил королю Карлу о «колоссальных затруднениях», вытекающих из географического положения его страны. Но раньше по крайней мере она была равна по населению и по силе Болгарии и Сербии вместе взятым, и могла рассчитывать при распрях с ними на поддержку со стороны Турции, которая в славянах тоже видела для себя главную опасность; от русского же колосса ее оберегало соперничество между ним и Австрией, и вообще тут дело переходило уже в область общего европейского равновесия. Теперь же при предстоящем полном почти исчезновении Турции с европейской карты и крупном расширении пределов Болгарии и Сербии, Румыния, конечно, не согласится обойтись без заявления о более или менее серьезной «компенсации». Такого рода «компенсацией» давно уже признают уступку ей со стороны Болгарии части болгарских владений по Дунаю с Силистрией, являющейся ключом к так высоко ценимой сейчас в Румынии Добрудже. Для благовидности Румыния при этом могла бы отказаться от претензий на долю в Македонии, где в мешанине населяющих страну народов румыны при помощи лингвистов тоже нашли сородичей в лице так называемых куцо-влахов.

Но дело не в предлоге, который у дипломатов всегда найдется: дело в силе. Есть ли Румынии чем подкрепить возможное заявление ее желаний? Бесспорно, да. Напрягшись, Румыния способна выставить армию в 450 000 человек со снаряжением, стоящим, по отзывам авторитетов, благодаря трудам правящего страной Гогенцоллерна на полной высоте современного военного искусства. Мало, однако, вывести в поле хорошо снаряженные полки. Надо еще, чтобы солдаты имели охоту драться. Со стороны румынской армии не исключается и это в силу так много значащей в подобных случаях расовой антипатии. Не надо забывать здесь и того, что несмотря на все блестящие успехи, каждый день войны тяжело отзывался на небольших, в сущности, ресурсах балканской коалиции.

Захочет ли, однако, осторожный правитель Румынского королевства закончить свое почти полувековое царствование такого рода авантюрой? Кто знает? Быть может, ему и надобности нет в подобном риске. Поддержка Турции настолько явно лежала в румынских интересах, — недаром в 1910 году так упорно ходили слухи о заключении между Румынией и Турцией формального союза, — что, может быть, балканская коалиция заранее обеспечила Румынии и соответственную «компенсацию», и соответственное место в окончательной балканской федерации, чем и купила себе свободу действий. Но может быть и то, что здесь Румынией была повторена ошибка, допущенная в 1866 году, — как раз в год вступления короля Карла на престол, — его тогдашним покровителем Наполеоном III, рассчитывавшим на иную продолжительность войны между двумя соперничавшими немецкими державами¹. Тогда Румынии нельзя не помышлять, что «компенсацией» Франции за дипломатический недосмотр перед Садовой через четыре года явилась битва при Седане². И, наконец, возможно, что румынское правительство не вольно было само определить более выгодный для Румынии способ действий. Все это пока еще скрывается под покровом дипломатического мрака, но, как бы то ни было, нельзя ждать, чтобы Румыния была способна смотреть на дележ Турции, спокойно сложа руки. Чужим успехом больно задеты ее существенные интересы, и это заставляет зрителей балканской драмы внимательно следить за каждым румынским шагом.

8

«Новое время». 27 октября 1912 г. Полнота прав

Мир скучает по великим зрелищам. Когда на древней исторической сцене, на родине Ахиллеса и Александра Великого, выступили молодые народы, одержимые тем же героизмом, — старая Европа онемела от изумления. Она почувствовала великую игру, превосходное развитие живой человеческой драмы вместо тягучей и бесцветной «читки ролей» плохими актерами европейской дипломатии. Артистически-блестящая война одновременно покоряет Турцию физически и весь мир — морально. Даже глубоко равнодушные

¹ Имеется в виду война между Пруссией и Австрией 1866 г. за гегемонию в германских землях, продолжавшаяся всего два месяца и закончившаяся полным разгромом австрийской армии.

² Битва при Седане 1870 г. — генеральное сражение франко-прусской войны, в результате которого французская армия была разгромлена, а император Наполеон III — пленен.

к славянам, даже искони враждебные им страны чувствуют в себе безотчетно подъем уважения к балканским народам и невольное признание их права на результаты побед. О жалком измышлении растерявшихся политиков, об отстаивании status quo нет более и речи. На мольбы Турции защитить ее от сокрушительного, как ураган, болгарского погрома великие державы ответили более или менее вежливым отказом. Из той же австрийской кухни, где собирались еще раз подогреть залежавшийся status quo, идут уже проекты создания независимого албанского княжества и независимой или, по крайней мере, автономной Македонии. Так как события идут с быстротою бури и, может быть, ко дню архистратига небесных сил¹ христианский крест осенит Византию², следует серьезно обсудить, что же делать с новым положением вещей. Страница мировой истории готова перевернуться. Хотим мы этого или нет, мы будем вовлечены в совет держав, решающих судьбу нескольких народов. В чем же состоит долг наш в эти торжественные дни?

Мне кажется, Россия как освободительница балканских христиан от турецкого ига должна закончить свою роль, *не изменяя ей* никакими противоречиями. Балканские христиане с их территорией должны получить полную независимость от мусульман. Это требование не только естественного права, но, наконец, и самого факта истории. Если до некоторой степени позволительно было признавать власть турок над христианами, как власть завоевателей, то есть ли хоть тень смысла признавать эту власть теперь, когда она исчезла, когда завоевателями являются, наоборот, сами христиане? Всякое право обращается в звук пустой, если отходит поддерживающая его сила. Надо уважать природу меняющихся отношений. Подобно тому, как без нашего спроса зреет в мире все живое, — так постепенно созревают и новые исторические явления, несущие в самих себе права на жизнь. На Балканском полуострове одна Албания остается сейчас инертной, одна лишь эта страна до сих пор не в состоянии была добыть себе право независимости. Но многочисленные восстания в этом углу Европы убедительно свидетельствуют, что и Албания не мирится с турецким игом. При разверстке Балканского полуострова мне кажется, великие державы должны уважить мечту и этого обиженного историей народца. Хотя проект независимой Албании исходит от Италии и Австро-Венгрии, но мне кажется, к нему может с чистым сердцем присоединиться и Россия — с единственною лишь оговоркой, что королевству Сербии должен быть предоставлен один из адриатических портов (именно уже занятый черногорцами Сан-Джованни-ди-Медуа). Если бы этот порт оказался расположенным на албанской окраине, то доступ к морю

¹ Собор архистратига Михаила и прочих небесных сил бесплотных — праздник православной церкви в честь почитаемых небесных бесплотных сил во главе с архангелом Михаилом. Празднование совершается 8 (21) ноября.

² Имеется в виду не Византийская империя, а город Константинополь, выстроенный императором Константином Великим на месте небольшого города Византий.

не может быть все-таки загорожен ни для одного народа, лежащего в такой близости, как Сербия, от морского берега.

Албания, подобно нашей Финляндии, никогда еще в истории не была самостоятельным государством. Это племя, древнейшее в Европе, составляет последнюю развалину пеласгической расы, завоеванной когда-то эллинами за тысячи лет до р[ождества] Х[ристов]. За эллинским следовало римское завоевание, затем византийское, затем славянское (сербское) и, наконец, турецкое. Только в XIV и XV вв. некоторые албанские племена объявляли себя на время независимыми, но в самую счастливую пору, при Георгии Кастриоте, независимость их могла держаться каких-нибудь два-три десятилетия. Восстания албанцев и усмирения их сделались постоянным явлением в истории Турции. В действительности никогда не было полного завоевания и полного усмирения, как не было и полной независимости. Албания была в своем роде турецким Кавказом, страной вечной маленькой войны и в передышки мира — страной вечного разбойничества. Трудно найти еще пример более несчастного, более расстроенного завоевателями племени. Албанцы потеряли в истории даже национальное свое имя: турки называют их арнаутами, сербы — арбанасами, греки — арванитами, а сами они называют себя шкипетарами. Долгое время, подобно испанским баскам, албанцы составляли загадку для этнографов, и хотя теперь они признаны арийским племенем, но язык их до сих пор представляет камень преткновения для лингвистов. Пеласгический¹ язык албанцев наводнен огромным количеством слов всех завоевателей, которые наплывали на их страну. Будучи крохотным народцем общию численностью менее 2 миллионов душ, албанцы раздроблены между Турцией, Грецией и Италией, разбиты на несколько религий и несколько наречий, и вообще представляют смесь народностей, редкую по пестроты. Тем не менее, стремление к свободе заявлено албанцами десятками восстаний, и странно было бы отнимать у них, на манер турок, суверенные права, которых ни один завоеватель Албании не в силах был использовать для себя. Оставлять их в вассальном подчинении Турции было бы столь же жестоко, как и неумно.

В известном сочинении проф[ессора] Т. Д. Флоринского «Славянское племя»² делается попытка разграничить народности южной части Балканского полуострова на основании их подлинного языка. Задача трудная, однако, поддающаяся добросовестным усилиям, и именно теперь следует постараться точно выяснить, где кончаются границы каждого племени,

¹ Правильно «пеласгический». В начале XX в. албанский язык и происхождение албанцев связывали с пеласгами — догреческим населением Балкан. Сейчас албанский язык классифицируется как палеобалканский и преемственность по отношению к пеласгическому отрицается.

² *Флоринский Т. Д.* Славянское племя. Статистико-этнографический обзор современного славянства. Киев, 1907.

дабы освободившиеся маленькие народы не передрались между собою из-за крохотных клочков земли. Трудность заключается главным образом в обилии колоний позднейшего происхождения: под общим ярмом Турции балканские народцы расплывались и перемешивались, взаимно влияя на язык друг друга. Между тем язык — единственный, хотя и не вполне верный разграничитель наций. Болгарские колонии встречаются не только в Румынии, но и в Венгрии, и в России, а на самом Балканском полуострове — в Сербии (в четырех округах), в Албании и в Турции почти вплоть до Мраморного моря. С безусловной точностью разграничить сербское и болгарское племена невозможно, до такой степени языки народов-братьев незаметно переходят один в другой. Сербский ученый Белич склонен причислить все говоры Западной Болгарии чуть не до самой Софии к сербским. В особенности же трудно решить, к какому племени принадлежат так называемые македонцы. Целых тридцать лет идет об этом спор, и затруднительность его решения поднимает нелепый проект устройства Македонии в виде автономного княжества под протекторатом Турции. Греки доказывали еще 35 лет назад, что Македония сплошь населена греческою народностью, среди которой будто бы только попадаются славянские островки. Издана была даже карта (E. Stanford'a¹), подтверждающая эту ложь. С другой стороны, сербы с еще большей настойчивостью утверждают, что в Македонии нет никаких болгар, что живущие там славяне по языку, быту и народным обычаям настоящие сербы. В подтверждение этой лжи издавались также соответствующие карты (напр., Гопчевича²). Болгарские же филологи и этнографы признают Македонию по преимуществу болгарской страной. Казалось бы, всего беспристрастнее мог бы разрешить этот спор ученый третейский суд. Достаточно было бы снарядить ученую экспедицию из незаинтересованных славистов, которые, объехав Македонию, могли бы установить действительное распределение народностей в ней. К сожалению, этого до сих пор не сделано. «На основании же имеющихся налицо наиболее объективных научных данных, — говорит профессор Т. Д. Флоринский, — приходится признать наиболее правильным тот взгляд на дело, который установлен Шафариком, Ами-Буэ, Лежаном, Кипертом, Саксом и который разделяется большинством новейших авторитетных исследователей южного славянства, а именно: *большая часть славянских жителей Македонии принадлежит к болгарской народности*. Только обитатели скопской, кратовской и тетовской областей, относящихся собственно к Старой Сербии и неправильно подводимых под географический термин Македонии, по говору и другим этнографическим чертам стоят ближе к сербам, чем к болгарам».

¹ Ethnological map of European Turkey and Greece. London, 1877.

² Первое издание на немецком в 1889, рус. изд.: *Гопчевич С.* Старая Сербия и Македония. СПб., 1899.

Мне кажется, кроме господ ученых, способных разобраться в лексических тонкостях, есть еще одна авторитетная сторона в решении этого вопроса, — это сами македонцы. Совершенно невозможно, чтобы у них совсем утратилось предание о своем происхождении от того или другого славянского корня, тем более что оба корня — болгарский и сербский — очень близки. И действительно, если спросить македонских славян: кто они такие, они ответят вам без запинки: «бугаре», т. е. болгары. Какого же еще вам доказательства нужно? Надо заметить, что языки крохотных балканских народностей делятся на множество поднаречий и говоров, как во всех горных странах, где жители отделенных хребтами долин и ущелий до того были когда-то разьединены, что вырабатывали чуть ли не в каждой деревне свои особенности. Оттенки языка вовсе не суть решающие признаки национальности. Случается, что покоренная малочисленная народность принимает язык завоевателей, оставаясь особым племенем. Нет сомнения, что наиболее уважительным доводом для определения народности должно служить *самоопределение* данной местности. Если жители округа называют себя «бугарами», говоря в то же время на болгарском языке, хотя своеобразного говора, — то какой же возможен в данном случае спор?

Когда начнут делить Европейскую Турцию, было бы важно, если бы не забыли взглянуть на этнографическую карту, составленную профессором Флоринским на основании трудов наиболее авторитетных и беспристрастных ученых. Придержавшись этой карты, могли бы удовлетворить справедливые притязания болгарского, греческого, албанского и сербского народа. Болгарам должна по справедливости отойти не только вся Румелия и Фракия, но и вся Македония с частью морского берега между Драмой и Солунью, включая последний порт. Схематическая линия, касательная к берегу Эгейского моря, отделяет болгарскую народность от греческих и турецких прибрежных колоний, а меридиан Охриды — от Албании. Северо-западная граница Болгарии должна бы быть подвинута вглубь сербской границы, зато сербская должна быть углублена до Скопья. Греция должна получить тоже весьма значительное приращение в Эпире и Фессалии до параллели Салоник.

Такова схема территориальных изменений, если бы великие державы захотели хоть раз в жизни выдержать роль величия не со стороны лишь грубой силы, но и нравственного права. И на этот раз, к сожалению, есть большая опасность, что, как на всех конференциях и конгрессах, ликвидировавших большие войны, господа дипломаты забудут о национальных правах и все внимание обратят на удовлетворение лишь великодержавных интересов. Но даже с этой точки зрения почему не поглядеть на эти интересы более честными глазами и более здравомыслящими? Если в самом деле, как заявила Австрия, она не добивается территориальных приобретений на Балканском полуострове, а преследует лишь коммерческие цели, то почему же ей и Германии выгоднее видеть анархию на Балканском полуострове вместо

тишины и порядка? Пока миллионы болгар, греков, сербов и албанцев будут изнывать под властью бездарной Турции, явно выродившейся для какой-либо культурной власти, до тех пор весь этот благословенный богом полуостров будет ареной непрерывных восстаний, мятежей и войн. Разве это благоприятствует австрийской и немецкой торговле? В интересах европейской промышленности создать новый хороший рынок за Дунаем, т. е. поднять тамошние народы на степень наибольшей зажиточности и просвещения. Замиренные и расширенные до естественных своих границ балканские племена могли бы, наконец, успокоиться, облегчить тяжесть своих вооружений, предаться мирной культуре, и все это создало бы среди них наилучший сбыт для товаров северных стран.

Устанавливая границы балканских народностей, следует избегать пагубных ошибок, допущенных на Берлинском конгрессе. Тогда из зависти к русским победам и исключительно для того, чтобы умалить их значение, господа дипломаты исказили до неузнаваемости Сан-Стефанский договор, и освобожденные нами некоторые народности вновь ввели в турецкие кандалы. Немцам и англичанам не жаль было резать славянство по живому мясу — они и крошили, как им нравилось, сербов, болгар, македонцев. Следует всеми силами души желать и настаивать, чтобы теперь по крайней мере балканский вопрос был, наконец, покончен. Почему на месте нынешней Европейской Турции нужна именно Турция, а не ее более жизнеспособные элементы? Разве пространство Турецкой империи, именующееся теперь Румынией, проиграло, оторвавшись от власти султана? И разве Европа хоть что-нибудь проиграла от этого? Разве для Европы было выгоднее иметь под боком разоренное одичалое и редкое население вместо теперешних зажиточных и культурных жителей Болгарии и Сербии? И не все ли, собственно, равно для Европы, кто сидит в Константинополе, лишь бы там не сидела бездарная власть, не умеющая поддерживать порядок у себя дома?

Хотя инерция старых взглядов имеет временами всесильное значение, тем не менее, нельзя отрицать и некоторого заметного прогресса политических идей. Если, с одной стороны, возбуждающим стимулом великих стран служит захват, захват и захват, то самая обстановка мировой жизни начинает выдвигать новую цель стремлений. Наиболее деятельным странам становится выгодным не столько *захват* чужих территорий, сколько *порядок* на них, обеспечивающий культуру. Сильно занятые у себя дома, просвещенные народы нуждаются уже не в том, чтобы завоевать соседа, разорить его и унижить (и затем ждать всяких возмездий и реваншей). Они нуждаются в тишине и спокойствии, а также в тишине и спокойствии у своих соседей. Очень культурный сосед, постоянно раздираемый мятежами и войнами, неудобен уже тем, что на его месте мог бы быть культурный и зажиточный сосед, где вы чувствуете себя, как дома, где ваша полезная деятельность встречает то же покровительство законов, как у вас на родине. В силу этого и Турции, и Персии, и Китаю, и прочим странам в этом роде предоставляются условия,

при которых они могли бы завести хороший порядок, — им дается гарантия внешней безопасности, государственный кредит и прочие поблажки. И только уже те страны, которые, подобно Марокко и Турции, совсем не стоят на ногах, делаются объектом постепенного раздела. Разве за это столетие Европа недостаточно нянчилась с империей падишаха? Разве не были использованы все средства, чтобы заставить турецкую власть завести более разумные порядки? Ничто не помогло и *не могло помочь*. Дело в том, что в условиях погибающих стран разумные порядки не вяжутся с их природой. В самой последней заложено безумное начало — насилие, от которого отступать им столь же опасно, как, например, хозяину зверинца снимать решетки. Нелепо, говоря вообще, держать сильных зверей взаперти и укрощать их железом, но чуть вы заведете либеральные порядки, звери поднимают бунт и добиваются полной ликвидации зверинца. Бесконечные препирательства о реформах в Македонии, Армении, Албании и пр. доказывают одновременно и лицемерие, и невежество европейской дипломатии. Никакие реформы невозможны в государстве, основанном на подавлении прав народностей. Осуществляются права — исчезает государство. Вот почему, не будучи идиотами, турки не спешат с реформами, предпочитая лучше идти на смерть, нежели на самоубийство. Китай, может быть, еще выдержит систему европейской опеки, но Турция и Персия едва ли выдержат: они разваливаются, и спасти их может только их полный развал. Освободившись, наконец, от грызущих их инородцев, они, может быть, еще воскреснут.

Чего следует требовать вместе с балканскими народами, заканчивающими победоносную войну? Справедливости великих держав, уважения к естественному праву наций, как к основной святыне. Народам нужна полная свобода, а не полсвободы, не четверть ее.

М. Меньшиков

9

«Речь». 3 ноября 1912 г.

В сербской армии

(От нашего специального корреспондента)

Наконец, сербские военные чины решили пустить нас дальше сербской границы и отправили нас в Ускюб (Скопье). На станции во Вранье нас, корреспондентов, сначала посадили было в спальный вагон, но потом пересадили в маленький вагон третьего класса, настолько маленький, что половине из нас пришлось стоять. Грязен был вагон невероятно, но на стене красовалось объявление: «Не пачкать руками обивки и не царапать стекло»

бриллиантами». Англичан и немцев объявление это привело в неопиcуемый восторг. Вообще здесь с печатью не очень церемонятся.

С Ристоваца, пограничной сербской станции, стали попадаться следы войны: разрушенные дома, изрешеченные стены, горящие стога хлеба и сена. Попадались целые деревни в дымящихся развалинах. У Куманово поезд проходит по возвышенности, и пред глазами развернулось все поле битвы, которая была здесь неделю назад; по равнине валяются убитые лошади (люди уже убраны), оружия, лафеты без орудий, разбитые зарядные ящики. В самом Куманове и на станции брошенные турками пушки, палатки, амуниция; а потом по направлению к Ускюбу, по линии железной дороги, опять горящие деревни, стога хлеба. Вдоль всего железнодорожного пути стоят сербские посты.

Вот и Ускюб, или, как теперь его называют, Скопье.

Здесь, в Скопье, теперь ось всей сербской политики и здесь очень и очень много интересного для наблюдения.

Во-первых, тут вы можете понять, почему так скоро и сравнительно легко турки были разбиты сербской армией. Я не буду говорить о том, что у турок не было общего плана войны. Я хочу сказать только, что из себя представляла турецкая армия, действовавшая против сербов. Настоящего регулярного войска, как под Кумановым, было не более 15 тысяч. Остальное была неорганизованная масса, частью даже вооруженная не маузерами, а старыми однозарядными мартинками. Эта неорганизованная масса дополнялась несколькими тысячами арнаутов¹, которые только увеличивали беспорядок. Албанцы очень хороши для партизанской войны, но не для боя, где принимают участие массы регулярных войск и где план сражения вырабатывается штабами. Турки же перемешали свои регулярные части с албанскими бандами и тем самым упустили из своих рук единство действия, ибо албанцы никаких команд не признают, а действуют как каждому удобнее. И вполне понятно, что сербская пехота успешно выбивала штыками смесь из албанцев и турок. Албанцы защищались отчаянно, но это делу не помогало и не могло помочь. Кроме этого, царил страшный беспорядок и в распределении войсковых частей. Из Ускюба отправляли поезда с солдатами, собранными из всевозможных полков, с тем чтобы эти солдаты сами распределились по частям в Куманове. И это накануне битвы. Людей, может быть, и было достаточно, но не было войск.

Уж одно то, что турки делали со своей артиллерией, доказывает, какой был у них беспорядок. Задумав дать генеральный бой сербской армии у Куманово, они привезли из Монастыря в Ускюб 18 гаубиц. Но пушки эти так и простояли в Ускюбе, и турки не собрались свести их в Куманово. Кроме всего этого, в турецкой армии не оказалось и кадра офицеров, и перед самым

¹ Арнауты — одно из названий албанцев, применявшихся соседями.

началом войны турецкие военные власти предлагали кавасам¹ некоторых миссий поступить в действующую армию с производством в офицеры.

Здесь с турецкими войсками дело почти кончено. Сербь не пошли на Демир-Капу, а двинулись следом за турецкими войсками, отступившими на Прилеп, Монастырь. Вероятно, где-нибудь около Монастыря туркам придется дать сражение. Но тут им придется иметь дело не только с сербской армией, а и с греческой, которая наступает с юга. К тому же войска у турок совершенно деморализованы и почти лишены артиллерии. Сербь настолько уверены, что турки не смогут оказать им сколько-нибудь серьезного сопротивления, что уже отправили часть своей армии для совместных действий с болгарями под Адрианополем.

* * *

Когда турецкие войска покинули Ускюб, охрану города взяла на себя часть граждан под начальством небезызвестного болгарина Караева и турецкого нотабля Саид-Ходжи. Им удалось отстоять конак² и базар от разграбления. Но вот вступили к вечеру в город передовые части сербских войск, им была передана охрана, и... начался грабеж базара. Грабили не солдаты, а окрестные жители, предводительствуемые четниками. Русский консул Калмыков, который многое сделал в эти дни для населения, без различия национальностей, перед сдачей города дал слово, что имущество и жизнь мирного населения будут в безопасности. И теперь как у русского, так и у других консульств толпятся турки и албанцы, которые приносят вести о грабежах и насилиях. Грабежи происходят каждый день. Четники врываются в дома, производят обыски, вымогают деньги. Каждую ночь происходят убийства мусульман как в городе, так и в окрестностях, а потом трупы находят в Вардаре.

* * *

То, что теперь занято сербскими войсками, исключая санджак, распадается на две части: часть северной Албании и северная Македония. Название «Старая Сербия» — название более историческое, совсем не соответствующее этнографическому составу населения в настоящее время. В северной Албании в настоящее время не более 15 проц. (это максимум) сербского населения, остальное — албанцы. Раньше, лет 60 тому назад, процент сербского населения был гораздо выше, но потом албанцы стали спускаться с гор и, покровительствуемые турецкой властью, особенно при Абдул-Гамиде, начали вытеснять сербское население. Убийства сербов, насильственный захват земли и имущества, насильственное обращение в магометанство шли вовсю. Теперь, волею судеб, сербы опять пришли сюда, уже в роли завоевателей.

¹ Кавасы — низший полицейский чин, охранники, которых приставляли к дипломатическим лицам в Османской империи.

² Конак — дом высокопоставленного лица, а также правительственное здание, государственное учреждение.

Я встретил здесь Хасан-бея, бывшего депутата, который играл руководящую роль в последнем албанском восстании. Мне вспомнилась наша первая встреча с ним на Косовом поле, когда он был наверху своей славы, когда он диктовал условия константинопольскому правительству. Когда я его тогда сфотографировал, он попросил прислать ему фотографию, и на мой вопрос, по какому адресу, ответил: «Албания — Хасан-бею». И теперь он сидел против меня такой же сдержанный и корректный, как тогда, и рассказывал о том, что сербские военные власти посылали его и других видных албанцев с требованием замирить своих сородичей, которые сражаются, а в обеспечение хотели оставить заложниками их семьи, и только по настойчивому протесту консулов отказались от этого.

В северной Македонии, где христианское население в большинстве, это большинство болгаризировано. Сербское население в ничтожном меньшинстве. В Скопье, например, болгарских домов до 2000. Сербских едва наберется до 200. Македонское же население, особенно южнее Скопье, считает себя болгарями. Здесь в продолжение десятков лет шла ожесточенная борьба между сербами и болгарями за влияние на население, и, несмотря на то что турецкое правительство всегда помогало сербам против болгар, первые теряли позицию за позицией. И вот теперь это население, которое десятки лет приучалось глядеть на сербов, как на людей, покушающихся на его национальность, ведет себя очень сдержанно по отношению победителей. Северная Македония — это пробный камень прочности союза между Сербией и Болгарией, и трудно сказать, выдержит ли союз это испытание.

Н.

Ускюб, 21 октября

10

«Новое время». 22 ноября 1912 г.

Перемирие и старая опасность

Сегодня подписано перемирие от имени Болгарии, Сербии и Черногории. Греция, как сообщают телеграммы, оставила за собой право в течение суток примкнуть к протоколу, причем во всяком случае греческое правительство будет участвовать в переговорах о мире. Таким образом, война Греции с Турцией продолжается.

Не входя в оценку условий перемирия, так как трудно знать, что заставило союзников пойти на весьма льготные для турок условия перемирия, надо надеяться все-таки, что они не упустили из виду как возможности продолжения войны, так и того, что те неисчислимые жертвы, которые они принесли на алтарь войны, не должны остаться бесплодными. И русскому обществу

будет больно узнать, если балканские государства не достигнут в этом отношении надлежащих результатов.

Возвращаясь к разногласию между союзниками, надо надеяться, что они преувеличены. Однако нельзя думать, что они лишены всякого основания. При самом возникновении балканской войны в русском обществе возникали опасения не столько за исход столкновения союзников с турками, сколько за прочность и длительность балканского союза. Задача освобождения балканских народов от власти одряхлевшей Османской империи родилась не сегодня и не вчера. Наилучшим способом ее разрешения было балканское объединение. Оно пригодно не только для войны, но и для осуществления целей мирного значения. Для посторонних наблюдателей дело было ясно давно, но действующие лица странным образом не видели ни самой цели, ни способов ее достижения. Вместо единения они отдавали все свои силы взаимным счетам. Если судить по недавней истории Македонии, то ни у сербов, ни у болгар, ни у греков не было иного общего дела, кроме смертельной взаимной вражды и ненависти. Спорили об этнографическом составе Македонии, о взаимных национальных правах на нее, о праве языка, о церковной иерархии. От теоретических споров переходили к открытой вражде, насилиям, даже смертоубийствам. По страстности борьбы можно было предположить, что весь смысл жизни балканские народы видели в разделе Македонии.

Пока длился этот братоубийственный спор, соседи балканских народов чувствовали себя превосходно. Он обеспечивал продолжение их неправых захватов лучше военных мероприятий. И они не жалели средств для стравливания сербов, болгар и греков, радуясь видимому успеху своих преступных подстрекательств.

Почти все поколения современных балканских политических деятелей воспитаны на уроках взаимного недоверия, вражды, даже ненависти. Потребовались чрезвычайные усилия разумных людей, чтобы вывести балканские народы из ада, который они сами себе творили. Создался четверной союз. Каждый из членов его определил свои национальные притязания, и они были взаимно признаны. Недавно, благодаря раздорам, взаимно уничтожавшие свое значение и потому политически ничтожные, балканские народы внезапно выросли в огромную международную силу. Накануне они на страницах газет бесплодно делили между собой македонские казы, через месяц после прекращения своих жалких счетов они делят европейские владения великой державы.

Казалось бы — урок простой, ясный, убедительный, неотразимый. Пренебрегите мелочными взаимными счетами — и вы достигнете великих результатов. К несчастью, опыт оказался неубедительным. Между союзниками снова вырастает древняя тень братоубийственной распри. Начинают спорить о дележе шкуры еще не убитого медведя. И доделаются до того, что раненый зверь переломает хребты неразумных спорщиков.

Мы уже высказали свой взгляд на условия перемирия. Приостановить военные действия — значит предоставить Турции возможность под предлогом мира приготовиться к продлению войны. Быть может, этот шаг без надлежащего обеспечения был бы не совсем осторожен. С этой точки зрения мы понимаем беспокойство греческих государственных людей. Они не dokonчили завоевание островов, на которые простираются их национальные притязания, и законно опасаются, что дело эллинского объединения не будет довершено. Но вместе с тем нельзя — и даже преступно — забывать, что приобретения, Грецией уже осуществленные, оказались возможными только благодаря союзу с тремя славянскими государствами. О единоборстве с Турцией греки должны сохранить более ясные воспоминания, чем кто бы то ни было. Поэтому не только отходить от союза, но даже думать об его расторжении было бы непростительной политической ошибкой, за которую можно поплатиться жесточайшими разочарованиями.

Греция обязана своим национальным существованием славянскому государству. Мы говорим об этом не в виде скрытого упрека, а лишь для полезного напоминания.

Попытка единоличного состязания с Османской империей в 1897 г. кончилась для Греции жесточайшим поражением. И лишь телеграмма русского государя бывшему турецкому султану предотвратила занятие греческой столицы османскими войсками¹. Успехи эллинской армии в настоящей войне находятся в тесной, неразрывной связи с успехами армий славянских. В союзе со славянами греки достигли результатов, о которых ранее они могли лишь мечтать в сказочных грезах. Одни, без славян, они могут еще раз испытать повторение 1897 г. Поднимая же споры против решений союза, они станут перед опасностью утратить и то, что приобрели в общих усилиях со славянами. Точно так же и славяне не достигли бы успехов столь быстро, если бы им не оказали важное содействие греки своим флотом.

Отдельным членам союза следует держаться общего решения. Иначе союз распадется на свои составные части, бессильные каждая в отдельности.

Русскому обществу было бы всего больнее узнать, что самое согласие балканских народов, давшее им необычайную силу, нарушено. Прежде всего и больше всего мы желаем им единения, единения и единения...

¹ Имеется в виду первая греко-турецкая война 1897 года.

11

«Русские ведомости». 25 ноября 1912 г.**Уголок македонского ада***(От нашего корреспондента)*

Лошадь моя, предмет восхищения в Белграде так называемых «знатоков», на здешних горных дорогах оказалась никуда не годной — не помогли ни ее высокий рост, ни изящный аллюр, ни другие качества, столь необходимые для парадирования где-нибудь по аллеям «для всадников» в более благоустроенных и цивилизованных местах... Когда пришлось здесь спускаться по отвесным кручам, карабкаться вверх по тропинкам, размытым внезапно стаявшим снегом, перебираться вброд по стремительно несущимся, бурлящим и пенящимся ручейкам, волею Аллаха превращенным чуть ли не в целые реки, — тогда только я, сидя на своей «одобренной кавалеристами» лошади не раз и горько пожалел о самом затрапезнейшем и терпеливом муле Ускюба!.. Но было уже поздно: где мои спутники легко спускались и поднимались на мохнатых и неказистых македонских лошаденках, там я уныло брел пешком по колено в грязи и к тому же тащил за собой свою «парадную лошадь» на буксире.

Впереди нашего маленького каравана неизменно ехал здешний болгарский митрополит — оригинальная и яркая фигура. Преосвященный Неофит, некогда русский воспитанник, потом «бератом»¹ султана несколько лет тому назад назначенный духовным главой болгар Скопьянской, или, по турецкому наименованию, Ускюбской «казы» (округа), в настоящий момент является одним из самых деятельных сторонников и пропагандистов в Македонии «болгарской идеи».

— Здорово сербов бьет! — с почтением косясь на широкоплечего, браво сидящего на своей резвой лошадке митрополита, сказал мне кавас-албанец, когда мы выезжали из Ускюба.

— Как же он их бьет? — поинтересовался я.

— А палкой! — с приятной усмешкой под суровыми усами ответил мой «телохранитель». — Сам сколько раз видел. В церкви они всегда дерутся!..

Этого телохранителя мне горячо рекомендовали перед нашей поездкой в болгарскую деревню. «Если хотите ехать с митрополитом в горы, — говорили мои ускюбские знакомые, — непременно возьмите кавасом Зарию... Лучше Зарии вам никого здесь не найти!» — «А кто такой ваш Зария?» — спросил

¹ Берат — жалованная грамота, выдававшаяся турецкими султанами патриархам восточных церквей, армянским католикосам и главам епархий, патриархам несторианской церкви, иудейским общинам. В основу был положен принцип управления иноверцами, согласно которому иерархия несла ответственность за свою паству и в то же время наделялась надзорно-полицейскими и судебными функциями. Выдача берата приурочивалась к замещению той или иной кафедры новым лицом.

я. — «Теперь, кажется, ничего не делает, а раньше был разбойником в горах», — ответили мне, очевидно, предполагая, что после такой рекомендации я больше уже не буду колебаться.

Не знаю, все ли македонские рыцари больших дорог похожи на моего каваса, или он среди них единственное исключение, только этот албанец с хищным профилем и темным прошлым был по отношению ко мне образцом предупредительности и джентельменства. Всегда молчаливый, в своем красивом и живописном наряде, с винтовкой в руках, он самоотверженно лез в грязные лужи, чтобы провести мою скользящую по камням и готовую свалиться с обрывистой тропинки лошадь; на привалах, не торопясь, но очень быстро разводил костер, доставал еду из мешков и, приготовив все для нас, с достоинством отходил в сторону, ожидая дальнейших приказаний.

В деревню, конечный пункт нашей экскурсии, мы приехали перед закатом солнца. Невольно сжалось сердце при виде картины, уже давно знакомой мне и, к несчастью, не только понаслышке!.. Те же точно придавленные к земле бесконечным гнетом покорные и робкие избушки, та же грязь вокруг, невежество, дикость, тупое равнодушие и нищета. Так же все, как далеко за многие тысячи верст отсюда, — только здесь еще резче выступает ужас этой жизни на фоне волшебной декорации яркого и красочного юга, где все как будто создано для счастья и радости человека, и где так долго и упорно люди сами не хотят и не умеют жить...

Воздушные горные хребты из синих стали темно-лиловыми, снежная вершина Шар-Планины засверкала под последними солнечными лучами тысячами багровых искр, когда нас после полагающейся по «штату» почетной встречи отвели, наконец, в помещение здешней болгарской школы. Туда же пришли вслед за нами наиболее известные «подвижники идеи»... Глядя на них, не знал, удивляться ли им, сумевшим перенести и турецкий гнет, и преследования религиозного фанатизма, мрачные казематы режима насилия и произвола, до сих пор еще напоминающие о себе рубцами на руках и на ногах от заржавленных и впившихся когда-то в тело железных кандалов, негодовать ли на них, что избранные по силе и по крепости духа среди тысяч и тысяч безгласных и беспомощных рабов они возвысили свой властный голос не во имя вечного и непреложного для всех людей, а только лишь во имя своих мелочных и никому, кроме их самих, не нужных ожиданий... Просидев вместе с ними около пяти часов, я долго потом не мог уснуть — в ушах еще раздавались полные ненависти враждебные голоса, звенели цифры, мелькали статистические выкладки-таблицы. Все дело освобождения страдающего под рабским игом единоплеменного народа сводилось к захвату возможно большей «зоны влияния»; одушевление против исторического угнетателя и врага делилось на число домов, принадлежащих той или другой национальности в том или ином участке Ускюбской «казы»... «Сербских домов здесь не больше сотни, — с горячностью доказывал мне один из вчерашних кандидатов на любое из подземелий турецкой тюрьмы в Ускюбе, завтра,

возможно, с так же гордо поднятой головой могущий исчезнуть за воротами теперь уже сербского каземата, — а наших, болгарских, 2 тысячи с лишком! Мы тут полтора миллиона франков на пропаганду каждый год тратим, а они пришли и говорят: хозяева в Ускюбе мы!.. Болгары работают в Македонии еще с 1878 года: у нас и школы, и четы, и церкви, и оружие — все на наш счет... Судите сами, легко ли нам все это отдавать в чужие руки? Сербы здесь пришельцы. Они только с 1892 года начали вести свою пропаганду; им завидно было на наши успехи — вот и стали тоже нам подражать. Но как ни будут стараться, — правда на нашей стороне!.. Да и больше тут нас в Ускюбской “казе”... Даже по турецкой статистике, сербов насчитывается в округе 12 тысяч, тогда как нас, болгар, во всяком случае не менее двадцати пяти... Еще посмотрим, чья возьмет! Пусть только война поскорее кончится, — мы нашего кровного им даром не уступим!».

В Ускюб пришлось возвратиться лишь на следующий день, поздно ночью. Город спал. Где-то в горах была гроза. Бледные молнии озаряли мгновенным фантастическим светом в темноте то пустынную набережную бурного и стремительно мчащегося среди ночи Вардара, то мрачный средневековый замок на скале — крепость Душана Сильного, сербского короля, некогда тоже владевшего Ускюбом, на который, кажется, чуть ли не все народы имеют «неотъемлемые исторические права»...

Прежние тени неясно зашевелились внизу под моим балконом. Вереницей, неслышно и печально, тянутся они одна за другой. Здесь от этого кошмара не уйдешь! Это опять несут с вокзала в русский госпиталь полуумирающих раненых на носилках... И так странно и жутко вспыхивает при блеске далеких молний тоскливая мысль: а может, напрасно все?.. Может, на этих местах, так щедро политых народной кровью во имя свободы, снова начнется старая братоубийственная борьба?.. Неужели победители уже успели все позабыть? Неужели ничему еще не научились у своих же побежденных?..

А. Деренталь.

Ускюб

12

«Новое время». 26 ноября 1912 г. Румынское распутье

В предстоящие дни взоры всех европейских политиков будут обращены на столицу Румынского королевства, «восточный Париж», как сами румыны величают свой Бухарест. Там 28 ноября королевский двор, румынский народ, русская военная депутация с великим князем Николаем Михайловичем во главе и делегаты болгарского правительства будут праздновать

исторический юбилейный день падения Плевны. Этот день обессмертил в военной истории имя короля Карла, явился краеугольным камнем свободы болгарского народа и виднейшим памятником беззаветного героизма русского воинства в последней нашей славянской освободительной войне.

К этому дню из Софии в Бухарест прибывает председатель болгарского народного собрания д-р Данев с очевидным намерением выяснить перед поездкой своей на мирные переговоры в Лондон все стороны нынешних болгарско-румынских отношений. Об этих отношениях говорилось за последнее время в европейской печати так много, что необходимо подробнее на них остановиться.

Прежде всего необходимо отметить, что румынское правительство держало себя за все время войны крайне корректно по отношению своей соседки, болгарский посланник в Румынии Г. И. Калинков сумел убедить румынское правительство в том, что Болгария всецело уповает на историческое благожелательство, с которым румынский народ относился в прошлом к своим единоверным задунайским соседям и в силу которого тридцать пять лет назад он не пожалел даже кровных жертв для содействия освобождению болгар. И несмотря на летнюю поездку австро-венгерского наследника престола в Синаю¹ и недавний приезд в Бухарест австрийского инспектора армии ген. Конрада фон-Гетцендорфа, Румыния не вышла ни на минуту из положения строгого нейтралитета. Гольц-паше пришлось сделать Румынии публичный упрек за мнимое вероломство по отношению к Турции, которая, очевидно, надеялась на румынское вмешательство в балканскую войну.

Однако далеко не все румыны остались довольны занятым правительством положением. Либеральная оппозиция и печать стала жестоко нападать на консервативно-демократический кабинет Майореску и Таке-Ионеску за то, что они не принимают мер к извлечению выгод из создавшегося на Балканах положения. Эти крики служили, конечно, в значительной части избирательным маневром, так как либералы думали своей агитацией получить большинство на выборах в сенат и парламент и опрокинуть нынешнее Министерство.

Но маневр не удался. На выборах побеждают чистые консерваторы партии Карла. Консервативные демократы, так называемые юнимисты² партии Таке-Ионеску. Эти партии составляли в свое время оппозицию братиановскому режиму, приковавшему Румынию к тройственному союзу, и уже в силу этого относились к России, Болгарии и славянству вообще не с тем предубеждением, которым отличались румынские либералы.

Тем не менее, и нынешнее правительство пошло либералам навстречу и начало широкие военные приготовления для того, чтобы не быть

¹ Синая — город в Румынии, где находилась летняя резиденция румынских королей замок Пелеш.

² Правильно: жунимисты.

застигнутым врасплох возможными дальнейшими осложнениями. Румынская печать, опираясь на эти военные меры, выставила тогда ряд требований к Болгарии. Так, в самом начале войны сообщалось, что Румыния потребует себе компенсаций в виде уступки Силистрии, Добрича и Балчика, т. е. расширения своей задунайской области по направлению к Варне.

Требования компенсаций могут быть, однако, оправданы в том случае, если требующий действительно что-либо потерял или в чем-либо понес известный ущерб. В данном же случае Румыния, благодаря сохранению нейтралитета, ровно ничего не потеряла и об «исправлении границы» поэтому и не может поднимать никакого разговора.

Но если даже допустить, что Румыния добилась бы этого исправления границ, то разве она от этого выиграла бы что-либо? Она создала бы в своем организме такую Ахиллесову пяту, что со временем ей потребовалось бы нагромождение значительных военных сил для защиты новоприобретенных областей от «болгарского ирредентизма», который уже теперь румынам дает себя чувствовать в Добрудже и который после присоединения новых округов с болгарским населением возрос бы до более опасных размеров.

Между тем, сохраняя дружбу с Болгарией, Румыния может оставаться спокойной за Добруджу и все свои силы вместе с болгарскими употребить на создание в недалеком будущем «целокупной Румынии», как этого достигла Болгария благодаря нынешней войне. Увеличение Болгарии нисколько не опасно для Румынии, наоборот, оно должно послужить румынам побудительным толчком для освобождения свыше трех миллионов чистокровных румынских братьев, изнывающих в Семиградьи¹ под иноверным и чужеземным игом.

Уступка Румынии со стороны Болгарии хоть одного какого-либо города психологически немыслима, так как силистрийские и добричские болгары принимали участие в освобождении своих македонских братьев. Какое болгарское правительство, без риска революции, посмело бы их после этого отдать чужому государству? Как оно могло бы оправдать эту меру перед великим народным собранием, которому оно по конституции должно предложить соответственный законопроект?

Между болгарам и румынами могут вестись переговоры только о судьбе тех нескольких десятков тысяч куцовалахов, которые живут в окрестностях Кичева и Крушева и причисляют себя к румынской народности. Болгарское правительство по присоединении македонских областей может смело предложить этим македонским румынам церковно-школьное, даже общинное самоуправление. Этим болгары докажут, что они умеют уважать потребности богослужения на родном и понятном населению языке, за которое и они вместе с румынами вели так долго упорную борьбу с греческими фанариотами.

¹ Семиградье — дословный перевод немецкого наименования Трансильвании — Siebenbürgen.

Болгарско-румынское соглашение, заключенное в присутствии русского великого князя, преподносящего верховному вождю румынского христолюбивого воинства фельдмаршальский жезл русской армии¹, может явиться блестящей прелюдией к лондонским переговорам. Оно надолго обеспечит упроченный порядок вещей на Балканах. Вступление православной Румынии в балканский союз означало бы исполнение мечтаний многих поколений Ближнего Востока о единомыслии всех православных людей. Это был бы краеугольный камень нового союза держав, где от Петербурга до Афин царила бы одна мысль о благоденствии и развитии всех народов, вкусивших от эллинско-славянского просвещения.

13

«Русские ведомости». 27 ноября 1912 г.

Передовая статья

Слухи об окончательном разрыве Греции с остальными членами Балканского союза, о сепаратных греко-турецких переговорах, вероятно, преждевременны. Однако в основе их лежит бесспорная истина: отношения между Грецией и Болгарией в последнее время очень натянуты. Этот факт, давно уже известный из корреспонденций частных лиц, на днях официально засвидетельствован сообщениями софийского и афинского правительств по вопросу о Салониках и Монастыре.

Для тех, кто хотя бы поверхностно знаком с историей Македонии и македонского вопроса, в греко-болгарском споре нет ничего неожиданного; наоборот, сближение между Грецией и Болгарией, их наступательный союз против Турции казались еще недавно совершенно невероятными. В течение последней четверти XIX в. и первого десятилетия XX в. борьба между греками и болгарам из-за преобладания в Македонии принимала неоднократно столь же резкие формы, как и борьба против турецкого господства. Так как Македония была все же турецкой провинцией, то спор шел как будто исключительно о культурных ценностях: о том, быть ли той или иной церкви или школе в той или иной македонской деревушке «патриархистской» или «экзархистской», т. е. греческой или болгарской. Но обе стороны в глубине души были всегда вполне убеждены в неизбежности близкого распада Турецкой империи. Поэтому для них каждое мелкое столкновение по школьно-церковному вопросу имело и общее значение; таким путем решался вопрос

¹ В конце 1912 г. в Бухарест прибыл с визитом великий князь Николай Николаевич (Младший); он преподнес королю Румынии Карлу Гогенцоллерну жезл фельдмаршала русской армии.

о будущем Македонии. Поэтому же в споре культурного характера на сцену выступали аргументы совершенно некультурного свойства: вооруженное воздействие греческих и болгарских чет. Само собой разумеется, что в выигрыше от такой постановки школьно-церковных вопросов оставалось главным образом турецкое правительство; тем не менее конца этой междоусобной распря не предвиделось. И у Греции, и у Болгарии с игрой были связаны слишком существенные интересы, чтобы какая-либо из сторон могла от нее отказаться.

Греческие притязания на Македонию являются последним отзвуком «великогреческой» идеи, представлявшей некогда вполне осуществимой и жизнеспособной. В конце XVIII и в начале XIX в. изгнание турок из Европы многим представлялось как восстановление старой Византийской империи, которая должна была охватить весь Балканский полуостров, включая не только все славянские земли, но и Румынию. Турецкое завоевание положило конец самостоятельному развитию славянских культур. Поскольку в Турции начала XIX в. можно было говорить о христианской культуре, это была культура греческая, сохранившаяся главным образом в городах. Греческой была поэтому и единственная сохранившаяся организация христианского населения — церковь. Вполне естественно, что греки казались в те времена единственными и законными наследниками Турецкой империи в случае ее падения.

XIX век принес в этом отношении грекам много разочарований. Восстания их увенчались успехом только там, где греков-горожан поддержало многочисленное греческое крестьянство. Народившееся Греческое королевство получило в соответствии с этим размеры, совершенно не отвечавшие первоначальным мечтам и планам. Между тем в среде славянских народов начался процесс образования собственной интеллигенции, собственной культуры. Те, за кем греки не признавали даже права называться нацией, не только сумели добиться этого права, но и успели организовать в определенные государственные единицы.

Образование славянских государств навсегда изъяло из сферы влияния греков весь север полуострова, а вместе с тем явилось серьезной угрозой для них и в оставшейся еще под властью турок средней полосе (Фракии и Македонии), так как и здесь под тонким слоем городского греческого населения оказалось способное к самостоятельному национальному развитию славянское крестьянство. С того времени, как болгарам удалось создать параллельно с греческой свою собственную церковную организацию (экзархат), а затем и собственное государство, начавшаяся еще раньше борьба между греками и болгарам в Македонии складывалась все менее благоприятно для первых. За исключением небольшой южной полосы, побережья и городов греки повсеместно были вынуждены сдавать свои позиции болгарам. Ожесточенность борьбы, однако, от этого не уменьшилась.

При таких условиях греко-болгарский союз был возможен только на основе некоторого компромисса, некоторого размежевания. Весьма вероятно,

что Греция отказалась в пользу Болгарии от притязаний на северо-восточную Македонию, и Фракийское побережье Эгейского моря (от Дедеагача до Кавалы). С другой стороны, болгары смело могли признать права Греции на северную Фессалию и Эпир, с которыми не связано никаких болгарских интересов. Что касается южной и западной Македонии, то возможно, что союзники не ожидали таких быстрых и головокружительных успехов, а потому предполагали по отношению к этой области с Салониками потребовать автономии под сюзеренитетом султана. Однако события на театре войны приняли неожиданный оборот, и Салоники вместе с частью южной Македонии оказались в руках греков почти без всяких с их стороны усилий. Если Салоники должны были остаться нейтральными, то понятно недоверие к союзнику, с каким было встречено это известие в Болгарии, понятно и вступление в уже занятый греками город части болгарской армии.

Сохранение единства Балканского союза в момент заключения мира есть необходимое условие успешности мирных переговоров. Поэтому из создавшегося в Македонии положения, с точки зрения интересов всех членов союза, может быть только один выход: соглашение, хотя бы и временное. Наиболее удобной почвой для такого соглашения является нейтрализация Салоник и южной Македонии, в виде ли независимого княжества или в виде автономной провинции Турции. К такому решению склонна как будто Болгария, но оно требует серьезного самоограничения со стороны Греции, ибо свободная Македония скорее будет болгарской, чем греческой. Так или иначе, компромисс должен быть найден, если балканские державы не хотят рисковать потерей завоеванного было ими права, согласно лозунгу «Балканы для балканцев» самим являться решателями своих судеб. Турция вовсе еще не стерта с лица земли; на севере Австрия заняла решительно враждебную позицию, причем содействие ей Румынии в критическую минуту может считаться стоящим вне сомнения. Раздор в таких условиях способен привести к тому, что после цепи неслыханных успехов союзники окажутся в весьма печальном положении.

14

«Славянские известия». 2 декабря 1912 г. Румынские аппетиты

Румынию относят обыкновенно к числу балканских государств, но в существующий союз балканских христианских держав Румыния, как известно, не вошла.

Не чисто славянская и не вполне латинская, связанная в прошлом культурными и религиозными узами со славянами Балканского полуострова,

а племенными узами с латинской расой в Европе, — Румыния считает, что у нее существуют «жизненные интересы» на Балканах.

В виде реванша за Бессарабию, отошедшую к России, и за Буковину, находящуюся в руках Австрии, Румыния требует признания за нею права решающего голоса в балканских делах.

Право это она основывает на том, что в Албании, Эпире и Фессалии живет небольшое племя румынского происхождения — так называемые куцовлахи или македонские валахи (цинцары). Право на этих валахов Румыния готова доказывать с оружием в руках.

К союзу балканских государств Румыния, повторяем, не примкнула, и во время военных действий Болгарии, Сербии, Черногории и Греции против Турции сохраняла нейтралитет.

Какова будет ее дальнейшая роль, сказать нетрудно: она, несомненно, примет участие в предстоящем дележе Балканского полуострова, опираясь на Тройственный союз и, в частности, на Австрию.

Румынские политики заговорили уже об образовании «независимой Куцовлахии» рядом с автономной Албанией. Но этим не ограничиваются аппетиты Румынии: она рассчитывает при ликвидации войны получить для себя также кое-что из территории северной Болгарии.

В настоящий момент неумеренные румынские аппетиты, насколько можно судить по настроению румынской прессы, простираются включительно до захвата болгарского четырехугольника по линии от Рушчука до Шумлы и от Шумлы до Варны. Орган консерваторов-демократов — букарештская газета «*Roumanie*» выступила недавно с протестом против таких химерических планов, доказывая, что если пылких румынских политиков наталкивает на подобную авантюру соседка Австрия, то этого особенно нужно бояться: поселяя вражду между двумя государствами, Болгарией и Румынией, Австрия тем самым ослабляет их исключительно для личной пользы, чтобы тем легче осуществить свои планы в Албании и Македонии.

Но в то же время газета «*Roumanie*» намечает и тот «*minimum*» требований, на котором должна, во что бы то ни стало, настаивать Румыния. «Румыния имеет *неоспоримое право* требовать у болгар крепость Силистрию, без которой румыны не могут быть полными хозяевами Добруджи», — кстати сказать, населенной почти исключительно болгарами¹.

Всю вину за занятие румынами Добруджи газета сваливает исключительно на Россию и на русских: «Это они предложили Румынии в 1879 году болгарскую провинцию Добруджу в обмен на южную часть Бессарабии, отошедшую к России». Румыния не прочь отказаться от Добруджи в пользу Болгарии, но «пусть прежде Россия вернет Румынии ее Бессарабию» и таким путем откроет Румынии свободный доступ к морю.

¹ В реальности данное утверждение является справедливым только по отношению к Южной Добрудже.

Отлично понимая, что Россия не так глупа и добровольно не отдаст Бессарабии, румынские политики из «Roumanie» считают единственно возможным в настоящее время выходом из создавшегося положения «присоединение к Румынии Силистрии», ибо без этого «обладание Добруджей является ненадежным».

«Добруджа — наша провинция, — говорит газета, — мы приобрели ее ценою нашей крови и нашей территории, и поэтому мы имеем право претендовать на расширение и улучшение наших границ» (разумеется, на счет соседней Болгарии!).

Таков «minimum» требований Румынии, помимо претензий на «автономную Куцовлахию» в Македонии. Болгары, по словам «Roumanie», должны при этом помнить, что Румыния имеет превосходную армию в 400 000 штыков, хорошо снаряженную и находящуюся под руководством опытных военачальников, Болгария не должна забывать, что финансовое и экономическое положение Румынии весьма удовлетворительно, и что все национальные силы государства подчинены железной воле короля, который сумеет исполнить свой долг. В особенности, прибавим мы от себя, если на стороне этой «железной воли» будут находиться Австрия и Германия.

Положение более чем ясное: в стае прожорливых акул, которые плывут за победоносной славянской ладьей, находится и Румыния...

В. Кораблев

15

«Голос Москвы». 7 декабря 1912 г. Румынский флирт

Маленькая Румыния, о существовании которой плохо помнили даже гимназисты к очередному уроку, вдруг волею судьбы оказалась в центре европейского внимания. Король Карл не успевает провожать гостей: то приезжают австрийцы, то болгары, то русские, то опять австрийцы, то турки. Положение получилось невестинское: все за ней ухаживают, все норовят на ней жениться. Конечно, особа она не богатая, но со связями и, главное, с «особым положением». От того, кому она отдаст свою руку и сердце, зависит чрезвычайно многое. Пойдет она с Австрией, и сразу ухудшится, — и, нечего скрывать, очень значительно, — положение Болгарии и России. Решит она связать свою судьбу с Россией, и для Австрии создастся крупная опасность на самом главном фланге.

Положение Румынии сейчас, конечно, лестное, но вместе с тем и очень щекотливое, подобно тому, о котором говорится в старой испанской песенке про «благородную испанку». Судите сами.

Включение в Тройственный союз — приобретение очень ценное. Тройственный союз — организация очень внушительная. Правда, «большие» друзья любят больше самих себя и вряд ли станут особенно заботиться о приращении румынских владений. Но несомненно, что безопасность внешнюю они гарантировать могут. А поскольку нам известно, забота о внешней своей безопасности была главнейшим мотивом при определении курса на Австрию. Последняя очень удачно успела убедить свою соседку в том, что на нее имеет весьма недвусмысленные виды Россия, поставившая будто бы себе ближайшей целью образование на месте Румынии одной русской губернии. В доказательство приводили тот исторический случай, когда Россия заняла теперешние румынские земли и категорически отказалась их очистить. Пугало румын и довольно рискованное положение между двумя славянскими державами, которые, как она полагала, очень легко могли сговориться о разделе своей небольшой соседки. Никаких других более веских соображений не существовало. Конечно, русской дипломатии ничего не стоило бы рассеять призрачные опасения румын и убедить их в полном своем миролюбии. Ей ничего не стоило бы доказать, что нет решительно никаких оснований бояться России и, только лишь страха ради, бросаться в объятия швабов. И тогда положение было бы иное, то самое, о каком напомнили нам на этих днях бухарестские торжества. И сейчас Румыния стояла бы рядом с Россией. Впрочем, еще не поздно или, точнее, не совсем поздно. Есть еще время сделать выбор. В Румынии не забыты славные дни совместных боев; о них вспомнил в своей речи король Карл, засвидетельствовавший перед всем светом о нашем братстве по оружию. В самом румынском народе за последнее время обнаруживается стремление к сближению с Россией. И вот, опираясь на эти ценные чувства, мы позволяем себе опять и опять напомнить нашим задумчивым соседям, что Австрия — тяжелый сосед, что она много крови уже успела испортить Румынии в дни своих ухаживаний. Об этом в Румынии знают лучше, чем где бы то ни было. Знают там и про существование Трансильвании, а в ней — почти четырех миллионов румын, положение которых ужасно. Идти на их выручку — национальная задача Румынии, но не в союзе же с Австрией осуществит она свои задания.

Для этой цели более пригодна другая комбинация: союз с Болгарией и с другими балканскими державами, с одной стороны, соглашение с Россией, — с другой. Вступивши в балканскую федерацию, Румыния утратит всякий страх за свое существование. Федерация будет достаточно сильна и сумеет внушить к себе уважение всюду. И это спокойствие за себя не будет сопровождаться для Румынии принятием каких-либо тяжелых условий. Румыния будет полноправным членом союза. Вместе с тем исчезнут из политического обихода обидное прислуживание, необходимость заискивания в сильных соседях, словом, Румыния перестанет играть роль бедной приживалки, на которую при случае можно и прикрикнуть, как это и делала частенько Австро-Венгрия.

Неисповедимы судьбы будущего, и мало известно нам настоящее, но хотелось бы верить, что торжества в Бухаресте будут поворотным пунктом в политической жизни нашей соседки, что чувства живейшей привязанности к народу-освободителю примут вполне конкретные формы, и так хочется надеяться, что братьям по оружию не придется повторить страшный грех Каина.

16

«Русское слово». 13 декабря 1912 г.

Раздел

По мере приближения заключительной стадии мирных переговоров между Турцией и балканской коалицией вопрос о разделе территорий, завоеванных союзниками, приобретает все большую остроту. Как теперь выяснилось, договоры, связывающие между собою союзников, не содержат точных и определенных условий относительно разграничения возможных приобретений на всей территории Европейской Турции и при всяких обстоятельствах. Этот промах балканской дипломатии теперь дает себя знать самыми неприятными и неожиданными осложнениями. Националистическая печать и шовинистические круги в Греции, Сербии и особенно Болгарии вместо того, чтобы пытаться сгладить неизбежные разногласия, занимается на потеху врагам славянства и эллинизма раздуванием взаимной вражды. Забыв о святом подвиге освобождения, защищать которое еще два месяца назад все союзники клялись до последней капли крови, эти изменники общему делу не стыдятся на виду у всей Европы заниматься отвратительным ремеслом стирки грязного белья. Дело дошло до таких явлений, немыслимых в первые дни войны, как вызывающая речь г. Геннадиева по адресу Греции в болгарском народном собрании, причем слова этого видного парламентария не вызвали протеста даже со стороны представителей правительства царя Фердинанда. Австрийская провокация дала обильные всходы.

К счастью, националистическая агитация, питаемая с берегов Дуная, еще не отражает мнение большинства населения в союзных балканских государствах. Братство по оружию, скрепленное сообща пролитой кровью, не может так скоро уступить свое место подозрительности и национальной нетерпимости. Как бы ни было велико опьянение одержанными уже победами, балканские нации ясно видят, что дело их еще не доведено до благополучного конца. Турция, подстрекаемая австрийскими советчиками, пока упорствует, и неизвестно, когда будет подписан мир. Затем, после заключения мира, балканским державам придется тотчас же свести счеты с соседями и с европейской дипломатией. Над Сербией и Черногорией по-прежнему тяготет Дамоклов меч австрийской расправы. Болгарии предстоит расквитаться

с Румынией за ее далеко не дружественный нейтралитет; румынское правительство широко открыло свои границы для провоза в Турцию всевозможных военных припасов, и в благодарность за такую услугу румыны нагло требуют себе 4000 квадратных верст болгарской территории. Грецию европейская дипломатия собирается обобрать в вопросе об Архипелаге. Наконец, всем союзникам угрожает возможность создания так называемой великой Албании, границы которой двуединая дипломатия старается раздвинуть во все стороны.

Правительства союзных балканских держав дали серьезные доказательства своего желания честно выполнять принятые на себя обязательства и поддерживать незыблемость достигнутого единения. Болгарское правительство отозвало из Салоник ген. Тодорова, и последний визит царя Фердинанда наглядно опроверг австро-турецкие сплетни о намерениях софийского кабинета. С своей стороны, Венизелос с негодованием отверг все предложения турок о заключении сепаратного мира с Турцией. Гнусные интриги дунайских клеветников остались без влияния на руководящие политические круги Болгарии, Греции и Сербии. Однако нельзя закрывать глаза на то, что возникшие между союзниками трения и несогласия, раздуваемые в партийных целях националистами, со временем могут стать источником серьезных затруднений и отразиться на прочности балканской коалиции. Во избежание такого пагубного результата союзные правительства должны возможно скорее сговориться относительно справедливого раздела турецкой территории, чтобы раз навсегда отнять почву у врагов балканских наций. Тесное единение и взаимная поддержка представляют вопрос жизни и смерти для национальных идеалов славян и эллинов.

Единственно справедливым основанием для раздела завоеванных земель между союзниками может служить только принцип национальности местного населения. Сербия имеет неотъемлемое право на территории, населенные сербами, Болгария — на земли с преобладающим болгарским населением, и Греция должна получить местности с греческим населением. Никакие другие основания не могут удовлетворить национальных чувств каждого из союзных народов, умиротворить возбужденные страсти и примирить сталкивающиеся интересы. Если за каждой державой оставить территории, завоеванные ее войсками, то несправедливый ущерб понесет Болгария. Болгарская армия должна была вынести на своих плечах тяжесть столкновения с главными силами турецкой армии и послужила для прочих союзников заслоном; поэтому западная Македония, населенная по преимуществу болгары, была освобождена сербскими и частью греческими войсками. С другой стороны, ряд стратегических и тактических задач решался сообща войсками союзных держав, и так что нельзя разобрать, кому же принадлежит честь победы. Под Адрианополем теперь больше сербов, чем болгар, но следует ли из этого, что Сербия может предъявлять претензии на компенсацию в случае перехода Адрианополя к Болгарии?

Еще более странным представляется выдвигаемый некоторыми болгарскими политиками принцип раздела территории пропорционально численности войск, выставленных каждым из союзников. Этот принцип явно направлен против Черногории и Греции и к выгоде Болгарии, армия которой почти вдвое многочисленнее греческой. Но тогда почему же забывать значение греческого флота, игравшего в войне чуть ли не решающую роль в вопросе о подвозе турецких подкреплений из Малой Азии? Невозможно серьезно говорить и о понесенных потерях как о масштабе приобретений. Нельзя святое дело освобождения христиан мерять числом трупов и шириной потоков пролитой крови. Каждый должен получить только свое, и освобожденные народности имеют право на соединение со своими братьями по крови и языку. Исключение из принципа совпадения политических границ с племенными могут быть сделаны только в тех случаях, когда того настоятельно требуют экономические интересы страны. Например, побережье Македонии между устьем Марицы и Афоном, заселенное почти исключительно греками, нельзя отнять у Болгарии, жизненные интересы которой связаны с выходом на юг, к Эгейскому морю. Побольше взаимного доверия и уважения, и все спорные вопросы легко уладить.

17

«Речь». 19 декабря 1912 г.

Балканские настроения

(От нашего специального корреспондента)

Я приехал в Ускюб ночью, и, судя по словам носильщика, мне предстояла неприятная перспектива провести остаток ночи или у столика в каком-нибудь грязном кафе, или просто шатаясь по улицам Ускюба. Пребывание здесь сербской главной квартиры выбило из колеи жизнь этого маленького городка. Все гостиницы и большинство частных домов занято «начальством», и случайному проезжему нет места для ночлега.

Не желая шататься всю ночь по улицам, я отправился прямо в болгарский пансион, рассчитывая, что в этом большом здании найдется уголок для ночлега. Мои надежды не обманули меня. Несмотря на поздний час и на то, что почти все помещение болгарского пансиона занято частью госпиталем французского Красного Креста, частью — просто сербскими войсками, директор пансиона г. Ковачев любезно предложил мне кровать в своей комнате и, таким образом, дал мне возможность отдохнуть после утомительного путешествия.

На следующий день у меня не было никакого желания вступать в исполнение официальных обязанностей иностранного корреспондента, делать

официальные визиты и выслушивать все то, что могут мне сказать представители сербской государственности в только что освобожденном «Скоплье». Мне хотелось сохранить «инкогнито» и, не нарушая ничьего спокойствия, со стороны посмотреть, как, при новых условиях, налаживается жизнь в этом городе.

То, что мне пришлось услышать от лиц, не играющих никакой роли в политике, было так грустно и тяжело, что я долго колебался, стоит ли в настоящий и без того тревожный момент писать обо всем этом, стоит ли предавать гласности те отрицательные факты и явления, которые, точно пережитки кошмарного прошлого, налетом грусти покрывают светлое настоящее. Но после долгих колебаний, я решил, что у меня нет никакого права скрыть от читающей публики все слышанное мною в Скоплье. Я слишком ценю и уважаю старую сербскую культуру, я слишком верю в искренность вошедшей в балканскую коалицию Сербии, чтобы допустить, что в фактах, слышанных мною, виновата центральная сербская власть. Предполагаю даже, что ни правительство, ни лучшая часть сербской интеллигенции не знают обо всем том, что делают на завоеванной периферии лишенные всякой политической ответственности элементы сербского народа.

Итак, приступаю к изложению слышанных мною «фактов», предупреждая, что слышал я их от лиц, заслуживающих абсолютного и полного доверия.

Прежде всего — момент вступления сербских войск в Скоплье. По рассказам нескольких болгар, с напряженным вниманием следивших за событиями последнего времени, болгарская часть ускубского населения с нетерпением и радостью ждала этого торжественного момента. Было, правда, в этом ожидании маленькое недоразумение. Болгары в Ускубе думали, что в этот город вступит соединенная сербско-болгарская армия. Но, как мне передавали лица, радостно готовившиеся к встрече, мысль об освобождении превалировала над всеми остальными соображениями.

Многочисленная группа болгар, развернувши болгарское знамя, ждала войска у входа в город. И когда головные отряды вступили в город, группа болгар встретила их громким, долго несмолкаемым «ура».

Однако этот первый радостный момент кончился для болгар из Ускуба полным разочарованием. Кто-то из сербских офицеров обратился к манифестировавшим болгарам с речью, в которой весьма категорически заявил, что здесь, в Скоплье, не может быть места ни для болгарского знамени, ни для болгарского «ура», так как в этом городе нет никаких болгар, и живут здесь только и исключительно сербы. Болгарским манифестантам не оставалось ничего больше, как свернуть свое знамя и разойтись по домам.

Было бы дико и смешно искать в этом инциденте каких-нибудь политических соображений, проявление со стороны сербского правительства какого-нибудь заранее предначертанного плана. Но важно, знаменательно

и характерно то, что первая же встреча болгар с сербами в освобожденном Ускюбе кончилась так же печально, как кончались в течение двадцати пяти лет все встречи и столкновения между этими двумя народами на македонской территории.

Конечно, сербский офицер, заявивший болгарским манифестантам, что в освобожденном Скопье нет места ни для болгарского флага, ни для болгарского «ура», высказал свою собственную, частную, никого не связывающую мысль. Сербское правительство и лучшая часть сербской интеллигенции, наверное, думала, обязана была думать, иначе. Но, к сожалению, у сербского офицера не было недостатка в единомышленниках.

Так, болгарский флаг, поднятый над воротами болгарского пансиона, ночью был кем-то снят и унесен. И когда директор пансиона посмотрел на это как на какое-то недоразумение и распорядился вторично поднять флаг своего государства над воротами учебного заведения — в следующую же ночь флаг вторично был снят и унесен. В пансионе расквартированы сербские войска. У ворот пансиона стоит сербский караул. Снятие болгарского флага, конечно, было тоже чьим-то частным делом, но печально, что караульные сербские солдаты не проявили достаточного беспристрастия по отношению к флагу своих союзников, совместно с которыми в нескольких боях они так беззаветно храбро проливали свою кровь.

После целого ряда подобных мелких, если хотите, фактов нельзя удивляться тому обстоятельству, что болгарское население Ускюба ступсевалось, спряталось в своих домах, устранилось от всякого участия в торжествах победителей и освободителей Ускюба. Ведь если для турок Ускюб был исключительно стратегическим пунктом, если для сербов Скопье было культурным центром Старой Сербии, то и для болгар Скопье никогда не переставало играть крупнейшую роль в росте и развитии македонской культуры. До освобождения Ускюба никогда не могло быть равномерного развития сербской и болгарской культуры в этом городе, так как турецкая государственность всегда пользовалась фальшивыми весами и гирями и постоянно обвешивала то одних, то других.

Но теперь, когда турецкая государственность ушла отсюда, нужно было бы начать с уничтожения всех этих фальшивых весов и гирь и заменить их тем дружеским и братским сотрудничеством на культурной почве, которое соответствовало бы дружному и братскому сотрудничеству сербских и болгарских солдат в адрианопольской и в македонской армиях.

А между тем, «неответственные факторы» сербского народа, выяснив свои отношения к болгарскому флагу, с не меньшим усердием принялись выяснять свое отношение к болгарской культуре. Исходя из аксиомы, что ни в Скопье, ни в его окрестностях нет и не может быть болгар, все те же неответственные факторы принялись за чистку народной школы. Болгарские учителя и учительницы из Куманова, из Тетова и из Гостивара были устранены от занимаемых ими должностей, и в настоящее время значительное

количество этих честных тружеников собралось в Скопье и ждет здесь, чем кончится этот поход против болгарской школы.

В самый последний момент моего пребывания в Скопье мне пришлось услышать, что центральное сербское правительство уже обратило внимание на некорректные и незаконные действия низших агентов власти и что уже отданы распоряжения о более деликатном отношении к местному болгарскому населению. Если это так — это весьма отрадный факт. Но ни в коем случае не следует увлекаться и возлагать все надежды на центральное правительство. Македония — эта злополучная Македония — в течение нескольких десятилетий жила своей особенной, сложной жизнью, совсем отличной от жизни королевства Сербии и княжества (а потом — царства) Болгарии. В ней вырабатывались в течение всей ее истории свои внутренние, обособленные, исключительные взаимоотношения. В ней десятилетиями назревала братоубийственная вражда, в ней десятилетиями упрочивалось такое положение вещей, при котором именно «неответственные факторы» играли главную, основную, решающую роль.

И если теперь, при коренном переустройстве этой злополучной страны, стать сразу на исключительно государственную точку зрения и закрыть глаза на те процессы, которые по инерции происходят в недрах народных масс, то может получиться совершенно неожиданный результат. Государственная власть будет формально «отписываться» по всем самым важным и колючим вопросам; а неответственные факторы по-прежнему будут сеять вражду между соперничающими народами.

Я помню, как в конце июля месяца этого года, когда жители Ускюба со дня на день ждали вступления сюда диких албанских полчищ, представители сербской и болгарской интеллигенции этого города говорили мне:

— Нами пройден громадный путь. Возвращение к той вражде, которая разделяла нас некогда, уже немыслимо!.. По многим вопросам мы стоим на одинаковых точках зрения.

В мою теперешнюю короткую остановку в Ускюбе я не встретил ни тех сербов, ни тех болгар, которые тогда, шесть месяцев тому назад, говорили эти золотые слова. А между тем, именно они, скорее, чем всякая центральная власть, должны были бы взять в свои руки переустройство местной жизни на светлых началах свободы.

Хочется верить, что, когда на обратном пути из Солуни я опять остановлюсь в Скопье, я встречу здесь моих друзей и застану их в разгаре новой кипучей деятельности.

Влад. Викторов.
Скопье, 4 декабря

18

«Речь». 22 декабря 1912 г.

Балканские настроения

(От нашего специального корреспондента)

В Велесе (турецкое Кепрюлю) я застал почти всех своих старых знакомых, молодых людей, которые одинаково испытаны и в школьном деле, и в четническом движении. Полтора года тому назад, полгода тому назад я встречал их здесь то скрывающимися от турецких властей в окрестных селах и деревнях, опоясанными патронташами, вооруженными с ног до головы, готовыми к встрече с турецким «аскером»¹; то возвращающимися к легальной деятельности сельского учителя, степенными, сознающими важность своей задачи.

Я их встретил на железнодорожной станции и вместе с ними по старой привычке пошел пешком в город. Несмотря на декабрь, тепло, зелено вокруг нас, пахнет ранней весной от вспаханного поля и от розовых гор, сдавливающих мутные воды Вардара.

Мы шли тем ровным, бодрым шагом, каким ходят никуда не торопящиеся, вышедшие на прогулку люди. Нас обгоняли пешие и конные сербские солдаты, тянулись, загромаждая нам путь, сербские обозы, и было во всем этом нечто столь новое, столь неожиданное, что ни я, ни мои спутники, не могли ясно и определенно оценить окружавшую нас обстановку.

Всегда знал я Велес болгарским городом. Здесь, шесть месяцев тому назад, бывший велесский каймакам², турок по происхождению и русский по воспитанию, рассказывал мне долго и обстоятельно о том, как наступит время, когда турки и болгары не только в Велесе, но во всей европейской Турции должны будут понять друг друга, должны будут протянуть друг другу руку для совместной работы. Здесь, тогда же, я переживал кошмарные отголоски ужасного кочанского погрома³, и здесь же случайно встретившийся сербский учитель рассказывал мне тогда же, что, конечно, в окрестностях Велеса «мало сербов», но что, зато, на севере нет болгар.

Очевидно, времена быстро и радикально изменились.

Мои сегодняшние спутники с грустью в голосе рассказывают мне о том, что занявшие Велес сербские войска не хотят считаться с болгарским большинством этого города.

¹ Солдат, воин (тур.).

² Каймакам — в начале XX в. глава администрации уезда (казы) в Османской империи.

³ Имеются в виду события 19 июля (1 августа) 1912 г., когда в ответ на организованный четниками теракт на рынке города местные турки устроили погром болгарского населения. Наряду с аналогичным случаем в Штипе резня в Кочанах была оправданием для начала вооруженного выступления Балканского союза.

— Нас убеждают, что мы — сербы! Нам стараются доказать, что мы заблуждаемся относительно своей национальности!.. Хотят доказать нам, что мы говорим на чистом сербском языке и что песни, которые мы поем — чисто сербские песни!..

— Но, конечно, будут ли стоять здесь два, три или четыре сербских полка — для нас это безразлично. Мы отлично знаем, кто мы такие и к какой национальности принадлежим. Жертвы, которые мы принесли нашему национальному делу, так велики, что никто не может разубедить нас в нашем национальном идеале. Может быть, политическая конъюнктура требует того, чтобы и наш город, как и Скопье, отошел к сербам. Но из этого не следует, что мы перестаем быть болгарами, и что мы откажемся от нашего языка и от нашей культуры!..

Мы входили в город. С одной стороны, сверху, на нас смотрел выстроившийся в шеренгу отряд сербских солдат, занявших покинутые турками казармы. С другой стороны — по ту сторону Вардара — полз в гору живописный городишко, веселый, приветливый. Один из моих спутников, тот, который был моложе других, осаждал меня наивными вопросами:

— Но ведь если уже говорить об освобождении, то нужно же, чтобы теперь не было хуже, чем было раньше. А, между тем, при турках, нам не запрещали называться болгарами, а теперь запрещают. Почему это?..

Мне хотелось объяснить моему молодому спутнику, что не следует относиться серьезно и строго к тому, что делают и говорят сербские солдаты и офицеры. Но было уже поздно — мы вошли в город, нужно было прощаться и расходиться в разные стороны.

День, проведенный мною в Велесе, был еще более кошмарен, чем тот короткий разговор, который мы вели между железнодорожной станцией и городом. Со всех сторон, точно к какому-то арбитру, сходились ко мне старики и юноши и ставили все один и тот же прямой и категоричный вопрос:

— Неужели Болгария отдала нас сербам?..

Было жутко выслушивать эту постоянно повторяющуюся фразу. Было тяжело после всего виденного под Адрианополем и на Чаталдже сознавать, что, кроме ненависти к туркам, остается еще страх «быть отданными» союзникам. Но факты стояли во всей их наготе, безжалостные, свирепые, настойчиво подчеркивая все одну и ту же тему:

— Неужели Болгария отказалась от нас?..

Мне рассказывали об отдельных эпизодах: о том, как у нескольких болгарских четников сербские власти отбирали оружие; о том, как болгарские учителя были вынуждены прекратить преподавание в своих школах; о том, как в нескольких болгарских домах расквартированные на постой сербские солдаты демонстративно подчеркивали, что здесь, в Велесе — они у себя дома, они на своей сербской территории.

Эти факты, как и все то, что я видел в Ускюбе, исходили от «неответственных элементов». Ни на минуту не оставалось у меня сомнения, что все это

может быть скоро и основательно исправлено, стоит только тем, от кого это зависит, проявить побольше силы и воли, побольше объективности, побольше честной инициативы.

Но когда на следующий день в вагоне между Велесом и Солунью мне пришлось выслушать длинную тираду сербского офицера, мрачные сомнения заползли в мою душу:

— Вы ошибаетесь, милостивый государь, если вы думаете так!.. Велес — это чистый сербский город. Болгарский налет — это случайный результат болгарской пропаганды в этом городе. Милости просим сюда через шесть месяцев — и тогда посмотрите, будут ли здесь болгары!.. Ручаюсь вам, что через шесть месяцев Велес станет тем, чем он был всегда и чем он должен быть — только и исключительно сербским городом.

Не успел мой сосед закончить свою тираду, как наш поезд остановился, и вошедший в наше купе солдат заявил, что дальше поезд не пойдет, так как здесь сербско-греческая граница, и греки не пускают сербского поезда по своей линии. Это было возле станции Гевгели, возле местечка Гевгели, которое тоже мне приходилось посещать раньше и здесь, в самом местечке и в его окрестностях, я встречал компактное болгарское большинство, и весть о том, что теперь через Гевгели проходит сербско-греческая граница произвела на меня впечатление неожиданности. Я не удержался, и обратился к моему соседу с вопросом:

— Но, кто же, в конце концов, установил эти странные границы?..

Мой сосед, казалось, смутился. Может быть, действительно, не знал, может быть, колебался, следует ли говорить откровенно. Но, после нескольких секунд колебания, ответил, прямо смотря мне в лицо:

— Военный случай. Брали — кто куда дошел. Мы дошли до Гевгели с севера, греки — с юга, вот и разделились. Конечно, это все временно. Это все потом будет переделано!..

Пока мой сосед старался объяснить мне необходимость этого временно-го распределения границ, греческий патруль довольно бесцеремонно просил нас выйти из вагонов, так как поезд сейчас же должен был отойти назад. И чувствовалось в бесцеремонности греческих солдат и в их более чем недисциплинированном отношении к сербскому офицеру, что они обжились уже на этой своей границе и чувствуют себя здесь совсем как дома, совсем как у себя.

Влад. Викторov.
Ст. Гуменджа, 5 декабря 1912 г.

19

«Речь». 28 декабря 1912 г.

Балканские настроения

*(От нашего специального корреспондента)***В Салониках.**

Конечно, высказать пожелание, чтобы греки и болгары на салоникиской территории немедленно столкнулись друг с другом — дело легкое. Но, судя по всему, что я вижу в этом пестром городе, выполнить это пожелание далеко не так легко.

В моих глазах опять — как там уже было много раз раньше — проходит вся новейшая история Солуни. В этом странном городе, несмотря на непрестанное движение, несмотря на постоянную смену лиц и фактов, все оставляет свои следы, все, хоть частью, но запечатлевается в каких-нибудь внешних, конкретных признаках. От генуэзцев осталась зубчатая крепость, венчающая собой ползущий вверх по высокому холму город. От былой оттоманской военной мощи стоит охраняющий вход в бухту укрепленный мыс Кора-Бурну с чернеющими издали жерлами орудий. От абсолютизма падишахов страшной легендой высится на набережной «Белая Башня», в которой исчезали бесследно личные враги и политические противники султанов. И от «Молодой Турции» — от этой короткой как сон попытки к обновлению — вилла Аллатини, над садом которой реет еще призрак недавно увезенного отсюда пленника¹.

А потом — целый ряд воспоминаний о том, как с юга греки и с севера болгары и греки неукоснительно стремились к завладению этим редким по красоте городом, этим единственным по удобству своего местоположения портом. Греческая и болгарская митрополии, греческие, сербские и болгарские, мужские и женские, средние и низшие учебные заведения. В этом узле балканских железных дорог, который, по проекту покойного гениального инженера фон Пресселя, должен был стать узлом всей экономической жизни полуострова, — давно столкнулись и неразрывно сплелись самые насущные интересы всех балканских стран и народов.

Для турок — курица, несущая золотые яйца, для греческих мореплавателей — единственная точка соприкосновения с балканским рынком, для Европы — самый удобный пункт для сношений с балканским Hinterland'ом², Салоники для балканских славян оставались и остаются тем большим, широко раскрытым окном в Европу, к которому устремлены их взоры.

¹ На вилле Аллатини под домашним арестом жил бывший султан Османской империи Абдул-Хамид II, лишенный власти младотурецкой революцией 1908–1909 гг. Из-за начала Первой балканской войны в 1912 г. бывший султан был перевезен из Салоник в Константинополь, во дворец Бейлербейи, где и скончался в 1918 г.

² Hinterland — тыл, тыловой район (нем.)

Участь города, в котором сплелось так много таких разнообразных интересов, должна была быть предусмотрена раньше. В самом начале войны следовало бы выяснить, что делать с этим важнейшим экономическим центром. Но то, что нужно было сделать, не было сделано. До сих пор ходят различные, противоречивые слухи о том, кто именно «взял Салоники» — греки или болгары. Греческая армия с юга, а болгары с севера одновременно осаждали город, представители обеих армий одновременно, независимо друг от друга, на свой страх и риск вели переговоры с турецкими властями о сдаче, греческий и болгарский полководцы почти одновременно телеграфировали своим правительствам о взятии Солуни, греческие и болгарские войска одновременно вступили в город.

То, что нужно было сделать в самом начале, еще до взятия города, хотели сделать тогда, когда было уже поздно: болгарские и греческие власти хотели показать *urbī et orbī*¹, что по вопросу о Солуни между греческим и болгарским правительствами нет никаких разногласий. Ввели два, одновременно существующих в городе управления. Греческое комендантство и болгарское комендантство, греческая почта и болгарская почта. Греческий генерал-губернатор — и болгарский генерал-губернатор. Греческий престолонаследник — и болгарский престолонаследник, греческий король и — хотя на краткое время, хотя всего на несколько дней — но все-таки присутствие царя Фердинанда. Греческие и болгарские патрули, греческие и болгарские войска, во всем подчеркивалось равноправие союзников, во всем старались отметить, что дальнейшая судьба города — внутреннее, частное дело между Грецией и Болгарией.

Но еще больше, чем в маленьком сербско-болгарском Скопле, в больших Салониках ни греческое, ни болгарское правительство, несмотря на свое, может, самое искреннее желание, не могли затушевать и смягчить того, что происходило и продолжает происходить в массах солунского населения.

Если на сербско-болгарский спор в Ускубе можно смотреть, как на пережитки отходящего в область преданий прошлого, если сербский и болгарский офицер и сербский и болгарский солдат могут найти для взаимных объяснений понятные для обоих слова и, главное, понятный для обоих тон, то греки и болгары с момента первой встречи на улицах Солуни были обречены на постоянное непонимание друг друга. Две разных культуры, два совершенно разных языка, два миропонимания столкнулись — так и остались чужими, враждебными друг другу.

Среди тысячи мелких инцидентов, имевших место в Салониках в первые же дни греко-болгарской оккупации этого города, один мне кажется наиболее типичным и характерным.

В Салониках есть старая христианская церковь — Св. Софии. Редкое по красоте архитектуры и иконописи здание было обращено турками в мечеть. Иконы были наскоро замазаны известкой или задернуты холстом, но так, что

¹ «К городу и к миру» (лат.) — формула, с которой в Древнем Риме начинались важные объявления, затем была заимствована римской католической церковью.

ни одна икона, ни одна фреска не пострадала. Когда болгарские войска вступили в город, временное болгарское правительство распорядилось о немедленной реставрации этой церкви. Когда реставрация была окончена и у ворот церкви был поставлен караул — пришел отряд греческих солдат и потребовал передачи церкви грекам. Болгарские солдаты отказали в этом, и момент был настолько серьезен, что вооруженное столкновение между союзниками казалось неминуемым, только благодаря хладнокровию болгарского офицера дело не дошло до кровопролития и греческий отряд принужден был ретироваться.

В «турецкое время», до самого начала войны, болгары, сербы и греки пользовались правом издавать в Салониках свои газеты. Право это далеко не было одинаковым для трех народов: турецкая цензура всегда покровительствовала экономически сильным и консервативно настроенным грекам и всей своей тяжестью обрушивалась на революционных болгар. Но, несмотря на это, в течение последних пяти-шести лет болгары не переставали издавать здесь иногда по две-три газеты одновременно, принося для этого громадные материальные и моральные жертвы.

С момента греко-болгарской оккупации города, когда, казалось бы, болгарская печать в Салониках должна была вздохнуть свободнее, оказалось, что в Салониках совсем нет места для болгарской газеты. Два раза болгары начинали издавать свою газету, но оба раза по настоянию греческих властей эти газеты приостанавливались, причем один раз, так же, как и у церкви Св. Софии, дело чуть-чуть не дошло до вооруженного столкновения.

Не может быть спора о том, что взятый сам по себе город Салоники не болгарский город. Но в той же мере, он не может быть назван и греческим городом. Из 180 тысяч жителей абсолютное большинство представляют здесь испанские евреи¹ (70 000 чел.), затем идут греки и турки (по 30 000 чел.), болгары (20 000 чел.) и другие (30 000 чел.).

Но если принять во внимание, что, начиная от салониких пригородов на север, восток и запад тянется почти сплошной массой болгарское население, естественно тяготеющее к Солуни, что греческое население занимает только южную часть вилайета, следовало бы прийти к убеждению, что, во всяком случае, греческая и болгарская культуры, с первого же дня оккупации города, должны были получить полное равноправие. На деле же вышло так, что с первого же дня болгарская интеллигенция в Солуни оказалась в роли каких-то пасынков, каких-то случайных зрителей на чужом пиру. Отсюда то кошмарное настроение в болгарской интеллигенции в Салониках, которое парализует в них всякую инициативу, которое заставляет их мрачно смотреть на будущее. Одна молодая жизнерадостная народная учительница, которая летом этого года рассказывала мне о широких планах увеличения болгарской библиотеки, об устройстве здесь целого ряда лекций, в этот мой приезд встретила меня печальными словами:

¹ Евреи-сефарды.

— Ей Богу мы не знаем, радоваться или плакать при виде всего, что здесь происходит. Раньше, даже в самые плохие времена, была надежда на собственную энергию, на запас личных индивидуальных сил. А теперь этого нет. Почва ускользнула из-под наших ног, и все мы вдруг очутились в каком-то безвоздушном пространстве.

Почва ускользнула из-под ног. Это самая верная формулировка настроения здешней болгарской интеллигенции. Вчера еще у местной болгарской колонии было то утешение, что болгарская государственность была представлена здесь в такой же мере, как представлена в Салониках греческая государственность.

Но сегодня и это утешение исчезло. После целого ряда торжественных встреч и визитов царь Фердинанд уехал из Салоник, и остался здесь в своей новой резиденции греческий король. Несколько часов спустя уехал отсюда болгарский престолонаследник, и остался только греческий диадох¹. Еще несколько часов спустя получилось известие, что живущий в Салониках болгарский генерал-губернатор Македонии Хесапчиев получил новое назначение, а македонским генерал-губернатором назначен генерал Волков, который будет жить в Сересе.

В дипломатических сферах на это отступление смотрят как на мудрые шаги болгарского центрального правительства. Считают, что болгарская государственность стала выше личных счетов и мелкого самолюбия и сделала то, что продиктовано ей сознанием важности данного момента.

Возможно.

Но растревоженное болгарское население не смотрит так далеко вперед. Оно видит, оно чувствует, как на минуту открывшийся перед ними простор опять заволакивается дымкой; оно вспоминает черные годы безвременья, которых было так много позади, и с тревогой спрашивает себя:

— Неужели и впереди будет то же?..

Влад. Викторов.
Салоники, 12 декабря

20

«Русское слово». 30 декабря 1912 г. Вмешательство

Положение дел на Ближнем Востоке снова принимает угрожающий оборот. Вина за это падает, прежде всего, на европейскую дипломатию, не сумевшую вовремя указать Румынии ее надлежащее место. Теперь окончательно выяснилось, что обширные военные приготовления Румынии, цель которых старательно

¹ Наследник (греч.).

затушевывалась бухарестским кабинетом, направлены исключительно против Болгарии. Румынское правительство предъявило софийскому кабинету требование об уступке целой области — болгарской Добруджи, площадью свыше 3000 квадр[атных] верст и с населением до 150 тыс. человек. Подобное требование, обращенное к государству, которое ничем не дало повода для такого враждебного акта и всегда поддерживало с Румынией наилучшие добрососедские отношения, может быть приравнено только к разбою на большой дороге. С легкой руки покойного Кидерлен-Вехтера, предъявившего Франции в прошлом году требование о компенсациях за приобретение французами политических привилегий в Марокко, которое никогда не принадлежало Германии, политический шантаж и дипломатический грабеж входят в повседневный оборот международной жизни. Вслед за удачным исходом кидерленовской авантюры Италия среди глубокого мира набросилась на африканские провинции Турции, соблазнившись легкой, как казалось, добычей. После Германии и Италии пришел черед третьего участника почтенной авантюристской компании, именуемой Тройственным союзом. Граф Берхтольд предъявил требование об отобрании у Сербии доброй трети ее завоеваний в пользу Албании, протекторат над которой фактически уже осуществляется Австро-Венгрией. Успех австрийского шантажа вскружил головы бухарестским политикам, которые до того смиренно плелись в хвосте двуединой монархии и ее могущественной покровительницы.

На наших глазах международное право обращается в пустую вывеску без всякого реального содержания и заменяется правом сильного или, вернее, наглого. Державы Тройственного соглашения в своих собственных интересах должны положить предел необузданной вакханалии компенсаций, которая иначе скоро дойдет до Геркулесовых столбов¹. Сегодня нелепые требования компенсаций предъявляются Сербии и Болгарии, но завтра торжествующие тройственные авантюристы могут обратиться с подобными предложениями и к России. Никто не может поручиться за то, что наши соседи не пожелают в один прекрасный день заполучить компенсации за Монголию²; шовинистская немецкая печать уже давно делает недвусмысленные намеки по этому поводу. Только скорое и твердое вмешательство держав Тройственного соглашения в румыно-болгарский конфликт может спасти европейский мир. Румыния дерзко насмехается над ясными и определенными заявлениями Асквита и Пуанкаре о том, что балканские союзники не должны быть лишены плодов своих побед. Спасительный урок необходим даже в интересах самого румынского народа, который вовлекается своим правительством в преступную братоубийственную войну с единой Болгарией.

Румыния явно спекулирует не только на несговорчивость Турции, отказывающейся заключить мир на приемлемых для Болгарии условиях,

¹ Геркулесовы столбы — в античном мировосприятии означают предел мира, край света.

² В 1911 г. Россия поддержала отделение Внешней Монголии от Китая.

но и на разногласия в среде балканской коалиции. Грубые ошибки болгарской дипломатии и безграничная самонадеянность болгарских националистов привели к тому, что в критический момент Болгария может оказаться изолированной. Однако Россия не должна оставаться равнодушной к тяжелому положению молодого славянского царства. Мы обязаны во что бы то ни стало отстоять Болгарию от предательского нападения со стороны Румынии. Русский народ не для того почти двести лет проливал свою кровь для освобождения Молдавии и Валахии, чтобы затем румынские Гогенцоллерны раздавили другую страну, также воскрешенную к новой жизни ценою потоков русской крови. Напрасно румыны полагают, что фельдмаршальский жезл, врученный недавно королю Карлу, гарантирует полную безнаказанность посягательств на европейский мир и чужую территорию. Наша дипломатия обязана немедленно вручить энергичный протест бухарестскому кабинету, который может быть подкреплён и соответствующими действиями. Появления нашего Черноморского флота перед Констанцей достаточно для обуздания румынского шовинизма.

Если г. Сазонов, со свойственным ему благодушием, будет сквозь пальцы смотреть на вступление румынских войск на болгарскую территорию, — престижу России будет нанесен новый тяжелый удар. Наше правительство в лице г. Коковцова и самого же Сазонова, определенно высказало свою точку зрения на недопустимость территориальных притязаний держав, не участвующих в войне балканской коалиции с Турцией. Отступление великой России перед ничтожной Румынией в эту историческую минуту покроет нас несмываемым позором. Было бы жалким лицемерием ссылаться на соглашение Румынии с Тройственным союзом, тем более что самое существование формального договора между Румынией и среднеевропейскими державами подлежит сомнению. Австрия и Германия лишены возможности помешать блокаде румынского побережья русским флотом и высадке русских войск в Добрудже. Напасть же на Россию, да еще зимой, из-за прекрасных глаз Румынии немцы и австрийцы никогда не решатся. Страх перед немецким нашествием недостоин великого народа, и мы не можем по всякому поводу спрашивать, что скажут в Берлине или Вене.

Обуздание Румынии гораздо вернее и быстрее подействует на Турцию, чем предполагаемая морская демонстрация у Дарданелл. Турки, видимо, спешат сговориться с чрезвычайной румынской миссией, приехавшей в Константинополь для совместных действий против Болгарии. Когда румыны сократятся¹, Блистательная Порта охотнее будет внимать советам умеренности и благоразумия. В интересах европейского мира необходимо пожелать, чтобы идущие из разных источников известия о решительном воздействии России на Румынию подтвердились. Нельзя терять времени.

¹ Так в тексте.

21

«Речь». 1 января 1913 г.

Балканские настроения

(От нашего специального корреспондента)

Путешествие из Солуни в Битоль (Монастырь) всегда было утомительным и неприятным. Поезд ползет в гору крупными зигзагами, в маленьких купе турецких вагонов душно и пыльно, на коротких остановках нельзя найти ничего, кроме традиционного «турецкого» или, как теперь принято говорить, — «балканского» кофе. В настоящее время ко всем прелестям этого нудного путешествия прибавилась грубость греческих солдат, охраняющих линию и бесцеремонно обыскивающих пассажиров, и недовольство служащих на железной дороге иностранцев, недовольство, которое они вымещают на случайных путешественниках.

Точно для того, чтобы развеять изнервничавшегося пассажира, мелькает на горизонте Воден — этот город, который своей капризной, причудливой красотой может соперничать с самыми живописными местами Европы. А потом опять душный вагон, раздражающе медленный ход поезда, и разговоры, разговоры без конца...

В сумерки я добираюсь до чистенького битольского отеля, хочу переодеться и умыться, но оказывается, что на это нет времени: мои битольские друзья уже заранее собрались, ожидая моего приезда, и теперь с нетерпением ждут, чтобы я вышел к ним. У них накопилось так много жалоб, что если бы я остался в их городе три-четыре дня, то и за это время они не успели бы пересказать мне всех тех «потрясающих фактов», которые имели здесь место в течение последнего времени.

Но — виноват. Для балканского жителя Битоль и Монастырь — величина более чем определенная. Для русского же читателя, весьма вероятно, имя это ничего само по себе не говорит, и я должен хотя бы вкратце сказать, что такое славный город Битоль. Центр управления Битольским вилайетом, город этот является, в то же время, центром и рассадником болгарской культуры в западной Македонии. Точно так же, как Солунь является центром экономической жизни этой страны, а Скопье или Скоплье — культурным центром северной Македонии, точно так же Битоль, расположенный на западной окраине географической Македонии, всегда был оплотом болгарской культуры. Здесь болгарам пришлось отстаивать свою культуру и свой язык против греков, которые не жалели ни сил, ни средств на свою национальную пропаганду.

Из этой борьбы, продолжающейся много десятилетий, болгары вышли с честью. Не говоря уже о том, что окрестные села вполне сохранили свой исключительно болгарский характер, но даже в самом городе, в котором грекам удалось захватить в свои руки всю экономическую жизнь, не нашлось болгар, которые пожелали бы изменить своей нации. Неудивительно, поэтому,

что грекам пришлось перенести свою пропаганду в другую сторону, и, оставивши в покое болгар, они принялись обрабатывать куцо-валахов, значительное число которых жило в самом городе и в его окрестностях. Здесь дела греков пошли прекрасно: в настоящий момент куцо-валахский элемент почти исчез, и все куцо-валахские семейства стали рьяными грекоманами. Теперь из 55 000 битольского населения около 20 тысяч составляют болгары, 15 тысяч — турки, 12 тысяч — греки и грекоманы, и около 7 тысяч цыган, куцо-валахов и др. национальностей.

Этот пестрый по своему составу национальному город, в котором издавна греко-болгарская национальная борьба обострила национальные чувства, в настоящую военную кампанию оказался занятым сербскими войсками. Этого требовали тактические и стратегические соображения союзников, но при этом никто, ни со стороны сербов, ни со стороны болгар, не сомневался, что оккупация города сербскими войсками будет носить временный характер, и что политическая власть над городом и окрестностями перейдет в руки болгар.

Однако, судя по всему тому, что я застал в Битоле, то, что казалось в начале ясным и бесспорным, стало теперь сложным и чрезвычайно запутанным.

Должно быть потому, что взятие этого совершенно не сербского города стоило сербской армии чрезвычайных усилий и громадных жертв, у сербов явилось стремление во что бы то ни стало удержать за собой Битоль. Еще раньше, по пути, несколько представителей «официальной Сербии» говорили мне, что, конечно, сербы останутся до конца лояльными союзниками, и что они ни в чем не нарушат союзного договора. Но, говорили мне эти лица, сербское общественное мнение никогда не сможет примириться с тем, что город, у стен которого пало столько сербских солдат, был передан болгарам.

Я еще не имел возможности зондировать сербское общественное мнение по этому вопросу. Через несколько дней в Белграде я постараюсь повидаться с теми лицами, которые, по моему мнению, лучше всего представляют общественное мнение Сербии.

Но то, что я вижу вчера и сегодня в Битоле, далеко не способно развеять тяжелое, грустное впечатление, которое производят на меня нынешние «балканские настроения».

И здесь, как в Скопье, и в Салониках, речь идет, к сожалению, не о соображениях и предположениях, а о голых фактах.

Я не стану повторять примеры своих битольских друзей и не буду злоупотреблять терпением читателя. Фактов, рассказанных мне в Битоле, так много, что их хватило бы на несколько писем. Но все эти факты, в конце концов, могут быть разгруппированы по трем, вполне определенным категориям.

Прежде всего — желание стоящих во главе управления Битодем сербов во что бы то ни стало найти в Битоле сербов. Так как сербского населения ни в городе, ни в его окрестностях не оказалось, то пришлось прибегнуть к довольно упрощенному приему: предложить болгарам называться сербами.

Передо мной проходит вереница лиц, чистейших болгар по языку и по своему происхождению, которым сербские власти предлагали назваться сербами, весьма недвусмысленно намекая, что, в случае согласия, сербских неопитов ждет заманчивое будущее.

Лица, которые рассказывают мне об этом, еще не знают, в чьих руках останется Битоля. Поэтому они не могут говорить так откровенно, как им хотелось бы. Но чувствуется, что у этих простых людей накапливается чувство глубокого возмущения. Один из моих собеседников, рассказывая о своем случае, волнуясь, достает из кармана бумагу и передает ее мне. Оказывается — билет, выданный начальником битольского округа на право проезда в Солунь. Человек, собирающийся ехать в Солунь — болгарин, а зовут его Илией Николаевым. Но сербские писаря в Битоле, несмотря на горячие протесты г. Николаева, ни за что не согласились оставить человеку его фамилию и окончательно переименовали его в серба Илию Николича.

Конечно, эти факты мелкие, но из подобных мелких фактов десятилетиями складывался весь характерный уклад македонской жизни.

А вот категория фактов более крупных.

Сербы не только не ввели сколько-нибудь прочного порядка в оккупированной области, но, наоборот, сами создают почву для беспорядков. Так, прежде всего, они оставили в покое всех турецких разбойников. Мне называли имена пяти или шести человек, о которых вся округа знает, что они живут грабежом и разбоем. Эти лица оставлены на свободе; болгарское население неоднократно обращалось к сербским властям с просьбой очистить страну от этих злонамеренных элементов, но просьбы болгар остаются без результатов.

При таком положении вещей создается почва, чрезвычайно благоприятная для всякого рода преступлений. Одно из них, имевшее место в Прилепе всего несколько дней назад, настолько жестоко, таинственно и загадочно, что болгарское население Битоля и Прилепа до сих пор не может прийти в себя от ужаса. Сущность же дела заключается в следующем: болгарский учитель и видный македонский революционер Насто Лютвиев был приглашен сербами в Прилепе 4 декабря на банкет, устраиваемый сербами в Прилепе по случаю дня рождения престолонаследника. После целого ряда тостов, произнесенных за сербскую армию, Лютвиев предложил выпить за здоровье царя Фердинанда и за болгарскую армию. Через несколько минут после этого он вышел из помещения и исчез бесследно. На следующий день его шапка была продана кем-то на базаре, а к его родителям пришел сербский солдат и пытался утешить плакавшую мать тем, что, мол, сына не воротить.

Так же таинственно исчез в Прилепе 8 декабря и другой видный болгарский воевода Шакир (Крыстю Гермов), и об участии его до сих пор никто ничего не знает.

Начальником битольского округа назначен один из самых видных сербских писателей — Бронислав Нушич. Я помню, как, года два тому назад,

в Белграде, г. Нушич говорил мне о светлых перспективах сербско-болгарского сближения. Судя по всему, что мне рассказывали в Битоле, и теперь еще г. Нушич делает все, что от него зависит, для проведения в жизнь этой светлой идеи. Так, в деле об убийстве Лютвиева он проявил полное беспристрастие и, очевидно, серьезно взялся за раскрытие этого гнусного преступления.

Но г. Нушич — один. А вокруг него — все тот же сброд «неответственных элементов», искатели приключений, люди, приехавшие сюда отыгаться на шовинизме, пристроиться на теплых местах в новозавоеванных местностях. Эти люди собираются сводить старые счеты, эти люди теперь, когда союзникам предстоит впереди так много и такой серьезной работы, собираются жить старым кошмарным прошлым македонской революции.

Кто же найдет в себе достаточно мужества и достаточно силы воли, чтобы крикнуть этим господам властное: «Довольно!».

«Довольно!» нужно крикнуть теперь же. Промедление может быть фатально.

Влад. Викторов.
Битоль. 14 декабря, 1912 г.

22

«Русские ведомости». 13 января 1913 г. В освобожденной Македонии (От нашего корреспондента)

— Его милость, г-н Павло Христов! Его милость, г-н Алеко Стефанов! Его милость...

Одна за другого¹ поднимаются из-за стола называемые моим спутником «их милости» и поочередно крепко и размашисто жмут мне руку. За столом семь человек. Трудно подумать, глядя на их скромные, добродушные лица, тщательно завязанные галстуки, свежие воротнички, что все это — знаменитости македонских ущелий, чьи имена давно уже окружены кровавой народной легендой, вожди, привыкшие видеть смерть ежедневно лицом к лицу и поэтому так мало обращающие внимание на ценность всякой человеческой жизни... В обширном кафе кроме нас никого нет. Мы пришли сюда, чтобы уединенно без «посторонних свидетелей» побеседовать о новых формах Балканского союза, там далеко, на местах, откуда всего лишь три дня назад прибыли в Софию распутившие свои четы и временно оставшиеся без дела воеводы.

¹ Так в тексте.

Все они принимали участие в войне с самого ее начала то в греческих, то в сербских войсках в районе от Прилепа до Монастыря и Ресны. В их изображении общая картина представляется в следующем виде: прежде всего союзников-греков турки жестоко били и продолжают бить и теперь. Зная это обстоятельство, греки сознательно избегают больших сражений, довольствуясь лишь мелкими стычками «семеро на одного», которые потом постепенно превращаются официальными донесениями в подвиги Фемистокла, Перикла и Мильтиада¹. На самом же деле при первом столкновении с турками еще 19-го октября при Банице, около Монастыря, греческая кавалерия бросилась бежать, увлекая за собой пехоту. Благому примеру последовала через полчаса и артиллерия, оставив неприятелю 12 орудий. Греки убежали из Баницы за 16 километров, почти до границы Фессалии. И остановились в местечке Кошанах, ожидая дальнейших событий, но уже не рискуя больше выступать активно. Когда сербы взяли Монастырь, к грекам был послан сербский офицер Чолакантич с предложением вернуться, ибо «путь очищен». С трубными звуками, с барабанным боем воинственные потомки «легкононого Ахилла» снова заняли Баницу и окрестные деревни. Но там их ждал неприятный сюрприз — брошенные ими 12 орудий были отбиты сербами у турок и очутились теперь в сербском лагере в качестве боевого трофея. Произошла «пря и брань»: греческий диадок Константин настаивал на выдаче орудий обратно грекам; сербы не соглашались, ибо считали вполне резонно, что теперь эти орудия принадлежат уже им по праву военного захвата. Вопрос так и остался открытым до сих пор.

Не получив удовлетворения по поводу орудий, «победители» обратили свое внимание в другую сторону. Прежде всего была разграблена Баница, свидетельница подвигов убегающих «эвзонов»². Забранный «на нужды войска» рогатый скот почти целиком был отправлен в Грецию, равным образом как турецкие ковры из домов местных жителей, золотые и серебряные вещи, всякий домашний скраб и прочая «реквизиционная добыча». Памятуя, что «мужчина создан для войны, а женщина для утешения воина»³, в селе Новый Град мужское население частью вырезали, частью заперли под стражу, а женское загнали в один оставшийся не сожженным дом. Туда потом по очереди являлись и солдаты, и офицеры распоряжавшегося в Новом Граде греческого отряда и, уступая место ожидающим очереди «коллегам по оружию», уносили с собой на память сорванные с женщин ожерелья, кольца и браслеты... То же самое было в большом местечке Ениджи-Вардар, селах Костурино, Лесково, Людница и множестве других. Везде греческие победители старались показать местному населению, что с переменой режима ровно ничего

¹ Герои истории Древней Греции.

² Эвзоны — элитное подразделение пехоты греческой армии, которое возникло как лёгкая пехота в годы Греческой войны за независимость в начале XIX века.

³ Цитата из немецкого философа Ф. Ницше.

для них не переменялось, если только не стало хуже. Раньше, по крайней мере, оставляли в покое религию, язык и школу, теперь и то, и другое, и третье взято «под подозрение и надзор»... «Если хотите жить здесь и вообще жить — будьте греками!», — заявил майор Мазаракис, адъютант греческого принца Николая, в местечке Одине болгарскому нотаблю доктору Дмитрию Запетеву. В результате в болгарских церквях и училищах в тех же селах Костурине, Лескове и других сожжены все богослужебные и учебные книги на болгарском языке и их приказано заменить греческими. Учителя-болгары изгнаны, и на их место едут из Греции «свои люди». В Костурине болгарского священника вывели из церкви за шиворот и передали церковь уже приехавшему заместителю-греку. В Бере, возле Салоник, тамошний архиерейский наместник был арестован, связан, просидел в тюрьме целые сутки и был выслан с предупреждением, что, если вернется, будет немедленно убит...

Долго рассказывают мне мои собеседники о «практическом применении» греками на местах основных начал Балканского союза. Примеры, приводимые ими, бесчисленны, но сущность в них остается одна и та же — всюду насилие и произвол, всюду стремление узких и ограниченных шовинистов насадить «под шумок», покамест война еще не кончена, в возможно большем количестве «эллинскую идею», не стесняясь в средствах для внедрения ее в тугие славянские мозги.

Понемногу разговор переходит к сербам. У этих, по словам моих собеседников, дело обстоит не лучше. Вместо тактичных и умных людей белградским правительством посланы в освобожденную Македонию ярые фанатики «Великой Сербии», на каждом шагу видящие то Марко Краевича, то блаженной памяти тень самого непобедимого «кряля» Стефана Душана и по сему случаю начавшие борьбу с «болгароманией» не на живот, а на смерть... Невиннейшая буква «Ъ» подверглась жесточайшему гонению; на вывесках в Ускубе, Прилепе, Велесе, Монастыре нельзя уже больше писать «Ивановъ или Петровъ», — а непременно — «Ивановичъ, Петровичъ» для доказательства «истинно сербского» происхождения их владельца. В Монастыре новый, присланный из Белграда префект Нушич уже потребовал составить ему тоже «новую» статистику местного населения, ибо старая, где почти все жители были показаны болгарами, оказалась негодной. Для этой цели он сам и его приближенные офицеры собирают сельские сходы в окрестностях Монастыря и требуют от болгарских крестьян делать письменные заявления о том, что они все — в душе сербы и только под угрозами болгарских чет считали себя раньше болгарами. Одновременно с тем сербский владыка Варнава ездит по болгарским деревням, закрывая болгарские школы и выгоняя болгарских учителей. В самом Монастыре местное христианское население отдано под надзор двух ренегатов, прежних «хафие» (шпионов) при турецком режиме — Василия Бердера и Ильи Стефанова. Оба теперь на сербской службе и должны искоренять «болгароманию» у подпавших после освобождения от турок под их владычество местных болгар. И опять бесконечные

примеры избиений «инакомыслящих», угрозы убийствами и таинственных исчезновений сторонников «болгарской идеи» из особенно отличившихся своим упорством в заблуждении... Занятое насаждением «сербомании», высшее сербское начальство благосклонно не обращает внимания на то, что делается у него под носом... А тем временем в Монастыре мелкие полицейские сошки вызывают к себе местных турецких беев поодиночке и заставляют их откупаться от перспективы военного суда и расстрела. Такса варьируется сообразно имущественного положения вызываемого. От одних брали по 500 турецких лир (лира=23 франкам) от других — 3000, а известный богач Чосе-Эмин-Ага внес за свое освобождение кругленькую сумму в 80 000 франков.

Все дальше и бесконечнее разворачивается передо мной список новых насилий, угроз и преступлений. Я не имею никакой возможности рассказать здесь обо всем, но я думаю, необходимо сказать хотя бы что-нибудь из того, о чем пришлось слышать от непосредственных свидетелей творящегося сейчас в «освобожденной» Македонии.

Покамест идейные творцы Балканского союза разберутся в национальных и исторических притязаниях каждой от заинтересованных сторон¹, мелкие исполнители сумеют испортить до неузнаваемости великую и плодотворную идею. Дело печати и общества — обратить на них внимание, дело правительств балканских государств — остановить «подвиги» своих ретивых не по разуму агентов, пока еще не слишком поздно!..

А. Деренталь.
София. 5-го января

23

«Речь». 17 января 1913 г.

Война или мир?

Греческая точка зрения

Греческая точка зрения в настоящую минуту сводится к решению вопроса о Солуни. А вопрос о судьбе Солуни решается, главным образом, на основании соображений, которые будут ясны из следующего анекдота, только что рассказанного болгарскими газетами. Греческий король говорит болгарскому престолонаследнику: солунский климат так мне нравится, что я хочу поставить себе здесь дворец, в котором буду проводить значительную часть года. Болгарский наследник, будто бы, отвечает: мой отец тоже одобряет здешний климат и хочет здесь построить дворец. Последнее слово остается,

¹ Так в тексте.

однако, за греческим королем. «Зачем вам строить дворец? Мой дворец будет настолько вместителен, что вы всегда найдете в нем гостеприимство».

Действительно, пребывание в Солуни королевской семьи оказывается самым веским аргументом в пользу присоединения города к Греции. Спросите кого угодно из балканских политиков, и вы получите неизменный ответ: вопрос о Солуни есть «династический вопрос». Вспомните, как происходило расширение греческой территории, что совершалось в Афинах, когда не осуществились обещания, полученные королем Георгом, относительно Крита в 1908 году, и вы оцените силу этого аргумента, старого и испытанного.

Во всяком случае, другие аргументы в пользу присоединения Солуни к Греции найти гораздо труднее. Военные успехи Греции? Ее роль сводится к тому, что вместо условленных 120 тысяч она выставила 80; ее жертвы убитыми и ранеными равняются ничтожной цифре — 2500–3000. Ее победы? О них постоянно звонила греческая печать; о них громко повествуют здесь, в Солуни, лубочные картинки, развешенные по улицам. Но я мог бы наполнить несколько корреспонденций шутивными рассказами очевидцев о применении греческого военного лозунга: «февгете, педья» (бегите, ребята), о блестящих победах греков над мирным населением и о том стратегическом искусстве, которое они обнаружили, чтобы избежать встреч с неприятелем. Нет, военная репутация греческих войск, твердо установленная войной 1897 года, отнюдь не выиграла от войны 1912 года.

Говорит ли в пользу присоединения самый факт занятия Солуни греками? Здесь, в Солуни, все знают, как это произошло. Греки целых восемь дней вели переговоры о сдаче Солуни, не двигаясь с места. Но вот появились на северо-восточной стороне города болгарские войска. Тогда переговоры, при особенно энергичном содействии австрийского представителя Краля, пошли ускоренным темпом. Греки поспешили согласиться на условия, которые давали туркам почетный выход из положения. Офицеры получили свободный пропуск, хотя бы и в действующую армию. 3000 ружей должно было быть сохранено за турецкими солдатами. Только турецкая жандармерия должна была быть заменена греческой. Потом, правда, все эти условия были нарушены. Специально для того, чтобы их нарушить, греки придумали несуществующий заговор между офицерами. Заговора не было, но, как говорят местные жители, было недовольство со стороны турецких офицеров, открыто обвинивших Таксим-пашу, что он сдался, получив большую взятку.

Каково отношение к грекам туземного населения Солуни? На это отвечают бесчисленные эпизоды грабежа, наблюдавшиеся всеми очевидцами в первое время по занятии города. Сам сэр Эдуард Грей, похвальный аттестат которого грекам комментируют сегодня газеты, ничего не может изменить в этих несомненных и общеизвестных здесь фактах. В один голос здесь говорят о распущенности и полном отсутствии дисциплины среди греческих солдат, о чрезмерной снисходительности к ним их офицеров, о греческих пародах,

отвозивших в Грецию награбленное добро, причем победители не брезговали ни выломанными мраморными плитами, ни поломанной мебелью.

Главное население города, евреи, встретили греков более чем холодно и открыто высказывали в печати предпочтение старым хозяевам, туркам, перед новыми завоевателями. Местная пресса, правда, слишком зависима, чтобы дать место подобным заявлениям. Она сплошь славословит греков по-гречески, турецки, французски и испански¹. Отдельные случаи протестов в болгарских газетах («Българин», «Беломорец»²) кончались закрытием и форменными столкновениями войск. Но все же, напр., в еженедельнике «The Near East» можно найти сколько угодно протестов евреев против греческого хозяйничанья в Солуни. То же самое всякий желающий может проверить личными расспросами на месте.

При помощи «рушвета»³ евреи отлично сжились с турецкими порядками. Но и греки, герои дня, не могут не чувствовать некоторого беспокойства при мысли о присоединении Солуни к *basileion tis Ellados*⁴. Другое дело, конечно, если бы *megali idea*⁵ осуществлялась в полном размере — в пределах империи Александра Македонского. Но греческие объединители данного момента не могут идти с какой-нибудь вероятностью успеха далее притязаний на границу, которая, начинаясь у Химеры на Адриатическом море, кончается у Дедеагача в устье Марицы, захватывая в греческие пределы Корчу, Костур, Лерин, Гевгелию, Дойран, Демир-Хиссар, Серес, Драму, Кавалу, Ксанти и Гюмюрджину. Конечно, и этой зоны они не получают. Но если бы и получили все-таки, даже такой *Hinterland* не мог бы дать Солуни прочной опоры для обеспечения за ней теперешнего торгового положения.

Что торговля Солуни безусловно зависит от той территории, с которой город непосредственно связан, это не представляет здесь ни для кого ни малейшего сомнения. И если бы не «династический вопрос», то спор о Солуни решился бы сам собою: Солунь принадлежала бы тому, кто будет владеть окружающей территорией: принадлежала бы Болгарии. Но «династический вопрос» не считается ни с интересами торговли, ни с интересами национальностей. Когда греки выдвигают теперь как основу для своего разграничения, «этнографический принцип», то они понимают его очень своеобразно. Так как болгары при разделе получают 300 000 греков, населяющих побережье Фракии, то такое же количество славян должно быть отдано Греции во внутренних частях Македонии! Это «этнографический принцип» времен

¹ На испанском наречии ладино говорила самая большая этническая группа Салоник того времени — еврей-сефарды.

² «Бяло море» (болг.) — Эгейское море.

³ «Взятка» (тур.).

⁴ Властитель Греции (греч.).

⁵ Мегали Идеа — идея максимального расширения Греции вплоть до границ Византии.

Меттерниха и Венского конгресса¹. Только тогда кроили народности как закройщик режет сукно.

Естественно, что после удовлетворения «династического вопроса» неизбежно явится потребность в коррективах. Первым коррективом должно явиться применение «этнографического» принципа к солунскому Hinterland'у в истинном смысле, а не в извращенном. Отказ болгар от Солуни может осуществиться только после отказа греков от местностей, населенных (как Костурский и Леринский округа) наиболее развитым национально болгарским населением. Дальнейшим последствием такого сокращения Hinterland'a явится необходимость обеспечить торговлю от его последствий.

С падением Турции для торговли Солуни открываются самые широкие и блестящие перспективы. Уже сейчас этот город стягивает к себе при посредстве трех железнодорожных линий (в Битоль, Скопье и Константинополь) продукты запада, севера и востока Македонии. Но когда Скопье, в свою очередь, станет узлом железных дорог, ведущих, кроме Сербии, в Болгарию, Албанию и Боснию, когда осуществится в более или менее отдаленном будущем тот канал между Моравой и Вардаром, о котором мечтают австрийцы, то *возможности* для торгового развития Солуни станут неисчислимыми. Смелый автор статьи в «Near East» уже теперь пророчит Солуни судьбу Марселя, Триеста и Генуи...

Действительность пока очень далека от этих радужных перспектив. Транзит Солуни очень мало развит, и большую его часть составляют сербские товары. Ввоз в размере 36–50 милл. рублей превышает вывоз, достигающий 10–16 миллионов. Вывоз всецело зависит от Hinterland'a, от рынков Македонии, Старой Сербии, Албании и отчасти Фракии. Вся солунская торговля рассчитана на эти, сравнительно скромные, размеры. Прежде чем она успеет принять европейский характер, она потеряет местный. Наличное купечество в значительной части разорится или поспешит выселиться в более удобные новые центры.

Вот то положение, с которым приходится поневоле считаться даже и теперешним хозяевам Солуни. И немудрено, что от самих греков исходят планы того, как поддержать и развить солунскую торговлю, *несмотря* на присоединение Солуни к Греции.

Если Солунь делается греческим городом, — успокаивает солунских греков греческий экономист Кофинас в местной газете «Indépendant», — то Греция сделает его порто-франко² и войдет в таможенный союз с балканскими государствами. Тогда Солунь будет в состоянии извлекать все выгоды, вытекающие из ее географического положения.

¹ Венский конгресс 1814–1815 гг. определил новые границы в Европе после Наполеоновских войн.

² «Свободный порт» — порт, в котором действует режим беспошлинного ввоза и вывоза товаров.

Увы, этот проект нисколько не разрешает трудностей, вытекающих из присоединения Солуни к Греции. В этом случае Болгария вместо того, чтобы поддерживать развитие чужого порта, приносящего теперь до 15 миллионов франков дохода казне, создаст свой собственный по соседству, в Кавале. Вся сеть железных дорог, проектируемых теперь для завоеванных Болгарией областей, получит направление, неблагоприятное для Солуни. София будет связана с Демир-Хиссаром, а Пловены¹ прямо с Кавалой. Все приемы тарифной политики будут пущены в ход для того, чтобы отвлечь движение товаров на Солунь и направить его к Кавале. В том же направлении будут действовать и таможенные пошлины. Этому последнему, конечно, могло бы помешать заключение таможенного союза между балканскими государствами. Но существование двух конкурирующих портов создаст серьезное препятствие для заключения этого союза. Таким образом, удовлетворение «династического интереса» грозит самой будущности Балканского союза.

Салоникские евреи очень энергично пропагандировали другое решение вопроса о Солуни: превращение города в интернациональный свободный порт. Однако же такое решение, выгодное только для Австрии, до такой степени противоречит интересам всех балканских союзников, что встречает с их стороны дружное и единодушное сопротивление. Если придется выбирать между устройством международного порта и отдачей Солуни Греции, то, конечно, даже Болгария предпочтет последний исход. Солунь в греческих руках — это еще не окончательное решение, с точки зрения болгарского общественного мнения. С ним можно, в крайнем случае, и помириться... временно. Такое «временное» решение, конечно, не может улыбаться Греции.

Как же выйти из всех этих затруднений, неизбежных при всех перечисленных решениях? С греческой же стороны и, кажется, из очень высокого источника, сделано было еще одно предложение, которое, по-видимому, встретило сочувствие и среди балканских союзников, и среди держав тройственного соглашения. Это именно — *совладение*, *condominium* союзников в Солуни или в ее порте.

Подробности плана, кажется, не разработаны. Как предмет совладения, так и характер его, и состав участников остаются неопределенными. Непременными и обязательными участниками являются, конечно, болгары и греки. Фактически, и теперь в Солуни распоряжаются военные начальники обеих народностей. Получив разрешение ввести в Солунь свои войска, болгары даже увеличили первоначально их количество там до 40 000. В первые дни чуть не дошло до открытого столкновения отрядов из-за обладания мечетью Св. Софии, обращенною в церковь. Греческие попытки овладеть ею повторялись три раза и отступали только перед командой болгарских офицеров заряжать ружья и готовиться к залпу. С тех пор взаимные отношения улучшились,

¹ Видимо, Пловдив.

большая часть болгарских войск ушла, но небольшой отряд все-таки остается, как бы подчеркивая, что вопрос о совладении остается открытым.

Идея совладения, однако, не ограничивает состав участников двумя названными государствами. В число их предполагается ввести и Сербию, причем националистическая сербская печать уже основывает на этом проекты довести сербские границы до Солуни — или с севера, вниз по Вардару, или с запада, от Охрида и Битоля. К взаимным пререканиям союзников относительно раздела Македонии я еще вернусь. Теперь только скажу, что, разумеется, в ответственных сербских кругах вовсе не связывают с идеей кондоминиума в Солуни этих националистических грандоманских фантазий. Но самая идея — воспринята и привлекает усиленное внимание, как известная компенсация за уступку на Адриатическом море.

Остается пока вовсе не выясненной в этом вопросе роль того фактора, который мы неизменно встречали за ширмами всех осложнений на Балканах. Неизвестно, чего потребует на свою долю Австрия. Но мы уже знаем, что австрийская публицистика именно на вопросе о гарантиях железнодорожного сообщения с Солунию предполагает отыгаться за все австрийские потери и неудачи в течение настоящего кризиса. Нужно ожидать, что от Сербии именно в данном случае потребуют за раз и роли проводника, и жертвы австрийских претензий. Как ни серьезны и ни запутанны все те осложнения в вопросе о Солуни, о которых я упоминал, все они могут отступить на второй план перед требованиями дунайской монархии. Ответом на эти требования может быть только введение вопроса о Солуни в круг вопросов, подлежащих ближайшему разрешению союзников между собой. Как я уже сказал, эта альтернатива — или взаимное соглашение, притом возможно скорое, или же риск вовсе упустить из рук решение вопроса — очень хорошо сознается самими союзниками. Именно она побуждает балканские правительства к особенной уступчивости друг другу в данном вопросе.

П. Милюков.
Солунь, 10 января

24

«Речь». 27 января 1913 г.

Война или мир?

Македонская точка зрения

Вот точка зрения, которая, несомненно, существует, но о которой всячески стараются забыть все заинтересованные стороны, — кроме, разумеется, самих македонцев. Почему говорят теперь неохотно о македонской точке

зрения? Это ясно из самой ее сущности. В двух словах, это — точка зрения единой и нераздельной «автономной» Македонии, «Македонии для македонцев». Это, другими словами, есть принципиальное отрицание того раздела Македонии на части, который теперь совершается между болгарами, сербами и греками. Македония перестает при этом разделе быть субъектом прав и становится объектом... торговли.

А между тем, все прошлое македонского движения так мало готовило к подобному исходу! Каждая из национальностей, боровшихся за Македонию, исходила ведь из утверждения, что все македонцы — или сербы, или греки-«булгарофоны», или болгары. Идея дележа, конечно, есть тоже старая идея, но это — идея соседних правительств, соседних национальностей, а отнюдь не идея самих македонцев. Больше всего идея цельной автономной Македонии, кроме македонцев, привилась у болгар, так как именно с болгарами македонцы в целом чувствовали наибольшую национальную близость, и болгарская национальная церковь, «экзархия», явилась самым ранним и самым могучим средством македонского национального возрождения. Но именно потому, что «автономия» Македонии считалась чисто болгарским решением вопроса, против него особенно энергично протестовали сербы и греки. За автономию Македонии как временное решение говорила больше всего невозможность делить на части турецкую территорию, гарантированную в своей неприкосновенности международными договорами. *Против* автономии Македонии как решения окончательного больше всего говорила эта борьба национальных пропаганд, раздиравших страну на части. За автономию была естественная эволюция восточного вопроса при его контроле и прямом участии Европы. Против автономии оказалось насильственное разрешение вопроса путем открытой борьбы против Турции сговорившихся между собой балканских национальностей. Но кто же еще в недавнем прошлом верил в возможность подобного сговора?

За международными договорами, за невозможностью сговориться о разделе, деятели македонского возрождения чувствовали себя до последнего времени как за каменной стеной. Все равно, считали ли они македонцев болгарами или не считали, македонские революционеры-интеллигенты чем дальше, тем больше привыкали ставить свою борьбу на почву вненациональную. Очень многие из этих деятелей были социалистами новейшего типа. Уже потому их мало интересовали церковно-национальные споры между экзархистами-болгарами и патриархистами-грекоманами и сербоманами. Одно то обстоятельство, что в Македонии помимо славянского элемента есть много и турок, и куцовлахов, и греков, побуждало революционную македонскую интеллигенцию ставить свой тезис «Македония для македонцев» выше национальных различий и ссор отдельных народностей, населяющих Македонию. Надо признать, что эта точка зрения, хотя и туго и медленно, находила себе отголосок в других народностях Македонии.

В Болгарии мнение было разделено. Часть интеллигенции поддерживала чисто македонскую точку зрения. Другая — и в особенности правящие

сферы, смотрели косо на македонский лозунг, и, не высказываясь до времени резко против него, старались держать нити македонского движения в болгарских руках, с целью использовать его для создания «целокупной Болгарии». Отсюда — вечная взаимная подозрительность, выражавшаяся в целом ряде трений между собственно македонской революционной организацией (так наз. «внутренней») и ее легальным отделением в Болгарии, «верховным комитетом».

Чтобы проследить эти трения, нужно было бы написать всю историю болгаро-македонской организации. Нужно бы было проследить ряд бесконечных разногласий между македонскими революционерами и болгарскими генералами (Николаевым, Цончевым), становившимися во главе софийского верховного комитета. Все это теперь уже — *alte Geschichte*¹. Но нужно удержать в памяти два факта из истории этих отношений. Первый есть постепенный рост «внутренней» македонской организации за счет ее болгарского придатка — и параллельный с этим рост македонского сепаратизма. Второй факт есть постепенное возрастание недоверия македонских революционных кругов к высшим сферам Софии, как к орудию осуществления национальных задач, и такое же недоверие «сфер» к македонскому революционному движению.

Мне пришлось проследить историю этих отношений почти с самого начала македонского революционного движения, со второй половины 90-х годов. В своих странствиях по Македонии я уже тогда встречал одиночек-интеллигентов, «апостолов» македонской автономии, а потом и независимости. Но тогда это были только одиночки. Лишь несколько лет спустя я натолкнулся на целый кружок в Битоле, который уже разрабатывал принципиально вопросы македонского сепаратизма. Незадолго перед восстанием 1903 г. я имел случай наблюдать и третий фазис: проникновение этих идей уже в самую народную массу. Во время непосредственной подготовки к восстанию свершилось небывалое чудо: масса кристаллизовалась и объединилась вокруг своих руководителей. Это была высшая точка, до которой поднялось македонское движение. Македонские вожди были тогда неограниченными администраторами и судьями. Население делилось на округа и районы. Существовали целые департаменты революционного управления, как, напр., департамент почтовых сообщений и даже департамент шпионов. Македонское население беспрекословно верило своим руководителям, платило им патриотическую подать, судилось патриотическим судом и втихомолку училось военному строю.

Разгром 1903—4 гг.² положил конец всему этому. Начался период «европейского» управления Хильми и «цивильных агентов», прерванный революцией младотурок и новым тайным вооружением Македонии. За ним

¹ Старая история (нем.).

² Имеется в виду жестокое подавление Ильинденско-Преображенского восстания.

последовало новое разоружение Македонии во имя «оттоманской» идеи, при помощи тех же истязательских и кровавых приемов, какие применялись при Гамиде. Революционная организация распалась, и население осталось без руководителей. Когда началась теперешняя война, первое, что интересовало, было: как отзовется сама Македония, в каком состоянии организованности застанут ее военные действия и какую поддержку смогут извлечь освободительные армии союзников из местного населения, так долго волновавшего всю Европу своей партизанской борьбой против завоевателей-турок.

Где сами македонцы в борьбе за освобождение Македонии? Вопрос был естественен, но полный ответ на него я мог получить только побывав на местах, и особенно в Македонии.

Читатели, вероятно, еще помнят, что в самом начале прошлого года явились в Петербург как первые провозвестники грядущих событий профессора Георгов и Милетич, представители революционной македонской организации, взывавшие к помощи России и других держав в деле македонских реформ. Они добивались возвращения к ревельской программе 1908 года¹, а стало быть, и ко всей той политике европейского вмешательства, которая была временно ликвидирована младотурецким переворотом. Это было бы действительно возвращением к точке зрения автономной Македонии. О ней же говорила еще и коллективная балканская нота перед самым началом войны. Но характерно то обстоятельство, что Георгов и Милетич выехали из Софии в свою европейскую «обиколку»² как раз в тот самый день, 29-го февраля, когда был подписан царем Фердинандом и королем Петром вместе с их министрами сербо-болгарский договор о разделе! Ничего не зная о совершившемся факте, болгарские профессора еще хлопотали о возвращении к прошлому, когда уже набросаны были, через головы македонских деятелей, общие очертания будущего. Только уже в конце поездки, в Париже, тамошние дипломаты наметнули делегатам, что они несколько опоздали со своей миссией...

Для огромного большинства македонских деятелей перемена положения оставалась неизвестной до самой осени. Только тогда, когда опасность, а затем и неизбежность войны стала выясняться для всех, т. е. во второй половине августа, началось общее движение и среди македонцев. О характере этого движения свидетельствует лежащее передо мной воззвание «исполнительного

¹ В мае 1908 г. в Ревеле состоялось свидание русского царя Николая II с английским королем Эдуардом VII, при участии министров иностранных дел. На этом свидании Россия и Великобритания договорились о введении реформ в Македонии, о назначении туда христианского генерал-губернатора, который фактически подчинялся бы иностранным державам, об установлении финансового контроля над Турцией и т. д. Ревельское соглашение явилось одним из серьезных поводов к ускорению выступления младотурок, видевших в этом англо-русском стоворе серьезную опасность иностранного вмешательства.

² Тур, турне, поездка (болг.).

комитета», подписанное 25 его членами и 25 делегатами «македоно-одринских братств». Воззвание датировано 5-м октября и помечено Софией. В нем македонцы и одринцы приглашаются «встретить венками триумфа храбрых воинов свободы, несущих правду и мир ценой своей крови», руководимых «святым долгом братского сострадания» и «за свое самопожертвование не ищущих ничего другого, кроме водворения мира и порядка в нашей родной земле». «Братья» призываются «быть достойными этих даров» свободы и, в особенности, «быть великодушными к вчерашним угнетателям», «не платить злом на зло», помня высокие идеалы освобождения.

Как далеки мы теперь от этой идиллии, от этих первых криков восторга! Что принесли с собой в Македонию союзные армии, об этом мы еще будем говорить. Теперь необходимо лишь указать, как отнеслась к движению среди македонцев официальная Болгария.

Она по-прежнему их боялась и им не верила. Предупредить совершенно формирование «чет» было, конечно, невозможно. Эти «четы» явились сами собой и приняли участие в самом начале военных действий, главным образом как знакомые с местностью проводники союзных армий. Но регулярные армии отнеслись к этим добровольным помощникам более чем сдержанно. При первой возможности четы расформировывались. На их ответственность — не всегда справедливо — возлагались случаи насилий над турецким населением.

Помимо «чет» перед болгарским правительством стоял вопрос о формировании более значительных частей войск из многочисленных добровольцев-македонцев, эмигрировавших в Болгарию. Таких оказалось, если не ошибаюсь, до 15 тысяч. Естественно, что все они рвались сражаться с врагом на своей родине. Вместо того, они были посланы... на Чаталджу и в Родосто. Здесь, вдали от родных мест, они осуждены были узнавать урывками, что происходило в их селах, где-нибудь в Костуре или в Прилепе, во время греческой или сербской оккупации. Понятно, что чувства, вызываемые этими новостями, не могли быть особенно радостными. Здесь постепенно зрело обвинение, что болгарское правительство потихоньку от народа «продало Македонию».

Трудно сомневаться в том, что устранение македонцев от непосредственного участия в освобождении их родины было систематическим и намеренным. В тот момент, когда разрубался насильственно сложный македонский узел, лучше всего, очевидно, было делать это без свидетелей.

Разумеется, такая тактика не могла остаться без протеста. Но первые письменные протесты, поданные в Солуни болгарскому царю и престолонаследнику, еще не были обращены против болгарского правительства. Они даже не считаются с неизбежностью совершившегося. Они все еще требуют от мудрости своего государя решения вопроса в старом традиционном смысле — единой автономной Македонии... Договора о разделе они еще не знают — или официально игнорируют его.

Приехав в Солунь, я застал среди македонских кругов это встревоженное и растерянное настроение. Лицам, боровшимся всю жизнь за македонскую идею, очевидно, психологически невозможно в один день преклониться перед совершившимися фактами и признать свой идеал окончательно упраздненным и сданным в архив.

В самом деле, упраздненным во имя чего? Во имя какого-нибудь другого, сколько-нибудь определенного, устойчивого, удовлетворяющего народные потребности положения?

Такого положения нет налицо. Дележ Македонии — факт уже неотвратимый. Но, как стоит положение, это еще не есть совершившийся факт. И, в особенности, он грозит совершиться вовсе не в интересах самого македонского населения. Обо всем этом мне придется еще говорить. Теперь скажу лишь, что с самым фактом *неизбежности* раздела даже и самые крайние македонские круги начинают по необходимости свыкаться. Другое дело — границы и ближайшие условия раздела.

Македонец, в конце концов, подчинится необходимости попасть в число подданных другого *славянского* правительства. Менее охотно, конечно, он захочет признать себя подданным короля эллинов вне естественной, действительно греческой, зоны населения, примыкающей к теперешней греческой границе. Но на что труднее рассчитывать, это — то, что македонец сразу откажется от того самого дорогого, за что десятилетия боролся против турок, не жалея ни имущества, ни жизни. Македонец не откажется от своей национальности — как он сам ее понимает. И если есть что-нибудь, что могло бы укрепить зародыши теперешнего глубокого недовольства среди македонцев, то это — попытки насильственной денационализации. Я покажу далее, что такие попытки уже делаются и со стороны сербов, и со стороны греков. Несомненно, они более всего опасны именно для тех, кто делает эти попытки. В случае, если они окажутся не случайными, а систематическими, если система эта будет проводиться средствами принудительными, я предвижу, что теперешнее македонское раздражение найдет себе приют в нескольких центрах *разделенной* Македонии, что оно найдет себе и свободное выражение где-нибудь извне, неподалеку. Другими словами, политика денационализации — особенно, неумелая политика — может обновить сепаратистическое македонское движение и вернуть ему старый лозунг «единой Македонии».

Единственное средство избежать этих последствий — есть взаимная терпимость и точное разграничение прав и обязанностей центральной власти и вновь присоединенного населения. Я не хочу отчаиваться в том, что такой мирный исход из трудного положения возможен. Но уже по тем усилиям, которые мне лично приходилось делать, чтобы убедить обе стороны в необходимости мириться и считаться с данным психологическим состоянием и с совершившимися политическими фактами, я должен заключить, что такой исход — нелегко. Нужно очень много доброй воли с двух сторон и много

дальновидности относительно возможных последствий дурной политики, чтобы этого исхода добиться. Но есть и одно обстоятельство, которые облегчает его возможность и которое, к счастью, одинаково понимается обеими сторонами. В тот момент, когда рушится идея македонского национального единства, вырисовывается идея единства юго-славянского, в котором македонец по необходимости должен явиться связующим цементом. Одни должны понять, что этот цемент нужен, ибо без него открывается перспектива бесконечных дальнейших распрей и взаимного ослабления. Другие должны понять, что участвовать в создании высшего национального коллектива, явиться частью этого высшего целого — есть задача, достаточно достойная, чтобы заполнить открывающийся в македонском национальном сознании пробел. Но обе стороны должны помнить, что лишь *свободное* усвоение нового национального идеала может открыть путь к действительному, серьезному, а не фиктивному и временному примирению.

П. Милюков.
Белград, 13 января

25
«Речь». 5 февраля 1913 г.
Передовая статья

Самый чувствительный барометр для определения балканской погоды показывает бурю. Румыно-болгарский конфликт снова обострился, и телеграммы снова начали грозить румынской оккупацией пограничной полосы с Болгарией. Правда, наши последние сообщения из Вены подают надежду, что Румыния не отказывается от дальнейших переговоров. Но положение продолжает оставаться чрезвычайно серьезным.

Не может быть никаких сомнений относительно той роли, которую в данном случае играет Австрия. В начале балканской войны, когда австрийская дипломатия еще не поощряла Румынию увеличить свои требования, с румынами казалось нетрудно сговориться. Правда, Румыния не примкнула к Балканскому союзу, отвергнув первые авансы, которые ей были сделаны по этому поводу. Но, тем не менее, она строго соблюдала нейтралитет. Положение изменилось после балканских побед над Турцией и в особенности после движения сербов к Адриатическому морю. С этого времени Австрия делает Румынию той ширмой, из-за которой она систематически старается создать повод для осложнений на Балканах. В свою очередь русская дипломатия, избегая всякого повода к осложнениям, особенно настойчиво возобновляет свои советы болгарам — отказаться от непримиримой позиции и пойти на уступки румынам.

Поведение Румынии, принужденной выбирать между Россией и Австрией, представляет самую странную картину чуть не ежедневной смены настроений. То Румыния обращается к посредничеству России. То она объявляет, что никогда к этому посредничеству не обращалась. То румынские дипломаты готовы пойти на уступки и отказаться от части своих притязаний. То вдруг они берут все свои уступки назад и возвращаются к первоначальным требованиям во всем их объеме.

Все эти колебания настроения, при всей своей видимой прихотливости, довольно точно соответствуют колебаниям шансов на мирный исход балканского столкновения. Румынские требования совсем было вошли в приемлемые рамки, когда появилась надежда на то, что балканские делегаты в Лондоне договорятся относительно условий заключения мира. Но как только стало ясно, что лондонские переговоры ничем не кончатся, что Турция заупрямится и возобновится война, так тотчас же кривая румынских претензий совершила крутой скачок вверх. Затем в первые дни по возобновлении военных операций, когда ожидалась скорая развязка в пользу болгар, румыны как будто опять были готовы на уступки. Произошла заминка в развитии военных операций — и румыны опять становятся непримиримы. Приходят последние телеграммы о турецких неудачах — и Румыния опять готова продолжать совсем было уже прерванные переговоры...

В противоположность румынам, позиция болгар изменяется медленно, но постоянно в направлении уступок, под давлением русской дипломатии. Но для этих уступок есть пределы. И последние телеграммы показывают, что пределы эти достигнуты. Болгары соглашались отдать форты, окружающие Силистрию, но самой Силистрии они отдать не хотят. Точно так же они предлагали прирезку полосы земли по соседству с румынской границей, но они не решаются дойти в своих уступках до того мыса (Калиакра), передача которого румынам означала бы постоянную угрозу Варне. На этом своем отказе болгары настаивают, несмотря даже на прямые попытки австрийской дипломатии оказать давление в Софии в пользу уступок.

Что же последует за болгарским отказом?

Вот уже целый месяц, как румыны, поощряемые австрийцами, грозят в таком случае занять своими войсками те земли, которых они требуют. Не исключена возможность, что в таком случае они захотят взять и больше и постепенно распространятся на пространстве всего «четыреугольника» крепостей. Именно эта опасность и побудила болгар быть уступчивыми. Противопоставить румынам в настоящую минуту какую бы то ни было вооруженную силу болгары не могут. Отсюда и созрел их план — оставить румын хозяйничать на своей границе, не чинить им никакого сопротивления и только уже по заключении мира свести с ними свои счета.

Какова в подобном положении роль России? Не лишено вероятия, что наша дипломатия, действуя на болгар советами, влияла и на румын.

Весьма возможно, что военная оккупация румын могла повлечь за собою какой-либо активный шаг и с нашей стороны.

Но это и есть то, на что, по-видимому, рассчитывает Австрия. Военный шаг румын — это и есть тот камушек, вытащить который из пирамиды значит — повлечь за этим целую лавину. Очень характерно то, что до сих пор Румыния останавливалась в нерешительности перед рискованным шагом. Очень характерно будет и то, если она в данный момент на него решится. Это покажет, что момент для провокации признан в настоящую минуту назревшим.

Понимая возможный шаг румын, как провокацию, мы этим самым определяем и возможное к нему отношение. До сих пор все австрийские усилия в этом отношении оставались совершенно безуспешными. Надо, чтобы осталось безуспешно и это.

Лучшим средством для такого исхода была бы, конечно, уступка со стороны Болгарии. Но мы не можем требовать, чтобы Болгария пошла на такую уступку, особенно в тот момент, когда ее настойчивость, по-видимому, начинает увенчиваться успехом. Как бы то ни было, идя на риск, Болгария, очевидно, рассчитывает только на одни свои силы, так как речь пока идет лишь о том, чтобы в случае вторжения впустить румын без сопротивления.

Не следует, однако, скрывать от себя, что если даже нельзя будет усмотреть в румынской оккупации повода к непосредственному вмешательству России, то во всяком случае факт этот чрезвычайно осложнит и без того запутанное международное положение. С первым румынским солдатом, перешедшим болгарскую границу, европейский восток будет уже одною ногою в войне, а для остальной Европы станет на первую очередь вопрос, что делать, если война эта окончательно сделается неизбежной?

Очевидно, серьезность этого соображения уже продиктовала то предположение о вмешательстве держав в дальнейшие переговоры между Болгарией и Румынией, которое сообщается в наших последних телеграфных известиях. Условием этого вмешательства со стороны Англии ставится то, чтобы в нем приняли участие все державы, и чтобы представления были сделаны одновременно в Софии и в Бухаресте. Это — старый и испытанный метод, и если он будет применен, то, очевидно, мы получим в результате если не окончательное решение вопроса, то отсрочку открытого конфликта. При настоящем положении уже один этот выигрыш времени имеет огромное значение, и можно пожелать попытке Тройственного соглашения полного успеха.

26

**«Новое время». 7 февраля 1913 г.
Последние минуты**

Румыно-болгарский спор переживает самую опасную свою минуту. Словесные пререкания в самый неожиданный момент в состоянии оборваться и перейти если не в открытое кровавое столкновение, то в вооруженное насилие. В печати уже появилось известие, что сегодня, в среду, румыны ждут последнего решительного ответа на свои требования и в случае неудовлетворительности его отзовут из Софии своего посланника и прекратят дипломатические сношения. При всем том последнее слово еще не сказано и есть основание верить, что несмотря на все неблагоприятные обстоятельства, уложение румыно-болгарского столкновения все-таки состоится. Ибо неотвратимых причин, которые толкали бы обе стороны к непримиримым притязаниям, на самом деле не существует. Для убеждения в этом достаточно ближе присмотреться к существующему положению. Все сколько-нибудь разумные требования Румынии болгарями приняты и удовлетворены. Домогательства же румынского правительства, Болгарией отвергаемые, не выдерживают критики ни с точки зрения права, ни морали, ни даже собственных интересов Румынии, разумно и широко поставленных.

Румынская дипломатия в основание своих притязаний на территориальные приращения за счет Болгарии выставляет два начала: принцип равновесия и стратегическую необходимость. О первом едва ли стоит говорить. По мнению румынских политиков, Болгария обязана уступить Румынии часть своих земель потому, что она расширилась в сторону бывших владений Османской империи: «усилились вы — дайте долю добычи и нам». Такая точка зрения не выдерживает малейшего прикосновения критики. Балканская война ведется не ради добычи, а во имя воссоединения народов, доселе живших под чужестранною властью. Это война во имя национальной свободы, а не порабощения. Румыны нравственно имели бы право требовать у Болгарии возвращения румынских земель или областей, заселенных румынами. Но таких областей по Дунаю, в Добрудже и вообще на границе между Румынией и Болгарией нет. И не воссоединения румынских земель домогается теперь Румыния, а отторжения от Болгарии болгарской земли и болгарского населения. Балканские союзники борются за национальное раскрепощение, румынские политики пытаются обратить балканскую войну в повод и средство для подчинения народа-победителя чужеземной власти. При чем тут начало политического равновесия?

Стратегические соображения имеют в настоящем случае большее значение. Румынии нельзя отказать в праве, воспользовавшись благоприятно сложившимися обстоятельствами, обеспечить свои владения, расположенные за Дунаем. Болгария на примере с Османской империей доказала, насколько она может быть опасна своим врагам. Румыния, считаясь с историческими возможностями, права, желая укрепить свое военное положение. Болгары, надо отдать им в этом случае полную справедливость, пошли навстречу

румынам. Они согласились уступить стратегический ключ пограничных позиций на Дунае — Меджидиэ-Табие. Владея фортами, окружающими Силистрию с востока и юга, румыны становятся в военном отношении полными господами всего округа; болгары же отказываются от естественного плацдарма, который оказал бы им неоценимые услуги в случае столкновения с Румынией. Могут ли румыны требовать от болгар большего?

Румынские требования, к сожалению, не останавливаются на этом. Румыны домогаются, кроме того, уступки самого города Силистрии. Почему? С какой целью? Совершенно неизвестно. Просто кому-то пришла злосчастная прихоть, и ради удовлетворения ее обоим народам навязывают, быть может, войну, быть может, долговременную вражду.

Для болгар Силистрия не просто уездный город; он для них историческая святыня. Он был отправным местом заселения болгарами Балканского полуострова, начавшегося на самой заре нашей эры и завершившегося в VII столетии после рождения Христа. В этом городе был основан первый престол первой болгарской митрополии. Силистрия, будучи колыбелью болгарской национальности, оставалась затем главным оплотом болгарской национальности.

Турки превосходно понимали национальное значение Силистрии и не щадили усилий, чтобы отуречить этот край. Между Силистрией и Шумлой оттоманское правительство поселило свыше 300 тысяч турецких крестьян, которые живут и по настоящее время. Несмотря на все эти мероприятия, Силистрия все-таки осталась болгарской. Если предположить, что настоящие домогательства Румынии об уступке Силистрии не пустая прихоть, а исполнение серьезного политического плана, то следует ждать, что румыны старались орумынить Силистрию так же, как турки отуречить. Между тем, по цензу 1905 г. из 12 000 общего населения Силистрии румын было всего 394 человека. То есть меньше, чем не только болгар, но даже турок, евреев и армян. Царь иудейский имел бы больше оснований требовать у болгар уступки Силистрии Сиону по этнографическому началу, чем правительство короля Карла.

Стратегические же требования румын Болгария готова удовлетворить в полной мере. Даже с избытком. Араб-Табие с востока находится в 2 ½ верстах от городской черты Силистрии; Меджидиэ-Табие — на таком же расстоянии с юга. Крепостные орудия румын, если они пожелают их там поставить, будут в состоянии разгромить и стереть безоружную Силистрию с лица земли в несколько часов. Стратегические интересы Румынии, таким образом, обеспечены свыше меры. Надо удивляться, что болгары проявили в этом случае столько уступчивости.

Как видно из последних сообщений, болгары сделали для удовлетворения румын еще больше. Они согласились на так называемое исправление румыно-болгарской границы, по которому около 20 чисто болгарских селений должны перейти под власть Румынии. Наконец, они согласились даже на значительное территориальное приращение Румынии по болгарскому побережью Черного моря. Они готовы уступить румынам берег от румынской границы у Силянлыка

до залива Картал. Это приобретение даст Румынии возможность развить, расширить и обезопасить свой порт Мангалию и обратить его в опорный морской пункт против самой Болгарии. Такая уступка болгар еще раз свидетельствует, что они готовы видеть в Румынии друга, а не врага. Наконец, болгары, как мы уже говорили, обеспечивают румынам широкую школьную и церковную автономии родственных румынам куцо-влахов, живущих в Македонии.

Моральные и стратегические интересы Румынии удовлетворяются таким образом болгарями сполна. Трудно понять, во имя чего румынское правительство длит напряженное положение, рискуя тягчайшими осложнениями как для себя, так и для всей Европы.

Один из иностранных дипломатов высказывал следующее суждение: «Если бы я был румыном, я поднял бы на ноги всю благомыслящую часть этой благословенной страны. Я объехал бы все закоулки ее, убеждая всех в одном: придите в себя; не пытайтесь силой захватить хотя бы клочок болгарской земли; ибо болгарская дружба вам нужна и может стать драгоценной; захват Силистрии сегодня будет завтра означать смертельную опасность для Добруджи; кроме того, вам придется проститься с мечтой о Трансильвании».

Так рассуждают горячие друзья Румынии. Мы в качестве добрых соседей прибавим: Румынии предлагают теперь решить спор ее с болгарями при посредстве великих держав; почему она противится этому разумному исходу недоразумения? Судить о правильности или неприемлемости румынских требований будут в этом случае не болгары, а третьи, незаинтересованные державы. Румыния знает, что у нее нет врагов и даже недоброжелателей среди великих европейских держав. Если ее дело правое, ей нечего опасаться. А если она считает себя неправой, то лучше отказаться от неправых притязаний теперь же. Рискнуть на разбойничий набег на соседа не трудно. Но не легко будет завершить его к выгоде и чести страны.

27

«Русские ведомости». 8 февраля 1913 г.

По Македонии. Плоды угнетения

Македония — это страна, где в течение нескольких сот лет главной задачей человека было спрятаться, уйти, стать незаметным. Прятались под землю маленькие, темные церкви, «чтобы не оскорблять взоров правоверных»; укрывались в горах деревушки, соединенные с миром едва заметными «козьими» тропами; а в деревушках жались друг к другу дома, не оставляя ни улиц, ни переулков, чтобы в случае тревоги вся эта беспорядочно набросанная груда зданий

могла сразу превратиться в крепость. Никто не знал заранее, с какой стороны может прийти опасность, и потому ожидали ее со всех сторон, и прятали имущество, прятали хлеб, а больше всего прятали мысли. Сгибаться, чтобы не быть сломленным, лстить, чтобы не навлечь подозрения, скрывать ненависть под маской ласковых слов, зарывать кинжал в землю в ожидании момента, когда им можно будет нанести удар в спину — вот к чему сводилась в Македонии альфа и омега житейской мудрости. И, переходя от поколения к поколению, выработала, наконец, эта мудрость человека, «который не доверяет жене, ибо она может завести любовника, не доверяет другу, ибо он может донести, не доверяет отцу, ибо он может лишиться наследства, не доверяет матери, ибо она — женщина».

Для этого человека только одна ценность осталась необесцененной — деньги. Только деньги сулят безопасность и свободу, только за деньги можно умиловить жандарма, который срубает в саду фруктовые деревья, «потому что за ними могут укрыться четники», и урезонить каймакама, которой грозит засадить в тюрьму «за разговор с подозрительным человеком». Вот почему македонский «стопанин» (хозяин) работает, как вол, и, пересчитывая добытые гроши, разглядывает их с патетической страстью скупого рыцаря. Он сумел выжать из земли киркой и лопатой, сохранить от алчности каймакама и местного бей¹. Целое чистилище было пройдено, прежде чем серебряные меджидие² докатились до заветного кожаного пояса. И потому в них не только простая «покупная способность», в них — наглядное свидетельство силы, находчивости, ума. Деньги — это лик человека.

Благодаря отсталости экономических отношений погоня за деньгами принимает самые грубые формы. Если бей берет треть урожая, если местный ростовщик дает в долг за 50 %, если адвокат за выигранный процесс берет от 20-ти до 50 % исковой суммы, «стопанину» не остается ничего иного, как отыгрываться на тех, кого судьба посылает ему в руки. Он возьмет неслыханные цены со случайно забредшего путешественника, присвоит, не смущаясь, деньги, которые были ему даны в долг без свидетелей, потребует по несколько пиастров за размен каждого «меджидие». Он не остановится ни перед каким обманом, если только обман этот ведет к цели — к обогащению. Обман и ростовщичество — это общий закон македонской жизни, «его же не преjdeши»³.

К товарам, которыми промышлял македонский «стопанин», соперничество балканских государств прибавило начиная с 80-х годов два новых объекта купли и продажи: религию и национальность. Македонец подобрал и их и стал торговать ими с удивительной оборотливостью. Быть «патриархистом», «экзархистом» или католиком — дело само по себе довольно второстепенное. Но если за переход к патриархистам греческие епископы обещают невест с приличным

¹ В данном контексте — богатого землевладельца.

² Монета в Османской империи, равнялась 100 пиастрам.

³ Отсылка к ветхозаветному выражению «предел, его же не преjdeши» — «рубеж, который нельзя переступить».

приданым, если «эксархизм» оплачивается болгарским митрополитом, а католицизм — австрийским миссионером, тогда разговор иной. Духовный хлеб, когда его переводят на деньги, приобретает питательность, да и классифицировать его по сортам, даже для ума непросвещенного, становится легче. Национальность благодаря сербским, греческим и болгарским консулам тоже переходит из разряда неощутимых благ в разряд благ продаваемых, покупаемых и потребляемых. Таким образом для изобретательного человека открывается широкое поле возможностей. Он может стать «носителем панэллинской идеи», не зная ни слова по-гречески; может сделаться проповедником Великой Болгарии или Великой Сербии, независимо от своего происхождения.

Нередко он переходит из одного стана в другой, с каждым годом переплощаясь все в новую и новую национальность, пока, наконец, максимум получаемых благ не прикрепит его окончательно к Афинам, Софии или Белграду. Встречаются и такие уму непостижимые случаи: мне пришлось встретиться с семьей, где отец — грек, один сын — болгарин, другой — серб. Эта комбинация — самая выгодная, так как она сулит субсидии и поддержку сразу из трех источников. И опять-таки вывод из всего этого один: деньги — это единственная вещь, о которой стоит думать.

Конечно, не все македонцы таковы. Полуголодные безземельные «момцы»¹, городские жители, для которых несносно стало пресмыкаться, интеллигенты, слегка тронутые европейскими веяниями, вспоминают легенды вольнолюбивых прадедов и поддаются очарованию старых «гайдуцких» (разбойничьих) песен. Они уходят в горы, к неуловимым «комитаджи» и начинают служить оружием «национальной идее». На привалах они распевают: «Вы жертвою пали в борьбе роковой»², спорят иногда о Кропоткине и Марксе, импортированным в Македонию со времени турецкой революции, а во время стычек играют со смертью красиво и смело, как хищные звери. Но и их золотая турецкая «лира» тянет, как магнит. Мало-помалу она перевешивает и романтические мечты, и героические порывы и становится руководящим мотивом всей деятельности. История восстания 1903 г. полна убийствами и грабежами, которые совершались четниками не только в турецких, но и в болгарских, и сербских селах. Последующие годы ничего не изменили в общем характере македонских революционных организаций. Они росли, затем почти совсем исчезли, когда июльский переворот³ посулил было настоящее освобождение, затем появились снова, когда эти надежды рухнули. Но психология их членов, независимо от того, были ли они малы или многочисленны, принадлежали ли они к «внутренней организации» или ко «внешней»⁴, оставалась той же самой.

¹ Парни (болг.).

² Первые строки народнического гимна.

³ Имеется в виду младотурецкая революция, начавшаяся в июле 1908 г.

⁴ Имеются в виду Внутренняя македонско-одринская революционная организация и Верховный македонско-одринский комитет.

Даже для тех, кто вступал в них ради идеи, они превращались в конце концов в особый вид отхожих заработков. Рядовые четники «кормились от трудов своих», воеводы в добавление к «доходам» получали месячное жалование из Белграда и Софии. И когда началась балканская война, у всех этих людей на фоне идейного сумбура, где безнадежно смешались Маркс, Бакунин, воевода Санданский, македонская автономия и болгарский экзархат, вспыхнула отчетливо и ярко одна основная мысль: «Теперь можно обогащаться».

Мысль эта объединила все христианское население — тех, кто пресмыкался перед властями, и тех, кто расстреливал турецкие посты, тех, кто пользовался милостями каймакама, и тех, кому он грозил тюрьмой, тех, кто ходил в греческие церкви, и тех, кто странствовал по болгарским и сербским консульствам. Мсть отступила на задний план. Кому, в самом деле, мстить? Турецким войскам? Они бежали. Турецким вали¹, каймакамам и иным властью имущим? Они еще до сражений складывали пожитки и исчезали. Местным беям? Их «чифлыки»² опустели с самого начала войны. Оставались турецкие «селяки», над которыми тяжелая рука властей тяготела так же сильно, как и над христианами, и которые были неповинны ни в массовых расстрелах, ни в массовых зверствах. Но они были виноваты тем, что так или иначе были связаны с побежденными. Если бы они вздумали защищаться, их до одного расстреляли бы войска, как бунтовщиков. Целые золотые россыпи сразу открылись перед македонцем, и он стал черпать их, не брезгуя средствами, забывая обо всем в лихорадке обогащения. Потому что все переходит, все меняется под луной, и только банковые вклады с правильностью восхода и захода переходят от отца к сыну, и от сына к внуку.

Экономный, трудолюбивый, алчный, хитрый, в глубине души равнодушный ко всяческой «идеологии», македонец стал грабить, жечь, убивать и насиловать не потому, что он потерял себя в кровавой оргии войны. Тяжкий пресс турецкой государственности, продажность, шедшая рука об руку с религиозной и политической пропагандой враждующих балканских государств, сделали его таким, каков он есть. Долгие годы пройдут, прежде чем развившийся хозяйственный уклад и иная, более здоровая политическая атмосфера приобщат его к культурной жизни с ее сознательной политической борьбой и ее сложными духовными запросами. А чем он будет на первых порах, пока новая расширенная Болгария не успеет еще переварить «восточный дух» присоединенных областей? Этот вопрос ставит нас лицом к лицу с вопросом о «македонской опасности», которого я еще предполагаю коснуться.

Ст. Вольский.
Белград, январь

¹ В начале XX в. глава губернии (вилайета) в Османской империи.

² Чифтлики — изначально поместье, в начале XX в. — крупное землевладение.

**«Славянские известия». 10 февраля 1913 г.
Автономная Македония**

После Берлинского конгресса Македония в течение тридцати с лишком лет являлась яблоком раздора между теми балканскими государствами, которые ныне входят в состав Балканского союза. По-видимому, Македонии и в дальнейшем суждено играть ту же роль. По сообщениям из Константинополя, дипломатическим представителям европейских держав подана на днях «Комитетом для защиты мусульман, евреев и куцовлахов» памятная записка, в которой названный комитет требует «автономной Македонии». Неславянские народности Македонии не желают подчиняться в будущем ни сербам, ни болгарам, которым может по частям достаться Македония при ликвидации войны, и единственным выходом из создавшегося положения комитет считает предоставление Македонии автономии под контролем и руководством Европы.

Территория, известная под географическим термином Македонии, фактически состояла из трех турецких вилайетов: Косовского или Старой Сербии (северная Македония), Монастырского или Битольского (западная Македония) и Салоникского или Солунского (южная Македония). На севере к границам Македонии прилегает Ново-базарский санджак, сплошь населенный сербами, а на западе — Албания. Население трех названных частей Македонии достигает 2 900 000 душ, из которых около 500 000 турок, около 600 000 албанцев и 1 800 000 славян. Компактной массой славянское население живет в Косовском и Монастырском вилайетах, причем славян северной Македонии причисляют к сербскому племени, а славянское население западной и южной Македонии считают болгарами.

Нигде в Европе различные народности не перемешаны так, как в Македонии, где вместе со славянами живут турки, греки, албанцы или арнауты, евреи и цинцары или македонские румыны (куцовлахи). Язык, на котором говорит славянское население Македонии, одни считают сербским, другие — болгарским, а третьи — самостоятельным южно-славянским языком (македонским наречием). В течение четверти века в Македонии велась усиленная болгарская, сербская и греческая пропаганда. Каждое из балканских государств считало македонских славян принадлежащими к своей народности и при помощи школ в течение целых десятков лет формировало кадры интеллигенции, называвшей себя, в зависимости от обстоятельств, то сербами, то болгарами, то греками. Собственного национального самосознания у македонских славян до сих пор не проявлялось, и только в последние годы стала формироваться так называемая «македонская интеллигенция», поставившая себе целью пробуждение в стране национального «македонского» самосознания и выступившая с девизом «Македония для македонцев».

По убеждению представителей «македонской интеллигенции», славянское население Македонии, принимавшее то сербское, то болгарское имя,

в этнографическом и лингвистическом отношении представляет отдельную разновидность, одинаково близкую как к сербской, так и к болгарской народности, но ни к той, ни к другой не тяготеющую. Это являлось для поборников македонской обособленности основанием требовать для Македонии, еще задолго до войны, полной автономии. Сторонников этнографической обособленности Македонии пока немного; в Сербии же и в Болгарии по-прежнему продолжают думать, что северная Македония и часть западной населена сербами, западная и часть южной — болгарами, южная Македония — греками и болгарами. Возможно, что в момент возникновения балканской войны союзники не разграничивали сфер своего влияния в Македонии, но, несомненно, они предопределили с окончанием войны дележ между собою по взаимному соглашению македонской территории.

Приведенная выше памятная записка неславянских народностей в Македонии, требование македоно-славянской интеллигенции и, наконец, желание Румынии, чтобы горсточка македонских румын или куцовлахов получила автономию, — все это показывает, что македонский вопрос является одним из самых трудных и запутанных вопросов, и что едва ли его так легко и просто разрешат союзники при ликвидации войны.

С другой стороны, создание автономной Македонии рядом с автономной Албанией и независимой Куцовлахией несколько не облегчит разрешения этого вопроса, но еще больше его запутает. При дележе Македонии между тремя государствами — Сербией, Болгарией и Грецией — могут несколько пострадать турки, албанцы, куцовлахи и евреи, составляющие в крае меньшинство, но с созданием автономной Македонии она делается ареной ратоборства между Сербией, Болгарией, Грецией, Румынией и, конечно, Австрией. Едва ли это выход из создавшегося положения, и едва ли македонские славяне предпочтут австрийский котел слиянию с родными сербами и болгарями.

Н. Е. Матвеев

29

«Славянские известия». 10 февраля 1913 г.

Греко-болгарские отношения.

(Из недавних событий)

Во всякой войне, где одна из воюющих сторон представляет собою союз нескольких государств, неизбежны некоторые трения и недоразумения между союзниками. Не избежал общей судьбы в этом отношении и балканский христианский союз, ведущий освободительную войну против Турции.

По греческим сведениям, после поражения греками турецкой армии у Янины солунский гарнизон не мог оказать сопротивления, и вопрос о сдаче Солуни греческой армии был вопросом нескольких дней, между тем как о наступлении болгар ни туркам, ни грекам не было еще даже известно до 26 октября. Странно, что турки были так напуганы боем у Янины, где, кстати сказать, участвовала не турецкая армия, а всего лишь несколько батальонов турецких войск. Еще более странным кажется, что Таксин-паша в Солуни не знал о наступлении болгар, между тем как дивизия турок, разбитая у Кочан и Штипа еще 11 и 12 ноября, и отряд Надира-паши, после боев у Джумаи, Кресны и Демир-Хиссара, бежали именно в Солунь; эти разбитые войска, рассказывая с суеверным ужасом о действии болгарской артиллерии и об атаках болгар «на нож», навели такую панику на все турецкое население северной Македонии, что оно, бросив все свои пожитки, бежало к югу вплоть до самого моря. К 20–22 октября все эти остатки северных турецких отрядов и до 40 000 мирного турецкого населения собрались в Солуни, и не верится, что они не рассказали Таксин-паше о наступлении болгар!

Далее о деталях дела греческие сведения таковы: 24 и 25-го греческая армия переправилась через Вардар, главная квартира была перенесена в Топчи, и начались переговоры о сдаче... а Таксин-паша 25-го утром уже должен был дать ответ на предъявленные греками условия. 26-го после полудня было впервые замечено наступление болгарских войск у д. Гювезне в 30 верстах к северу от Солуни, когда было известно *уже*, что Таксин-паша принял условия капитуляции.

Не трудно понять, почему турки поторопились сдать город грекам на невероятно льготных условиях, которые с приходом болгар и, нужно думать, по их настоянию были затем на деле значительно изменены. Если допустить, что Солунь *должен был сдаться грекам*, то очень странным кажется, что победоносная греческая армия заключила договор, по которому солунский гарнизон не считался военнопленным; оружие его должно было быть возвращено Турции после заключения мира; оставлялась на службе турецкая жандармерия и полиция.

Такой договор не мог дать славы победителю и вызвал взрыв негодования среди болгарского офицерства. Что касается вступления болгарской армии в Солунь, то разговоры об этом с греками были, были с их стороны и возражения, был назначен и срок для ответа. Вступили в Солунь 2 бригады болгарских войск во главе с князьями Борисом и Кириллом¹ с большим торжеством, что, впрочем, не помешало греческому официозному телеграфному агентству сообщить С.-Петербургскому о вступлении болгар в Солунь в такой форме: «С разрешения диадоха 6 болгарских рот вошли в Солунь и, пройдя по улицам с пением греческого гимна, возвратились в свой лагерь».

¹ Сыновья царя Фердинанда Борис князь Тырновский и Кирилл князь Преславский.

Если бы болгары не отвлекли почти всех турецких сил против себя на восточный театр, не разбили турок у Кочан и Джумаи и не демобилизовали этим совершенно армии Надира (до того, что одна его дивизия разбежалась по домам в Сересском округе), то греки не могли бы вовсе наступать к Солуни. Если бы греческая армия, прежде чем торопиться к Солуни, овладела тем районом, который ей естественно был предоставлен (Эпир), не бросила своего же греческого населения на заклятие албанцам, а установила там порядок по примеру своих союзников в занятых ими землях, не подвергла поражению отдельные свои отряды у Флорины и Острова, потерявшие 12 орудий, из которых затем турки расстреливали сербов у Битоли, если бы она осадила своевременно Янину, то греки подошли бы к Солуни позже болгар.

Разумеется, нельзя придавать никакого значения при совместных действиях против общего врага тому, кто из союзников занял первым тот или иной пункт. Взяв на себя действия на фракийском театре против 250-тысячной турецкой армии, Болгария могла вполне естественно предоставить своим союзникам расправиться с 120 тысячами турок, находившихся на остальном пространстве Европейской Турции. Но оставив на их долю второстепенную военную задачу, она не обязывалась отдать в их владение вчетверо большую территорию, которая будет занята их войсками.

Торопиться в Солунь раньше других не было смысла никому из союзников. Болгары завоевали всю страну между Вардаром и Местой, установили в ней полный порядок и, вполне обеспечив свой тыл, подошли к естественно-конечному пункту Македонского похода.

Греческая армия оставила в тылу крепость с 30-тысячным гарнизоном не только необложенной, но почти без наблюдения, несколько регулярных турецких отрядов, албанские банды, вырезывавшие мирное население, и, не заботясь о тыле, бросилась к Солуни, основывая свою безопасность только на успехах своих союзников. С военной точки зрения подобная торопливость не может быть ничем оправдана.

На следующий же день по установлении в Солуни временного греческого военного управления несколько греческих солунских газет заявили, что «Фессалоники — теперь Эллада», и что аннексия города к Греции уже признана Россией. Со стороны нашего правительства через несколько дней последовало разъяснение, что Россия признает факт существования в Солуни временного греческого управления и поэтому подчиняет свое генеральное консульство русскому посланнику в Афинах, но этим нисколько не предпрещает и даже не затрагивает вопроса о будущей участи Солуни. В эти же первые дни временное управление употребляло в официальной переписке бланки с заголовком «Royaume de Grèce»¹, но иностранные консулы попросили заменить эти слова другими: «Gouvernement militaire provisoire»².

¹ Королевство Греция (фр.).

² Временная военная администрация (фр.).

Можно было бы указать и еще немало вызывающих выходок с греческой стороны по отношению к болгарам, но так как поступки частных лиц, поведение греческих солдат и всевозможные частные недоразумения и ссоры далеко не столь многозначительны, как поступки официальных греческих представителей и отзывы греческой прессы, то перечислять их не стоит.

После приведенных фактов едва ли кто может сомневаться, что греческое население и войска далеко не были вполне корректны по отношению к болгарам. Достаточно привести как пример увлечения греков в этом направлении отзыв одной из греческих газет, которая вывела родословную генерала Радко Димитриева из Эллады, доказывая, что он — чистейший грек, Ставро Димитриадис, и что славу победы при Люле-Бургасе болгарская армия должна разделить с греком-полководцем.

Болгарам, конечно, после всего этого было понятно, что греки хлопочут вовсе не о временном военном управлении Солунью, тем более что бескорыстно стремиться к этому было бы очень странно со стороны греков при их бессилии одолеть даже до сих пор турок в Эпире и установить там порядок.

Не удивительно, что в таких условиях болгарская пресса отвечала уколами по адресу греков и не желала подчиняться греческой цензуре, о беспристрастии которой смешно было бы и говорить.

Раз вопрос о временной оккупации Солуни ставился на такую почву, то болгары, не признавая нисколько прав греков на Солунь, обрезывали их, когда греческая заносчивость переходила пределы допустимого.

Своей корректностью и терпением в таких случаях болгары доказали вполне, что они хорошо понимают значение Балканского союза, и только уверенностью в своей силе и правоте можно объяснить их сдержанность.

Н. Сурин

30

«Славянские известия». 24 февраля 1913 г.

Как поделят союзники завоеванную территорию? (Из беседы с дипломатом)

В русской и иностранной печати неоднократно обсуждался вопрос о том, как распределят между собою завоеванную территорию балканские союзники — болгары, сербы и греки в той части Европейской Турции, где племенные интересы союзников соприкасаются. Ничего определенного печать, однако, не сообщила, а намеченные ею разграничения не идут далее гадательных предположений; был подвергнут сомнению даже самый вопрос, установлены ли союзниками предварительно, до начала войны, какие-нибудь разграничения.

На днях мы имели случай беседовать по этому поводу с одним из высокоавторитетных болгарских дипломатов. Полученные от него сведения рисуют картину в совершенно определенном свете.

Письменный договор между славянскими государствами Балканского полуострова — Болгарией, Сербией и Черногорией был заключен уже весной 1912 года, и в мае месяце того же года он удостоился одобрения высокого лица, мнением которого всегда дорожили славянские государи. В договоре две стороны — Болгария и Сербия точно разграничили сферы своего будущего влияния в Македонии и в Адрианопольском вилайете, а также наметили те границы, которые должны быть установлены в случае удачного хода кампании. Проектированная демаркационная линия, разумеется, не отвечала вожеланиям и планам тех крайних партий, которые существуют и у сербов, и у болгар и которые претендуют на владение целой Македонией.

Сделать некоторые уступки, а следовательно, и согласиться на некоторые жертвы пришлось одним и другим. Мечтая о воскрешении сан-стефанской «целокупной» Болгарии, болгары, тем не менее, согласились включить в черту будущих сербских владений и те пункты, которые по Сан-Стефанскому договору предполагалось отдать Болгарии. Так, например, болгары согласились признать сербскими Скопье (Ускюб), Тетово (Канканделен) и Кичево.

Разграничительная линия должна идти далее на Дибру и Стругу, находящуюся на северном берегу Охридского озера. Таким образом сербы по договору должны получить и Дибру, и Стругу, на которые всегда претендовали болгары. Но зато Болгария получала по взаимному соглашению право на Охриду и Монастырь (Битоль), откуда болгарская разграничительная линия должна идти на Прилеп, Велес (Кэпрюлю) и Куманово. т. е. включить в пределы будущей болгарской территории те пункты, которые должна была получить Болгария по Сан-Стефанскому договору. Вопрос о некоторых особенно спорных пунктах предполагалось после войны передать на усмотрение третьего лица, «высокого посредника», и с его решением бесприкословно согласиться.

В настоящее время сербская печать в острой форме стала обсуждать вопрос о будущих сербско-болгарских границах, и, несмотря на существование совершенно определенного соглашения, наиболее шовинистически настроенные органы требуют, чтобы в границы сербских владений были включены Охрида, Монастырь и Прилеп.

«Все это произвело тяжелое впечатление в Болгарии, — говорил нам авторитетный собеседник, — ведь и у нас есть шовинисты, которые уже обвиняют болгарское правительство в измене народным идеалам за то, что оно согласилось уступить сербам “болгарские места” — Тетово, Дибру и Стругу.

Во имя общих интересов, во имя прочности Балканского союза сербы должны теперь точно выполнить заключенный с Болгарией договор».

На той же почве могут возникнуть обостренные отношения также между болгарями и греками. Греция, как известно, позже примкнула к союзу славянских государств Балканского полуострова и никакого соглашения

не подписывала. Греки уже захватили в свои руки Костурский, Воденский и Леринский округа или бывшие турецкие «казы» в южной Македонии и, по-видимому, не намерены их возвращать.

Таким образом города Костур (Кастория) и Водена, расположенные к юго-востоку от озера Преспы и к югу от Монастыря и населенные главным образом болгарами, греки предполагают включить в свои владения. В то же время они претендуют и на порт Салоники.

«Пожалуй, болгары могли бы уступить грекам Салоники, если бы они очистили занятые ими Костурский, Воденский и Леринский округа и уступили их Болгарии, — сказал нам собеседник, — но если этого не будет, то болгарам придется принять самые решительные меры».

Меры эти могут заключаться в лишении Салоник их торгового значения.

Владея округами, прилегающими к Салоникам с севера и северо-востока, болгары могут установить выше Салоник таможенную линию, затем открыть свободный доступ торговым грузам к Эгейскому морю через свои порты — Орфани и Кавалу и тем самым в буквальном смысле слова убить Салоники как торговый порт. Эта принудительная мера заставит греков пойти на какие угодно уступки.

Как поступят в отношении своих союзников греки, предрешить невозможно. Быть может, они оправдают слова нашего летописца об основном качестве их характера («льстиви» — хитрые). Что же касается сербов, то здравый политический смысл должен указать им на настоятельную необходимость умерить свои аппетиты и до конца остаться добросовестными в выполнении взятых на себя обязательств.

В. Кораблев

31

«Речь». 27 февраля 1913 г.

Балканские настроения

(От нашего софийского корреспондента)

Только что — уже во второй раз в течение двух дней — меня посетили интересные визитеры. Вчера — два македонских воеводы из Скопье, сегодня — два народных учителя из дебрей Македонии. Я знаю, что то, что рассказывали мне эти македонцы, слишком экзотично, чтобы воплотиться в какое-нибудь большое, реальное, жизненное дело. Я знаю, что посетившие меня македонские делегаты уже говорили с лидерами правительственного большинства и с важнейшими оппозиционерами, и что те и другие равно недоброжелательно отнеслись к новой македонской затее. Но сама затея так типична,

так характерна для теперешних (да, впрочем, только ли теперешних?) балканских настроений, что я считаю необходимым занять ею русского читателя.

Итак, прежде всего несколько слов о моих собеседниках. Все у них разное: степень интеллигентности, темперамент, возраст, взгляды на историю и судьбы Македонии. С первого взгляда даже не понять, что могло объединять их, что могло заставить их выступать сообща в каком-нибудь деле. А между тем говорят они со мной об одном, говорят согласно почти в одних и тех же выражениях, говорят так, будто никогда никаких разногласий между ними не было и быть не могло.

Впрочем, скоро дело объясняется. Все мои собеседники — из тех мест Македонии, которые, по всей вероятности, останутся за Сербией. Все мои собеседники — типичные болгары, хотя двое из них успели уже получить из какого-то сербского «бюроа» документы, в которых их имена переделаны «на сербский лад». У всех у них — плохо скрываемое раздражение в голосе и отчаяние безнадежности во взгляде.

— Наше дело кончено!.. Не останется в Македонии даже воспоминания о болгарах!..

Совершенно зря было утешать или успокаивать этих во всем отчаявшихся людей. Они начинают и кончают свое повествование все той же безнадежной фразой:

— Наше дело кончено!..

Минутные проблески надежды мелькают в их взглядах только тогда, когда они переходят к изложению «сути дела».

Суть дела поразительно проста. Убедившись в том, что в той части Македонии, которая отойдет к Сербии, болгары не смогут сохранить ни своей национальности, ни своего языка, болгарское население из Скопье, Кратово и других, прилегающих к ним мест решило послать депутацию к папе в Рим и ходатайствовать об унии с римско-католической церковью. Уже выбраны делегаты, уже составлена и снабжена большим количеством подписей соответствующая петиция, уже все готово к путешествию делегатов в Рим. Еще несколько дней, еще несколько «шагов» в Софии — и повторится историческое паломничество Драгана Цанкова¹, политический шаг, который сыграл такую крупную роль в деле борьбы болгар за свою национальную церковь и за свою политическую независимость.

— Разве теперь это может чему-нибудь помочь? — спрашиваю я своих собеседников.

Но проблески надежды, вспыхнувшей в их глазах, уже потухли, на минуту оживившиеся лица опять стали серыми, вялыми, бесцветными, и речь делегатов опять звучит безнадежно:

— Наше дело кончено!.. Отдадут нас Сербии — потеряем язык, потеряем национальность. Признаем унию с Римом — станем игрушкой в руках

¹ См. далее в настоящей статье.

политиков и дипломатов. И в том, и в другом случае — плохо. Лучше сохранить национальность, чем пропадать так, совсем зря...

— Мы не скрываем. Уния — исключительно политический протекторат. Мы сохраняем все догматы православия и признаем лишь главенство папы. Мы уверены, что при таком положении вещей никто не посмеет посягнуть на нашу школу, на нашу книгу, на нашу газету!..

Опять — на минуту — голоса моих собеседников становятся бодрыми, уверенными.

И, будто оправдываясь передо мною, мои собеседники уже совсем глухо продолжают свое повествование.

— Мы ведь сами пришли к этому решению. Нам никто его не подсказывал, никто не внушал. Мы, местные люди, чем больше всматриваемся в положение вещей, тем больше приходили к убеждению, что нужно поискать примеров в истории.

— И вот, нашли!.. Помните — кукушская уния, «дедо» Цанков, потом, уже совсем недавно, в 1894 году — мечты об унии в Куманово, наконец, кукушские и солунские болгары-униаты, которые так благополучно существуют до сих пор!.. История нас научила!..

— Но ведь история — одно, а современность — другое! Тогда была борьба против церковного угнетения со стороны греческой церкви, а теперь вы рискуете стать орудием в борьбе Австрии против Сербии, может быть, даже против всех балканских народов!..

— Да, мы понимаем это!.. Поэтому у нас так тяжело на сердце! Но если бы сербы поняли наше положение! Если бы они сделали один только шаг навстречу нашим законным, нашим естественным требованиям!.. Они не хотят сделать ни одного шага!..

Тяжелый надрыв звучал в тоне их голосов.

— Наше дело кончено! — повторяли они, прощаясь со мною.

* * *

Я хорошо помню все факты из болгарской истории, на которые намекали мне собеседники.

Но так как русскому читателю простительно не только не помнить, но даже и совершенно не знать их, то на моей обязанности лежит сделать маленькую историческую справку.

Впервые мысль об унии с Римом возникла среди болгар в конце пятидесятих годов прошлого столетия. Это был момент наибольшего подъема борьбы болгар за независимость своей церкви. Так как эта церковная борьба была, в конце концов, борьбой чисто политической и так как греческая церковь не хотела пойти навстречу болгарским национальным требованиям, то группа болгар-интеллигентов, объединившаяся вокруг издававшейся в Константинополе Драганом Цанковым газеты «Болгария», стала обсуждать вопрос о соединении с Римом.

Но пока болгарская интеллигенция в Константинополе занималась этим вопросом теоретически, в маленьком болгарском городе Кукуше (в 25-ти килом. от Солуни), раньше других добившемся болгарской школы, вопрос об унии был решен практически. Так как солунский митрополит не пожелал исполнить просьбу кукушан и назначить в дойранскую епархию, к которой относится Кукуш, епископом болгарина, то кукушане обратились к папе с петицией (12 июля 1859 года), которая кончалась следующим любопытным пассажем:

«...Таково то соединение, которого мы просим с апостольским престолом, чтобы могли и другие наши соотечественники последовать нашему примеру и освободиться из-под власти беспорядочного и бессовестного греческого духовенства. Мы просим его святейшество Пия IX ходатайствовать перед французским правительством, чтобы оно нас защитило перед изрядным самодержцем нашим султаном Абдул-Меджидом против всякого несправедливого притеснения и гонения, которое чинить вздумает против нас злоумышленное и бессовестное духовенство греческое».

Папа принял кукушан в лоно соединенной церкви, и, хотя историк болгаро-греческой распри Т. Ст. Бурмов уверяет, что «зло было пресечено в корне», и что кукушская уния потерпела на первых же порах полное фиаско, фактически кукушская униатская община не только сохранилась до сегодняшнего дня, но и значительно разрослась, и, что особенно важно, своими политическими прерогативами и своим материальным благополучием часто будила зависть у остальных македонцев. В настоящее время болгарский униатский епископ (Епифаний Шанов) живет в Солуни. В Солуни же находятся прекрасно обставленные болгарские униатские школы (мужская и женская).

Годом позже кукушской унии — 18 декабря 1860 года — болгарские интеллигенты в Константинополе с Драганом Цанковым во главе — тоже составили петицию к папе, кончавшуюся следующей просьбой: «...Еще просим покорно его святейшество благоволить позаботиться о том, чтобы его величество французский император как старший сын церкви, ходатайствовал перед е. и. в.¹ султаном, чтобы он признал нашу иерархию независимой от оттоманского правительства и чтобы это последнее оказало усердное покровительство против интриг, которые могут произойти от греческого духовенства или с какой-нибудь другой стороны. Также просим французское правительство благоизволить оказывать нам покровительство и добрые услуги, которое оно оказывает другим народам Оттоманской империи, признающим западную церковь».

Финал паломничества Др. Цанкова в Рим и рукоположения Иосифа Сокальского в архиепископы болгарской униатской церкви общеизвестен. Общеизвестно и то, что этот шаг Др. Цанкова значительно ускорил победу болгар в болгарско-греческой церковной распри.

В конце 80-х и начале 90-х годов к кукушской болгарской униатской общине присоединилось значительное количество болгар из Малишевской

¹ Его императорским величеством.

казы, образовавших свою униатскую епархию. И здесь, даже в самые тяжелые для македонских болгар годы, болгаро-униатам удалось сохранить неприкосновенность своей школы, вследствие чего и поныне жители Малишевской казы остались верны унии.

Наконец, 1894 г., когда в Куманово церковная борьба между болгарами и сербами из-за назначения епископа на вакантную кафедру довела до уличных схваток, закончившихся убийством болгарки Екатерины Семеджиевой, и когда Россия хотела оказать в этой борьбе поддержку сербам, кумановские болгары составили петицию к папе, решили принять унию и вошли в удивительные переговоры с тогдашним австрийским консулом в Скопье — г. Пара. Но взгляды России на этот вопрос изменились, и до унии дело не дошло.

Вот те страницы болгарской церковной истории, которые не только жадно читают и вспоминают, но и хотят воспроизвести болгары в Скопье и в Кратово. Хочется верить, что благоразумие болгарской интеллигенции и новый, уже намечающийся, курс сербской политики в новозавоеванных областях, удержит болгар от этого рискованного политического эксперимента и укажет им другие пути для сохранения своей национальности.

Влад. Викторов.
18 февраля

32

«Голос Москвы». 3 марта 1913 г. Румыно-болгарский конфликт

В понедельник на следующей неделе в Петербурге откроется конференция послов великих держав для урегулирования болгаро-румынского спора. На дипломатию нашу выпадает трудная и ответственная задача — разрешить вопрос так, чтобы обе стороны остались довольны. Задача трудна не только сама по себе, но и потому еще, что державы Тройственного союза, несомненно, приложат все усилия к тому, чтобы подсказать такое решение, которое вызовет неудовлетворенность и в Румынии, и в Болгарии. Ведь этим самым будет убито надолго влияние России на Балканах и задержано сближение двух соседних держав. Потому-то, между прочим, Берлин охотно уступил честь видеть у себя конференцию Петербургу, дабы тем удобнее было сложить всю вину, в случае неудачи, на русскую дипломатию. Игра Тройственного союза почти безошибочна. Будущее решение по необходимости будет компромиссным, то есть таким, которое в девяноста случаях из ста оставляет неудовлетворенными обе стороны. Требуется наличность огромного такта и огромного внимания, чтобы не попасть в дипломатический капкан. Нам все же кажется, что, несмотря на всю трудность, задача, выпавшая на долю

русской дипломатии, не неразрешима. Для этого нужно лишь понять самую основу спора.

В беседах с представителями печати румынский уполномоченный князь Гика объяснил возникновение конфликта желанием Румынии обезопасить себя, ввиду сильного изменения политического положения на Балканском полуострове и, в особенности, ввиду крупного территориального увеличения Болгарии. То же соображение высказывалось и ранее — и при переговорах в Лондоне, и при переговорах в Софии. Самая компенсация, требуемая Румынией, преследует цель — обезопасить ее границы от возможного нападения Болгарии. Опасения Румынии далеко не безосновательны.

Всем известно, что Болгария давно и настойчиво ведет пропаганду в пользу присоединения к Болгарии Добруджи и что на некоторых болгарских географических картах, употребляющихся в школах, политические границы показаны так, что в состав Болгарии входит и Добруджа.

Вполне возможно, что теперь, после крупного военного успеха, Болгария начнет стремиться к воссоединению старой балканской провинции, отданной по Берлинскому трактату Румынии.

Вот этим моментом и определяется главная задача дипломатии. Нужно сделать так, чтобы страхи Румынии пропали, чтобы было создано такое положение вещей, при котором опасность болгарского нападения была бы устранена в наиболее совершенном виде. Для достижения этого результата нужно осуществить сразу две вещи: нужно стремиться к созданию политического союза между Болгарией и Румынией, прежде всего. Одна его наличность уничтожила бы значительную долю румынских опасений. Но, разумеется, ограничиться одним этим нельзя. Румыния должна учитывать наступление в будущем и такого момента, когда союз прекратится. Ей должны быть даны гарантии безопасности и на сей случай.

Доказать необходимость болгаро-румынского союза едва ли будет особенно трудно. Румынские политические деятели отлично понимают, что добиться самостоятельности в политической жизни, выйти из-под оскорбительной опеки Австрии или какого-либо другого государства можно лишь одним путем — путем вступления в состав балканской федерации. Последняя в этом случае приобретет огромное политическое значение, ставши сразу в ранг великих держав. Но вместе с тем она оставит полный простор для самостоятельного государственного самоопределения каждой из союзных держав и откроет для той же Румынии возможность объединения в будущем областей, населенных румынами...

Несколько труднее разрешить задачу урегулирования границ, хотя сейчас спор идет, собственно говоря, о второстепенных вещах — об уступке Силистрии. Румыния отстаивает ту точку зрения, что Силистрия для нее стратегически необходима. До недавнего времени такая позиция имела под собою почву: силистрийский укрепленный район действительно представлял для Румынии определенную угрозу. Теперь, после того как Болгария

согласилась на уничтожение укрепленных фортов, спор становится беспредметным. В руках у Болгарии останется лишь неукрепленный город Силистрия, никакого значения в стратегическом отношении не имеющий. В значительной степени непонятно, зачем после этого нужна Румынии Силистрия. Кроме вреда, ничего она ей не принесет. Болгары совершенно справедливо указывают, что Силистрия для Румынии кладом не будет. Уступка ее оставит тяжелую горечь у болгар и послужит, несомненно, в будущем яблоком раздора, выгодного не Румынии и не Болгарии, а кому-то третьему. Кто этот третий, догадаться нетрудно; это все та же Австрия, «друг балканских народов», без конца заботящийся об их благосостоянии.

Вот все это и должна выяснить русская дипломатия, должна убедить и болгар, и румын, что их междоусобица — лишь вода на чужую мельницу.

33

«Русские ведомости». 3 марта 1913 г. Передовая статья

Чем ближе конец балканской войны, тем больший интерес вызывает вопрос о предстоящем разделе завоеванных территорий и тем более резкие формы принимают возникающие между союзниками разногласия. В первый период войны единственный острый конфликт вызвали Салоники. Спор о том, кому принадлежит честь их завоевания, был, несомненно, только внешним проявлением более серьезного спора об их дальнейшей судьбе. По-видимому, конфликт так и не был разрешен; его разрешение было отложено до окончания кампании. В настоящий момент к этому неликвидированному греко-болгарскому спору присоединяется еще спор сербо-болгарский.

Вопрос о сферах сербского и болгарского влияния в Македонии — вопрос старый. С тех пор как мечте о расширении сербских границ в западном направлении Берлинским конгрессом был положен конец, Македония (включая в нее, конечно, и Старую Сербию) оказалась для сербских политиков единственной территорией, на присоединение которой к Сербии можно еще было так или иначе рассчитывать. В эту сторону и было обращено с тех пор их преимущественное внимание. Само собою разумеется, что во времена турецкого владычества в Македонии это внимание могло проявляться только в тех же формах, какие уже ранее приняла там болгарская пропаганда: в формах церковно-школьных. Задачи сербской церкви и сербской школы, по виду просветительные, по существу были чисто политическими. При пестроте и некоторой неопределенности этнографического состава македонского населения организация сербской школы в той или иной местности являлась как бы доказательством того, что эта местность населена сербами и что, следовательно,

при грядущем разделе Турции, в неизбежности которого сомнений не было, она должна достаться Сербии. Так как эти притязания Сербии не ограничивались северными округами Македонии, а простирались, в сущности, на весь бассейн Вардара и на весь Монастырский вилайет, т.е. на районы, которые в Болгарии издавна и, по-видимому, не без основания считались болгарскими, то сербская пропаганда неизбежно должна была столкнуться с пропагандой болгарской, как два непримиримых конкурента. Сербско-болгарские отношения в Македонии представляли, поэтому, почти полную аналогию отношениям греко-болгарским, и еще незадолго до войны какое-либо соглашение между Сербией и Болгарией по македонскому вопросу казалось столь же немыслимым, как и соглашение между Болгарией и Грецией.

Тем не менее соглашение состоялось, так как иначе совместное выступление против Турции всех трех стран было бы невозможно. Каковы эти предварительные условия раздела Македонии, до сих пор еще точно не известно. Если судить по первоначальным заявлениям сербских публицистов, то линия будущей границы между Сербией и Болгарией должна была пройти севернее Велеса и значительно севернее Монастыря. Но со времени заключения Балканского союза многое изменилось. Во-первых, расширение Сербии на счет Албании оказалось недоступным. Во-вторых, приобретения Болгарии на востоке, во Фракии, в начале предполагались, как кажется, менее значительными. В-третьих, наконец, победы сербской армии до чрезвычайности усилили шовинистические настроения в известных влиятельных, главным образом в военных, кругах сербского общества. Эти перемены проявились в последние дни весьма ярко, с одной стороны, в вызывающем по отношению к болгарам поведении сербских властей в оккупированной сербами части Македонии, с другой — в новом, исходящем из белградских сфер толковании союзного договора.

Жалобы на насилия сербов над болгарским населением начались уже давно. При этом необходимо подчеркнуть, что сведения о насилиях шли не только с болгарской стороны, но и со стороны отнюдь не болгарофильских корреспондентов немецких газет. Почти с первых же своих шагов в Македонии сербы приступили к закрытию болгарских школ, к изгнанию болгарских учителей и к замещению их деятелями сербской пропаганды. За этой школьной «реформой», преследовавшей определенную цель — доказать, что данная область «населена» не болгарами, а сербами, последовал длинный ряд новых мер того же характера. Сербское правительство предприняло, между прочим, не дожидаясь конца войны, перепись населения, прибегнув при этом к весьма оригинальным «статистическим» приемам. Так как в результате переписи большинство населения должно было оказаться сербским, то лиц, считавших себя и называвших себя болгарами, как передают очевидцы (*не болгары*), превращали в сербов посредством тюремного заключения, а то и просто палками. Болгарские нотабли и духовенство подвергались всяческому преследованиям. Хуже всего пришлось болгарам именно в тех пунктах, которые по первоначальным

предположениям должны были отойти к Болгарии. Так, из Велеса изгнан болгарский епископ, арестованы нотабли; в Монастырь сербы не пустили инспектора болгарских народных училищ и директора софийского сельскохозяйственного банка, желавшего открыть там филиальное отделение.

Все эти факты свидетельствуют с несомненностью о том, что выпустить добровольно из своих рук занятую ими юго-западную Македонию сербы отнюдь не собираются. Для того же, чтобы дать своему поведению теоретическое оправдание, сербские деятели дают теперь условиям сербско-болгарского договора совершенно иное, чем раньше, освещение. По их словам, принципом раздела завоеванной союзниками территории является принцип пропорциональности: отношение новых владений должно равняться отношению старых владений союзников. На основании этого принципа был разработан предположительный план раздела, теперь же этот план должен быть радикально изменен, так как изъятие из раздела Албании уменьшает долю Сербии, а доля Болгарии во Фракии, наоборот, увеличивается. Сербия должна получить всю ту широкую полосу, которая тянется к югу от ее теперешних границ, вплоть до новых границ Греции.

Вполне понятно, какую тревогу вызывают и факты, и оправдывающая их теория в Болгарии. В софийском народном собрании они вызвали уже запрос. Болгарское правительство, как передают, предложило уже Сербии поспешить с передачей Болгарии гражданского управления в Монастыре и Велесе; однако рассчитывать на исполнение Сербией этого болгарского предложения в данный момент, кажется, не приходится. Окончательной ликвидации конфликта можно ждать только после ликвидации войны. Как будет разрешен тогда спорный вопрос, сказать трудно. Но во всяком случае сербско-болгарский спор, как и спор греко-болгарский, заставляет относиться с известной дозой скептицизма к возможности осуществления прочной балканской федерации на почве, подготовленной совместными военными действиями.

34

«Русское слово». 7 марта 1913 г. Смерть короля Георга¹

В лице короля эллинов Георга I, ставшего жертвой бессмысленного преступления, Балканский союз потерял искреннего сторонника и свою самую надежную опору. Только необычайному такту и спокойствию короля Георга

¹ 5 (18) марта 1913 г. в Салониках король Георг был убит анархистом Александром Схинасом, который вскоре погиб в тюрьме. Подлинные причины убийства остались неизвестны.

союзники обязаны тем, что вопрос о будущем Салоник не вызвал открытого раскола между Болгарией и Грецией. Тотчас же вслед за занятием Салоник армией диадоха король Георг переселился из Афин в бывшую вторую столицу Европейской Турции и сумел водворить в ней порядок и спокойствие. Недоразумения с болгарскими войсками, неизвестно зачем явившимися в Салоники, были благополучно улажены благодаря авторитету греческого короля, и в конце концов болгарское правительство согласилось совсем увести свои войска из Салоник. Перенесение резиденции из Афин в Салоники было блестящим дипломатическим ходом со стороны короля Георга, которому удалось таким образом закрепить Салоники за Грецией и обойти даже такого признанного мастера дипломатического искусства, как болгарский царь Фердинанд. Софийский кабинет, сначала не хотевший слышать об отдаче Салоник Греции, вынужден был сначала признать за греками равные права на Салоники, а затем согласиться на сохранение за Болгарией только некоторых прав на пользование салоницкой гаванью (в каком именно объеме — пока неизвестно). За Салоники Георгу пришлось, однако, поплатиться жизнью.

Король Георг при вступлении на престол застал Грецию маленькой страной, раздираемой междоусобиями, а оставляет эллинскую нацию на пороге ее окончательного объединения. За время царствования Георга территория греческого королевства расширялась четыре раза. В 1864 году присоединены были Ионические острова, находившиеся до того под протекторатом Англии. В 1881 году Греция получила Фессалию и часть Эпира. С 1908 года остров Крит, номинально находящийся под суверенитетом Турции, фактически присоединяется к Греции и управляется именем греческого короля и по законам королевства. Наконец, ныне победоносные греческие войска заняли весь Эпир, турецкую Фессалию, Халкидику и все острова архипелага, кроме находящихся временно во власти Италии¹. За 50 лет территория Греции более чем удвоилась, и можно считать, что в Европе объединение эллинской нации закончено. Если грекам приходится отказаться от побережья восточной Македонии и Фракии, заселенного преимущественно их единоплеменниками, то, как справедливо заметил на днях в афинской палате депутатов Венизелос, эта жертва становится необходимой по географическим соображениям. Во-первых, Болгария не может остаться без выхода к Эгейскому морю. Затем, присоединение к Греции узкой прибрежной полосы вдоль Эгейского моря создало бы для Греции чрезвычайно длинную пограничную черту и сделало бы на суше греков соседями турок. Греции безусловно выгодно отгородиться от Турции стеной болгарских владений, так как тогда греки могут не заботиться о создании и поддержании большой

¹ В ходе итало-турецкой войны 1911–1912 гг. итальянцы заняли так называемые Додеканезские острова в юго-восточной части Эгейского моря, крупнейшим из которых является Родос. Италия удерживала эти острова вплоть до 1945 года.

сухопутной армии и сосредоточить все свои силы и средства на создании сильного флота.

Следствие выяснит, быть может, настоящие причины убийства короля Георга. Был ли полоумный грек, поразивший короля, действительно лишен ума или нити преступления протягиваются до берегов Дуная¹ — об этом пока ничего не известно. Играли ли в этом возмутительном преступлении какую-либо роль болгарские комитаджи — мы еще не знаем. Во всяком случае, атмосфера на Балканах настолько сгущена, что особенно удивляться такому объяснению ужасного события не приходится. Настало время, когда союзникам необходимо поскорее окончить войну и приняться за полюбовный раздел завоеванных территорий между собою. Чем больше затягивается война, тем вопрос о дележе турецкой добычи становится все более сложным и запутанным. Австрийские провокаторы стараются всячески натравить союзников друг на друга. С другой стороны, крайние национальные течения в Болгарии заметно усиливаются, и положение кабинета Гешова делается день ото дня затруднительнее. Прежние договоры о разделе турецкой территории частью оспариваются сербской и греческой печатью, как утратившие силу вследствие изменившихся обстоятельств, частью вовсе не касаются целого ряда областей, отнятых союзниками у Турции (и в их числе Салоник). Неопределенность положения содействует тому, что национальные страсти разгораются. Между тем союзные правительства, видимо, недооценивают значение начинающего не на шутку разыгрываться шовинизма и национальной нетерпимости. Пора подумать о возвращении к мирной работе, которая одна только может сгладить неизбежные трения и успокоить взволнованные умы. Смерть короля Георга до поры до времени не отразится на внешней и внутренней политике Греции, так как новый король Константин придерживается в общем той же программы, что и его отец. Притом при парламентарной системе правления, существующей в Греции, политическое влияние главы государства держится в довольно узких рамках. Однако в настоящую критическую минуту на долю нового короля выпадает тяжкая забота сохранить и упрочить все завоевания, которыми Греция обязана его мечу. Искренние друзья мира и свободы не могут не пожелать, чтобы короля Константина на троне сопровождала не меньшая удача, чем на поле битвы. Возрожденная Греция явится видным очагом культуры на Ближнем Востоке и важным элементом политического равновесия.

¹ Намек на австрийский след данного преступления.

«Речь». 12 марта 1913 г.

Желания и действительность в македонском вопросе

Мы печатаем ниже заявление представителей македонской колонии в С.-Петербурге, представленное сэру Эдварду Грею и послам великих держав в Лондоне¹. Я лично не имею основания сомневаться, что *чувства*, высказанные в этом документе, разделяются всеми сознательными македонцами. Но я не могу сказать того же о требованиях и планах авторов «меморандума». В Петербурге, по-видимому, дело представляется упрощеннее, чем на месте, в самой Македонии. Там, на месте, лучше понимают, что то, что совершилось, совершилось, и что, не забывая о прежних идеалах, приходится помнить, что осуществлять их теперь нужно будет совершенно при иных условиях, чем те, при которых идея автономной и цельной Македонии была задумана, пропагандировалась и была даже почти усвоена известной частью европейской дипломатии.

«Автономия», как мне неоднократно приходилось объяснять, была крайней ступенью освобождения, возможной при номинальном сохранении status quo и неприкосновенности турецкой территории. Пройдя через эту стадию автономии, при постепенном ходе освобождения Македония, быть может, и имела шансы стать «независимым балканским государством», со своим отдельным политическим устройством. Я, разумеется, не буду оспаривать и того, что для этого исхода имелись все внутренние данные, хотя прибавлю, что они имелись в далеко не законченном виде. Но дело ведь в том, что фактически освобождение македонского населения пошло другим путем, не постепенным, а катастрофическим. Без раздела Македонии этот способ освобождения не мог осуществиться, как я показал в последних своих статьях ссылками на предыдущие неудачные попытки соглашения *без* раздела. Можно сколько угодно обвинять непосредственных участников договора о разделе за их решимость. Но сделанного не воротишь. Договор был — и без договора не была возможна ни война, ни ликвидация турецкого владычества в Европе. Значит ли это, что стремления македонцев вместе с этим потеряли всякий смысл и всякое значение? Мне уже приходилось говорить, что этого я не думаю. Стремления эти существуют; за ними стоит и известная сила, как это видно отчасти и из энергического языка напечатанного у нас «меморандума». Я боюсь, что национальное чувство, руководившее авторами, привело их к значительным преувеличениям и даже, как кажется, к фактическим ошибкам. Но более чем ошибкой было бы отрицать самое существование этого национального чувства. Оно есть и останется. Мало того, под влиянием того положения в Македонии, о котором мне придется говорить в дальнейших моих статьях, это чувство приняло очень острую форму. Считаться

¹ В данном издании не воспроизводится.

с ним необходимо, поскольку само оно захочет считаться с совершившимися фактами.

Таким совершившимся фактом надо признать сербско-болгарский договор 29-го февраля 1912 года. И я имею основания думать, что если сербские притязания не пойдут далее того, что в этом договоре условлено, то оскорбленное македонское чувство сможет все-таки остаться в законных границах, — разумеется, если национальность и церковь македонца не будут подвергаться притеснениям и насилиям в занятых сербами областях. Если же раздел Македонии не ограничится условленной уступкой, если в самом деле, как требует шовинистическая печать в Белграде и в Афинах, Сербия захочет продвинуться на юг от условленной черты или оставить за собой весь запад, начиная от Вардара, если правительство Константина XII в самом деле захочет осуществить идеал «Великой Греции», тогда можно предусматривать большие замешательства. И мне лично кажется, что вся та моральная и физическая сила, которая еще сохранилась за македонскими требованиями, была бы использована наиболее производительно, если бы вместо неосуществимых желаний авторов «меморандума», она направлена была на предупреждение этой ближайшей опасности — дальнейшего и окончательного раздела Македонии.

Повторяю, у меня есть основания думать, что в Солуни это понимают лучше, чем в Петербурге. В надежде на это лучшее понимание я и решаюсь высказать мой личный взгляд на дело. Быть может, он поможет предупредить ту опасность для македонского дела, которая возникла бы, если бы не только македонская колония Петербурга, а и все македонцы стали на точку зрения непримиримости, рекомендуемую в печатаемом «меморандуме».

П. Милюков

36

«Русское слово». 13 марта 1913 г.

Новая Болгария

(От нашего софийского корреспондента)

I. РАСПРИ С СОЮЗНИКАМИ

Румынский конфликт и переговоры с Турцией о мире, худо ли, хорошо ли, сбыты с рук. Ими займется Европа, при которой делегатам болгарского правительства придется фигурировать пока что лишь в роли информаторов и, в лучшем случае, советников. Поэтому главный интерес последних заседаний народного собрания сосредоточивался не на этих вопросах, хотя им и была целиком посвящена блестящая речь Гешова. Как народных представителей,

так и публику вообще интересовал, главным образом, вопрос об отношениях между Болгарией и ее союзниками. В этом вопросе в последнее время в воздухе носились какие-то тревожные предчувствия, даже не поддававшиеся определенной формулировке, но тем сильнее волновавшие умы.

Именно этот щекотливый и болезненный вопрос речью Гешова был оставлен совершенно в тени. По совершенно понятным соображениям, болгарский премьер и министр иностранных дел не нашел возможным останавливаться на «прискорбных недоразумениях», чуть не ежедневно возникающих в оккупированных сербскими и греческими войсками македонских округах.

По толкованию Гешова, эти недоразумения обязаны своим возникновением исключительно «усердию не по разуму» второстепенных местных властей и, как таковые, не имеют никакого отношения к политике ответственных правительств. Лояльность же этих последних для Гешова не подлежит ни малейшему сомнению. «И во время войны, и во время переговоров в Лондоне, и наконец теперь, при обсуждении коллективного ответа на предложение посредничества, не было даже намека на какие-нибудь разногласия между союзниками... Все предвиденное в договорах и соглашениях исполняется добровольно и точно, без каких бы то ни было колебаний с чьей бы то ни было стороны». Одним словом, ни малейших сомнений в лояльности, корректности и искренности союзных правительств. Они по-прежнему преданы союзу и, несомненно, «доведут до желанного конца предпринятое им великое дело освобождения Балканского полуострова от турецкого владычества»...

Гешов говорил, как дипломат, и не мог говорить иначе. Но именно поэтому его слова не удовлетворили народных представителей. Они не рассеяли той тревоги, которую вызвали в болгарском обществе сенсационные сообщения из Македонии о беспощадных преследованиях, которым подвергается там со стороны союзников болгарское население. Они не дали ответа на естественные вопросы: но как же совместить эти систематические бесчинства местных властей в Битоли, в Велесе, в Сересе и т. д. с непогрешимой корректностью центральных правительств Белграда и Афин? Почему эти бесчинства и насилия все учащаются? Значит ли это, что союзные правительства недостаточно авторитетны и сильны даже в глазах своих подчиненных местных органов? Но тогда на что же приходится надеяться тамошнему болгарскому населению, покинутому и своим, и союзными правительствами на произвол ослепленного шовинизма? Или это значит, что корректность союзных правительств существует только на бумаге? Но тогда что же будет вообще с союзническими договорами? Где гарантии, что от них не откажутся, что их не нарушат оптом, как их нарушают теперь в розницу?

Эти вопросы и после объяснений Гешова в парламенте остались без ответа, и публике поневоле приходится искать его своими средствами. И то, что она находит — увь! — ни в чем не соответствует тому взгляду на отношения союзников, который как будто вытекает из заявлений Гешова. Болгарское общество

с жадной тревогой воспринимает все сенсационные сообщения из Македонии — то об убийстве в Прилепе двух болгарских учителей, то об изгнании болгарского митрополита Неофита из Велеса и о попытке убийства болгарского митрополита Козьмы в Дибре, то о запрещении через уличного глашатая с барабаном говорить по-болгарски в Велесе, то о штрафах за болгарские вывески на магазинах, то о закрытии болгарских школ, то о репрессиях против болгарского духовенства за то, что оно отказывается упоминать в молитвах сербского митрополита вместо царьградского экзарха¹, то о захватах греками все новых и новых местностей по побережью Эгейского моря и т.д., и т.д.

В результате этого вихря черных вестей создается атмосфера, в которой едва ли могут процветать идеи Балканского союза, и, конечно, не успокоительным заверениям Гешова о добрых намерениях союзных правительств очистить ее...

II. РУСОФОБСТВО

Каким образом раздражение болгар — хотя бы и самое основательное — против своих союзников может порождать у них чувство обиды по отношению к России?

Со стороны это кажется, вероятно, очень странным, но для людей, близко знакомых с местными политическими отношениями, это объясняется весьма просто.

Болгарам кажется — вернее: болгары убеждены в том, что Россия по каким-то своим, непонятным для них, соображениям поддерживает несправедливые притязания их союзников в Македонии. Это убеждение отражается тем болезненнее, что такое покровительство со стороны России «антиболгарским» тенденциям и замыслам союзников Болгарии принимает в последнее время, по уверению болгар же, характер какой-то системы, чего-то преднамеренного, определенного. Вот почти буквально, что говорил мне по этому поводу один из многоопытных болгарских политиков, еще недавно слышавший в своем кругу убежденным и преданным русофилом:

— Вы спрашиваете, что мы можем иметь против России? К сожалению, многое, очень многое, особенно в последние годы. Россия нас не любит. Она нам не доверяет. Очевидно, она-таки поверила этой ходячей басне о нашей «бесчувственности», о нашем «себе на уме», о наших планах относительно Константинополя и восстановления великой Болгарии от моря до моря и с морем на юге и т.д., и т.д.

Мы для нее слишком предприимчивы, слишком независимы, слишком честолюбивы, и, соответственно, ее отношение к нам потеряло характер былой сердечности, родственности. Россия ведет с нами политику, и в этой политике все яснее проглядывает неперенное стремление поддерживать какое-то «равновесие» между ее клиентами на Балканском полуострове,

¹ Резиденция Болгарского экзарха располагалась в Константинополе.

держат их всех на коротком поводке, чтобы никто из них не зазнавался, не мог стать настолько сильным и самостоятельным, чтобы выбиться в случае нужды из-под ее опеки. Но, согласитесь, что такая политика, быть может, была уместна по отношению к еще неокрепшему «княжеству Болгарскому», но совершенно неуместна теперь по отношению к «царству Болгарскому». Такая политика неизбежно вызывает у совершеннолетнего народа естественные чувства раздражения, обиды, протеста, желание на политику отвечать политикой... Вы помните знаменитую фразу Данева, сказанную им лет десять назад: «С Россией у нас нет политики!»... Боже, как давно это было! Как странно звучит эта фраза в наши дни!..

Примеры? Да разве их мало? Возьмите хоть наш спор с Румынией! Кто, как не Сазонов, заявил о необходимости пойти навстречу румынским требованиям? Где, как не в Петербурге, эти требования нашли поощрение? И само собою разумеется, сильная этим поощрением, Румыния начала с удвоенной энергией настаивать на своем «праве на компенсацию». Еще бы! Это право признает сама Россия! Недаром же Румыния с такой готовностью согласилась на то, чтобы ее спор с Болгарией разбирался именно в Петербурге. Она надеется, что там ей скорее, чем в Лондоне, присудят Силистрию. Еще хуже, что и у нас начинают этого бояться. До такой степени упала у нас вера в Россию, в ее расположение, в ее поддержку!..

Или другой пример — наши последние недоразумения с сербами. Вы знаете, что сербы творят теперь в оккупированных ими болгарских округах Македонии — в Битоли, Прилепе, Велесе, Охриде и т. п. Мало того, теперь они совершенно откровенно предъявляют претензии на эти искони болгарские места, требуют соответствующих изменений в формальном договоре, заключенном нами до войны, при участии и с благословения русской дипломатии. А как относится к этому русская дипломатия? Ей достаточно было бы сказать одно слово, чтобы сербы опомнились, но она молчит, и ее молчание при данных обстоятельствах представляется настолько странным, что ничуть не удивительно, если сербы толкуют его в свою пользу. А что сербы толкуют это именно так — это знает всякий, имевший случай говорить с сербскими политиками. Они ничуть не скрывают своей уверенности в русском сочувствии и в русской поддержке... Как хотите, это не случайность. Это — система, тем более непонятная, что она не выгодна, прежде всего, для самой России, которая в своих собственных интересах должна была бы создать здесь, на Балканском полуострове, одно сильное и жизнеспособное государство, как оплот против немецкого *Drang nach Osten*¹. А таким государством, очевидно, может быть только Болгария и уж никоим образом не невращенная, придавленная австрийской пятою Сербия, которая органически, по самому своему положению, никогда не сумеет использовать для этой цели благоденствия России...

¹ Натиск на восток (нем.).

Я привел эту бутаду¹ потому, что она очень характерна для теперешних болгарских настроений. В них все чаще, все настойчивее и откровеннее начинает слышаться, одно время совсем как будто исчезнувшая, «русофобская» нота.

И эта нота слышна не только в лагере националистов, где никогда нас не жаловали, но она стала все чаще и чаще раздаваться даже и в традиционно русофильских кругах, где всегда неподдельно и убежденно любили «великую освободительницу».

В болгарском обществе, среди болгарских политиков, несомненно, происходит какой-то поворот в сторону чего-то, очень напоминающего бывшее болгарское русофобство. Можно, конечно, отнестись свысока и к этому явлению. Но тогда нечего будет удивляться, если как-нибудь в недалеком будущем «новая ориентировка» болгарской политики в сторону Тройственного союза, о которой пока говорят лишь в «интеллигентских кружках», сделается предметом серьезного обсуждения и в болгарских официальных сферах.

И. Калина

37

«Новое время». 22 марта 1913 г.

Болгаро-сербская полемика

Нельзя не признать, что целый ряд полученных вчера телеграмм производит довольно тягостное впечатление. Мы имеем в виду ту совокупность противоречащих друг другу сообщений, которые разосланы были официальными агентствами из Белграда и Софии и которые касаются вопроса об участии сербских и болгарских войск во взятии Адрианополя. Некоторые косвенные указания на существование по этому поводу разногласий между союзниками проскальзывали в международной прессе уже и раньше. Но никогда еще разногласия эти не принимали той формы ожесточенной полемики между двумя генеральными штабами, которая, несомненно, представляет собой существо указанных выше телеграмм.

Например, из Софии сообщается, что, мол, в Белграде напрасно называют потери сербов под Адрианополем значительными. Сербов всего потеряли убитыми и ранеными 1200 человек. Подобного рода телеграмма, конечно, произведет весьма неприятное впечатление на всякого искреннего славянина. Если у сербов оказалось 200 убитых и тысяча искалеченных воинов, то употребление слов «всего только» по отношению к этим жертвам,

¹ Фраза, сказанная в раздражении (от франц. boutade — каламбур).

принесенным на алтарь славянского единодушия, является, конечно, неуместным. Сербам пролита кровь; пролита она во имя корректного исполнения союзнического долга: убито ли при этом на двести юнаков больше или на сто меньше — безразлично.

Совершенно так же отрицательно относимся мы и к той телеграмме (она попала, между прочим, и в русские газеты), которая касается неодинакового, будто бы, отношения болгарских санитаро-врачебных властей к тем сербам и болгарам, которые эвакуировались по железной дороге из-под Адрианополя. Болгарское официальное бюро сообщает по этому поводу, что болгарский Красный Крест не делал решительно никакого различия между ранеными двух союзнических армий: «и сербам, и болгарам оказывалась совершенно одинаковая помощь; в частности, сербы получали довольствие и чай на всех побратимских пунктах, устроенных по линии Мустафа-Паша — София». Мы убеждены, что заявление болгарского агентства соответствует истине. Врачебно-санитарная часть поставлена у болгар неважно; это обстоятельство подчеркивалось, между прочим, и на страницах «Нового времени». Но, сетуя о недостаточности медицинского персонала и о плохом оборудовании болгарских госпиталей, ни один из корреспондентов, русских или иностранных, никогда не обмолвился ни малейшим упреком в том смысле, чтобы болгары делали какое-либо различие между своими ранеными и ранеными турецкими. Наоборот, в газетах в свое время появилось немало указаний на то, что турки, попадавшие в болгарские госпитали, высказывали нескрываемое восхищение по поводу проявляемого к ним гуманного отношения. И при таких условиях трудно предположить, чтобы болгары, строго исполнявшие заветы гуманности и постановления международного права по отношению к своим врагам, проявили бесчеловечность только по отношению к союзникам, помогавшим им брать главную крепость. Указанную телеграмму, по всем только приведенным соображениям, мы также относим к разряду или злонамеренных выхонок, или просто легкомысленных проявлений местного случайного недовольства, личной нервозности какого-нибудь недостаточно сдержанного доктора.

Мы не будем воспроизводить и обсуждать остальных телеграмм: они имеют совершенно тот же характер. Сербы утверждают, что они взяли в плен Шукри-пашу и затем передали его болгарскому генералу. Болгары утверждают, что Шукри-паша захвачен их собственными войсками. Мы не совсем понимаем: какая цель преследуется этой полемикой? Какой реальный результат достигнут будет в зависимости от того, что окажутся правыми или сербы, или болгары? Но зато мы совершенно ясно видим, в чем может заключаться тот вред, который, несомненно, возникнет от продолжения подобного рода препирательств.

Не нужно забывать, что удивительные победы, одержанные Балканским союзом, сделались возможными только после того, как четыре балканских государства, забыв старые распри, объединились прочною и искреннею

солидарностью. Балканскому союзу суждена, может быть, великая и славная будущность, но основным условием для достижения каких-либо новых успехов является необходимость поддерживать первоисточники побед, т. е. именно солидарность. Это так просто! Как-то даже неловко настаивать на таком политическом трюизме.

Недостаточно победить врага; нужно еще быть сильным в момент ликвидации. А ликвидация балканской войны еще не начиналась. Известно кроме того, что эта ликвидация не может не быть весьма сложной. Между греками и славянами нет никакого договора относительно предстоящего раздела завоеванных территорий. Между сербами и болгарами договор имеется, но теперь уже ни для кого не тайна, что этот договор, рядом с территориями, бесспорно отнесенными к Сербии и Болгарии, имеет еще так называемую «спорную область» — продолговатый кусок в самом центре Македонии. Судьба этой спорной области будет решаться после войны, в крайнем случае при содействии России. Наконец, что касается черногорцев, то они вообще присоединились к Балканскому союзу на свой страх без всякого специального соглашения.

При таких условиях, уже и в настоящее время намечаются те проблемы, которые вызовут немало потоков дипломатических чернил.

Теперь же нужно помнить, что и самая война еще не кончена: для сербов и болгар не важно пересчитать, кто сколько захватил адрианопольских фортов, им важно раздавить врага. Он еще жив и сильно поддерживается враждебными славянскими элементами. Этого не следовало бы забывать сербским и болгарским публицистам.

38

«Русское слово». 3 апреля 1913 г.

Раздел

Несмотря на упорство Черногории, переговоры между великими державами, представляющими интересы Турции, и Балканским союзом быстро приближаются к концу. По всем спорным пунктам, за исключением только границ Албании, достигнуто принципиальное соглашение, и не сегодня-завтра возобновятся прямые переговоры между Турцией и балканскими державами о заключении мирного договора. По мере того как общее политическое положение проясняется, на первый план выдвигается вопрос о разделе турецкого наследства между союзниками. В этом вопросе австрийская точка зрения потерпела крушение, и восторжествовал взгляд держав Тройственного соглашения, по которому раздел уступаемых Турцией территорий является внутренним делом самих союзников. Европа не будет вмешиваться

в разграничение территорий, отходящих к той или иной балканской державе (кроме, конечно, Турции и Албании). Лишь после заключения соответственных договоров между союзными государствами новые границы Болгарии, Сербии, Черногории и Греции будут признаны великими державами, и описание этих границ войдет в новый международный трактат, который, несомненно, явится на смену Берлинскому трактату в качестве юридической основы нового порядка вещей на Ближнем Востоке.

Союзным балканским державам и их государственным деятелям предстоит теперь выдержать пред лицом всего мира роковой экзамен своей политической зрелости. Переэкзаменовки в случае провала на этом экзамене не может быть. Зрелище отвратительных раздоров между союзниками, если они начнут грызться между собой из-за каждой кости турецкого наследства, способно сразу убить симпатии европейского общественного мнения к великому делу освобождения балканских христиан. А сочувствие европейского общества и всего цивилизованного мира помогло союзникам гораздо больше, чем все их династические связи и хитроумные маневры дипломатии держав-покровительниц. Общественное мнение не позволило тронуть союзников, занятых тяжелой борьбой, и двуединые коршуны¹ должны были спрятать свои когти. Но едва только союзники хватили через край в своих требованиях и не сумели вовремя прекратить бесполезного кровопролития, как началось заметное охлаждение европейского общества к судьбам и нуждам балканских христиан.

Нерушимая стена всеобщего сочувствия и преклонения заколебалась. Международная дипломатия сейчас же учла это понижение акций Балканского союза на бирже общественного мнения, и в результате явилась блокада Черногории². Надо пожелать, чтобы этот обидный и тяжелый, но не совсем незаслуженный урок не пропал даром.

Если существующие между союзными балканскими державами разногласия обострятся до степени серьезных столкновений, то самое существование славянских государств на Балканах подвергнется смертельной опасности. Враг не дремлет. Австрия, Италия, Румыния, даже побежденная Турция жадными глазами следят за действиями союзных правительств.

К сожалению, возможность серьезных противоречий во взглядах и намерениях союзных правительств обуславливается отсутствием письменных договоров между союзными державами о разграничении завоеванных территорий.

¹ Отсылка к Австро-Венгрии, декларируемой как двуединая монархия, на гербе ее был изображен двуглавый орел.

² В апреле 1913 г. великие державы приняли решение осуществить демонстрацию своих флотов перед черногорским побережьем, чтобы заставить правительство короля Николая отказаться от осады города Скутари, присужденного на Лондонской конференции послов Албании, а не Черногории. В морской демонстрации участвовали военные корабли Австро-Венгрии, Италии, Франции и Англии. Сама Россия не присоединилась к этой акции, однако поддержала ее как единственное средство не допустить единоличного выступления Австро-Венгрии против Черногории.

Только между Сербией и Болгарией еще в 1909 году был заключен договор о разграничении сфер влияния в Македонии, положивший конец тридцатилетней братоубийственной борьбе между сербскими и болгарскими четами. Однако и этот договор уже оспаривается участниками. Болгары толкуют договор в том смысле, что границы прежних сфер влияния должны сами собой превратиться в государственные границы Сербии и Болгарии. Сербы же доказывают, что прежние сферы влияния не обязательны теперь, когда речь идет о разделе завоеванных территорий¹. Что же касается Греции и Болгарии, с одной стороны, Сербии и Черногории — с другой, то перед началом войны между этими державами не было заключено соглашений даже о тех принципиальных основаниях, на которых мог бы быть произведен раздел завоеванных территорий. Союзники сами не предвидели своих блестящих побед и верили в незыблемость пресловутого территориального *status quo* на Балканах.

В качестве принципов, на основании которых мог бы быть произведен раздел завоеванных земель между союзниками, за последнее время был выдвинут заинтересованными сторонами целый ряд положений. По мнению значительной части сербского и греческого общества, разделяемому влиятельными правящими кругами, раздел должен быть произведен на основании принципа *beati possidentes*², т.е. фактического занятия той или иной территории войсками какой-либо союзной державы. В свою очередь, болгары выдвигают в качестве мерила для определения величины отходящих к каждой союзной державе территорий размеры жертв, понесенных в борьбе с Турцией. Так как на Болгарию, по их мнению, легла главная тяжесть войны с Оттоманской империей, и на долю юного царства выпали наиболее тяжелые жертвы, то львиная доля добычи должна достаться именно Болгарии. Наконец, раздаются еще голоса за то, чтобы раздел новых земель был произведен пропорционально площади существующих территорий каждого государства, так чтобы соотношение сил между союзниками после войны не изменилось. Меньше всего интересуют союзных политиков взгляды самого населения освобожденных турецких провинций и его нужды. В особенности разгоряченные головы болгарских националистов не желают считаться ни с этнографическими границами, ни с естественными условиями Македонии. Мечты о воскрешении легендарного царства Симеона не дают спать софийским политикам. В этом настроении широких кругов плохо осведомленного болгарского общества корень зла.

¹ Данный пассаж свидетельствует, сколь много недостоверной информации о болгаро-сербских отношениях циркулировало в общественном поле.

² «Блаженны владеющие» — отсылка к использованию О. фон Бисмарком библейского выражения в том значении, что для доказательства своих прав на обладание территорией ее необходимо захватить.

«Новое время». 4 апреля 1913 г. Еще одна война

В близком окончании войны едва ли можно сомневаться. Теперь все усилия искренних сторонников славянства должны быть направлены на то, чтобы не дать разгореться новой войне, войне бескровной, но в высшей степени опасной, войне дипломатической между союзниками.

К сожалению, имеются указания на то, что дело в этом отношении не пойдет гладко. В Софии бывший министр Мушанов внес в народное собрание интерпелляцию: верно ли, что сербские войска принуждены были атаковать самые сильные форты Адрианополя? Что двадцатый сербский полк взял приступом форт Хадерлык-Ильдирим? Что офицеры этого полка захватили в плен Шукри-пашу, которого и передали затем генералу Иванову? Интерпеллятор, как сообщает телеграф, спрашивает еще: каково было точное число сербских войск, занятых у Адрианополя? Их положение? Их задачи в день штурма?

Достаточно бросить первый взгляд на эту интерпелляцию, чтобы тотчас же усмотреть полное отсутствие в ней того материала, который в парламентских государствах считается интерпелляционным. Всякий запрос, обращенный к министру, имеет свою цель, прежде всего, выяснить незаконность¹, допущенную правительством. «Известно ли министру...» и «что намерен министр предпринять» — являются трафаретом, по которому строятся интерпелляции во всем культурном мире. Г. Мушанов, как бы он ни поворачивал предложенных им на обсуждение болгарского народного собрания пунктов, очевидно, и сам не предполагает, что эти пункты могут хотя бы и в самых отдаленных своих последствиях привести к выяснению какого бы то ни было незаконного поступка болгарского министерства и болгарских военных властей.

Нет в интерпелляции г. Мушанова и того, что русский закон называет «вопросом»: т. е. такой справки, которая может облегчить производимые данным парламентом работы по законодательству или надзору. Ибо «вопрос» указанного выше содержания в лучшем случае мог бы быть предъявлен не законодателями, а кабинетным историком, составляющим описание осады и взятия Адрианополя. Всякому непредубежденному человеку ясно, что Мушанов в тот день, когда он взойдет на кафедру, действительно будет интерпеллировать не министерство, а что-то другое.

К сожалению, Мушанов будет интерпеллировать неприсутствующее в болгарском народном собрании *сербское* министерство. На прошлой неделе сербские газеты целиком напечатали длиннейшую речь, произнесенную сербским военным министром по поводу другой интерпелляции,

¹ Так в тексте.

предъявленной белградским депутатом и касавшейся того же вопроса: кто взял в плен Шукри-пашу? Так как в этой речи говорилось, что «по полученным сведениям» Шукри-паша попал в плен к офицерам двадцатого сербского полка, то интерпелляция Мушанова, очевидно, и направлена к тому, чтобы установить по этому вопросу болгарскую официальную версию. И в конечном результате при малейшей неосторожности болгарского правительства сербский военный министр будет считать себя оскорбленным, так как на него падет тень некоторой допущенной им неправды.

Вся эта недостойная комедия искренне огорчает нас. Болгары и сербы в настоящее время ведут политическую борьбу, результаты которой должны определить все их дальнейшее существование лет на пятьдесят вперед. В сравнении с этими государственными задачами мелкий шовинистический спор, ведомый под предлогом «выяснения истины» (какие, подумаешь, историографы выискались), производит впечатление недостойного и унижающего обе стороны препирательства. Мы можем успокоить обе стороны: истина свое возьмет. Рано или поздно Шукри-паша выйдет из болгарского плена, попадет в руки объективных исследователей и, наверное, сумеет восстановить — час за часом и минута за минутой — свое времяпрепровождение в последний день Адрианополя. Тогда — и только тогда — всякому воздано будет по заслугам: совершенно независимо от интерпелляций. Об исторической истине, следовательно, г. Мушанову заботиться нечего. Если в ответ на его интерпелляцию Гешов заявит, что он не считает полезным в данный момент подливать новое масло в тлеющий огонь болгаро-сербской распри, — то всякий здравомыслящий человек будет приветствовать подобный оборот дела.

Союзникам нужно помнить, что они добились великого только благодаря своей солидарности. Эта солидарность является бельмом на глазу у всех тех, кто не сумел предупредить ни образования Балканского союза, ни позорного поражения Турции. Ведь возник же дня три назад в международной печати слух о том, что греки обратились к сербам с предложением заключить сепаратный союз и выступить при дележе турецкой добычи солидарным образом против болгар. Делить Македонию на две части, конечно, выгоднее, чем на три: и потому в Софии уже проявлено было некоторое волнение. Лично мы считаем, что для сербов было бы безумием выступать против болгар активно. Если сербы вырвались из цепких рук Австрии, еще так недавно давивших их мертвою хваткою, то это произошло исключительно благодаря союзу с болгарями. Сербь не могут не понимать, что пред ними стоит еще много незаконченных политических проблем; нет надобности подчеркивать, в чем эти проблемы заключаются¹; достаточно будет, если мы скажем, что осуществить эти проблемы и реализовать самые

¹ Намек на сербские претензии в отношении аннексированной Австро-Венгрией в 1908 г. Боснии и Герцеговины.

заветные свои мечты сербы опять-таки могут только в том случае, если их верно и надежно будут поддерживать болгары. Следовательно, возникновение какого бы то ни было сепаратного сербо-греческого союза ставило бы крест на всю политическую будущность Сербии. Однако о союзе говорят. Говорят, очевидно, те, кто во что бы то ни стало желают поссорить союзников.

Говорят еще и о том, что сербское правительство будто бы собирается настаивать на присоединении так называемой «спорной области». Эта спорная область (Скопье, Куманово, Тетово, Дибра и т. д.) согласно союзному сербско-болгарскому договору оставлена была в неопределенном положении. Если стороны по окончании войны не сумеют стовориться относительно судьбы перечисленных городов, то — согласно договору — предполагалось передать спор на разрешение России. Между тем в настоящее время имеются указания, что некоторые сербские шовинисты претендуют не только на эту «спорную» область, но даже на такие части Македонии, которые самым бесспорным образом были отнесены в союзном договоре к сфере влияния болгар. Например, отрицается право болгар выйти на Охридское озеро; а одно полуофициальное лицо даже сделало доклад в Белграде о том, что сербы имеют право получить Салоники. Подобного рода нарушение обязательства, торжественно заключенного накануне страшной и кровавой брани, несомненно, было бы со стороны сербов величайшей ошибкой. Ошибкой не только потому, что *pacta sunt servanda*¹, но еще и потому, что сербам *выгодно* устроить болгарский выход на Охридское озеро. Только в этом случае болгары будут непосредственно соприкасаться с будущей Албанией и, следовательно, окажутся заинтересованными в судьбах того великого неизвестного, которое под верховным владычеством герцога Монпансье² причинит еще немало горестей сербам.

Мы наметили небольшую часть тех вопросов, которые в настоящее время смущают сербо-болгарские отношения. Мы считаем, что русскому общественному мнению чрезвычайно трудно высказываться по отдельным деталям македонской проблемы, так тесно связанной с местными условиями. Русское общественное мнение может только высказывать пожелание, чтобы обе стороны проявили как можно больше государственной выдержки в той второй, бескровной войне, которая вскоре начнется.

¹ Договоры должны соблюдаться (лат.).

² В 1913 г. Фердинанд Орлеанский, герцог де Монпансье обсуждался как возможная кандидатура на албанский престол.

40

«Голос Москвы». 6 апреля 1913 г. Берегите союз!

Победоносная война за освобождение зарубежных братьев, блестяще проведенная союзными славянскими государствами, близится к концу, и не далее, как на днях, последует заключение официального перемирия, предвестника почетного мира.

Только благодаря тесному взаимному единению государствам Балканского союза удалось выполнить эту великую историческую задачу до конца.

Но Балканский союз, спаянный кровью героев, не может, не должен распадаться по завершении своего крестового похода против Турции.

Балканские государства не имеют права упускать из вида, что освобождение Балканского полуострова от турецкого гнета отнюдь еще не знаменует полного освобождения балканских народов от иностранного, крайне вредного для их интересов, влияния и что на смену угасшей опасности с юго-востока надвигается новая опасность для всего балканского славянства со стороны северо-запада¹.

Только незыблемый союз, точно определяющий взаимные права и обязанности, способен гарантировать мирное культурное преуспеяние балканских славян.

Поэтому-то изощренные в провокационных приемах дипломаты венского Ballplatz'a² уже стремятся посеять семена кровавых междоусобиц среди союзников.

Верная излюбленному принципу «divide et impera»³, австрийская дипломатия хотела бы перессорить Болгарию и Сербию, Болгарию и Грецию и даже Сербию и Черногорию. Для этого она не раз пускала в ход провокационные приемы.

Теперь, во время предстоящего размежевания оккупированных территорий, союзники должны быть особенно корректны и уступчивы по отношению друг к другу.

К сожалению, уже замечаются первые тревожные признаки грядущих осложнений, и резко наметились те вопросы, соглашение по которым вызывает наибольшие пререкания. Это — вопросы о Салониках, Охриде, Битолии, Ускюбе и т. д., не упоминая уже о скромных притязаниях Черногории в Новобазарском сандаке.

Берегите союз! — вот клич, с которым Россия должна обратиться к своим младшим братьям.

¹ Т. е. со стороны Австро-Венгрии.

² Площадь в Вене, где находилось министерство иностранных дел Австро-Венгрии.

³ Разделяй и властвуй (лат.).

Они готовы совершить величайшую историческую ошибку, допуская целый ряд нетактичных приемов по отношению друг к другу. Уже и теперь болгарские беглецы из оккупированной сербами части Македонии обращаются к русскому послу в Софии, прося защиты России против единой и единокровной Сербии.

Недостойным пролитой под Одрином братской крови, фальшивым аккордом прозвучала полемика сербских и болгарских союзных войск на тему, кто взял в плен Шукри-пашу; целых две недели страстно дебатировался этот вопрос на столбцах печати и в парламентах Болгарии и Сербии, и новая трещина появилась в не успевшем еще окрепнуть фундаменте Балканского союза.

Невидимые венские нити австрийского воздействия, ослабевшие за время войны, снова натягиваются в период, предшествующий размежеванию союзников; ежедневно происходят столкновения, от которых будут в выигрыше только враги славянства.

Берегите Балканский союз, братья-славяне, и если чуткое сердце руководителей вашей государственной политики тревожно забьется в предвидении роковых для союза осложнений, обратитесь за беспристрастным советом к великой славянской империи, которой вы одинаково дороги.

41

«Русские ведомости». 7 апреля 1913 г.

Передовая статья

Как извещают новейшие телеграммы с Ближнего Востока, тлеющая война балканской коалиции против турок на днях должна окончательно потухнуть. Крушение Европейской Турции запечатлено. За поражение свое империя османов заплатила всей территорией, какая только могла быть от нее отделена союзниками без вызова державам европейского концерта. И если вопрос в контрибуции не совсем еще решен, то здесь опять спор, в сущности, идет не столько с Турцией, сколько с компанией ее бесчисленных кредиторов. Притом же ввиду турецкого финансового положения этот вопрос не представляет большого практического интереса: Россия по собственному опыту отлично знает, чего стоят турецкие контрибуционные долги.

Итак, балканцы готовы праздновать триумф, равный которому в истории найдется очень мало. Земельные приращения государства насчет соседей — соблазн большой, но часто тому, кто впал в него, приходится затем страдать под бременем, вызываемым охраной захваченной добычи. Во что стал немцам после войны 1870–1871 гг. страх перед попыткой французского реванша, достаточно известно. Да кроме колоссальных материальных

жертв Германия немало поплатилась и в развитии всего своего общественного уклада: незыблемое господство в нем юнкерства — плод милитаризма. Но на Балканах союзникам за расширение границ, влекущее метаморфозу всего их государственного существования, уже не придется к цене войны делать значительных прибавок, так как ни о каком турецком реванше не может быть и речи. Турция может еще справиться и сносно жить как азиатская держава. Попытки же повторного турецкого завоевания Балкан никогда не будет. Могучее историческое течение, ведущее к образованию национальных государств, не обратится вспять, и Македония никогда не вернется больше под высокую руку падишаха. Пора султанов, завоевателей иноверных стран, миновала безвозвратно: заветам Мурада I и Магомета II в истории нет больше места.

Триумф этот для всех балканцев должен являться тем дорожке, что он им подарен исключительно благосклонностью судьбы. Надобно вспомнить гневные вопли против негодности дипломатии, какие поднялись в Австрии после молниеносного разгрома союзниками турецких армий, и тогда станет ясно, что сосчитаться с Турцией своими силами союзникам было дано лишь благодаря ошибке, в которую Австро-Венгрия вместе со всей Европой была вовлечена при определении сил воюющих сторон. «Мы же думали, что турки дадут урок зазнавшимся славянам; мы же думали, что в лучшем случае борьба будет нести нерешительный характер, который отдаст все дело на приговор Европы; ведь в этом твердо уверяли нас все наши осведомительные органы на Балканах; да если бы мы знали, что они так слепы, разве бы мы не нашли средство предупредить подобный оборот событий?» — такие речи в Австрии и в Венгрии не были лишь словами. За ними скрывалось горячее желание хотя и с опозданием вмешаться вооруженной рукой в борьбу славян и турок. И то сказать: легко ли было для монархии Габсбургов увидеть вдруг перегороденным тот путь, который еще со времен кн. Бисмарка она привыкла считать истинной исторической дорогой. Усилиями России и Франции опасность австрийского вмешательства была, однако, предотвращена, и для балканцев, особенно сербов, теперь есть повод к двойному торжеству: над турками и «швабами»¹ одновременно. Нет уже опасности, что Салоники могут превратиться в один из австрийских портов, а Сербия с тем вместе окончательно «войдет в сферу преобладающего австрийского влияния», как выражаются такие горькие вещи на тонком языке дипломатии.

Но вести, идущие из всех союзных стран, носят вовсе не этот светлый, ликующий характер. Нет больше разговора — как то было зимой — о съезде всех четырех союзных государей для показания единения в славном своими историческими преданиями Ускюбе. Напротив, к нам идут тревожные сообщения о передвижениях войск, свидетельствующие, что у освободительной войны возможно послесловие в виде войны междоусобной на утешение

¹ Швабами на Балканах часто называли австрийцев.

австро-венгерским недругам славянства, которые, глядя на союзников, сейчас злорадно потирают руки. Действительно, тогда для них не все еще пропало.

Откуда же влился в заранее как будто урегулированные отношения союзников этот яд раздора? Вина здесь в том, что самая война не сохранила до конца свой первоначальный освободительный характер. Освободительная война окончилась, собственно, когда болгары, ознаменовав свой путь рядом неслыханных побед, отбросили турецкую армию за Чаталджу, и турки в панике запросили мира, готовые отдать все то, что было вписано в первоначальную союзническую программу, и еще многое к тому прибавить. Но здесь заговорило военное и государственное тщеславие. Мысль о торжественном вступлении в Константинополь, хотя бы для военной по нему прогулки и посещения Св. Софии, оказалась полной соблазна. К тому же в Константинополе возможно бы стало продиктовать и еще более суровые условия мира. Решено было форсирование Чаталджи, при котором болгары испытали единственную за всю войну тяжкую неудачу, потеряв свыше 15 тысяч лучших войск, как это стало впоследствии известно. Успех ободрил турок, и прежняя их сговорчивость насчет условий мира сменилась упорством. Так уже готовая окончиться война возобновилась еще на месяцы, причем за жертвы по продолжению ее Болгария стала требовать новых компенсаций. В таком же положении оказались и сербы. Покончив с освобождением сородичей блестящей победой при Куманове, Белград принялся за преследование чисто государственных интересов королевства. Большие жертвы были принесены ради захвата желательного Сербии участка на албанском побережье. Когда же оказалось, что сербские политики неправильно учли соотношение враждебных и дружественных им сил в Европе, и под давлением Австрии пришлось расстаться с мыслью закрепить эти владения за собой по миру, Сербия стала думать о средствах утешиться в таком разочаровании и возместить иначе понесенные от продолжения войны ущербы. Но Турция и так уже отступилась от всего, что не оставлено за ней, — как территория, прилежащая к проливам, — волею Европы, и две претензии на добавочную компенсацию падают на одно имущество, которое их плохо покрывает. Значит, теперь двум славянским государствам приходится отбивать доли друг у друга. А Греция далеко простирает свою руку, ссылаясь на прежнюю национальную платформу: и кто же станет отрицать, что вся эгейская береговая линия заселена почти сплошь отпрысками греческого народа. По этому же самому никто иной не должен и заявлять каких бы то ни было прав на острова архипелага.

Да, если бы мир был заключен союзниками непосредственно по достижению поставленной войной идейной цели, балканская война осталась бы в летописях истории с характером исключительного благородства, и в то же время баланс потерь и выгод свелся бы для союзников исключительно благоприятно. Не подлежит сомнению и то, что в ту пору блестящая победа

явилась бы надежнейшим цементом для скрепления союзников в прочную политическую федерацию на Балканах. Но если политическими руководителями коалиционных стран в азарте боя и в упоении успехом и были допущены ошибки, если пресловутый *raison d'état*¹ толкнул их на путь таких потерь, которым неоткуда уже ждать добавочного покрытия, то мы не верим все же, чтобы кровавый эпизод, связанный с именем Сливницы, еще раз мог на Балканах повториться. Слишком позорно было бы, если бы война, начатая за освобождение славян, выродилась в войну за порабощение части одного славянского племени другому. Надо надеяться, что юго-славянские демократии достаточно созрели, чтобы не допустить до такого акта, который нельзя назвать иначе как самоубийством так много обещавшего одним и так пугавшего других Балканского союза.

42

«Русское слово». 7 апреля 1913 г. Союзные недоразумения

Скутарийский вопрос, видимо, потерял свой прежний характер и из европейского превратился в вопрос внутренней черногорской политики. Король Николай подыскивает только приличную форму, в которую можно было бы облечь неизбежный отказ от Скутари. Таким образом, с этой стороны опасность, угрожавшая европейскому миру, может считаться почти совершенно устраненной. Но зато отношения между Болгарией, с одной стороны, и Сербией и Грецией, с другой, начинают не на шутку обостряться. Интерпелляция оппозиции в софийском парламенте о притеснениях, чинимых будто бы сербами болгарскому населению в занятых сербскими войсками областях, и сдержанный ответ Гешова служат явным доказательством того, что дело зашло гораздо дальше простой газетной полемики. Из Софии идут известия, нуждающиеся, впрочем, в подтверждении, о чрезвычайно серьезном шаге болгарского правительства, распорядившегося отправить войска в Западную и Южную Македонию, в районы, где стоят сербские и греческие войска. Эта отправка войск накануне перемирия, совершенно безрезультатная с военной точки зрения, может только подать повод к лишним столкновениям между союзниками. Святое дело освободительной войны и без того уже запятнано отвратительной грызнёй между болгарской, сербской и греческой печатью. Софийские и белградские политики, утратив всякий стыд, публично перед всей Европой стирают грязное белье Балканского союза.

¹ Государственные интересы (фр.).

Венские и пештские политики, втайне потирающие руки от удовольствия, спешат использовать неожиданно создавшееся благоприятное положение и раздувают обострение отношений между союзниками чуть ли не до размеров братоубийственной войны. С удивительной легкостью в пылких головах дунайских журналистов создаются самые невероятные комбинации. Сегодня Греция сближается с Турцией для сокрушения болгарской гордыни, а завтра открыто говорят о союзе между Турцией и Болгарией, направленном против Греции. Само собою разумеется, ни правительство Венизелоса, ни кабинет Гешова не способны на такую неслыханную низость, как коварная измена и нападение на одного из союзников совместно со своим вчерашним врагом. Союз Турции и Болгарии является чудовищной нелепостью, на которую менее всего может решиться такой реальный политик, как царь Фердинанд. На море Турция бессильна, а на суше немислимо представить себе, чтобы разбитая и деморализованная турецкая армия отправилась к Салоникам с целью вытеснить оттуда греков. Турецкие войска если и думают о походе, то разве на Константинополь. Притом турки не настолько наивны, чтобы таскать болгарские каштаны из греческого огня. В конце концов более полумиллиона чистокровных османов становятся подданными царя Фердинанда, и трудно думать, чтобы турки могли ни с того, ни с сего броситься в объятия болгар. Едва ли и болгары согласятся променять Адрианополь на Салоники.

Почти так же бессмысленны и толки о каком-то сближении между Турцией и Грецией. Турки не в состоянии выбить болгар из Фракии, и потому никакой пользы в смысле обуздания Болгарии такая комбинация не принесет. Более естественно сближение между Сербией и Грецией, которым одинаково угрожают разыгравшиеся аппетиты болгарского сверхнационализма. Но известия о сепаратном греко-сербском соглашении категорически опровергаются в Афинах. Подобное соглашение по меньшей мере преждевременно. Правительство Гешова, имея за спиной Румынию, не может решиться идти напролом. Союзники должны понимать, что непримиримые разногласия между ними неизбежно вызовут решительное вмешательство Европы. А чего стоит это вмешательство — в том союзники могли убедиться на опыте Албании. Во всяком случае, нельзя допустить третьей балканской войны¹.

¹ В русской прессе того времени Первую балканскую войну 1912–1913 гг. часто делили на две. К первой относили боевые действия в 1912 г. до установления перемирия и начала мирных переговоров в Лондоне. Ко второй — события, последовавшие за срывом переговоров и возобновлением столкновений.

43

**«Речь». 8 апреля 1913 г.
Распри между союзниками**

С тяжелым чувством я приступаю к изложению той части моих впечатлений балканской поездки, которую, по понятным причинам, отложил до окончания военных действий союзников против Турции. Очередь доходит теперь до дележа завоеванного, и газеты с каждым днем приносят новые и новые известия об угрожающих разногласиях между союзниками. Для друзей Балканского союза было бы всего приятнее, если бы эти внутренние споры закончились миролюбивым соглашением и если бы все разговоры о междоусобных ссорах и распрах остались бы в состоянии темных, непроверенных слухов. К сожалению, для более знакомых с делом стало давно уже ясно, что тут дело не обойдется без обращения к дружескому (а по отношению к болгаро-сербской распри и к договорному) посредничеству России, ввиду полной непримиримости сталкивающихся притязаний. Если так, то русское общественное мнение вправе быть осведомленным, в чем же тут спор и кто прав из спорящих. Неприятная, но неизбежная обязанность, которую нельзя никак отклонить от себя доброжелательным советом: да делитесь, как знаете, чтобы никому не было обидно. Нельзя уже потому, что предмет раздела — не мертвая масса, не кусок сукна, который можно делить и резать по аршинам и вершкам, а живая, сознающая себя македонская национальность.

Я знаю, что, говоря это, я уже тем самым становлюсь на одну из сторон, и что мне не замедлят сделать по этому поводу соответствующие упреки.

Эти упреки, впрочем, уже и раздавались, как со стороны неосведомленных моих противников в русской печати, привыкших «говорить наоборот» тому, что утверждаю я, так и со стороны заинтересованной в решении сербской печати, и притом не только желтой шовинистической печати типа «Штампы», а и таких органов, как «Одъек», некоторых из участников которого я считал до сих пор в числе своих личных друзей. Что же делать! *Magis amica veritas*¹, и мне приходится, скрепя сердце, приняться за мое, надеюсь, объективное повествование, зная наперед, что одних оно рассердит, а других огорчит.

Я уже упоминал в одной из моих статей о том патетическом «воззвании к нашим братьям в Македонии и Одринском», которое еще 5 октября 1912 г. было издано делегатами македоно-одринских братств. «Братья, — говорилось в этом воззвании, — ваши страдания и муки ударили по сердцу родных ваших братьев. Движимые святым долгом братского сострадания, они припекают вам на помощь, чтобы освободить вас от турецкого ярма. Союзные ваши братья по крови и вере идут к вам, оставив свой мирный труд и взявшись за оружие. Ценой своего самопожертвования они хотят завоевать для

¹ Отсылка к высказыванию Аристотеля «Платон мне друг, но истина дороже».

вас, поработенных, свободу и человеческие права. И за свое самопожертвование они не хотят ничего другого, кроме воцарения мира и порядка на нашей родной земле... Встретьте же венками триумфа храбрых воинов свободы! Покройте их путь цветами и славой! Не жалейте ни имущества, ни жизни, потому что и те ничего для вас не пожалели, все дорогое и любимое отдают за ваше освобождение».

Таково было настроение, которое, действительно, царило в первые дни занятия Македонии союзными войсками. Очевидец из Охриды пишет в моих материалах: «Освободители (сербы) были встречены с подобающей торжественностью и неопишуемой радостью. Все граждане и гражданки вышли навстречу, чтобы обнять своих освободителей и со слезами на глазах высказать им великую свою радость и признательность». «Велика была радость», пишут и из Скопья, при вступлении сербских войск 13 октября: «все мы верили, что наступает конец всем страданиям». «Болгарское население в Костурской епархии», пишут с противоположной, юго-западной окраины Македонии, «с великой радостью встретило первое появление греческих освободительных войск. Оно оказало величайшее гостеприимство им, в сознании, что исполняет патриотический долг к союзным балканским державам и к родине. Энтузиазм был вначале всеобщим, и население было убеждено, что в лице греческой армии оно встречает все союзные армии балканских держав».

Передо мной лежит комплект ежедневной газеты «Българин», издававшейся в Солуни в течение ноября и декабря прошлого года. По передовицам этой газеты легко проследить, как «энтузиазм» к освободителям мало-помалу сменяется недоумением, а потом и разочарованием, постепенно ведущим к чувствам, прямо противоположным «благодарности» и «признательности». Вначале орган македонской интеллигенции пытается бороться с этим настроением и старается всячески успокоить встревоженное население. «Не надо тревожиться и беспокоиться, — говорится в № от 13 ноября, — из-за одного того, что некоторые болгарские земли заняты не нашими, а союзными сербскими и греческими войсками. Не надо, чтобы ваши сонародники в этих землях чувствовали себя завоеванными, а не свободными... Болгарская армия, как наиболее сильная и многочисленная, должна была сосредоточиться против ядра неприятельской армии, чтобы довершить общее освобождение... Пусть и тень скорби не омрачит чело болгар в Скопском, в Битольском, в Воденском и Костурском округах, когда они встречают только войска союзников, греков и сербов».

Однако уже через 2 дня, 15 ноября, тон газеты меняется. Указав на заслуги «руководящих греческих и сербских кругов» в сближении турецких христиан для совместной борьбы, газета продолжает: «Не нужно, однако, создавать себе чрезмерных иллюзий. Были налицо прежде, имеются и теперь элементы нечуждые старому шовинизму. Находились люди, которые тогда предпочитали действовать заодно с притеснителями своих соплеменников,

а теперь играют роли самых ярких националистов. Присутствие единоплеменных войск окрыляет их шовинизм...; возможно, что и среди нижних чинов в войсках они найдут много приверженцев агрессивного шовинизма... Повелительный долг оккупационных властей — зорко наблюдать за поведением безответственных лиц и факторов, не только препятствуя поступкам, которые могут оскорбить национальные чувства жителей не их народности, но и показывая на деле пример для подражания, относясь одинаково ко всем союзным народностям». 20 ноября передовая статья высказывается еще определеннее: «Мы стоим за союз, который еще не выполнил благополучно своей задачи и которому предстоит еще более великая задача в будущем, — но при одном неперемennom условии: взаимной терпимости и обращения с лицами не нашей народности не как с неприятелем. Другими словами, под условием, чтобы ни одна из союзных держав не преследовала скрытой цели — аннексировать земли, которые не принадлежат ей по праву». Через 4 дня газета вновь возвращается к «опасности для балканского союза», которая кроется в интригах внешних врагов, стремящихся поссорить между собой союзников. «Величайшие гробокопатели национальных идеалов суть теперь те оккупационные власти, которые в своем шовинистическом ослеплении не считаются с национальными чувствами временно подчиненных им инородцев». Как видим, здесь уже нет речи о «безответственных элементах»: газета не может скрыть, что ответственность падает и на самую оккупационную власть в занятых землях. Это и немудрено, потому что жалобы населения из этих земель начинают притекать все в большем количестве.

Уже на следующий день, 25 ноября, «Българин» озаглавливает передовую: «Освободительная или завоевательная война?» «По окончании войны, — пишет передовик, — мы с трепетом ждем ее результатов: пусть всякая воюющая держава возьмет то, что ей принадлежит, не пытаясь увеличить себя за счет своей союзницы. Мы, македонские болгары, хотим увидеть совокупную болгарскую Македонию не только свободной, но и нераздельной: иначе мы изменили бы памяти тысяч погибших бойцов за нашу родину... Чужого мы не хотим, но и своего не отдадим». 29 ноября газета напоминает и о «пределах болгарской Македонии» по С.-Стефанскому договору и по Мюрцштегской программе реформ. Немедленно после того начинается полемика против греческих газет, издававшихся в Солуни, и «Българин» становится жертвой этой полемики. Греческие власти на нем самом совершают одно из тех насилий, против которых он протестовал. Газету запрещают: закрывают на втором номере и ее заместительницу «Нова България».

У меня имеются, однако, другие и более непосредственные данные для того, чтобы судить, в какой степени жалобы газеты были справедливы. Данные эти содержатся в ряде официальных донесений духовных лиц из разных местностей Македонии. Донесения эти отнюдь не предназначались для печати. Они очень точны и формальны, и нет никаких оснований заподозрить их в преувеличениях. Картина, которую, не сговариваясь, рисуют

свидетели и участники происшествий, до такой степени однородна на всем пространстве Македонии, что самое это совпадение показаний во всех мелочах и подробностях является наилучшей проверкой их правдивости. Хронологически мои данные обнимают промежуток четырех месяцев, от ноября до февраля. За март и апрель положение не могло измениться; могла только отпасть у местных жителей охота и возможность свидетельствовать о нем, с укреплением власти оккупационных войск и временного управления над населением занятых местностей. В данную минуту, однако, это сложившееся положение вещей может очень быстро измениться благодаря движению болгарских войск в Македонию с восточного театра войны.

Для читателя, не осведомленного в вопросе о македонских национальных спорах, нелишне будет заметить, что каково бы ни было различие взглядов ученых лингвистов и этнографов на национальность славянских жителей Македонии, для политики вопрос этот решается простой справкой о церковной принадлежности каждого македонца. Тот, кто ходит молиться в церковь, находящуюся под высшим управлением болгарского экзарха, есть «экзархист» и признает себя неизменно болгарин по национальности. Напротив, тот кто не захотел войти в национальную автономную болгарскую церковь, остается по старине, под греческим патриархом. Принадлежа к той же коренной македонской народности, «патриархист», тем не менее, признает себя сербом на севере, греком на юге Македонии. Болгарин назовет его, правда, не сербом и греком, а «сербоманом» и «грекоманом». В свою очередь и серб назовет македонского болгарина «бугарашем», а грек назовет его «греком-вулгарофоном» (т.е. говорящим по-болгарски). В этой терминологии — вся суть спора о национальности македонцев. Македония — едина по основной национальности. Но греки считают эту национальность греческой, за исключением севера Македонии, сербы — сербской, за исключением востока, а болгары — болгарской в пределах всей Македонии в тесном смысле этого термина, т.е. в пределах, приблизительно Сан-Стефанского договора. Не входя по существу в разрешение этого спорного и сложного вопроса, требующего научных изысканий и справок с литературой, мы будем держаться в пределах указанной местной терминологии. Эта терминология, сама по себе, есть постоянный, каждый день проверяемый, плебисцит. Быть «экзархистом» или «патриархистом» — значит не просто переменить одну церковь на другую. Это значит — переменить национальность.

Каковы бы ни были, высоки или низменны, идейны или узко практичны, соображения, диктующие эту перемену, нельзя не признать, что, в общем, переходы и соответствующие колебания в численности «патриархистского» и «экзархистского» населения вовсе не так уже случайны, часты и значительны, как это иногда утверждают. В особенности принадлежность к болгарской экзархии влекла за собой в прежнее время такие преследования и требовала такого самопожертвования, что иначе как сознательным отношением к своей национальности нельзя объяснить упорной преданности

македонского большинства этой церкви и постепенного роста численности ее членов за счет «патриархистов». «Патриархистская» пропаганда сербов и греков, покровительствуемая турками, напротив, всегда имела в пределах собственной Македонии искусственный характер.

После этих предварительных замечаний понятно будет значение статистики православного населения Македонии по принадлежности его к «экзархии», или к «патриархии». «Экзархисты» — это македонские болгары; «патриархисты» — это сербоманы на севере, грекоманы и греки на юге. Статистика, обыкновенно, ведется по «домам». Численность населения и получается умножением цифры домов на среднюю цифру обитаемости каждого дома. При этой последней операции возможны националистические увлечения. Считая населенность дома той или другой национальности более или менее численной, можно получить, по желанию, большую или меньшую общую цифру населения данной национальности в Македонии.

Ниже я привожу статистику населения и в оккупированных частях Македонии, свободную от этих полемических уловок. В основу положены последние данные болгарской экзархии, проверенные на месте македоно-болгарским журналистом, который в качестве четника принимал участие в освободительной борьбе на южной границе Македонии, вместе с греческими войсками. Данные эти не предназначались для печати, и я лично уверен, что они близки к действительности. Сравнение этих цифр с другими данными убеждает меня, что цифры болгарского населения здесь, во всяком случае, не преувеличены.

Итак, по наиболее вероятным данным, на территории Македонии, занятой сербскими войсками, живут:

Казы	Болгары-экзархисты	Сербоманы
Кичевская	20 000	9000
Дебрская	15 438	200
Прилепская	49 286	6500
Радовишская	10 920	—
Кратовская	19 385	900
Кумановская	30 656	8680
Тетовская и Гостиварская	39 897	11 504
Велешская	35 734	3332
Скопская	33 569	5864
Тиквешская	26 575	—
Охридская	41 632	1198
Битольская	82 811	584
Леринская (часть)	17 213	—
Реканская	16 200	—
Гевгелийская (часть)	12 016	352
Паланкская	23 680	1120
	467 012	49 224

На территории Македонии, занятой греческими войсками, живут:

Казы	Болгары-экзархисты	Грекоманы и греки
Леринская	20 000	1000
Кайлярская	9040	5040
Костурская	45 112	20 000
Воденская	20 385	6790
Гевгелийская (часть)	8645	5952
Енидже-Вардарская	20 080	10 416
	123 262	49 198

После этих предварительных указаний мы можем перейти теперь к основному вопросу, нас занимающему: об оккупационном режиме в Македонии как об основной и ближайшей причине трений между союзниками.

П. Милуков

44

«Новое время». 10 апреля 1913 г. Сербы и болгары

Наиболее характерною телеграммою является сегодня та, которая касается бюджетных прений в сербской скупщине. Националист Пелькович высказался за сохранение на текущий 1913 год бюджета предшествующих двенадцати месяцев (т.е. форсированных военных ассигнований); по его мнению, «внешняя политика в таком неопределенном положении, что скорее можно ожидать войны с Болгарией, чем прочного союза». Если прибавить к этому распространившиеся слухи о военных приготовлениях греков вокруг Салоник (уже воздвигаются укрепления для защиты этого города от болгар), то мы получим весьма неутешительную картину. Посягательства, защита от посягательств, война, укрепления: куда еще дальше идти?

Заявление Пельковича несколько нас не удивило. Тот, кто внимательно читал за последнее время сербские газеты, не мог не заметить, что некоторые сербские общественные круги уже давно и настойчиво учитывают возможность вооруженного столкновения со вчерашним союзником. Расчет при этом ведется таким образом: греки имеют претензии к болгарам; если сербы и греки соединятся вместе, то они оттеснят Болгарию от Охридского озера и с легкостью разберут на двоих те территории, которые, согласно основному договору, пришлось бы распределять между тремя победителями.

Вторая сербо-болгарская война¹ была бы омерзительным явлением, о ко-

¹ Первой сербо-болгарской войной была война 1885 г., закончившаяся поражением Сербии.

тором не хочется даже и говорить. Но раз слово это произнесено, общественному мнению приходится высказать свое суждение. Дело представляется нам в таком виде.

С одной стороны, мы не имеем никакой серьезной веры в длительность и прочность того сербо-греческого соглашения, которое явится основой указанной выше войны и в существование которой мы не верим. Если Сербия начнет борьбу с болгарами, то, очевидно, она решится на такой шаг во имя какого-нибудь колоссального, безусловно жизненного государственного интереса. В чем этот интерес может заключаться? Только в одном: в праве беспрепятственного выхода на море. Очевидно, что из-за приобретения Велеса, Охриды или даже самого Монастыря губить такое большое и богатое будущее дело, как Балканский союз, не стоит. Указанные три пункта представляют собой захолустные турецкие города, от приобретения или неприобретения которых судьба Сербии *коренным образом* измениться не может. Другое дело — море. Подобно тому как Швейцария, получившая Геную, начнет в своих анналах новую историческую эпоху, — так точно и Сербия, вышедшая на Эгейское море, действительно, будет иметь право сказать, что она воевала не даром. Резюмируя в двух словах, мы скажем: для Сербии есть расчет рискнуть войной из-за Салоник; нет расчета — из-за Монастыря. А раз мы признаем правильным такой тезис, мы принуждены будем сделать и логический вывод: греко-сербский союз не может быть прочным, так как греки не могут удовлетворить того основного сербского требования, из-за которого начнется сербо-болгарская война *с болгарами*. Достаточно бросить взгляд на карту. Греки в настоящее время спорят из-за Салоник; спорят с болгарами. Можно ли разумным образом предположить, что после второй войны, победив не только турок, но еще и болгар, греки добровольно уменьшат свои требования и уступят *сербам* те Салоники, которых они в настоящее время не отдают болгарам? Греки еще претендуют и на Халкедонский полуостров. Следовательно, ближайший пункт, в котором сербы могли бы серьезным образом рассчитывать на устройство собственного порта (дело ведь идет именно об устройстве *собственного* порта) является Кавала, т. е. побережье против острова Тазоса. Всякий, кто сколько-нибудь знает орографию¹ Македонии, понимает, что устроить сербскую гавань на Кавале — теоретически возможно; но охранять от постоянной фланговой угрозы болгар — практически немыслимо.

В конечном результате мы получаем тот вывод, что сербо-греческий союзный договор, с точки зрения единственно важного сербского интереса, основывался бы не на солидарности, а на противоречии, так как оба союзника претендовали бы на Салоники. С точки зрения же греков, этот договор

¹ Орография — раздел физической географии, занимающийся описанием и классификацией форм рельефа земной поверхности по их внешним признакам и взаимному расположению вне зависимости от происхождения.

являлся бы висящим в воздухе и ровно ни на чем реально не основанным: ибо в тот день, когда болгары согласятся отдать Салоники грекам, королю Константину абсолютно не из-за чего будет воевать. Разве что из-за Монастыря? Но тогда опять-таки это надо будет делать не в союзе с сербами.

Сербо-греческий союз будет величиной в значительной степени фиктивной. Между тем, с другой стороны, этот союз обречет сербов на такие опасности, не видеть которых было бы совершенно не смешно. В последнее время очень настойчиво ходят слухи об авансах, делаемых болгарам Австрией. Австрийские дипломаты будут маленькими детьми, если они двумя руками не ухватятся за всякое предложение, исходящее из Софии. Они ведь в этом случае будут убивать двух зайцев. С одной стороны, они обозначат себе этим путем окончательную ликвидацию сербского государства: сербы могут бороться с могущественной Габсбургской монархией до того момента, пока болгары обеспечивают им тыл; в тот день, когда устроен будет политический союз между Веной и Софией, Белград вычеркнут будет из списка живущих. С другой стороны, входя в соглашение с болгарями, австрийцы косвенным образом подготовят гибель и софийского правительства, этого постоянного оплота славян на Балканах. Ибо Австрия, поглотившая значительную часть Сербии и подошедшая вплотную к болгарской границе, представит собой такой центр притяжения, который в десять лет погубит болгарскую самостоятельность. Итак, можно считать безусловно вероятным, что австрийцы заплатят какой угодно ценой, лишь бы им позволили ответить на греко-сербское соглашение австро-болгарским союзом. Этого ли хотят в Белграде?

Все сказанное, конечно, должно быть разумеемо как ряд почти нереальных гипотез. В основе нашего рассуждения все-таки лежит мысль, высказанная выше: вооруженное столкновение сербов с болгарями представляется нам такой политической мерзостью, о которой не хочется даже и говорить. И это приводит нас к окончательному выводу. Сегодняшняя телеграмма из Белграда излагает сербскую точку зрения. Сербь считают себя обиженными. Они, по-видимому, больше уже не настаивают на своем «праве» получить большее количество территорий; они не стоят на точке зрения о возможности не исполнять постановления союзного сербо-болгарского договора. Они начинают подходить к делу иначе. Они ищут компромисса, такого среднего решения, которое давало бы Сербии некоторую компенсацию за завоевания, сделанные болгарями в Фракии.

Мы думаем, что такая постановка вопроса является выгодной для сербов. До тех пор, пока они резким образом будут заявлять о своем намерении не исполнять свободно принятого на себя международного обязательства; до тех пор, в особенности, пока они будут грозить при этом братоубийственной войной, до тех пор они будут отчуждать от себя общественное мнение не только России, но и других расположенных к славянам западных государств. Такими путями вызвать к себе симпатию нельзя. А между тем сербы

всячески заслуживают симпатии. Ибо отнятием Адриатического побережья Европа их, конечно, обидела.

При таких условиях перед г. Пашичем становится большая дипломатическая проблема: какими иными способами — не теми, которые рекомендует Пелькович — гарантировать Сербии поддержку нейтральных держав?

45

«Речь». 10 апреля 1913 г. Сербо-болгарская распря

Сербские войска пришли в Македонию с тем добросовестным заблуждением, в котором сербская молодежь воспитывалась в течение двух поколений. Македония, наследие царя Душана, собственно, есть сербская провинция. В ней есть, правда, болгарские агитаторы, учителя и священники, которые, теми или другими средствами, внушили населению убеждение, что оно болгарское. Но, в действительности, народ в Македонии сербский, и язык, на котором он говорит, сербский, и исторические воспоминания, нравы и обычаи — все это сербское. Нужно, следовательно, лишь прекратить болгарскую пропаганду, выслать агитаторов, закрыть школы, передать церкви сербским священникам, а народ в короткое время сам убедится, что он сербский, а не болгарский.

Едва ли это добросовестное заблуждение уцелело в полной неприкосновенности у всех тех сербов, которые теперь на месте познакомились с Македонией действительной, а не воображаемой, не с Македонией «святосавского братства»¹, а с подлинным народом, который и говорил по-своему, а не по-сербски, и упорствовал в признании себя болгарам и оказал более или менее решительное сопротивление попыткам перерядить его без дальних рассуждений в сербское обличье. Немногие специалисты — ученые, конечно, знали, что встретят сербские войска в Македонии, и были готовы к этому приему. Но рядовой серб, ожидавший — сообразно тому, чему его учили, — что македонец сразу встретит и признает его, как своего родного брата, был, несомненно, удивлен и разочарован. Отголоски этого разочарования мне пришлось слышать не раз, проезжая в январе через Македонию. Как бы то ни было, руководящие сербские сферы не разделяли ни прежнего наивного очарования, ни теперешнего наивного разочарования. Какова бы ни была Македония, их цель была — *сделать* ее сербской. Исполнители

¹ Общество Святого Саввы — сербская организация, занимавшаяся пропагандой сербской идентичности среди населения Македонии и Старой Сербии, в первую очередь посредством организации школ.

на месте стремились сделать это в кратчайший срок и всеми доступными им средствами. И объект воздействия, мирное македонское население, готовое первоначально приписывать все недоразумения случайным поступкам низших властей, должно было мало-помалу убедиться, что за отдельными произвольными действиями стоит целая система, заранее обдуманная и даже формулированная в инструкциях, которые оставалось лишь исполнять подчиненным властям.

Первые шаги на пути к ассимиляции македонского населения напрашивались сами собой. Естественными проводниками сербского влияния в оккупированных областях явились те отдельные лица, которые и в прежнее время, при турецком режиме, занимались на местах сербской пропагандой. Это были далеко не лучшие элементы, и население, в большинстве своем болгарское, относилось к ним с открытой ненавистью, как к турецким доносчикам и шпионам. В свою очередь и руководители сербоманской пропаганды не имели оснований относиться дружелюбно к вождям болгарского национального движения. Теперь, при поддержке оккупационных войск, сербоманы были выдвинуты вперед, заняли видные административные посты и принялись энергично утилизировать свою власть для такого рода деятельности, в которой трудно было бы провести границу между защитой национального дела и сведением личных счетов. Население, во всяком случае, должно было сразу понять, что ему предстоит, как только наиболее уважаемые им лица были систематически отстранены, и на первые места, как представители населения и посредники в сношениях с ним, были выдвинуты темные в его глазах личности. Ряд жалоб по этому поводу несется из всех концов Македонии. В Охриде роль народного вождя-освободителя принадлежала воеводе Чаулеву, который 12 лет «бескорыстно подвизался» в Охридском округе и сыграл большую роль при переходе города из турецкого в сербское управление. При вступлении в город Чаулеву была устроена населением шумная овация: его торжественно, на руках отнесли в митрополичий дом. Через три дня Чаулев был арестован сербскими военными властями «по подстрекательству неких сербоманов», и только по усиленному ходатайству освобожден и сделан начальником жандармерии. Во главе гражданского управления были поставлены прежний сербский училищный инспектор и учитель. В Битоле (Монастыре) приближены были к власти сербские учителя, не пользовавшиеся никаким доверием и уважением населения, и два агента турецкой полиции, по указанию которых производились аресты местных болгарских патриотов-революционеров (для краткости, я не называю имен, которые всем известны на месте). В Скопье и его окрестностях также сводились счета со старыми революционными деятелями и влиятельными противниками сербской пропаганды, принужденными бежать, чтобы не попасть в тюрьму. Не привожу ряда других подобных же случаев.

Вслед за воеводами и четниками-комитаджиями, более или менее открыто замешанными в революционной деятельности против Турции,

наступила очередь более осторожных, но, с точки зрения сербской ассимиляции, еще более опасных элементов, — учителей. Болгарские училища, точно по команде, были повсюду в районе оккупации закрыты под тем предлогом, что помещения их нужны для военных надобностей. В Охриде позабыли сделать это сразу, и училища по распоряжению митрополии были открыты через десять дней после оккупации. Но тотчас же новые сербоманские власти заметили ошибку, и часть солдат, уже расквартированных по другим местам, была переведена в помещения училищ. В Гостиваре новый начальник околии велел болгарским учителям уходить, потому что «вперед болгарских училищ не будет». Помещения училищ во многих местах обращены были в кметства¹. Еще откровеннее поступил комендант Ресенского гарнизона. Созвав всех городских и сельских учителей, он объявил им, что эти местности переходят к сербам и что они должны стать сербскими учителями, а кто не хочет стать сербом, пусть убирается. Училища, прибавил комендант, будут отворены тогда, когда получено будет распоряжение от сербского министерства народного просвещения. От учителей г. Дебра власти потребовали подачи прошений; что они будут преподавать по-сербски. С теми, кто откажется от этого, грозили поступить как с бунтовщиками и принудить их исполнять бесплатно жандармскую службу. В селе Вехчани географические карты и архив училища были уничтожены, как болгарские. Церковно-училищное настоятельство села получило приказание заменить болгарские карты сербскими и вести преподавание на сербском языке. Конечно, факты, здесь сгруппированные, далеко не исчерпывают всего материала этого рода.

Еще более серьезное внимание было обращено на церкви и на священников, с которыми расправиться было труднее, чем с учителями. Экзархистская церковь представлялась, конечно, главным и самым сильным орудием распространения и укрепления болгаризма. Поэтому, прежде всего, новые власти приняли меры, чтобы пресечь всякие связи между пастырями и паствой. Околийский управитель в городе Ресне назначил сельскими кметами (старостами) одних сербоманов, а где их не было — грекоманов и влахов (румын). Всем этим кметам было приказано «не пускать в села никаких владык, попов, ревизоров, учителей и комитов (четников-революционеров), а в случае появления таковых — вязать их и приводить к нему». Это распоряжение, несомненно, сделано было и выполнялось и в других частях Македонии. Здания митрополий в городах были форменно блокированы и окружены шпионами. В Велесе околийский начальник прямо запретил митрополиту сноситься с селами, а с священниками позволил видаться только в церкви, запретив всякие собрания и заседания при митрополии. Так как митрополит игнорировал намеки на то, что лучше бы было ему самому уехать в Болгарию, то в конце концов в митрополию явились солдаты с офицером; последний избил собственноручно

¹ Кметство — администрация поселения.

секретаря митрополита и занял все помещение под военную квартиру. В Дебре у болгар был отнят кафедральный собор, и городских священников принудили дать письменное обещание, что они не будут посещать дома своих прихожан и даже в своих домах не будут совершать никаких христианских треб. Не довольствуясь этим, их через несколько дней просто выгнали из квартир, взявши последние под военный постой. В конце концов, и сам дебровский митрополит Козьма был силой выселен из митрополии и из города. Зачем все это делалось, очень хорошо объяснил велешский епископ Неофит, отвечая на нападки околийского начальника. «Вы, в качестве околийского начальника, знаете, что делают в селах сербские священники и учителя. В сопровождении солдат, они являются в болгарские села и заставляют население записываться в списки сербской нации, прогнать своего болгарского священника и просить о назначении сербского. Тех, кто отказывается объявить себя сербом, бьют и истязают. Болгарского священника не допускают совершать религиозных треб. В соседнем селе Башино четыре-пять свадеб стоят не венчаны, потому что священника напугали, что если он посмеет венчать, то будет убит. В этом селе велено было священнодействовать сербскому священнику. А вы сами знаете, что оно состоит из 300 домов, из которых только 25 сербоманских. Можно ли заставлять болгар насилем переменить народность?».

Действительно, из ряда прямых показаний мы видим, что Неофит был прав и что нарисованная им картина с буквальной точностью повторяется и в других местах, занятых сербами. Особенно энергично проводилось с начала оккупации требование, чтобы в церквях поминалось имя сербского короля и белградского (или местного сербского) митрополита. Обыкновенно, болгарские митрополиты отвергали это требование, как антиканоническое. Отсюда новый ряд столкновений, кончавшихся зачастую изгнанием священников и митрополитов. Были случаи, когда крестьян сажали в тюрьму за то, что, вопреки запрещению, они продолжали принимать болгарского священника (с. Церово).

Такова система. Но в отдельных случаях ее применения местные власти шли еще дальше в своем гонении на все болгарское. Не буду говорить уже о случаях обязательного превращения болгарских фамилий на «ов» в сербские фамилии на «ич». Гонение распространялось не только на болгарское знамя, но и на вывески, на торговые фирмы, наконец, даже на болгарскую монету. Сербский капитан в Охриде возвращает с ругательством данную ему содержанием кофейной монету в 50 стотинков (сантимов) и заявляет, что этими деньгами можно только украшать собак. В Куманове доктор отказывается лечить раненого мальчика, если он не станет сербом, потому что «только сербов лечат бесплатно».

Беглые из турецких войск македонцы, называющие себя болгарами, высылаются вместо родных македонских городов в Болгарию, потому что «тут нет болгар».

В Скопье запрещается продажа болгарских газет, хотя свободно продаются греческие. Кумановский гражданин Йордан Саздов осужден в тюрьму

на месяц за то, что публично заявил, что он болгарин. Попал в тюрьму и торговец из Велеса за то, что продавал болгарские картины. Болгарские торговцы с фамилией на «ов» встречаются всяческие затруднения в торговле и подвергаются усиленным штрафам «за неисполнение распоряжений властей». Не говорю про более трагические случаи, как известный случай с учителем Лютвиевым в Прилепе, поплатившимся жизнью за тост в честь союзных войск и болгарского царя, произнесенный в собрании сербских военных.

В одном из донесений, которыми я пользуюсь, автор высказывает «твердое убеждение, что эти взгляды наших освободителей суть плод личных настроений и что они вытекают из личных взглядов людей, стоящих далеко от тех, которые руководят судьбами союзных держав». Я от всей души хотел бы присоединиться к этому мнению и мог бы привести даже в пользу его некоторые собственные наблюдения. Во время моего пребывания в Сербии, в январе, я видел кое-кого из «тех, которые руководят судьбами союзных держав». Я встретил среди них, как мне казалось, по крайней мере, ясное понимание той опасности, которою грозит самому существованию Балканского союза только что изображенная мной система насильственного посербления Македонии. Мне даже стал известен очень интересный обмен телеграмм между председателем совета министров Пашичем и «верховой командой» в Скопье, из которого видно, что Пашич старался сдержать чрезмерное рвение местных властей. 4 января он получил запрос от генерала Мишича: что делать с велешским епископом Неофитом, который не хочет на ектении поминать одно только имя краля Петра, а поминает «царя Фердинанда, затем русского царя, затем греческого короля, а потом уже сербского и черногорского королей». Тот же Неофит на молебствии поминал победоносные союзные войска в таком порядке: «болгарское, греческое, а затем сербское и черногорское». На вопрос, почему он так поступает, епископ ответил: «так поминают союзных королей в остальных болгарских церквях, и мы будем так делать, пока от экзарха не получим другого распоряжения». Кроме того, дикирии и трикирии обвивались «по традиции» лентой трех цветов — белой, красной и зеленой. Это были те же цвета, как на болгарском знамени, и Неофит отказывался отменить этот обычай. Наконец, Мишич обвиняет велешского владыку в том, что тот продолжает принимать жалобы от отдельных экзархистов и ведет о них деловую переписку за номерами с сербскими властями. Вот ответ Пашича от того же 4 января: «Нужно держаться моих прежних распоряжений, и по отношению к епископу Неофиту в Велесе наши власти должны держать себя так же, как по отношению к нашему митрополиту в Скопье. В этом смысле пусть верховная команда прикажет всем властям, чтобы они были осмотрительны и внимательны (“обазриве и пажливе”) по отношению к экзархистам. Если же появились бы случаи более серьезной политической агитации, нужно сообщить вам факты и без моего ведома и одобрения местные власти не должны ничего предпринимать».

Нельзя не отметить с особенным удовольствием и с полным одобрением этой безусловно корректной и правильной директивы, данной наиболее ответственным за судьбу союза лицом. Но в то же время нельзя и не заметить, что, во-первых, приведенная переписка подтверждает то, что выше говорилось о политике местных сербских властей в Македонии, а во-вторых, директива Пашича, по-видимому, осталась без выполнения. По крайней мере, мне трудно думать, что «с ведома и одобрения» Пашича были совершены над этим самым митрополитом велешским 24 января и 4 февраля те насилия, о которых я упомянул выше и которые заставили Неофита выехать из Македонии, подобно другим своим коллегам. Комендантское управление прямо потребовало его удаления, как «нелегального лица», обыскало митрополию, конфисковало архив, арестовало служащих и, наконец, отняло самое помещение митрополии под офицерские квартиры. «Тут нет болгарской митрополии; здесь сербское царство, а ты пришел бунтовать граждан», — кричал на митрополита сербский офицер, выгнавший его из его жилища. Справедливо ответил болгарский митрополит по другому поводу, что *так* не обращались с духовными лицами, тем более с архиереями, даже и турки.

Нужно вообще сказать, что Пашичу приходится вести тяжелую борьбу с общественным настроением в Сербии при проведении своей разумной и осторожной политики. Я уже говорил, что он является одним из авторов договора 29 февраля, которого сербы решительно не хотят признавать — не хотят и не только теперь, после взятия Адрианополя, но не хотели и раньше. Сербские офицеры говорили мне в Белграде еще в январе, что они не отдадут болгарам Битоля, за который они пролили кровь. Более ответственные политики *тогда* говорили мне только о прирезке, сверх условленной черты, Прилепа и Велеса, причем представляли себе эту прирезку как *добровольную* уступку болгар для крепости будущего союза и в *залог* будущей общей политики. Однако в моих руках имеется документ, исходящий, несомненно, от сербского же правительства и распространявшийся сербскими должностными лицами еще в середине сентября прошлого года. Это — «мемуар», врученный великим державам сербским правительством. Здесь, *до* войны, хотя и *после* заключения формального договора, рядом с требованием реформ для «Старой Сербии», границы этой «Старой Сербии» определяются следующим образом. «Эта страна обнимает в настоящее время весь Косовский вилайет, включая прежний Новобазарский санджак, севера-западную часть Скутарийского вилайета с Адриатическим побережьем (Дураццо, Леш, Санджованни-ди-Медуа и т.д.), северную и восточную часть Монастырского вилайета (Дримкол, Дебр, Пореч, Прилеп). Географические границы его будут следующие: исходя из точки схождения сербо-болгаро-турецкой границы по водоразделу между притоками р. Злетовской и Брегалници и по течению Брегалници от впадения Злетовской до Вардара. Отсюда граница пройдет по Бабуне, так что Прилеп, Кричево и Охрид войдут в Старую

Сербию. Когда я спросил одно из лиц, распространявших мемуар, как могло случиться, что здесь определены официально границы, противоречащие условиям формального договора, я не получил удовлетворительного ответа, если не считать таковым видимое смущение моего собеседника.

Теперь, однако, требования «мемуара» покажутся верхом умеренности сравнительно с тем, на что сербы заявляют претензии в настоящее время. С месяц тому назад они предложили болгарам отдать им все то, что в настоящее время занято сербскими войсками (т.е. всю Македонию на запад от Вардара, присоединяя к ней и восточный берег Вардара до водораздела). Требование это освещает мрачным светом все то, что мы говорили о политике «местных властей» в оккупированных областях. Очевидно, умеренность и благоразумие, которые руководили сербской политикой еще в начале этого года, окончательно готовы уступить перед напором общественного мнения, которое в Сербии, как я имел случай изобразить в письме из Белграда, склонно принимать характер стихийного порыва.

К разбору аргументов, приводимых сербами, я еще возвращусь в дальнейшем. Теперь же нам остается ознакомиться с той политикой, которую вели греки в оккупированной ими южной зоне Македонии.

П. Милюков

46

«Русское слово». 10 апреля 1913 г. **Болгарские русофобы** *(От нашего софийского корреспондента)*

Болгарские националисты — да и не только националисты! — не могут примириться с необходимостью отказаться от Родосто, и так как главной, если не единственной, виновницей этого разочарования является в их глазах русская дипломатия, то на нее, естественно, и обрушивается их патриотическое негодование.

Русскую дипломатию обвиняют в близоруком эгоизме, в болезненной подозрительности, в затаенной враждебности, чуть ли не в завистливости по отношению к Болгарии и ее успехам. Все чаще и все откровеннее в пику ей восхищаются здравым смыслом и политической устойчивостью Тройственного союза, в частности — Австро-Венгрии, которая «охотно помогла бы Болгарии выйти к Мраморному морю и завладеть всеми болгарскими землями в Македонии, потому что правильно учитывает народившуюся новую силу на Балканском полуострове и ждет только первого шага, чтобы завязать с нею прочную, обоюдно выгодную дружбу»...

При наличности такого настроения едва ли можно удивляться тому, что последнее русское правительственное сообщение не произвело здесь впечатления, на которое было рассчитано. Оно почти никого не убедило в целесообразности и правоте русской политики на Балканах. На националистов же оно подействовало, как красный лоскут на андалусского быка. Они лишь еще больше ожесточились, и русофобская кампания вспыхнула с еще большей энергией, чем прежде. Они не только упрекают русскую дипломатию, но и открыто советуют правительству не слушаться ее предупреждений и, отвергнув европейское посредничество, надеясь только на свои собственные силы, довести начатое дело до желанного конца: прорваться через чаталджинские линии, вступить в Царьград и там продиктовать Турции свои собственные условия мира.

Официозная печать, конечно, не могла оставить без протеста такое отношение своих «сверхпатриотов» к «великой освободительнице».

И «Мир», и «Болгария» выступили против него с рядом статей, более или менее убедительно оправдывавших русскую дипломатию.

«Болгария» пошла даже дальше. Комментируя русское правительственное сообщение, она предлагала недовольным понять, наконец, «что великая Россия имеет свои национальные и государственные интересы», которыми, конечно, не может и не должна жертвовать «ради наших второстепенных интересов», и самоотверженно доказывала, что, «работая над своим национальным и государственным развитием, Россия в гораздо большей степени работает для славянства, чем работаем для него мы, маленькие славянские государства, когда заботимся о своем усилении»...

Но эти призывы официозной печати — увы! — не оказывают сколько-нибудь заметного воздействия на «общественное мнение». Оно продолжает оставаться недоверчивым и, пожалуй, даже враждебным по отношению к официальной России. А о чисто националистической печати и говорить нечего. Для нее «все эти вопросы» давно и окончательно решены. «Если Россия, — говорят националисты, — не имеет специальных обязанностей по отношению к своим младшим славянским братьям и может преследовать свои национально-государственные цели, не считаясь с нашими интересами, то, очевидно, и мы не обязаны выделять ее из ряда других европейских держав, и в наших отношениях к ней, как и ко всякой другой державе, решающими моментами должны быть расчет и выгода, а не признательность и братское чувство»...

Так говорят националисты теперь, когда еще никто не знает в точности, как разрешила Петербургская конференция вопрос о Силистрии. Можно себе представить, каким языком заговорят они тогда, когда узнают, что Силистрию решено уступить Румынии!..

И. Калина

«Русское слово». 10 апреля 1913 г. Этнография Балкан

Раздел завоеванных турецких земель между государствами Балканского союза в настоящее время выступает на первый план политической сцены. К сожалению, союзные правительства заботятся, прежде всего, о том, чтобы заполучить на свою долю как можно большую территорию, а не о справедливом разграничении, основанном на естественных условиях страны и на этнографическом составе ее населения. Между тем выше всего должны стоять именно интересы местного населения бывших европейских провинций Турции. Война велась союзниками ради освобождения турецких христиан, а не для расширения своих пределов. Поэтому в настоящее время особенно уместно напомнить об этнографии Европейской Турции и о границах отдельных национальностей на Балканах. Новейшую и лучшую сводку всех имеющихся по этнографии Балканского полуострова данных представляет последняя работа белградского профессора Цвижича, только что появившаяся в известном журнале «*Petermann's Geographische Mitteilungen*». Труд проф[ессора] Цвижича отличается высоким научным беспристрастием и основан преимущественно на болгарских источниках (в том числе на этнографических картах болгарского военного министерства), а по отношению к Албании и Западной Македонии — на немецких данных (особенно известного знатока Ближнего Востока Киперта¹) и на трудах русских ученых (между прочим, покойного консула Ростковского²). Предлагаемая этнографическая карта бывшей Европейской Турции составлена по карте проф[ессора] Цвижича, который, кстати сказать, лично объехал и изучил большую часть Македонии и Старой Сербии³.

Наиболее важный результат исследований белградского профессора ярко бросается в глаза. Болгария, претендующая на львиную долю добычи, получает новые территории, среди населения которых болгары представляют меньшинство. Этот вывод тем поучительнее, что он опирается на болгарские же источники (труды Кнычева⁴, Карайовова⁵ и карту болгарского военного министерства). К востоку от линии Кюстендиль — Салоники, в средней и восточной Македонии и Фракии, болгары населяют сплошными массами только

¹ Ethnographische Übersicht des europäischen Orients / zusammengestellt von H. Kiepert, Berlin, im Mai 1876.

² Ростковский А. Распределение жителей Солунского вилайета по народностям и вероисповеданиям в 1899 году // Живая старина. 1900. № 3.

³ Воспроизводится в данной книге. См. вклейку с иллюстрациями.

⁴ Видимо, имеется в виду в первую очередь книга: Кънчов В. Македония. Етнография и статистика. София, 1900.

⁵ Видимо, имеются в виду произведения Т. Карайовова «Материали за изучаване Одринския вилайет» (София, 1903) и др.

верхние долины р[ек] Струмы, Месты (Карасу) и Арды и местность между Адрианополем и хребтом Истран-джа-даг; у г[орода] Тырнова (к северо-востоку от Киркилисе) этот пояс болгарских деревень переходит на восточный склон Истранджи и тянется почти до Черного моря. Однако и среди этого сплошного моря болгарского населения встречаются 8 довольно значительных островов турецкого населения и два острова греческих деревень. Кроме того, следует иметь в виду, что левый берег Месты и верховья Арды заняты помаками, которые хотя и говорят болгарскими наречиями, исповедуют ислам и чувствуют себя гораздо ближе к туркам, чем к болгарам. В Южной Македонии и во Фракии к югу от Адрианополя болгарские округа встречаются только в виде отдельных островов, рассеянных среди масс турецкого и греческого населения. Побережье Эгейского, Мраморного и Черного морей заселено почти сплошь греками; широкий пояс греческих деревень поднимается к северу до Адрианополя и тянется по правому берегу р[еки] Эргене. Чистокровные османы занимают промежуточную полосу между болгарами на севере и греками на юге. Наибольшей ширины этот извилистый пояс турецких деревень достигает на меридиане Родосто, где турецкое население доходит на юге до Мраморного моря, а на севере — до самой болгарской границы.

Таким образом, если бы новые границы Болгарии совпадали с этнографическими границами болгарской национальности, южная граница владений юного царства должна была бы направляться от г[орода] Сереса на Драм (оставляя эти оба города вне пределов Болгарии) и затем к Родопским горам; от Родопского массива граница должна была бы поворачивать на север, соединяясь с прежней болгаро-турецкой границей у хребта Кара-Балканы. Во Фракии болгары по этнографическим основаниям могли бы претендовать в лучшем случае на границу по р[еке] Арде до Адрианополя и далее на Киркилисе, Бунар-Гисар, Самаков и мыс св[ятого] Иоанна на Черном море. В общем выводе этнографическая область болгарского племени в Македонии и Фракии не превышает 22 000 квадратных километров, с населением в 750 тысяч человек. Между тем вся Македония (кроме полосы к западу от линии Кюстендиль—Салоники) и Фракия, за исключением побережья Мраморного моря, переходят к Болгарии, территория которой увеличивается по крайней мере на 50 000 квадратных километров, а население — на 1 700 000 жителей. Под властью царя Фердинанда очутятся здесь 600 000 болгар, 700 000 турок и 400 000 греков. Положим, из Фракии за время войны бежало до 150 000 мусульман, но все же турок и греков в новых владениях царя Фердинанда останется в полтора раза больше, чем болгар. Болгария получает доступ к Эгейскому морю с такими портами, как Дедеагач и Кавала, этнографически бесспорно входящими в сферу греческого влияния.

Наиболее трудным представляется вопрос о будущем Западной Македонии, которой суждено было стать яблоком раздора между Болгарией и Сербией. По мнению болгарских ученых, славянское население Западной Македонии — чистокровные болгары. Сербы же объявляют всю Македонию на запад

от р[еки] Вардара сербской страной. В действительности македонские славяне представляются переходным звеном между сербами и болгарами. Язык этих славян ближе, пожалуй, к болгарскому, чем к сербскому. Однако названия рек и гор сохранились преимущественно сербские. Энергичная болгарская пропаганда с 80-х годов прошлого столетия привела к тому, что здесь преобладают болгарские школы и экзархистские церкви. Но зато в северной половине этой области уцелели такие чисто сербские обычаи, как празднование «славы»¹ и побратимство; местами встречается и сербская задруга². Западная Македония по Сан-Стефанскому договору отходила к Болгарии, которая имеет своего рода исторический приоритет на эту провинцию, в XII веке составлявшую особое болгарское царство (со столицей в Охриде); сербское влияние утвердилось здесь ненадолго в XIV веке, во времена Стефана Душана. Болгары слишком далеко выдвигают на север границы Западной Македонии, захватывая местности с несомненно сербским населением, как Прилеп, Ускюб и Эгри-Паланка. Южная граница сербского языка идет от Охридского озера южнее Крушева и Прилепа на Кепрюлю (Велес), а оттуда направляется почти по прямой линии к границе Болгарии у г[орода] Руэн (против Кюстендиля). Следует отметить, что в пределах Западной Македонии имеется два больших острова турецкого населения — по левому берегу р[еки] Вардара и по левому берегу р[еки] Вистрицы (между гор[одом] Кожаны и Кайларом).

Северная граница сплошных масс греческого населения в Фессалии проходит по р[еке] Вистрице, а западнее г[орода] Кожаны уклоняется к северу верст на 30. От истоков р[еки] Деволь (в 20-ти верстах южнее озера Преспа) этнографическая граница греческого племени идет в юго-западном направлении к устью р[еки] Кайамос (против острова Корфу). Внутри этой границы находится большой остров куцовлахов, населяющих ущелья хребтов Граммоса и Пинда: часть территории куцовлахов еще в 1881 году отошла к Греции. По всему побережью Ионического моря от устья р[еки] Гликиса (древнего Ахерона) до Акрокераунских гор греческое население сильно смешано с албанским племенем тосков, исповедующим обычно православную веру и в значительной степени эллинизовавшимся. Границы области, занятой теперь греческими войсками, идут несколько дальше на север и верст на 20–25 вторгаются в местности с чисто албанским населением, каковы город Корица и область племени «дангли». В свою очередь Австрия и особенно Италия стремятся оторвать от Греции не только чисто албанские округа, но и все местности, в которых греческое население живет вперемешку с албанцами, особенно береговую полосу Ионического моря против острова Корфу и город Аргирокастрон (Эргери). Если старания итальянской дипломатии увенчаются успехом, территория Албании будет оканчиваться на юге узким клином, тянущимся вдоль берега моря.

¹ Народный обычай празднования дня святого-покровителя семьи.

² Форма родовой общины.

Восточная граница Албании проектирована Лондонской конференцией так, что к северу от Дибры оба берега Дрина со смешанным сербско-албанским населением включаются в состав Албании. На севере почему-то к Албании должна отойти местность между городом Дьяковым и р[екой] Дрином, сплошь населенная сербами-мусульманами. К Албании отходит и восточный берег Скутарийского озера, верст на 20 к северу от гор[ода] Скутари, сплошь заселенный православными сербами. Вообще в северной окраине будущей Албании должны остаться свыше 80-ти тысяч сербского населения. В свою очередь, более полутора ста тысяч албанцев, вкрапленных островами среди славянского населения Старой Сербии, должны стать подданными короля Петра. Однако со времени балканской войны десятки тысяч албанцев бежали в горы за р[еку] Дрин, и их место заняли сербы, эмигрировавшие из Старой Сербии в пределы королевства после войны 1876–77 годов. Этот процесс обмена населения должен пойти еще более быстрыми шагами после образования независимой Албании.

В. Михайловский

48

«Русские ведомости». 18 апреля 1913 г. Этнография и македонский вопрос

Статья г. Петко Тодорова¹, посвященная вопросу о разделе спорных областей в Македонии между Болгарией и Сербией, затрагивает очень сложные темы. Автор апеллирует к русскому общественному мнению и в качестве единственно справедливого принципа такого раздела выдвигает принцип этнографический: местности с болгарским населением должны достаться Болгарии, местности с сербским населением должны отойти к Сербии. По существу этот принцип, конечно, безусловно справедлив, но практическое его применение наталкивается на непреодолимые трудности, так как сербские и болгарские ученые и политические деятели совершенно по-разному определяют национальный состав славянского населения Македонии, совершенно по-разному проводят этнографическую границу между сербами и болгарами. Одних и тех же македонцев болгарские ученые считают самыми настоящими болгарами, сербские ученые — столь же самыми подлинными сербами. И привести тут обе стороны к какому-либо соглашению представляет задачу более чем трудную.

Ограничимся одним примером. Для г. Тодорова спор возможен лишь об относительно узкой полосе между Шар-Планиной на севере и станцией

¹ Тодоров П. Сербско-болгарская распря (Письмо в редакцию) // Русские ведомости. 1913. 18 апреля. В данной книге не воспроизводится.

Зелениково (чуть-чуть южнее Ускюба) на юге, о полосе, охватывающей Кра-тово, Куманово, Ускюб, Тетово, Гостивар, Дибру. Местности к северу от этой полосы г. Тодоров признает сербскими, к югу — бесспорно болгарскими. Для болгарской академии наук и вся эта полоса является уже чисто болгарской. Но если мы обратимся к сербским источникам, то получим совершенно иную картину. Вот, например, этнографическая карта Балканского полуострова, составленная белградским профессором Цвижичем и напечатанная в последнем выпуске «*Petermanns Mitteilungen*». На этой карте не только вся спорная для г. Тодорова область приписана целиком сербам (албанские и турецкие поселения мы оставляем в стороне), но и отрицается наличие болгар во всей вообще западной Македонии: все их поселения в Македонии ограничиваются бассейнами Струмы и Месты, не доходят на западе до Струмицы. Южную границу чистых сербов проф[ессор] Цвижич спускает очень низко — до Прилепа с его окрестностями и до Охридского озера, а к юго-востоку от этих настоящих сербов он называет уже новую, *ad hoc*¹ найденную народность — «македонских славян», которые, на его взгляд, не настоящие сербы, но в то же время отнюдь и не болгары. В области этих македонских славян на карте проф[ессора] Цвижича показана граница «некоторых характерных сербских свойств», т. е. граница сербской культуры, граница сербских притязаний; и вот эта граница проходит восточнее и южнее Струмицы, спускается к Гевгели и еще дальше — к Водене и Островскому озеру. Иными словами, границы сербов почти соприкасаются здесь с границами греков, и выходит, что никакие болгарские притязания на западную Македонию не имеют за собой оправдания.

Г. Тодоров и вообще болгарские политики с выкладками проф[ессора] Цвижича, разумеется, не согласятся, а между тем проф[ессор] Цвижич далеко еще не наиболее крайний из сербских националистов. Кто же будет решать спор между ними? Конечно, этнография, предоставленная сама себе, так или иначе сумела бы провести этнографическую границу между сербами и болгарами; но ведь и среди этнографов есть люди, проникнутые определенными политическими симпатиями, мешающими им быть вполне беспристрастными, а кроме того, то или иное решение этнографов все равно не удовлетворило бы одну из сторон, и все равно эта сторона найдет повод оспаривать мнение даже самой компетентной и беспристрастной научной коллегии. Там, где затронуты политические интересы и страсти, с доводами чистой науки считаются очень мало. В настоящий острый момент труднее всего говорить о спокойствии и беспристрастии. На мой личный взгляд, болгарские ученые значительно ближе к истине в определении этнического состава населения Македонии, чем их сербские коллеги, но я очень сомневаюсь, чтобы можно было убедить в этом не то что самих сербов, а хотя бы тех из русских публицистов, которые уже поспешили дать лестные рекомендации карте проф[ессора] Цвижича

¹ По особому случаю, специально для этого (лат.).

и заявляют, что все местности, где найден обычай «славы», должны быть признаны сербскими. Этнография может дать болгарам известное моральное удовлетворение, но сейчас она бессильна разрешить сербо-болгарскую распрю. От этнографических соображений мы должны перейти, как это и делает г. Тодоров, к принципам политического характера. Только торжество начал национальной терпимости, уважение к правам национального меньшинства способны будут создать почву для мирного сожительства двух славянских народов. И с этой точки зрения сейчас, быть может, было бы лучше совсем не ссылаться на этнографические соображения; делу они помогут очень мало, новые Болгария и Сербия все равно выйдут за свои этнографические границы, а между тем ссылки на этнографию в подкрепление своих чисто государственных требований только помешают мирному сожительству разных национальностей.

А. Максимов

49

«Речь». 19 апреля 1913 г.

С театра войны

(От нашего специального корреспондента)

— Война с Турцией окончена. Все, что нужно было сделать, мы сделали. Нужно было драться — дрались. Нужно было терпеливо ждать — ждали. Нужно было мерзнуть — мерзли. Никто не сумеет упрекнуть нас в том, что мы остановились перед какой-нибудь опасностью, что мы не довели до конца начатого дела, что мы дрогнули, отступили.

— Мы делали промахи и ошибки... Много ошибок. Это — наша первая война. Много было для нас совершенно ново. Мы учились. Но учились прилежно, внимательно, добросовестно. Мы имеем полное право гордиться не только своими победами, но и теми знаниями, которые мы приобрели во время войны. Мы имеем право радоваться, торжествовать!

Я смотрю на офицера, говорящего мне о праве на радость, я всматриваюсь в выражение его глаз, вслушиваюсь в интонацию его голоса, и чувствую, какой бесконечной грустью веет от этого здорового, храброго, бодрого человека. Мы стоим на высоком холме. Три свежих могилы, три креста будят грустные воспоминания. Два молодых подпоручика, убитых в последних боях, и, чуть-чуть в сторону от них, за простой железной решеткой, крест, вырезанный из жести и выкрашенный в черную краску. Видно, солдат, делавший этот крест, старался сделать что-нибудь совсем особенное, что-нибудь, по его мнению, красивое, художественное. Он знал, что под этим крестом будет лежать краса и гордость болгарского национального театра — Христо Ганчев.

Внизу — море. Весь склон холма, от вершины до берега, покрыт болгарскими окопами.

— Всю эту землю мы взрыли могилами и окопами. Война кончена, мы уйдем отсюда и останутся здесь эти могилы, чужие для турок, родные, но далекие для нас.

Мой собеседник не может побороть грусти.

— Мы имеем право радоваться, торжествовать!.. Но вы не увидите среди нас ни одного торжествующего человека. Я не знаю, когда наступит для нас время радости. Думаю — не скоро. Очень не скоро!..

Еду дальше. Вперед... Мелькают мимо меня бивуаки полков. Останавливаюсь там, где есть знакомые офицеры. Всюду — такое же настроение.

— Мы честно боролись до конца. Уходим отсюда с сознанием доблестно выполненного долга. Но грустно!..

Не досказывают, не договаривают чего-то. Не могут найти подходящих выражений.

Спрашиваю одного из своих софийских приятелей:

— Неужели эта грусть — результат того, что вам не удалось получить всей занятой вашими войсками земли?

Мой приятель — русофил. Один из тех немногих русофилов, которые ничем не обязаны официальной России. Русофил — по убеждению, русофил — по всему складу своего мягкого, бесконечно доброго характера. Русофил не за страх, а за совесть. Мой вопрос бьет его по больному месту.

— Земля?.. Дело не в земле!.. Кто же из нас не знает, что сила государства, что сила нации не в этом. Больно другое. Больно, что нам пришлось разочаровываться в России.

И почти со слезами на глазах мой приятель заканчивает свою мысль:

— У нас не осталось ни одного русофила!

Еду еще дальше. Въезжаю на чаталджинский хребет, смотрю на стройные минареты Царьграда. Сзади слышу чей-то голос:

— А матушка сказала — стоп! Не угодно ли назад!.. Эти места не для вас!..

Оборачиваюсь — знакомый офицер, кончивший русский кадетский корпус, насквозь пропитанный традициями русской военной школы, один из тех, для которых слово имеет значение только тогда, когда оно сказано на русском языке.

— Придется нам самим заботиться о своей участи!.. Матушка перестала думать о нас. Мы знаем, что у вас в Петербурге хлопочут о создании великой Сербии.

Несколько офицеров, окруживших нас, вмешиваются в разговор.

— Да, плохо дело. Сербы хотят нарушить договор. Сербы надеются на помощь России.

— Откуда у вас эти сведения? — спрашиваю я.

Никто не может дать точного ответа. Никто ничего не знает. Но уверенность в том, что Россия в назревающем между Сербией и Болгарией

конфликте собирается поддерживать Сербию — всеобща. Никто ничего не знает, но все растеряны, волнуются, и если есть сегодня одно, общее для всей болгарской армии, настроение — то это зародившееся здесь, на передовых позициях, и здесь же созревшее русофобство.

Нам придется самим заботиться о своей участи. Вместо того, чтобы отдыхать в Софии, нам придется идти в Македонию и там с оружием в руках сводить счета с союзниками.

* * *

Жутко на этих передовых позициях, откуда болгарская армия не сегодня-завтра уйдет на запад «сводить счета с союзниками». Здесь выковывается национальное решение, здесь подготавливается национальная катастрофа.

— Пойдем бить сербов!

Ни одного громкого слова. Никакой аффектации. Просто и уверенно:

— Сами справимся!

От Чаталджи до Чорлу, от Чорлу до Родосто, от Родосто до Булаира и Кешан только и услышите эту короткую фразу, таящую в себе столько ужаса. Регулярная армия, македоно-одринское ополчение, социалисты, стамбуловисты¹, старые полковники и молодые подпоручики — для всех ясно, что это фатально, неизбежно, неминуемо.

За время моей поездки по передовым позициям я пытался выяснить, откуда эти слухи о том, что «Россия не пускает», «Россия хочет», «Россия требует», и «Россия стремится». Ни разу на поставленный мною прямой вопрос не удалось мне получить прямого и ясного ответа. Говорили о речи фон Ягова, ссылались на сведения болгарских газет, утверждали, что такое именно окончательное убеждение болгарских политических деятелей.

Но за этими ответами чувствовалось всегда если и не высказанная, то определенно подразумеваемая мысль:

— Если так, если действительно Сербия надеется на помощь России, то очевидно, что нам поможет Австрия. Мы используем ее помощь, мы ликвидируем наши счета с союзниками и тогда примемся за устройство наших внутренних дел.

Один только раз за все время моей поездки мне пришлось выслушать подробный рассказ о том, как средний болгарин, находящийся на передовых позициях, относится к переживаемому моменту. Так как я уже несколько раз упоминал о той окончательной формуле, в которую выливается решение болгар («мы сами сведем с сербами счета»), то с моей стороны было бы несправедливо умолчать о ходе рассуждений, который, очевидно, приводит их к такому выводу.

— Мы знаем, — говорил мне один офицер, и в мирное, и в военное время, пользующийся большим влиянием в обществе, — что дело фатально идет

¹ Имеются в виду члены Народно-либеральной партии, часто именуемые по фамилии основателя организации С. Стамболова, за которым закрепилась прочная репутация русофоба.

к катастрофе. Если еще месяц тому назад были надежды на мирное окончание нашего спора с сербами, то теперь почти все надежды на это пропали. История рассудит, кто был прав, и кто виноват в этом споре. Но для нас ясно, что сербы не могут сойти с того страшного пути, на который они стали, а мы не можем отказаться от того, что нам бесспорно принадлежит.

— Конфликт так ясен, столкновение до такой степени неминуемо, что было бы преступлением закрывать на это глаза.

— Но если бы конфликт этот протекал где-нибудь в безвоздушном пространстве, вне времени и места, дело бы кончилось тем, что мы разбили бы сербов и отняли у них то, что нам принадлежит.

— Однако в данном случае дело не может закончиться так просто. Вы видите, с какой быстротой развивается в нашей армии русофобство. Вы слышите, как все настойчивее и настойчивее говорят об объятиях Австрии. Вот здесь-то и лежит начало той катастрофы, которая неминуемо явится результатом нашего столкновения с Сербией. Мы не знаем, поможет ли нам Австрия активно. Весьма вероятно, что нет. Но никто не сомневается, что в конце концов, когда мы ликвидируем наши счета с Сербией, Австрия выступит на сцену. Если она выступит активно со своими притязаниями на часть балканской территории — вспыхнет европейский пожар. Если же она вместо оружия прибегнет к дипломатическим интригам, то мы окажемся в самом непродолжительном времени в ее сетях. И в том, и в другом случае все, о чем мы мечтали, все, во имя чего мы принесли столько жертв, будет разрушено, уничтожено, сметено.

— У нас все определеннее и определеннее говорят о том, что Сербию ждет участь Польши¹. Но даже ослепленные болгарские шовинисты понимают, что труп Сербии будет концом той самостоятельной балканской культуры, той независимой балканской политики, во имя которой мы так много страдали и так долго боролись.

— Если бы мы не понимали этого, если бы мы шли на борьбу с сербами так же весело и беспечно, как идут на это дело наши белградские братья, мы бы были спокойны, потому что на нашей стороне — численный перевес и правда нашего дела. Но мы предвидим то, кто и как воспользуется плодами наших побед. Поэтому с такой тревогой мы смотрим на будущее.

Мой собеседник кончил. Мы оба молчали. А стоявшие неподалеку от нас офицеры спорили о том, чей полк первым уйдет на сербскую границу.

Влад. Викторов.
Окрестности Чаталджи.
3-го апреля

¹ Имеются в виду разделы Польши между Россией, Австрией и Пруссией в XVIII в., по итогам которых она прекратила свое существование.

**«Голос Москвы». 20 апреля 1913 г.
Балканский союз**

Цель нынешней войны была не завоевательная, а освободительная. Болгария взяла на себя разбить главные военные силы Турции и принудить ее к миру, выгодному для всего союза. Сербская, греческая и вспомогательная болгарская армии должны были выполнить второстепенную военную задачу: занять Македонию и установить в ней порядок. Все прошло так, как и предполагалось, дело совершенно ясно, и, казалось бы, ни для каких недоумений нет причин. Между тем, отношения между союзниками обострились до крайней степени; Сербия и Греция спешно стягивают свои войска в Македонию и все территории, занятые во время войны, считают своими владениями.

Болгария, взяв на себя действия против Турции на фракийском театре, предоставила союзникам занять Македонию; при таких условиях основывать свои права владения на занятии территории во время войны очень странно, чтобы не сказать хуже. У Болгарии с Сербией существует договор, которому во всех отношениях следует придавать очень серьезное значение. Только при крайне поверхностном взгляде на дело можно думать, что линию, прочерченную договором через Куманово–Скопье–Дибру на географической карте, можно вытереть резинкой и заменить другой, обменяв население этой части Македонии на равное приблизительно число голов во Фракии.

Излишне, конечно, и говорить о том, что из всех балканских государств Сербия больше всего нуждается в союзе. Понятно также, что при огромных интересах сербского народа на западе и сравнительно незначительных в пределах бывшей Европейской Турции союз на будущее время имеет для Сербии большее значение, чем в только что минувшей войне.

Тем более странными поэтому кажутся отзывы, очень часто попадающие в последнее время в сербской прессе, что «союз этот только временный» и что «не следует жертвовать своими интересами во имя союзнической верности». Поистине можно удивляться такой оценке сербских интересов, по которой выходит, что союз с Болгарией менее выгоден, чем обладание клочком Македонии, откуда уже теперь болгарское население бежит в Софию и обращается с жалобами на представителей сербской власти к болгарскому правительству и в русскую миссию.

Немало приходится слышать теперь также с сербской стороны о необходимости равноправия всех членов союза и о том, что гегемония одного из них является совершенно недопустимой; поэтому Сербия ни в каком случае не допустит, чтобы Болгария получила территорию в несколько раз большую, чем ее союзники. Но болгары на это возражают следующее: принцип равновесия всех балканских государств, будучи осуществлен в настоящий момент, явится причиной полного его нарушения в будущем: Болгария заканчивает

свое объединение, и ей более не предстоит никаких территориальных приобретений; Сербия же, сравнившись теперь с Болгарией, после объединения сербского народа в более или менее близком будущем окажется вдвое сильнее¹. Сербия, конечно, нисколько не скрывает, что стремится к этому идеалу. Таким образом, говорить об уравнивании балканских союзников теперь можно только в том случае, если отказаться от славянских идеалов и ограничить дальнейшую жизнь южных славян Балканским полуостровом.

Итак, сербская и болгарская точки зрения совершенно противоположны, компромиссов в таких условиях быть не может, и в конце концов одной из сторон придется отказаться от своих требований.

Что касается греческих претензий, то нужно только вспомнить, что Греция выставила армию в четыре раза меньше болгарской и понесла в восемь раз меньшие потери. Ее требования не оправдываются ни жертвами, данными во время войны, ни этническими основаниями, ни особо важными интересами, которые побуждали бы государство стремиться к приобретению тех или иных пунктов.

Немецкая пресса успела уже высказать свой взгляд по поводу спора между союзниками определенно в пользу Болгарии; некоторые болгарские австрофильские газеты с удовольствием печатают интервью с австрийскими дипломатами, в которых последние очень красноречиво выражают свои симпатии Болгарии и доказывают, что австрийские интересы настойчиво требуют соблюдения сербами договора и присоединения Солуни к Болгарии.

Так ли это — вопрос. Но что уверять в этом болгар для Австрии выгодно — сомнений нет.

При нерешительности русской политики, энергичным заступничеством за интересы болгар немцам нетрудно приобрести их симпатии и исключительное влияние на Балканах.

51

«Славянские известия». 21 апреля 1913 г. Союзнические отношения

<...> Болгары с сербами по обоюдному согласию разрешили вполне определенно вопрос о своей будущей границе, и здесь, казалось бы, никаких недоумений нельзя было ожидать. С Грецией у Болгарии не было определенного договора, но, нужно думать, приблизительные границы были намечены.

Очень странным поэтому кажется, что большая часть сербской прессы тотчас по заключении перемирия с Турцией в ноябре месяце стала усиленно

¹ Подразумевается югославянское население Австро-Венгрии.

настаивать на том, что вся территория, занятая сербскими войсками, должна принадлежать Сербии. «Что заняли, то наше», — повторяют изо дня в день сербские газеты, среди которых особенно отличаются в этом направлении: «Стража», «Веч. Новине», «Правда», «Мали Журнал», «Балкан», «Политика», «Српска Застава», «Штампа» и «Пиемонт». По словам этих газет, болгары своими успехами обязаны сербской помощи, притом не только в Македонии, но даже при Лозенграде и вообще на восточном театре войны. Сербское правительство должно воспринять идею военных кругов «все, что заняли, — наше», должно думать об ответственности не перед Балканским союзом и Европой, а перед сербским народом, который вовсе не намерен проливать свою кровь за великую Болгарию. Все эти газеты естественной границей между Болгарией и Сербией считают Вардар; некоторые идут еще дальше и в состав Старой Сербии включают, кроме того, Штип, Кочани, Цариброд, Кюстендил, Брезник, Радомир, Самоков, Белоградчик (последние пункты из состава нынешнего Болгарского царства). Отношение сербской прессы к союзному договору определяется следующим ее отзывом: «Балканский союз — только средство, а не цель, и потому его нужно считать временным».

Эти отзывы прессы показывают, что сербская интеллигенция далеко не отдает себе отчета в значении Балканского союза именно для Сербии. Не трудно понять, что новые славянские идеи, усвоенные в последнее время сербским правительством, нисколько не привились в сербском народе.

Болгарская пресса, подчиненная во время войны строгой цензуре, до последнего времени почти ничего не писала по поводу отношений с союзниками. Официозы «Мир» и «България» неоднократно высказывались за необходимость на будущее время Балканского союза и старались успокоить болгарское общество по поводу слухов (очень, впрочем, достоверных) о серьезных недоразумениях с союзниками в Македонии. Но недоразумения в Македонии и взаимное раздражение болгар, греков и сербов достигло пределов, до каких едва ли доходило раньше во времена самой ожесточенной политической борьбы. Вопрос о союзнических отношениях обсуждается открыто в обществе и в Народном собрании. Нет смысла более замалчивать его и в печати. В газетах начинают появляться чаще и чаще жалобы на притеснения болгарского населения в занятой сербами части Македонии. Запрос в народном собрании бывшего министра Такева, только что возвратившегося из Македонии, дает полное понятие о том, на что жалуются теперь македонские болгары. «Известно ли министру-председателю, — спрашивает Такев, — что высочайше утвержденным положением об управлении временно занятыми сербскими войсками землями все христиане восточно-православного исповедания подчинены непосредственно белградскому сербскому митрополиту, и что этим уничтожена болгарская церковная автономия в Македонии; что болгарскому скопскому митрополиту предложено было при богослужении в день Богоявления исполнять обязанности диакона при сербском епископе; что 14 января велесский сербский окружной начальник, во главе 20 сербских

солдат, ворвался в болгарскую митрополию и, вопреки энергичным протестам управляющего епархией епископа Неофита, взял архив, разбил кассу и завладел всем ее содержимым, арестовал секретаря, кассира и рассыльного митрополии, а управляющему епархией предписал уехать в 24 часа на том основании, что в Велесе нет болгар, а есть только сербы; известно ли министру, что 29 марта паланечский сербский окружной начальник дергал за бороду тамошнего болгарского священника Владимира Попова, требуя, чтобы он “посербил” всех паланечских болгар; что сербские власти запрещают болгарам открывать свои училища, принуждая учителей или отправиться в Белград и стать сербскими учителями, или выехать из Македонии; что с каждым учителем, который отказывается “посербить” свое училище, обращаются самым жестоким образом; что сербские власти в Македонии производят перепись населения, принуждая болгар записываться сербами; что 18 марта в Паланке сербские власти террористическими средствами принуждали учителей и священников признать себя сербами; что сербские военные и гражданские власти громогласно заявляют, что ни пяди земли, занятой их войсками, не уступят, утверждают, что и белградское правительство придерживается того же мнения и подало в этом смысле, ноту болгарскому правительству; что 13 марта один болгарский офицер, снабженный открытым листом от штаба 1-й армии, где служит, и от солунского болгарского коменданта, отправился через города: Битолию, Охриду, Стругу, Дебер, Тетово, Прилеп и Велес, чтобы оттуда проехать в Софию по делам службы, но уже с битолийского вокзала был отправлен сербскими властями обратно под конвоем двух стражников; что все бывшие четники и воеводы, сражавшиеся против турок в Македонии, арестованы сербами под предлогом, будто бы они организовали комитет против сербского управления; что греческий гражданский губернатор Солуни письменно предложил управляющему солунской болгарской митрополией снять надпись с нее, и что теперь митрополия охраняется болгарским военным караулом; что тот же губернатор запрещает болгарским духовным властям совершать богослужение в церкви Св. Софии (бывшей мечети), тогда как греческое духовенство служит в бывших мечетях, теперь церквях Св. Димитрия и Св. Георгия; что греческие власти, по примеру сербских, не разрешают болгарам открывать училища; что бывшему министру Андрею Ляпчеву греческие власти не разрешили посетить Костурскую казу, хотя он имел пропуск от греческой главной квартиры; что греки отняли занятые болгарами порт Лефтера и таможеню; что греки убили 20 болгарских солдат, которые сопровождали транспорт с хлебом из Сереса в Нигриту; что греческие власти не дают болгарам до сих пор помещения для телеграфной станции в Солуни».

Не считая себя вправе относиться с недоверием ни к интерpellанту Такеву, ни к сербским властям в Македонии, мы хотели бы только надеяться, что все приведенные выше факты следует приписать недоразумениям или преступности отдельных лиц, и что сербское правительство возмущено ими более всех.

Большинство жалоб идет из местностей, признанных болгарскими самой Сербией и уступленных Болгарии согласно союзному договору. Немедленная передача этих мест под болгарскую власть устраним сразу возможность подобных недоразумений в будущем.

Сербским шовинистическим газетам можно дать добрый совет — более вдумчиво относиться к интересам сербского народа, наиболее подверженно-го немецкой опасности и поэтому наиболее нуждающегося в Балканском со-юзе, и постараться понять, что заветы Бисмарка не всегда применимы к вза-имным отношениям между славянами.

Н. Сурин

52

«Новое время». 23 апреля 1913 г. Русское посредничество?

Хотя кругом говорят о войне, мы хотели бы посвятить эти строки во-просу о мире. О мире между двумя родственными славянскими народами. Белградский корреспондент газеты «Daily Telegraph» сообщает, что «недо-разумения насчет Македонии, по-видимому, будут улажены в самом скором времени благодаря дружескому вмешательству России». Указанная газета сообщает, что Россия сделала совершенно дружеское, но «весьма настойчи-вое» представление как в Белграде, так и в Софии, требуя, чтобы сербско-болгарский спор был улажен мирным образом. Русское правительство объ-явило, кроме того, что оно «примет обязанность арбитра, когда две спорящих державы придут к принципиальному соглашению по всем наиболее важным вопросам». Никто больше нас не радовался бы такому повороту дела. Мы так много и настойчиво критиковали действия русской дипломатии, что мы сочли бы своим долгом отметить всякую заслугу нашего министерства ино-странных дел в разрешении сербско-болгарского спора.

Грозовые тучи окружают славянство со всех сторон; нельзя поручиться даже за будущий день; может быть, уже завтра начнется та великая борьба, которая должна будет определить собой все отношения германизма и сла-вянства на целые десятилетия вперед. В такой опасный момент — равного ему не переживало славянство уже много-много лет! — всякий искренний славянофил, прежде всего, должен заботиться о том, чтобы в славянском ла-гере царствовали единодушие и согласие.

Какова должна быть роли России в этой прискорбной истории? Недав-но мы напечатали целый ряд статей, посвященных сербско-болгарской рас-пре. И каждый раз, как мы воспроизводили сведения, исходящие из серб-ского источника, нас обвиняли в сербофильстве; а также наоборот. Мы

думаем, что русское общественное мнение не может быть ни болгарофильским, ни сербофильским; оно должно быть славянофильским. А со славянофильской точки зрения первая и основная задача, которую следует в настоящее время себе ставить, заключается в *сохранении сербско-болгарского союза*. Этому основному политическому идеалу должны быть принесены в жертву все остальные соображения. Болгарская академия сообщает этнографически-лингвистический меморандум и просит, чтобы русская академия высказалась относительно правильности или неправильности фактов, заключающихся в этом меморандуме. Надо полагать, что и сербская академия в недалеком будущем выступит с соответствующими материалами. Хотя русская академия наук в свое время и посылала комиссию для изучения македонских диалектов, однако, мы полагаем, что высшее русское учение судилище совершило бы ошибку, если бы оно стало произносить суждения о столь спорных и сложных контроверзах, как противоположения болгар, болгарофонов, экзархистов, сербов, грекоманов и т. д. Эти препирательства настолько щекотливы и так чужды лицам, непосредственно в них не участвующим, что всякое решение, произнесенное со стороны, непременно обидит или сербов, или болгар. Роль России заключается в том, чтобы, не становляясь против себя ни одного из родственных народов, сблизить их и солидаризировать.

Ошибочно думать, что с падением Адрианополя кончились задачи славянского союза. Они только начинаются. Турки были для славян пробным камнем; как враги, турки были элементом малоценным. Настоящие противники славянского блестящего будущего еще не побеждены; они еще только начинают обрисовываться. С этими противниками успешная борьба может вестись тоже только на началах братского единения. Дипломатия Тройственного соглашения необычайно радовалась, когда обнаружилось, что австрийцы соглашались пустить сербов в Санджак. А австрийцы, оказываясь, решили занять Скутари. Получается, следовательно, такого рода картина: полководец защищал Петербург от нападения северного врага; а враг сделал большое обходное движение и занял Москву; велика ли тогда цена победам при Петербурге? Когда Австрия прочно утвердится в северной Албании, Черногория засохнет и умрет сама собой: никакого Санджака для этого не понадобится. Вот как далеко идут планы тех противников, с которыми в недалеком будущем придется считаться славянам. Если Сербия будет враждовать с болгарами, она погибнет, несмотря ни на какие победы при Куманове. Но не лучше будет и болгарам: Сербия является последним прочным оплотом против натиска германизма; в тот день, когда погибнет Белград, придется поднять траурные флаги и над другой столицей славянства — над Софией.

Все это — и еще многое — может и должна сказать русская дипломатия в Софии и Белграде. Русскую дипломатию до сих пор постоянно упрекали за ее преувеличенное стремление к миру. Эта тенденция, по нашему

мнению, была неправильной в сношениях с Австрией. Но она правильна и желательна в сербско-болгарском споре. Вы желали и желаете быть миротворцами: вот для вас великое и ответственное дело; здесь всякое слово, содействующее упрочению дружеских отношений, будет нужным, полезным, необходимым.

Исполняя указываемую нами миссию, русская дипломатия будет находиться в соответствии не только с принципиальными своими миролюбивыми настроениями, но и с формальным правом. Сербско-болгарский договор категорически указывает, что все могущие возникнуть споры должны быть обязательно передаваемы на посредническое разрешение России. Этот красивый жест союзников не должен остаться втуне: ссылка на великую и могущественную Россию должна давать реальные результаты. Ибо никакое занятие Скутари австрийцами (как бы оно больно ни ударило по воображению русского народа и как бы преступно оно ни нарушило интересов Черногории) не будет идти по политическим своим последствиям ни в какое сравнение с малейшим сербско-болгарским кровопролитием. Этого кровопролития нужно избежать во что бы то ни стало.

53

«Речь». 23 апреля 1913 г.

Балканские настроения

(От нашего софийского корреспондента)

На театре войны, на передовых позициях, настроения носят какой-то эпидемический, стихийный характер. В первый раз за все время моего пребывания в Болгарии мне пришлось увидеть, как эти в общем выдержанные и дисциплинированные люди поддались охватившему их настроению и стали смотреть на вещи почти фаталистически.

В Софии, куда мне пришлось вернуться раньше, чем я рассчитывал, настроение более спокойное, более деловое.

— Правда ли, что отношения между союзниками безнадежны, и что фатальный конец — вопрос только нескольких дней?

С этим вопросом, в течение нескольких последних дней, я обращался как к представителям правительственного большинства, так и к лидерам оппозиции. Ответы, полученные мною от тех и других, были в значительной мере пессимистичны, но все же они до некоторой степени ослабили те тревожные мрачные предчувствия, с которыми я вернулся с Чаталджи.

Я не взялся бы резюмировать эти ответы. Смотря по собеседнику, менялась интонация, менялись слова, менялся смысл предсказаний ближайшего

будущего. Но общим для всех моих собеседников оставалось благоразумное спокойствие, терпеливая умеренность, стремление все заранее обсудить, выяснить и оценить, столь характерное для «мудрой» Софии.

Я не знаю, какое сейчас настроение в Белграде. Я не хочу верить, что истерические возгласы по адресу болгар, которыми наполнены белградские газеты, представляют собой настроение всей сербской нации. Но здесь, в Софии, я ясно вижу, что даже самые яркие националисты, даже те непримиримые глашатаи и пропагандисты болгарского шовинизма, которые в мирное время поражают максимализмом своих требований, очевидно, сознали серьезность момента и всячески стараются сделать всякое свое выступление осторожным, серьезным, обоснованным.

Если в Софии есть теперь какое-нибудь одно, общее для всех сознательных граждан, *mot d'ordre*¹, то оно может быть сформулировано так:

— Главное теперь — не сделать опрометчивого шага!

«Не сделать опрометчивого шага» — понимается чрезвычайно различно.

Для одних — это значит сохранить во что бы то ни стало хотя бы видимость хороших отношений с соседками-союзницами и поддерживать, несмотря ни на что, «традиционную дружбу с Россией».

Для других, наоборот, это значит немедленно освободиться от всяких связывающих традиций и условностей и обеспечить за собой полную свободу действий.

Но и для тех, и для других «не сделать опрометчивого шага» значит действовать так, чтобы обеспечить и себе, и волнующимся союзникам возможность столкнуться мирным путем хотя бы в последнюю, хотя бы ту решительную минуту, когда армии вчерашних союзников станут одна против другой, готовыми к ужасному, ожесточенному бою.

Из того, что я слышал на передовых болгарских позициях, там, на Чаталджинском хребте, с которого видны минареты Царьграда, я сделал вывод, что болгарское войско не хочет войны с Сербией, понимает весь ужас этой войны, но, тем не менее, уверено в ее неизбежности.

Здесь, в Софии, из всего, что я слышал от вполне осведомленных людей, я сделал вывод, что и правительство, и оппозиция не хотят войны с Сербией, понимают весь ее ужас и верят, что ее удастся избежать.

Этот оптимизм Софии составляет такой яркий контраст с пессимизмом передовых позиций, что я невольно стал доискиваться до его причин и оснований. Не могу похвалиться, чтобы мои поиски увенчались успехом. Но в самом процессе поисков мне удалось натолкнуться на несколько мнений и предположений, в достаточной мере интересных.

Во-первых — самое определение софийского оптимизма. Один из наиболее видных и наиболее умных болгарских политиков так характеризовал мне свои максимальные надежды:

¹ Лозунг, девиз (фр.).

— Максимум оптимизма в данный момент у нас состоит в надежде на то, что, когда наша болгарская армия станет лицом к лицу с армиями наших союзников, сербы и греки должны будут понять, что речь идет не о любительском спектакле, а о выполнении международного договора, и, волей-неволей, выполнят принятые ими на себя обязательства.

Нельзя сказать, чтобы этот «максимум оптимизма» представлялся постороннему человеку достаточно прочной гарантией спокойствия и мира. Но так как речь идет о семейных отношениях между балканскими народами, уже много столетий спаянными балканской смутой, постоянно и пристально наблюдающими друг друга, то необходимо отметить еще одно мнение, которое и вчера, и много раз раньше, мне приходилось слышать в Софии:

— Сербы ведут себя по отношению к нам, болгарам, как истеричная женщина, решившая во что бы то ни стало настоять на своем. Мы же, болгары, ни разу не отказывались от своей роли — сильного и уравновешенного мужчины, сознающего все свои преимущества.

Я ни на минуту не взял бы на себя обязанности доказывать или опровергать это, не лишнее своеобразного романтизма, сравнение. Для меня важно только то, что так именно оценивают болгары поведение сербов вообще. Так оценивают они его и в сегодняшнем конфликте, в частности.

Следовательно, если стать на их, болгарскую точку зрения, то «максимум оптимизма» не так безнадежен, как это кажется непосвященному человеку.

По всей вероятности, именно в связи с этим находится и тот факт, что болгарское правительство, болгарское общественное мнение и даже болгарская желтая пресса умудряются сохранять на редкость спокойный тон в нарастающей между союзниками распре.

«Спокойный тон» не надо понимать буквально и абсолютно. Я говорю о спокойном тоне в балканском смысле слова. У меня до сих пор в памяти, как до начала войны болгарские публицисты обсуждали на столбцах болгарских газет даже самые заурядные события. Нужно иметь в виду, что на обыкновенном, так сказать, повседневном языке болгарской прессы, превышение власти полицией называется «белым террором градоначальника», почему-либо нежелательное или непопулярное распоряжение властей — «государственным преступлением», не говоря уже о том, что терминами «разврат» и «безнравственность» квалифицируются совершенно безобидные явления. Нельзя не заметить, что по сравнению с этой нормальной терминологией болгарской прессы тон, в котором практикуется сербо-болгарский конфликт, поражает умеренностью и выдержкой.

Нельзя не заметить, впрочем, и другого. Каждый день белградская почта приносит мне пять белградских газет. Среди них — только две желтых. Но во всех пяти объявлен, должно быть, конкурс на то, кто выругает болгар сильнее и циничнее, и кто выдумает ложь поэффективнее. В течение одного только последнего дня в сербских газетах были напечатаны: статья о том,

что болгары подкупили всех иностранных журналистов; сенсационный слух о том, что болгары собираются отравить Шукри-пашу и таким образом помешать ему доказать всей Европе, что в плен он был взят сербскими офицерами; две статьи, представляющие сплошную ругань по адресу болгар; наконец, как финал, — большая статья «от нашего специального корреспондента», цифрами доказывающая, что болгарское государственное казначейство находится накануне банкротства.

* * *

«Союзный договор», или «евангелие балканского союза» по терминологии болгар и «черный договор» по терминологии сербов, с каждым днем теряет частицу своей таинственности. Каждый день приносит то с одной, то с другой стороны раскрытие какого-нибудь пункта. Близок день, когда падет покрывало с этого «памятника балканской дипломатии», и когда можно будет спокойно и объективно обсуждать этот человеческий документ. Чем ближе этот день, тем нервнее становятся сербские газеты и тем спокойнее язык болгарских политических деятелей и болгарской прессы.

Но устраняет ли, рассеивает ли это спокойствие все тревоги в самой Болгарии?

Кажется, нет.

Факт остается фактом. Оптимизм имеет свой максимальный предел, и за ним — нечто тревожное, нечто страшное, нечто катастрофальное.

И здесь, в Софии, так же, как и на чатаджинских позициях, для всех ясен результат назревающих событий.

— Если Европа не вмешается в наши, семейные, дела и, в случае надобности, даст нам возможность самим свести счеты с нашей союзницей, то в результате этой войны мы сможем получить только то, что предусмотрено нашим договором. Если же, как это предлагают некоторые, мы вмешаем в дело Австрию и, опираясь на ее помощь, ликвидируем наши счеты с Сербией, то в самом непродолжительном времени нашей соседкой на западе окажется Австрия, а на востоке — Россия. Уверяю вас, нет болгарина, которого бы не пугали подобные географические перспективы.

Так, или почти так, заканчивались речи всех моих собеседников. И в этом рефрене гораздо больше, чем в примирительном тоне болгарских официозов, надежды на то, что в «семейном» споре спокойный и сильный мужчина останется спокойным и сильным до конца и, быть может, таким образом предотвратит грозящую семье катастрофу.

Влад. Викторов.
София. 15 апреля

«Утро России». 24 апреля 1913 г.**Болгария и Сербия***(От нашего софийского корреспондента)*

Балканскому союзу грозит опасность. Кончилась борьба с общим врагом, и союзники вооружились друг против друга — начался дележ.

Характерно, что больше всего для теперешних и грядущих распрей послужили неожиданные успехи Балканского союза. Те договоры, которые были заключены перед войной, оказались тесными и узенькими, как детские платица, которые затрещали по всем швам, когда великовозрастные союзники заспорили между собой. Дело в том, что никто из них не предполагал такого слабого сопротивления Турции, никто не мечтал о таких больших территориальных приобретениях. И вот непомерно разыгравшиеся аппетиты сделали вчерашних союзников-друзей смертельными врагами. Положение дел стало настолько опасным, что война между Сербией и Болгарией совсем не представляется невозможной. По всей вероятности, усилия великих держав, а главным образом России, смогут удержать союзников от такого безумного шага, но ручаться за это все же нельзя. Слишком далеко зашли обе стороны. Жизнь опять ставит лицом к лицу два славянских народа, будто хочет снова обагрить землю братской кровью.

Кто из них победит в случае войны, сказать трудно. Болгары были уже один раз победителями, но теперь они неизмеримо больше сербов понесли жертв, их армия истощена непрерывной войной в течение шести месяцев. А сербы давно отдохнули, и кроме того, возможно, у них соглашение с греками. Однако болгары очень надеются на помощь Австрии, в интересах которой задавить Сербию. На этой почве уже сильно развивается русофобство. В некоторых политических кругах прямо говорят:

— Заключим союз с Австрией и разделим Сербию.

Комбинация эта не является новой. Еще до войны с Турцией со стороны Австрии делались подобные предложения болгарам. И, если бы не война, предложение могло бы оказаться и приемлемым. Сможет ли Россия помешать этому, кто знает. Известно только, что она пыталась помешать болгарам в сербо-болгарскую войну, но из ее попыток ничего, кроме стамбуловщины¹, не вышло. При растущем теперь русофобстве влияние России может оказаться довольно печальным, особенно, если ему на пути станет австрийское влияние. Балканские народы — большие практики, и дружба и любовь у них неразрывно связаны с пользой...

Но вернемся к Сербии и Болгарии.

¹ Имеется в виду режим личной власти С. Стамболова в 1886–1894 гг., в России воспринимавшийся как тиранический и русофобский.

По сербо-болгарскому договору к сербам отходили: Санджак и Старая Сербия до горы Шар-Планина (см. прилагаемую карту¹). Области с городами Скоплье, Тетово, Куманово, Гостивар и Дебр признавались спорными, при разделе которых в случае возникновения разногласий должен был явиться арбитром русский император. Но в силу вещей сербские войска заняли гораздо больше, чем предполагалось, а именно: области с городами Кочани, Велес, Прилеп, Охрид, Битоли и Гюмеджа. Таким образом, в руках сербов оказалась внушительных размеров территория на юг от границы по договору, увеличив спорные области в три-четыре раза. Безусловно, если держаться буквы договора, сербы не имеют никаких прав на оккупированные ими области от Велеса до Битоли, но они считают, что эти области они заняли, оказывая поддержку Болгарии и по просьбе последней. Кроме того, население этих местностей они признают чисто сербским. Этот последний этнографический мотив теперь сделался главным аргументом Сербии; причем очень часто не по разуму усердные сербские патриоты стараются усилить этот аргумент при помощи «осербления» болгарского населения, не стесняясь средствами. Сейчас перед мной лежит копия петиции русскому правительству, поданной нашему посланнику Неклюдову от имени болгар, бежавших из Эгри-Паланки.

Петиция, подписанная священниками, учителями, купцами и крестьянами, излагает ряд насилий, учиненных сербами над болгарским населением с целью обратить его в сербов.

Беглецы красноречиво рассказывают, с какой радостью они встретили братьев-сербов, своих освободителей, как приветствовали, как угощали, «но, — пишут они дальше, — те не съездили да ни освободить, а да ни наново зароботать»².

И это новое рабство «тёжко» не может даже сравниться «съёново в турецко време»³. Ибо сербы лишают болгар даже того, что допускали турки. Турки позволяли в течение пятисот лет сохранить свою национальность, церкви, нравы и обычаи, свои училища, давали возможность культурно развиваться. Но пришли братья-сербы и хотят уничтожить все то, что оставили турки. Далее в петиции рассказывается о разорении болгарских монастырей, о насилиях над священниками и учителями, которых при помощи запугиваний и даже побоев заставляли отречься от своей национальности и признать себя сербами. Действительно, подобные факты имели место и только подливали масла в огонь, приводя совершенно не к тем результатам, каких желали сербские патриоты. И нелепость подобной политики только осложняла положение, заставив болгарские македонские организации выступить против сербов. Появились болгарские четы, начались кровавые схватки, и начал разгораться пожар, который грозит сжечь весь Балканский союз.

¹ Воспроизводится в данной книге. См. вклейку с иллюстрациями.

² Искажённое болгарское: «Но они пришли не освободить нас, а вновь порабощать».

³ «Тяжелое», «с тем, что было в турецкое время» (болг.).

Несдержанность сербов и отсутствие политического такта довели до того, что вражда между союзниками дошла до забвения общих балканских интересов. Сербь задержали неожиданно несколько болгарских поездов, в ответ на это Болгария задержала часть сербской армии и сербскую артиллерию, бывшую под Одрином. Это, в свою очередь, заставило Сербию приблизить свои войска к болгарской границе, где они в настоящий момент сидят в окопах. Словом, война снова разворачивает крылья, не успев их свернуть.

Генерал Савов был вызван в Софию, где, представляясь царю Фердинанду, по слухам, предложил ему два плана войны с бывшими своими союзниками — греками и сербами.

При этом генерал Савов заявил:

— Если, ваше величество, необходимо будет начать войну, то через пять дней болгарские войска войдут в обе столицы: и в Белград, и в Афины.

В здешних политических кругах усиленно говорят о тайном союзе Сербии с Грецией, этим и объясняются слова Савова относительно «обеих столиц».

Наряду с возможностью войны с Сербией в Болгарии является опасение, что Россия примет сторону сербов, боясь сильной Болгарии. Ввиду этого русофобы кричат о союзе с Австрией, а русофилы доказывают, что Болгария никогда не станет на пути России.

Однако надежды на Австрию перевешивают надежды на Россию, ибо всякий болгарин знает, что Австрия с большим аппетитом готова слопать Сербию и ждет только случая.

Верус

55

«Московские ведомости». 30 апреля 1913 г. Россия, Болгария, Сербия

Приближается минута, когда на Ближнем Востоке будет решаться вопрос не об албанском городе или албанском побережье чуждого для России моря, а о судьбе всего родного нам православного славянства. После заключения Болгарией и Сербией союза не было более важного момента, как тот, когда им придется установить свои новые будущие границы, которые явятся плодом этого союза. Как при заключении союза, так и при определении новых своих государственных границ болгары и сербы признали Россию решающим судьей в своих отношениях.

Требуется теперь приложить всю нравственную силу не только русского государства, но и русского общества, чтобы оказаться на высоте выпадающей на нашу долю ответственности. Без счета лилась в продолжение веков русская

кровь, чтобы подготовить развертывающиеся на наших глазах мировые исторические события. Эта кровь создала для России ее положение на Балканском полуострове. Доверие родственных народов служит ответом на пролитую кровь, но эта кровь и это доверие возлагают на нас высокие и трудные обязанности.

И прежде всего надо знать то, в чем нам придется высказать свое решающее слово. Необходим труд честной мысли, а не пассивное восприятие проходящих впечатлений и сочувствий. Знает ли русское общество и стремится ли оно узнать истину об отношениях сербов и болгар? Знает ли оно, что все эти отношения зависят от нашего собственного отношения к ним и насколько в этом мы ответственны были прежде и будем впоследствии?

Нам придется призывать обе родственные народности к отказу от своих крайних требований во имя идеала единения их между собой и с Россией. Но знаем ли мы, от чего мы будем призывать их отказываться и какой силы должны быть доводы, чтобы заставить их примириться с этим отказом?

Узел нынешнего положения на Балканском полуострове завязан был нашей войною за освобождение Болгарии 1877 года. Главным плодом этой войны было создание Болгарии, но какою ценою это было достигнуто? Не говорим о русской крови, пролитой сознательно и с любовью за освобождение братьев. Цена была еще другая.

Не болгары воздвигли тогда брань за освобождение. Начали святое дело благородные сыны сербской Герцеговины, затем предприняли непосильное для них дело Черногория и Сербия¹. Три года лилась кровь всех племен сербского народа. Кончилось тем, что Босния и Герцеговина заняты были Австрией с согласия России, получившей за эту уступку возможность освободить Болгарию.

С тех пор Болгария благодаря выдающимся качествам своего народа шла непрерывно по пути процветания и усиления и теперь стоит пред тем, чтобы пожать обильные плоды своих трудов. Велики достоинства болгарского народа, и с радостью видит Россия, что эти достоинства возвели Болгарию на заслуженную им степень благополучия. России приходится теперь участвовать в присуждении Болгарии соответствующей ее трудам награды. Но опять, как пред войною за ее освобождение, пред нами встает образ не менее родного нам народа сербского. Тогда Россия принесла его в жертву. Болгария, заслоненная искалеченным сербством, успешно и неуклонно с тех пор развивалась. Создалось положение, которого нельзя и не следует изменять. Из нынешнего благополучно для Болгарии закончившегося кризиса она выйдет, естественно, еще более сильною, с несравненно более значительными приобретениями, чем ее союзники. Ее труды дают ей на это нравственное право. Но Россия не может забыть и Сербии.

¹ Речь идет о событиях 1875 г., связанных с восстанием сербов Боснии и Герцеговины против османского господства, а также последовавшей сербско-турецкой войной 1876 г.

Все положение на Балканском полуострове основано на нравственных связях населяющих его христианских народов с Россией. Из этих связей вытекает их чувство доверия к ней. Для того, чтобы это доверие могло сохраниться, необходимо убеждение в справедливом отношении России. Пред последнею стоит трудная теперь задача. Еще раз обстоятельства складываются в пользу одной народности и в ущерб другой. Как было уже сказано, Россия не должна изменять естественного хода событий. Болгария получит много больше Сербии, но в степени этого превышения должна быть все-таки мера. Россия не может при этом не напомнить Болгарии, сколько сербский народ пострадал, послужив на то, чтобы создать условия для усиления болгар, и должна, конечно, обязать по возможности последних к верности в будущем союзу с Сербией в предстоящих еще ей испытаниях.

П. Мансуров

56

«Новое время». 30 апреля 1913 г. Сербско-болгарский спор

Предстоящее разграничение западной Македонии по-прежнему остается под знаком тревожного вопроса. Что делается в этом отношении сербской и болгарской дипломатией, неизвестно в точности никому, кроме лиц, стоящих непосредственно у власти. Но настроение и поведение печати обеих стран, стоящей в более или менее близком общении с ответственными дипломатами, свидетельствует, что дело обстоит неблагоприятно. По-видимому, обе стороны не сходят с тех позиций, которые они заняли накануне окончания войны с Турцией: Болгария настаивает на точном исполнении договора, Сербия считает, что ход войны и ее результаты дают основание для его коренного пересмотра. Что обещает продолжение этих прискорбных разногласий?

Характерной чертой истории всех славянских племен является болезненная склонность к междоусобице. Мы сами в свое время заплатили за этот национальный грех тяжкую дань. Двести лет татарского ига оставили на нашем народе следы, которые дают себя чувствовать по сегодняшний день. Та же самая усобица была одной из причин еще больших бедствий для славян балканских. Пятисотлетний турецкий плен научил их весьма немногому. После освободительной войны 1877–78 гг. Сербии и Болгарии открывались естественные цели: для Болгарии воссоединение с болгарскими областями, оставшимися под властью Турции, для Сербии — с двумя сербскими землями, отданными европейскими державами во временное управление Австро-Венгрии. Вместо того, чтобы соединить свои силы для

осуществления этих задач, оба родственные народа со страстью отделились распри из-за Македонии.

Настойчивыми усилиями благородных сердец и светлых умов в Сербии и Болгарии этой гибельной распри был положен, казалось, конец. После долгого, тщательного, всестороннего обсуждения злополучный спор из-за Македонии был разрешен почти во всем объеме, и оба народа, «распри позабыв», соединили свои силы для борьбы с общим врагом. Но не успели отзвучать победные клики эпической борьбы, как вновь воскрес тот же самый, казалось, навсегда погребенный вопрос о Македонии. Сербь и болгарь опять стоят не плечом к плечу, как в счастливые дни войны с Турцией, а по-прежнему лицом к лицу, как во дни короля Милана и князя Александра¹.

Мы убеждены, что дальновидные люди как в Болгарии, так и в Сербии делают все возможное, чтобы погасить спор, угрожающий обоим народам непоправимыми бедствиями. Ибо для сербских и болгарских патриотов нет в настоящее время более высокой задачи, как восстановить согласие, достигнутое с таким трудом, столь блистательно себя оправдавшее и обещающее в будущем еще более светлые перспективы. К сожалению, как в Сербии, так и в Болгарии верх берут иные течения. Опять громко заговорила древняя славянская усобица, копошащаяся в текущих мелочах и ради них жертвующая великим будущим.

Мы в свое время внесли нашу братскую лепту в дело балканского единения и полагаем, что наше слово найдет отзвук на Балканах и в настоящую трудную минуту.

Русская дипломатия за время войны сделала длинный ряд ошибок, которых мы не скрывали. Однако балканские народы, а в частности их осведомленные круги, знают, что без русского сочувствия и многообразного содействия их успех не был бы полон; им известно, что без него победы остановились бы на полдороги и союзникам не пришлось бы теперь ожесточенно спорить о разделе непредвиденной добычи. Голос России должен быть поэтому услышан и в Белграде, и в Софии. Пусть он разочарует шовинистов и там, и тут, но трезвая часть сербского и болгарского общественного мнения несомненно признает, что Россия в настоящий решительный момент не отступит от требований справедливости.

Наилучшим исходом из болгаро-сербского разногласия было бы, конечно, решение спора сербским и болгарским правительствами без всякого постороннего вмешательства. Русское участие в этом случае сводилось бы к добрым советам, за которым[и] стоит авторитет России, купленный бесчисленными жертвами, принесенными русским народом для дела сербской и болгарской свободы. Сербии и Болгарии не пришлось бы в этом случае прибегать к обязательному арбитражу России, предусмотренному

¹ Имеется в виду сербско-болгарская война 1885 г. Милан Обренович был в это время королем Сербии, а Александр Баттенберг — князем Болгарии.

сербско-болгарским договором прошлого года. Мы бы хотели думать, что представители России в Софии и Белграде сумеют внушить правительствам, при которых они аккредитованы, именно это решение вопроса.

В случае неудачи в этом направлении гг. Гартвига и Неклюдова Сербии и Болгарии останется прибегнуть к посредничеству России, предусмотренному их февральским договором. Мы не можем не признать, что эта задача для России тягостна и нежеланна. С сотворения мира не было, вероятно, случая, чтобы решение арбитра удовлетворило тяжущиеся стороны, прибегнувшие к его суду. И чем беспристрастнее решение, тем больше поводов для недовольства обеих сторон, каждое из своих притязаний считающих безусловно справедливым. В настоящем случае положение России как арбитра тем затруднительнее, что враги балканских славян заранее постарались опорочить справедливость будущего русского приговора и тем помешать самому арбитражу: распушены слухи, будто Россия понудила Болгарию уступить Силистрию Румынии и взамен обещала вознаградить болгар за счет сербских притязаний в Македонии.

Едва ли стоит опровергать эти бессмысленные инсинуации. Не во власти и не в духе русской дипломатии навязывать Болгарии или Сербии уступки кому бы то ни было вопреки их воле. Россия приняла бы на себя посредничество между Болгарией и Сербией как тяжкий долг, от которого она, к сожалению, не вправе уклониться, а не как привилегию. Ибо чем беспристрастнее и справедливее будет ее решение, тем больше нареканий оно вызовет со стороны боевых сербских и болгарских политических деятелей.

При всем том третьего способа разрешения сербско-болгарского разногласия нет. И если болгары и сербы не сумеют решить свой спор полюбовно, им придется положиться на справедливость и беспристрастие России, о чем они заранее условились. Верховным судьей на этот случай они избрали не русских дипломатов, а самого Государя Императора.

О справедливом решении спора при таком условии не может быть ни малейшего сомнения.

57

«Речь». 30 апреля 1913 г.
Греко-болгарская распря

Этнографическая граница между болгарским и греческим населением в южной Македонии гораздо легче поддается определению, чем сербо-болгарская граница в северо-западной Македонии, уже потому, что к различию церкви (патриархисты и экзархисты) тут присоединяется резкое различие языка, и не может быть никакого спора о «переходных» наречиях. Взамен

этого, однако, имеется небольшая полоса, население которой знает оба языка и в которой особенно часты были переходы отдельных жителей от патриархии к экзархии и обратно. Бывают случаи, что в одной и той же семье одни члены ходят в патриархистскую церковь и считают себя греками, тогда как другие ходят в экзархистскую церковь и признают себя болгарами. Из этих отдельных случаев, однако, не следует делать вывода, который был сделан тем русским туристом-корреспондентом, который на основании беглых путевых впечатлений, подкрепленных насмешливыми местными поговорками, заключил, что македонцы — народ, готовый продать свою национальность за деньги¹. Большинство населения здесь, как и в других частях Македонии, с самого начала существования экзархии, т. е. с 70-х — 80-х годов прошлого столетия, сознательно причисляет себя к болгарской национальности и остается ей верным, несмотря на тяжелые жизненные испытания. Греческие войска пришли в эту часть Македонии, как и сербские, с заранее сложившимся убеждением, что болгарская национальность местного населения есть наносной продукт искусственной агитации. Первоначально оно было греческим — и должно вновь вернуться в состав греческой национальности вместе с присоединением оккупированных областей к Греции. Здесь, как и у сербов, решение присоединить занятые земли созрело вместе с оккупацией, т. е. с октября-ноября прошлого года. Приемы этого захвата в районе греческой оккупации до мельчайших подробностей повторяют те, с которыми мы ознакомились в полосе сербской оккупации. Я опишу эти приемы в том же порядке и по тем же документам, как и предыдущие. Догадка «Нов[ого] Времени», что документы получены мной от «революционного македонского комитета», совершенно не соответствует действительности. Я уже сказал — и для добросовестных моих критиков еще раз повторяю, — что это — официальные донесения местных духовных властей, с которыми македонские «революционеры» стоят в натянутых, а иногда и враждебных отношениях². Еще раз повторяю и то, что правдоподобность показаний в этих документах доказывается не только существом дела, соответствующим установившимся отношениям между народностями, но и полным тождеством картины в донесениях разных лиц из разных частей Македонии.

Разница между греческой и сербской оккупацией заключается только в том, что в греческих войсках оказывается еще меньше дисциплины, и потому мы получаем из ряда местностей указания, что солдаты в союзе с местными греками предаются грабежу, что они берут у населения его имущество без всяких реквизиционных расписок и что «нередки случаи, когда греческие

¹ Видимо, имеется в виду статья Вольского «Плоды угнетения», опубликованная в «Русских ведомостях» (8.02.1913). Воспроизводится в данном сборнике.

² Архивный фонд П. Н. Милюкова свидетельствует, что он получал информацию из очень широкого круга источников (Государственный архив Российской Федерации. Ф. 579).

солдаты сдружаются с *антартами* (греческими четниками-полуразбойниками), являются в болгарские села, конфискуют овец, коров, волов и т. д. и потом *перепродают их с чисто корыстными целями*».

Эти «антарты», т. е. местные партизанские деятели греческой националистической пропаганды, оказывают оккупационным войскам те же услуги, как сербоманы-учителя оказывают сербам в их полосе оккупации. Они очень хорошо знают патриотов и деятелей болгарского революционного движения и продолжают против них при помощи оккупационных войск ту же борьбу, которую вели прежде при помощи турецких властей. Вот для иллюстрации несколько отдельных случаев. «Фрурахом» (градоначальником) в Костуре (Кастория) назначен был греками некий Стефанос Дукас, которого местное население прекрасно знало в качестве «антарта», действовавшего в 1905 году под прозвищем «капитан Мальо», жегшего болгарские села и перебившего 60 болгар, жителей с. Загоричени. Конечно, отношение его к болгарскому населению нисколько не изменилось и после того, как он облечен был властью градоначальника. В гор. Хрупишта греческий офицер открыто хвалился, что в 1905 г. он был «антартом» и принимал активное участие в сожжении болгарского села Осничани. Естественно, что в своих гонениях против всего болгарского эти люди, прежде всего, обрушивались на своих старых врагов, особенно опасных им и любимых народом болгарских революционных деятелей. Илья Балючев, житель с. Жужелци, был вызван градоначальником Хрупишта, человеком такого же типа, как Дукас, обвинен в болгарской пропаганде и агитации и в сопровождении десятника выведен за Хрупишский мост, ко гробу матери, убитой «антартами» в 1905 году. «Видишь этот гроб? — сказал ему десятник. — Начальник велел мне тебя убить, но я тебе спасаю жизнь под условием, чтобы ты никогда не являлся в Хрупишту». У некоего Ставре Георгиева из Ново-Село (Солунь) был сожжен постоянный двор («хан»), и все население было уверено, что это сделано в отместку за то, что в былые годы он защищал свой дом с оружием в руках от греческих чет. В Енидже-Вардарском округе арестован популярный воевода Ван-до Георгиев по ложному обвинению в убийстве и краже; население убеждено, что это предлог, чтобы в его лице устранить серьезное препятствие для «эллинизирования населения». В другом случае такой же популярный борец за свободу, воевода Христо Чауш (Аргиров) из Караферского округа, посажен в тюрьму с шестью товарищами-четниками по более основательному обвинению в убийстве известного шпиона в турецкое время. Но арестованным его соучастникам из с. Воденска Вещица греческий офицер предлагает свободу, «если они станут греками». Окружный управитель в Енидже-Вардаре ведет другую тактику: он пытается воспользоваться популярностью воеводы Пальошева, чтобы при его помощи убедить окрестное население объявить себя греками. С этой целью он предлагает Пальошеву сопровождать его в поездке по селам. Однако воевода отказался от этой чести и предусмотрительно покинул Енидже-Вардар.

Учителя и школы в греческой территории оккупации подвергаются такому же гонению, как в сербской. Например, в селе Маняк (Костур) греческие солдаты уничтожили училищный архив, узнав, что бумаги написаны по-болгарски, и разбили глобус с болгарскими надписями. То же случилось и в с. Рули, причем греки открыто заявляли, что в оккупированных войсками местностях не должно остаться и следа болгарщины. В с. Грдобор (Солунь) солдаты уничтожили все книги, училищный архив и новую карту Балканского полуострова, потому что они были болгарские. В Енидже-Вардар греческие офицеры велели хозяину училищного здания сдать им здание под квартиру, потому что «впредь болгарского училища не должно быть». В с. Курнишор, той же округи, греческие войска выгнали учителя и поместились в училище. В Голо-Село, там же, они заставляли крестьян выжить учителя. В с. Воденска Вещица от болгарского учителя требовали документа, в котором бы его назначение было подтверждено греческим архиереем и околийским начальником. В противном случае грозили отправить его, связанного, в Караферию. Из того же села другой учитель принужден был удалиться под угрозой смерти.

Священники и архиереи также подвергались преследованиям греческих властей. В с. Желигоже (Костур), когда началось чтение Апостола по-болгарски, один из присутствующих греческих десятников схватил чтеца за руку и крикнул: «Какое ты имеешь право читать Апостол по-болгарски; в церкви надо же читать и петь по-гречески». В с. Мокоени (там же) офицеры требовали от священника, чтобы он заменил славянские служебные книги греческими и служил по-гречески. В с. Брезница грекоманы, поощренные приходом греческих войск, сняли колокол с сожженной турками болгарской церкви и перенесли его к себе. Греческий учитель в с. Ирчища заказал новый ключ и запер им болгарскую церковь. В случае малейшего сопротивления учителю было поручено вызвать греческие войска. В с. Грдобор (Солунь) патриархисты не допустили экзархистов служить в установленную очередь в их церкви. В с. Чичигаз священник испугался угроз и стал читать в церкви по-гречески. Тем не менее, он бы выгнан вместе с учителем из села, под угрозой, что оба будут убиты. Священнику в с. Святой Илья запретили служить в его собственной, экзархистской церкви, если он не представит дозволения от греческого владыки. В Караферии почти все болгарские священники были выгнаны. Священнику Николе Петрову было запрещено служить по-славянски и венчать без позволения греческого архиерея. В с. Горно-Копаново архиерейский наместник был выгнан из церкви, церковные книги уничтожены, из гор. Водены прислан вместо него греческий священник.

Не церемонились и с болгарскими митрополитами. Когда костурский митрополит попробовал воспользоваться своим правом ходатайства, чтобы заступиться за арестованных болгар, ему заявили, что митрополит не имеет права защищать интересы болгарского населения. Отрицали у него и право управлять епархией. В базарный день, 4 февраля, пристав с офицером

и двумя полицейскими явился в митрополию, где, по его мнению, происходило собрание. Хотя никакого собрания не оказалось, пристав все же воспользовался своим приходом для того, чтобы заявить владыке, что в Костуре нет болгарской митрополии, что он должен ограничиться городом. Под угрозой ареста он запретил митрополиту разъезжать по селам.

Цель всех этих распоряжений совершенно ясно определилась поведением греческих офицеров в селах. Кметство села Дембени сообщило митрополиту от 11 декабря, что «первая забота всякого офицера и простого рядового — узнать, какое население в данном селе и в соседних, — болгарское или греческое». Когда в Дембени (в этой местности сохранилось древнее носовое произношение юсов) им ответили, что все села тут чисто болгарские, офицеры приказали селянам *«стать снова греками, а иначе не будет им хорошего житья»*. Очевидно, греки исходили из полной уверенности, что *прежде* все села данной местности были греческими. «С какого времени вы болгары?» — спрашивал офицер в г. Хрупиште. Ответ был: «от години» (т.е. издавна). «Вернитесь к старине, станьте греками», — приказывал офицер. Это было еще мягко. Когда в с. Горно-Нестрам болгары отвечали на вопросы по-болгарски, десятник сердито прикрикнул на них: «Ми фоназите вургарика» (т.е. не говорите по-болгарски), тут Греция, а кто болгарин, пусть живет в Болгарии. В некоторых селах вопрос формулировался так: *«христиане вы или болгары?»*. В солунских селах зачастую офицер прямо приказывал населению говорить по-гречески, а не по-болгарски. Жители города Водены, Зристо и Мицо Яневы подверглись побоям за то, что не умели прочесть «Отче наш» по-гречески. Греческие кавалеристы спрашивали крестьянина с. Чурилева Демьяна Петрева, направив на него ружейные дула: «Кто ты, болгарин или грек?».

Кроме угроз действовали и обманом. Например, греческий офицер 5-й дивизии Навтопулос держал 25 января речь в с. Дольно-Дреновени, в которой уверял, будто в Костуре получена телеграмма: Костурский округ останется по взаимному соглашению между Даневым и Венизелосом в греческом владении! Есть ряд сведений, что во многих селах заставляли жителей давать подписи к петициям, содержание которых оставалось им неизвестно, но, по предположениям, это были выражения благодарности греческим войскам и просьбы о присоединении к Греции. Эти фиктивные демонстрации сочувствия к грекам не мешали им повсеместно отбирать оружие. При этом оружие отбиралось у одного только болгарского населения и передавалось иногда грекоманам. Обезоружение не обходилось без насилия, напоминавших приемы турецких властей в Македонии в 1910 году. Например, у крестьянина с. Поздивище, Георгия Стойчева, бывшего члена македонской (революционной) организации требовали выдачи 140 ружей. У него не оказалось ни одного. Стойчева связали, отвели в Костур и бросили в тюрьму. Преследуя старых болгарских революционеров, греки были очень снисходительны к своим прежним союзникам против них, туркам. Так, по жалобам болгар были арестованы в нескольких селах 10–15 турок. Когда греки узнали, что

эти самые турки во время болгарского восстания 1903 г. действовали вместе с греческими четами против болгар, арестованные были тотчас освобождены.

В моих документах имеется указание, что в самом начале оккупации наиболее ответственные власти в своих официальных заявлениях категорически высказывались против описанной политики насильственной эллинизации болгарско-македонского населения. Главнокомандующий греческими войсками опубликовал объявление, что «власть будет охранять язык и религиозные обычаи народностей» в полосе греческой оккупации. Но из приведенных фактов ясно, что обещание это не исполнялось. 11 декабря 1912 г. Костурский митрополит попробовал было потребовать от властей, чтобы на основании этого заявления главнокомандующего распоряжения властей публиковались не только на греческом, еврейском, турецком, как это делалось (очевидно, в Солуни), но также и на болгарском. Околийский начальник обещал написать об этом в Лерин (Флорину). Когда оттуда не последовало никакого распоряжения, митрополит 14-го января 1913 г. повторил просьбу. Ответ был: напишем в Солунь. Но и из Солуни никакого ответа не последовало.

В тот момент, когда пишутся эти строки, описанная тактика уже начинает приносить горькие плоды. Болгары спешно сосредоточивают свои войска на линии Вардара, готовясь оказать давление как на сербов, так и на греков. Со своей стороны и греки принимают меры предосторожности, стягивая войска около Солуни. Телеграммы уже принесли известия о нескольких столкновениях между обеими армиями. Я не говорю здесь о прежних случаях, о столкновениях при Нигрите и при Субоцко (единственном месте, занятом болгарами на запад от Вардара). Новые столкновения, на этот раз уже с сотнями раненых и убитых, происходили, по-видимому, поблизости от Сереса. В чем же заключаются планы и намерения союзников, неизбежно ведущие к братоубийственному столкновению? Каковы аргументы, которыми подкрепляются новые расширенные требования? И есть ли какая-нибудь возможность разрешить эти споры, могущие оказаться роковыми для будущности Балканского союза, мирным путем? На эти вопросы мы попытаемся ответить в следующей статье.

П. Милюков

58

«Новое время». 3 мая 1913 г. Куцовлахи и болгары

Вчера мы указывали на то, что в настоящее время не имеется между болгарскими и румынами решительно никаких проблем, могущих возбуждать недовольство Бухареста: с приобретением Силистрии все вожеления Румынии по направлению к югу являются исполненными. Для того, чтобы мысль

наша была совершенно закончена, мы считаем полезным осветить сегодня вопрос, почти не затрагивавшийся в русской прессе: о румынах, проживающих в Македонии и имеющих перейти во владение болгар. Ибо может возникнуть сомнение: не послужат ли именно эти румыны яблоком раздора между двумя соседними государствами?

1 марта текущего года г. Гешов заявил в болгарском народном собрании, что согласно протоколу, подписанному болгарскими и румынскими делегатами в Лондоне 16 января, Болгария предоставляет несколько привилегий тем румынским обществам, которое могут оказаться в завоеванных ею областях. Эти привилегии заключаются в том, что румыны будут пользоваться школьной и церковной автономией; для них будет учреждена особая валахская епископская кафедра; румынское правительство получит право субсидировать под контролем болгарского правительства валахские школы и церкви Македонии. Может, следовательно, возникнуть вопрос: не явятся ли эти привилегии недостаточными для румын, с одной стороны? Не будут ли они чрезмерными и не послужат ли они мотивом для развития румынского ирредентизма — с другой стороны?

Для того, чтобы правильно ответить на эти вопросы, нужно иметь в виду следующие фактические данные о положении румын (куцовлахов, цинцар, соответственно двум установившимся в практике полупрезрительным названиям) в Македонии. Численное их количество не поддается строгому учету.

Наиболее вероятною цифрою является та, которую дает Вейганд, директор румынского института в Лейпциге, весьма добросовестно изучавший этот вопрос на месте; Вейганд исчисляет число куцовлахов в 165 тысяч. Не нужно, однако, думать, что все эти куцовлахи будут находиться под владычеством болгар. Дело в том, что куцовлахи распределены в Западной Турции пятью главными группами. Около 20 тысяч румын живет в Албании, в долине Скумби и около Грабова. Затем, около 60 тысяч расположено на склонах Пинда и Олимпа, т.е. в таких местностях, которые целиком должны будут отойти к Греции. Та же участь уготована, вероятно, и румынам клиссурским, которых насчитывается около 15 тысяч. Таким образом, на долю болгар придется только около 70 тысяч румын мегленских и монастырских. Одной этой цифры достаточно для того, чтобы устранить всякие опасения относительно будущего румынского сепаратизма. Две горсти македонских куцовлахов, отделенных сотнями верст (всею толщею будущей Болгарии) от задунайских сородичей, конечно, не будут в состоянии и помыслить о каком бы то ни было самостоятельном государственном существовании.

С другой стороны, мы полагаем, что никаких новых привилегий — если болгары будут добросовестно исполнять обещанное — куцовлахи требовать себе не станут. Дело в том, что события истекших тридцати лет не доказали сколько-нибудь серьезной жизнеспособности куцовлашского национального самосознания. И это — несмотря на то, что турецкое правительство, систематически

поддерживавшее все мыслимые и немыслимые национальные раздоры, оказывало куцовлахам всяческое содействие. В 1878 году циркуляр великого визиря приказывал местной македонской администрации не мешать валахам в употреблении родного языка при преподавании в начальных школах. А в 1905 году султанское ирадэ¹ предоставляло валашским общинам избирать национальных мухтаров (т.е. сельских старост) и предписывало властям «оказывать всяческое содействие преподаванию на валашском языке». Несмотря на это, успехи куцовлашской идеи в Македонии были к моменту начатия военных действий весьма незначительны. Целый ряд деятелей, вроде А. Маргарити, прославил себя энергичной пропагандой румынской идеи; но реальные результаты являлись весьма малыми. В 1904 году румыны имели в Македонии две гимназии в Монастыре, коммерческую школу в Янине и 93 низших школы. Еще меньшими были успехи в области церковного устройства. В том же 1904 г. один из путешественников, специально занимавшихся данным вопросом, насчитал во всей Македонии 54 священника, совершавших богослужение на румынском языке. И это — несмотря на то, что еще в 1889 г. константинопольский патриарх особым распоряжением дозволил македонским румынам пользоваться для церковных нужд родным языком. Если прибавить к указанным данным, что в турецком парламенте румыны имели одного депутата, да и то выбранного в Корицком санджаке, т.е. в Албании, то приведенными данными исчерпаны будут все завоевания куцовлахов в период турецкого владычества.

Объяснение этого факта нужно искать в той сравнительной легкости, с которою куцовлахи денационализируются. В Сербии между Тимоком и Дунаем имеется до 150 тысяч румын; они сохранили обычаи, национальную одежду, язык; но они все поголовно прекрасно владеют сербским языком и не только не требуют себе никаких привилегий, но, наоборот, являются весьма надежными сербскими гражданами. То же самое можно сказать и о румынах, проживающих в местностях, соприкасающихся с Грецией; все те куцовлахи, которые селятся на склонах Пинда и Олимпа, владеют греческим языком и почти не сопротивляются проникновению в их среду чисто эллинской культуры. Единственными румынами, сохранившими свои национальные черты в полной неприкосновенности, являются те, которые проживают в Албании; но это объясняется некультурностью окружающего населения, не могущего противопоставить остаткам древнеримских традиций никаких более сильных элементов.

Вследствие всего этого мы полагаем, что куцовлахи Меглена и Монастыря удовольствуются привилегиями, обещанными им лондонским соглашением. Они действительно нуждаются только в признании права учить своих детей на родном языке и права совершать богослужение на таком языке, на котором они привыкли говорить в семьях. Если — как можно ожидать — болгарское правительство потребует для болгар, проживающих в Добрудже,

¹ Султанский указ.

тех же привилегий, которые оно предоставит македонским куцовлахам, то обе стороны будут заинтересованы в добросовестном и точном исполнении заключенного договора. Всякое преследование куцовлахов около Монастыря будет, конечно, вызывать репрессии в Добрудже, и наоборот.

По всем изложенным соображениям мы полагаем, что куцовлашский вопрос в Македонии не может дать материала для каких бы то ни было новых болгаро-румынских недоразумений.

59

«Русские ведомости». 4 мая 1913 г.

На Мраморном море

(От нашего корреспондента)

Мы едем вдоль пустынного морского берега. Вдали видны параллельно тянущиеся, тоже пустынные и обнаженные, холмы. На одном из них какая-то нелепого и безобразного вида постройка — ряд каменных заборов и длинный дом, приплюснутый к земле несоразмерно огромной черепичной крышей. Кругом — навоз, кучи мусора и опять навоз. По-прежнему ни кустика, ни деревца — все голо, хоть шаром покати!.. Это — один из самых больших в Турции «чифликов» с его усадьбой. Чифлик занимает чуть ли не все протяжение берега Мраморного моря от красивого дачного константинопольского местечка Эниватуса до Силиврии, некогда любимейшей резиденции императоров Византии. Принадлежит он самому султану, но от этого дело не меняется — ни сельскохозяйственной культуры, ни даже правильной обработки земли. Некоторые поля, арендуемые греками, обрабатываются сейчас на наших глазах ручными лопатами. Грязные, скрюченные фигуры арендаторов уныло бродят по полю, расковыривая землю пласт за пластом. Наша мужицкая соха в здешних краях показалась бы последним словом земледельческой техники. Но, по-видимому, здесь ни за техникой, ни за прогрессом не гонятся. Все идет как в доброе старое время, когда пришедшие из Азии кочевые полчища, вдребезги разбив прежнюю греческую и византийскую культуру, на их месте возвели не здание какой бы то ни было государственности, а простую, на скорую руку развернутую «временную» палатку, которую так же легко и скоро можно в случае надобности свернуть обратно, положить на арбу и двинуться или дальше куда-нибудь, или снова в Азию со всеми своими пожитками и обозом... Характерно, что здесь, во Фракии, турок постоянно чувствует себя точно гостем в собственном доме, лишь случайно и в данный момент прикрепленным к определенным стенам, но отнюдь не связанным с ними кровной и неразрывной связью собственника и владельца. По тем или

другим причинам, если дом фракийского турка сгорел во время пожара или разрушен часто случающимся здесь землетрясением, он не станет восстанавливать его, начинать новую жизнь в новых стенах, но на старом месте, а предпочитает бросить все на произвол судьбы и, оставив позади себя развалины, уйти отсюда навсегда и безвозвратно. Это знают и этим отлично пользуются местные греки, армяне, евреи и болгары. При вступлении болгарских войск в здешние местечки и города со смешанным населением мусульманские кварталы не только грабились, но и жглись и разрушались именно с этой вполне определенной целью — заставить турок уйти и не вернуться. В тех местах, где болгарские регулярные войска брали под свою охрану турецкие кварталы и не позволяли жечь и разрушать турецкие дома, там сперва бежавшие турки очень быстро возвратились обратно, ибо жилища их были «только разграблены», но стены остались целы и невредимы.

Последние дни полученная здесь софийская почта принесла с собой известие мало утешительного свойства: со всех сторон Болгарию теребят жадные, ищущие руки, отовсюду широко разинулись жадные пасти, готовые еще шире разинуться и проглотить... Но и сама Болгария, постепенно вошедшая во вкус «приобретения и расширения», уже успела к этому времени позабыть, что, собственно говоря, война-то ведь была начата ею исключительно из освободительных и отнюдь не колониальных целей... Хотя теперь, пользуясь готовой «сравнительной этнографией», некоторые находят, что проблема национального объединения Болгарии может быть закончена по меньшей степени лишь взятием Константинополя, ибо везде и всюду в этих местах процент болгар, представляющих собой компактную массу, наибольший в сравнении с остальным раздробленным, враждующим между собой и смешанным населением.

По этому случаю Россия и все русское сейчас не в фаворе. Не знаю, сколько десятков раз и от скольких десятков самых разнообразных людей нам приходилось слышать: Кроме вреда, неприятностей и огорчений Болгария от России ничего не видит!.. Россия постоянно всовывает палки в колеса Болгарии, мешая ей всюду и во всем... Если бы не Россия, Болгария еще в январе месяце получила бы все необходимое и закончила войну... Россия будто бы возбуждала сербов против болгар, советовала туркам не уступать Адрианополю, не соглашалась на линию Мидие — Родосто, и в то время, как Болгария могла бы сделать в любой из европейских стран выгодный заем, Россия заставила ее сделать этот заем у себя на крайне тяжелых и обременительных для Болгарии условиях, и т. д. И в конце обычный, неизменный припев: русофильство — наша национальная болезнь! Но мы примем против нее решительные меры! Мы прежде всего практики... Если нам будет выгодно, мы пойдем рука об руку не только с Австрией, но и с самим чертом... И можете быть уверены: болгарин всегда сумеет так устроить, что не черт с болгарина получит выгоду, а болгарин с черта!..

Раздражительное и нервное настроение на боевых позициях еще более повышается статьями софийских газет, наполненных комментариями по поводу сербо-болгарских недоразумений и «коварства и предательства» России.

Люди, больше шести месяцев не выдавшие своих оставленных дома родных и близких, измученные лишениями, голодом, грязью и главным образом обилием известных, но очень неприятных насекомых, читая воинственные статьи мирно заседающих по софийским кофейням журналистов на тему «Напред, на нож!»¹, невольно начинают задумываться над вопросом: а не лучше ли, чем тянуть всю эту канитель, пойти и в самом деле разнести? По крайней мере, хотя будет какой-нибудь конец!..

— Вот подождите, — сказал мне полушутя, полусерьезно один известный в Болгарии общественный деятель, волею судеб превращенный в «господина подпоручика», — прямо отсюда двинем на сербов... Через неделю — в Белграде... Затем греков разобьем. Потом румын...

— А после нас? — перебил его я.

— Не знаю, разобьем ли, — пожал плечами, не задумываясь, возразил он, — а что двинуть на вас, пожалуй, не мешает!

Но если в «верхних кругах» шумят витии, кипит (покамест еще, к счастью) только еще словесная война, в серых, одетых в солдатские шинели массах главных виновников болгарских побед — тишина абсолютная, и постороннему глазу трудно увидеть, происходит ли там что-нибудь, или все спокойно и невозмутимо. На расспросы даже своих офицеров здешний «войник» отвечает обыкновенно полнейшим на все согласием.

— Хочется домой? — спрашивает его офицер.

— Как не хотеться? Понятное дело, хочется!..

— А Царьград брать будем?

— Отчего не взять? Возьмем!

— А как же с сербами нам?

— Что ж — и сербов поколотим.

И т. д. Но тот же самый офицер рассказывал мне, как часто по вечерам он надевал солдатскую шинель, чтобы не видно было погонов, и бродил между палаток, прислушиваясь к разговорам «промеж себя» все тех же на все готовых и ни от чего не отказывающихся войников. И он поражался невольно, какой мучительной ненавистью к войне, отвращением к ней, оторвавшей их от родных и близких, забросившей за тридевять земель, были проникнуты эти интимные разговоры!.. Слово «кышта» (дом, семейный очаг) не сходило с их уст, звучало так заманчиво и призывно... Все говорили, как бы скорее туда, домой, в родную оставленную «кышту», и никто не вспоминал и не говорил о том, о чем так много и подолгу пишут в софийских газетах воинственные политики и журналисты, о чем должны были бы и даже обязаны говорить «хероните на победоносна болгарска та армия»², которую предпочитающие оставаться в Софии люди хотели бы еще до бесконечности гонять взад и вперед с одного конца Балканского полуострова на другой...

¹ «Вперед, в штыки!» (болг.).

² Искаженное болгарское «герои победоносной болгарской армии».

В иностранной прессе очень много писали о выносливости болгарского солдата. Действительно, он вынес настолько много, что теперь, по возвращении домой, имеет право потребовать у оставшихся позади ответа за целый ряд действительно возмутительных и никакой логикой, никакими высшими соображениями не оправдываемых вещей... Из них на первом плане стоит так называемая «медицинская помощь на поле сражения»... Я видел эту «помощь», и как раз после только что происшедшего сражения, о котором официально, кажется, не сообщалось, но которое, тем не менее, было и вывело из строя с болгарской стороны убитыми и ранеными более 130-ти человек. Сражение произошло утром в самый день заключения перемирия. К вечеру в двух палатках полевого госпиталя было 75 человек раненых. Все валялись вповалку на грязной, сырой земле, без малейшего признака подстилки, если не считать когда-то брошенных здесь охапок сена, от времени и грязи уже успевших обратиться в какое-то подобие навоза. Совсем молодой парень с перешибленными ногами метался в лихорадке, просил пить и стонал душевнораздирающим голосом. Прочие лежали, прижавшись от холода друг к другу, угрюмо и неподвижно. У входа в палатку двое так называемых «санитаров» равнодушно курили папиросы.

— Что вы хотите? — разводя руками, оправдывался сопровождавший меня врач. — У нас здесь нет ничего: ни перевязочного материала, ни лекарств, ни людей... Бинты получаем «домашнего приготовления» из Варны... Наложить такой бинт — он через час расползется. Хорошо, если заметят и другой наложат, а то человек просто истекает кровью, особенно в дороге... Мы писали, протестовали, заявляли, — никакого впечатления!.. А время и средства были, и было бы умение и распорядительность тех, кому ведать надлежит — половину совершающихся здесь безобразий можно было бы избежать и сохранить жизнь, быть может, тысячам и тысячам людей...

Утром была «эвакуация» на ближайшую железнодорожную станцию. Апатично плелись волы, запряженные в крытые повозки. Внутри повозок, подскакивая и трясясь на каждом ухабе, лежали наваленные как поленья раненные солдаты. Один, с перевязанной головой и, по-видимому, без сознания, бился от толчков повозки головой о стенку. Но никто его не переложил и не поправил. Более легко раненые шли пешком, поддерживая друг друга. Печальное шествие длилось долго, пока, наконец, последняя повозка и последний плетущийся, хромя и волоча простреленную ногу, раненый не скрылись в тусклой пелене уныло морозящего дождя за поворотом ведущей по направлению к Болгарии дороги...

А. Деренталь.
Силиврия, на Мраморном море.
13-го апреля

«Голос Москвы». 5 мая 1913 г. Необходимость посредничества России

Балканский союз переживает еще небывалый по напряженности кризис. Недавние союзники ныне стоят в полной боевой готовности друг против друга. В Сербии произведена частная¹ мобилизация уже распущенных по домам войск второго призыва; в Болгарии подтянуты к западным границам несколько дивизий из-под Чаталджи и Адрианополя и призваны все отпущенные офицеры.

В салоницком округе ряд мелких стычек между болгарскими и греческими гарнизонами завершился боем под Элевтерою 25 и 26 апреля, в котором принимала участие не только пехота, но даже и артиллерия.

Занятые Болгарией, Сербией и Грецией позиции диаметрально друг другу противоположны и отстаиваются с ожесточенною непримиримостью. Греция категорически отказывается от уступки Салоник, закрепленных за нею вступлением в этот город ее войск ранее прибытия седьмой болгарской дивизии. Болгария не желает признавать прав Греции на побережье салоницкого залива, Халкидонский полуостров и прилегающий Hinterland.

Сам по себе глубоко прискорбный болгаро-сербский спор обостряется целым рядом существенных промахов и нетактичностей, совершенных и совершаемых сербскими властями по отношению к населению оккупированных сербами областей Македонии.

Не хочется верить, но нельзя не верить голосу македонского народа, взывающего через посредство болгарской прессы к единоплеменной Болгарии:

— Избавьте нас от сербов! Нам при турецком режиме и то лучше жилось!

Кошмарно, нелепо и чудовищно, к сожалению, официально установленное избиение сербским майором Поповичем болгарского архимандрита Мефодия Дымова в Ускюбе (Скопье); не менее грустно читать о разорении сербами болгарской школы и церкви, запугивании нежелающего признавать себя сербским населения, избиении и убийстве болгарских учителей и священников, о терроре, внесенном в многострадальную Македонию ее «освободителями» от турецкого ига.

С истинным прискорбием следует признать, что Сербия вторично² принимает на себя великую вину перед всем южным славянством, опрометчиво разрушая крепость Балканского союза, в котором она нуждается несравненно более остальных балканских держав.

¹ Так в тексте. По-видимому, частичная.

² Отсылка к тому, что именно Сербия была инициатором сербско-болгарской войны 1885 г.

Настоящий момент грозит не только распадением Балканского союза, а и взаимоистребительною войною вчера еще шедших рука об руку балканских народов.

Настоятельно требуется немедленное вмешательство великой славянской империи в распри, угрожающую надолго затормозить культурное преуспеяние Балканского полуострова.

Имеются сведения, указывающие, что Россия ответила согласием на предложение Болгарии принять посредничество в разрешении спорных вопросов.

Это посредничество было предусмотрено еще сербо-болгарским договором 1912 года, и уклоняться от него Сербия не имеет никакого права в силу данного ею обязательства при разделе завоеванных областей полюбовно разрешать все могущие возникнуть недоразумения.

С точки зрения как международного права, так и этнографического разграничения Македонии, требования Болгарии вполне обоснованы.

Сербо-болгарский договор 29 февраля 1912 г. установил, что границе Старой Сербии и Македонской Болгарии явится линия, проведенная по Шар-Планине, к югу от Кочаника.

Договор этот вступил в законную силу, и с его точки зрения позиция Болгарии неоспорима.

Но сербы, оккупировавшие почти всю Западную Македонию, не хотят из нее уходить, ссылаясь на то, что их не допустили к берегам Адриатики (!), и на то, что в оккупированных ими областях население, «по ошибке» показано болгарским, когда оно, якобы, сербское.

Первая ссылка, очевидно, никого убедить не может, так как населению Охриды и Дибры нет никакого дела до того, владеет ли Сербия Дураццо или нет, а тяжелую руку сербов оно чувствует на своей собственной шее, а вторая ссылка блестяще опровергается авторитетами, стоящими на недостижимой высоте, вкупе с русской и болгарской академиями наук.

России предстоит высказаться по вопросу совершенно ясному:

1) Должны ли сербские войска, оккупировавшие Охрид, Монастырь (Битоли), Велес, Иштиб и Кочане, быть эвакуированными из области, неоспоримо договором закрепленной за Болгарией, и

2) Кому должна принадлежать, так называемая, «спорная полоса» — Скопье (Ускюб), Дибра и Куманово, где сербское и болгарское население перемешаны, с явным преобладанием болгарского элемента, а в самом Ускюбе, хотя некогда и бывшем сербской столицей, находится ныне 60 % болгар да 22 % сербов.

Одновременно Россия должна предложить Болгарии и Греции свое содействие к миролюбивому разрешению столь обострившегося за последнее время спора из-за Салоникского вилайета.

Но ранее всего, ради предотвращения ежеминутно могущих возникнуть серьезных осложнений, ради поддержания самой целости

необходимого в интересах не только южного славянства, но и России, Балканского союза, она должна потребовать от доверившихся ее посредничеству союзников немедленной демобилизации сосредоточенных ими на границах войск.

Н. П. Мамонтов

61

**«Речь». 5 мая 1913 г.
Сербские аргументы**

I.

Из двух балканских конфликтов, сербско-болгарского и греко-болгарского, первый представляет наибольшую опасность. Хотя между греками и болгарами и нет соглашений о разграничении, но ценой уступки грекам Солуни болгары, по-видимому, могут получить такую границу на юго-западе Македонии, которая соответствует их национальным задачам и действительной этнографической границе македоно-болгарского населения. Напротив, в сербско-болгарском споре мы имеем дело со столкновением двух непримиримых национальных идеалов, в которых выросло нынешнее поколение обоих государств и которые в течение десятилетий лежали в основе их национальной политики. Попытка примирить непримиримое путем раздела Македонии по договору 29 февраля 1912 г. чувствуется как насилие общественным мнением обеих наций. Сербь не хотят знать этого договора и требуют его пересмотра. А болгары, которые, скрепя сердце, на него соглашались, почти рады освободиться от него, чтобы с оружием в руках осуществить свою национальную задачу, приобретя всю Македонию. В таком трудном положении приходится России осуществлять свою посредническую роль.

Так как наступающей стороной при разрушении договора являются сербы, то мы рассмотрим прежде всего их аргументы. Аргументы эти довольно многочисленны, и многие из них неоднократно высказывались и на столбцах русской печати. Знакомясь с ними, нельзя отделаться от впечатления, что это не столько причины, сколько предлоги, и что главный, основной аргумент сербов, который не высказывается, но чувствуется, остается тем же, каким был и в 1878 году. Тогда Берлинский трактат разрушил национальные сербские надежды объединить все сербство и в этом объединении найти выход к морю. В то же время он создал на Балканах новое славянское государство, оказавшееся сильнее сербского. Восстановить равновесие, найти выход к морю — эти ближайшие задачи были подчеркнуты уже

в знаменитом тайном договоре короля Милана с Австрией, подписанном 16 (28) июня 1881 г. и возобновленном перед самым отречением Милана (1889) до 1895 года. Ценой отказа от всякой агитации против Австрии в Боснии, Герцеговине и Санджаке, т. е. ценой отречения от естественной своей национальной задачи, Милан получил поддержку династии и обещание помочь Сербии «в случае, если она получит возможность добиться территориального расширения со стороны своей южной границы, исключая Санджак». Как известно, этот пункт тайной конвенции толкнул Сербию на братоубийственную войну с болгарами в 1885 г., окончившуюся постыдным поражением. При возобновлении договора Австро-Венгрия приняла на себя еще более определенное обязательство «помочь расширению Сербии *в направлении долины Вардара*, если позволят обстоятельства». Конечно, австрийские отношения Обреновичей теперь уже — *alte Geschichte*¹. Карагеоргиевичи повели по отношению к Австрии прямо противоположную политику. Но надежда движения на юг, к Эгейскому морю, сохранилась и давно уже отравляет отношения между славянскими соседями на Балканах, непримиримо сталкивая их интересы в Македонии. Искусственно поставленная национальная задача скоро получила к своим услугам искусственную историю, искусственную этнографию, искусственную лингвистику, искусственную статистику Македонии.

Создалась целая литература, подчас с строго научным обликом, но всегда с неизменной публицистической задачей — помочь сербской пропаганде в Македонии. В 90-х годах прошлого века удалось склонить на эту сторону и русскую дипломатию... Только последние 10–15 лет создали вместе с попытками взаимного культурного сближения и попытки более спокойного и беспристрастного решения македонского вопроса. Но теперь, когда приходится делить добычу, это спокойствие и беспристрастие сразу куда-то исчезли, и мы стоим опять перед разгулом ничем не прикрытого национального шовинизма. Австрийская идея движения Сербии на юг, в чужие места, чтобы отвлечь сербов от северо-запада — эта идея опять чревата событиями, грозящими напомнить 1885-й год... Но капитальная разница та, что Австрия на этот раз не стоит на стороне Сербии. И если упорство и легкомыслие сербской агитации в самом деле доведут до вооруженного столкновения, то его последствия могут оказаться роковыми как раз для той стороны, которая заносчиво поднимает меч.

Сравнительно с этими грозными перспективами мелочное содержание спора кажется какой-то детской забавой. И если бы не было слишком серьезно то, что не говорится или не договаривается, то мимо того несерьезного, что говорится, можно было бы пройти молчанием. К сожалению, этого сделать нельзя. Приходится говорить о сербских аргументах — тех, которые формально выставляются — по существу.

¹ Старая история (нем.).

Разумеется, я не могу разбирать здесь сербо-болгарских споров из-за Македонии в полном размере. Когда-то я изложил историю сербо-болгарской распри подробно и к этому изложению отсылаю любознательного читателя¹.

Не буду останавливаться ни на исторических, ни на этнографических, ни на лингвистических аргументах, выдвигаемых обыкновенно сербской памфлетной литературой, как потому, что для этого потребовалось бы целое исследование, вооруженное специальными знаниями, так и потому, что ближайшего отношения к стоящему на очереди чисто *политическому* вопросу все эти аргументы не имеют. Коснусь только одного «картографического» аргумента, нашедшего себе доступ и на страницы русской печати с легкой руки профессора Цвиича (которого наши знатоки балканских вопросов упорно называют Цвижичем). Имя Цвиича стоит высоко во мнении ученого мира. С другой стороны, несомненно, что в практическом решении вопроса о разделе Македонии проф. Цвиич играл весьма значительную роль. Он не только подготовил идеологию раздела 29 февраля; есть основание думать, что он и непосредственно участвовал в определении разграничительной линии. И именно на примере проф. Цвиича можно видеть, как много условного и политического скрывается даже в суждениях таких выдающихся ученых и знатоков вопроса, когда дело касается услуг национальному делу.

Проф. Цвиич первый поставил вопрос так, что при разделе между сербами и болгарам надо различать «спорную» зону от бесспорных. Правда, «спорной» для Цвиича была почти вся Македония, как область «македонских славян», не сознающих своей национальности и одинаково способных превратиться и в болгар, и в сербов, смотря по политической конъюнктуре. Но нас больше интересует, в данном случае, «бесспорная» зона Цвиича, ибо именно она и легла в основу как договора 29 февраля, так и дальнейших притязаний сербов. При внимательном ознакомлении с сочинениями Цвиича оказывается, что эта «бесспорная», чисто сербская зона очень колеблется в своих очертаниях. Для определения этой зоны Цвиич употребляет условный историко-географический термин «Старой Сербии», произвольно расширяя его прежнее общепринятое содержание. Проф. Цвиич, конечно, слишком серьезный и прошколенный ученый, чтобы употреблять этот термин в смысле сербских шовинистов 60-х и 70-х годов и расширять Старую Сербию до пределов Душанова царства или искать ее везде, где справляется «слава» и поются песни про «кряля Марка». Но он не удовлетворяется обычным пониманием термина «Старая Сербия» в смысле Косова поля и Метохии. «Старую Сербию» Цвиич ищет и на юг от Шар-Планины, продвигая таким образом «бесспорную» сербскую зону в очень спорную для болгар область старого

¹ См. мою статью: «Сербо-болгарские отношения по македонскому вопросу» в «Сборнике Русского Богатства» (*прим. авт. статьи*. Имеется в виду: *Милюков П.* Сербско-болгарские отношения по македонскому вопросу // Сборник журнала «Русское богатство» / ред. Н. К. Михайловский, В. Г. Короленко. СПб., 1899).

болгарского национального движения, в область Скопья и Куманова, Гостивара и Тетова.

Действительно, можно было бы весьма основательно доказывать, что, несмотря на все усилия сербской пропаганды, болгаризм безусловно преобладает во всех названных местностях. Население считает себя в значительном большинстве болгарским, каковы бы ни были особенности его наречия, обычаев и истории. Но, как бы то ни было, точка зрения проф. Цвиича победила. «Старая Сербия» в указанных им пределах полностью вошла в состав той части Македонии, которая по договору 29 февраля уступлена болгарам сербам. Сравните, например, этнографическую карту, приложенную к брошюре Цвиича 1909 года (*L'annexion de la Bosnie et la question Serbe*¹), с границей договора 29 февраля, как она определена в цитированной мной статье Цвиича от ноября 1912 года (Балкански рат и Србија²), а также с новой картой Peucker'a от февраля 1913 (*Grenzansprüche der Balkanstaaten*³), и вы увидите, что это — почти одна и та же линия, оставляющая в пределах болгарской Македонии весь бассейн р. Брегалници, Велес, верховья р. Трески и албанское село Заяц. На другой карте Цвиича, приложенной к русскому переводу его «Македонских славян» (в издании Шайковича)⁴, правда, граница Старой Сербии очерчена несколько шире, захватывая среднее течение Брегалници и верхнее течение Трески (Великой). Но и тут Крушево, Прилеп, Велес остаются вне пределов «Старой Сербии», на болгарской стороне. Взгляните теперь на новейшую этнографическую карту Македонии того же Цвиича в *Petermann's Mitteilungen* (воспроизведена в № 83 «Русского Слова»), и вы увидите, как «научная» этнография, хотя и упираясь, принуждена следовать за этнографией политической. Границы «сербов» здесь уже передвинуты на юг, круто спускаясь от Велеса в обхват Прилепа, а затем доходя мимо Крушева до г. Охрида.

Эта передвижка «этнографической» черты, к сожалению, соответствует несомненному изменению взгляда на разграничение в самих официальных сферах. Я уже имел случай указать, что, не дожидаясь даже начала военных действий, в первой половине сентября 1912 г., сербское правительство в своем мемуаре державам выставило такого рода требования относительно границ «автономной» «Старой Сербии», которые явно противоречили условленной всего за полгода перед тем договорной границе. Здесь уже правый приток Брегалници (Злетовска) и все нижнее течение этой реки до ее впадения в Вардар, затем Прилеп, Крушево и Охрид прямо вводились в состав «Старой Сербии». Тогда, в сентябре 1912 года, не было налицо ни одного из тех военных аргументов, которыми сербы теперь доказывают

¹ Аннексия Боснии и сербский вопрос (фр.).

² Балканская война и Сербия (серб.).

³ Территориальные претензии балканских государств (нем.).

⁴ Цвиич Й. Заметки по этнографии македонских славян. СПб., 1906.

необходимость пересмотра договора. Тем не менее, склонность к нарушению договора и тогда уже была налицо. К сожалению, и потом сербские уполномоченные в Лондоне не воздерживались от отдельных заявлений державам своих сепаратных требований.

Когда, в январе 1913 года, я приехал в Белград, я натолкнулся там на дальнейшие шаги в том же направлении. Не говорю уже о военной молодежи, которая решительно заявляла, что она проливала кровь за овладение Монастырем (Битодем) и что она оттуда не уйдет; что министры, которые этому воспротивятся, падут и т. д. И в ответственных сферах, при всем желании соблюсти договор, уже тогда подбирались аргументы в пользу его пересмотра. С этой стороны указывалось, что совместная борьба за Скордский вилайет (Скутари) должна была бы считаться такой же общей задачей союза, вытекающей из договора, как и борьба за Одринский вилайет (Адрианополис): а между тем болгары не проявили достаточной готовности поддерживать Сербию в вопросе о гавани на Адриатическом море. Этим изменены условия договора, за что должны быть даны новые уступки. Так далеко, как в военных кругах, в ответственных кругах не шли. Здесь не хотели требовать Битоля и ограничивались Прилепом, как городом, с которым связаны национальные «сербские» (?) легенды о крале Марке. Велес уже присоединялся для округления получавшегося выступа границы. Были и кое-какие сомнения относительно восточного конца границы, слишком академически проведенной Миловановичем на бумаге и не соответствовавшей действительной орографии местности. Все эти желаемые уступки предполагалось получить добровольно, без всякого разрыва договора, путем обращения к дружеским чувствам и к государственному уму союзников. Словом, уезжая из Белграда в Софию, я увозил с собой впечатление, что блага союза настолько отчетливо сознаются его творцами, что обострение отношений из-за требований сравнительно второстепенных представляется совершенно маловероятным.

В Софии — а потом и в Солуни — мне пришлось яснее понять серьезность затруднений. Здесь настаивали и доказали мне документами, что упрек в нежелании поддерживать требования Сербии на Адриатическом море является скорее предлогом, чем действительной причиной требовать изменения договора. Было, конечно, и само по себе ясно, что veto на обладание Дураццо и территориальным «коридором» к нему положено не союзниками, а великими державами. Мне, конечно, неизвестно содержание взаимных переговоров между болгарскими и сербскими министрами. Но я получил основание утверждать, что перед Австрией ссылка на союзные обязательства Болгарии перед Сербией в вопросе о гавани была своевременно сделана. С другой стороны, самое содержание договорных обязательств в Софии понималось иначе, чем в Белграде. Здесь категорически утверждали, что спорным вопросом, подлежащим русскому арбитражу, является не расширение договорной границы на юг, а санкция уступки македонских областей на север от условленной границы. Именно потому, что

уже эти уступки — Скопья и Куманова — до крайности раздражили болгарское и македонское общественное мнение, никакая дальнейшая уступка, хотя бы сама по себе и незначительная, не была возможна. Должен прибавить, что, несмотря на все эти пункты разногласий, я, к своему величайшему удовольствию, встретил полное согласие в одном: в высокой оценке значения союза и в признании необходимости его прочности и его дальнейшего существования. Болгарские патриоты, так же, как и сербские, когда доходят до крайней степени отчаяния, охотно грозят возможностью отдельных действий и одинаково грозят какими-то таинственными предложениями Австрии, которые остается только принять, чтобы одержать верх в конкуренции. Но кроме того, что эти обоюдные ссылки взаимно уничтожают друг друга, я в данном случае встретился с категорическими заявлениями, что таинственные предложения встретили не сочувствие, а отказ. Возвращаясь через Белград, я имел случай передать свои софийские впечатления и, несмотря на психологию недоверия и на неустраненные разногласия в толкованиях фактов, все же остался в уверенности, что руководящие политики стоят выше искания популярности и что в своих крепких руках они донесут дело Балканского союза до вожделенного конца, в расчете на справедливый приговор истории. Последние номера желтой печати, которые я взял с собой в вагон, говорили, правда, уже тогда о том, что не Прилеп и Битоль, а весь правый берег Вардара до самых Салоник надо взять сербам, и что те, кто этому противится, будут сметены народом... Но и этот тон, и этот характер утверждений местной желтой печати мне были хорошо известны, нисколько не удивили меня и не смутили.

Каково же было мое удивление, когда уже здесь, в Петербурге, я услышал через несколько времени по возвращении, что сербы отправили ноту, в которой настаивают на пересмотре договора, причем за основу своих требований предлагают принять свою фактическую оккупацию Македонии! Я готов был бы считать свои сведения неверными, но когда в серьезном «Одъеке» я читаю (№ 26), как «абсолютное и безусловное», требование Сербии, чтобы сербские границы соприкасались с греческими, отрезая Болгарию от Албании, и когда об этом требовании говорится, как о неперменном условии дальнейших «добрых отношений между двумя братскими народами», «мира и равновесия» на Балканах, то... приходится заключить, что, пожалуй, вместо вопроса о прочности Балканского союза, нам предстоит присутствовать при решении вопроса о гегемонии на Балканах.

Для такой постановки вопроса нужна и аргументация особая. Чтобы вернуть ее перед русским общественным мнением, сербы принимают особые меры. Вслед за эмиссаром от интеллигенции, проф. Беличем, является к нам эмиссар от официальных кругов, бывший министр внутренних дел Генчич. Оба развивают довольно сходные соображения в пользу радикального пересмотра договора. Особенно интересна и, очевидно, близка к официальной мотивировка г. Генчича, только что переданная «Новым временем». Я уже

предупредил, что аргументы эти кажутся мне искусственными и что я вижу в них не причины, а предлоги. Мотивы меняются, цели остаются. Тем не менее, нужно, чтобы русское общественное мнение разобралось и в этих аргументах основательно.

П. Милюков

62

«Русское слово». 5 мая 1913 г. Европейское вмешательство

К стыду руководителей внешней политики балканских государств, раздоры между союзниками принимают опасный характер. Военная партия в Белграде, требующая оставления за Сербией всех округов Македонии, занятых сербскими войсками, начинает одерживать верх. Даже такие осторожные государственные люди, как Пашич, понемногу теряют хладнокровие и доходят до открытых заявлений о том, что Монастырь и Охрида должны, вопреки союзному договору, непременно перейти к Сербии. Конечно, подобные заявления только подливают масла в огонь в Софии, где, не стесняясь, поговаривают о болгаро-сербской войне в ближайшем будущем. Положим, от пустых угроз до дела дистанция огромного размера. Сомнительно, чтобы болгарская демократия, очертя голову, бросилась вслед за шовинистами и сверхнационалистами в такую авантюру, как братоубийственная война с Сербией и Грецией. Болгарский народ давно нуждается в прочном мире и едва ли пойдет на политическое самоубийство, каким было бы, без сомнения, расторжение Балканского союза и вооруженное столкновение со вчерашними братьями по оружию. Но все-таки самые прискорбные неожиданности всегда возможны, как показала кровопролитная стычка между болгарскими и греческими войсками в округе Кавалы (вблизи Элевтери и у Правишты). Этот округ населен преимущественно греками и турками, болгар же насчитывается всего несколько тысяч (в деревнях западнее Кавалы). Но географически округ Кавалы, как и все побережье Эгейского моря на восток от Афона, бесспорно тяготеет к Болгарии, почему грекам следовало бы увести отсюда свои войска. Если Салоники останутся за Грецией, то тем более Болгария не может обойтись без Кавалы и Деде-Агача и вообще без надежного выхода к Эгейскому морю.

Русской дипломатии давно пора употребить самые крайние усилия для прекращения позорного скандала из-за дележа Македонии. Следует дать понять кабинетам Белграда, Софии и Афин, чем они рискуют в случае постыдной междоусобной войны. Как только Сербия свяжет себе руки в Македонии, Австрия не замедлит активно выступить с целью взять реванш

за дипломатическое поражение в вопросе о выходе к Салоникам. Предлоги для австрийского вмешательства, как показал опыт, легко найдутся. Надеяться на поддержку России и держав Тройственного соглашения при таких условиях сербам нечего. Упорное сопротивление доводам рассудка и слепой шовинизм оттолкнут от Сербии симпатии европейского общественного мнения и вызовут отчуждение между сербской нацией и русским обществом. А сочувствие Европы и нравственная поддержка России гораздо дороже для сербов, чем несколько тысяч квадр[атных] верст спорных территорий. В свою очередь, греки, прежде чем лезть в восточную Македонию, должны припомнить, что эллинской нации предстоит решить гораздо более важные вопросы о южных границах Албании и об участии Эгейских островов. Нельзя разбрасываться одновременно повсюду и отстоять в полной чистоте свои идеалы, не пожертвовав ничем. Наконец, и болгары обнаруживают полное непонимание современного политического положения. Болгария достигла таких успехов лишь благодаря тому, что тыл ее был совершенно обеспечен вследствие своевременного вмешательства России, не допустившей Румынию до войны. Напрасно болгарская печать грозит тем, что Болгария при неудаче миролюбивого соглашения с союзниками вынуждена будет кинуться в объятия Австрии. Австрия достаточно ярко показала свое бессилие и желание пожить на чужой счет. В 1878 году на Берлинском конгрессе граф Андраши был главным виновником крушения сан-стефанской Болгарии, а с тех пор догматом австрийской политики неизменно оставалось противодействие образованию сильной славянской державы за Дунаем. Поддержка Болгарии Австрией может быть только эфемерной. Пока двуединой монархии не удастся сломить Сербию при помощи той же Болгарии, дунайским политикам нужно лишь взаимное истребление славян.

Само собою разумеется, одни увещания и советы благоразумия мало-вразумительны для разгоряченных голов. Если союзники не сумеют мирно разделить Македонию, Европа вынуждена будет вступить в дело. Новая балканская война ни в каком случае не может быть допущена. Великие державы располагают надежным средством положить конец безумным спорам и непримиримым разногласиям. Средство это — автономия Македонии. Конечно, к этому средству можно прибегнуть лишь в крайности, когда все другие меры воздействия будут исчерпаны. Но раз союзники вздумают еще раз оросить своею кровью Македонию, Европа должна вырвать у них добычу. Нельзя позволить растерзать на части злополучных македонцев, которым в междоусобной войне грозит варварское истребление. Хотелось бы верить, что до такого печального конца дело не дойдет. Пусть честь и совесть проснуты в сердцах победителей.

63

«Славянские известия». 5 мая 1913 г.

Балканские письма

XIX.

<...> Болгарские войска также начали понемногу оставлять Чаталджу и Булаир. Одна дивизия уже переброшена в местности, расположенные вокруг Солуни, — против греков; другая дивизия расположилась в Сересе и в других македонских городах — против сербской зоны в Македонии. Вообще отношения между союзниками перед Пасхой и на Пасху¹ обострились до крайних пределов.

Заявления сербского официоза «Самоуправа» и сербской прессы о необходимости пересмотра тайного договора, преследование греческими и сербскими военными властями болгарского населения в оккупированных частях Македонии, — все это вызвало резкий отпор со стороны Болгарии, болгарской прессы, болгарской армии, болгарского правительства и болгарского общества. Почти вся пресса и оппозиционные политические партии яростно атакуют правительство Гешева, обвиняя его чуть ли не в измене национальному делу в виду того, что оно не может защитить территориальных интересов Болгарии от Сербии и Греции. Оба официоза «Мир» и «България» напечатали ряд резких статей против сербов.

Бывший болгарский министр и дипломат Начевич сказал по поводу сербско-болгарского спора следующее: «Я нахожу, что претензия сербов (о пересмотре договора) незаконна, а еще более неуместен тот способ, каким это выражается. Насколько мне известно, в заключенном между двумя государствами договоре предусматриваются и те способы, которыми должны разрешаться все могущие возникнуть недоразумения и споры; я не могу не похвалить наших министров за такую предусмотрительность при заключении договора, потому что только таким образом возможно укрепить Балканский союз и сделать так, чтобы дружба между народами на Балканах из года в год делалась все искреннее и теснее. Игнорируя этот важнейший принцип, сербские политики показывают, что они лишены и такта, и добросовестности. Желательно, чтобы русская пресса повлияла отрезвляюще в Белграде в этом направлении».

Глава младолибералов Тончев (отражение софийских дворцовых кругов) так выразился о споре Болгарии с союзниками: «Сербь не имеют никакого основания требовать пересмотра договора и обязаны исполнить его точно во всем его объеме; в противном случае они рискуют потерять и то, что болгарское правительство им дало по договору, т. е. Ускюб и Куманово. Если сербы вызовут столкновение, то ответственность за это перед историей всецело падет на Сербию. Я глубоко верю, что если Россия самым серьезным образом заявит о своем нежелании допустить войну между союзниками, для избежания чего сербы должны исполнить свои обязательства, то Сербия опомнится

¹ В 1913 г. православная Пасха праздновалась 14 (27) апреля.

и образумится. Сделает ли Россия такой шаг — это вопрос. Лично я не верю, потому что, по моему мнению, Россия, не сумевшая поддержать Сербию перед Австрией по вопросу о выходе в Адриатическое море, теперь захочет удовлетворить ее за счет Болгарии. В нашем споре с греками, главным образом из-за Солуни, Россия также будет против Болгарии и поддержит греков. Своим поведением против нас в наших спорах с Сербией и Грецией Россия безвозвратно потеряет свое влияние в Болгарии и оттолкнет ее навсегда от себя».

Атмосфера в Болгарии и Сербии сгущена до крайности; легко и быстро воспламеняются как болгары, так и сербы. Немало достается и России от враждующих сторон. Болгарская оппозиция молчала в начале и во время войны. Когда же война кончилась, Россию начали обвинять и за то, что она согласилась уступить Румынии Силистрию, и за то, что Болгария не могла удержать за собою Родосто, и за то, что, как утверждают, Солунь останется за греками, а больше всего за то, что Сербия не желает исполнить тайного договора.

В правящих кругах Болгарии наблюдается большая уравновешенность в отношении к союзникам и к России, так как существует убеждение, что споры с Грецией и Сербией будут разрешены без войны, которой никто из союзников не желает; также все убеждены, что Россия согласится принять на себя крайне ответственную и тяжелую роль арбитра между двумя ссорящимися младшими членами великой славянской семьи.

К. Бербенко

64

«Голос Москвы». 8 мая 1913 г. Сербы в Македонии

Три года тому назад, путешествуя по Старой Сербии и Македонии, мне довелось остановиться на несколько дней в Ускюбе и, пользуясь любезным содействием нашего консула А. А. Орлова, ознакомиться с взаимоотношениями сербов и болгар в этой части Македонии, где сербо-болгарская распря особенно обострена.

Много лет прослуживший на Балканах А. А. Орлов, равно как и убежденный сербофил С. В. Тухолка, русский консул в Митровице, открыто признавали, что сербские притязания на Ускюбский вилайет основаны исключительно на том, что Ускюб, или Скопье, во времена царя Душана Сильного служил стольным градом Великой Сербии.

Но ныне население Скопье состоит на 60 % из болгар, и лишь на пятом месте после турок, греков и испанских израэлитов¹ встречается сербский элемент.

¹ Евреи-сефарды.

Несмотря на слабую обоснованность своих притязаний, Сербия издревле считала Скопье и всю «спорную» ныне область Македонии неотъемлемым достоянием краlevины сербской, и многие десятки тысяч динаров ее скромного государственного бюджета расходовались на безрезультатную пропаганду среди упорно не желавшего «осербливаться» болгарского населения.

Помимо таких мер, как издание газеты «Вардар» в Ускюбе, бесплатно рассылавшейся по всей Македонии даже тем лицам, которые настоятельно просили прекратить высылку сербского агитационного листка, сербское правительство решалось на предприятия несравненно более рискованные. Оно в лучшем случае закрывало глаза, а в худшем — покровительствовало образованию на территории королевства чет и переходу их в Ускюбский вилайет с целью терроризации болгарского населения.

В свою очередь тем же платили сербам и болгары. Братоубийственная распря вырывала лучших людей с той и другой стороны, разоряя население Македонии при благосклонном попустительстве Турции, искренно радовавшейся взаимоистреблению славянского элемента, расчищавшему место мусульманской колонизации.

В таком положении застал Македонию период, непосредственно предшествовавший образованию Балканского союза и его выступлению против Турции.

Через несколько дней после первой боевой стычки сербские войска оккупировали не только «спорную полосу», но и всю Западную Македонию и ввели в ней сербское управление.

— Освободители наши стали нашими поработителями — придите, спасите нас от сербов, нам легче жилось под турецкою рукою, — застонало болгарское население «освобожденной» Македонии.

Передо мною лежат на столе вырезки из болгарских газет самых различных направлений, и в каждой из них видное место отведено голосу зарубежных болгар, призывающих общество обратить внимание на творимые сербами самоуправства.

«Террорът в Скопье» — озаглавлен ряд корреспонденций из Ускюба в софийском «Утре». Тут повествуется о насильственном закрытии болгарских школ, об оштрафовании торговцев за то, что на вывесках они пишутся «Попов», а не «Попович», о карах за ношение болгарского герба на шапке только что вернувшимися с войны добровольцами, об избиении болгарского архимандрита Мефодия сербским офицером, об изнасилованиях сербскими солдатами женщин в болгарских селах, о разрушении по личному приказу наследного королевича Александра болгарской древней мраморной надписи над водоемом в монастыре близ Скопье...

В «Дневнике» мы находим указания, что в ограблении сербскими войсками болгарского села Пршевца, близ Тетова, принимали участие офицеры, и что вместо наказания виновных командир роты был повышен в чине за «карательную экспедицию».

Официоз «Мир» полон статей, ломящихся в дверь, уже открытую русскою и болгарскою академиями наук, и доказывающих, что Македония этнографически должна рассматриваться, как неотделимая часть Болгарии.

На границах Сербии и Болгарии продолжают сосредоточиваться войска; смешанная разграничительная комиссия отказалась от дальнейших работ, почитая их бесцельною тратой времени ввиду непримиримости точек зрения Сербии и Болгарии.

Положение единогласно признается критическим; весь славянский мир взволнован готовою ежеминутно вспыхнуть братоубийственной войною, и только российская дипломатия хранит величавое спокойствие пред лицом надвигающейся бури.

Чего ждет официальная Россия? Почему она не спешит предупредить роковое для всего славянства и неизбежное без ее посредничества столкновение?

Если голоса зарубежных славян не доходят до слуха русской дипломатии, голос русского общества должен призвать ее к немедленному и решительному выступлению, ибо незыблемость Балканского союза важна не только для одних его участников, но и для великой славянской империи, историческою миссией которой является объединение вокруг мощного русского ядра всего славянского мира.

Н. П. Мамонтов

65

«Утро России». 9 мая 1913 г.

Союзники?

(От нашего софийского корреспондента)

Несмотря на официальные заверения союзных правительств, отношения союзников внушают все больше и больше опасений.

Там и сям происходят кровавые схватки, настоящие сражения по всем правилам военного искусства. Жизнь создает невероятные парадоксы в роде:

— Военнопленных союзников.

Под прикрытием союзных договоров греки начали целую кампанию, дали целый ряд битв с жертвами, почти равными жертвам в войне с Турцией, а болгары приобрели новую человеческую разновидность упомянутых выше:

— Военнопленных союзников!

Греки и сербы всеми силами затягивают подписание мира, концентрируя войска, зная, что тотчас после заключения мира с турками у них начнется война с болгарами.

Это прекрасно понимают и в Софии и принимают все меры. Здесь прямо считают войну неизбежной, а болгарские войска, несмотря на усталость

и изнурение, радостно мечтают о победах над сербами и греками. Впрочем, последних никто даже не считает серьезным противником. Соотношение сил болгар и греков ярко характеризуется следующим анекдотом, который теперь у всех на устах. В Салониках, где греческие войска измеряются дивизиями, а болгарские батальонами, болгары чувствуют себя все-таки господами.

— И вот, — рассказывают о Салониках, — встречается болгарская полурота с греческим батальоном, и греки сторонкой, обходом спешат пройти мимо.

— Ние ще ви бием, — кричат болгары.

— Не се страхуваме, — отвечают, удирая греки, — Европа нема да допустне¹.

И нужно сказать правду, анекдот прекрасно характеризует как обе армии, так и те настроения, которые этими армиями владеют. Действительно, греки без Европы будут мгновенно смяты и раздавлены. Недаром командующий македонской болгарской армией обращался неоднократно к болгарскому правительству с краткой, но выразительной просьбой:

— Позвольте взять Салоники.

Ему, конечно, не позволили, но нет никакого сомнения, что он их возьмет тотчас, как только разрешат.

Так обстоит дело с греками, нисколько не лучше оно и с сербами. Только эти союзники несравнимо опаснее греков. Болгары это прекрасно знают и готовятся. Даже турецкое население Болгарии, которое само изъявило желание драться с сербами, не оставлено без внимания. Турки из Дели-Борманского округа, уже дравшиеся с сербами в болгаро-сербскую войну, снова вооружены с ног до головы и составят внушительную армию в пятьдесят тысяч человек. Словом, все в Болгарии на чеку и все снова ринется в бой, как только будет нужно. А по мнению болгарских политических кругов, действительно, нужно.

Здесь считают, что Болгария при арбитражах с союзниками неминуемо проиграет и потеряет значительные территории.

— Арбитражи выгодны союзникам, — говорят все, — но не выгодны нам. Нам необходимо так или иначе предупредить эти арбитражи или создать такое положение, чтобы решения арбитражей были в нашу пользу. Мы боимся, что может получиться вторая Силистрия.

И в единственном исходом из этого положения является необходимость:

— Побить союзников.

Утверждают, что будто бы и наш посланник Неклюдов высказался в этом же духе.

— Мир и союз балканских государств, — передают слова Неклюдова, — может обеспечить гегемония одного балканского государства, а таким

¹ — Мы вас будем бить.

— Не боимся. Европа не допустит.

Верус. (прим. авт. статьи).

государством может быть только Болгария, подчинившая себе своих союзников вооруженной силой.

Уже приведенного выше вполне достаточно, чтобы опасаться новой кровавой эпопеи. Конечно, до подписания мира с Турцией новой войны не будет, но за то, что будет после, никто поручиться не может.

Болгарские общественные деятели подчеркивают, что Турция еще очень сильна, что она может легко воспользоваться распрями союзников, а поэтому необходимо во что бы то ни стало подписать с ней мир.

Однако и Турция прекрасно учитывает положение и согласна подписать мир только со всеми союзниками одновременно. Все это вместе взятое снова вводит дела мира в мертвую фазу. Получается что-то в роде сказки:

— Дедка за репку, бабка за дедку и т. д.

Болгария хочет подписать мир с Турцией, чтобы бить союзников; Турция хочет подписать мир со всеми союзниками, чтобы ослабить их распрями и выиграть; союзники не хотят подписать мира, так как боятся Болгарии и хотят раньше устроить арбитражи; Болгария, зная это, хочет подписать мир одна и т. д.

Словом — получается своеобразный политический *circulus vitiosus*¹, переводя вольно:

— Топтание на месте.

Это, в свою очередь, еще больше раздражает союзников и восстанавливает друг против друга. Взаимная вражда растет не по дням, а по часам, и для меня не будет неожиданностью, если в один прекрасный день отдельные кровавые схватки союзных войск превратятся в правильную войну. Слишком уж соблазнительно разрубить запутавшийся узел одним взмахом меча.

Верус

66

«Голос Москвы». 12 мая 1913 г.

Опомнитесь...

Несмотря на то, что секретный союзный договор еще не опубликован и, может быть, не будет опубликован, его содержание в существенных чертах теперь известно. Это, прежде всего, не один документ, а несколько. Первоначальный договор пришлось дополнять рядом дипломатических конвенций и соглашений генеральных штабов обоих государств, но, что весьма существенно, эти дополнительные соглашения оставляют в полной силе первоначальный договор о разделе завоеванных земель. Теперь всем известно, как

¹ Порочный круг (лат.).

проводилась союзниками пограничная линия, но еще неизвестно было, что помимо раздела земель, договором предполагался еще один выход: создание автономной Македонии. Впрочем, этот выход предполагался только на случай, если бы под давлением внешних обстоятельств раздел завоеванных турецких провинций был совершенно невозможен.

Неизвестно было и то, что возможности, на которые рассчитывали сами союзники, вовсе не были так велики, как это оказалось на самом деле. В частности, вовсе не предполагался захват Албании, и при определении границ будущих владений ее в расчет не принимали.

Впрочем, относительно содержания договора, поскольку он касался распределения территории, нет возражений и со стороны сербов. Они все это признают и, доказывая свое право на изменение его постановлений, ссылаются на дополнительные соглашения, которые якобы существенно изменили характер участия сербов в кампании против турок. Гостящий сейчас в Петербурге бывший сербский министр внутренних дел г. Генчич особенно подчеркивает в своих интервью, что сербы сделали больше, чем было определено договором, в ту пору, как болгары оказались не в состоянии выполнить своих обязательств. Так, болгары обязаны были послать в долину Вардара вспомогательный корпус в 100 т[ыс]. чел., а они послали всего одну дивизию, да и ту скоро взяли на фракийский театр военных действий. Сербы же, наоборот, выставили в поле вместо 150 т[ыс]. чел., предусмотренных договором, свыше 400 т[ыс]. чел., и послали на помощь болгарам под Адрианополь две дивизии, чего вовсе не обязаны были делать. Вот за эти-то свои сверхуслуги сербы и требуют теперь соответствующих компенсаций.

Мы имеем возможность заявить, что сведения, сообщаемые Генчичем, не соответствуют действительности. Болгария вовсе не была обязана посылать на македонский театр войны 100 т[ыс]. чел. Соглашение двух генеральных штабов говорит лишь об одной дивизии. Эта дивизия, действительно, и была послана, но ее помощи и не потребовалось, так как сербы очень удачно справились с турками собственными силами. Ввиду же того, что во Фракии болгары встретили упорное сопротивление главных турецких сил и понесли тяжелые потери, представлялось более целесообразным отправить ненужную в Македонии дивизию под Адрианополь.

Неверно и второе утверждение, будто сербы не были обязаны оказывать помощь под Адрианополем. В силу ст. 7 дополнительной конвенции союзники обязались оказывать взаимную помощь, смотря по надобности. Эта надобность под Адрианополем и встретилась.

Вообще, следует категорически отметить, что союзный договор предусматривает совокупные действие всех держав, направляемые к одной общей цели, а вовсе не ограничивает роль союзника только действием в определенном районе.

После всего сказанного, поведение Сербии трудно оправдать юридически.

Но поведение Сербии и политически близоруко. Договор с Болгарией заключен по 1920 год. По договору союзники обязаны оказывать друг другу полное содействие. Для всякого ясно, что ближайшие семь лет не обещают быть годами мира. Не будучи пророком, можно смело предсказывать катастрофические события в Австрии. Это ясно показали только что состоявшиеся прения в австрийском рейхсрате. Слова словинца Корушеца о последнем часе монархии Габсбургов — не риторический только оборот. Вполне понятно, что при грядущих событиях Сербия смогла бы выполнять свою историческую роль объединения сербов только в союзе с Болгарией. Теперь же, настаивая на ревизии договора с последней, она сама дает повод к уничтожению союза и, следовательно, ставит крест над своею исторической миссией. Мы опасаемся еще худших последствий. Если дело дойдет до вооруженного столкновения с Болгарией, кто поручится за самое существование Сербии?

Пусть об этом хорошенько подумают в Белграде, прежде чем решиться на братоубийственную брань. Пусть они отрешатся, наконец, там от несчастной мысли, что все советы, подаваемые из России, навеяны пристрастием к болгарам. У нас есть лишь одно пристрастие — к великой всеславянской идее, и во имя ее мы и призываем сербов к благоразумию.

67

«Новое время». 12 мая 1913 г. Греция и Италия

Итальянская дипломатия заняла по отношению к Греции совершенно такое же положение, как австро-венгерская по отношению к Сербии. Следуя примеру своего союзника, она стремится ограничить права своего ближайшего балканского соседа на Адриатическом море, вытеснить его из Албании и, наконец, воспользоваться чем можно из турецких владений. До какой крайности Греция доводится притязаниями итальянского правительства, можно судить по сообщению нашего берлинского корреспондента. Греческий поверенный в делах в Берлине спросил помощника статс-секретаря по иностранным делам господина Циммермана: какое положение заняла бы Германия, если бы Италия стала угрожать Греции войной. Такого рода вопросы не задаются дипломатами из праздного любопытства или отвлеченной любознательности. Они становятся возможными только при чрезвычайных обстоятельствах под давлением особой опасности. О ней мы слышали за последнее время немало; теперь о том же с полной определенностью сообщает наш лондонский представитель.

Италия угрожает Греции, как мы сказали выше, тройко. Она настаивает на том, чтобы греки уступили занятые ими области в Албании, домогаясь

отодвинуть греко-албанскую границу как можно дальше на юг; она требует нейтрализации пролива между о. Корфу, домогаясь таким образом ограничения суверенитета Греции на ее собственной земле; она, наконец, намерена удержать за собой острова, населенные греками и занятые итальянскими войсками во время последней итало-турецкой войны¹. Острова эти по мирному договору между Италией и Турцией подлежали очищению от итальянских войск. Но итальянское правительство задержало на них свои десанты и тем воспрепятствовало грекам занять их во время войны своими отрядами. Оттоманское правительство, надо полагать, радовалось такому образу действий Италии. Ему представлялось, что Италия после окончания балканской войны возвратит Оттоманской империи все греческие острова, сбереженные итальянцами от греческого захвата. Теперь обнаруживается заблуждение турецких дипломатов и истинные намерения итальянских. Итальянское правительство помешало грекам занять острова вовсе не с той целью, чтобы возвратить их затем Турции. Оно нашло для них лучшее назначение.

Право Греции на южные округа Албании, заселенные греками и турками и взятые греческими войсками с бою, не вызывает сомнений. Еще бесспорнее суверенное право Греции на о. Корфу и на окружающие его воды. У Греции, наконец, лучшее право, чем у кого бы то ни было, на все утраченные турками острова, населенные греками же. Но право и справедливость при современных условиях пустые слова, если они не опираются на вооруженную силу и на решимость отстаивать их во что бы то ни стало. Что же греки могут противопоставить грозящему им насилию?

Греки не раз восставали против злой судьбы, отдавшей греческие земли под турецкое владычество. Собственными единоличными усилиями им не удалось сделать для своего освобождения ни одного шага, ведущего к решительному успеху. Последняя война их с Турцией в 1897 г. закончилась полным разгромом, и только вмешательство русского государя предупредило окончательное крушение греческого королевства. Греция как самостоятельное государство возродилась к жизни в начале XIX ст[олетия] благодаря России. В конце его она была спасена от гибели, навlecенной легкомыслием и самоуверенностью греческих шовинистов, тою же Россией. Благоразумная часть греческого общественного мнения, полагаем, не забыла этих жестоких поучений недавней истории.

В прошлом году Греция вошла в союз со славянскими государствами. На этот раз Оттоманская империя всем могуществом своим обрушилась не на нее, а на славянских союзников. Ценой сравнительно незначительных потерь, не превышающих шести тысяч человек, Греция завладела Эпиром и многими островами на Эгейском море. Как это не похоже на 1897 г., когда Греция выступила одна! Полному осуществлению ее законных требований препятствует Италия, и с Италией рано или поздно ей придется возобновить

¹ Додеканезские острова.

спор. Разум дела и опыт подсказывают ей таким образом вполне определенный образ действий. Сочувствие русского общества и прочность Балканского союза — вот необходимые условия успеха Греции и возможного осуществления ее более широких идеалов. К сожалению, минута политического просветления в Афинах была не долга, и Греция, не закончив должным образом войны с Турцией, начинает теперь новую смуту на Балканах. Она не довольствуется огромными приобретениями, доставшимися ей благодаря Балканскому союзу так дешево. Она желает дальнейшего расширения, и уже не за счет Турции, а за счет своих союзников. Сверх того, она ищет расширения своих владений не путем убеждения, а вооруженной рукой, разрушая самое основание своей силы и успехов — Балканский союз.

Наш лондонский корреспондент сообщает, что греческим Улиссам¹ удалось вовлечь в свои гибельные планы простодушную часть сербских политических деятелей. В противовес и в прямое разрушение четверного балканского союза будто бы создано какое-то отдельное греко-сербское соглашение. Греки по этому новому плану приобретают часть Фракии и Македонии и торопятся захватить их открытою силой. Мы уже потеряли счет греко-болгарским стычкам. Бог весть, сколько жизней принесено в жертву этому безрасудному плану, который в случае осуществления приведет к разложению Балканского союза, который из четырех третьестепенных государств создал новую великую державу. Близорукая алчность греческих шовинистов как будто преднамеренно рассчитана на уничтожение этой великой державы и на возвращение составных членов ее к первобытному ничтожному прозябанию.

Балканская война превзошла все самые смелые расчеты и ожидания союзников. Но она все-таки далеко не разрешила балканского вопроса, взятого во всей его полноте. И не могла разрешить, так как балканский вопрос шире счетов балканских народов с Османской империей. В этом балканских союзников настоятельно убеждают теперь Австро-Венгрия на севере и Италия на юге. Сербия в одиночестве бессильна перед Австрией. Греция один на один бессильна перед Италией. Но четверной союз Греции, Сербии, Болгарии и Черногории в случае испытания может дать отпор кому угодно.

Греция в настоящее время стоит перед поднятой для удара рукой Италии. Но силы свои она обращает не на отражение грозящего удара, а на подрывание той твердыни, которой она обязана своими успехами. Мы связаны с греками историческими воспоминаниями, узами родства, просвещения и религии. Тем болезненнее отзываются в России ошибки, в которые под влиянием близорукых расчетов и шовинистских внушений впадает греческая дипломатия.

¹ Улисс — латинизированная форма греческого имени царя Итаки Одиссея, воспетого Гомером.

«Голос Москвы». 14 мая 1913 г. Условия русского арбитража

За последнее время вся русская печать настаивает на вмешательстве России в болгаро-сербский спор и решении его путем посредничества, предусмотренного союзным договором. Мы также стоим за посредничество, но вместе с тем мы думаем, что оно может состояться лишь при соблюдении известных условий.

Теперь всем известно сильное русофобское движение, существующее как в Сербии, так и в Болгарии. Оппозиционные партии пользуются всяким случаем, чтобы дискредитировать Россию и тем самым поколебать положение русофильских партий, ныне стоящих у власти. Несомненно, что они используют в интересах агитации и будущее решение третейского судьи, которое по необходимости будет компромиссным и потому не удовлетворит ни ту, ни другую сторону.

В результате не только распадется болгаро-сербский союз, но и создастся на Балканах враждебная России группировка держав, и вся наша помощь южным славянам, огромные заслуги, им оказанные, не только пойдут прахом, но и обратятся против нас же самих.

На такую нелепость русская дипломатия, конечно, идти не может. Она, вмешиваясь в спор, должна выставить определенные требования, при наличии которых арбитраж послужит не ко вреду спорящих и посредника, а к их непосредственной пользе.

С этой целью Россия должна потребовать, чтобы ее решение было бесприкословно принято обеими сторонами. Этого требует наше державное достоинство. Дальнейшее условие, не менее важное — гарантия того, что болгаро-сербский союз сохранится и на будущее время и примет характер еще более тесный, чем это было до сих пор. Только таким путем будет обезглавлена австрийская интрига, ставящая себе целью уничтожение Балканского союза, этого кошмара австрийской дипломатии.

Мы полагали бы, что этот возобновленный договор всего вернее осуществил бы свою задачу, если бы он создал реальную связь между двумя народами. А этого можно добиться путем развития экономических сношений между Сербией и Болгарией. Таможенное объединение сыграло бы весьма важную роль. Оно не только спаяло бы два народа экономически, но и дало бы Сербии компенсации, по своему значению во много раз превосходящие территориальные, так соблазняющие теперь Сербию. Ведь при таможенном объединении сербские товары получили бы свободный выход ко всем болгарским портам, как на Черном, так и на Эгейском морях. А это сулит Сербии и экономическую свободу от Австрии, и крупные торговые барыши.

Наконец, еще одно — важнейшее условие, поскольку речь идет об охране наших интересов. Россия должна получить совершенно определенные

гарантии того, что Балканский союз не обратится против нее. Он дорог нам, как оплот для южного славянства в борьбе за достижение идеалов освобождения и самоопределения всех славянских народов. Он дорог нам как возможный ценный союзник в нашей будущей неминуемой борьбе с Австрией. И мы думаем, что военная конвенция Балканского союза с Россией послужила бы к обоюдной выгоде.

Если русская дипломатия всего этого добьется, мы первые будем от души приветствовать большую победу, ею одержанную в борьбе с Австрией и с австрийскими подголосками в Сербии и Болгарии, готовыми ради своих партийных целей бросить славянство в объятия их злейшего врага. Если же это окажется невозможным — нам нечего делать на Балканах. Нам придется лишь пожалеть о наших тратах на освобождение и защиту интересов народов, платящих нам черной неблагодарностью.

69

«Русские ведомости». 15 мая 1913 г.

Брат на брата

(От нашего корреспондента)

Не успели замолкнуть последние выстрелы на чатаджинских позициях, как перед недавними союзниками, Болгарией и Сербией, встает уже новый кровавый призрак — на этот раз братоубийственной войны... И невольно смотрят с тоскливой скорбью те, кто поверил красивой, но, должно быть, долго еще несбыточной мечте о братском союзе между двумя так близкими по крови народами, как все безнадежнее и выше становится с каждым днем разделяющая их стена взаимной злобы и ожесточения... «Облетели цветы, догорели огни»¹, — в непроглядной темноте наступившей ночи с обеих сторон роют общую могилу своим вчерашним еще идеалистическим настроениям.

Справедливость требует отметить, что инициатива в этом печальном деле принадлежит сербам... По моему мнению, знаменитая битва при Куманове была не столько «осиянной победой», сколько величайшим для Сербии национальным несчастьем. После нее закружились даже самые благоразумные головы. Все, о чем позволялось только тайно мечтать в тесном кругу патриотов «Великой Сербии», неожиданно стало возможностью чуть ли не завтрашнего дня. С такой артиллерией, как наша?... С таким

¹ Строки из романа «Умерла моя муза!.. Недолго она...» (текст: С. Я. Надсон, музыка: Л. Я. Дризо).

непобедимым войском?.. И сейчас же — «живио Сербия!.. Живели наши храбрые юнаки!..»¹.

Под видом этих последних не замедлили появиться на сербской политической арене неоднократно с нее удаляемые историческим ходом вещей борцы совсем не за народные идеалы... Под все прикрывающим флагом воинствующего и торжествующего национализма люди, привыкшие ловить рыбу в мутной воде, снова заняли ряд своих прежних позиций. Военная партия, любители легких и выгодных концессий и прибыльных поставок, бывшие некоторое время за кулисами, в тени, заговорщики и убийцы королевы Драги, принужденные после обнаружения зверских подробностей этого дня по настоянию европейской дипломатии снять военный мундир² — все выступили теперь вперед, все заговорили дружным и громким хором от имени сербского народа и во имя якобы его насущных и необходимейших интересов...

Сербы, не в пример трезвым и семь раз примеряющим, чтобы раз отрезать болгарам, настоящие гасконцы Балканского полуострова. Воображение у них доминирует над рассудком, и сильно развитая поэтическая фантазия очень легко и незаметно переходит в самообольщение. Еще в Белграде мне приходилось слышать от людей, с виду весьма солидных и положительных, вполне определенные планы будущей войны с Австрией, причем до Будапешта полагалось не более 5–6-ти дней, а взятие Вены, ввиду населяющих ее окрестности «поавстрияченных славян, которые все в душе сербы», не представлялось чем-нибудь уже абсолютно невозможным. «Не понимаю я, чего Россия боится Австрии? — совершенно серьезно и с искренним убеждением сказал мне в Ускубе один полковник сербского генерального штаба. — Ведь наша же артиллерия ей поможет»...

С болгарам у сербов отношения всегда были более или менее натянутые: с одной стороны, несходство национальных характеров, с другой — тяжелые и неприятные для национального самолюбия воспоминания о поражении при Сливнице в 1885 году. «Бугарите» (презрительное наименование болгарина) было и есть сейчас у сербов ругательное слово, после которого обиженному только и остается, что полезть с обидчиком в драку... При начале Балканского союза горизонт как будто очистился, с той и другой стороны, особенно между интеллигентными кругами, было сделано много попыток к взаимному духовному и даже экономическому сближению. Но это продолжалось недолго. На долю сербов выпала легкая и эффектная роль освободить Македонию, пройдясь по ней чуть ли не церемониальным маршем,

¹ Искаженное сербское: «Да здравствует Сербия! Да здравствуют наши храбрые герои!».

² Речь идет о заговорщиках, организовавших в 1903 г. свержение короля Александра Обреновича, в ходе которого он вместе с супругой Драгой Машин был убит. Ядро заговора составили офицеры, многие из которых затем вошли в знаменитую организацию «Черная рука».

в то время как болгары занимались выполнением неблагодарной и тяжелой работы, выдерживая удар главных турецких сил. Кто кроме знатоков Балканского полуострова слыхивал раньше про какие-то Кирк-Килисе, Люле-Бургас и т. п. фракийские местечки без имени, без истории, без связанных с ними общеизвестных воспоминаний? Но навряд ли кому неизвестны такие громкие имена, как Ускюб, Монастырь, и разумеется, люди, сумевшие их освободить от 500-летнего ига, тоже заслуживают большого внимания и уважения... Так стали думать о себе и сербы. Мы освободили Македонию — значит, она должна быть наша! — вот теперь их новый, на все лады повторяемый аргумент. — А что сделали болгары за это время? Стояли под Адрианополем? Да и там нам пришлось им помогать!..

Разошедшаяся шовинистическая пресса — а вся пресса в Сербии, за исключением социалистической, которую читают очень мало, такова — неумеренным преувеличением сербских побед и сербских потерь окончательно утвердила общественное мнение в том, что «братья-бугари» хотят заставить сербов таскать себе каштаны из огня бесплатно. Мне приходилось разговаривать в Адрианополе с сербскими солдатами. Каждый из них твердо и точно мог ответить, сколько войск выслала Сербия в помощь болгарам, сколько дала ей денег займы и т. д. Все цифры были в три-четыре раза больше настоящего их размера, причем даже при Чаталдже и в Галлиполи, как заявляли мои собеседники, сербов было по 30 тысяч!.. С такими убеждениями, конечно, обидно, если какие-то шагу без сербской помощи не сумевшие ступить болгары выражают вдруг претензии на сербским оружием и сербской храбростью завоеванные земли!.. В Белграде давно уже потеряли способность смотреть на положение дел не сквозь увеличительные стекла «великосербской идеи», и среди воинственных выкриков вошедших в азарт «патриотов» только слабо и одиноко слышится протестующий голос «Родничкине Новине» — органа местных социалистов, безнадежно хотя, но упорно пытающихся в данный момент «проповедовать истину в пустыне»...

Возможность сербо-болгарского вооруженного столкновения не есть сейчас какое-либо праздное измышление любителей сенсационных слухов. Положение действительно очень серьезно и рассматривается как таковое всеми болгарскими государственными людьми без различия партий. Делаются последние попытки если не убедить сербов в неправильности занятой ими позиции, то по крайней мере заставить их уйти с нее путем дипломатического давления... Последнее получится само собой, если болгарам удастся войти в соглашение с греками, о чем ведутся сейчас в Афинах переговоры.

Но здесь возникают новые затруднения. Хитроумный Улисс современной Греции, ее премьер Венизелос — сторонник болгаро-греческого сближения. Оно может быть достигнуто уступкой Болгарией грекам Салоник и 15 километров их «Hinterland'a». Болгары уже согласны отдать Салоники, но в обмен хотят оставить за собой Кавалу, Лерин, Водену и Костур. Против каких бы то ни было уступок Болгарии — греческая военная партия

и — теперь это не секрет — главный вдохновитель ее, недавний диадох Константин, ныне ставший уже греческим королем. От победы одного из этих течений, или, правильнее, одной из этих партий, — Венизелоса или самого короля, — зависит, с Сербией ли пойдет тоже охваченная «патриотической лихорадкой» и ставшая теперь «Великой» Греция или же, войдя в соглашение с болгарами по поводу спорных мест, тем самым положит первое основание так долго и мучительно желаемому всеми миру на Балканах...

А. Деренталь.
София, 7 мая

70

«Русское слово». 15 мая 1913 г. Раздел Балкан и Европа

Все старания благоразумной части болгарского общества и ответственных руководителей внешней политики Болгарии, Сербии и Греции не привели ни к чему. Воинственный задор безответственных руководителей политической жизни этих трех держав, не встретивший своевременно должного отпора ни со стороны общественного мнения у себя дома, ни со стороны международной дипломатии, сделал свое разрушительное дело. Наспех сколоченное здание Балканского союза рухнуло, как картонный домик. Святое дело освободительной войны завершилось позорнейшим скандалом форменной драки между союзниками из-за дележа турецкого наследства. Греки и болгары уже начали настоящую войну в округе Кавалы, остановить которую будто бы бессильны софийский и афинский кабинеты. Не сегодня завтра можно ожидать, что и сербы ввяжутся в потасовку с болгарами в западной Македонии. Реки пролитой крови настолько затуманили голос благоразумия и совести, что враждующие союзники не считаются ни с чем. Болгарский генеральный штаб не желает взвешивать опасностей войны на два фронта — с Сербией и Грецией, да еще имея в тылу Румынию, общественное мнение которой далеко не удовлетворено уступкой Силистрии. Болгары собираются прямо закидывать шапками своих союзников, и никто не подумает о том, чего будет стоить новая братоубийственная война стране, уже истощенной тяжелой полугодовой борьбой с турками. Сербы совсем забыли про австрийскую опасность и готовы действовать так, как будто бы белградский кабинет получил благословение Вены на войну с Болгарией. В Греции военная партия явно берет верх, и греки, не обращая внимания на грозящее отнятие северо-западного Эпира и на враждебную позицию, занятую Италией и Германией в вопросе об Эгейских островах, необычайно волнуются из-за прибрежной полосы в округе Кавалы, для эллинского дела не имеющей значения.

По сведениям европейской печати, Сербия и Греция даже заключили между собою союзный договор, целью которого является закрепление за ними всех областей, занятых во время войны их армиями. Претензии новых союзников идут так далеко, что они собираются поделить между собою не только всю западную Македонию со смешанным славянским населением, но и мечтают отобрать у болгар даже округа Драмы, Серреса и Струмицы с чисто болгарским населением. Затем, греки теперь заявляют настойчивые притязания на округ Кавалы и побережье Эгейского моря между устьями р[ек] Струмы и Месты, от которых афинский кабинет, по словам самого Венизелоса в палате депутатов, отказался по географическим соображениям. Если болгары намереваются наложить свою руку на местности с преобладающим сербским населением, от Струги до Эгри-Паланки, и не хотят расстаться с мечтой об отобрании у греков Салоник, то и противники не уступают им в мании величия. Сербия и Греция желают оставить болгарам меньше половины Македонии и лишить, в сущности говоря, Болгарию выхода к Эгейскому морю. Деде-Агач, который греки готовы предоставить болгарам, может служить удобным портом только для Фракии и восточных провинций Болгарии, а Македония и весь запад царства остаются ни при чем.

Союзники, так блестяще выдержавшие экзамен на полях битв, постыдно провалились на мирном экзамене политической зрелости. Из-за разногласий по сравнительно второстепенному вопросу об участии западной Македонии Сербия, Греция и Болгария готовы подвергнуть опасности все результаты освободительной войны. Симпатии европейского общественного мнения, быстро приобретенные балканскими державами, столь же быстро утрачиваются ими. Нарушение status quo на Ближнем Востоке было допущено великими державами лишь в надежде на то, что крушение варварского владычества турок устранил постоянный источник тревог за сохранение европейского мира и создаст новые условия для прочного прогресса балканских христиан. Когда же на смену турецкому варварству появляется такое же варварство, только под другим флагом, Европе приходится сильно призадуматься. Новая война на Балканах, безусловно, не может быть допущена в интересах, прежде всего, той самой злосчастной Македонии, за счастье и свободу которой дрались союзные войска. Если Македония, уже разоренная шестимесячной войной, снова станет театром братоубийственных столкновений между союзниками, население ее будет прямо стерто с лица земли, и победителям достанется пустыня. Затем, нельзя допустить второй балканской войны еще и потому, что она чрезвычайно обострит отношения между великими державами и может перейти в общеевропейскую войну. Надо тушить пожар в зародыше.

Русская дипломатия, под эгидой которой вырос Балканский союз, до сих пор ничего не сделала для умиротворения расхоронившихся страстей. Чем объясняется такое бессилие в вопросе, по которому никак нельзя ожидать противодействия со стороны других великих держав, — мы не знаем. Остается надежда на спасительное вмешательство европейского концерта. Формальное

право Европы на вмешательство в вопрос о разделе завоеванных территорий между балканскими державами неоспоримо. Границы балканских государств определены Берлинским трактатом, и поэтому на изменение их должно быть дано согласие со стороны всех великих держав, участвовавших на Берлинском конгрессе. Сомнений в возможности осуществления воли великих держав также не может быть. Европа заставила Болгарию отказаться от выхода к Мраморному морю, Сербию — от выхода к Адриатике, Черногорию — от Скутари, Грецию — от южной Албании и Валоны. Если великие державы будут единодушны, спорящие стороны должны будут подчиниться вердикту Европы. Нет нужды даже в применении принудительных мер военного характера. Достаточно твердого отказа в финансировании балканских держав и в признании нового порядка вещей великими державами. В крайнем случае, на очередь дня станет проект создания независимой Македонии. Раз союзники не могут и не хотят мирно разграничить свои новые владения, предмет спора придется у них отнять. Но да минет нас эта чаша бесславия и унижения. Братья, опомнитесь!

71

«Утро России». 15 мая 1913 г. Каиново дело

Злейшие враги славянства злорадствуют и заранее торжествуют. Ошеломившее их полгода тому назад выступление мощного Балканского союза грозным призраком восстало тогда между юго-западной Европой и Востоком. Вместо четырех мелких балканских государств, в лучшем случае терпимых Австрией, перед ней внезапно оказался сильный, победоносный союз народов, спаянных совместно пролитой за общее дело кровью. Из них три славянских государства, территориально сомкнувшись и расширившись, непроницаемой для австрийцев стеною опоясали Балканский полуостров, от неприступной твердыни Ловчена над Адриатикой вплоть до эгейской Солуни. Накануне роковых для единства Габсбургской монархии событий, накануне назревающих внутри Австро-Венгрии катастроф, вдоль юго-восточных границ ее создавалась окрепшая, слившаяся с Черногорией Сербия, и можно было надеяться, что в близящийся в пределах соседней империи момент всеобщего распада голос крови и общие интересы сербства инстинктивно привлекут нынешних австрийских сербов к воссоединению с Сербо-Черногорией, к воссозданию былой Великой Сербии.

И в этот исторический для южного славянства момент дух Каина охватил недавних союзников, вчера еще проливавших свою кровь в борьбе против общего врага. Из-за какого-то полудесятка македонских городков между сербами и болгарам возникает вражда, грозит разгореться кровопролитная братоубийственная борьба. Сторону сербов в этом конфликте держит, видимо,

Греция, со своей стороны враждующая с болгарами из-за обладания Солунью. До открытого столкновения сербов с болгарами еще, слава богу, не дошло, но целый ряд стычек между болгарами и греками, увы, совершившийся факт.

Россия не может допустить, чтобы поддерживаемое ею блестящее дело Балканского союза оказалось омраченным кровавыми междоусобиями. К этому вопросу, чисто славянскому, домашнему вопросу, Европу подпускать нельзя. Одна Россия, подобно старшей сестре, должна усовестить, облагородить обезумевших младших членов великой славянской семьи. Здесь должен раздаваться внушительный, не терпящий противоречия голос России. Русские руки должны развести разгоряченных противников и обнаженные уже мечи обратно вогнать в ножны. Каинам не место среди славян, и это надлежит нам громогласно заявить и в Софии, и в Белграде.

Миролюбивое соглашение достижимо и между врагами, тем более мыслимо оно между братскими народами. И победная миролюбивая развязка должна быть достигнута.

Россия одинаково относится и к сербам, и к болгарам. Оба народа одинаково близки России. И никто не смеет заподозрить Россию в том, что она поддерживает одних в ущерб другим. И пусть Сербия и Болгария спокойно обсудят все то, что они выигрывают от поддержания взаимного братского союза, и то, что они проиграют в случае разрушения его. И в своих собственных интересах, в интересах великого славянского дела отдадут свой спор на братское решение России.

Сербы не должны упускать из виду, что, достигнув берегов архипелага, заняв даже Солунь, Болгария обрела все для нее достижимое. Дальше некуда ей расширяться. Все, лежащее в пределах возможного, ею достигнуто. Пред сербами, наоборот, широкие перспективы, и этих перспектив нация, до сей поры не забывшая отторгнутых от нее боснийских и герцеговинских братьев, ни на единый миг не должна упускать из виду.

Из-за ничтожного клочка Македонии, таящего к тому же в себе такую массу горючего, враждебного и сербству, и болгарству материала, из-за этих Монастыря, Прилепа, Иштиба, Гевгели, Кепрюлю и пр[очих] македонских местечек вступать сербам и болгарам в братоубийственную борьбу преступно и безумно. Лучше выделить их в отдельную государственную единицу, наградить Европу второй независимой Албанией, и путем создания маленькой автономной Македонии спасти балканские равнины от повторного орошения их братскою кровью.

Но ждать долее нельзя. Нельзя доводить дело до крайности. Нельзя упускать момента, когда мирный исход еще возможен. Россия должна выступить немедленно и выступить открыто и решительно. Для нее нет и не может быть ни сербов, ни болгар. Для нее одни лишь *славяне* и интересы общего великого славянского дела!

**«Речь». 16 мая 1913 г.
Передовая статья**

Наша националистическая печать совершенно растерялась лицом к лицу с конфликтом между балканскими союзниками. Подобно курице, высидевшей утят, она мечется от одного соперника к другому и вопит: как же так? Где же «братство» и «кровное родство», на которые мы поставили свою публицистическую карту? А опасность со стороны Австрии, от которой мы так усердно вас оберегали? А идея всеславянства, а Балканский союз «под эгидой России», а крест на Св. Софии? Куда же делись все эти лозунги, в которые мы так верили и заставляли верить других? Неужели и на Балканах есть только борьба «интересов», которую мы признавали достоянием тлетворного Запада? И неужели в этой борьбе «родственные» чувства и русское покровительство так-таки ни во что не ставятся?

Да, реальные отношения между балканскими христианскими государствами нанесли жестокий удар нашей националистической маниловщине. В первую минуту наши славянолюбы думали, что дело решается просто. Предложить соперникам помириться и поцеловаться между собой, разделившись полюбовно: вот и делу конец. Оказалось, вовсе нет. Оказалось, что вовсе нет той середины, на которой можно было бы разделить общий «грех — пополам». Оказалось, что и вину за спор нельзя возложить на обе стороны, так как она целиком падает на одну из них. «Новое время», последняя из больших газет, крепилось, робко поддерживая сербскую точку зрения. Но и оно, наконец, догадалось, что та сторона, которая не хочет опубликования договоров, на которые ссылается, которая не признает арбитража по договору и даже не склонна идти на посредничество («Новое время» продолжает, впрочем, путать обе формы), вероятно, боится опровержений и чувствует себя неправой.

Как же теперь быть? Националистическая курица, потеряв надежду на миролюбивое примирение, взывает теперь к начальству. Прикажите им не ссориться! Иначе, что же это такое? Мы так долго их считали нашими выкормышами, что нельзя же им позволить повергнуть в прах нашу славянолюбскую легенду! Сделайте что хотите, но только пусть утята не плавают...

Увы, в нашем грешном мире закон борьбы первенствует над законами «кровного» родства и семейной дружбы. «Позорное» и «безобразное» не сегодня-завтра совершится. Болгарам придется померяться силами со своими вчерашними союзниками. Вопрос о «равновесии» или «гегемонии» решится на поле битвы. И телеграммы последних дней говорят, что на сербско-болгарской границе спешно идут военные приготовления, а с греками ведется уже фактическая война. Было ли требование Спалайковича о пересмотре договора ультимативным, мы не знаем. Но единственная альтернатива со стороны сербов — это то требование *совместного* дележа добычи всеми союзниками,

без всякого арбитража, которое будет выставлено в парламентской формуле перехода и, конечно, будет отвергнуто болгарам. Со стороны болгар нет никакой альтернативы. Или соблюдение договора (разумеется, с возможными частичными исправлениями), или — война.

Где же критерий, который позволил бы разобраться, кто прав тут, кто виноват? Когда мы впервые — довольно уже давно — указывали на этот критерий, нам возражали в националистической печати что мы только запутываем дело и усложняем вопрос. Критерий этот — собственное самочувствие Македонии, из-за которой вышла ссора и которую наши мягкосердечные патриоты предлагали поделить полюбовно. Теперь уже и такие столпы национализма, как г. Башмаков, начинают заговаривать о каком-то своеобразном совладении болгар и сербов в Македонии до тех пор, пока сербы при помощи болгар не добудут своего достоинства от Австрии. Идея *временного* владения частью Македонии, как *залогом* союзной помощи в случае будущего конфликта с Австрией — эта идея не оригинальна у бывшего редактора «Правит[ельственного] Вестника». Она зародилась в изобретательном сербском мозгу, — и грешит фантастичностью и неисполнимостью, свойственными этому симпатичному, но увлекающемуся народу. Соответствующая *реальная* идея, упомянутая даже в договоре, была бы идея неделимой *автономной* Македонии. Но эта идея рухнула вместе с пресловутым status quo, и возвращаться к ней теперь — значило бы искать прошлогоднего снега.

Не следует себя обманывать. Никакой *средней* идеи, которая могла бы вывести спор из тупика, не существует. Или исполнение договора, или война. Принудить к исполнению договора было бы хорошо, если бы это было возможно. Но такое принуждение возможно только путем интернационального воздействия. А как может состояться это воздействие, когда есть державы, которым сербско-болгарское столкновение выгодно?

Австрия, конечно, постарается извлечь из него всю пользу, какую сможет. В своей тонкой дипломатической игре до последней войны она делала авансы обоим теперешним соперникам. Собственно, традиционной политикой была бы для нее поддержка Сербии. Но это было так только до тех пор, пока Сербии было чем заплатить, хотя бы в виде отказа от претензий на северо-западные сербские земли в австрийских пределах. Теперь положение изменилось. Земли все прибраны к рукам, а «велико-сербская» идея так раздражила Австрию, что она спит и видит, как бы унижить, а по возможности и уничтожить Сербию. Это не мешает ей вести в Белграде переговоры о выгодном торговом договоре или о иных условиях сербской капитуляции. Но в случае крайнего обострения она предпочтет взять свою долю прямо — не из сербских, а из болгарских рук. Болгарской гегемонии Австрия не боится, ибо считает сильную Болгарию выгодной хранительницей Балкан от России. Таким образом, Австрия, как «балканская держава», может, наконец, улучшить время и положить свой меч на болгарскую чашку весов. С точки зрения «родственных» отношений это будет, конечно, «измена славянству» со стороны царя

Фердинанда. Но с точки зрения реальной политики — это будет верно понятый интерес...

Вот какие перспективы открываются при наступлении новой катастрофы на Балканах. Предупредить эту катастрофу — в интересах не одной России. А потому давление в Белграде, которое одно может поправить дело, есть обязанность не одной только России, а всей группы держав тройственного соглашения. Но давление должно сопровождаться определенной санкцией, ибо предаваться сентиментальностям в настоящее время некогда.

73

«Новое время». 17 мая 1913 г.

Декларация сербского министра-президента

В воскресенье на болгарско-сербской границе должны встретиться министры-президенты Сербии и Болгарии для окончательных переговоров о судьбе Балканского союза. Обоим правительствам осталось только два дня, чтобы обдумать свои последние решения. 19-е мая или закрепит дело, столь счастливо начатое в январе прошлого года, или разобьет все надежды друзей сербов и болгар. Естественно беспокойство, которым исполнено теперь русское общество.

Министр-президент Пашич счел нужным обнародовать во всеобщее сведение, с какими требованиями он отправляется на свидание с главой болгарского кабинета. Его пространные объяснения сводятся к следующему.

До войны с Турцией сербы заключили с болгарамии политический договор и военную конвенцию. Содержание их представляет государственную тайну и не подлежит оглашению. Сербский премьер приводит поэтому из договора и соглашения только некоторые пункты. Договор предусматривал раздел земель, если они будут завоеваны союзниками, на следующих основаниях. Часть их бесспорно размежевана за сербами, другая за болгарамии, третья объявлена спорною; она должна быть обращена в автономную область или разделена между союзниками Россией. Пределы спорной территории г. Пашич определяет от Шар-горы до Охридского озера и Архипелага.

От договора этого, по мнению главы сербского кабинета, теперь не осталось ничего. Он разрушен ходом войны, неисполнением условий договора болгарамии и вмешательством великих держав. Война разыгралась не так и не там, где это предполагалось; болгары заняли большую территорию, чем ожидалось, — до Адрианополя и далее; не выставили 100 000 человек на вардарский театр и наоборот, потребовали от сербов посылки 50 000 сербского подкрепления во Фракию; державы, наконец, оттеснили Сербию от Адриатического моря. Договор таким образом разрушен в самом основании и не

может служить основанием для раздела приобретенных сообща земель. Поэтому размежевание должно быть произведено не на основании этого договора, потерявшего значение, а по другим началам: согласно понесенным жертвам и жизненным интересам Сербии.

Речь сербского министра указывает далее, к каким практическим выводам ведут все эти соображения. Вся область между Шар-горою, Охридским озером и Архипелагом, признанная по сербской версии договора спорной, объявляется теперь бесспорной и притом бесспорно сербской; нет уже речи ни об обращении ее в автономную область, ни об арбитраже России. Отметая силу договора и условленный им арбитраж России, г. Пашич находит более сообразным с обстоятельствами дела, возбудив спор о договоре, самому же его и разрешить. Таковы заявления сербского министра.

Случаи отказа государств от принятых на себя обязательств в истории нередки. Но они находят себе оправдание только в том единственном случае, если обязательство навязано стране силой. Самовольный же отказ от договора, заключенного добровольно, успешно осуществленного, повлекшего за собой ценные приобретения и сверх того связанного с осуществлением широких национальных интересов, явление другого порядка и в нравственном, и в материальном отношении. Это различие сознает и г. Пашич и поэтому не довольствуется простым заявлением об отказе от прошлогоднего договора, а оправдывает его длинным рядом сложных соображений. Подвергать их обсуждению во всей полноте едва ли вызывается необходимостью, мы остановимся только на одной стороне их.

Г. Пашич утверждает, что договор нарушен болгарами. Может быть, он прав. Но раз он обращается с доказательствами своей правоты к европейскому и, в частности, к русскому общественному мнению, он уже не может ссылаться на то, что договор этот является государственной тайной. Как общественное мнение может судить, нарушен договор или не нарушен, если содержание его не приводится и даже заранее объявляется для всех недоступной тайной? Положение весьма неблагоприятно осложняется еще тем, что министр, объявив содержание союзного договора неподлежащим обнародованию, в то же время часть его тут же сообщает всему свету. Благодаря этому создается такое впечатление: министр охотно раскрывает те пункты договора, которые подтверждают правильность его точки зрения, а те, в которых, быть может, находятся опровержения его заявлений, скрывает завесой государственной тайны. Такие приемы едва ли ведут к цели, когда дело идет об убеждении всего европейского общественного мнения. Тем более, что оно гораздо осведомленнее о содержании союзного договора, чем это полагает сербский министр. Так, например, он напоминает, что Болгария должна была по основной военной конвенции выставить на вардарском театре войны вспомогательный корпус в размере 100 000 челов. Это бесспорная истина. Но не меньшая истина и то обстоятельство, что в той же конвенции находится 7 пункт, в силу которого обе стороны согласились переводить свои силы

с фракийского театра войны на вардарский и с вардарского на фракийский в зависимости от того, как того потребуют обстоятельства. Свои главные силы турки сосредоточили на фракийском театре и по точному смыслу приведенного пункта конвенций Сербия должна была послать часть своих войск во Фракию на поддержку болгар, что она добросовестно и с блестящим успехом и исполнила. Все это было сделано на точном основании конвенции, а не вопреки ей. Да иначе и не могло быть, ибо цель союзного договора могла быть достигнута только при условии, что неприятель сломлен окончательно по всей линии, а не в одном каком-либо отдельном пункте. Помимо того, европейскому общественному мнению известно, что помимо основной военной конвенции Сербия и Болгария в середине сентября прошлого года, накануне мобилизации заключили дополнительное соглашение. К этому времени обнаружилось, что турки главные силы свои сосредоточили на фракийском театре. Поэтому было условлено, что болгары пошлют на вардарский театр в помощь сербам только одну дивизию, что они и сделали.

Г. Пашич заявляет теперь, что дополнительные соглашения 5 (16) июля и 15 (28) сентября не имеют значения, так как, по его мнению, сербское военное министерство действовало в этом случае без достаточных полномочий.

Русское общественное мнение возьмет на себя благодарную обязанность — защитить сербскую армию от нападений сербского министра.

Сербские военные власти, входя с болгарами в дополнительные соглашения, действовали в полном согласии с основной целью договора и с буквальным смыслом 7 ст. основной военной конвенции. Перемещение болгарских и сербских войск с одного театра войны на другой предусматривалось конвенцией, а осуществление этого пункта зависит от соображений стратегических, подлежащих исключительному ведению военных властей. Правильность их блистательно оправдалась: только благодаря им враг был окончательно сломлен и цель союза достигнута.

Сверх того, соглашения о перераспределении союзных войск для достижения победы были подписаны еще до начала войны, т. е. с ведома и согласия кабинета. При таких обстоятельствах попытка опорочить их значение не может вызвать ни малейшего сочувствия.

Мы вовсе не оспариваем притязаний Сербии на лучшую долю в разделе завоеванных земель. Мы только указываем на то, что сербские политики в стремлении обеспечить Сербии лучшую долю явно утратили трезвое сознание действительности.

Война дала всем союзникам, за исключением Черногории, больше, чем они рассчитывали. Быть может, справедливо излишки приобретений распределить не по формальным только основаниям, а по другим, более глубоким, в связи не с минутными, а с основными интересами каждого из союзников и общими идеалами южного славянства. Но очевидно, что эту задачу может разрешить только арбитр, руководящийся соображениями о благе каждой из спорящих сторон, а не одной из них.

Г. Пашич в своем заявлении скупщине расширил область «спорной» территории далеко за пределы договора. Но и при том он, в сущности, не отрицает, что определение ее судьбы все-таки предусмотрено тем же союзным договором: территория между Шар-Дагом, Архипелагом и Охридским озером должна быть организована в виде автономной области или разделена между союзниками по арбитражу России. Если на предстоящем свидании с министром-президентом Болгарии он остановится на этой мысли, несчастье будет предупреждено. Если сербы не желают раздела этой области, пусть она будет обращена в самостоятельную область, как это предложили сами же сербы. Если они отказываются от этой мысли, пусть спорная область даже в том расширенном виде, как ее определяет теперь г. Пашич, будет распределена между союзниками арбитром, которым сами же сербы избрали Россию.

Всякое другое решение будет больше, чем преступлением.

74

«Земщина». 18 мая 1913 г. Братский спор

Крайне тяжело вмешиваться в семейные раздоры, а тем более трудно быть судьей в семейной тяжбе. Такой именно тяжбой является и спор о нарушении договора между Сербией и Болгарией.

Это в такой степени запутанный вопрос, что мы его и вовсе не касались бы, если бы все газеты самых разнообразных направлений не обрушились — кто на Сербию, кто на Болгарию, а кто и на всех славян вообще.

Без сомнения, всякому понятно, что как бы обдуманно ни составлен был договор о взаимных действиях балканских союзников и о дележе завоеваний, он всех случайностей предвидеть не мог. Прежде всего нельзя было определить, *где* Турция окажет наиболее сильное сопротивление, *сколько* войск она в состоянии будет сосредоточить *на разных* театрах войны, в каком виде проявится *вмешательство великих держав* и т. п. Естественно, что договор мог наметить *лишь принципиально общую цель*. Решение же вопросов о разделе неминуемо должно находиться в зависимости от хода кампании, от степени участия всякой отдельной из договаривающихся сторон в победах, от вторжения в балканские дела Европы и, наконец, от характера тех требований, которые могут быть предъявлены воюющим сторонам той же Европой.

Союзники могли, конечно, предвидеть, что Австрия или Италия будут препятствовать движению сербов к Адриатическому морю. Но насколько им это удастся — оставалось загадкой. Можно было предвидеть, что Англия будет противиться захвату Константинополя и проливов. Но в какой степени она допустит приближение к нему — также оставалось под сомнением.

Нельзя было рассчитывать и на безучастие Германии, а тем более России. Но в чем проявится воля той и другой державы — и приблизительно нельзя было угадать...

Как же при таких условиях можно было бы точно установить, *кому* что должно достаться из турецкого наследства?

Вспоминая ход событий, мы видим, что Россия и Германия, особенно Россия, стремились устранить вмешательство Австрии, и этого достигли. Но, ради предотвращения европейской войны, пришлось признать образование Албании, чего требовала и Италия. В силу этого положен был предел *распространения Сербии, Греции и Черногории на западе*, тогда как *движению болгар на востоке* никто преград не ставил. Сербия же этому содействовала.

Таким образом, Болгария приобрела более, чем предполагалось, тогда как сербам и грекам приходится уступить часть своих завоеваний, и они требуют некоторого возмещения за счет приобретений Болгарии. Болгария же настаивает на разделе, предопределенном договором, но не предвидевшем, что Сербии, Греции и Черногории не придется вполне воспользоваться плодами своих побед.

С своей точки зрения все, конечно, правы. Но тут должна быть *чья-то посторонняя, беспристрастная* точка зрения, дабы вопрос решен был *по советам*, и дабы все участники были вознаграждены в зависимости *от их участия* в общем деле и *от национальности* тех областей, которые отвоеваны союзниками.

Иными словами, выступает настойчивая необходимость посредничества, третейского разбирательства. И это настолько сильно сознается всеми друзьями славян, что все они советуют союзникам избрать третейский суд и подчиниться решению его беспрекословно. Такого посредника не трудно и найти, — стоит только обратиться к России, доброжелательно относящейся ко всем союзникам. Кто-кто, а Россия не пожелает никого обидеть.

Впрочем, избрание третейского судьи — вопрос последующий. Сначала же надо прийти к заключению о необходимости разобраться в договоре при помощи посредника. Другого исхода нет и быть не может. Если же балканские союзники прибегнут к братоубийственному истреблению друг друга, то только себя ослабят, а Австрии дадут повод к новому вмешательству. Недаром же враги славянства злорадно уже посмеиваются, предвкушая ослабление союзников и вынужденность подчиниться решениям какой-то финансовой конференции в Париже, которая должна определить, сколько государственных долгов Турции должен взять на себя каждый из победителей...

Своей враждой союзники сыграют только в руку своим врагам и... ростовщикам.

С. Глинка.

75

**«Новое время». 18 мая 1913 г.
Австрия и Балканы**

По сведениям нашего лондонского корреспондента, сербский посланник в Вене получил от австрийского правительства ободряющие уверения на случай столкновения с Болгарией. Болгария в свою очередь получила из того же источника уверения о поддержке против Сербии.

Сообщение нашего корреспондента косвенно подтверждается некоторыми местами речи сербского министра-президента в скупшине. Пашич сказал, что во время переговоров об албанской автономии и очищении сербскими войсками Адриатического побережья Сербии предлагалась вся долина Вардара вместе с Салониками, если она добровольно откажется от выхода на Адриатику. Впоследствии Сербии было указано, чтобы она не оказывала помощи болгарам на фракийском театре войны. Сербский министр не называет по имени государство, которое давало Сербии такие щедрые обещания и такие преступные советы. Но само собой разумеется, что дело идет об Австро-Венгрии. Именно она настаивала на очищении сербами Адриатического побережья и ради достижения этой цели прибегала ко всевозможным махинациям. Стремясь убедить Сербию согласиться на свои предложения, Австро-Венгрия одновременно достигала двух целей: преграждала южно-му славянству доступ к Адриатическому морю и вносила начало разложения в Балканский союз. При этом вторая цель имеет для Австрии большее значение, чем первая. Так или иначе, но коммерческий выход на Адриатику Сербия получит. Это было ей обещано державами за отказ от политического обладания берегом и, несомненно, будет осуществлено, как только на Балканах будет установлен мир. Внесение же раздора и ненависти между союзниками, замедляя успокоение, обессиливая Сербию морально и материально, замедляет оборудование адриатической дороги и, кроме того, отдает сербов в полную власть Австрии.

Австрийская точка зрения на этот вопрос очевидна сама по себе. В последнем номере «Deutsche Tageszeitung» она высказана откровенно. Германская газета задается вопросом: следует ли добиваться примирения балканских союзников. И отвечает на него с редкостной откровенностью: не следует; напротив, лучше предоставить балканским народам полную свободу довести свои споры до того момента, когда у них окончательно иссякнут силы.

Надо полагать, что у болгар, сербов и греков не все еще политические деятели потеряли душевное равновесие. К сожалению, во всех этих странах, в частности в Болгарии и Сербии, перевес, видимо, берут взгляды, ведущие к исполнению австрийских замыслов. Сербский министр-президент сам сообщает, что план присоединения всей Вардарской долины к Сербии помимо согласия Болгарии был предложен Сербии австро-венгерской дипломатией. Он сам еще столь недавно находил его опасным. Теперь он предполагает

осуществить его во что бы то ни стало, хотя бы ценой кровопролития и распада Балканского союза. Австрийская дипломатическая деятельность, упорная и планомерная, затмила, наконец, ясное зрение даже Пашича, этого трезвейшего и искуснейшего из сербских политических деятелей. Словно в гипнотическом трансе он идет по пути, в конце которого — пропасть для всего южного славянства; пропасть, которую он сам так ясно видит: он сам же разъяснил скупщине, что план насильственного завладения Вардарской долиной был предложен Австрией.

Вчера мы сказали, что не можем осуждать сербов за желание использовать плоды общих побед шире, чем это предусмотрено союзным договором. Но мы не можем отнестись иначе как с решительным осуждением к тем способам, к которым для осуществления своих требований собирается прибегнуть сербское правительство. Ибо они ведут не к осуществлению сербских национальных идеалов, а наоборот — к их окончательной гибели. Они ведут к осуществлению не сербских, а австрийских планов — к распаду Балканского союза и обязательному подчинению Сербии австрийской власти даже в том случае, если столкновение с болгарами окончится в пользу Сербии.

Сербские патриоты, работающие в пользу исполнения австрийских планов — какое удручающее зрелище!

Не избавились от влияния австрийских очарователей и болгарские политики. Они и теперь, накануне крушения Балканского союза, все еще стоят на почве одной только строгой юриспруденции. «В договоре написано то-то и то-то. Подавайте нам все условленное целиком, без малейшей скидки». Вот точка зрения болгарской дипломатии. Она требует арбитража России, установленного в договоре с Сербией, но только в пределах договора. Если нет — пусть будет война, пусть погибнут все приобретения, пусть погибнет вся страна, лишь бы восторжествовала юридическая правда.

Юридическая правда, несомненно, на стороне Болгарии. В союзном договоре точно указаны территории бесспорно сербские, бесспорно болгарские и область спорная, подлежащая разделу по решению арбитра. И если бы политика укладывалась целиком в рамки устава гражданского судопроизводства, то дело болгар нашло бы себе полное удовлетворение. Но политика не юриспруденция. И вопрос, подлежащий ныне всестороннему обсуждению болгарских государственных деятелей, заключается не в том, каковы пределы союзного договора, а в том — что произойдет, если они остановят свою мысль только на прошлогоднем договоре и закроют глаза на будущее.

Австрийская дипломатия прямыми и косвенными путями поощряет Сербию к насильственному разрушению союзного договора. Австрийская дипломатия будет рада, если Болгария в сознании своей юридической правоты откажется от всяких уступок, которые она признает юридически необоснованными. Настаивая на своей бесспорной юридической правоте, Болгария, как и Сербия, работает не на свое благо, а на радость Австрии.

Сербо-болгарская распря в том виде, который она теперь приняла, преступна. Позволим себе грубое, но правдивое слово: она, кроме того, глупа. Вопрос, жизненно важный для Сербии и Болгарии, заключается вовсе не в том, обязателен ли союзный договор 1912 г. или нет. Теперь возник другой вопрос, бесконечно более важный: как предупредить крушение союза; ибо с гибелью его — по вине ли Сербии или Болгарии, безразлично — гибнут все надежды южного славянства.

Создатели сербо-болгарского союза мудро предусмотрели возможность споров из-за Македонии. Они предустановили поэтому два исхода: или образование из спорных земель самостоятельной автономной области, или раздел ее по решению арбитра.

Теперь обе стороны стоят перед выбором: или схватиться друг с другом в смертельной борьбе, или вернуться к предначертаниям, указанным мудрыми составителями союзного договора. Для разумных людей, не утративших живого ощущения действительности, выбор будет не труден.

Проклятие останется на имени тех, кто останется глух к велению долга.

76

«Русские ведомости». 18 мая 1913 г.

Передовая статья

Телеграф принес нам, наконец, так долго ожидавшееся известие о заключении мира, заканчивающего войну между Турцией и государствами Балканского союза. Можно сказать, что этот мир представляет собой эру в международной истории Европы. Столетняя борьба балканских христиан за создание национальных государств получает в нем завершение. Плотины, поставленная было здесь Европой Берлинского конгресса, снесена. Балканские народы разорвали хитросплетения Бисмарка и Биконсфильда, в которых более 40 лет бились, как в силках, македонские славяне. Искусственно поддерживаемое владычество османов на Европейском континенте разбито вдребезги, и Турция может жить отныне только как азиатская держава. Но этим не исчерпывается еще все значение совершившихся событий. Переходящая всякие пределы нервность, какую проявляла Австрия за время войны с момента, когда счастье стало очевидно на сторону союзнических войск, свидетельствует о том, что за удар был нанесен столь неожиданным крушением Турции самым заветным планам Габсбургской монархии. Та компенсация, которую указал ей Бисмарк за потерю бывшего владычествующего положения среди германских государств, стала недостижимой. Дорога в Салоники для австрийцев теперь преграждена, и вся политика дуалистической империи должна получить новую ориентировку. Но взволновалась не только Вена. Германская империя

также учла немедленно, как изменяется с заменой Турции балканскими державами международное соотношение сил, и принялась за новые вооружения, не щадя материальных средств. В общем, мир должен был, по взгляду всех, запечатлеть триумф славянства над исламом и над германизмом сразу.

Но весть о мире отравлена другими донельзя горькими вестями. Давно уже расстроившиеся отношения между Болгарией и Сербией вступили в самый острый фазис. Сербия официально заявила, что она требует пересмотра заключенного перед войной союзного договора, где предусматривались территориальные приобретения союзников в случае успеха. На место договорного принципа она ставит теперь другой — раздел завоеванных территорий по ответственности с тягостью понесенных жертв. Болгария же признает такой отказ от договора вероломством, и взрыв готов последовать ежеминутно. Понятно, что при этом смолкает радость по поводу достигнутого в Лондоне подписания мирного договора, и мысли всецело поглощаются надвигающимся несчастьем.

Кто из двух союзников прав в этом ожесточенном споре? Надо заметить, что самый договор между Болгарией и Сербией остается и до сих пор неопубликованным, так что о нем мы могли судить лишь по газетным толкам. Но теперь во всяком случае мы получили сообщение официального характера. Сербский премьер-министр Пашич выступил, наконец, в скупщине со своим давно обещанным *exposé*¹. Аргументация Пашича, передаваемая в телеграммах, сводится к тому, что Сербия, с одной стороны, принуждена была сделать больше того, к чему ее обязывал договор, а с другой стороны, получила меньше, чем была должна получить. Так, для операций на македонском театре войны в помощь Сербии была назначена по договору сто-тысячная болгарская армия. Однако вследствие того, что планы болгарского генерального штаба были изменены, Сербия не только не получила болгарского вспомогательного отряда, но даже принуждена была отправить во Фракию 50 000 своих войск. Вследствие этого она должна была мобилизовать на 100 000 человек больше, чем первоначально предполагалось. Наоборот, Сербия не получила обещанного ей Адриатического побережья. Поэтому ей необходимо обеспечить для своей торговли выход к Эгейскому морю, а это, по словам Пашича, будет достигнуто только в том случае, если путь к нему будет лежать через греческие, а не болгарские владения. Отсюда вытекает требование, чтобы в южной Македонии Сербия непосредственно граничила с Грецией. Итак, если Болгария получила больше, чем она могла рассчитывать, а Сербия меньше того, на что она имела право, то простая справедливость требует, чтобы Болгария уступила ей некоторые области, хотя бы эти последние по договору и предназначались Болгарии.

Едва ли можно признать, чтобы такая аргументация достаточно подкрепляла заявленное Сербией требование об уступке ей всех областей, занятых сербскими войсками. Правда, Болгария при начале войны не имела в виду

¹ Доклад, изложение, выступление (фр.).

получение Адрианополя; однако и Сербия только очень условно могла рассчитывать на выход к Адриатике: ведь и получение ею Новобазарского санджака тогда еще стояло под сомнением. Что же касается выхода к Эгейскому морю, то для сербской торговли не так уж и существенно, будут ли сербские товары проходить по пути к морю через территории одного иностранного государства или двух, если между балканцами не состоится предусматривавшегося экономического объединения. А настоящее решение вопроса именно в этом торговом и таможенном союзе. Далее, если Сербия мобилизовала лишних 100 000 чел., то ведь и Болгария для общего союзнического дела выставила вместо 400 000 600 000. Сербия в Македонии не встретила сильного вражеского сопротивления, и битвы, в которых принимала участие сербская армия, много выигрывают в блеске от того, что давались они в местах исторических. Болгария же вынесла на своих плечах главную тяжесть войны, и победы ее сами сделали историческими те места, где они были одержаны. Потери Сербии втрое меньше, чем потери Болгарии, сербские войска уже около трех месяцев спокойно стояли в Македонии, а болгарские войска до самого недавнего времени продолжали терпеть под Чаталджей всевозможные лишения. При таких условиях может еще возникнуть вопрос, которая из двух стран принесла больше жертв и может, следовательно, требовать излишнего вознаграждения.

Если же припомнить, что в самый день подписания союзного договора Пашичем принимались меры к тому, чтобы из Македонии возможно было создать автономную сербскую область, если принять в расчет нескрываемые более «великосербские» мечты белградской прессы, то придется признать, что Сербия с самого начала была готова при удобном случае нарушить союзный договор, и что выставляемые ею теперь предлоги к его пересмотру лишь стремятся замаскировать основной мотив ее действий — боязнь образования «Великой Болгарии» и нежелание дать ей чересчур выдвинуться на Балканах в ущерб сербскому престижу.

Итак, взгляды обоих союзников выяснились с полной определенностью. Общественное мнение обеих стран требует скорейшего и окончательного разрешения спорных вопросов. Сербская и болгарская армии находятся на расстоянии дневного перехода друг от друга. Еще немного, и может совершиться нечто совершенно непоправимое и прямо преступное — братоубийственная война между двумя народами, которым история как бы сама предписывает тесный союз и совместную работу. Будем же все-таки надеяться до последнего мгновения, что голос рассудка возьмет в них верх над слепой страстью и что они передадут свой спор на решение посреднического трибунала, если какая-нибудь сторона боится взять в судьи одну естественную посредницу — Россию. Ведь чем бы ни кончилась война, она будет позором для всего славянства.

**«Речь». 18 мая 1913 г.
Редакционная статья**

Пrelиминарный договор о мире подписан в Лондоне делегатами балканских государств. Подписание договора объясняется не только настояниями великих держав, причем Грей бесцеремонно заявил, что те из делегатов, которые откажутся от подписания, могут уезжать из Лондона, — но и собственными интересами союзников. Главный из этих интересов в данную минуту — улажение взаимных отношений, и естественно, что все остальное отходит на второй план. К сожалению, опасность вооруженного столкновения между союзниками за последние дни росла с каждым днем, и заключение мира не уменьшает, а увеличивает эту опасность, окончательно развязывая руки противникам. Объяснения Пашича в скупщине, как мы вчера заметили, сжигали корабли. Прения по объяснениям Пашича подтвердили, что самые умеренные из сербских политиков стоят на точке зрения совершенно неприемлемой для болгар. При таких условиях очевидно, что предстоящее завтра свидание Пашича с Гешовым само по себе ничего ни уяснить, ни уладить не может. Спорные пункты останутся спорными и после этого свидания. Выработать условия компромисса, приемлемые для сербов, значило бы для болгар предать родственных им македонцев и отказаться от национальных усилий многих десятилетий. Выработать же условия, приемлемые для болгар, значит для сербов отказаться от того свойства их, которое «Новое время» считает «потерей чувства действительности». Мы уже говорили, что единственный исход — вернуть сербам это осознание действительности, поставив им категорическое требование от имени великих держав или, по крайней мере, от имени Тройственного согласия. Но в какой степени даже такое героическое средство может отрезвить сербов, нет никакой возможности предугадать. Приходится поэтому считаться с возможностью открытия военных действий между союзниками.

Один из сербских депутатов, возражавших Пашичу, заявил, что Болгария точно так же не осмелится бороться с Сербией, как она не осмелилась противиться Румынии. Одно это замечание рисует ту роковую психологическую aberrацию, под гипнозом которой находятся умы сербских политиков. Действительность жестоко разобьет эти детские иллюзии. Но, казалось бы, на обязанности всех друзей Сербии лежит в настоящую минуту объяснить сербам, какой огромный риск для будущности их страны связан с разрешением спора вооруженной силой.

«Московские ведомости». 21 мая 1913 г. Окончание Балканской войны

Война Турции и четырех балканских союзных государств закончилась подписанием условий предварительного мира в Лондоне, и нет сомнения, что вскоре будет подписан окончательный мир между Турцией и балканскими государствами. Чтобы добиться этой, столь желательной всей Европе цели, потребовалось немало усилий дипломатов и в конце концов решительное вмешательство сэра Эдварда Грея, который поставил делегатам союзных государств своего рода ультиматум, заявив им, что если они не желают подписать протокол прелиминарного мира, то могут уезжать из Лондона, потому что ничего иного они от конференции послов добиться не могут. Делегатам оставалось только подчиниться этому решительному заявлению.

Если в политических кругах балканских государств на первое время и может проявиться недовольство требованием европейских держав закончить распря, то там должны будут понять, что эти державы имеют право позаботиться о своих собственных интересах. В течение года державы находились под опасением, что балканская война может перекинуться на европейские государства и могли потребовать, чтобы теперь, когда главная цель войны на Балканах достигнута, воюющие стороны положили оружие. Главная цель заключалась в освобождении христианских народов от турецкой неволи. Эта цель разрешена уничтожением турецкого владычества в Европе, потому что оставление Константинополя с небольшой территорией в руках турок на европейском материке не сохраняет за Турцией даже номинального названия европейской державы. Все ее интересы сосредоточиваются теперь в Азии, и балканские государства могут заняться устройством и развитием как прежних, так и завоеванных областей, не опасаясь встретить противодействие со стороны их исконного врага.

Но как раз новая задача и является для недавних союзников крайне трудной. Победы их, более легкие, нежели они ожидали, пробудили в них стремление к захвату власти и преобладанию на Балканах, что возможно только при захвате более обширной территории. Отсюда споры союзников из-за границ будущих государств, — споры, с одной стороны подкрепляемые сомнительными ссылками на этнографический характер населения, с другой — указанием на неисполнение союзного договора. Эти споры и были главной причиной нескончаемой проволочки в подписании предварительного мира, главным образом со стороны Сербии и Греции. Болгария, которая уже ничего более от Турции получить не может, готова была даже отдельно подписать мир, чтобы только освободить свои войска под Чаталджой и передвинуть их на запад к областям, занятым греками и сербами, так как она готова была не остановиться даже пред братоубийственной войной. Но европейские державы не могли выжидать, пока союзники покончат свои домашние споры, и заставили их подписать мир, предоставляя им договориться уже после прекращения военного положения.

Судьба балканских государств вручена теперь в их собственные руки. До сих пор эти державы создавались и жили милостью великих держав, главным образом России, народ которой принес ради своих братьев столько жертв и готов был их принести и в эту войну. Если не удалось устранить влияние врагов славянства, если пришлось помириться с тем, что Сербия и Черногория были лишены плодов своих побед, то это зависело не от нежелания помочь союзникам, а от заботы не дать разгореться европейской войне. Но как раз это обстоятельство и должно побудить союзников ко всем усилиям мирно разрешить все возникшие между ними споры, руководясь мыслью о том, чтобы предоставить каждому сносные условия существования и не допускать разрыва союза. Только сохраняя единение, балканские державы могут нечто значить на концерте прочих держав. Можно думать, что благоразумие возьмет верх, и что дело не дойдет до братоубийственной войны, которая еще более разорит балканские народы на радость и на пользу врагов славянства и лишит их надолго влияния в международных делах. Успехи войны не должны им туманить голову. Даже худой мир должен быть теперь для них предпочтительнее брани. Россия может только искренно желать, чтобы нынешняя война была последнею на Балканском полуострове, и союзные державы явились оплотом мира и той силой, с которой должны будут считаться все явные и тайные враги славянства.

79

«Утро России». 21 мая 1913 г.

Козни греков

(От нашего софийского корреспондента)

Пожалуй, мы не ошибемся, если скажем, что источником всех осложнений в делах Балканского союза являются современные «хитроумные Улисы». Венизелос, безусловно, представляет на Балканах самую крупную дипломатическую силу и, безусловно, дирижирует сербами, ставшими теперь союзниками Греции против Болгарии. В военном отношении современная Эллада очень слаба и, не создав болгарам серьезных затруднений в дележе с сербами, она никогда бы не рискнула на агрессивные действия в Салоникском вилайете. И как бы борьба Болгарии и Сербии ни закончилась, греки ничего не потеряют. Пока Болгария должна волей-неволей держать половину своей армии под Чатаалджей и Булаиром, а другую половину выставить против сербов. Против же греков у болгар нет достаточных сил, да они особенно об этом и не заботятся.

Пользуясь этим положением, греки стараются занять все выгодные позиции по направлению к Кавале вдоль Орфанского залива, рассчитывая занять

даже Кавалу. В случае победы со стороны сербов греки удержат Кавалу за собой, а может быть, прихватят еще что-нибудь. В случае победы со стороны болгар они будут торговаться и, уступив, конечно, Кавалу, сумеют удержать прилегающие области около Орфанского залива, не говоря уже о Салониках. Таковы планы греков, за осуществление которых будет драться, между прочим, и сербская армия. Эта возможность заслоняться чужими боками придает грекам и теперь немало дерзости.

Ставшие за последнее время хроническими, схватки греческих отрядов с болгарскими постами подчеркивают тенденцию греков захватить то, что можно, в мутной воде союзных распри, захватить во что бы то ни стало.

Но Болгария, несмотря на страшное истощение страны, огромные потери и свое положение между трех огней, не теряет энергию.

Болгарское правительство прекрасно сознает создавшееся положение.

— Положение дел становится серьезнее и серьезнее, — пишет официоз «Мир», — являясь естественным результатом желания наших союзников использовать момент менее всего по-союзнически.

— В то время, — продолжает официоз, — когда наши войска находятся под Чаталджей и Булаиром во имя общего союзного дела, сербские и греческие концентрируются с явно враждебными по отношению к нам целями, намереваясь по окончании второй войны с Турцией вторгнуться в пределы Болгарии. Причем греки, занимая принадлежащие нам области, спешат укрепить их за собой, публикуя в иностранных газетах, какие местности когда заняли их войска. Далее «Мир» перечисляет ряд местностей, откуда греки выгнали болгарские посты и болгарских чиновников; указывает на целый ряд болгарских сел и поселков, выжженных греками.

Действительно, насколько мне известно, греки делали даже гораздо больше «предизвикательств»¹, как говорят здесь, чем сообщает официоз.

Совсем недавно, день-два тому назад, греческий отряд с пулеметом напал неожиданно на болгарскую роту, мирно расположившуюся обедать. Подкравшись, греки начали расстреливать своих союзников, убили двух офицеров, многих солдат. Завязался неравный бой, и греки вышли бы победителями, если бы не подоспела другая болгарская рота, зашедшая в тыл грекам. Греки были окружены и уничтожены все, до того было сильно озлобление болгарских солдат от коварного нападения. Но этим не ограничиваются греческие военачальники. Греческие отряды всеми способами портят телеграфные провода вдоль линии железной дороги от Салоник на восток, делая железнодорожное сообщение почти невозможным.

Всякий день приносит новые и новые известия о разных инцидентах с греками, все учащающихся с тех пор, как греко-болгарская комиссия для проведения границ в новозавоеванных землях не пришла ни к каким результатам и была вынуждена прекратить свою деятельность.

¹ Вызовов (болг.).

Теперь уже всем стало очевидным, что никакими комиссиями с греками дела не сделаешь, и урегулирование отношений незаметно перешло из рук дипломатов в руки главной военной квартиры.

По последним сведениям, Болгария выставила против своих союзников крепкие войсковые заслоны по линии от Деде-Агач до Дойрана и от Дойрана до Иштиба. Таким образом греческой дивизии, оперирующей на северо-восток от Орфанского залива, каждую минуту грозит Седан. Стоит болгарским частям, находящимся у Дойрана, продвинуться на юг, и вся греческая дивизия окажется вполне изолированной от Салоник, в кольце болгарских войск, имея выход только в море. Таким образом планы греков вряд ли осуществятся. Они еще раз только доказали, что в военном отношении они несостоятельны и сильны только за спиной других.

Но, как бы там ни было, подобные «приятельские акции» со стороны союзников вызывают страшное озлобление и в болгарских войсках, и в болгарском народе. Отчаянный шовинизм греческой и сербской прессы, проволочка с подписанием мира в связи с войной под сурдинку вызывают в стране полное убеждение, что война неизбежна. Это убеждение разделяется, кажется, и правительством, и главной квартирой, ибо Болгария вновь зажила той же напряженной жизнью, как и перед войной с Турцией. Снова потянулись военные обозы, воинские поезда, снова со всех сел гонят стадами реквизируемый скот, а столица Болгарии снова превращается в военный лагерь.

Интересно отметить, что до сих пор не произошло еще ни одного столкновения между сербскими и болгарскими войсками, между тем греки потеряли в боях с болгарам чуть не больше людей, чем в войне с турками. Однако, судя по всеобщему настроению, если начнется война с сербами, она будет нечеловечески жестокой.

— Пленных не будет, — говорят офицеры, — ни у них, ни у нас. Если мы иногда жалели турок, тут никакой жалости не будет...

— Мы, — говорят другие, — понесли больше всех жертв за общее дело, наши войска до сих пор поедаются вшами и мучаются на поле битвы, а союзники, воспользовавшись плодами наших побед, не понесли почти жертв и отдохнув, пользуются случаем, чтобы еще ослабить нас и потом вероломно напасть на нас...

На самом деле положение Болгарии очень тяжелое. Если отвлечь силы на греков, чего, очевидно, хотят новые союзники, то нужно ослабить войска против сербов. Сосредоточить силы против сербов, значит открыть тыл против греков. Конечно, это все устранилось, как только будет заключен мир с Турцией. Тогда булаирская армия справится с греками и займет Салоники, а чаталджинская подкрепит армию, действующую против сербов.

Верус.

«Новое время». 23 мая 1913 г. Накануне преступления

Накануне великого преступления общий долг — пытаться предупредить его. Постыднейшим на все века преступлением явилась бы междуславянская война за Дунаем — теперь, на другой день после союзной, увенчанной победами войны с многовековым врагом славянства!.. Может быть, сами православные народы Балканского полуострова до того ослеплены политической страстью, что и совесть, и здравый смысл уже отказываются служить им. Пусть же не спешат с решением, пусть прислушаются к мнению всего света.

Мы живем в эпоху, когда всесветное мнение в состоянии сложиться и высказаться, не дожидаясь суда истории. Истинный суд истории, в сущности, и есть свидетельство о событиях живых современников. Таким всемирным свидетельством пренебрегать не следует. Еще сто лет назад, при отсутствии печати, обслуживаемой телеграфом и постоянной корреспондентской агентурой — общество культурных стран могло очень долго держаться в неведении относительно действительного смысла событий, но нынешний мир благодаря пару и электричеству слишком прозрачен. Земной шар постепенно превращается в своего рода всевидящее око, непрерывно оглядывающее жизнь и не признающее сколько-нибудь крупных тайн. Прямым следствием такого изменения вещей явилось то, что в активную политику, кроме правительств, вмешиваются сами народы, иногда весьма отдаленные. Как ни далека Россия и Германия к мысу Доброй Надежды, однако сочувствие этих империй очень связывало руки Англии в ее войне с бурами. Как ни далека Манчжурия от Англии и Америки, но сочувствие этих стран японцам значительно парализовало наши силы в недавнюю войну. Справедливый или нет, но раз установившийся гнет всесветного мнения является своего рода атмосферным давлением: бороться с ним очень трудно, и если оно против вас, то ваше дело можете считать проигранным. Даже великаны среди народов с трудом борются против неблагоприятно сложившегося против них общего приговора, для народов же карликов этот приговор имеет значение Страшного суда.

Славяне вообще не пользуются большой популярностью в семье человечества. Они никогда не были любимцами народов — в роде древних эллинов и латинян. Унаследовав скифо-сарматские земли, а, может быть, отчасти и кровь этих загадочных народов, славяне до известной степени унаследовали и плохую репутацию их, отмеченную еще у Геродота и в Библии (см. Кн. Маккавеев). При полной возможности завоевать Рим и Византию, славяне уступили даже эту честь германцам и туркам, как им же уступили (что касается западного славянства) и собственную независимость. Только Россия на полтора столетия сумела отвоевать себе внушительное и даже грозное положение, заставлявшее с нею считаться, но авторитет, основанный только

на грубой силе, оказался (как и для других завоевательных стран) ненадежным. Моральный авторитет Россия начинает накапливать не ранее своих нравственных заслуг в области освободительной политики (война 1877 г.) и в области мирной культуры. Известное уважение среди народов и западные славяне начинают приобретать не ранее полного приобщения их к западной культуре. Либеральная Европа не могла не сочувствовать освобождению мелких национальностей от турецкого ига и принятию ими конституционного строя. Так как последняя война явилась завершением освободительного процесса, то всеобщее мнение было на стороне Балканского союза. Только еврейская и отчасти немецкая печать, наблюдая интересы германской союзницы — Турции, была настроена неприязненно к балканским славянам, соблюдая, впрочем, некоторое приличие. И священная цель войны, и блистательные победы над историческим хищником, и развитие серьезной силы при трогательно малых средствах — все это невольно мирило со славянами, привлекало общие к ним симпатии. Результат этих симпатий оказался для славян чрезвычайно счастливым. Европа не только выдержала, если не считать Скутари, полный нейтралитет (нарушить который имела столько соблазнов) — Европа даже отказалась от своей тяжелой угрозы, сделанной в прошлом сентябре, когда балканским державам было категорически заявлено, что никакой исход войны не будет уважен и территории воюющих держав останутся без изменения. Столь торжественное обещание свое Европа теперь целиком взяла назад, и не только некоторые территории Европейской Турции, но *вся* она отдана завоевателям (не завоеванная Албания очевидно для Турции навсегда потеряна). Пусть эта покладливость Европы объясняется твердым (при всей сдержанности) намерением России отстоять для славян *главные* плоды побед, но России, может быть, было бы трудно парализовать австрийские покушения, если бы она не могла в данном случае опереться на сочувствие к славянам во всем свете. Не только в полуславянской Австрии, не только в союзных державах тройственного согласия, но даже во враждебной Италии общественное мнение внушительно высказалось за славян. При таком всемирном расположении умов для врагов славянства стало ясно, что в случае резкой несправедливости в отношении Балканского союза Россия не только не отступит перед войной, но будет иметь всеобщую поддержку в благородном своем заступничестве.

Вплоть до последнего момента войны Балканский союз как бы накапливал свой нравственный капитал и увеличивал сочувствие к себе всего мира. Что ни говорите — даже в наш грубо материальный век совесть народов есть большая сила, и общий идеализм — большой союзник для всякого честного дела. Пока балканская война казалась бесспорно честной, сердце народов билось за нее. Но мир с Турцией уже подписан, и начинается дележ добычи... Наступает критический момент, острую опасность которого я указывал еще накануне войны. Как-то разделятся народы-братья? Не оскандалят ли они себя крайней жадностью и братоубийственной борьбой? Если да, то

очень многое из поэмы войны пропало, а может быть и *все*. Возраставшее сочувствие к славянам в мире немедленно остановится — оно уже, по-видимому, остановилось в одном лишь предчувствии позорного зрелища. Нравственный капитал уже идет на убыль, а если неприличная распря завершится кровавой дракой, то все моральные приобретения будут утрачены. Оглушительно и злорадно захохочут враги, и будут правы, ибо в сегодняшней свалке вчерашних союзников в самом деле много самого пошлого комизма. С глубокою скорбью усмехнутся и друзья славянства, и даже сами славяне, непричастные к балканской распря. И Россия, сердечно расположенная к задунайским братьям, и австрийские славяне, в большинстве очень расположенные к ним, могут раскаяться в чрезмерности своих надежд и симпатий. Что за несчастное, что за бесталанное мы племя, если самые блестящие моменты своей истории умеем испортить междоусобием и враждой!

Россия, ведшая в течение двух столетий кровопролитные войны с Турцией, может с грустью призадуматься о результатах своих усилий. Ну, вот, мечта наконец осуществлена и остатки балканских славян освобождены из-под монгольского ига. И что же — первым актом новой независимости загорается Каинова злоба, братоубийственная ненависть этих народцев друг к другу. Какие-то крохотные клочки земли не могут разделить, предварительно не напятав их братской кровью!! Культурные австрийские славяне не участвовали в освобождении задунайских братьев, но и они будут иметь право спросить: заслуживают ли болгары, сербы и черногорцы того уважения и тех пламенных сочувствий, которые сложились к ним сами собой. Не есть ли бессмысленная война между крохотными братскими племенами доказательство их расовой бездарности, в роде бесконечных войн между собою мелких латинских республик в Южной Америке? С современной культурной точки зрения (например, промышленных чехов, поляков, хорватов) война есть *ultima ratio*¹ для защиты лишь величайшей святыни нации — ее свободы. Столь же безумно, сколько преступно расточать кровь народную и нажитые честным трудом средства на кровавое удовлетворение тщеславия, притом тщеславия даже не самих народов, а овладевших властью правителей или партий. Война есть священный долг лишь в области высоких целей, но в области низких авантюра она является преступлением, которого ни один даровитый и культурный народ ни на минуту не одобрит. Может быть, воспаленным политикам маленьких стран вопросы о той или иной деревне, о том или ином ручье или пригорке кажутся необыкновенно важными, но сами народы, если они умны и совестливы, не должны чисто гражданский спор с соседями доводить до уголовщины. Кому владеть долиной Вардара или Салониками — это касается далеко не жизненных интересов балканских народов. И Вардар, и Салоники, и узенькие полоски спорных клочков — это не фундамент и не стены королевств, а лишь скульптурная,

¹ Последний довод (лат.).

так сказать, деталь в их здании. Приятно иметь лишнее *свое*, но балканские политики плохо оценивают, как опасно иметь лишнее *чужое*...

Я далеко не пацифист — войну за народную независимость я считаю первым долгом организованной нации. Только полная неорганизованность, затяжное пребывание в анархии, может оправдать тяготение слабых народов под чужую власть. Воевать за народную свободу следует, как за жизнь, но *такие-то пустяки*, как пограничные споры, давно уже должны решаться третейским судом. Мне лично нисколько не нравится намерение со стороны славян предложить России арбитраж между ними. Наша дипломатия сделает еще одну ошибку, если согласится на это. Славяне задунайские — и болгары, и сербы — одинаково близки к нам, но они слишком уж близкие для нас родственники, чтобы удовлетворить обоих. Как бы Россия ни решила — хотя бы с мудростью Соломона, предложив рассечь пополам спорные участки — все же какая-нибудь из сторон или, точнее, обе сразу сочтут себя обиженными. Простой житейский такт требует, чтобы судьей в подобных спорах выбирался не родственник и не слишком близкое лицо. России приятно остаться в одинаково хороших отношениях к спорящим балканским близнецам, да и им не только приятно, но полезно сохранить хорошие чувства к России. На месте болгар и сербов, как болгар и греков, следовало бы третейским судьей избрать или нового президента Соединенных Штатов, известного высокой нравственностью¹, или, если он не согласится, то предоставить спор на решение ученых славистов. Как ни трудно разобрать точную границу между болгарским и сербским наречием в области их прикосновения, все же это возможно. В сущности, это давно уже и сделано, только ученые заинтересованных стран оспаривают выводы беспристрастных коллег из чувства местного патриотизма. Выберите какого-нибудь чешского профессора, немецкого, французского и доверьтесь их приговору. Наконец в самом крайнем случае, когда никакие ученые авторитеты не в силах будут убедить вас, отчего не прибегнуть к гениальному способу, известному деревенским детям? Спорный предмет пускают «на узелки», т. е. бросают жребий, кому он достанется. Способ первобытный до трансцендентности, но он бесконечно разумнее кровавой драки. Жребий исключает самолюбие, а с ним и главный корень раздора.

Славяне скажут, может быть: хорошо русским не дорожить какою-нибудь тысячею квадратных верст, но на Балканском полуострове так тесно, что даже маленькая полоска земли имеет огромную цену. Естественно каждому народу хотеть быть крупнее и сильнее соседей. Принцип этнографический (языка и расы) не принят между великими державами, тем менее он может быть принят маленькими народами, которым хочется расти и необходимо расти. На такое рассуждение, *в корне нечестивое*, возражать не приходится. Раз человеку или народу хочется чужого добра, то тут вступает в силу

¹ Имеется в виду 28-й президент США Вудро Вильсон, победивший на выборах в ноябре 1912 г.

все трагическое действие синайской заповеди. Если хочется украсть (тем или иным способом), то вы вступаете целиком в роль только что разбитой вами Турции, делаетесь завоевателем, злым хищником со всеми последствиями такого поведения. После захвата Византии и балканских царств вся история турецкого народа обратилась в расплату за грабеж. В бесчисленных восстаниях и войнах, одна жесточе другой, погибло неисчислимое количество турок и неисчислимое количество их мирного труда. Не будь этого почти непрерывного кровотоечения, то при благодатной природе Малой Азии, при центральном положении среди трех материков турки за пятьсот лет развились бы в огромный и культурный народ, ибо они нравственны и трудолюбивы. Вместо жалких шести миллионов их было бы, может быть, шестьдесят миллионов. Стало быть, за сомнительную честь считаться повелителями ограбленных народов турки заплатили не только теперешним позором, но за пятьсот лет, может быть, девятьюдесятью частями своего племени и богатства. Недаром дается совершить преступление народу, далеко недаром.

Пусть балканские народы учтут, чего им будет стоить оспариваемый клочок земли, если они доведут дело до войны. Так как всему бывает конец, то через полгода и эта междоусобная война будет закончена, спорный участок перейдет к «победителю». Но в каком виде окажется победитель? Он будет сам избит и изранен, может быть, до полного обескровления. 270 тысяч сербо-греков и 300 тысяч болгар при современных ружьях и артиллерии — материал для одной хорошей битвы, а одна хорошая битва дает целые сотни тысяч вышедших из строя. В итоге и победители, и побежденные, как в нашу недавнюю войну¹, очутятся без армий, без артиллерии, без силы, способной сколько-нибудь отстоять себя. Теперь 600-тысячная *союзная* балканская сила есть действительно сила. Она способна была разгромить Турцию, и перед нею же почти совершенно остановился немецко-румынский Drang². Но уберите эту силу, разбейте ее в развалины, и в образовавшуюся пустоту непременно хлынут внешние враги — те же турки, австрийцы, румыны. Неужели это не ясно? И разве поднимется у России (и тройственного согласия вообще) рука защитить маленькие народцы, только что перегрызшиеся, как пауки в банке, только что показавшие свою неспособность к достойному существованию? Беспрерывно воюющие, ненавидящие друг друга, мелкие народы обнаруживают полную свою негосударственность, непригодность для самобытного существования. Никому не жаль, если такие народы, не умеющие устроиться мирно, покоряет завоеватель, меч которого приносит им мир. В результате братоубийственная и нелепая война для балканских народов может обернуться как историческое самоубийство. Может и теперь повториться та же глупая история, что предшествовала турецкому завоеванию в XIII и XIV веках. Обессиленные междоусобицей, христианские царства были без большого труда раздавлены османами.

¹ Имеется в виду русско-японская война 1904–1905 гг.

² Натиск (нем.).

Но допустим маловероятный случай — что ни турки, ни австрийцы, ни румыны не используют ослабление балканских народов. Какой же выйдет толк? И Болгарии, и Сербии, и Греции придется тратить двойные, точнее, шестерные силы, чтобы в будущем отстаивать свое существование. Для каждой из маленьких балканид останутся крупные внешние соседи, да вдобавок, сами они — рассорившиеся, обозленные друг на друга, мечтающие о дальнейшем расширении или реванше. Вся кровь и все достатки небольших народностей будут истрачиваться на одну лишь функцию — постоянно ожидаемой войны. Превратив взаимными стараниями общий рай земной — Балканский полуостров — в логовище тарантулов и скорпионов, православные народцы, подобно албанским кланам, будут истреблять друг друга. На полуострове, где когда-то зародилась европейская цивилизация, установится одичание, которое заставит желать, чтобы явился культурный завоеватель. Древних греков нельзя назвать бездарными. Однако и это благородное племя, разбившись на дюжину соперничавших между собою государств, не сумело не только создать империи, но даже отстоять свою независимость. Если история чему-нибудь учит, то теперь более, чем когда-либо, было бы кстати к ней прислушаться. И сербы, и греки, и болгары должны считаться с «пределом, его же не преjdeши»: *индивидуальное* величие для них недоступно. Им доступно единственно лишь собирательное величие, в союзе друг с другом. В отдельности они обречены на бессилие, вместе им обеспечен внушительный голос среди держав. Будущее составных частей славянства не в них самих, а в их целом. Расширяться балканским народам некуда, как скандинавским, фрисландским или пиренейским народам. Единственный путь для их отдельного величия — это развивать внутреннюю культуру, увеличивать на малой территории большое население и большое богатство. В их условиях воевать друг с другом так же ошибочно, как бороться спасшимся после кораблекрушения. Это не только возмутительная картина, роняющая симпатии к ним всего человечества, как нечто безнравственное до отвращения, но сверх всего это грубая практическая ошибка.

М. Меньшиков

81

«Речь». 23 мая 1913 г.

Передовая статья

Свидание сербского и болгарского премьеров в Цариграде привело к самым благоприятным результатам, к каким только могло привести. Что на этом свидании состоится какое-либо соглашение, что Сербия откажется от своих притязаний или Болгария согласится на коренной пересмотр

договора, эти возможности, конечно, были совершенно исключены. Ввиду такой безнадежности высказывалось даже мнение, что и самое свидание бесполезно. Однако же, одно полезное последствие его уже сказалось. Толки о вооруженном столкновении в ближайшем будущем на время прекратились, и вместо них начался обмен мнений по поводу предстоящего свидания четырех премьеров союзных государств. Этим вопрос если не решен, то отложен, а отсрочка при конфликтах подобного рода есть сама по себе уже очень серьезный выигрыш для дела мира.

Предложение о передаче переговоров в руки *всех* союзных государств и о попытке соглашения их между собой, без вмешательства не только Европы, но даже и России, есть сербское предложение. Принятие проекта о конференции четырех премьеров есть, таким образом, уступка со стороны Болгарии сербскому взгляду. Как далеко идет эта уступка, пока неизвестно. Но едва ли Болгария, принимая предложение о конференции, тем самым уже согласилась с сербской точкой зрения, что договор 29 февраля 1912 года не существует более. Едва ли даже можно считать признанным со стороны Болгарии этим шагом, что договор требует серьезного пересмотра. Какое же значение может иметь в таком случае согласие на совместное обсуждение спорных вопросов союзниками?

В печать проникли известия, бросающие некоторый свет на этот вопрос. Пашич, как сообщают, поехал на совещание с Гешовым с намерением перенести центр тяжести переговоров с вопроса о переделе земель в Македонии на вопрос о дальнейших задачах Балканского союза. Согласны ли болгары в дальнейшем поставить вопрос о союзе так, чтобы союз отвечал национальным сербским задачам? Другими словами, согласны ли они, во-первых, на таможенный союз, который обеспечил бы Сербии торговый выход к Эгейскому морю, и согласны ли они на военную конвенцию, цель которой стояла бы в соответствии с известными национальными стремлениями сербского народа? Если согласны, то Сербия готова отказаться от раздела всей западной Македонии с Грецией, хотя все-таки претендует на получение, во всяком случае, Велеса, Прилепа и Битоля.

Так представляется нам существенное содержание возможных переговоров между двумя премьерами, при котором, действительно, конференция четырех премьеров является целесообразной и помимо разговора о пересмотре сербско-болгарского договора. Могут быть у этой конференции и другие вопросы, прежде всего вопрос о Салониках, одинаково интересный для трех балканских держав.

Если наша догадка окажется близка к истине, то можно предвидеть и дальнейший ход вопроса о конференции. На вопрос о таможенном союзе едва ли можно ожидать отрицательного ответа. Нужно только вспомнить, что переговоры о нем уже были один раз почти доведены до конца, и один из спутников Гешова при царибродском свидании, Ризов, играл тогда большую роль в этих переговорах. Вопрос о военной конвенции также

поднимается не в первый раз. Только упомянутая выше неудача с торговым договором помешала подойти и к этому вопросу вплотную. Конечно, вопрос этот не так прост и ясен, как вопрос о таможенном союзе. Интересы Болгарии не совсем совпадают с интересами Сербии. Но все же и тут могут быть найдены общие цели.

Всего труднее третий пункт — относительно территориальных уступок в Македонии, хотя бы даже в пределах трех названных городов. Едва ли можно сомневаться, что тут Болгария не пойдет на уступки. Но если союз с нею составляет действительную ценность для Сербии — а в этом невозможно сомневаться — то можно думать, что и в этом случае попытка найти почву для примирения не может заранее считаться обреченной на неудачу.

Сведения печати о свидании в Цариброде предвидят, что четыре премьеры между собой сговориться не смогут. Это всего вероятнее именно в вопросе о территориальных уступках. В таком случае предусматривается передача вопроса на новое совещание в Петербурге, и под председательством С. Д. Сазонова. Сравнительно с полным отрицанием русского арбитража со стороны Сербии это все-таки некоторый шаг вперед. Если верно наше общее понимание исхода царибродского свидания, то эта передача спора в руки России будет означать: если стороны ценят союз между собою, если они смогут сговориться о задачах дальнейшего существования союза, если при этом они сделают усилие для сближения различных взглядов на задачи раздела, — то остальное доделает за них Россия.

По тону австрийских газет, только что полученных, видно, что эти перспективы вовсе не улыбаются венским дипломатам. Балканский таможенный союз есть явное препятствие для успеха австро-сербских переговоров о торговом договоре. Балканская военная конвенция есть нечто еще худшее. Но именно эта тревога противников должна показать балканским государственным людям, что игра стоит свеч.

К сожалению, при всей определенности сведений об удачном исходе царибродского свидания, нельзя еще утверждать, что все намеченное там действительно осуществится. На возможность неудачи указывают слухи, что Гешов принужден был подать в отставку вследствие общего недовольства уступками, сделанными им сербам по настоянию России. На то же указывают последние известия о военном столкновении в Штипе. Все это пока только слухи. Но самая возможность их возникновения должна предостерегать от излишнего оптимизма.

82

«Утро России». 23 мая 1913 г.**Кто победит?***(От нашего софийского корреспондента)*

В настоящий момент, когда отношения союзников достигли такого напряжения, что можно ожидать не нынче-завтра войны, сам собой возникает вопрос:

— Кто победит?

Разумеется, ответить на этот вопрос можно очень и очень приблизительно, ибо война имеет множество таких моментов, которые не поддаются предварительному учету даже гениальных полководцев.

Обыкновенно, гадая об исходе той или другой войны, делают подсчет количества штыков и пушек, учитывают позиции и состояние войск.

Конечно, и это иногда не приводит к цели, и действительность сплошь и рядом опрокидывает самые хитроумные соображения, хотя бы их детально продумала такая немецкая голова, как австрийский фельдмаршал, составивший диспозиции боя при Ватерлоо. Но — увы! — пока других способов предсказания победы нет, и мы приступим к подсчетам. Не подлежит сомнению, что главный враг Болгарии, с которым придется серьезно меряться силами, это — Сербия.

В настоящий момент, согласно официальным данным, Сербия имеет 250 000 штыков, в случае нужды может выставить еще тысяч пятьдесят. Эти войска составляют испытанные солдаты, имевшие возможность научиться кое-чему если не в боях, то в военных походах. Сербская артиллерия, численно и качественно превосходящая болгарскую, стоит на высоте современной техники; сербские артиллеристы хорошо обучены и проявили себя хорошими бойцами как под Одрином, так и в других местах. Кроме того, у сербов прекрасно оборудованы инженерные части войска, а также санитарная помощь. Это тоже лишний плюс для Сербии сравнительно с Болгарией. Однако Болгария может выставить армию, значительно превышающую сербскую, а именно в 300 000 штыков, а в случае надобности и 400 000. Таким образом, у болгар все время будет перевес 100 000 штыков, плюс к этому бесчисленное количество чет и ополченские легионы. Что касается боевого опыта, то преимущество вне сомнений на стороне болгар, вынесших на своих плечах всю тяжесть турецкой войны.

Кроме того, болгарский «войник» несравненно выносливее сербского. Сам генерал Стефанович, командовавший сербской армией под Одрином, признавал, что сербский солдат после однодневного голода падает духом, много теряет в своей боевой стойкости, тогда как болгарский, голодая три дня подряд, так же стоек, как и сытый.

Таким образом, предполагая у обеих армий одинаковое патриотическое воодушевление, никоим образом нельзя решить:

— Которая армия сильнее?

Правда, мы упустили из виду греков, союзников Сербии, но греки так плохо зарекомендовали себя в военном деле, что одна булаирская армия, освободившаяся теперь, после подписания мира с Турцией, свободно справится с греками, позволившими уже теперь окружить себя со всех сторон около Орфанского залива. Если к этому прибавить, что с греческими регулярными войсками вели войну главным образом молодые солдаты из македонцев, то боевые качества греческой армии покажутся еще ничтожнее...

Теперь перейдем к стратегическому положению противников.

Как было упомянуто выше, греки уже отрезаны, и булаирская армия окончательно их оттеснит на юг, выгнав предварительно из Салоник. Ввиду этого греки с самого начала новой кампании будут изолированы от сербов и никакой помощи оказать им не смогут; флот же их в этой чисто сухопутной войне не будет играть ровно никакой роли. Главный театр военных действий, по общему признанию, будет находиться между Нишем и Софией. В этих городах расположатся главные квартиры противников. Главные опорные пункты сербов будут лежать приблизительно по линии Призрен, Тетово, Скопье, Враня и Пирот. Наиболее сильным из этих пунктов является Пирот. Однако Пирот может быть обойден. Сербия, будучи вынуждена защищать свой тыл на таком большом пространстве, как линия Призрен — Враня, не сможет защитить всю болгарскую границу на юг и особенно на север от Пирота. Это даст возможность болгарам, выставив заслоны против Пирота, обойти его и направиться к Нишу. Легко также болгары могут прорваться в сильно растянутом тылу сербов. Таким образом, если Болгария будет нападать, все шансы на ее стороне. Обладая на 100 тысяч большей армией, она легче может оперировать на больших пространствах. Но шансы Сербии сильно поднимаются, если будет нападать она, и тем более, чем скорее она нападет. Несмотря на то, что Болгария, благодаря прекрасной организации железных дорог, может ежедневно перебрасывать с юга на север свыше 15 тысяч человек, несмотря на то, что Болгария уже имеет две сформированных армии против сербов, — численный перевес будет на стороне последних. Однако и в этом случае Сербии волей-неволей придется объектом нападения избрать Софию, а туда ведет путь через Сливницу. Сливница, где уже раз были разбиты сербы, теперь представляет вторую Чаталджу. Обход же ее по топографическим условиям должен быть очень большим; кроме того, обходя Сливницу, сербы неминуемо наткнутся на заходящие болгарские армии. Все это вместе взятое задержит поход на Софию на столько времени, что болгары успеют подвезти свои войска, чтоб иметь численный перевес над сербами. Таким образом, сербы, несмотря на видимые преимущества нападения, в конце концов попадут в такое же положение, как при нападении болгар.

Если ко всему этому прибавить, что Болгария начнет войну, заключив мир с разбитой Турцией, а Сербии придется оставить за спиной вечно

враждебную Австрию с вечно протянутой хищной лапой, то можно сказать, что и моральное самочувствие у болгар будет гораздо лучше.

Необходимо отметить, что болгарская армия имеет и видных полководцев, как Радко Дмитриев, и боевых генералов, а полководцы Сербии и ее генералы пока еще иксы и игреки.

Принимая все это во внимание, мы можем ответить на вопрос:

— Кто победит?

— Вероятнее всего, Болгария.

К этому можно прибавить следующее:

Если победит Болгария, Сербия теряет почти все, если победит Сербия, Болгария теряет сравнительно мало.

Верус

83

«Утро России». 23 мая 1913 г. На пути ко второму миру

Как ни противоречивы до сих пор идущие со всех сторон сведения о ходе переговоров между Белградом и Софией, непреложно то, что болгаро-сербский и болгаро-греческий конфликты разрешатся мирным путем. Несомненно, что подобному благому исходу волнующего всю Европу вопроса непосредственно способствовала русская дипломатия. И в этом ее безусловная заслуга, в признании которой ей вряд ли кто откажет.

Свидание Пашича и Гешова, на котором так упорно настаивала наша дипломатия, дало делу счастливый оборот. Сербский и болгарский премьеры, очевидно, одинаково воодушевленные стремлением окончить спор миром, признали, что все спорные вопросы, восстанавливающие сейчас союзников друг против друга, могут быть скорее всего разрешены во всей своей совокупности на специальной конференции премьеров четырех балканских государств.

Решение это надо признать единственно правильным и разумным. Когда элемент враждебности и принципиальной нетерпимости по отношению к естественным интересам состязующегося раз навсегда отстранен договаривающимися сторонами, тогда всегда возможно соглашение. Раздел совместно завоеванных земель Европейской Турции — домашнее дело союзников, и лучше всего им самим, без дружественного даже вмешательства сочувствующих балканскому славянству держав, размежеваться друг с другом.

Не желая вызывать из-за австро-итальянских видов на Албанию общеевропейскую войну, Европа заранее исключила из ведения союзников Албанию и оставила за собою право окончательно установить ее границы. Все

остальное союзникам предстоит поделить между собою без пособничества Европы.

Для нас более всего приятно, что не осуществилась несчастливая мысль об арбитраже России. Этот арбитраж, будучи принят русским правительством, прямым путем привел бы к ухудшению отношений между Россией и балканскими государствами. Никакой арбитраж в мире не может удовлетворить в равной мере все состязующиеся стороны. Кого-нибудь, несомненно, пришлось бы обидеть, и затаенная неприязнь обиженного всецело устремилась бы в таком случае на злополучного арбитра.

Россия ничего подобного допустить не могла. Она всегда относилась равномерно ко всем балканским государствам и не оказывала преимуществ ни одному из них в ущерб другим. И это сознание, сознание, что Россия одинаково любовно относится и к Черногории, и к Сербии, и к Болгарии, должно оставаться непоколебленным и на будущее время в сердцах всех балканских славян. Это одинаково важно и для балканских славян, и для России.

Весь ход событий за последний год, охвативший собою как период окончательного укрепления Балканского союза, так и период только что завершившейся балканской войны, доказал, что пути России и балканских государств едины. Сейчас, озираясь на счастливо и победно пройденный путь, и Греция, и Болгария, и Сербия, и Черногория должны признать, что без любовного попечительства над ними России Европа не дала бы им спокойно завершить то, что всего полгода тому назад казалось немыслимым и для более могущественных международных группировок.

Пусть это естественное чувство признательности к России останется ничем не помраченным в семье балканских славян. Роль третейского судьи слишком неблагодарна для того, кто ее принимает.

С другой стороны, лишь те решения непоколебимы и авторитетны, что приняты добровольно, путем дружественного соглашения спорящих, а не навязаны им насильственно какими бы то ни было арбитрами.

Проект созыва конференции четырех балканских премьеров может не только уладить спорные вопросы между союзниками, но и скрепить расшатавшиеся за последние недели устои Балканского союза. И в этом также видна направляющая рука России, умиротворяюще действовавшей по направлению и к Белграду, и к Софии. Россия может способствовать работам проектируемой конференции, при желании участвующих в ней министров-президентов русский министр иностранных дел может в ней даже председательствовать, но решать вопросы должны балканские министры единолично.

Одно нельзя упускать из виду: мир с Турцией союзниками подписан, необходимо как можно скорее подписать и другой мир — мир союзников между собой.

**«Новое время». 25 мая 1913 г.
Балканские народы и их соседи**

Поучительно отметить поведение ближайших соседей балканских союзников. Турция заключила со своим непосредственным соседом — Болгарией — окончательный мир и таким образом обезопасила себя от всяких дальнейших осложнений. Она могла бы поэтому немедленно демобилизовать свою армию, и должна бы сделать это, если бы ее главной заботой было излечение тяжких ран, нанесенных несчастной войной. Но она держит свои войска наготове, как будто накануне новой войны. Официально турецкое правительство объясняет свой образ действий тем обстоятельством, что союзники, его вчерашние враги, также держат свои армии под ружьем. Но оно, само собой, не хуже других понимает, что союзники сохраняют боевое положение не против Турции, а друг против друга. Таким образом очевидно, что турки тратят свои скудные финансы на содержание военного состава армии не для самозащиты, а для других целей. Они ждут, когда между бывшими союзниками разразится междоусобная война, чтобы отбить назад хоть часть утраченного, а может быть, и совсем уничтожить следы своего поражения. Война между сербами, болгарами и греками, как все войны между родственными народами, будет беспощадной и, раз начавшись, кончится только по истощению всех их сил. Тогда настанет желанная минута для Турции.

Остальные соседи балканских народов не ограничиваются спокойным ожиданием своего срока. Они торопят его приближение. Румыния уже успела извлечь из балканской войны немалые выгоды. Возникновение новой распри обещает ей дальнейшие приобретения. Вопрос теперь заключается только в том, что выгоднее: потребовать от Болгарии отступное за невмешательство; выторговать еще большие уступки за содействие против Сербии или, наконец, стать на сторону сербов и греков и вместе с ними раздавить Болгарию и разделить добычу.

Австрия продолжает свою обычную политику, простую, как детская игра, и верную, как ростовщическая операция. Она обещает Сербии за некоторые компенсации свое невмешательство и прямую помощь Румынии. Одновременно она дает понять Болгарии, что в случае болгаро-сербского столкновения она вооружит албанцев, которые нападут на Сербию с тыла. О действии, которое эта испытанная политика производит в Сербии, Болгарии, можно судить по многочисленным сообщениям из Софии и Белграда. «Если державы Тройственного согласия не окажут поддержки Болгарии, она будет вынуждена войти в сферу Тройственного союза», — пишут и телеграфируют из болгарской столицы. «Если Тройственное согласие не станет на сторону справедливых требований Сербии, она будет искать помощи у Тройственного союза и в частности в Австрии», — ежедневно повторяют из Белграда.

Австрийское подстрекательство не пропадает напрасно. Оно действует с равной силой на слабые головы и колеблющуюся совесть по обе стороны болгаро-сербской границы. Провокация собирает обильную жатву. Восторженные простакны наперерыв идут в грубые сети дипломатических Азефов. И в Болгарии, и в Сербии находятся политики, угрожающие изменой самой России, если она не станет слепо на их сторону. Но этой ошибки русская дипломатия, конечно, не сделает.

Русская политика на Балканах запечатлена одной чертой: она совпадает с жизненными интересами всех балканских народов без исключения. Русская дипломатия сделала на Ближнем Востоке бесчисленное количество ошибок. Но в общем итоге русских усилий получилась независимая Греция, независимые Сербия, Румыния и Болгария. Русское иностранное ведомство находилось не раз под влияниями, враждебными свободному развитию балканских народов, и все-таки всякий рассудительный балканский деятель не может отрицать, что национальное существование всех балканских народов в конце концов обязано усилиям и жертвам русского народа. Так было всегда. То же происходит и теперь. Соседи балканских государств стремятся натолкнуть их на бессмысленную тяжбу и кровопролитие, обольщая каждое из них мнимой поддержкой и блистательными перспективами. Действительным же последствием, если она увенчается успехом, будет низведение всех балканских государств на последнюю степень бессилия, нищеты и зависимости.

Между тем России и только России балканские союзники обязаны самой возможностью всех своих успехов. Грозное положение, которое принял русский народ, остановило Австро-Венгрию и Румынию от прямого вмешательства в войну. Без России сказочный героизм балканских войск оказался бы растрченным попусту. Плодами их побед воспользовались бы Австрия, Румыния, Италия, а не сами победители. Австро-Венгрия истратила около полмиллиарда рублей, чтоб лишить балканские государства их законных приобретений. Россия затратила не менее половины этой суммы, чтобы помешать Австрии осуществить ее планы. И теперь в Сербии и Болгарии находятся политические деятели, угрожающие нам переходом в сферу влияния Австро-Венгрии.

Такие опыты уже делались. Сербия под внушением Австрии однажды объявила войну Болгарии. Ни один сербский патриот не вспоминает теперь об этом преступлении без краски стыда. Болгария пробовала войти в подданство Австрии, но скоро убедилась в безрассудстве этой политики. Неужели политическое разумение сербских и болгарских политических кругов вернулось к прежнему уровню?

Балканские народы возрождены к национальному существованию усилиями и неисчислимыми жертвами русского народа. Без России, без ее сочувствия, без ее поддержки, нашедшей себе выражение в путях, подлежащих оценке истории, балканские народы не получили бы возможности начать

последнюю тяжбу с Османской империей. Будет непростительно, если государственные деятели Сербии и Болгарии в последнюю минуту поддадутся припадку политического головокружения.

Враги сторожат сербов, болгар и греков со всех сторон. Ждут с алчным нетерпением, не сделают ли они ложного шага. Подстрекают их к нему. Советование в Салониках разрешит вопрос, созрели ли балканские государственные люди для руководства национальными судьбами своих народов.

85

«Речь». 25 мая 1913 г.

Передовая статья

Слухи об отставке болгарского премьера Гешова, к сожалению, подтвердились. Мотивы отставки в первых телеграммах, шедших из Софии, определялись, как «конституционные». Говорилось, что страна, поставленная перед необходимостью принять важные решения, должна быть представлена в министерстве не только правительственными, но и оппозиционными течениями. При этом толковании, казалось, дело будет идти только о некоторой перестройке кабинета, причем членами его останутся и Гешов, и Данев, и Тодоров. Но затем, главным образом из Вены и Берлина, стали доходить известия иного рода. Если эти сведения не тенденциозны, то отставка Гешова должна представиться нам в гораздо более печальном освещении, чем казалось в начале. Наша сегодняшняя телеграмма говорит, что Гешов не считал возможным идти так далеко в уступках сербам, как того хотело русское правительство, а потому сложил с себя ответственность за предстоящие решения.

Если эти сведения верны, то придется заключить, что русская дипломатия совершила очень большую ошибку. Она утратила чувство реальности в данном вопросе и потребовала от болгар явно неосуществимого. Корреспонденции русских газет уже давно говорят о росте русофобства в Болгарии, как последствия русских требований об уступках. Но, поскольку речь касалась Родосто или Силистрии, мы не поставили бы в вину нашей дипломатии требование этих уступок. Другое дело — Македония. Надо очень мало знать об истории национального возрождения в Македонии, чтобы не понять, до какой степени невозможно требовать, чтобы болгары изменили существенно свою позицию в данном вопросе. Перегибая лук, русские дипломаты всегда рисковали в данном случае сломать его. Было бы очень печально, если бы оказалось, что это и случилось в действительности.

В самом деле, достаточно просмотреть немецкие телеграммы и газеты, чтобы видеть, какое употребление там делают из настроения, созданного

неловкостью русской дипломатии. Болгарию там окончательно уже переводят из орбиты Тройственного согласия в круг влияния Тройственного союза. Австрия, которая не прочь половить рыбу в мутной воде, касается ли дело Дарданелл, Родосто или Салоник, конечно, постарается воспользоваться предоставленным ей шансом вовсю. Неужели наши дипломаты просмотрели это неизбежное последствие излишних притязаний, предъявленных к Болгарии?

Если еще не поздно, мы бы настойчиво убеждали нашу дипломатию лучше согласовать свою позицию с неизбежным и неотвратимым исходом борьбы за Македонию. Для нас нет никакого сомнения в том, как может кончиться сербско-болгарский конфликт. Он кончится так же, как в 1885 году. Неужели русские дипломаты еще раз повторяют ошибку, сделанную во время воссоединения Болгарии с Восточной Румелией?

86

«Новое время». 27 мая 1913 г. Балканский Пьемонт

Горестная распря балканских союзников на три четверти объясняется подстрекательством австрийской дипломатии. Однако было бы несправедливо и даже близоруко обойти молчанием другие источники ее, не столь явные, но более глубокие и поэтому достойные особого внимания.

Спор о силе и пространстве союзного договора, на основании которого был начат последний крестовый поход против оттоманского владычества, был возбужден Сербией. Основания этого спора были сначала обнародованы в сообщениях неофициальных сербских политиков, которым мы уделили на страницах нашей газеты много места. Они были затем подтверждены в известной речи сербского министра-президента, произнесенной в сербской скупщине. Было бы ненужным лицемерием скрывать, что заявления сербского министра произвели далеко не то впечатление, на которое он рассчитывал. Ни одно из приведенных им соображений не вело к признанию союзного договора ничтожным. Каждому из его доводов можно было противопоставить достоверное опровержение, взятое из договора и соглашений, подписанных от имени сербского правительства.

Тем не менее русское общественное мнение, нимало не убежденное юридическими доводами сербского министра, до известной степени признало правоту самых требований Сербии. Русские, верующие более в правду, чем в право, находили возможным пересмотреть болгарско-сербские отношения на основаниях более глубоких, чем формальный контракт о разгроме Оттоманской империи, содержание которого оказалось всецело в пользу

Болгарии. От такого пересмотра могли пострадать текущие притязания Болгарии. Но болгарские государственные деятели, по-видимому, примирились с возможностью некоторых отступлений от буквы и даже духа союзного договора, если они будут утверждены решением России.

Безответственные же политики по обе стороны болгарско-сербской границы не согласны ни на какие уступки. Они руководствуются в своей деятельности более широкими идеалами. В своих домогательствах они отступают и от союзного договора, и от разрешения разногласий посредниками. Они поставили себе совсем другую задачу: кому будет принадлежать гегемония на Балканском полуострове? С этой точки зрения они рассматривают все болгарско-сербские недоразумения.

На этой почве сербско-болгарский спор усложняется притязаниями греков.

В Белграде издается газета под многообещающим заглавием «Пьемонт». Сербские политические деятели, примыкающие к этому органу, полагают, что первенство на Балканском полуострове должно принадлежать сербам, ибо перевес в численности народонаселения, если в него включить сербов, живущих в Австрии и Венгрии, принадлежит, бесспорно, сербам. Греки в свою очередь вспоминают историю Византийской империи и объявляют себя ее законными преемниками. Болгары, ссылаясь на свою действительную силу, которой главным образом обязана крушением Османская империя, требуют первое место на Балканах себе.

Именно здесь, в этих туманных идеалах на будущее преобладание на Балканском полуострове, и лежит одна из главных причин балканских разногласий, угрожающих Балканскому союзу полной гибелью. Ответственные государственные деятели для защиты своих требований выдвигают частные соображения, большая часть которых не выдерживает самого снисходительного прикосновения беспристрастной критики. Безответственные деятели более откровенны и, не считаясь ни с договорами, ни с соглашениями, ни с насущными требованиями текущей минуты, раскрывают самую подоплеку балканского спора. Кому быть Пьемонтом или Пруссией Балканского союза — вот вопрос, который в глазах балканских политических метафизиков затмевает все жизненные запросы сегодняшнего дня. Эти мечты, к сожалению, не остались без влияния и на ответственных деятелей Балканского полуострова.

Трудно, но все-таки возможно прийти к соглашению по поводу реальных требований, как бы на первый взгляд они ни расходились. Но бесконечно труднее найти выход из столкновения, когда к практическому делу примешиваются полуфантастические мечты. Болгарско-сербско-греческий спор вошел в эту туманную область, и если четыре балканских министра не заблудятся в этом тумане — да будет им триумф.

«Утро России». 28 мая 1913 г.

«В объятья Австрии»...

(От нашего софийского корреспондента).

Если бы нужно было в двух словах охарактеризовать положение дел в Болгарии и определить ее настроения, то было бы вполне достаточно сказать, что здесь теперь:

— Праздник русофобства.

С того момента, как заключен с Турцией мир, «нерадостный мир», как его остроумно называли, русофильство сразу пошло на убыль: правительственная партия стала терять один за другим все шансы на прочное существование, и с каждым днем усиливались русофобы, а главным образом, стамбуловистская партия. Уже 18 мая Гешов подал прошение об отставке, но тогда она не была принята. Между тем раздоры с Сербией и Грецией возрастали. Неопределенность русской политики, ее стремление поддержать родственные династии¹, а отсюда нерешительность и даже двойственность в деятельности наших дипломатов, вследствие чего постепенно все козыри перешли в руки Австрии, — и игра ее стала верной.

Австрийцы, нисколько не смущаясь русофильским правительством, давно уже заявляли:

— Болгария не хочет идти с нами, так мы пойдем с ней, а в конце концов она пойдет за нами.

Оно так и вышло.

Спросите любого болгарского политика об отношениях к России, и вы всегда получите один и тот же ответ:

— Россия за время самостоятельного существования Болгарии делала для нее очень мало. Кроме вреда от России нечего ожидать. Нам по дороге только с Австрией. Правда, этого не думает еще простой народ, сохранивший известный пиетет к России, для которого она все еще:

— Русия освободителька.

Но у интеллигенции этого пиетета давным-давно нет. Дружная работа наших дипломатов давно его уничтожила.

Мне говорил мой приятель, известный болгарский поэт, сам тесно связанный с русской литературой, личный друг многих писателей и общественных деятелей, следующие жестокие вещи:

— Задача нашей интеллигенции — разрушить в простом народе его наивные чувства к России. И слава Богу, это разрушение идет быстро. Россия у всех и всегда в подозрении, хотя, с другой стороны, она:

¹ Имеется в виду прежде всего династия Глюксбургов в Греции, находившаяся в тесном родстве с Романовыми: король Греции Георг I, убитый в Салониках в марте 1913 г., приходился дядей царю Николаю II и был женат на русской великой княгине Ольге Константиновне, внучке императора Николая I.

— Дойная корова.

— Теперь Россия, — говорят все, — хочет отнять у нас нашу землю, наших людей и отдать сербам. Хочет Салоники отдать грекам. Почему? Там и тут на престолах родственники русского Царя. Разве это справедливо? Если да, то у нашего царя есть родственники в Вене.

А что, действительно, дело клонится к Вене, и притом без всяких родственных чувств, это несомненно. Только вчера Гешов вторично подал прошение об отставке, и, как уже известно, отставка будет принята. Во время последней аудиенции царь Фердинанд обратился к своему премьер-министру с таким ироническим вопросом:

— Что, г. Гешов, с кем мы пойдем — с Россией или с Австрией?

— Это — трудный вопрос, ваше величество, — отвечал Гешов.

— А вы подумайте, подумайте, — тонко улыбаясь, заметил царь.

Разговор этот можно определить, как:

— Верный признак.

Определеннее это значит:

— Пора уходить, ибо я желаю идти другим курсом. Итак пресловутое:

— Мы кинемся в объятия Австрии! — теперь осуществлено.

Русская дипломатия, увидев у власти стамбуловистов или радославистов, воочию увидит свою неудачу, а вслед за тем, сохраняя строгий нейтралитет, будет наблюдать, как рушится Балканский союз, смыаемый с лица земли сербо-греко-болгарской кровью. Это называется:

— Полным крушением.

Австрия встала в очень удобной позе и на очень удобную позицию.

Она выиграет независимо от того, кто победит.

Сербский посланник в Софии г. Сполайкович говорит по этому поводу:

— Если мы победим, Австрия не даст нам воспользоваться победами, а если и даст, то сама получит за это. А если нас победят, нам придется больше пострадать от Австрии, чем от Болгарии. К этому надо прибавить, что в эту войну Болгария очень мало потеряет или ничего не потеряет, имея союзницей-покровительницей Австрию. Таким образом, выбор для Болгарии ясен.

И болгарский царь, усмехаясь, говорит обломкам русофильства:

— Подумайте, подумайте!

А пока те будут думать, у власти станут другие лица. Да, в сущности говоря:

— Жребий уже брошен и Рубикон перейден.

Война неизбежна, а если это так, то перемена курса должна ей предшествовать. Остается исполнить только некоторые формальности. К сожалению, по цензурным условиям, теперь нарочито строгим к русским корреспондентам, я не могу привести данных, указывающих скорое открытие военных действий. К этому надо прибавить, что свидание премьеров четырех балканских государств становится все проблематичнее и проблематичнее. Вернее, что этого «свидания друзей» и вовсе не будет.

Правда, Россия пытается склеить разбитое корыто Балканского союза, русская дипломатия пугает болгарское правительство:

— Нейтралитетом России.

Но, Боже мой, как это напоминает 1885-й год! Говорят, история не повторяется, но на Балканах она все время топчется на одном месте, как топчется там и русская дипломатия, но только последняя, кроме того, еще топчется:

— Ногами Австрии.

Все эти неудачи даже Болгарию заставляют относиться к России свысока. Приведу характерный разговор:

— Вы говорите, что Россия вам делает вред, — спрашиваю я одного общественного деятеля, — но ведь все русское общество, русская интеллигенция на вашей стороне...

— На это, знаете, — возражает собеседник, — нам плевать, от этого нам ни тепло, ни холодно.

— Да, но общественное мнение может оказать давление на правительство...

— Где? Это у вас, в России? — заливается хохотом болгарский гражданин, — а для чего у вас Сибирь? Нет, уж вы оставьте общественное мнение. Мы знаем русское правительство, а русского народа знать не хотим. Если правительство ваше плохо, то плох и народ. По Сеньке и шапка. Кто же будет считаться с русским народом, если ваше правительство само с ним не считается.

И, надо сознаться, глотая эти горькие пилюли, приходится соглашаться. Действительно, наша политика сплошь и рядом плавает:

— Без руля и без ветрил.

И, плавая таким образом, нисколько не содействует величию России. В этом отношении наше министерство иностранных дел не может выдержать никакой конкуренции с министерством внутренних дел и министерством народного просвещения. Оба они идут твердым курсом.

Все это знают, даже болгары, эти «братушки», пожирающие перец и чеснок, по количеству людей и территории составляющие только один хороший уезд, даже не губернию, «Великой России».

Понятно, что при таких обстоятельствах преклонения перед Россией нет и быть не может. Нет и быть не может доверия к иностранной политике России, не имеющей определенного направления, — политике, творимой без ведома русского народа, а подчас против его воли.

Все это вместе взятое неминуемо толкает маленькую, но демократическую Болгарию в пресловутые «объятия Австрии», толкает на кровопролитный бой с Сербией. Но, до чего будет жестокой, варварской эта война, долженствующая славянской кровью удобрить почву для Австрии, трудно представить. Я уверен, что все кошмары бесчеловечной жестокости, развернувшиеся в турецкую войну, покажутся теперь детской забавой. Ожесточение солдат, уже огрубевших в долгой войне, дойдет до невероятных пределов:

— Пленных не будет!

Это жуткое предупреждение звучит страшно.

Балканские народы, жестокие от природы, будут чудовищны в этой войне.
Верус

88

«Русское слово». 29 мая 1913 г.

Болгарская мания величия

Рвутся последние нити, связывавшие между собою бывших балканских союзников. Лондонская мирная конференция разошлась, не докончив своей работы, и прелиминарный мирный договор балканской лиги с Турцией будет дополнен отдельными соглашениями каждой из воевавших держав с Блистательной Портой. Турки могут поздравить себя с первым осязательным успехом, явившимся результатом распада враждебного им союза. Вести переговоры в одиночку с каждой из малых балканских держав Турции гораздо легче и выгоднее. Союз, разбивший оттоманскую армию в ущельях Македонии и на полях Фракии, мог бы, дружно действуя, добиться от Турции важных уступок по экономическим вопросам и в вопросе о капитуляциях. Теперь чаша весов должна наклониться в сторону Турции, которая все еще сильнее любой балканской державы, если бы какая-нибудь из них вздумала действовать на свой страх и риск. Подлинно, Аллах смиловился под конец над своими правоверными. На парижской финансовой конференции турецкие делегаты объявили уже, что Турция не заплатит ни одной копейки контрибуции. Да и было бы более чем странно, если бы Порта согласилась теперь платить контрибуцию, когда некому заставить турок раскошелиться. Сербия и Черногория не имеют общей границы с Турцией, Болгария, собирающаяся воевать сразу на три фронта, не может двинуть ни одного солдата к Мраморному морю, а Греция всецело поглощена защитой Салоник и Халкидики. Не одна контрибуция улыбнулась союзникам, потерявшим, видимо, здравый смысл. В вопросе о капитуляциях и о торговых договорах руки Турции также развязаны; балканским державам придется удовольствоваться тем, что соблаговолит им предоставить младотурки. Наконец, и при точном определении границы между Турцией и Болгарией болгарам придется поступиться своими требованиями. Турки настаивают на проведении границы по прямой линии от Мидии к Эносу, согласно буквальному тексту Лондонского договора. Откуда болгарам набраться сил для подкрепления своих пожеланий о выгиге пограничной линии к югу, с целью проведения границы поближе к Мраморному морю?

С образованием кабинета г. Данева, царь Фердинанд, забыв свою обычную осторожность, собирается броситься очертя голову в рискованную политику приключений. Отъезд сербского посланника Спалайковича из Софии почти равносителен разрыву дипломатических сношений между Сербией и Болгарией. Между тем, Болгарии придется иметь дело далеко не с одной Сербией. Нечего и говорить, что черногорские войска соединятся с сербскими для защиты Старой Сербии. Более серьезную помощь должна оказать Сербии Греция, против которой также выступает Болгария. Интересы Сербии и Греции настолько совпадают, что известия о заключении сербо-греческого оборонительного союза представляются вполне естественными. Сербия, Греция и Черногория вместе располагают более многочисленными сухопутными войсками, чем Болгария, а вооружение сербской и греческой армий значительно совершеннее болгарской. Затем, едва ли Болгария может рассчитывать на безусловный нейтралитет Румынии, купленный ценой не очень-то почетной уступки Силистрии. Румыния спешно вооружается, и телеграммы из Бухареста сообщают об ассигновании чрезвычайного кредита в 15 милл. франков на приступ к мобилизации армии и флота. Конечно, эти вооружения направлены против Болгарии, так как с Сербией у Румынии нет никаких счетов. В справедливости этого предположения убеждает приведение в боевую готовность румынского флота, которому нечего делать в случае столкновения с Сербией. Пока шла освободительная балканская война, Румыния держалась скромного поведения, связанная формулой бескорыстия и внушительным давлением России. Теперь румыны спешат наверстать потерянное. Программа-максимум бухарестского кабинета, сколько известно, заключается в отторжении от Болгарии обширной территории до линии Туртукай — Варна и в политической автономии западной Македонии, т.е. именно той области, из-за которой разгорелся спор у болгар с сербами и греками. Раз Болгария пускается в завоевательные авантюры, Россия не имеет причин мешать Румынии добиваться осуществления этой программы.

Не может быть и речи о том, что Болгария в силах одна справиться с четырьмя балканскими державами. Как ни ослеплено болгарское общество действительными и дутыми победами армии царя Фердинанда, все же трудно предполагать, чтобы софийские правящие круги утратили способность здраво мыслить и правильно оценивать обстановку. Очевидно, скоро болгарские политики сбросят свои маски и превзойдут своих венских друзей в великом искусстве удивлять мир своей неблагодарностью. Однако расчеты софийского кабинета на явную помощь Австрии могут и не оправдаться. Граф Берхтольд связан данным им после решения скутарийского вопроса обещанием не предпринимать враждебных действий против Сербии и Черногории. Однобокое австрийское вмешательство явилось бы нарушением усвоенного великими державами принципа отказа от единоличных выступлений. Затем и внутреннее положение Габсбургской монархии не таково, чтобы император Франц-Иосиф мог с легким сердцем решиться на войну. Всего вероятнее, что

Австро-Венгрия выступит только тогда, когда события на театре междоусобной войны примут решительный оборот.

Болгарские мегаломаны глухи к требованиям чести и национального достоинства своей родины, которую они собираются опозорить, по выражению короля Георга V, преступлением против человечества. Остается пожелать, чтобы хотя в последний момент у них открылись глаза на ту пропасть, куда они толкают многострадальный болгарский народ. Если софийский кабинет откажется от своей непримиримой позиции, Болгария может рассчитывать на компромисс, по которому ей достанется не только вся территория на восток от рр. Вардара и Брегалницы, но и обширная полоса на запад от Вардара до Охридского озера, населенная, несомненно, македонскими славянами; ей придется поступиться только Салониками и территорией с сербским населением до Прилепа и Велеса включительно. При неудачном же исходе войны границы новой Болгарии дойдут на запад самое большее до р. Струмы. Главное же, Болгария потеряет любовь русского народа и уважение Европы.

89

«Голос Москвы». 30 мая 1913 г. Пред лицом болгаро-сербской войны

Балканский кризис обострился с молниеносной быстротой. Вслед за категорическим отказом от исполнения обоснованных союзным договором требований Болгарии, решительным отклонением русского посредничества и экстренно проведенной мобилизацией Сербия предъявляет Болгарии ультиматум.

Сосредоточение сербских войск в районе Ниш–Пирот закончено. Военный министр доложил королю, что сербская армия готова «до последней пуговицы на гетрах», невольно повторив роковую фразу своего французского коллеги, обрекшую Францию на Седан. В Женеву полетели телеграммы с просьбой экстренно выслать в Сербию санитарный персонал и перевязочные средства.

На болгаро-сербской границе сосредоточено до 200 000 сербских войск, по официальным сведениям, горящих желанием двинуться на Софию, против только что дравшихся с ними плечом к плечу союзников.

Болгария пока грозно молчит. Ее войска сосредоточены в двух группах: более сильная по численности — у Цариброда, для действий на Пирот и оттуда по направлению к сербской столице, и вторая — у Кюстендила, для наступления к Ускюбу и в Северную Македонию.

В настоящий момент уже поздно звать к бывшим союзникам, а ныне друг против друга ополчившимся противникам, о необходимости беречь

Балканский союз. Поздно! К великому горю всего славянства, которое со временем проклянет шовинистов — сербских и болгарских — как злейших врагов общего славянского дела, союз фактически уже перестал существовать и, может быть, навеки!

Но не поздно еще призывать к *благоразумию* сербского и болгарского общества, пока оно не опьянено кровавыми вестями с полей братоубийственных столкновений.

Мы неоднократно высказывали наш взгляд на преступность шовинизма, толкавшего Болгарию на рискованные и не оправдываемые необходимостью выступления, но в данный критический момент Болгария стоит выше всяких упреков. Пред лицом ежеминутно грозящей разразиться войны она величаво спокойна. Ее армия мобилизована, ее выжидательная позиция строго корректна, она не только не отказывается от миролюбивого разрешения кризиса, но даже призывает к нему, и в единении своей победоносной армии с патриотически настроенным обществом грозно кидает по адресу белградских шовинистов:

— На начинающего бог!

Величайшую ошибку готовится совершить Сербия, ошибку непоправимую, роковую, гибельную для самого существования маленького королевства, кое-как влачащего свое бытие благодаря коллизии интересов к нему прилегающих государств. Объявление войны Болгарии будет для Сербии актом ее *политического самоубийства*.

Несомненно, что между Сербией и Грецией заключен сепаратный военный союз, направленный исключительно против Болгарии. Возможно (хотя маловероятно), что к нему примкнет и Черногория, но все это мало изменяет соотношение сил.

Как бы сербы ни превозносили свою армию, что бы о ней ни писали легионы иностранных корреспондентов с г. Табурно во главе, одно не подлежит сомнению:

Сербская армия несравненно ниже по качеству (воспитание, подготовка техническая и дух), чем превосходящая ее численностью армия победителей под Лозенградом, Одрином, Кара-агачем и Булаиром.

Греческая армия — пародия. Греки в этой войне действовали всегда по линии наименьшего сопротивления, десять раз колеблясь между наступлением и отступлением, и последний их боевой опыт — столкновение с болгарскими у р[еки] Ангисты — лишь подчеркнул моральное ничтожество эллинских войск, отдавших позиции впятеро слабейшему противнику.

Правда, совокупные силы греков и сербов численностью превышают выставленные болгарскими 300 000, но не следует упускать из виду, что железный кулак болгарской армии, действуя по внутренним операционным линиям, захватит Белград раньше, чем греки явятся на выручку своих союзников.

Сербия переоценивает свои силы и забывает о Сливнице. Именно на полях Сливницы и должна произойти вторичная встреча сербской и болгарской армий, и нет никаких оснований предполагать, что на этот раз боевое

счастье изменит Радко Дмитриеву, Иванову и Кутинчеву, раздавившим при Сливнице армию Милана на первой же неделе кампании.

На начинающего бог, и Сербия должна отдать себе отчет в том, что она готовится совершить и что ее ожидает в случае победы и в случае поражения.

В случае гадательной победы — ее ожидает грозный окрик Австрии и второе Скутари.

В случае более чем возможного поражения — аннексия Австрией санджака и северной Албании, а Болгарией — всей Македонии и Старой Сербии, т. е. *потеря всего*, добытого тяжелыми жертвами только что закончившейся войны.

В обоих случаях — с момента объявления войны — гибель Балканского союза, единственной опоры Сербии против готовой ее ежеминутно проглотить Австрии, потеря контрибуции, которую Турция ей никогда не уплатит без воздействия на нее Болгарии, потеря на вечные времена выхода сербской торговли к Черному и Эгейскому морям и прочие неисчислимые последствия безрассудного, опрометчивого ее решения.

Еще не поздно. Голос благоразумия еще не заглушен громом орудий. Момент для обращения к посредничеству России еще не упущен.

Сербия должна, пока еще не поздно, отказаться от неравной борьбы, грозящей обессилить южное славянство. Иначе она обрекает на гибель заветную свою мечту о воссоздании Великой Сербии, Сербии царя Душана Сильного, обрекает себя на политическое самоубийство.

Н. П. Мамонтов

90

«Утро России». 30 мая 1913 г. Высочайшая телеграмма на имя короля Сербии и царя Болгарии

Петербург. V, 29. (СПА). *Официально. Перевод высочайшей тождественной телеграммы царю болгарскому Фердинанду и королю сербскому Петру, отправленной из Москвы 26 мая 1913 г.*

«Известие о предположенном в Салониках свидании министров-президентов четырех союзных государств, которые могли бы вслед за тем встретиться в С.-Петербурге, доставило мне живейшее удовольствие, ибо намерение это указывает на желание балканских государств прийти к соглашению и закрепить союз, давший до сих пор самые блестящие плоды. С тяжелым чувством узнаю я, что это решение еще не приведено в исполнение и что балканские государства, видимо, готовятся к братоубийственной войне, способной омрачить славу, которую они совместно стяжали. В эту столь ответственную

минуту мое право и мой долг побуждают меня обратиться с непосредственным призывом к вашему величеству.

России предоставили оба народа — болгарский и сербский — в своем союзном договоре решение всякого спора, касающегося применения положения этого договора и относящихся к нему соглашений. Я прошу ваше величество остаться верным принятым на себя обязательствам и положиться на Россию для решения настоящего спора между Болгарией и Сербией. Рассматривая функции третейского судьи не как преимущество, но как тяжелую обязанность, от которой я не признаю возможным уклониться, я считаю долгом предупредить ваше величество, что война между союзниками не может оставить меня равнодушным. Я признаю необходимым заявить, что государство, которое начало бы войну, будет ответственным за это перед славянством и что я оставляю за собою полную свободу определить, какое положение Россия заняла бы по отношению к возможным последствиям столь преступной борьбы».

Высочайшая телеграмма доставлена агентством без подписи. Подлинник — на французском языке.

91
**«Земщина». 30 мая 1913 г.
Твердое царское слово**

Поздней ночью «Осведомительное бюро» сообщило нам текст телеграммы государя болгарскому царю и сербскому королю, и сразу явился луч надежды.

И что это за телеграмма! Какое потрясающее впечатление она должна произвести на весь славянский мир! Повелитель России, пролившей потоки крови за освобождение братских народов, напоминает им священный их долг и призывает к честному исполнению взаимных соглашений.

У кого же хватит духу не внять такому призыву, в котором сквозит столько любви к обоим народам и горечи по поводу их недоверия великой России. У кого поднимется рука на своих братьев после предостережения русского самодержца, которому и теперь балканские народы обязаны достигнутыми ими блестящими результатами.

Да и какой неслыханной неблагодарностью было бы не подчиниться воле и справедливому решению русского царя, относящегося с такой заботой к судьбе всего славянства.

О, господи, не допусти такого святотатства!..

**«Голос Москвы». 31 мая 1913 г.
Высочайшая телеграмма**

Весь славянский мир напряженно ожидал энергичного выступления России в болгаро-сербском кризисе, и, наконец, ее веское слово прозвучало.

Энергичный тон опубликованной вчера Высочайшей тождественной телеграммы на имя сербского и болгарского монархов должен произвести отрезвляющее впечатление на Балканах.

Слова государя императора не могут пройти бесследно для балканских народов, слишком тесно связанных с Россией в своих самых жизненных интересах, слишком многим ей обязанных в их историческом прошлом.

Высочайшая телеграмма именует грозящую разразиться братоубийственную болгаро-сербскую войну преступной и точно указывает, что Россия сохраняет за собой полную свободу действий в определении ее результатов. Иными словами, Болгария и Сербия предупреждаются самим монархом великой славянской империи, что протiwоестественная и взаимоистребительная их распря ни в каком отношении не изменит точки зрения России на взаимные друг перед другом обязательства балканских государств, закрепленные союзными их договорами, и кто бы ни победил в этом роковом для славянства столкновении, ни одно притязание победителя удовлетворено ни в коем случае не будет.

При таких условиях Сербии и Болгарии остается только прибегнуть не к вооруженному решению спора из-за разграничения Македонии, грозящему неисчислимыми бедствиями всему южному славянству, а к благожелательному посредничеству монарха России, для которой равно дороги и освобожденная кровью ее сынов Болгария, и единоплеменная ей Сербия.

Голос всей русской печати и голос всего славянского мира приветствуют призыв к благоразумию, раздавшийся с высоты престола великой славянской империи. В повиновении этому призыву, единственно приемлемому балканскими государствами, лучший исход из угрожающего бесцельным кровопролитием кризиса. Только этим путем балканские государства обеспечат за собой все, ценою величайших народных жертв ими приобретенное, сохранят Балканский союз, с таким колоссальным трудом созданный, и избегнут нежелательного вмешательства в дела южного славянства недоброжелательной ему и ревниво следящей за его успехами державы¹.

Нет, не может и не должно быть ни у кого сомнений в том, что призыв русского императора не заставит смолкнуть преступное шипенье шовинистов, толкающих в пропасть ослепленные взаимоненавистнической агитацией братские народы, что он не пробудит в общественном мнении славянских держав Балканского союза заглушенное воинственными фанфарами

¹ Имеется в виду Австро-Венгрия.

политическое благоразумие и реальное понимание государственных интересов.

В хаосе друг другу противоречащих телеграфных известий, доходящих после строгой и пристрастной цензуры из славянских столиц, следует крайне осторожно относиться к тенденциозным сообщениям о якобы производимом Россией на Болгарию одностороннем давлении с целью принудить ее уступить Сербии ряд пунктов «спорной полосы».

Эти слухи, идущие из тенденциозных венских источников, несмотря на полное их противоречие балканской политике России, все еще волнуют сербское и, особенно, болгарское общество. Но пора и в Белграде, и в Софии здраво оценить положение дел и воздать должное бескорыстной примирительной деятельности матери славянства — России.

Еще не поздно, как мы указывали вчера, еще есть время отказаться от самоубийственного вызова на поединок своих родных братьев, и ни реальные интересы, ни государственное достоинство балканских держав не пострадают от того, если они мудро преклонятся перед призывом русского императора, благожелательным призывом к дальнейшей совместной культурной работе.

93

«Русское слово». 31 мая 1913 г.

Последнее средство

Высочайшая тождественная телеграмма царю Фердинанду и королю Петру является последним мирным средством предупредить преступную братоубийственную борьбу между балканскими славянами. Непосредственное обращение государя императора к монархам Болгарии и Сербии с призывом к миру и верности принятым на себя обязательствам должно разбудить в сердцах ослепленных ненавистью братских народов сознание тяжелой ответственности за гибель Балканского союза и связанных с ним великих надежд. Этот чрезвычайный шаг озаряет молниеносным светом роковую минуту последнего решения, полную, казалось, беспросветного трагизма. Отныне сербы и болгары уже не могут броситься друг на друга с закрытыми глазами. Та сторона, которая дерзнет начать междоусобную войну, будет иметь против себя Россию, а с нею и все славянство. Каков бы ни был исход борьбы между бывшими союзниками, последствия войны отнюдь не будут определены капризами военного счастья и закреплены одним только мирным договором победителей с побежденными. В свое время Россия скажет свое мощное слово, пред которым должны будут склониться созданные русской кровью балканские державы. И это слово России будет продиктовано только соображениями справедливости и блага всего южного славянства.

То правительство и та нация, которые теперь предпочтут предлагаемому им третейскому суду России решение спора оружием, навсегда станут во враждебные отношения со своей освободительницей. Россия давно доказала на деле, что ей одинаково дороги и близки оба братские народа, и сербы, и болгары. В 1908 году вмешательство России не дало Турции напасть на Болгарию в одиночку и задавить превосходными силами молодое царство; впервые в России князь Фердинанд услышал из уст русских солдат титул царского величества. В прошлом году Россия избавила Сербию от нападения Австрии и удержала в то же время Румынию от предательского удара в тыл Болгарии. Сербское и болгарское правительства, обязавшиеся по союзному договору предоставить разрешение всех своих споров России, не имеют причин не доверять больше беспристрастию добровольно избранного ими третейского судьи. Поэтому отказ подчиниться третейскому суду России явится тяжелым оскорблением всего русского народа. Какие бы испытания ни постигли после такого отказа Болгарию или Сербию, виновной стороне придется оставить всякую надежду на помощь России и на сочувствие русского народа.

Хотелось бы верить, что великодушный призыв увенчается желанными последствиями. Тяжка и горька обязанность третейского судьи, которому приходится согласовать противоположные интересы и одинаково разочаровать обе стороны, но дело это не безнадежно. Время — великий целитель, и когда страсти остынут, противники сами придут к тому заключению, что худой мир лучше доброй ссоры. Надо только теперь довести вчерашних союзников до сознания невозможности воевать из-за дележа добычи. Инициатива России открывает белградскому и софийскому кабинетам удобный выход из тяжелого внутреннего положения, созданного безшабашным разгулом шовинизма. В оправдание своей уступчивости, которую военная партия готова будет приравнять к государственной измене, гг. Пашич и Данев могут сослаться на неодолимую внешнюю силу в виде вмешательства России. Мы не боимся того, что негодование болгарских и сербских сверхнационалистов обратится против России. Кроме военных партий и македонских агитаторов, остаются еще здоровые в корне массы болгарского и сербского народов.

Если, паче чаянья, звериный национализм восторжествует окончательно на Балканах, Россия теперь с чистым сердцем может примкнуть к совместным действиям великих держав для обуздания бывших союзников. Принудительные действия Европы, безусловно, правомерны, так как Берлинский трактат, которого нельзя уничтожить произволением одних балканских держав, обеспечивает за подписавшими его великими державами право решающего голоса в вопросе о территориальных изменениях на Балканском полуострове. Великие державы отказались в пользу союзников от этого своего права под условием мирного раздела уступаемых Турцией территорий. Но раз это условие нарушается, отказ может быть взят обратно. Последние известия гласят, что великие державы собираются предъявить балканским

державам энергичные требования о демобилизации. Сербия и Греция, будто бы, уже изъявили принципиальное согласие на разоружение, и остановка только за Болгарией. Как бы то ни было, великие державы, хотя бы и без участия Австрии и Италии, имеют полную возможность добиться исполнения требования о разоружении. Европа не может останавливаться даже перед применением открытой силы, раз нельзя иначе избежать гнусного кровопролития, братоубийственной борьбы. Самое предъявление коллективного требования о разоружении несет с собою унижение для Болгарии. Избежать этого позора легко, приняв русское предложение о третейском суде.

94

«Русские ведомости». 31 мая 1913 г. Передовая статья

Высочайшая телеграмма царю болгарскому Фердинанду и королю сербскому Петру является ударом грома, способным разрядить тяжкую атмосферу, в которой месяцы уже живет Балканский полуостров.

Мы не склонны думать, чтобы спор между враждующими балканскими союзниками легко решался по существу поставленных вопросов. Вполне понятно раздражение Софии на отказ Белграда от подчинения условиям предварительного договора касательно раздела македонских областей. Болгары правы, указывая, что этот договор сам по себе уже представлял с их стороны великую уступку. Их основная линия политики долгое время велась совсем иначе. Их целью было добиться реальной автономии для Македонии в ее целом. «Мы не хотим делить народы, как стада», — так мотивировалось это на языке идеалистов. «Они уверены, что с автономной Македонией произойдет то же, что произошло с Восточной Румелией — что вся она сольется с болгарским королевством», — так толковали это «реальные политики» соседних государств, проникнутые глубоким скептицизмом относительно болгарского идеализма. Но, так или иначе, согласие на условленный перед войной раздел тех областей, которые Болгария давно уже мысленно видела своими, далось Софии очень тяжело, и заявление Белграда, что он категорически требует крупного увеличения своей доли, заставило понятным образом закружиться болгарские головы от гнева.

Но было бы несправедливо не признать, что аргументы Белграда не лишены тоже своего веса. Сербские политические деятели правы, указывая на двойственный характер болгарских рассуждений. Раз речь заходит о долине Вардара, на сцену выступают «права национальностей», и раздаются возгласы негодования против сербов, готовых ногами попирать такие высокие принципы. Но когда речь заходит о турецкой Фракии с Адрианополем

или о греческом по населению Эгейском побережье, «правам национальностей» сейчас же противопоставляется *raison d'Etat*¹, перед которым должны смолкать все прочие соображения. Так почему же сербам, как бы ни разрешался запутанный этнографический вопрос о населении берегов Вардара, не выдвигать, со своей стороны, такого же *raison d'Etat*? А государственный интерес страны, по мнению Белграда, требует повелительно известных компенсаций в пользу Сербии со стороны болгар, которым достается и без того львиная доля в полученной силой союзнического оружия добыче. Это желание, — продолжает Белград, — тем более законно, что вся вторая половина войны после неудачи начавшихся было перед Рождеством мирных переговоров велась исключительно из-за Адрианополя, т. е. ради отнюдь не идеальных болгарских интересов, платились же за это все союзники, и сербы, в частности, платились не только деньгами, но и своей кровью. Можно ли не учитывать такого глубокого изменения характера войны, можно ли не считаться со всеми новыми обстоятельствами, возникшими после подписания договора, и требовать, чтобы Сербия, которая не прорвалась к Адриатике и чувствует себя по-прежнему как бы в кольце удава, признавала себя нравственно обязанной соблюдать букву временного союзного договора?

Как бы, однако, ни глядеть на существо сербско-болгарского конфликта, о форме, в которой он должен быть улажен, не может быть двух мнений. Прямое соглашение заинтересованных сторон здесь было бы, бесспорно, достойнейшим исходом. При невозможности его достигнуть остается путь арбитража, который предусматривался и в договоре, причем, естественно, арбитром намечалась Россия. Решение же спора силой оружия при всех данных условиях не имеет оправдания. Это — безумство, плачевные последствия которого неисчислимы. Страшно подумать об ужасах сражений, где братья будут падать под выстрелами братьев. Горько представить истощение ресурсов обеих стран, которым их средства так нужны для множества культурных задач, ждущих разрешения. Но, может быть, всего тяжелее здесь отзовется то обострение национальной злобы, которое сделает надолго невозможным возвращение к мысли о федерации балканских государств. А вне подобной федерации нельзя ждать и культурного подъема на Балканах. Дробление на мелкие державы с великосербской, великоболгарской или великогреческой манией будет постоянно обрекать балканские народы на жертву Молоху того же *raison d'Etat*, которого не насыщают никакие человеческие гекатомбы. Игрушки европейской дипломатии, прихвостни борющихся между собой колоссов так называемого европейского концерта, поставщики для них пушечного мяса, в награду получающие возможность рвать друг у друга куски владений — такова унылая перспектива для балканских стран, если они останутся разъединенными государственной враждой.

¹ Государственный интерес (фр.).

Война между балканскими союзниками — преступное безумство: таков был общий голос всей цивилизованной Европы. Так им внушали всеми силами их европейские друзья: припомним недавнее внушительное обращение английского короля к балканским делегатам. И даже в германских странах, далеко не питающих сочувствие к балканцам, общественное мнение не поддавалось злорадству: и там раздалось не науськивание, а выражение негодования. Но, уступив аффекту и став малочувствительными к ужасам войны после того, как полгода они с восторгом слушали рассказы о чудном действии команды: «Напред, на нож», балканцы оставались глухи ко всему, кроме того, что им нашептывали разгоревшиеся страсти. Еще вчера приходилось опасаться, что все усилия дипломатии предотвратить братоубийственную войну останутся настолько же безуспешны, как оказались они осенью пред взрывом, покончившим с турецким владычеством на европейском континенте. Еще вчера казалось, что ужасное непредотвратимо.

Быть может, память об испытанном осенью фиаско при коллективном волеизъявлении Европы и повела к тому, что на этот раз Россия — в согласии если не со всей Европой, то, вероятно, с державами Тройственного соглашения — избрала другую форму воздействия на софийское и белградское правительства. Сильнее ее нельзя себе представить. Осенний отказ в согласии был перенесен легко державами европейского концерта: все они одинаково оказались в довольно унижительном положении, а на людях и смерть красна, не то что некоторый урон для чести. При той же форме, в которую облечено русское представление сейчас, Болгарии и Сербии лучше не вспоминать легкой своей осенней дипломатической победы. Сделанный шаг настолько обязывает Россию, что об отступлении ей трудно было бы думать.

По ряду соображений, которые нам неоднократно приходилось развивать, мы не являемся сторонниками политики, стремящейся сделать Россию опекуной славянских балканских государств. Однако в данном случае решительное выступление России должно быть признано спасительной мерой. Русская телеграмма вполне справедливо говорит, что для самой России роль арбитра является лишь тяжкой обязанностью. Но после всего, что было сделано Россией для балканских государств, после зимы, прошедшей на краю войны с Австрией и Германией из-за албанско-сербского вопроса, Россия не может оставаться спокойною свидетельницей того, что Сербия и Болгария готовы над собой сделать в припадке истинного умоисступления. Ей не к лицу сказать в такой критический момент: «умываю руки». Нет, если русский шаг будет увенчан желательным успехом, то, как бы страстно ни отнеслись к нему балканцы в данную минуту, остыв, они признают, что им оказана величайшая услуга — что им не дали только самим наложить на себя руки.

«Утро России». 31 мая 1913 г. Передовая статья

С чувством душевного облегчения встретила Россия официально опубликованный текст тождественных телеграмм, отправленных государем болгарскому царю Фердинанду и сербскому королю Петру.

Государь обращается к благоразумию обоих балканских государей в момент крайнего обострения болгаро-сербского конфликта. Обращение это дружественно, доброжелательно, но и внушительно строгою определенностью тона.

Государь напоминает Болгарии и Сербии, что их правительства в союзном договоре своем предоставили решение всякого спора между ними России. Россия в лице своего государя обязанность эту приняла. И государь указывает, что от этой тяжелой, принятой им на себя обязанности он не признает возможным уклониться.

Это указание должно быть понято и в Софии, и в Белграде. Отказ союзников от передачи спорного вопроса на единоличное решение России обнаружил бы с их стороны совершенно недопустимое чувство недоверия к той великой славянской державе, которая 36 лет тому назад вызвала и Болгарию, и Сербию к самостоятельной государственной жизни, которая в течение всей только что закончившейся балканской войны верным ангелом-хранителем бодрствовала над родственными нам балканскими народами.

Слова государя о том, что война между союзниками не может оставить его равнодушным, — это точное выражение чувств всей России.

Обе государевых телеграммы отправлены из Москвы. Из той первопрестольной столицы, в которой не раз российские монархи принимали свои решения, запечатленные в признательной памяти России и славянства.

Находясь в сердце России, окруженный древними памятниками тех времен, когда народ и царь во взаимном великом доверии творили общее державное дело России, когда чуждый идеалам славянства Петербург ревниво не воздвигал между властью и народом своего двухвекового средостения, монарх России совершил то, к чему мысленно давно стремились и чего давно ждали и русский народ, и русское общество. Он заявил болгарам и сербам, что то государство, которое начало бы войну, будет ответственным за это перед славянством, и что он оставляет за собою полную свободу по отношению к возможным последствиям столь преступной борьбы.

Давно не раздавался голос России перед Европой. Европа отвыкла от него. Но вот он раздался. И мы, москвичи, довольны, что раздался он из Москвы.

Кончено. Войны не будет. Кошмар братоубийственной резни славян между собою развеян. Семейный спор будет улажен родственным решением старшего члена семьи.

Разочарованным европейским зрителям, называть которых по имени не представляется нужным, придется разойтись по домам. Страстно ожидаемое ими зрелище не состоится.

96

«Земщина». 31 мая 1913 г. Союзники опомнились

Получив текст царской телеграммы, отправленной монархам Болгарии и Сербии, мы были уверены, что она произведет ошеломляющее действие, и у славян, готовых было броситься друг на друга, опустятся руки. И наша уверенность вполне оправдалась. По всем последним известиям и Болгария, и Сербия дали ответ вполне удовлетворительный и идет уже речь о разоружении.

Да иначе и не могло быть. Личная телеграмма государя не могла не проникнуть в самое сердце славянских монархов и их народов. Это не дипломатическая нота, с которой можно и не считаться. К голосу русского царя прислушивается весь славянский мир, ибо он не может не понимать, что все славяне ему одинаково дороги и только в нем они могут видеть бескорыстного защитника и покровителя.

Да и во имя чего Россия принесла бы столько жертв своими сынами и деньгами, освобождая балканские народы, если бы все эти жертвы должны были прахом пойти. А ведь взаимное истребление к этому именно и могло привести. Турция, Австрия и Румыния не только могли бы воспользоваться ослаблением союзников, чтобы низвести их последние победы на нет, не только могли бы и лишить их всех плодов завоеваний, но могли бы подчинить еще своей власти, поделив между собой все славянские земли.

И что же — России вновь пришлось бы освобождать славян из-под разного ига? Возможно ли это?! И можно ли не понимать и не помнить, что и последние блестящие успехи союзников обошлись России недешево. Ведь сдерживание Австрии требовало постоянной нашей боевой готовности...

По-видимому, сейчас острая опасность миновала. Война между Болгарией и Сербией может считаться предотвращенной твердым царским словом. Но надо предотвратить рост озлобления между младшими нашими братьями. Царское слово заставило их опомниться. Однако, если не принять меры к умиротворению разгорающейся ненависти, то Балканский полуостров будет под вечной угрозой братоубийственной войны. И вот почему всей нашей русской печати следует держать себя чрезвычайно осторожно и не повторять сделанных ошибок. Особенно следует быть сдержаннее «Новому времени», в котором славяне видят отражение правительственных взглядов.

«Новое время», быть может, и не подозревает, какую плохую оно оказало услугу и как своей, конечно, невольной ошибкой содействовало разгару страстей.

По договору между союзниками в случае споров они обязаны обращаться к посредничеству России. Очевидно, Россия не должна составлять себе какого-либо предвзятого мнения, *не выслушав обе спорящие стороны*. Между тем «Новое время» вполне определенно стало на точку зрения Болгарии и посылало уже упреки по адресу Сербии. Упреки эти были настолько определены, что вызвали даже протесты в сербской печати.

Я не хочу этим сказать, что у «Нового времени» не было оснований высказывать свой взгляд. Но в данном случае это было неуместно. Когда орган печати, слывающий за границей за официоз, становится *на одну сторону*, то тем самым внушает подозрение и вызывает опасение *противной стороны*. И мы видим, что Сербия и проявила особенное нежелание обращаться к третейскому решению России.

Разумеется, опасения Сербии вполне неосновательны. Она не должна допускать и мысли, что при решении спора русский царь в качестве третейского судьи может руководствоваться соображениями каких-либо газет, хотя бы и наиболее близких к правящим кругам. В наших головах такое предположение даже и не укладывается, и мы понимаем, насколько оно вздорно. Но на сербов, воображающих, что «Новое время» отражает мнение правительства или русского общества, резкое отстаивание интересов Болгарии могло производить угнетающее впечатление. Сербия и полезла на стену.

Бесспорно, это крупная политическая ошибка со стороны «Нового времени», и в интересах славянства всей русской печати не следует забегать вперед и становиться на чью-либо сторону. В данном же случае, когда *нашему* государю предстоит решить жизненный спор между братскими народами, чувство деликатности обязывает всех нас молчать, дабы не давать повода хоть к малейшим сомнениям относительно полного беспристрастия третейского судьи...

С. Глинка.

«Московские ведомости». 1 июня 1913 г. Своевременное предостережение

Среди мрачного политического тумана, который окутал раздорами Балканский полуостров, блеснул светлый луч. Славянские державы, одурманенные победами и увлеченные несбыточными планами до того, что готовы были решиться на братоубийственную войну, услышали веское слово русского государя. Это было последнее предостережение, способное удержать

их от рокового шага. Пред ними находился выбор: или содействовать мирному развитию своих государств на благо народа и всего славянства, или ввергнуть эти государства в пучину бедствий, из которых трудно будет найти выход.

В знаменательной телеграмме государя императора державным вождям болгарского и сербского народов ясно и твердо выражено, какими тяжкими последствиями может угрожать балканским государствам их братоубийственная распря.

«В эту столь ответственную минуту мое право и мой долг, — говорится в телеграмме, — побуждают меня обратиться с непосредственным призывом к вашему величеству. России предоставили оба народа, болгарский и сербский, в своем союзном договоре решение всякого спора, касающегося применения положений этого договора и относящихся к нему соглашений. Я прошу ваше величество остаться верным принятым на себя обязательствам и положиться на Россию для решения настоящего спора между Болгарией и Сербией.

Рассматривая функции третейского судьи не как преимущество, но как тяжелую обязанность, от которой я не признаю возможным уклониться, я считаю долгом предупредить ваше величество, что война между союзниками не может оставить меня равнодушным.

Я признаю необходимым заявить, что государство, которое начало бы войну, будет ответственным за это пред славянством, и что я оставляю за собой полную свободу определить, какое положение Россия заняла бы по отношению к возможным последствиям столь преступной борьбы».

Не могло быть ни малейшего сомнения, что светлый луч этого предостережения рассеет мрак, окутавший умы в Софии и Белграде, и подействует отрезвляющим образом на разгоряченные головы тамошних политиков.

Для этого им нужно было только вспомнить, что их воинственный задор вызывается не столько истинными интересами этих народов, сколько влияниями, идущими со стороны врагов славянства, встревоженных ростом могущества последних.

В Австрии по преимуществу, но не меньше того и в Германии, господствует нескрываемая радость, что на Балканском полуострове интересы территориальные берут верх над интересами национальными и что мечта о союзе славянских государств готова рушиться. Этим обстоятельством воспользовались с большим искусством, чтобы вызвать раздор среди союзников. В Германии серьезно говорят уже о сближении Болгарии с Тройственным союзом, приписывая ей роль изменника славянству, и радуются тому, что присоединение 800 тысяч болгарских и румынских штыков увеличит силы тройной лиги и явится противовесом особенно «неприятной» немцам усиливающейся Сербии. Д[окто]р Альбрехт Вирт, выражая желания немцев, доказывал недавно в «Магдебургской газете», что только Сербия стоит на дороге

Австрии и что в интересах Тройственного союза всеми мерами следует поддерживать Болгарию. «Старый основной принцип *divide et impera*¹ сохранил всю свою жизненную силу до сих пор и может быть приложим с таким же успехом, как и 2000 лет тому назад, — доказывала газета. — Этот принцип требует, чтобы мы и превосходству России могли противопоставить действительную преграду. В будущем и славянский мир будет походить на эллипс с двумя фокусами или даже эллипсоид с тремя фокусами. Как англосаксонский мир имеет два фокуса — Лондон и Вашингтон, восточноазиатский — Пекин и Токио, арабский — Мекку и Каир, точно так же и славянский мир будет иметь притяжение к Петербургу и Софии или Белграду. Такой раскол всеславянства соответствует в совершенном виде требованиям всех немцев не допускать роста могущества панславизма. Поэтому поддержка Болгарии Германией отвечала бы не только всем реальным политическим, но и национальным требованиям».

В этих государствах братоубийственная война славянских государств, являющаяся преступлением не только против своих народов, но и всего славянства, была бы встречена с восторгом, как осуществление заветных мечтаний немцев. Поэтому и старания австрийской политики были направлены в Букуреште и Константинополе к удержанию этих государств от вмешательства, чтобы не создавать Болгарии затруднений. Удалась ли бы эта затея — сказать невозможно, потому что интересы Турции и Румынии могли бы потребовать такого вмешательства, а тогда Болгария могла бы лишиться даже тех плодов, которых она добилась оружием. Турция, во всяком случае, весьма энергично, несмотря на заключение мира, продолжала все время усиливать свою армию при Чаталдже в ожидании столкновения союзников. Для нее в этом случае было бы выгоднее не слушаться советов Вены и Берлина и попытаться вернуть себе все, что можно, из потерянного во время войны.

Но и успешная борьба, если можно говорить об успехе в такой преступной войне, не могла бы принести союзникам желанных плодов, потому что легко могло бы последовать вмешательство держав, которые сами решили бы провести границы, конечно, к невыгоде славянских государств. Все заставляло, таким образом, правительства Болгарии и Сербии со всей серьезностью отнестись к тому авторитетному предостережению, которое раздалось со стороны монарха создательницы и покровительницы славянских государств России, без охраны которой их будущность будет всегда построена на песке. Это предостережение напомнило в Софии и Белграде, что правительства своим упорством могут содействовать только выгодам врагов славянства — и это заставило их остановиться на опасном пути.

Но предостережение будет, без сомнения, иметь и другие благотворные последствия. Оно покажет недругам балканских государств, что Россия

¹ Разделяй и властвуй (лат.).

сумеет охранить славян от опасности, и это, можно думать, положит предел нескончаемым интригам, направленным к вызову раздора между ними.

98

**«Новое время». 1 июня 1913 г.
В Европе и на Балканах**

Высочайшее обращение к балканским государям встречено в печати и политических кругах держав, стремящихся к установлению на Балканах мира, с чувством глубокого удовлетворения.

Соединенная дипломатия всей Европы обнаружила в устроении балканских дел неслыханную немощь. Располагая моральным влиянием, а также военной и финансовой силой по крайней мере трех великих держав, дипломатия не сумела до сих пор отразить ни одного притязания, опирающегося на угрозу насилием. Так случилось и в споре Сербии и Греции с Болгарией из-за раздела завоеванных земель. Для исправления ошибок, сделанных неискусными подчиненными властями, пришлось прибегнуть к последнему средству — непосредственному выступлению главы славянских народов. Европейское общество и печать выражают теперь искреннюю признательность действию русского государя, далеко выступающему за пределы дипломатических сношений.

Французская и английская печать высказывают уверенность, что ни один славянский народ не решится отступить от великодушного призыва, обращенного к ним русским монархом. В то же время она заявляет, что плечом к плечу с Россией выступают в этом случае и Франция, и Англия, если нравственного убеждения окажется, сверх всяких ожиданий, недостаточным. Официальные круги Англии для выражения своего взгляда на болгаро-сербское столкновение прибегают к еще более решительным выражениям. Английский министр иностранных дел, сообщив палате общин текст телеграммы государя императора, высказал твердую надежду, что заключающийся в ней совет будет принят. По его мнению, не нашлось бы слов для выражения негодования, если бы две страны, столь тесно между собой связанные, прибегли для решения своих разногласий не к арбитражу России, а к войне. Такая война, лишив балканские государства сочувствия европейского общественного мнения, могла бы вывести великие державы из того нейтралитета, который был обеспечен Сербии, Болгарии и Греции именно общим сочувствием их героическим усилиям в освободительной войне.

Не с таким чувством встречено русское обращение к славянским монархам в Австро-Венгрии. Венгерские газеты все еще надеются, что разногласия Сербии и Болгарии кончатся войной, все выгоды которой причтутся на долю

Австро-Венгрии. К великому прискорбию надо признать, что надежды австро-венгерских политиков не совсем лишены основания.

После свидания с русским посланником, которое находилось в тесной связи с высочайшей телеграммой, сербский министр-президент сообщил сербской официозной газете «Штампа»: «Положение не изменилось». Он по-прежнему ждет ответа Болгарии на предложение о свидании и пересмотре договора. И пока такой ответ не будет получен, положение, по его словам, остается по-прежнему критическим. В вопросе же о частичной демобилизации он ждет соединенного представления держав, которое пока не состоялось в виду неполучения надлежащих инструкций германским и итальянским посланниками.

Мы ждали от сербского министра-президента иных решений и иных слов. Русская телеграмма не предвещает сербско-болгарского спора, в котором, как и во всякой тяжбе, правда не на одной стороне. Она требует только одного: отказа сторон от попытки осуществить свои притязания силой. Она требует, чтобы обе стороны, до войны согласившиеся подвергнуть свои взаимные споры арбитражу России, исполнили это обязательство теперь, когда для того настало время. Положение таким образом, вопреки мнению г. Пашича, изменилось коренным образом. Неужели сербский министр возьмет на себя ответственность заявить, что русское обращение сербским правительством отклонено?

Недоразумения, вызываемые сообщением сербского министра белградской газете, к счастью, теряют теперь значительную долю своей остроты, хотя и не утратили ее всецело.

Сербское правительство, по сообщению агентства, послало болгарскому правительству ноту, в которой предлагает ему сократить состав действующей армии до одной четвертой части настоящей численности. Это разумное предложение, если оно сопровождается решением сократить в том же размере и сербскую армию, должно быть болгарским правительством безусловно принято. Ибо только при таком условии возможность случайных столкновений между стоящими бок о бок сербскими и болгарскими войсками будет устранена, и русский арбитраж не будет подвергаться опасностям опасных перерывов¹.

Официальных сведений об ответе Болгарии на русское обращение до сих пор не получено. Остается предположить, что болгарское правительство, с самого начала столкновения настаивавшее на обращении к русскому арбитражу, не отступило от своего решения и не обусловило его какими-либо неприемлемыми ограничениями. Следует надеяться также, что болгарское правительство не омрачит положения и без того крайне трудного, попытками силой осуществить какое-либо из своих частных притязаний, как о том ходят слухи.

Мы надеемся, что балканские правительства оценят русское обращение к балканским государям во всем его историческом значении. К ним

¹ Так в тексте.

обращается на этот раз не дипломатия, изменчивая и колеблющаяся, а естественный глава славянского мира. Государство, которое сочтет для себя позволительным уклониться от беспристрастного решения русского государя, тем самым откажется от славянства и свяжет судьбу свою с чуждыми народами, исконными недругами славянской свободы и независимости.

В порыве политической страсти легко сделать непоправимую ошибку, за которую потомкам современного поколения придется расплачиваться тяжелой ценой.

Пусть ответственные политические деятели Сербии и Болгарии еще раз припомнят многострадальную историю своих народов. Они убедятся тогда еще раз, что без России и без морального единения с русским народом самостоятельное государственное существование их является неосуществимой химерой. Прибегнув же к решению своего спора оружием, вопреки увещанию русского государя, вопреки общим настояниям сочувствующих славянам народов и правительств, сербы и болгары могут оказаться перед разбитым корытом.

99

«Русское слово». 1 июня 1913 г.

Светлые надежды

Со времени высочайшей телеграммы, в 1897 году преградившей путь нашествию турецких полчищ на Грецию, впервые твердо и решительно прозвучал голос России на Балканах. В ту самую минуту, как братья готовились скрестить мечи, высшая сила их остановила, напомнив им о долге чести и совести. Первые телеграммы из Белграда и европейских столиц, полученные после опубликования телеграммы государя императора, уже сообщили благую весть о том, что Сербия решила принять предложение о третейском суде России. Относительно Болгарии известия не менее определены. Вернется ли Гешов к власти, как о том держится слух, или во главе софийского кабинета останется Данев — теперь уже трудно сомневаться в том, что Болгария подчинится голосу благоразумия и вложит меч в ножны. Если дело Болгарии правое, то болгарам нечего страшиться третейского суда.

По толкованию большинства болгарских политиков, третейский суд России возможен только относительно спорной полосы, указанной в договоре 29-го февраля 1912 г. Так как болгарское правительство уже заранее изявило готовность поступиться этой узкой полосой Македонии в пользу Сербии, то в этом случае третейский суд, собственно говоря, был бы излишен.

Однако в высочайшей телеграмме ясно сказано, что предметом третейского суда в силу сербо-болгарского союзного договора должны быть всякие споры, касающиеся применения как самого договора, так и прочих соглашений, из него вытекающих. Таким образом, сербо-болгарский спор восходит на решение России в полном объеме, и третейский судья имеет право и обязанность обсудить вопрос о том, в какой мере и кем из союзников нарушен союзный договор и военные конвенции. Только при такой широкой постановке дела возможно решение, основанное не только на букве, но и на духе договора и способное примирить враждующие стороны.

Важные предложения сделаны Россией также и для мирного разрешения греко-болгарского спора из-за Салоник и юго-западной Македонии. Греция и Болгария сами должны избрать себе третейских судей, решение которых могло бы удовлетворить обе стороны. Для России имеет второстепенное значение вопрос о том, какие именно территории отойдут к Греции и какие к Болгарии. Но важнее всего, чтобы этот вопрос был разрешен мирным путем. Россия не может отступить от принятого ею решения водворить мир на Балканах и не допустить братоубийственной войны. Поэтому вполне естественно, что державы Тройственного соглашения сделали в столицах балканских государств настойчивые представления о разоружении.

Сербия, Греция и Черногория уже дали благоприятный ответ на эти представления, и таким образом опасность войны может считаться устраненной. Мы ни на минуту не допускаем мысли, чтобы Болгария дошла до гнусного нападения на безоружных. Раз Сербия и ее друзья последовали совету России, Англии и Франции, им нечего бояться. Великие державы, поставившие своей задачей успокоение Ближнего Востока, не допустят надругательства над доверившимися их покровительству нациями. Заявления сэра Грея в палате общин ясно показывают, что Англия пойдет в этом случае с Россией до конца. Напрасно стамбуловисты и радослависты тешат себя надеждой на помощь Австрии, которая будто бы собирается вмешаться в сербо-болгарский конфликт. Вмешательство Австрии несовместимо с честью и достоинством России, которой принадлежит одна право и обязанность третейского суда. Лишь в том случае, когда третейский суд России не состоится, наступает момент для вмешательства других держав, но не одной Австрии, а всех участниц Берлинского трактата. Пока же вопрос о разделе Македонии решается мирным путем, Европа остается в стороне: великие державы уже согласились предоставить мирный раздел завоеванных территорий самим союзникам.

«Новое время». 2 июня 1913 г. Россия и балканская война

По сведениям нашего лондонского корреспондента, бывшие балканские союзники выразили согласие подчинить свой спор о разделе завоеванных земель русскому третейскому суду. К сожалению, официального подтверждения этого сообщения пока еще нет, и русское общественное мнение по-прежнему остается в тягостном ожидании.

Мы не особенно удивляемся запозданию желанного ответа. На Балканах накопилось слишком много недоумений и ненависти, чтобы можно было рассчитывать на немедленное разумное решение.

Балканские народы и их ответственные руководители до сих пор пребывают в убеждении, что они вели войну только с Османской империей и победили ее исключительно собственными усилиями. Гордые этим чувством, они считают себя единственными судьями своего дела и с неудовольствием смотрят на всякое вмешательство в него, даже самое благожелательное.

В обеих странах давно уже ведется страстная агитация, призывающая народы к ненависти и саморасправе¹. На помощь безотчетному самообману приходит обман сознательный, и болгаро-сербская распря усложняется враждой и угрозами, которые обращаются к России. Пора сказать южным славянам по этому поводу несколько вразумительных слов.

Балканские союзники вели войну не с одной Турцией и вели ее не одни. Кроме открытого врага, они имели дело с еще более грозным противником, стоявшим у них в тылу. Австро-Венгрия привела на военное положение всю свою армию, не остановившись для этого перед миллиардными затратами. Для всякого трезвого человека должно быть очевидно, что великая держава не пойдет на такие грандиозные предприятия ради достижения мелких целей. Австро-Венгрия вооружилась с ног до головы, конечно, не ради того, чтобы добиться передачи Скутари Албании или лишения Сербии нескольких городов в пользу той же Албании. Она собиралась воспользоваться балканской войной для крупных целей и не пожалела для задуманного никаких средств. Австро-Венгрия думала стать полной распорядительницей всех судеб Балканского полуострова. Задача казалась легкой. Все силы балканских народов были заняты смертельной борьбой с Османской империей, и ни сербы, ни болгары, ни черногорцы не могли бы оказать отпора австрийскому вторжению.

Победители Османской империи стали бы дешевой добычей нового врага, который пришел бы с тыла, вооруженный с головы до ног, и взял бы такую добычу, какую ему было угодно.

Этому замыслу помешала Россия. Несмотря на болезненное миролюбие ее дипломатии, Россия все-таки остается Россией. Она не могла смотреть

¹ Так в тексте.

равнодушно на бедствие, угрожавшее ее южным братьям, и приняла должные меры. В силу понятных побуждений мы не можем раскрыть всей совокупности действий, предпринятых ради этой цели. Достаточно напомнить то, что известно всем. Россия задержала под знаменами очередной срок запасных, то есть около полумиллиона людей. Этой предосторожности оказалось достаточным, чтобы удержать Австро-Венгрию от прямого вмешательства в балканскую войну и вторжения с полумиллионной армией в Новый Базар, Старую Сербию, Македонию и Албанию.

Только благодаря этому выступлению России балканские союзники получили возможность продолжать войну, не опасаясь предательского нападения с тыла. Только России они обязаны самой возможностью своих побед. Только благодаря русскому народу у них не отняты плоды их героических усилий. Россия задержала под знаменами целую армию запасных и этим остановила Австрию от занятия обессиленного войной Балканского полуострова. Это выступление обошлось нам в огромную сумму — около полумиллиарда на балканскую монету. Этой новой огромной жертве русского народа сербы и болгары обязаны тем, что у них есть теперь, что делить. Ибо без нас все по праву сильного разделила бы Австро-Венгрия. Разделила бы только в свою пользу.

Известная часть сербского и болгарского политического общества видит не дальше протянутой руки. Им кажется, и они без зазрения совести внушают это широким кругам сербского и болгарского народа, что на этот раз они победили без помощи России и что Россия только препятствует осуществлению их законнейших притязаний. Но что осталось бы союзникам от всех их побед, если бы Россия ценой огромных жертв не удержала Австрию от вторжения на Балканский полуостров!

Балканские союзники вели войну не только против Османской империи, и не одни. Неприятеля, более опасного, чем Турция, на его последнем прыжке против незащитных союзников остановила Россия. Остановила, рискуя войной.

Какою же непростительной слепотой поражены те из славянских политических деятелей, которые до сего дня не дали себе отчета, чем они и в этой войне обязаны русскому народу и его державному главе?

Весь героизм несравненного сербского и болгарского воинства оказался бы бесплодным, если бы и на этот раз на страже славянства не оказался тот же бессменный часовой.

Русский государь принял на себя тяжкую обязанность третейского судьи, как священный долг. Дважды священный долг лежит на сербском и болгарском народе просить об этом суде и подчиниться ему без колебаний и сомнений.

Национальная история южного славянства не кончилась. Она только что возродилась. Возродилась благодаря России и ее чрезвычайным усилиям. Они оказывались иногда безуспешными, но только России обязаны своим самостоятельным национальным существованием и Болгария, и Сербия.

Только ей обязаны сербы и болгары самой возможностью последней освободительной войны. И только враги южных славян, враги по неведению или по умыслу, подстрекают сербов и болгар отложиться от России, от источника их национальной независимости и силы.

101

«Речь». 2 июня 1913 г.

Редакционная статья

Сербский и болгарский ответы на высочайшую телеграмму получены поздно вечером третьего дня. Содержание их держится пока в тайне.

Но самое это обстоятельство показывает, что полного соответствия между ними и русским предложением не существует. По-видимому, наша дипломатия еще рассчитывает сблизить обе противоположные точки зрения и уже поэтому не будет спешить опубликованием текста ответов.

Однако же за отсутствием официальных данных нельзя совершенно игнорировать и те, которые сообщены из иностранных источников в вечерних газетах. По этим последним данным, обе стороны продолжают стоять на своем, и их согласие на русское предложение является пока только платоническим. Сербия требует, чтобы третейское разбирательство вовсе не считалось с договором. Напротив, Болгария, более согласно с русской телеграммой, признает арбитраж в пределах договора. Сербия пользуется посланным в Болгарию предложением о демобилизации, чтобы ответить уклончиво на предложение в этом смысле держав.

Болгария уже совершенно ясно отвечает отказом, требуя, чтобы прежде демобилизации сербы очистили области, бесспорные по договору.

Таким образом, наши предположения, что ответы будут условные, вполне подтверждаются. Однако наша дипломатия продолжает быть оптимистичной и заключает, по-видимому, из самого *факта* ответов, что обе стороны «ищут» русского посредничества.

Непосвященные могут лишь вывести отсюда, что надежда на дальнейшее сближение точек зрения сторон в нашем ведомстве не потеряна. Очевидно, это сближение сделается теперь предметом дальнейших переговоров. Не питая больших надежд в этом направлении, мы, однако, желаем нашим дипломатам всяческого успеха.

«Русское знамя». 2 июня 1913 г. Важный исторический момент

Сейчас мы переживаем весьма важный исторический момент: великодушное обращение русского царя к царю болгарскому и королю сербскому для предотвращения братоубийственной войны исправляет все те бесчисленные ошибки, которые в течение последних многих лет с редкой последовательностью и энергией нанизывала наша дипломатия. Несомненно, вооруженное столкновение между Болгарией, Сербией и Грецией было бы великим несчастьем для будущности славянства и, в частности, для судьбы христиан Балканского полуострова.

Создалось это положение вещей вполне последовательно и естественно и совершенно ясно характеризует отношение трех главных государств Балканского полуострова.

Действительно, все три народа воевали вместе, но на каждого из них труд выпал различный. Главный натиск приняла на себя Болгария, и решила войну, конечно, болгарская армия. Ей пришлось поработать действительно серьезно, и бои, которые она имела под Лозенградом и Чаталджой, когда нанесла поражение за поражением более сильной турецкой армии, были боями серьезными и опасными. Проиграй эти бои Болгария, и никаких бы побед ни сербов, ни греков бы не было. Болгария оттеснила обратно и уничтожила главные турецкие силы и, загнав их за Чаталджинские укрепления, непустила оттуда ни одного турецкого солдата на запад.

Вполне естественно, что остальные турецкие войска, разбросанные отдельными отрядами от границ Сербии до Салоник, были уже деморализованы вследствие такого положения и прекрасно сознавали, что впереди им может предстоять только гибель рано или поздно.

Не имея связи между собою, вполне сознавая безнадежность своего положения, эти отряды если и боролись, то не могли оказывать упорного сопротивления и не представляли собою сколько-нибудь серьезной или грозной военной силы. Поэтому и на долю сербской и греческой армии задача выпала много более легкая, чем на долю болгарской армии.

В то время как болгары были заняты борьбой с Турцией на Чаталдже и у Адрианополя, сербы добивали турок на западе, а греки старались прихватить себе как можно большую территорию, а когда болгарский отряд приближался к Салоникам, загнав туда остатки разбитых турок, греки поспешили перехватить у них Солунь и привезли туда свои войска морем в подкрепление шедшим сухопутным.

Это было первым и основным неправильным действием по отношению к болгарам, тем более для них чувствительным, что для Болгарии Салоники и Халкидонский полуостров, с одной стороны, имеет действительно огромное экономическое и политическое значение, а с другой стороны — и огромный

исторический интерес, принимая во внимание, что оттуда вышли в свое время просветители болгар Кирилл и Мефодий. Кроме того, и население в окрестностях в значительной степени болгарское.

Болгары тогда же чуть не разозлились с греками, но сдержались и оставили вопрос открытым до заключения мира.

Точно так же сербы спешили главным образом занять побольше земли и притом те области, которые несомненно должны отойти болгарам.

Таким образом создалась весьма острая почва и обостренное положение, чем и воспользовались всегдашние враги славянства — Австрия и Германия, и начали раздувать пожар, рассчитывая, что этим создастся вновь предлог, устраненный решением об Албании, для вмешательства Австрии и для прорыва ее к Солуни. Поразительно, до чего настойчиво добивается Германия и ее подголосок Австрия, чтобы непременно втравить нас в войну. Снова Германия выпускает на сцену своего маленького гогенцоллерна — Румынию, которая снова хочет произвести вивисекцию Болгарии.

Одним словом все, что было нами сделано для поддержания мира, утрачено и все надо начинать сначала.

Быть может, Болгария и Сербия и выступают сейчас наиболее активно и открыто, но центр тяжести вопроса будет находиться не в них, а в отношении Греции.

У нас очень мало обращается внимания на то, что такое представляет из себя Греция, какие там существуют настроения и куда смотрят греки. Ни один грек не может забыть, что некогда существовала греческая империя на берегах Босфора, власть которой распространялась и далее на Малую Азию и берега Черного и Азовского морей, и каждый грек пламенно мечтает о том, что снова будет восстановлена на берегах Босфора столица греческой империи.

С особой ненавистью относятся они к России, считая, что Россия отняла у них их достояние на берегах Черного и Азовского морей и может водвориться на берегах Босфора.

Одна мысль об этом приводит в ярость каждого греческого патриота, и он готов примкнуть к кому угодно, лишь бы только задержать движение России. То чувство, которое питают греки к России, они питают и к балканским славянам и славянам вообще.

Когда они рассчитывают что-нибудь выиграть при посредстве России и славян, то они изображают из себя воплощение покорности. Но после того, как для них выгребли жар, они снова занимают враждебное положение и начинают ожидать случая как-нибудь создать затруднение славянству. Греки и славяне всегда были элементами, друг друга исключаящими, и теперь нет никакого основания ожидать, чтоб это отношение изменилось. Греки не будут никогда сообразоваться с интересами славян, да и в этой войне приняли участие вполне уверенные, что болгары, сербы и черногорцы расколотят турок. И им придется, так или иначе, только выиграть. Это отношение яркой

нитью проходит через всю кампанию: увлеченные желанием захватить побольше островов, а быть может, и сам Константинополь, греки держали свой флот только в этой сфере и совершенно оставили без внимания крейсер «Гамидиэ», который пришел громить сербов¹.

Едва ли можно сомневаться в том, что греки постараются не принять участия в войне с Болгарией и Сербией, но употребят все усилия к тому, чтобы эта война состоялась, и Австрия и Германия имеют в греках весьма важную опору.

Поэтому опасность войны и осложнений не миновала. Что предстоит еще разжигание страстей на Балканах, видно хотя бы из того, что, несмотря на слово русского императора, берлинские газеты уверяют, что опасность войны не только не миновала, но положение крайне опасное. Кому это лучше знать, как не самому главному инициатору всяких беспорядков в Европе?

Тем не менее мы все уповаем, что как бы Австро-Германия ни натравливала их друг на друга, но сербы и болгары не могут не отнестись с должным вниманием к призыву русского царя.

Этот призыв является историческим актом первостепенной важности, ибо помимо призыва к благоразумию родных нам по крови славян, этот акт заключает в себя указания на ту роль, которую Россия считает для себя обязательной в славянском вопросе. «В эту столь ответственную минуту, — указывает русский царь, — мое право и мой долг побуждают меня обратиться с непосредственным призывом к вашему величеству». России, естественно, принадлежит гегемония в славянском вопросе. Россия не может ни на волос покушаться на свободу братских народов: пусть каждый из них развивается и живет вполне самостоятельно. Россия во внутренние дела мешаться не будет, но пусть каждый из славянских народов твердо сознает, что Россия будет для него опорой, и что природным и естественным вождем всего славянства является русский православный царь. Если прежде это и подразумевалось, то ныне это получило вполне ясное подтверждение. Россия открыто возвратилась на свой исторический вековой путь. Этот путь, если за ней последуют славянские народы, приведет к созданию великого славянского союза под гегемонией России, и полному возрождению духовных и народных сил славян и полному освобождению славянского духа не только от ига неверных агарян², но и от ига вероломного шваба³, и тяжелого пруссака.

Р-ъ

¹ Здесь ошибка, в действительности — болгар, события происходили на Черном море, у Сербии же выхода к морю не имелось.

² Агаряне — распространенное в христианской литературе и византийских хрониках обозначение мусульман.

³ Швабами на Балканах часто называли австрийцев.

«Новое время». 4 июня 1913 г. Балканские ответы

Государь император обратился к монархам Сербии и Болгарии одновременно и в тождественных выражениях. Горячие друзья балканских народов были вправе рассчитывать, что и ответ на это обращение последует также одновременно и в тождественных выражениях. К сожалению, этого не случилось. Благодаря влияниям, о которых даст отчет история, правительства обоих соседних государств либо не сочли возможным вступить по этому поводу в переговоры, либо не сумели достигнуть соглашения. В итоге получилось два ответа, отличные один от другого по характеру и внутренней ценности.

От имени Болгарии ответ дан главой государства, действующим в согласии со своим правительством. От имени Сербии ответили, насколько можно судить по полученным до сих пор сведениям, только министры. Болгария, напоминая о жизненной важности для нее обладания Македонией, в то же время выражает согласие на русский суд, не ограничивая его никакими условиями; сербское правительство соглашается лишь на съезд в Петербурге четырех балканских министров, не упоминая ни одним словом о своей готовности подвергнуть возбужденный спор условленному русскому суду.

Откуда это различие в отношениях Софии и Белграда к русскому предложению? Чем руководилось сербское министерство, по-видимому, воспрепятствовав сербскому королю дать русскому государю тот единственный ответ, который возможен и уместен при настоящих условиях? Прямого ответа на эти вопросы мы не найдем ни в обнародованном сообщении сербского правительства, ни в объяснениях сербских общественных деятелей, которым на страницах нашей газеты было предоставлено столько места. Но найти его нетрудно.

Сербо-болгарский спор из-за Македонии родился не сегодня и не вчера. Его можно проследить вплоть до того времени, когда Россия возродила Сербию к независимому государственному существованию. По мере роста в державной Сербии национального самосознания возрастало также беспокойство Австро-Венгрии, в пределах и под властью которой находится большая доля сербского народа. Одной из постоянных задач австро-венгерской дипломатии стало с тех пор отвлечение сербской мысли от естественных путей и великих целей. Она не останавливалась ни перед какими средствами, чтобы направить сербское внимание по линии наименьшего сопротивления — в сторону Македонии. Этот план проводился настойчиво, последовательно, с тонким искусством, и в Сербии народилось общественное течение, которое всю будущность сербского народа связывало с судьбой Македонии: будет ли она сербской или болгарской? Ради завладения Македонией были готовы на какие угодно жертвы, до войны с Болгарией и борьбы с самим македонским населением включительно.

Это движение по существу своему было благородным и патриотическим. Но по своим последствиям оно так совпадало с планами Австрии обезвредить пробуждение сербского национального духа, что вызвало, наконец, противодействие. Новое течение сербской национальной мысли отказалось от намерения завладеть всей Македонией, не считаясь с волей и племенным составом ее. После долгого и внимательного изучения вопроса дальновидные сербские общественные и государственные деятели пришли к выводам, на основании которых вражду с Болгарией из-за Македонии оказалось возможным заменить тесным союзом для достижения общих целей. Болгария отказалась от притязаний на северную часть этой области, Сербия — от покушений на южную долю ее. Осталась сомнительная полоса, относительно которой полюбовное соглашение не было достигнуто. Спор из-за нее было решено подвергнуть русскому суду. Давняя распря таким образом погасалась. Для Сербии в согласном взаимодействии с Болгарией открылась возможность расширения. И первый же опыт доказал мудрость этого решения.

Самостоятельно Сербия никогда не объявила бы войны Турции из-за северной части западной Македонии и Ново-Базарского санджака. Разговоры о необходимости этих областей для правильного развития Сербии остались бы лишь разговорами и темами для бесплодных газетных статей и брошюр. Равным образом и Болгария не решилась бы испытать счастье в борьбе с Оттоманской империей один на один ради приобретения Фракии и южной части западной Македонии. В союзе сербы и болгары обрели и решимость на борьбу, и блистательный успех. К ним естественно примкнули Греция и Черногория, и недавно разрозненные балканские государства, бессильные в отдельности, обратились в новую великую державу. Для каждой из ее составных частей открывались перспективы на дальнейшие успехи в меру их законных национальных притязаний. Наибольшей угрозой новая держава являлась для Австро-Венгрии, чего австрийская и венгерская печать нисколько не скрывает. Понятно, поэтому, в чьих интересах было разрушить Балканский союз, обессилить отдельных участников его и вернуть в первобытное ничтожество.

Ради этой цели Австрия пустила в действие старое надежное оружие — македонский вопрос — и добила новую вспышку его с испытанными ранее последствиями: вновь разгорелась старая вражда, обессиливавшая и Болгарию, и Сербию; еще раз оба братские народа поставлены друг против друга с оружием в руках и с чувством ненависти в сердце; вновь возрождается надежда, что Сербия, обессиленная в схватке с Болгарией и создавшая в ней себе непримиримого врага, на новое столетие будет вынуждена забыть о своих братьях в Австрии и Венгрии.

Русское предложение об арбитраже становится поперек дороги этим преступным планам, гибельным, прежде всего, для сербских национальных идеалов. Естественно, что против него направлены все усилия, и открытые, и сокровенные. Ибо всякое решение русского государя, каковы бы ни были

его подробности, создаст новую Сербию, несравненно более сильную, чем Сербия вчерашнего дня, Сербию с новыми областями, со свободным торговым выходом на Адриатическое и Эгейское моря, с обеспеченным стратегическим тылом, с возможностями широкого хозяйственного и политического развития. Этой *верной* будущности противопоставляют все те же старые химеры, казалось, похороненные соглашением прошлого года, но теперь вновь искусственно возвращаемые к призрачной жизни.

Искуситель делает последнюю попытку отклонить Сербию от единственно верного пути и вовлечь ее в гибельное столкновение, в котором даже успех будет поражением ее подлинных национальных идеалов. Надеемся, что в последнюю минуту сербское правительство сумеет отличить друзей от врагов, вернется к своему решению, принятому накануне победоносной войны, и подвергнет все свои споры с Болгарией беспристрастному решению России.

При всем сочувствии сербскому делу русское общественное мнение не нашло бы оправданий для сербского правительства, если бы оно отреклось от своих обязательств и пошло, само не замечая этого, по пути, указываемому австро-венгерской дипломатией.

104

«Русское слово». 4 июня 1913 г.

Болгарский ответ

Ответная телеграмма царя Фердинанда свидетельствует о том, что болгарское правительство только скрепя сердце приняло предложение о третейском суде России. В такой ответственный момент, когда интересы мира должны бы стоять выше всего, царь Фердинанд заботится единственно об оправдании поведения своего правительства и сваливает всю вину за происшедшие тяжелые осложнения на своих бывших союзников. Как оказывается, еще полтора месяца назад г. Гешов обратился к г. Сазонову с просьбой об арбитраже России. Однако софийский кабинет был бессилен обуздать произвол своих генералов, которые позволили себе ряд вызывающих действий по отношению к сербам и особенно к грекам. Без объявления войны болгарские войска продвинулись в области, оккупированные сербскими и греческими войсками, и заняли ряд важных стратегических позиций, не останавливаясь даже перед открытыми столкновениями с недавними союзниками. Если бы болгарское правительство действительно опиралось бы только на право, незачем было бы стремиться захватным порядком закрепить за Болгарией все области, которые болгары считают почему-то своими. Для защиты своих притязаний болгарское правительство имело перед

собой открытый путь дипломатических переговоров со своими союзниками. И если вместо дружественных переговоров дело едва не дошло до междоусобной войны, то вина за это ложится, прежде всего, на болгарское общество, ослепленное манией величия. Когда г. Гешов после свидания с Пашичем принял предложение своего сербского коллеги об устройстве конференции четырех премьеров в Салониках, он был уволен в отставку и заменен воинствующим г. Даневым. Неискренность и двуличность болгарской политики, прежде всего, вызывали опасность братоубийственной борьбы. Даже и теперь, когда болгарское правительство согласилось подчиниться третьейскому суду России, в Софии не считают войну с Сербией невозможной. Телеграмма царя Фердинанда говорит только о желании избежать этой борьбы, но красивыми фразами никого не убедишь. Поведение Сербии и Греции рассматривается в телеграмме царя Фердинанда как попытка лишить Болгарию самых священных плодов ее неслыханных усилий и славных побед. В этих словах нельзя не усмотреть чисто болгарского извращения перспективы. Западная Македония и Салоники, о которых теперь идет спор между бывшими союзниками, завоеваны не болгарской армией, а сербскими и греческими войсками. Если у кого-либо и отнимаются плоды побед, то отнюдь не у Болгарии, а у Сербии и Греции. Не сделав ни одного выстрела в долине Вардара и к западу от нее, болгары собираются присвоить себе землю, политую сербской и греческой кровью. Нам гораздо ближе и понятней естественные чувства горечи и незаслуженной обиды, которые должны затаить в сердце сербы и греки, отдавая бывшим союзникам те земли, в которых еще недавно население встречало их с колокольным звоном, как освободителей от турецкого ига. Аргумент единодушного негодования обращается скорее против самой же Болгарии. Беспристрастный наблюдатель видит здесь только взрыв шовинизма. Болгарам кажется, что лишь они одни проявили неслыханные усилия и одержали славные победы.

Более вескими представляются ссылки на то, что население Македонии хочет оставаться болгарским, во что бы то ни стало. К сожалению, сербы утверждают, что, по крайней мере, часть населения западной Македонии желает оставаться сербским, а греки удивляются, каким образом греческое население юго-запада спорной области может желать превратиться в болгар. Пока в спорных областях не будет произведено плебисцита, до тех пор утверждения болгарского правительства являются голословными. Быть может, такой плебисцит является наилучшим исходом из создавшегося положения. Конечно, плебисцит должен быть произведен не заинтересованными сторонами, а беспристрастными агентами великих держав. С этой целью можно было бы командировать международную комиссию, в составе нескольких сот консулов, чиновников и офицеров, которая могла бы разбиться на несколько десятков подкомиссий и в месяц объехать весь спорный район. Но на пути к такому решению вопроса стоит же болгарское правительство, ссылающееся на букву союзного договора. Именно это формальное право

и является, в конце концов, важнейшим доводом в пользу болгарских притязаний. Впрочем, насколько болгарская точка зрения оправдывается буквой сербо-болгарского договора, судить трудно, так как договор этот до сих пор не опубликован. Затем, по отношению к Греции болгарское правительство не может основывать своих притязаний на буквальном толковании союзного договора, так как свобода действий Греции не связана никакими договорами. Здесь болгары, если и опираются на право, то только на право сильного.

Само собою разумеется, нельзя безусловно оправдывать также поведение греческого и особенно сербского правительств. Греция, по некоторым известиям, намеревается предъявить требования о компенсациях за переход к Болгарии побережья Эгейского моря и местностей Фракии, населенных греками. Как совершенно основательно заявлял сам г. Венизелос, отказ Греции от Фракии и побережья Эгейского моря вызван географическими соображениями, а не требованиями Болгарии. За что же тут компенсировать? Уж не поэтому ли греки лезли в окрестности Драмы, Серреса и Кавалы, где им делать нечего?

Сербы также зашли слишком далеко, желая удержать за собой всю западную Македонию с Охридой и Монастырем. Что сами же сербы не считают местности между Охридским озером и р. Вардаром сербскими, ясно из сделанного сербской печатью предложения присоединить этот район к Сербии временно, пока сербы не получат, так или иначе, выхода к Адриатике. Кроме того, сербы слишком скоро поддались на болгарскую провокацию и не удержались от бестактных выходок и лишних деклараций. Но все-таки главная вина за крушение Балканского союза ложится на Болгарию. Если бы Болгария проявила искреннее желание миролюбиво разрешить все спорные вопросы и не третировала высокомерно своих союзниц, раздел Македонии можно было бы произвести полюбовно. Беда в том, что болгары признают за собой одни права, а другим оставляют лишь обязанности.

105

«Утро России». 4 июня 1913 г. Ответ без ответа

Царь Фердинанд ответил на телеграмму государя.

Нам сообщают, что ответ этот вызвал в Софии всеобщий восторг «как содержанием своим, так и сдержанным тоном, исполненным чувства собственного достоинства».

Государь обратился к царю Фердинанду с точно определенным указанием на то, что давно состоявшееся решение созвать свидание четырех балканских премьеров до сей поры не приведено в исполнение и что Болгария

и Сербия, очевидно, готовятся к братоубийственной войне. Ввиду этого государь выражал пожелание, чтобы болгарское правительство оставалось верным, во-первых, принятому решению о совещании премьеров, во-вторых, союзному договору, по одному из пунктов которого России предоставлялось постановить окончательное бесспорное решение по всем вопросам, решить которые оказалось бы бессильным совещание премьеров. В заключение государь предупреждал и царя болгарского, и короля сербского, что война между союзниками не может оставить его равнодушным и что начавшая войну сторона станет ответственной за это перед славянством.

На это обращение государя царь Фердинанд не ответил. Поэтому, быть может, софийские русофобы-шовинисты и предались таким восторгам. Вместо точного ответа по отдельным пунктам высочайшего обращения болгарский царь отправил государю телеграмму, в которой выгораживает Болгарию, обвиняет во всем Сербию и заявляет, что и он, и его правительство не в состоянии идти наперекор чувствам единодушного негодования болгар против сербов.

Ответ царя Фердинанда ставит русскому арбитру косвенные, но для всех понятные условия. Он как бы ждет гарантии того, что в подлежащем юрисдикции арбитра споре арбитр заранее станет на точку зрения болгарского правительства.

Перед подписанием своего союзного договора, конечно, и Болгария и Сербия обратились предварительно с запросом к русскому правительству, угодно ли будет русскому государю взять на себя обязанность третейского судьи по решению всякого спора, могущего возникнуть в будущем на почве заключаемого болгаро-сербского договора. Согласие на принятие обязанности арбитра было получено из Петербурга, и только после этого договор мог быть, само собою разумеется, подписан.

В настоящий момент спор между болгарами и сербами, касающийся применения положения этого договора и относящихся к нему соглашений, в полном разгаре. Болгарские и сербские войска мобилизованы, и в любую минуту может возникнуть братоубийственная борьба. И взаимное обязательство предоставить русскому государю обязанность третейского судьи как бы забыто.

Лицо, обязавшееся взять на себя роль третейского судьи, вправе настаивать на соблюдении обязательств и со стороны тех юридических лиц, что заключили между собою соответствующее договорное соглашение. В данном случае известное обязательство в части способа решения спорных вопросов одинаково связывало как царя Фердинанда и короля Петра, так и государя императора.

Телеграмма государя из Москвы являлась доброжелательным, но вместе с тем и категорическим напоминанием по адресу обоих балканских государей, что принятое ими по отношению к заранее призванному арбитру обязательство ими до сей поры не выполнено. Это ясно усматривается из слов

высочайшей телеграммы, что государь рассматривает функции третейского судьи не как преимущество, но как тяжелую обязанность, от которой он *не признает возможным уклониться*.

В телеграмме царя Фердинанда нет прямого заявления о том, что Болгария просит русского государя приступить к возложенным на него и им принятым обязанностям третейского судьи. Получается определенное впечатление, что предварительно влияют на третейского судью в смысле, благоприятном притязаниям Болгарии, стараются вывести, каких результатов может Болгария ждать от будущего арбитража.

Неожиданно ответной телеграммой болгарского царя затрагивается непререкаемое достоинство и не только принципиально признаваемая, но и вмняемая в долг объективность суждения арбитра. При таких условиях третейский судья может быть вынужденным уклониться от своей обязанности. Тем более, что с достоинством третейского судьи никоим образом не согласуется до сих пор не отмененная мобилизация болгаро-сербских войск.

И тогда сторона, начавшая братоубийственную войну, будет иметь против себя Россию.

106

«Голос Москвы». 6 июня 1913 г.

Балканская опасность

Как уже сообщал наш корреспондент несколько дней тому назад, ответы царя Фердинанда и короля Петра представляют собою условное согласие на арбитраж. Их коротко можно бы резюмировать так: согласны, если наша точка зрения будет принята арбитром.

Но тогда нельзя говорить об устранении балканского кризиса. Он продолжает существовать, и это особенно рельефно подчеркнуто фактом запоздалого опубликования высочайшей телеграммы, без сопровождающих ответов на нее высоких адресатов. Опубликование снимает с русского правительства упрек в том, что оно умышленно уклоняется от арбитража и тем самым создает неизбежность конфликта. Россия, как оказывается, сделала все возможное, и не ее вина, если положение продолжает быть серьезным.

Самое серьезное — это продолжающиеся бестактные выпады балканских деятелей, отрезающие всякие пути к соглашению, и отсутствие сведений о демобилизации. Есть сведения как раз обратного свойства: из Салоник сообщают о закончившейся концентрации греческих войск, а из Софии телеграфируют то же самое относительно войск болгарских. По всем видимостям, игра на Балканах зашла слишком далеко, и идти назад для спорящих

сторон весьма трудно. Пока что они упражняются во взаимном дискредитировании, сообщая о всевозможных провокационных выходках противника. Тут и ложные сведения о переходе границ, о стычках, о насилиях и т. п. Мы вполне понимаем, конечно, психологию масс, разожженных до высшей точки каления безоглядной агитацией, но, признаемся, тактика правящих балканских кругов, подкладывающих дрова в костер, для нас совершенно непонятна. Надо окончательно потерять голову, чтобы броситься в борьбу, имея за плечами мобилизованную Австрию и готовую при первом выстреле мобилизоваться Румынию.

Нужно быть совсем невинным политиком, чтобы не понять, что на этот раз Австрия не останется спокойной. Предлог для вмешательства чрезвычайно удобный — пограничная опасность, а успех наступления безусловный. Несомненно, Австрия будет действовать в кооперации с Болгарией в силу простого совпадения интересов — и Сербия будет раздавлена. Весьма возможно, политически ее не будет существовать, если не будет одного «но». Дело в том, что уничтожение Сербии вовсе не в интересах России. Волею судеб Сербия — наш южный форпост в борьбе с Австрией. Это — факт непреложный. Если он будет сломлен при дружном соучастии Австрии и болгар, мы создадим серьезную пограничную опасность, ибо союз Австрии и Болгарии может удержаться и на будущее время, а тогда возникнут затруднения не только на нашей австрийской границе, но и на румынской, и в вопросе о проливах, где Болгария может явиться для нас конкуренткой, как об этом довольно неосторожно проговорился болгарский официоз «Мир» сейчас же после подписания мира с Турцией. И вот волей-неволей нам придется вмешаться в войну активно, как бы ни было это трагично.

Вот в какой огромный риск вовлекают балканские политики и свои родины, и великую славянскую державу Россию, ничего, кроме хорошего, им не сделавшую. Ведь стоят же чего-нибудь оценивающиеся во много сотен миллионов рублей наши экономические убытки, причиненные общим расстройством дел благодаря балканской войне и благодаря тому, что мы эту войну сделали возможной и гарантировали союзникам полный успех.

В высочайшей телеграмме содержится весьма серьезная угроза принять новый курс, если призыв русского царя не будет услышан. Со своей стороны мы можем предупредить балканских союзников, что и русское общество подвергнет ревизии свои симпатии к балканскому славянству, конечно, не в интересах последнего. Они и так уже идут на убыль в ужасающей прогрессии. Самые заядлые славянофилы начинают давать о союзниках кислые отзывы. Думают ли на Балканах очень много выиграть, если этому росту негодующих чувств не будет положено сейчас же предела?

**«Утро России». 8 июня 1913 г.
«Конь бледный»**

Призрачный «конь бледный»¹ снова реет над Балканами. Усилия русской дипломатии предотвратить кровавую развязку сербо-болгарского спора разбиваются о несокрушимую стену национальных интересов и самолюбий обеих стран. Естественность этих интересов и даже самолюбий исключает мысль о каком-либо осуждении Сербии или Болгарии.

Каждое из этих двух государств живет своей жизнью и своей историей, и странно было бы упрекать их в эгоизме, в стремлении отстаивать свою «правду», свою национальную справедливость, как она представляется каждому народу.

Ничего нет удивительного также и в резкости поведения обеих братских стран: родственные споры даже в меньшем семейном масштабе всегда носят особо ожесточенный, особо нервный характер. И объяснение этого странного на первый взгляд явления следует искать отнюдь не в существе спора, а в той психической атмосфере, которой бывают окружены родственные разногласия. В семейных разделах имущества каждой из сторон всегда кажется, что другая должна непременно уступить не в силу права, а в силу родственных чувств. И чем неуступчивее стороны, тем ожесточеннее проявляемая ими ярость, доходящая до умоисступления.

Иногда такие споры кончаются полным крахом родства, но чаще — примирением. И мы знаем, что обидная Сливница не помешала сербам заключить с Болгарией союз для борьбы с Турцией. Известно также, что все ныне разъединяющие союзников нелады были предвидены ими, что доказывает союзный договор, предусматривающий спорные области и даже арбитраж на случай разногласия.

Все это говорит о том, что при известном желании, при достаточном давлении на страсти — союзные правители могут, хладнокровно взвесивши обстоятельства, вступить на почву рассудочного творчества.

Но здесь мы наталкиваемся на одно препятствие, в данном случае решающего характера. Оба враждующих славянских государства управляются молодыми непрочными династиями, еще не успевшими приобрести ни достаточно сильных симпатий в народе, ни достаточно верных сотрудников в управлении. Обе династии, как говорится, в «подозрении» у народа и поэтому, не обладая надлежащей авторитетностью, принуждены в решении вопросов внешней политики обращаться к голосу страны, который, конечно, не может быть однообразным и быстро сказанным. Отсюда затруднения чисто технического свойства, отсюда и упреки противника в намеренном

¹ Отсылка к Откровению Иоанна Богослова, согласно которому четвертый всадник Апокалипсиса, Смерть, будет на бледном коне.

затягивании переговоров, осложнение их новыми пунктами, повышение нервозности и болезненная подозрительность.

Обладай король Петр или царь Фердинанд авторитетностью, например, Франца Иосифа, вероятно, им не пришлось бы обмениваться странными для верховной власти передовыми статьями «Мира» и «Самоуправы». Красивая демократичность обеих стран не должна исключить наличности в ней разумных стойких вождей, которые в нужную минуту могли бы принять то или иное решение на собственный страх. Ведь едва ли можно сомневаться, что в данный момент каждый из этих народов ждет того твердого вещаго слова, которое разрубило бы его недоумения и сомнения. Мы понимаем, что в силу указанных причин этого слова не могут сказать ни царь Фердинанд, ни король Петр. Думы и решения обоих связаны докучливыми призраками низвергнутых народом предшественников¹. Но премьеры Сербии и Болгарии, опирающиеся на большинство парламента, — неужели и им недоступны твердые безапелляционные решения в духе их партий? Неужели они должны считаться с симпатиями своих противников — австрофилов в Болгарии и шовинистов в Сербии? Правительства Данева и Пашича имеют право быть сильными и решительными, ибо они опираются на подавляющее большинство избирателей.

Перед ними одна дорога:

— С Россией.

И они должны бесстрашно вступить на нее, отдав свой спор на арбитраж родственной страны. Мы понимаем колебания Сербии и быструю отзывчивость царя Фердинанда.

Сербия боится писаного права, Болгария видит в нем свое торжество; Сербия основывает свои претензии на разбитых мечтах, Болгария — на букве договора.

Но есть еще одна держава, которая имеет участие в этом споре и может предъявить и к Сербии, и к Болгарии требование о некотором внимании к ее голосу.

Как мать к своим взрослым детям.

Другого исхода нет.

А война, которую сейчас так усердно раздувают обе стороны, не решит их спора.

¹ Имеются в виду князь Болгарии Александр Баттенберг, низложенный в 1886 г., и король Сербии Александр Обренович, убитый заговорщиками в 1903 г.

«Русские ведомости». 12 июня 1913 г.**Передовая статья**

Из-за чего Балканы не могут успокоиться и дать покой Европе? Какие стимулы побудили Белград освободить себя от обязательств свежего «договора о приятельстве и братстве», на исполнении которых София решила настаивать во что бы то ни стало? Если послушать речи, ведущиеся в сербских официозах, то Сербия руководится при этом высшими интересами славянства. Она готова сейчас начать войну с Болгарией именно для того, чтобы обеспечить возможность прочных братских отношений на будущее время. Сербия не расстраивает балканской федерации. Напротив, требуя, чтобы Болгария была ограничена в своих земельных приобретениях, Белград работает над закладкой прочной основы для будущего Балканского союза. Союз этот немаловажен, если Болгария окажется слишком сильной, а Сербия — слишком слабой. «Могущественная Сербия, — пишет официозная «Самоуправа», — является гарантией продолжительности Балканского союза и независимости Балканского полуострова. Слишком сильная Болгария была бы потеряна для Балканского союза».

Поэтому-то сербский план раздела всех отнятых у Турции областей и признается в Белграде единственно «рациональным». Рациональность эта доказывается так. Если весь правый берег Вардара, — аргументирует сербская печать, — отойдет к Сербии и Греции, то эти страны увеличатся одна на 37 000, другая на 27 000 квадр. километров, т.е. вместе настолько же, насколько возрастет Болгария, которой достанется на долю 61 000 квадр. килом. И если взять территории Болгарии и Сербии перед войной и после предлагаемого Белградом раздела, то мы найдем, что отношение их останется почти что прежним: в Болгарии станет 157 000 кв. килом. вместо прежних 96 000, в Сербии — 85 000 вместо прежних 48 000, то есть Болгария, как и раньше, будет превышать Сербию только вдвое. При этом Сербии в союзе с Грецией можно будет глядеть на Болгарию без страха и можно будет поддерживать с ней дружеские связи. Так справедливость при разделе является здесь в то же время и высшей политической мудростью — залогом дружного преуспевания обеих стран. Иначе Сербия вечно должна будет оставаться на страже, боясь поглощения болгарской соседкой.

Итак, война, начавшаяся под знаменем национального принципа при патетических возгласах о святой обязанности освободить поработанных македонцев от векового ига, кончается с сербской, по крайней мере, стороны открытым заявлением, что всякую идеологию надобно бросить, когда заходит речь о сохранении политического равновесия на Балканах. Все дело в арифметике, в подсчете квадратных километров, а кто в них живет — с этим нельзя считаться. Ратуя страстно за сербские требования относительно раздела, один из видных белградских политиков Г. Якшич дошел не так давно в газете

«Temps», оказавшей ему гостеприимство, до утверждения, что в Македонии почти что и нет никакого населения. «Это страна пустая, — говорит он, — в которой каждый победитель будет колонизовать ту часть, какая по приведенному расчету достанется ему на долю». Тезис, который приводит в изумление. Кого же тогда союзники в Македонии освобождали? И кто там стонет сейчас от сербских националистических экспериментов?

Теория политического равновесия процветала в те времена, когда Европа не знала еще национальных государств и династии, объединявшие под своей властью ничем подчас не связанные внутренние страны, с ревливой подозрительностью следили друг за другом, боясь собственного крушения при каждом крупном выигрыше соседа. Но времена войны за испанское наследство, когда от перехода принца крови из Парижа в Мадрид «исчезали Пиренеи», отошли в область исторических преданий, и даже великие державы, существующие только собственной силой, в международной политике научились вводить старинную теорию в должные границы. Для маленьких же государств при их взаимном размежевании ссылка на нее должна быть признана абсурдом. Стоит подумать, что бы мир сказал, если бы, например, Голландия и Бельгия начали войну, найдя, что относительный их вес не забалансирован? Сербия же особенно хорошо должна знать по всей своей истории, что независимость государств ее объема определяется не собственной их силой, а комплексом международных отношений.

Но заблуждение идет здесь много дальше. Протягивая жадно руку к тем македонским областям, где население определенно тяготеет к слиянию с Болгарией, Белград напрасно думает, что увеличивает свою силу. Не всякое земельное приобретение в наше время идет на пользу государству. Когда-то власть над странами и продавалась, и покупалась, и шла в приданое, и переходила по наследству: народы, не воспитавшие в себе национального сознания и не пользовавшиеся политическими правами, равнодушно соглашались служить предметом такого рода сделок. Но это было и быльем поросло. Принципы, царившие еще на Венском конгрессе и у политиков школы князя Меттерниха, сведены историей в могилу. Недаром сама же Австрия, наконец, по доброй воле отступилась от обладания Венецией. Можно было бы в западной истории сослаться и на другие случаи, носящие аналогичный характер. Но Сербии не надо за примерами ходить так далеко. Роль той же Македонии в гибели Турции довольно громко, кажется, свидетельствует, что иные земельные владения для государства могут быть проклятием. А близость рас несколько не ослабит остроты национальных возмущений. Довольно вспомнить хотя бы про Польшу и Россию.

И это именуется у сербских публицистов «рациональным» решением вопроса? И ради этого белградское правительство готово толкнуть уже истощенную страну на новое кровавое испытание, которое будет, конечно, во много раз ужаснее, чем зимняя кампания против турок? «Что за безумие!» — хочется воскликнуть.

Но так ли это? Так ли уже потерял способность всякого соображения Белград, и, потрясая «вооруженной десницей», которая ежеминутно оказывается напереу сербских публицистов, не ждет ли он в действительности, что соблазняющие его каштаны добыты будут из огня для него другой, более могущественной рукой? Глядя на то, как держится Белград, трудно отрешиться от подобной мысли. Как он подчеркивает разницу сербского и болгарского отношения к Петербургу. Болгария непочтительна. Она упрямо допускает русский арбитраж только в пределах договора, тогда как Сербия готова безусловно положиться во всем на мудрость и беспристрастие России. Болгария, — намекает далее Белград, — ясно показывает, что она способна искать опоры в Австрии, чего Россия, конечно, простить ей не должна. И тот на вид парадоксальный аргумент, что федерация балканских государств возможна только в случае, если Сербия получит территориальную прибавку против договора, в конце концов может быть объяснен довольно просто. Россия хлопотала о создании балканской федерации. Так вот, если она не хочет расстаться с этой своей мечтой, пусть она примет сербскую сторону в возникшем споре. А то Белград даст понять, что он намерен жить во вражде с Софией.

Но чтобы вести с Россией подобную политику заигрываний и легких вымогательств, чтобы держаться с Петербургом, как ребенок держится с нянькой баловницей, Белград откуда-нибудь должен был получить известные посулы. Наша ответственная дипломатия едва ли могла их сделать. Но во внешней, как и во внутренней политике у нас так часто сильны безответственные влияния. Не здесь ли разгадка того, каким путем балканские дела могли дойти до настоящего своего критического положения, так возмущающего и разум, и самые элементарные человеческие чувства?

109
«Речь». 12 июня 1913 г.
Передовая статья

Сербо-болгарская распря продолжает держать в напряжении всю Европу. Наиболее осведомленные повторяют прогноз нашего посла в Софии, г. Неклюдова. «Разрешится мирно, но пути к разрешению пока не видно». Как ни странно, но именно эта неизвестность оказывается лучшей гарантией мирного разрешения вопроса.

Немирное разрешение, надо думать, давно уже последовало бы. На местах уже и происходят стычки, но это стычки между нерегулярными болгарско-македонскими четниками и сербскими войсками, а не столкновения регулярных войск между собою. При въезде в Солунь захвачен транспорт бомб, скрытый на телегах с местными сельскими продуктами. Это — тоже

излюбленный метод партизанской борьбы «Внутренней македонской организации». Правительства же ждут и, по-видимому, хотят дать себя уговорить или, в случае крайности, принудить.

Непосредственно между сторонами все, что могло быть сказано, уже сказано — и даже опубликовано. В этом смысле, вероятно, и нужно понять газетное известие о прекращении сношений. В частности, вполне подтвердилась указанная нами на днях фальсификация в сербских интересах текста сербо-болгарских соглашений. Телеграмма из Белграда признает фальсификацию, оговариваясь только, что напечатанный в «Temps» текст дан не из *официального* сербского источника. Обезоруживающая наивность этого опровержения бросается в глаза.

Едут ли премьеры в Петербург? Не только ничего не известно об этом официально, но известно, наоборот, что поездка сербского наследника, а также и Пашича отменена. Единственный премьер, который пока находится в пути, это черногорский Вукотич, но и тот уехал не далее Белграда.

Прежде чем ехать, нужно знать, зачем ехать. Таково возражение болгар. Если верить газетным слухам, им на это отвечают неофициально: не беспокойтесь, договор будет соблюден, а остальное решится при свидании. Болгары недовольны и повторяют: пусть Сербия скажет нам, что договор будет соблюден, тогда мы поедем. А Сербия отвечает: мы согласны, чтобы был арбитраж, но только... без договора.

Русская дипломатия выводит: значит обе стороны согласны на арбитраж. Какой арбитраж, не будем говорить пока. Согласны — и приезжайте. Если вы думаете, что будете связаны, приехав, что самые совещания en quatre¹ могут дать неожиданное большинство голосов противоположной стороне, — ну, хорошо: согласимся заранее, что вы ничем себя не связываете и что вы вовсе не обсуждаете и не решаете вопросов сообща, а просто даете каждый свою отдельную экспертизу. Только приезжайте. Приезжайте pour causer², а там — посмотрим.

При всей странности предложения в этой форме нельзя отрицать, что даже и такой неформальный и необязательный обмен мыслей есть все-таки плюс. И вот на этот плюс рассчитан оптимизм руководителей европейской дипломатии. В Париже, как и в Петербурге, они знают только одно: все кончится благополучно. Они знают это потому, что им известны те совместные действия, которые намечены для предупреждения войны. Одно из этих действий — новые увещания представителей держав в Белграде и в Софии, как кажется, уже пущено в ход.

С официальным оптимизмом последней минуты, как будто, не мирится факт отставки Пашича. Пашич — один из наиболее умеренных политиков Сербии. Его отставка вызвана сопротивлением военного министра (а может быть, большинства министров?) как раз по вопросу об арбитраже. Связь

¹ На четверых (фр.).

² Чтобы поговорить (фр.).

событий представляется при этом так. В субботу Гартвиг имел с Пашичем продолжительную беседу. После этой беседы совет министров обсуждал ответ сербского правительства на приглашение русского правительства. И, по-видимому, именно на этом заседании совета министров министры возражали против Пашича и вызвали своими возражениями (или проектом ответа?) его отставку. Возможные преемники Пашича — Протич или Новакович — совершенно соответственно софийской перемене кабинета, представляют собой более решительное и менее склонное к уступкам, чем к войне, течение.

Отставка Пашича, действительно, была бы очень печальным предзнаменованием, если бы... король ее принял. Если же король ее не принимает, то тогда симптом этот получает совершенно иной смысл. Если Пашич даже и после протеста противников все-таки удержал свою позицию, то это значит, что его примирительное мнение имеет шансы восторжествовать.

Имеется ли такое же примирительное мнение в среде болгар? Вопреки всему, что говорится с этой стороны, мы думаем, что да. Они безусловно против пересмотра договора. Они за арбитраж в строгих пределах договора. Но стоит сербам сказать, как сказала это «Самоуправа», что «Сербия не отрицает обязательной силы договора, как это утверждает Болгария, но, наоборот, настаивая на пересмотре договора, она основывается на его наиболее существенных постановлениях», как даже этот наивный софизм может проложить мостик к установлению общей точки зрения. А болгары заявляют: не говорите нам прямо, скажите хоть косвенно г. Сазонову, что вы в конце концов арбитраж примете, если не удадутся переговоры в Петербурге. Тогда и Данев выедет в Петербург.

Вот эти полутоны и оттенки, появившиеся в телеграммах последних двух дней, больше всего убеждают, что дело не так еще безнадежно и что, быть может, раньше общеевропейского внушения — ввериться Европе — балканские союзники предпочтут все же ввериться России.

110

«Речь». 14 июня 1913 г. Балканские настроения

Если несколько дней тому назад на Балканах и в Европе были еще оптимисты, которые надеялись на посредничество, вмешательство и предотвращение, то сегодня все, кажется, окончательно убедились в том, что через какие-нибудь три-четыре дня снова

«лоно земли беспредельной обрызжется кровью и мозгом¹»,

¹ Строки из «Одиссеи» Гомера.

и старый, угрюмый Балкан, свидетель старой как мир, с гомеровских времен дошедшей до нас братоубийственной распри, затаит в морщинах своего хмурого чела еще одну легенду о том, как братья не могли понять братьев, и как жестоко дрались друг с другом те, кто вчера еще сплоченно, компактной массой шли против общего врага. Много таких сказок и легенд знает старый Балкан, много песен об этом поется и балканскими славянами, и греками, и албанцами, но когда сказка претворяется в жизнь, и когда полк за полком проходят мимо окон моей квартиры болгарские войска туда, на сербскую и греческую границу, становится жутко.

Проходят через Софию и уходят «в неизвестном направлении» полки. Уже старые, уже закаленные в боях полки, знающие Сювлиоглу, Люле-Бургас, Чаталджу. Проходят через Софию так тихо, так бесшумно, точно нет у них никого близкого в этой столице старой и новой Болгарии. Так тихо, будто нет в их короткой истории ни одной славной победы. Украдкой выходят за город группы печальных женщин и стариков, чтобы хоть издали бросить короткий приветный взгляд на своих мужей и детей. Не смеют громко крикнуть слово привета. Не смеют проводить уходящих тем громким, бодрым «ура», которое вызывает такой мощный прилив энергии, такую ясную уверенность в победе. Уходят «в неизвестном направлении» полки, возвращаются в город группы печальных женщин и стариков, и налет безысходной грусти и печали ложится на будничные дела в будничной, деловой столице. Сказкой стал энтузиазм начала сентября прошлого года и претворилась в жизнь старая, жестокая сказка: «Брат на брата».

Распоряжение главной квартиры, напечатанное во вчерашних софийских газетах, суммирует, резюмирует, окончательно и решительно подчеркивает то основное, то главное настроение, которое уже несколько недель является фоном софийской жизни. Невысказанное оно переживалось всеми, но была еще надежда, что оно рассеется, что оно пройдет, что оно забудется. Но главная квартира и софийское комендантство резюмируют его в ясных, технически точных, выражениях — и уже нет никаких надежд:

«Со вчерашнего дня, — оповещает жителей Софии комендантство, — театр военных действий перенесен в Старую Болгарию».

Итак — исхода нет. Театр войны перенесен в Старую Болгарию. Болгарская главная квартира, описавши круг: Старая Загора — Лозенград — Димитика — Адрианополь, переместилась в Софию. Столица Болгарии оказалась совсем не глубоко в тылу армии. Исхода нет. Только чудо может предотвратить катастрофу. Она надвигалась постепенно, к мысли о ней привыкали, но теперь, когда она надвинулась вплотную, когда армии врагов стоят на расстоянии пушечного, а в некоторых местах — даже ружейного выстрела одна от другой, она кажется такой же бессмысленной, такой же дикой, такой же нелепо фантастической, какой казалась в декабре прошлого года, когда украдкой, шепотом жители Македонии говорили друг другу:

— Кажется, Болгарии придется воевать против своих союзников!

* * *

Против Болгарии — все союзники: сербы с лозунгом — «весь правый берег Вардара», черногорцы с лозунгом — «помощь братской Сербии», и греки с лозунгом — «вся южная Македония». Кроме этих частных, специальных лозунгов каждой отдельной страны, у союзников есть еще один общий лозунг, тот именно, который спаивает их не только на сегодняшний день, но, как им кажется, — на всю будущую историю этих народов: «общая граница между Сербией и Грецией и общая граница между Сербией и Черногорией необходимы для того, чтобы эти три государства не подпали под гегемонию Болгарии». Вместо Балканского союза с Болгарией, союза, близкого к прочной, жизнеспособной, сильной федерации — балканский союз против Болгарии, как борьба за независимость и самостоятельность каждого из трех меньших государств.

И так как этот новый фактор балканской жизни уже персонифицировался в образе союзной сербо-греко-черногорской армии, вытянувшейся от Дуная до Эгейского моря против армии болгарской, то интересно всмотреться пристальнее в перспективы этого нового балканского союза.

Союз между Сербией и Грецией переживает свой медовый месяц. Подписанный всего недели две тому назад, он носит пока, насколько это здесь известно, деловой, военный характер. Лицо, имеющее возможность знать содержание союза, по крайней мере в его общих чертах, говорило мне на днях, что, кроме технических военных конвенций для борьбы против Болгарии и платонического пожелания «установления общей между Сербией и Грецией границы», сербо-греческий союзный договор не содержит в себе никаких более точных постановлений. Здесь, в Софии, существует почти полная уверенность в том, что в этом союзе даже приблизительно не обозначена та будущая пограничная между Сербией и Грецией линия, из-за которой заключен союз. Проведение этой линии, как говорил мне мой собеседник, — дело специального соглашения, которое состоится между союзными королевствами после окончания войны.

Если эти сведения верны — а у меня есть серьезные основания верить им — то легко понять, что самый фундамент, на котором зиждется этот союз, весьма непрочен. По официальным сведениям и донесениям, уже известно, что сербы оттянули свои войска от Битоля и уменьшили количество своих войск в районе Гевгели. На этой линии (Битоль–Гевгели), на место ушедших сербских войск, поставлены греческие войска. Здесь же находится и операционная связь между третьей сербской («Македонской») и второй греческой («северной») армиями. Таким образом, ясно, что военная конвенция для кооперации сербской и греческой армий потребовала уступки сербами грекам значительной части территории, занятой в свое время сербскими войсками и обгащенной сербской кровью. Однако, эта уступка, сделанная сербами для технических военных целей, ни в коем случае не дает нам права думать, что сербы окончательно отказались от линии Битоль–Гевгели.

С другой стороны, зная старинные греческие претензии в Македонии, нельзя ни на минуту упускать из виду, что греческие аспирации заходят

гораздо севернее этой линии. Таким образом, у греков и сербов есть значительная спорная зона, которую в данный момент сербы уступают грекам, но от прав на которую сербы, очевидно, не думают отказываться. Следовательно, если бы даже представить себе, что новый балканский союз победит свою бывшую союзницу — Болгарию, то это ни в коем случае не решит еще полностью вопроса о проведении границ между Сербией и Грецией. Разногласия, которые непременно возникнут на этой почве, так велики, что желтая сербская пресса со свойственным ей цинизмом уже теперь предупреждает г. Пашича:

«Приняли ли вы меры к тому, чтобы после окончания войны греки не поступили с нами в Битоле так, как мы поступили с болгарами в Македонии?».

Конечно, плохо — это когда уводят мою жену, а хорошо, когда я увожу чужую жену. Но без увода чужой жены в ликвидации сербо-греческих союзных отношений дело обойтись не может, если вообще дело дойдет до подобной ликвидации.

Не лучше и, пожалуй, даже сложнее дело обстоит с участием в новом балканском союзе маленькой Черногории. Положим, по полученным здесь сведениям, участие это совсем маленькое: говорят о трех бригадах, выставленных черногорцами для прикрытия сербского тыла со стороны Албании. Но, как бы ничтожна в количественном отношении ни была их помощь, факт остается фактом: Черногория, так или иначе, вступила в союз с Сербией и Грецией. Следовательно, сам собою напрашивается вопрос: ускоряется ли и упрощается ли, таким образом, ликвидация сербско-черногорских отношений?

Депутат младорадикал, отвечая в сербской скупщине на речь г. Пашича, заявил, что между Сербией и Черногорией не может быть вопроса о границах. Этот депутат, несомненно, высказал самую заветную мечту всего сербо-хорватского народа. Богато одаренное племя, имеющее свою, народными страданиями и жертвами купленную культуру, вот уже сколько веков парализовано дикими, неестественными границами, растерзавшими его полный жизни и способностей организм. Уничтожение, по крайней мере, одной из этих границ было бы, с народной и национальной точки зрения, величайшим праздником для всего сербо-хорватского народа. Но, к сожалению, и у маленьких государств есть свои великие амбиции, а амбиции Сербии и Черногории в старой сербо-черногорской распре громадны. Никто, сколько-нибудь знакомый с новейшей историей Сербии и Черногории, не может себе представить, чтобы при существовании старого, затяжного, хронического династического спора уничтожение границ между Сербией и Болгарией¹ могло пройти так безболезненно, как этого желает весь сербо-хорватский народ. Ведь еще восемь месяцев тому назад, когда нужно было организовать Балканский союз против Турции, Черногория отказалась вести какие бы то ни было переговоры по этому поводу с Сербией и предпочла войти в союз косвенно, связавшись договором с Болгарией, т.е. так же, как это сделала

¹ Явная ошибка. Должно быть: Черногорией.

и Греция. Конечно, за последние восемь месяцев положение совершенно изменилось. Но, тем не менее, до сих пор не состоялось официального примирения между двумя сербскими королями или, вернее, двумя сербскими династиями¹.

Если прибавить к тому же, что полное уничтожение границ между Сербией и Черногорией даст новому, значительно разросшемуся, соединенному сербскому королевству два порта на Адриатическом море, и что это соединенное королевство всей своей тяжестью будет напирать на сербскую по населению Далмацию, врезающуюся клином между Черногорией и Адриатическим морем, то можно себе представить отношение Австрии к этому будущему уничтожению границ.

Таким образом, сербско-черногорскими отношениями новый тройственный балканский союз выходит уже из своих строго балканских пределов и вступает в открытый конфликт с Австро-Венгрией.

Вероятнейшим последствием всего этого необходимо признать, что, по крайней мере в ближайшем будущем, даже при самом блестящем финале военных операций тройственного балканского союза, Черногория и Сербия не смогут уничтожить вполне между собой границу и будут вынуждены заняться ее начертанием и установлением. А здесь мы попадаем снова в область «спорной зоны», так как ни в сознании сербской нации, ни в представлении балканских политиков не выработаны еще критерии для проведения и установления границы между Сербией и Черногорией в бывшем Ново-Базарском санджаке. И в данном случае повесть об уходе чужой жены будет несколько не менее печальна, хотя ее действующими лицами и будут родные братья.

Следовательно, даже при самом блестящем положении дел и при максимальных успехах союзного оружия в войне против болгар, новый тройственный балканский союз не только не сможет сколько-нибудь удовлетворительно ликвидировать установление границ и установить пресловутое «равновесие» на Балканах, но вызовет еще целый ряд новых конфликтов, тем более острых, что объектом их останется все то же, издревле болгарское, македонское население. Следовательно, даже в случае самых блестящих побед союзников и полного военного поражения Болгарии, балканский конфликт останется еще надолго неразрешенным, открытым.

А как велики шансы союзников на блестящие победы над болгарями, это теперь, когда Болгария уже сказала свои последние дипломатические слова, заслуживает отдельной оценки.

Влад. Викторов.
София, 9 июня

¹ Карагеоргиевичами в Сербии и Негошами в Черногории.

111

**«Утро России». 14 июня 1913 г.
Первая кровь**

Братоубийственная борьба между сербами и болгарами началась.

Пролита первая братская кровь.

Ряд предшествовавших пограничных стычек в Кратовском округе Македонии завершился третьего дня формальным сражением между Кратовым и Иштибом, сражением, в котором, очевидно, участвовали крупные боевые единицы, поддержанные с сербской стороны артиллерийским огнем.

Если этот бой на Слетовской реке считать началом болгаро-сербской войны, то необходимо отметить, что войну начали болгары. Они первые перешли в наступление, и упорные атаки их продолжались несколько часов до того момента, пока сами сербы не перешли наконец в наступление. Натиска сербской пехоты болгары не выдержали и обратились в бегство, потеряв много убитых и раненых.

Войну начали явочным порядком болгарские и сербские передовые отряды. Ответственность за пролитую кровь падет, конечно, на правительства Болгарии и Сербии, которые, непомерно затянув взаимные переговоры, не приняли во внимание нервного напряжения, охватившего за долгое время бесплодных ожиданий и болгарские, и сербские аванпосты.

Итак, в то время как в Софии и Белграде все еще не утрачена надежда на возможность мирного улажения конфликта, и телеграф, соединяющий обе балканские столицы с центрами европейской политики, продолжает неустанно работать на пользу мира между родственными народами, армии не сумели совладать с охватившими их воинственными чувствами и перешли ту роковую черту, которая отделяет плохой мир от кровавой ссоры.

Что будет дальше? Возбудит ли эта пролитая при Слетове болгаро-сербская кровь еще сильнее взаимную вражду между обоими народами, заставив оба правительства прервать дипломатические переговоры и официально объявить войну? Или эта вопиющая к небу кровь облагоразумит недавних союзников и обнаружит перед ними весь ужас и весь вред для славянства этой безрассудно затеваемой междоусобицы?

Хочется верить, что в последний момент на обе враждующих стороны снизойдет просветление, и они постигнут, что, идя с мечом в руке друг на друга, они, быть может, невольно, являются слепым орудием в бессовестных руках врагов славянства.

**«Голос Москвы». 15 июня 1913 г.
Накануне балканской войны**

Вероятно, никто не только в России, но и во всем мире не думал, что великодушное предложение русского царя до сих пор не получит надлежащего отклика. Такие ожидания подсказывались не только чувством естественной благодарности к России, принесшей так много жертв даже в настоящей войне, но и соображениями простого политического расчета. Сербия не может не понимать, что отказ от России при одновременном разрыве с Болгарией равносильен окончательному крушению надежд на создание Великой Сербии. В Болгарии должны также сознавать, что отказ последовать совету России, равносильный вступлению в орбиту Австрии, не может быть встречен у нас равнодушно, ибо это самым существенным образом задевает наши собственные интересы на Ближнем Востоке. Но, судя по всему, весь Балканский полуостров заражен какой-то страшной нервной болезнью. Бесполезно, поэтому, убеждать и доказывать необходимость последовать русскому совету. Мы, в конце концов, не можем брать на себя роли няnek там, где головы закружились от побед и где потеряна, по всей видимости, мера вещей. Пора нам позаботиться о самих себе и определить то, что должны делать мы уже в наших собственных интересах, которым грозит безумная политика балканских держав.

Как известно, наша политика за последние годы ставила себе задачей создание на Балканах союза держав, который находился бы в тесной кооперации с Россией. Только лишь поэтому мы содействовали образованию союза и только лишь поэтому мы в течение войны заняли ту позицию, которая обезопасила союзникам тыл и дала им возможность бросить все свои силы на театр военных действий, чем был, конечно, гарантирован весь военный успех, выпавший на долю союзников.

Если бы мы руководились логикой, какая сейчас в такой моде на Балканах, мы могли бы потребовать для себя доброй половины территории, завоеванной союзниками. Мы поступили, однако, наоборот и позволили болгарам захватить Адрианополь и часть Фракии, которая до сих пор считалась нами Hinterland'ом Константинополя.

Теперь, к сожалению, главная наша цель не достигается и союз распадается — распадается при условиях, сильнейшим образом угрожающих русским интересам. Болгария, видимо, втягивается в сферу Тройственного союза, рассчитывая, что он поможет ей обезопасить себя со стороны Румынии и раздавить Сербию. Но и в Сербии начинают доминировать австрофильские течения, ибо в Белграде очень серьезно рассчитывают на то, что Австрия сможет помочь сербам, если не прямо, то косвенно, через ту же Румынию. Австрийская дипломатия, в свою очередь, ведет двойную игру, и притом совершенно беспронзримую. При любом исходе она может занять позицию, которая

обусловит сближение с ней той или другой балканской державы. Какие же результаты получатся для России от таких пертурбаций?

Допустим, что сербы примкнули к Австрии и одержали победу над Болгарией. Тогда на нашей границе создается компактная группа держав, враждебных России, ибо ослабленную Болгарию, конечно, заставят примкнуть к Тройственному союзу, если она не захочет влачить в будущем самое жалкое существование одной среди врагов. То же самое следует сказать и про тот случай, когда победят болгары. Для России и ее интересов при всех комбинациях получается лишь ущерб.

Но русская дипломатия должна теперь охранять наши интересы всеми доступными средствами. Мы не беремся перечислять их все: они бесчисленны. Однако на одно указать не мешает. Раз нам не удастся союз со всеми балканскими государствами, следует сделать из них выбор того, с которым мы желаем идти на случай разрыва, и, сделавши такой выбор, помочь ему всею нашею мощью, не опасаясь международных осложнений. По-видимому, такое предположение и есть; по крайней мере, о нем идет речь в высочайшей телеграмме. Но в таком случае следовало бы указать спорящим на это обстоятельство со всею определенностью.

113

«Русские ведомости». 19 июня 1913 г.

Передовая статья

Последний бой в Македонии между пришедшими ее освободить «союзными» войсками выходит далеко из ряда неоднократно повторявшихся там стычек. Поскольку можно судить о нем при строгости союзнической цензуры, он очень схож с началом общих военных действий. Надобно опасаться, что европейская дипломатия еще раз потерпела фиаско на Балканах. Конечно, решительным давлением в Софии, в Белграде и в Афинах она может еще добиться от союзнических правительств строгих приказов генералам о соблюдении мира. Но когда армии стоят в пороховом дыму, их командиры могут оказаться на это глухи. Для оправдания тут всегда есть ссылка на *force majeure*¹, на действия противника, которые нельзя оставить без ответа, не рискуя совсем погубить вверенное заботам военного начальства войско. Когда же пламя боя сильнее разгорится, никто и не подумает спрашивать с генералов более обстоятельного отчета.

Итак, мы, может быть, присутствуем при первом акте войны, которую нельзя не называть позорной, — позорной для разума, позорной для человечества, особенно позорной для всего славянства. Куда ушло «святое дело

¹ Форс-мажор, обстоятельство непреодолимой силы (фр.).

освобождения угнетенных братьев»? Не поделили — и начали грызню «звериным обычаем», как выражался древний русский летописец. Но как же быть? Разве возможно в наши дни являться в области политики идеалистом? Со времен Бисмарка политика открыто сделалась «реальной». Можно ли винить Софию, Белград, Афины и Бухарест, если они усвоили уроки, которые дал в свое время миру «железный канцлер»?

Как будто бы балканскую политику ведут истинные ученики Бисмарка? Слишком много чести. Мы не поклонники и самого героя Берлинского конгресса, но то был все же истинный «реальный политик» широкого размаха мысли. В «реальность» он включал и психологические, и идеологические элементы и свою гордость полагал в предвидении дальнейшего развития событий, которые он увлекал в желательное для него русло. Балканскую войну вначале охотно сравнивали с прусской кампанией 1866 г. Но сходство не пошло дальше быстроты военного успеха. У Бисмарка не закружилась голова после громовой победы над Австрией при Садовой, и гениальность его в том и сказалась, что он немедленно окончил войну миром, позволившим ему потом из Австрии сделать себе верную союзницу и обманувшим тонкие расчеты политика обычного покроя Наполеона III с его уверенностью, что за ним останется последнее слово в этой немецкой распре. Ни пяди австрийской территории, ни кроны контрибуции — вот условия Пражского мирного договора. Зато через пять лет создалась могучая Германская империя под прусской гегемонией. Реальная же политика балканцев, по лучшему для них сравнению, это политика хозяйственного мужичка, мечтающего об одном — где бы прихватить землицы — и не идущего дальше пословицы: «Лучше синица в руках, чем журавль в небе». У Турции оказалось возможным отхватить сверх ожидания порядочный кусок из Фракии. Как же на это Болгария могла бы не польститься? А лозунг: война за право народов на самоопределение? Это — для галереи. Реальная же политика — в территориальном расширении. Пример был подан, и началась пляска земельных аппетитов. Греция заявила, что союз — союзом, а Салоники — Салониками и что из-за обладания этим портом она готова идти до последнего предела. Реальные политики в Румынии потребовали в виде «компенсации» для поддержания «политического равновесия» болгарской Силистрии. «Какая низость, — говорили болгарские политики, возвращаясь к идеалистическому языку. — Ведь это все равно, как если бы кто похитил оставленное на берегу платье у человека, бросившегося в воду для спасения утопающего». Но Бухарест, указывая на Адрианополь, просил оставить эти пустые разговоры. Все поживились таким образом лишней территорией, согласно требованиям «реальной политики», как она рисуется уму балканцев. Только на долю Сербии не досталось сколько-нибудь значительной прибавки: ей приходилось удовлетвориться тем, что было ранее определено в сербско-болгарском договоре. Но верность договору — разве это тоже не идеологический момент? Так почему реальные политики стали бы им стесняться? И вот вместо балканской федерации, как плода совместной освободительной

войны, мы видим зрелище, от которого нельзя не отвернуться с горем и стыдом. Нет, Гешов, Данев, Пашич, Венизелос и *tutti quanti*¹ — отнюдь не ученики Бисмарка. А Пашичу и тем, кто с ним, особенно следовало бы припомнить, что Бисмарк сам себя прозвал «честный маклер». Верность слову для Бисмарка не исключалась в политике из понятия «реальность».

Как же должна вести себя Европа, если война между балканцами, вопреки всем уже приложенным стараниям, действительно станет печальным фактом? Конечно, она не может присутствовать при ней, сложив руки. *Cooper les vivres*² — это сильнейшее орудие из всех, какие у нее остаются в распоряжении, и стыдно будет цивилизованному миру, если из-за высокого процента он все же даст денег на такую дикость. В сознание балканцев необходимо усиленно проводить и то, что затемняется для них в эту минуту слепой страстью, — что для успеха политики малых стран особенно важны их добрые отношения с великими державами. Но для вмешательства Европы есть пределы, и когда иные русские доморощенные стратеги уже обдумывают план международного десанта в Македонию, мы решительно высказываемся против подобных увлечений. Сам по себе рекомендуемый десант, конечно, сказка, которую может терпеть только газетная бумага. Помимо всего прочего, ни Англия, ни Франция и ни одна западноевропейская держава не даст для этого ни одного солдата. Серьезное вмешательство могло бы идти только со стороны России при осуществлении известных международных комбинаций. Но если бы путь для этого и стал свободен, Россия не должна по нему делать ни одного шага. «Реальная политика» — не в балканском, а в настоящем бисмарковском смысле слова — ей это воспрещает. А тем, кто склонен к политическому романтизму, надо вспомнить, что нет для государства более противной и неблагодарной роли, чем роль международного жандарма. Война между балканцами все же останется меньшим злом, чем экзекуция над ними силой того оружия, которое создало на Балканах славянскую свободу.

114

«Утро России». 19 июня 1913 г. В Петербург!

Третьего дня болгарская армия начала общее наступление на сербские и греческие войска. Болгары перешли обе линии, установленные болгаро-сербским и греко-болгарскими протоколами, и ударили на своих союзников.

¹ Всякие другие (ит.).

² Лишить продовольствия, лишить куска хлеба (фр.). Здесь — лишить финансовых средств.

Атака против сербов шла по всей линии от Качана и Иштиба до Гевгели. В расположении греческих войск болгары двинулись на Елефтеру.

Казалось, война началась, и началась без официального объявления. Пограничные стычки отдельных передовых отрядов, к немалому посрамлению царящей в болгарских, греческих и сербских войсках дисциплины, втянули в бой крупные боевые силы бывших союзников, быть может, даже без ведома высшего их военного начальства.

Безмерно затянувшиеся переговоры об условиях арбитража довели враждебно друг к другу настроенные армии до той высшей степени нервного возбуждения, когда одного случайного выстрела достаточно для начала враждебных действий.

В такие моменты трудно сразу установить, кто первый перешел в наступление. Не всегда первым наступает тот, кто первый обнажает меч. «На начинающего бог». Это сознают и в Афинах, и в Белграде, и в Софии. А потому, как только в местностях, где соприкасаются в Македонии войска трех балканских государств, дело дошло до открытого боя, болгарское и сербское правительства начинают приписывать инициативу наступления противнику.

И Болгария, и Сербия спешат сложить с себя ответственность. Болгары заявляют, что первыми напали сербы и греки, сербы обвиняют болгар в умышленном нападении. Болгары высказывают сожаление, что сербы начали войну в тот самый момент, когда Данев приготовился к выезду в Петербург для мирных переговоров. Сербь возмущаются тем, что наступление болгар произошло в тот самый час, когда Пашич выступал в скупщине с заявлением о том, что сербское правительство принимает арбитраж России и обязуется подчиниться решению высокого арбитра.

Мы не можем допустить возможности, чтобы нынешнее столкновение болгар с сербами действительно явилось началом войны. Как и на прошлой неделе, так и теперь, дальнейшие военные действия, несомненно, будут остановлены. Отразив под Слетовым болгар, сербы не перешли в дальнейшее наступление. И сейчас уже нами получено телеграфное сообщение из Софии, что главная квартира отдала приказ по армии прекратить бой и, не переходя в наступление, оставаться на занятых позициях в положении дефензивы.

Нет худа без добра. Кровь славян и греков, пролитая сейчас на оспариваемой тремя государствами македонской территории, не только образумит обезумевших соперников, но — надо надеяться — она принудит и сочувствующие скорейшему умиротворению балканских народностей державы к энергичному давлению на Софию, Белград и Афины.

Бой, завязавшийся между болгарами, сербами и греками, приблизил нас к мирному улажению балканского конфликта. Цель эта может быть достигнута лишь в Петербурге. И мы не сомневаемся, что не сегодня-завтра премьеры четырех балканских государств выедут в Петербург — за миром.

Личные самолюбия правителей и частичные интересы их стран должны сейчас ступежаться, отступить на второй план перед общими интересами

славянства. Интересы эти властно требуют не только сохранения, но и укрепления Балканского союза, этой грозы враждебных славянству элементов Европы. Пусть те из балканских государств, что считают себя сильнее своих недавних союзников, решатся на шаг, всегда и везде знаменовавший сильно-го — на уступку. Сильный, если он в то же время великодушен и политически дальновиден, должен уступить. Он должен уступить в сознании того, что своею уступчивостью он возвышает себя в глазах мира, приобретает в будущем более того, что им сейчас утрачивается.

Отказ союзников отдать свой спор на нелицеприятное решение России заставит последнюю предоставить балканские государства своей судьбе. Петербургские дипломатические круги предупреждают противников, что даже вмешательство в балканскую междоусобную борьбу какой-либо из европейских великих держав не принудит Россию к активному вмешательству в том случае, если голос мира, призывно несущийся с берегов Невы, не будет услышан на Балканах.

И мы уверены, что этот голос мира восторжествует, если уже не восторжествовал, над лицемерными голосами, призывающими балканские народы к кровавой междоусобице.

115

«Новое время». 20 июня 1913 г.

Последние минуты

Разрозненные столкновения болгарских войск с сербскими и греческими обратились в общее сражение по всей линии соприкосновения противников. Бой 17 и 18 июня растянулся на огромном пространстве от р[ек] Слетовой и Брегалницы на севере до южного берега о[зера] Тассино, расположенного в нескольких верстах от Орфанского залива на Эгейском море и до Солуни. Во взаимоистреблении приняли на этот раз участие не только передовые отряды трех армий, но их главные силы. Так, на северном участке кровавого поля, по сербским подсчетам, вели бой 40 сербских батальонов с 70 орудиями против 100 батальонов с 200 орудиями болгар. На среднем участке западнее о[зера] Дойрана, где бой шел между болгарами с соединенной колонной сербов и греков, а также и на берегах р[еки] Струмы и о[зера] Тассино число бойцов пока не выяснено. Во всяком случае, можно считать установленным, что в братоубийственной резне проливали свою и чужую кровь свыше ста тысяч человек.

О непосредственных виновниках кровопролития по телеграммам нельзя составить сколько-нибудь точного представления. Сербские и греческие источники утверждают, что дело начали болгары. Болгары, в свою очередь,

называют зачинщиками сербов и греков. Сербь говорят: болгарские военные власти отдали по войскам приказание не переходить в наступление. Это значит, что перед тем было дано приказание начать наступательные действия, а когда они не удались, приказ был отменен. Болгары утверждают, что их военные власти, получив сведения о наступлении неприятеля (как странно звучит это слово!), приказали войсковым начальникам ограничиться обороной, не переходя в наступление. Сербь в доказательство своей правоты указывают, что бой шел на позициях, уже ранее занятых сербами; следовательно, нападающей стороной были болгары. Болгары ссылаются на то, что бой шел по линии, занятой болгарскими отрядами, что нападение было произведено на Иштиб, который и пострадал от сербской артиллерии. Болгары днем 18 июня послали к генералу, командующему сербской армией под Иштибом, майора генерального штаба и артиллерийского полковника для переговоров о приостановке военных действий. Сербь усмотрели в этом предложении только хитрость и отклонили его. И т. д., и т. д., и т. д. Каждое обстоятельство излагается с двух противоположных точек зрения с равной степенью убедительности. Для посторонних же наблюдателей, сумевших и в эту ужасную минуту сохранить хладнокровие и беспристрастие, изложение обеих сторон представляется одинаково недокзательным.

При той степени нервного напряжения, до которого доведены войска стараниями политиканов, бой разгорается из-за одиночного аванпостного выстрела, сделанного умышленно или случайно. «В нас стреляют!» — и в ответ с другой стороны разряжается десяток винтовок. А далее столкновение развивается автоматически по всем правилам боевых уставов. В любой вульгарной ссоре, судя по утверждениям ее участников, невозможно доискаться, кто был истинным зачинщиком столкновения. Еще меньше убедительны донесения, посылаемые в самый разгар столкновения, одинаково для всех ненавистного. Все знают, что совершается непрощаемый грех и несмываемое преступление, и торопятся переложить вину на совесть противника. И только в одном случае с точностью известно, кто начал кровопролитие. Да и то потому, что зачинщик сам признал и оповестил об этом.

Виновников страшного бедствия, постигшего три страны, нужно таким образом искать не среди солдат и офицеров, участвовавших в нем непосредственно. Преступники живут далеко от полей битв. Они скрываются в глубине канцелярий и своих кабинетов. Уклоняясь от арбитража русского государя, обставляя его ограничениями, условиями, оговорками, задними мыслями, мелкими уездными хитростями, замедляя его, они торопливо сеяли в сердцах своих народов взаимную ненависть. Они не постыдились в то же время вызвать недоверие к справедливости и беспристрастию арбитра и таким образом поселили в умах миролюбивых людей убеждение, что из столкновения нет другого выхода, кроме резни.

А теперь, когда их усилия увенчались успехом, когда братоубийственная война началась, они прибегают ко всяким уверткам, чтобы вину свою свалить на других. Тщетные попытки. Они в крови с ног до головы, и им не смыть с себя этих страшных пятен никакими ухищрениями.

Виновные, они могут, однако, смягчить произнесенный над ними приговор, если хоть теперь, в последнюю минуту, вернуться на путь, указанный им русским государем и предписываемый совестью и разумом. Но теперь уже не время для оговорок, ограничений и условностей. Первые же схватки войск показали, что в новой балканской войне не будет победителей; будут только побежденные. Судьба дала балканским народам богатое наследие. Вместо того, чтобы поделить его между собой, они поджигают его со всех концов, лишь бы чего-нибудь лишнего не досталось другому. В конце спора будет нечего делить: все будут хоронить на собственном пожарище своих мертвых. А история затем отметит: три страны после эпической борьбы с Османской империей стояли перед возможностями неограниченного благополучия; усилиями честолюбцев, за спиною которых стоят предатели, две из них, соединившись, уничтожили третью и сами погибли под развалинами.

Последнее роковое слово еще не сказано. Кажется, еще возможно остановить гибельную войну, отказаться от пагубной саморасправы и подчиниться решению беспристрастного справедливого судьи. Болгария, Сербия и Греция стоят перед пропастью. Данев, Пашич и Венизелос могут столкнуть их вниз или остановить от гибели в последнюю минуту.

116
«Речь». 21 июня 1913 г.
Редакционная статья

Положение на Балканах еще более ухудшилось, и шансы мирной развязки падают с каждым часом. Ответом на требования Болгарии приостановить военные действия были приказы сербов и греков перейти в наступление. Очевидно, и болгарские войска не могут более воздерживаться от наступления, не рискуя потерять темп. Известия о таком наступлении и содержатся в последних телеграммах. Трудно пока еще разобраться в связи отдельных операций, но уже вырисовываются две задачи противников на македонском театре войны. Задача сербов — пробить себе дорогу на Кюстендиль и Софию. Задача болгар — разъединить две армии и отвлечь сербскую армию к югу, чтобы тем успешнее действовать главными силами против Пирота.

О дипломатических усилиях предотвратить дальнейшее развитие военных действий более не слышно. Напротив, болгарские посланники в Белграде

и Афинах передают архивы и готовятся к отъезду. Представитель болгарского правительства в Салониках генерал Хесапчиев выехал еще до насильственных действий греков против болгарского отряда.

По мере того, как бледнеет и стусhevывается мысль об арбитраже и о поездке в Петербург балканских премьеров, начинает выдвигаться идея коллективного европейского вмешательства. Мысль о расширении состава арбитров германским императором и еще одним нейтральным государем обсуждалась еще несколько дней тому назад. Но трудности арбитража при непримиримости точек зрения противников остаются и при этой форме те же, что прежде. Трудно придумать и сколько-нибудь эффективную форму европейского вмешательства.

Самое решительное, что могло быть сделано в этом направлении, уже сделано Россией и Францией. По последним известиям иностранных газет, Шебеко и Бондель еще в прошлую среду обратились к Майореску с предложением мобилизовать войска ввиду ультимативного восьмидневного срока, поставленного Болгарией для произнесения третейского приговора. Правда, в ближайший же день предложение было взято назад, и Румыния получила возможность утверждать, что она действует по собственному почину. Заявление Гики в Софии известно, а теперь оно исполняется. Румыния мобилизуется. Как известно, она может выставить готовую армию в 250 000, за которыми может последовать двухсоттысячный резерв. Бросить такую гирю на весы — значит, в сущности, решить спор, и естественно нетерпение — узнать, на чью чашку весов эта гиря будет положена. Болгария в особенности может быть поставлена вмешательством Румынии в совершенно безвыходное положение. Занятие полосы между Туртукаем и Балчиком есть ближайший шаг, который предстоит со стороны Румынии, и на который Болгарии нечем ответить. Самое большее, на что она может рассчитывать, — это купить благожелательный нейтралитет Румынии ценою добровольной новой уступки. Это будет первая жертва за тот печальный исход, доля ответственности за который, несомненно, должна падать и на Болгарию. Какова будет расплата со стороны главных виновников, сербов? Теперь уже об этом поздно пророчествовать. Нужно только желать, чтобы начавшая войну сторона опомнилась раньше, чем придется раскаиваться. Преждевременно говорить и о последствиях борьбы по отношению к разделу земель. Тут главной жертвой, при каком бы то ни было исходе, явится несчастная Македония, уже разоренная оккупацией, а теперь опустошаемая военными действиями.

Мы не хотим еще говорить сегодня «свершилось». Пока брезжит хотя бы малейший луч надежды, долг общественного мнения громко кричать сторонам: безумцы, опомнитесь!

«Утро России». 21 июня 1913 г. Дело Каина

Надежда на мирный исход балканского конфликта не оправдалась. Дипломатические сношения Болгарии с Сербией и Грецией прерваны. Война началась.

Преступная война братьев Каинов, только что в тесном, казалось, союзе поборовших общего врага. Но дележ добычи разнуздал алчные страсти, предал забвению и братство по крови, и братство по оружию.

Праздны сейчас рассуждения о том, кто виноват в обострении конфликта, кто первый обнажил меч, кто первый перешел в наступление. Сейчас все правы и все виноваты. Нельзя было обсуждать вопрос о примирении взаимных интересов, нельзя было вести переговоры о дружественном третейском суде в то время, как стотысячные враждебно настроенные друг к другу и рвавшиеся на «врага» армии еле сдерживались приказами из столиц. Там, где главенствовал полководец, потрясавший обнаженным мечом, не было места дипломату, заботившемуся о примирении.

Сербский король Петр вместе со своим министром-президентом Пашичем, исчерпавшим все доступные ему мирные средства, выехали уже в Ускюб, где сегодня предполагается торжественное объявление войны. К театру военных действий отбыл также и король эллинов Константин. Болгария повинна в обострении положения ничуть не менее Сербии и Греции. Роль ее военачальников, которых сербы и греки открыто обвиняют в подстрекательстве, будет во всяком случае рано или поздно в полной мере выяснена. Но софийское правительство более политично. По телеграфным сообщениям наших корреспондентов, оно предлагает России в течение двадцатичетырехчасового срока воздействовать на Белград и Афины и уговорить сербов и греков отказаться от объявления войны.

Не думаем, чтобы русское правительство взяло на себя эту неблагодарную, обусловленную притом заранее определенным сроком миссию. Россия сделала все, что могла, для примирения обезумевших. Почти месяц тому назад государь император обратился к царю Фердинанду и королю Петру с доброжелательным призывом не доводить дело до войны. От имени России государь император просил обоих монархов остаться верными принятым на себя обязательствам и положиться на Россию для решения спора, возникшего между Болгарией и Сербией.

Этот призыв России не оказал желанного воздействия. И прежде всего тот самый царь Фердинанд, что сейчас просит Россию воздействовать на Сербию и Грецию, своим неопределенным, непрямодушным ответом на высочайшую телеграмму из Москвы сам же еще более осложнил создавшееся положение.

Братский призыв России не был услышан. Братоубийственная война начинается. Так пусть же весь позор этой кошмарной войны падет на головы безумцев, ее начавших.

Россия предупредила и Болгарию, и Сербию, что оставляет за собой полную свободу определить, какое положение она займет по отношению к возможным последствиям этой преступной борьбы. И Россия сдержит свое слово.

Пусть проливают сейчас вчерашние союзники кровь свою и своих братьев из-за македонских спорных клочков. Как бы ни окончилась война, который бы из противников ни оказался победителем, заранее должно быть известно, что территориальных трофеев им из этой междоусобной борьбы не вынести. Победитель и побежденный одинаково будут разочарованы. Единственным трофеем их будет братская кровь, пролитая в братоубийственной сече.

И ни одна славянская рука в Европе не протянется к воюющим, не окажет им помощи. Даже врачи — русские и чехи — с ужасом отворачиваются от этой ужасающей картины избивающих друг друга братьев.

И из крови, проливаемой сейчас на полях Македонии, восстанет в итоге этой преступной войны — автономная, независимая ни от болгар, ни от сербов, ни от греков Македония.

Болгары, сербы и греки не сумели мирно поделить между собою спорную область Македонии.

Так пусть же эта спорная Македония вместе с Салониками составит самостоятельную государственную единицу под контролем европейских держав.

Пусть эта автономная Македония, помимо бессмертного позора на трех балканских Каинах, окажется единственным реальным последствием их преступной борьбы.

118

«Земщина». 22 июня 1913 г.

Голос крови

Дипломатия не теряет еще надежды примирить враждующих славян. Но, увы, если на них не подействовала телеграмма государя, если злоба и месть заглушили даже царский призыв, то едва ли воздействуют дипломатические давления, как бы энергичны они ни были.

Да и что может сделать дипломатия, когда с обеих сторон вступило уже в бой не менее 300 000 человек, когда репортажи говорят о страшных потерях, превышающих за три дня жестокого боя чуть ли не 15 000 убитых и раненых, и когда то одна, то другая сторона забирает в плен целые тысячи с батареями, пулеметами, зарядными ящиками и т. п.

По сербским донесениям, сербы захватили у болгар 30 орудий большого калибра, множество ружей, пулеметов и большие партии амуниции

и припасов... В плен взято 3000 человек, в том числе 1 командир полка и 60 офицеров... Отступление болгар носит характер поспешного бегства...

По болгарским сведениям, болгары взяли в плен 3000 человек, в том числе 25 офицеров...

Греческие донесения также говорят о кровопролитных боях, причем болгары оттесняются и потеряли даже такой стратегический пункт, как Гевгели...

Разобраться в этих донесениях, конечно, очень трудно. Возможно, что в одних местах успех был на стороне сербов и греков, в других одолевали болгары. Если же это так, то надо заключить об упорстве сражений и о страшном озлоблении, которое и двинуло противников в бой до составления какого-либо плана дальнейших действий. Заговорил голос крови, и противники ринулись друг на друга, не ожидая никаких приказаний...

Что же тут может сделать дипломатия? Она в состоянии смягчить правительства, вернее даже, некоторых отдельных управителей, но не в силах будет остановить порыва народов, растравленных, несомненно, извне.

Теперь заботой дипломатии может быть только удержание соседних государств от вмешательства в эту братоубийственную распрю и выжидание той минуты, когда одна из сторон окажется явно побежденной и потому более сговорчивой. Пока же обе стороны считают себя более сильными и, в вихре озлобления, не склонны ни на какие уступки — голос благоразумия бессилён. Его никто не станет слушать. В подобных случаях только сильное кровопускание может внести известное успокоение и умиротворение. Ибо тогда лишь, когда обе стороны почувствуют свое изнеможение, они станут искать посредничества. Или же если один соперник заметно одолеет другого, то побежденный поневоле будет просить мира, и вот тогда дипломатия снова должна будет заговорить, дабы не позволить добивать лежачего.

Сгущенное скопление злобы и мести должно разрядиться, как разряжается и всякая гроза...

119

«Утро России». 22 июня 1913 г.

Славянская мечта

Была яркая уносящая мечта — с первым выстрелом она погасла. Были высокие нежащие грезы — с первой струйкой братской крови они затоптаны в грязь.

Еще отцы наши всхолили и взлелеяли мечту о великом славянском единении. Когда становилось невтерпёж, когда стоны угнетаемых оттоманами полосовали сознание и вбивали окровавленные клинья в сжимающееся сердце, неслышно приходила ласковая греза и, распростерши свое белое крыло,

нашептывала тихую, примиряющую песнь: настанет день, они объединятся — и свершится чудо: низринут будет темный враг, и прокатится по берегам Марицы молитвенный гимн освобожденного славянства, сбросившего цепи.

Мы сподобились дожить... Чудо совершилось. Благословенный день настал. Победоносно шли по родным долинам грозные славянские полки. Колыхались на ветру священные знамена. И одна победа за другой венчали славой славянскую главу. Сказка стала былью, мечта — действительностью. Вчерашний властелин и угнетатель — раздавленный, беспомощный и жалкий — лежал у ног и молил пощады. Дыхание едва теплилось в его холодеющей груди, отчаяние было в его застывшем взоре. Оставалось только укрепиться на возвращенной земле и братски разделить между собою трофеи. И тут-то всплыли отвратительные хищнические инстинкты, тут-то брат навалился на брата, перегрызая ему горло в злобе и бешенстве. Тут-то стал рушиться славянский дом, погребая под своими мрачными обломками балканских братьев и великую славянскую мечту.

Льются, как поток лавины, негодующие, брызгающие огненными искрами слова. С обеих сторон пылкие манифестации, злобные угрожающие жесты, сжатые кулаки. Воинственные клики и ажиотаж достигли предела. Рвутся в бой. Идут с песней. Куда идешь ты, вдохновенно поющий болгарский воин. Убивать брата своего! И уже не только убивают, но и с ожесточением и ненавистью добивают.

Все дозволено, все средства хороши. С румынами — так с румынами, можно и с австрийцами — с кем угодно, лишь бы задавить брата своего, лишь бы проплясать танец смерти на его истлевающих костях.

Мы видели. Было одно чудо — чудо славянского единения: вчерашние поникновенные рабы сегодня шли бесстрашными львами. Теперь грядет другое чудо — чудо славянской розни и разобщенности: вчерашние львы побредут слепыми, хилыми котятками. Как единение неизбежно родит силу, так рознь неизбежно родит слабость. Коршуны уже выются черной стаей над трупным полем. Еще рано, еще недостаточно усеяно поле, еще слышен звон литавров, еще шагают среди угасших тел бодрой поступью. Вот уж скоро... Еще немного. Вырастет выше человеческая гора, наступит кладбищенская тишь — тогда можно будет обильно насытиться и насмеяться.

Приостановят или не приостановят кровавое безумие — славянская мечта уже схоронена. Ей долго-долго уж не возродиться вновь. Она — уж ложь и фарисейство. Рука, обагренная братской кровью, уже не может протянуться для братского объятия. Уста, шипевшие в азарте братоубийственной борьбы, не знающей пощады, уже не могут запечатлеть братский поцелуй. Кончено. Мечта ушла, истекая кровью и оставляя красный след на своем оплаканном пути. Где зачиналась жизнь, где поднимался к солнцу горделивый балканский стебель, там теперь стоит безмолвный могильный крест, густо окрашенный братской кровью.

А мы так надеялись... Мы взирали детскими верующими глазами. Мы уже не сомневались, что встает на турецких развалинах мощный славянский богатырь. Новая война оставляет глубокий, незаживающий рубец. Она громко вопиет: нет твердых связей, даже братских, а вечны и бессмертны лишь инстинкты хищника, лишь зовы алчности. Каинова идея верховодит в миру. Она единственная руководит личностями и народами, и ей строит храмы современное человечество, ей несет дары и жертвы и к ней молитвенно простирает жадные руки.

Война с Турцией была одной из самых чистых и возвышенных на тысячелетних путях человека. В ней кровь удручала, но не пятнала, потому что на ней покоилось благословение свыше — благословение идти на раскрепощение пленных. Во что эта борьба за славянскую свободу обратилась ныне? В самое отвратительное и самое развращающее зрелище. Раскатисто и победно хохочет над миром Каин. Несется по всему мировому пространству, по всем морям и рекам, по всем холмам и долам гулкое каиново эхо: «Я жив, я вечен! Вы слышите меня, человеки?»

И. Лаптев

120

«Голос Москвы». 23 июня 1913 г. Накануне европейских осложнений

Безумное и позорное дело началось. Теперь поздно сожалеть о случившемся и слать проклятия ничтожным политикам, уготовившим скандальный конец эпически начатой и проведенной борьбе, сулившей в будущем такие прекрасные результаты. Нам нужно думать о другом...

Русское общество и русская дипломатия не должны забывать, что на Балканах у нас интересы первостепенной важности. То положение, которое занимали мы во время последней кампании, те жертвы, какие мы принесли в течение ее, оправдывались надеждами на создание прочного Балканского союза, который действовал бы в тесном согласии с Россией. Если бы задача осуществилась, международное положение России сразу и необыкновенно улучшилось бы. Сводилось к нулю политическое значение Австрии и Турции, и на нашем юге мы могли бы чувствовать себя спокойно.

Волей безумцев, пленивших власть и в Белграде, и в Софии, мы стоим теперь перед другой возможностью: создания на Балканах новых клиентов Тройственного союза. С этой точки зрения самым опасным является выступление Румынии. Зажатая между своими вчерашними союзниками и Румынией, Болгария поставлена в крайне тяжелое положение. Выйти из него можно лишь двояким путем: или при помощи Австрии, или при помощи России. В печать проникли определенные слухи, что в Вене идут уже интенсивные

переговоры между Гешовым и Берхтольдом, цель которых привлечь Румынию на сторону Болгарии, давши, конечно, последней изрядные компенсации. Опираясь на Румынию, Болгария, конечно, легко разгромит героев, берущих в плен гарнизоны в два батальона с артиллерийского боя. А тогда... тогда Балканы будут втянуты в орбиту Тройственного союза, и у власти появятся соответствующие «политики» типа Радославова.

Но Болгария может идти и другим путем; надлежащую помощь она может найти у России. Один раз мы уже сумели остановить Румынию на ее прыжке в тыл болгарской армии. Разумеется, то же самое мы можем сделать и сейчас. И вот возникает вопрос — помогать ли нам Болгарии?

Мы смело отвечаем — да. Нет решительно никакой выгоды создавать у себя на самой границе компактную массу врагов, могущую выставить в случае осложнений миллионную армию. Не надо забывать, как это может угрожать нашей политике движения на проливы и какие широкие двери открывает это германскому влиянию и движению в Малую Азию. Утвердительный ответ подсказывается и тем, что поддержка Сербии, несомненно, ведет к европейским осложнениям, ввиду категорического заявления Австрии, что она не допустит такого распределения земель, которое вредило бы ее интересам, что в переводе на простой язык означает протест против территориального увеличения Сербии. Да и сможет ли разгромленная и истощенная маленькая страна оказать нам в будущем серьезную поддержку, имея всегда на фронте живущую местью Болгарию?

Итак, активную помощь мы должны оказать Болгарии. Она выразилась бы прямою угрозой движения на Румынию, если она станет поперек нашим планам. Тогда пожар был бы локализован. А засим должна следовать другая мера — официальное заявление, что каковы бы ни были результаты братоубийственной бойни, Россия не допустит такого дележа, которой грозил бы ее интересам, т.е. должна сделать заявление аналогичное с австрийским. Практически это значит, что независимо от результатов войны распределение территории будет сделано европейским концертом. Такое заявление уничтожит всякий смысл кампании и, конечно, тем самым будет содействовать ее скорейшей ликвидации.

121

«Голос Москвы». 23 июня 1913 г. Румыния и Россия

Сегодня третий день с момента объявления мобилизации румынской армии. Завтра или послезавтра мобилизованные части румынских войск начнут свое сосредоточение в пограничном районе. Два дня уже румынские железные дороги заняты самою интенсивною перевозкой запасных, прибывающих на укомплектование войсковых частей до штата военного времени,

и всякое товарное и пассажирское, даже транзитное, движение через Румынию прекращено.

Совершенно ясно, против кого направлена румынская мобилизация, носящая явно *наступательный* характер, ибо никто румынским интересам не угрожал, и оправдать мобилизацию румынской армии и флота соображениями государственной обороны невозможно.

Европа находится накануне вмешательства Румынии, преследующей самые узкоэгоистические цели, в балканский кризис, накануне ее предательского нападения на беззащитный фланг и тыл Болгарии, втянутой в новую тяжелую войну, еще не успев залечить раны, полученные ею в борьбе за Лозенград и Одрин.

Выступление Румынии коренным образом изменяет стратегическое положение Болгарии, мгновенно обращая его в критическое. Колоссальный перевес в силах соединенного противника — Румынии, Сербии, Греции и Черногории, и необходимость одновременно вести военные действия на трех театрах — дунайском, сербском и македонском, при возможности вмешательства в войну еще и Турции, угрожают Болгарии полным разгромом.

Во имя чего стремится Румыния использовать беспомощное положение Болгарии?

На этот вопрос ответить совсем не так трудно. Румыния стремится, во-первых, навсегда ослабить свою дунайскую соперницу и тем обеспечить за собою Добруджу и, во-вторых, усилить занимаемую ею на берегах Дуная позицию, присоединив, кроме великодушно ей поднесенных Болгарией Силистрии и пограничной полосы, еще и Рушук и Виддин.

Россия преподнесла королю Румынии жезл русского фельдмаршала, наградив его этим почетным званием вовсе не ради того, чтобы новопожалованный фельдмаршал русских войск повел свою армию, некогда плечом к плечу с русской дравшущую под Плевной, против болгарской армии, детища русских инструкторов, кровью русских героев созданной.

Усиление Румынии за счет Болгарии отнюдь не в интересах России. Румыния — переметчица. Сегодня она с нами, завтра она — боковой авангард Австрии. Ослабление Болгарии вызовет ослабление всего балканского славянства, наиболее жизнеспособною частью которого является Болгария, эта Пруссия Балканского полуострова.

На мобилизацию румынских войск Россия должна немедленно ответить самыми энергичными мерами, которые сразу охладят бы пыл Румынии. Только «холодным душем» такой чрезвычайной силы можно сразу отрезать не в меру разгоряченных политиков Румынии, в надежде на безграничное миролюбие России рассчитывающих безнаказанно вырвать лучший кусок из живого мяса обессиленной Болгарии.

Н. П. Мамонтов

«Русское слово». 23 июня 1913 г. Разбитое корыто

Час возмездия настал раньше, чем можно было ожидать. Двуличная и заносчивая политика болгарского правительства в течение одной недели потерпела позорный крах, и тщетно в Софии взывают о помощи к искренним друзьям Болгарии, которых болгары ухитрились растерять в один месяц. Теперь обнаружались такие деяния болгарских шовинистов и такие смелые замыслы, что просто диву даешься. Как оказывается, за красивыми фразами об освобождении македонских болгар и объединении всей болгарской нации в одно политическое целое скрывается совершенно иное реальное содержание. Иностранные газеты принесли весть о том, что какие-то албанские круги (очевидно вдохновлявшиеся из Софии) выдвигают кандидатуру на албанский престол царевича Кирилла, второго сына царя Фердинанда. Еще важнее тайные переговоры, которые Болгария вела с Австрией с целью добиться доступа к Адриатическому морю. При окончательном регулировании албанского вопроса Болгария намеревалась выступить с требованием о проведении от Охриды железной дороги к Адриатическому морю, которая упиралась бы в порт, коммерчески принадлежащий Болгарии. Если для Сербии, совершенно отрезанной от моря, выход к Адриатике, хотя бы только коммерческий, является вопросом жизни и смерти, то для Болгарии, которая, теперь будет располагать портами на двух морях — Черном и Эгейском, выход к третьему морю представляется ненужной роскошью. А между тем, приобретение западной Македонии, особенно ее части за Вардаром, диктовалось софийскому кабинету больше всего стремлением иметь общую границу с Албанией. Великая Болгария вместе с вассальной Албанией, на престоле которой должен сидеть болгарский принц, протягивалась бы, таким образом, от Черного моря до Адриатики и от Эгейского моря до Дуная.

Конечно, такие грандиозные планы не осуществимы силами одной Болгарии, без активного содействия Австрии. Вот почему софийский кабинет стал обнаруживать в последние месяцы непонятное тяготение к Вене. Великая Болгария сослужила бы, без сомнения, большую службу двуединой империи. Сербия была бы отрезана от Эгейского моря, а коммерческий выход к Адриатике всегда может быть заперт австрийским флотом и прегражден Албанией, послушно следующей советам софийских родственников и венских опекунов. Сербия и Румыния, по плану хитроумных дунайских Улиссов, должны были очутиться в железных тисках между Австро-Венгрией и Болгарией. Габсбургская монархия была бы навсегда освобождена от забот о своей южной границе, и мадьяры могли бы спокойно продолжать насильственное обезличение румын в Трансильвании и сербов в Хорватии. В перспективе, хотя и более отдаленной, вырисовывался раздел Сербии между Австро-Венгрией и Болгарией, причем Болгария могла рассчитывать получить

на свою долю большую часть Старой Сербии, а также Нишский и Пиротский округа, которые, по мнению болгарских националистов, населены болгарами, а не сербами. С помощью Сербии и Греции и при косвенной поддержке России Болгария разделалась с Турцией, а затем, с благословения Австрии, должна была отделаться и от ставших неудобными и ненужными союзников.

И вдруг все прахом пошло, и болгарские шовинисты очутились у разбитого корыта. Справиться с Сербией и Грецией оказалось не так-то легко, и горделивые обещания ген. Савова чрез пять дней по объявлении войны вступить победителем в Белград и Афины на деле сменились страхом за Софию. Выступление Румынии и угрозы Турции поставили болгар сразу в положение затравленного зверя, который начинает судорожно метаться из стороны в сторону. 16-го июня по болгарской армии был отдан приказ внезапно напасть на союзников, а 21-го июня болгарское правительство предлагает белградскому и афинскому кабинетам приостановить военные действия и обещает великодушное прощение, если сербы и греки забудут про свои победы и согласятся на восстановление несчастного кондоминиума, водрузив в то же время болгарский флаг с военными почестями в Салониках. Не довольствуясь этим фарсом, едва прикрывающим бессильное отчаяние, г. Данев запрашивает петербургский кабинет, не согласится ли Россия заставить Грецию и Сербию прекратить войну, но в то же время гарантировать Болгарии так называемую бесспорную зону. С бесстыдством, доходящим до грации, болгарские политики, еще на днях высокомерно ставившие свои условия России, хотят теперь вынимать каштаны из огня русскими руками. Но верх трагизма представляют известия о том, что царь Фердинанд обращается с просьбой о посредничестве к королю Николаю черногорскому — тому самому союзнику, которому еще недавно повелитель Болгарии в ответ на просьбу о помощи в скутарийском вопросе прислал сухой совет подчиниться Австрии.

Сверхнационалисты и разные политиканы со своей «ориентальной манерой» уже довели Болгарию до неслыханных унижений. Побежденная Турция честью просит болгар очистить побережье Мраморного моря, и болгарское правительство, чтобы умиловить разгневанную Порту, спешит отказаться от контрибуции, которую оно на днях требовало во что бы то ни стало. Болгары, еще месяц назад громко возмущавшиеся уступкой одной только Силистрии каким-то презренным «мамалыжникам» (как величают в Болгарии румын), готовы ныне поклониться Румынии широкой полосой болгарской земли от Туртукая до Балчика и подпустить румын вплотную к Варне. Болгария не желала поступиться в пользу союзной Сербии куском спорной территории с сотней тысяч македонско-славянского населения, а тут подданными Румынии станут двести тысяч чистокровных болгар. Но самое ужасное унижение болгарского имени — это те неслыханные зверства, которые чинят отступающие болгарские войска над неповинными греческими женщинами и детьми. Гнусная бойня в Нигрите больше повредила Болгарии в общественном мнении Европы, чем все поражения ее генералов.

Русское общество отнюдь не склонно винить во всем многострадальный болгарский народ, несчастья которого заставляют обливаться кровью сердце освободительницы-матери. Положение может быть еще спасено, если болгарская нация воспрянет духом и потребует к ответу случайных заправил своих судеб, ввергших родину в пучину бедствий.

123

«Русское слово». 25 июня 1913 г. Новая фаза балканского конфликта

Энергичное выступление Румынии создало совершенно новую политическую обстановку на Балканах. Общественное мнение Румынии резко и решительно высказалось против прежней политики бухарестского кабинета, всецело следовавшего предписаниям венского кабинета. Король Карл разорвал неписанный союз с Австро-Венгрией, и мобилизация румынской армии совершилась, несмотря на все посулы двуединых дипломатов. Чуть ли не впервые за все 35 лет со времени Берлинского конгресса мы были свидетелями восторженных народных манифестаций в Бухаресте в честь России. Надо отдать полную справедливость дальновидной политике г. Сазонова, в тиши подготовившего благоприятную почву для превращения Румынии из австрийского вассала в дружественную нам державу. Австрийская дипломатия, напуганная самостоятельным образом действий Румынии и боясь потерять своего последнего клиента на Балканах, пыталась устроить соглашение между софийским и бухарестским правительствами. Венские официозы усиленно рекомендовали Болгарии произвести добровольно над собой маленькую хирургическую операцию и удовлетворить аппетиты Румынии уступкой полосы от Туртукая до Балчика, которую Румыния требовала в качестве компенсации еще в прошлом году. Загнанное в тупик борьбой с тремя бывшими союзниками и враждебным отношением двух других соседей, правительство царя Фердинанда спрятало в карман свое высокомерие и национальную гордость, изъявив готовность уступить Румынии 3000 квадр[атных] кил[ометров] чисто болгарской территории. Последние известия не оставляют сомнения в том, что болгаро-румынское соглашение на этой базе не состоялось, и австрийские маклеры потерпели поражение. Румынское правительство заявило, что выступление Румынии имеет в виду гораздо более важную цель, чем прирезка полосы пограничной болгарской территории. Румыния не желает допустить образования Великой Болгарии, которая была бы постоянной угрозой будущему румынской нации. С осуществлением фантастических планов болгарских шовинистов, мечтавших даже о короновании царя

Фердинанда короной византийских императоров в Св. Софии, Румыния должна очутиться в том же положении, что и Сербия. Сдавленная между империями Габсбургов и Кобургов, Румыния рано или поздно утратит свою политическую самостоятельность.

Мобилизация румынских войск возбудила в европейской и русской печати оживленную полемику по вопросу о желательности обуздания Румынии и недопущения вмешательства румынской армии в вооруженный конфликт между Болгарией и Сербией. Однако дальше дипломатических представлений, время для которых притом упущено, великие державы едва ли могут пойти. Непосредственное воздействие на Румынию в состоянии произвести только две державы — Австрия и Россия. Но Австрия не может напасть на Румынию без риска вызвать восстание четырехмиллионного румынского населения в Трансильвании и Банате, а вслед за этим восстанием Габсбургской монархии угрожают тяжелые внутренние осложнения и в славянских землях. В Вене привыкли бряцать оружием, но вытащить саблю из ножен не решатся. Что касается России, то наши интересы требуют поддержания дружественных отношений с Румынией. Пока балканские державы вели освободительную войну с Турцией, Россия стояла на страже святого дела и охраняла союзников от всяких покушений извне. Но когда освободительная война сменилась позорным междоусобием между братьями по вере и крови — Россия не может покровительствовать, хотя бы косвенно, ни одной из борющихся сторон. Война на Балканах ведется теперь исключительно в своекорыстных интересах бывших союзников и может возбуждать только ужас и отвращение. Россия имеет теперь полное право позаботиться, прежде всего, о своих собственных интересах. Русский народ и без того принес достаточно жертв ради благополучия и свободы южных славян, и не наша вина, если эти тяжелые жертвы так плохо оценены на Балканах. Кто сеет ветер, тот пожнет бурю.

Если на Балканах заговорили не о правах угнетенных национальностей, а о политическом равновесии, то нельзя отказать и Румынии в праве произнести свое слово. Румыния тоже бесспорно балканская держава, и руки у нее теперь развязаны. Само собою разумеется, правительство короля Карла не станет действовать опрометчиво. Противодействовать образованию Великой Болгарии — еще не значит мешать политическому объединению болгарской нации. Но стремления софийских сверхпатриотов создать Болгарскую империю на развалинах других балканских государств встретят решительный отпор. Чем скорее поймут новое положение в Софии, тем лучше для европейского мира.

«Земщина». 26 июня 1913 г.

Новая угроза

Узел на Балканах затягивается. Силы противников почти равные. Хотя болгары считают свою армию около 500 000 человек, а у сербов только 400 000, но вместе с ними действует свыше 80 000 греков и дивизия черногорцев. Таким образом, и у союзников получаются те же полмиллиона.

Счастье улыбается то тем, то другим, но ощутительного результата никто, видимо, не достиг, несмотря на упорство боев и страшные потери с обеих сторон. Более успешно действуют греки, но это объясняется тем, что болгары сосредоточили свои силы главным образом против сербов и надеялись дружным ударом прорвать их центр у Криволаки, отбросить армию на север и разобщить с греками, с которыми можно будет справиться впоследствии.

До сих пор этот натиск болгар не увенчался успехом. Им удалось занять Криволак, но вслед за тем сербы выбили их и вновь продвинулись вперед. В то же время северное крыло сербской армии большими массами двинулось на Кочан. После 3 дней боя сербы заняли его и оттеснили правый фланг болгар, охватывая их армию с целью отрезать ее от Софии...

Но такое смелое обходное движение — обоюдоострый меч. Обхватывая правый фланг болгарской армии, сербы сами слишком растягивают свою позицию и легко могут оказаться под ударом болгар,двигающихся из Кюстендила и Софии...

Под напором сербов на Кочан болгарам пришлось отказаться от прорыва у Криволак, и они передвигают свои войска на помощь генералу Иванову, командующему правым крылом.

Телеграммы из Софии сообщают, что отступление генерала Иванова было лишь тактическим движением. После же соединения обеих северных болгарских армий положение сербов может оказаться критическим.

Возможно, что эти сведения верны, но правдоподобнее — болгары начали наступление с недостаточными силами и были отбиты по всему фронту.

Отсутствие решительного успеха и колебание счастья обостряют общее политическое положение. Видя, что болгары не могли сразу смять сербов, а на юге им самим приходится терпеть поражения, ободряются и Румыния, и... Турция. По некоторым известиям, румынская армия готовится в начале будущей недели перейти Дунай и вторгнуться на ту территорию Болгарии, на которую румыны заявляют свои права. Поговаривают, что и чаталджинская армия готова двинуться на Адрианополь даже без всякого приказа. Младотурецкое же правительство против этого ничего иметь не будет. И что это вполне вероятно, можно заключить из того, что Болгария обращается к великим державам и просит их воздействовать на Турцию.

Раскачать великие державы, конечно, очень нелегко. Но Австрию нечего и раскачивать, она давно стоит настороже, и насколько она начинает уже

волноваться, — свидетельствуют телеграммы о предположении новой мобилизации ее армии...

Это новая угроза по адресу России...

Так как не досадовать на малодушие славян? Из-за спора о клочке Македонии, из-за спора, который мог быть решен совершенно беспристрастно и справедливо, они режут друг друга и вовлекают в войну всех своих соседей...

Не способны славяне к самоуправлению! Нам нужен железный кулак, иначе мы становимся игрушками в руках наших же врагов...

С. Глинка

125

«Русское знамя». 26 июня 1913 г. Балканское безумие

Недавние союзники начали войну, не осмелившись объявить ее: избегая совершить формальную ошибку, они сделали огромную реальную. Все союзники одинаково ответственны за совершенный ими непростительный политический шаг. Мелочные споры, которыми они усложняли подготовку арбитража, пустые оговорки, которые они нагромождали на пути единственно возможного решения вопроса, несовместимые альтернативы примирения и сопротивления, вследствие которых замедлилось разрешающее спор вмешательство русского государя — все это достаточно характеризует высоту их политического разума. Поэтому было бы наивно распределять их по степени их виновности: они все неправы. Одинакова и степень их ответственности за чисто военные действия: если болгары и напали первые, то сербы тотчас же обнаружили желание превратить авангардные стычки в настоящую войну; греки, которые справедливо жаловались на обстрел из Каваллы своих военных судов, унизили себя бесславным истреблением в Салониках 1200 болгар. Все подобные нападения не имеют величия настоящей войны: это — недостойные изменнические вылазки. Своим поведением балканские государства образовали кругом себя пустоту. Державы перестанут их поддерживать, так как на них нельзя полагаться. Державы организуют кругом Балкан своего рода санитарный кордон для того, чтобы предохранить себя от коллективного безумия балканских народов, которое может пройти лишь при условии их полной изоляции. С балканской точки зрения, положение дела весьма мрачно. Работа целого года пропала. Если противники обнаружат утомление с самого же начала, что очень вероятно, то они выйдут из этого столкновения ослабевшими морально и материально и уже не будут господами своей собственной судьбы, а игрушками в руках Европы. Сколько лет

нужно им будет для того, чтобы приобрести в глазах Европы то уважение, которое они приобрели 3 месяца тому назад? Позорное настоящее долго будет тяготеть над их будущим.

126

**«Московские ведомости». 27 июня 1913 г.
Борьба союзников**

С тяжелой болью в сердце берешься каждый день за телеграммы с Балканского полуострова, свидетельствующие о том, что безумие продолжается, что все надежды на то, чтобы славяно-братья опомнились и прекратили братоубийственную распрю, оказываются тщетными. Никто в России не мог думать, чтобы те самые союзники, победы которых над турками встречались с таким восторгом всем славянским миром, несколько недель после окончательного торжества над вековым угнетателем поднимут оружие против своих же братьев. Мы не знаем, кого нужно считать главным виновником этой братоубийственной борьбы, потому что никого из союзников нельзя признать невиновным в этом злом деле, и все они одинаково преступны пред славянством. Как скоро они решили сойти с высокого пути идеалов и позабыть ту цель, к которой обязаны были стремиться, в них должна была ослабнуть связующая их сила и они невольно должны были подчиниться внешнему давлению, которое на них производили враги славянства. Вместо светлых идеалов у них под влиянием советов коварных друзей появились низменные стремления к захвату лишней территории для того, чтобы занять на Балканах преобладающее положение, которого лишилась Турция. Было достаточно проявиться этому стремлению у одного из союзников, чтобы в душе других зародились подозрение и недоверие, появился страх пред будущим. А раз нашлось место для таких подозрений, для работы врагов славянства очистилась благодарная почва, и балканские державы сделались жертвой австрийской политики, для которой союз балканских государств являлся опасным призраком.

А между тем союзники находились в счастливом положении передать свой спор на разрешение бескорыстного друга и покровителя, содействовавшего их освобождению от турецкой неволи и призывавшего их к самостоятельной свободной жизни. При искреннем желании союзников осуществить те задачи, какие они выставляли на своем знамени при открытии борьбы с Турцией, состоявшие в том, чтобы добиться для славянских народностей условий счастливого существования, их спор не представлялся неразрешимым мирными средствами, и в этом отношении все они одинаково виновны, потому что не употребили все меры добиться мирного разрешения, предусмотренного даже их соглашением.

Соглашение это в частностях неизвестно, как неизвестен и договор, заключенный между Болгарией и Сербией. Но, сколько выяснилось из полемики болгарских и сербских официозных газет, Болгария по этому договору должна была получить всю область на восток от Струмы, а Сербия — территорию к северу от линии, проходящей от Дибры на Дрине через Шар-даг и Кочаник к Вранье, т.е. Старую Сербию. Собственно Македонию предполагалось объявить автономной, если же этого не удалось бы сделать, то ее думали разделить: бо́льшая, восточная часть, населенная по преимуществу болгарскими, должна была отойти к Болгарии, а вопрос о судьбе западной части решено было предоставить государю императору. Тогда само собой разумеелось, что кроме Старой Сербии к сербскому королевству будет присоединена и северная Албания с Дураццо.

Благодаря проискам Австрии этот план был разрушен, в чем Сербия, конечно, не виновата. Сербское правительство в виде компенсации пожелало, кроме Старой Сербии, получить еще ту часть Македонии, которая была захвачена ее войсками, чтобы сохранить связь с Солунью. Болгария на это не согласилась, настаивая на договоре, составленном при совершенно иных условиях. Отсюда весь спор с Сербией.

Но притязания софийского правительства идут дальше. Оно не желает уступить и Салоники грекам, а требует совладчества. Против этого восстают греки. Тогда болгары, успевшие перекинуть войска на западную границу, начали общее наступление без объявления войны и у Орфано захватили роту греческих эвзонов, продвинули левое крыло и столкнулись с греками у Дойрана. После таких действий болгар грекам и сербам ничего не оставалось делать, как, в свою очередь, начать военные действия.

Телеграф ежедневно передает сведения о происходящих стычках, о взятых орудиях и пленных. Но так как за каждою подобною телеграммой следуют поправки или форменное опровержение с противной стороны, то верной картины об этой братоубийственной войне пока составить себе нельзя. Несомненно только одно — что даже битвы с турками не носили такого ожесточенного характера, как сражения между болгарскими и сербскими, и число убитых и раненых достигает уже теперь громадных цифр. Театром действий сделалась Македония. Первая и третья сербские армии в составе семи дивизий защищают четырехугольник Ускюб — Кюпрюлю — Эгрипаланка — Вранья, т.е. Вардарскую долину, железную дорогу в Салоники и в Сербию и поддерживают через Каваллу и Гевгели связь с союзными греками. К западу от Ускюба в Призрене стоит четвертая армия, подкреплённая черногорцами. Чтобы помешать обходу левого крыла, у Ниша выставлена вторая армия, которая поддерживает крепость Зайчар и охраняет Драгомановский перевал. На юге Вардарскую долину и Салоники охраняют греки.

О положении болгарских войск труднее что-либо определенное сказать, потому что о движении их болгары по-прежнему не пропускают сведений. Нет сомнения, что болгары направят главные силы через Кюстендиль

и Эгрипаланку в Македонию, и бои у Кочаны и Иштиба были попыткой отразить такое движение болгар. Задача болгар состоит в том, чтобы разделить греков и сербов и бить их отдельно. Удастся ли этот план — покажет будущее, если в последнюю минуту голос благоразумия не возьмет верх, и недавние союзники не оставят борьбу. Но это они должны сделать по собственной инициативе. Если они не послушались советов России, то ожидать помощи от других держав нельзя — этим державам только выгодно, если славяне сами ослабляют себя. Союзники сами обязаны понять, какое зло они причиняют не только самим себе, но и своим потомкам, которым придется долго расплачиваться за ошибки своих предков, не понявших, что никакие победы не вознаградят их за тот нравственный удар, какой они нанесли балканским народам и всему славянству своей безумной борьбой.

127

«Русское знамя». 27 июня 1913 г. Передовая статья

Как только началась война балканских христиан с вековыми их угнетателями турками, «Русское знамя», в качестве выразителя идей русского народа, приветствовала этот почин, пожелав полной победы христианской культуре над мусульманской. Вместе с тем, однако, «Русское знамя» стало решительным противником того, чтобы со стороны России было бы произведено какое-либо вмешательство в эту, несомненно, идейную войну, долженствовавшую завершить вековые усилия России по свержению владычества мусульманского мира. Много крови пролили русские люди для того, чтобы поставить на ноги покоренных турками балканских христиан, и много принесли они на это историческое дело материальных жертв. Для России сделанного достаточно: она освободила часть христиан от рабства, она дала им науку, снабдила оружием, научила владеть им — пусть же теперь сами они добывают свободу для своих единоверцев и единоплеменников. Обязанность России заключается только в том, чтобы в случае бессилия справиться с мусульманами своевременно помешать последним отнять то, что уже дала балканским христианам Россия. Иные задачи предстояли другим державам — кельтского происхождения. Для них усиление православных христиан, да еще в большинстве славянского племени, означает потерю владычества над теми славянами и православными, которые находятся под их эгидой, и потому они с тревогой отнеслись к усилению балканских славян за счет Турции и решительно им мешали. Особенно беспокоилась Австрия, для которой сильная Сербия является магнитом, притягивающим к себе многочисленные сербские народности дуалистической империи. В задачах Австро-Венгрии

воспрепятствовать усилению Сербии, и она этого достигла запретом ей выхода к свободному морю. Недалекие люди в России из занимающихся политикой, указывая на роль Австрии, настаивали на военном вмешательстве со стороны России для помощи балканским славянам. «Русское знамя» энергично протестовало против такого вмешательства, находя, что балканские славяне не заслуживают пролития из-за их интересов крови русскими людьми и траты непомерных средств, и одобряло правительственную политику невмешательства до той поры, пока не сделается покушение на status quo. Из-за этого вопроса оно подверглось нападкам. Раздавались обвинения в измене славянскому делу. Открытие боевых действий между вчерашними союзниками для братоубийственной войны и сопровождающая их ожесточенность подтверждают нашу правоту — балканские христианские народности увеличили вдвое свои прежние владения, и все-таки им этого мало, и они готовы из жадности зарезать друг друга ради еще большего куска. Заслуживают ли такие люди уважения и помощи?

128

«Утро России». 27 июня 1913 г.

Братская помощь

В Македонии и Старой Сербии греки и сербы сражаются сейчас с болгарями. Братоубийственная сеча перешла уже на сербскую и болгарскую территории. На братской земле льется братская кровь. И братские руки обагрены кровью братьев.

Русский человек не может примириться с этим кошмарным фактом. Русское сердце не в силах вместить весь ужас кровавой вражды в родной нашей славянской семье. Русское общество возмущено, болеет душою, шлет тяжелый укор всем тем, кто в самом начале разгоревшегося конфликта не сумел или не решился настоять на миролюбивой развязке.

Резко отрицательное отношение к междоусобной балканской войне наш «Красный крест» и как будто и русский врачебный мир перенесли и на несчастных жертв этой войны. Десятки тысяч раненых славян и греков страдают сейчас в лазаретах и на перевязочных пунктах и томятся без призора на полях сражения. Тщетно взывают они к врачебной помощи. Наличного врачебного персонала слишком мало для такой массы нуждающихся в ней. Русские врачи не стремятся сейчас, как в прошлом году, на Балканы. Они не хотят принимать участие в войне, которая возмущает все русское общество.

Представители русских газет в Софии выступили с призывом к русскому обществу и к «Красному кресту». Они заявляют, что самое беспощадное

осуждение братоубийственной войны не избавляет от обязанности помогать ее жертвам, и призывают к оказанию этой помощи в самых широких размерах.

Во имя человеколюбия, не знающего никаких иных стимулов, кроме любви к страждущему ближнему, во имя родственной связи нашей с охваченным безумным пароксизмом вражды балканским славянством мы обязаны услышать этот призыв и поспешить на помощь туда, где, забыв чувства ненависти и вражды, лежат сейчас в ожидании помощи под одними и теми же кровлями переполненных лазаретов вчера еще бившиеся друг с другом, сегодня же объединившиеся в общем страдании — болгары, греки, сербы и черногорцы.

Напрасно лишь русские корреспонденты призывают русское общество к помощи жертвам войны «без различия между враждующими сторонами». Русское общество всегда относилось и относится и сейчас одинаково к балканским славянам. Наше чувство не допускает различия между сербами и болгарам. Как мы уже не раз говорили, для России в этом кошмарном конфликте нет ни серба, ни болгарина. Мы знаем одних славян, членов одной великой славянской семьи.

Поэтому-то, быть может, и положение России в этом славянском кровопролитном споре так невыносимо тяжело. Одинаково относясь к обеим сторонам, Россия одинаково воздействовала на обе стороны в целях умиротворения. Равномерно влияя на обе стороны, она своей цели не достигла и достигнуть не могла.

Уладить спор можно было энергичным давлением или на Сербию, или на Болгарию, на одну из враждующих сторон. Убедить одну уступить другой. Но этого Россия не могла допустить. Одинаково относясь к обоим противникам, она одинаково и равномерно действовала на обе стороны. Упрека в предпочтении сербов болгарам или болгаров сербам Россия не заслужила.

И не может быть сомнения, что, подавая врачебную помощь враждующим братьям, русское общество распределит ее одинаково и на болгар, и на греков.

Помощь эта необходима, она нужна сегодня, сейчас. Каждая просроченная минута несет смерть нескольким оставленным без врача несчастным.

Но одновременно с подачей этой помощи Россия обязана прийти на помощь и попраным интересам славянства. Россия обязана приложить все усилия к скорейшему умиротворению воюющих сторон.

Война эта безумна, безнравственна.

И ей должен быть положен предел.

**«Голос Москвы». 28 июня 1913 г.
Румыния в балканском споре**

Балканы, по-видимому, еще долго будут играть роль ящика Пандоры, откуда сыпятся всякие сюрпризы на старушку Европу. Только что Австрия отпраздновала победу над русской дипломатией, втравивши Болгарию и Сербию в гнусную братоубийственную войну, как венские хитроумцы неожиданно получили удар с такой стороны, откуда его труднее всего можно было ожидать. Румыния отказалась следовать венской указке и осмелилась вести свою собственную политику, явно опасную для Австрии. Она решительно приняла сторону Сербии, и это в ту пору, когда Австрия готовилась нанести ей смертельный удар.

Гр[аф] Берхтольд попытался отразить столь неудобный для него выход и предложил посредничество для улажения румыно-болгарского спора. Он предложил Болгарии сделать территориальные уступки Румынии, за что последняя должна была оказать поддержку Болгарии или, в крайнем случае, соблюсти доброжелательный нейтралитет. Игра обещала быть прекрасной: Болгария в благодарность за посредничество должна была идти на буксире за Австрией; Румыния за то же самое должна была еще сильнее привязаться к Австрии. Тогда Австрия могла попытаться свести окончательные счета с Сербией и забрать, по крайней мере, Новобазарский санджак.

Но Бухарест проявил неожиданную строптивость, показавшую, что у него, наконец, отыскалась собственная политика, далеко не совпадающая с интересами Австрии. Он пожелал сохранить свободу рук. Одновременно во всей стране произошел изумительный взрыв австрофобства. Донесения наших консулов со всех концов Румынии сообщают об оживленных манифестациях в честь России и против Австрии, а это обстоятельство показывает, как глубока в Румынии ненависть к Вене и как велико желание выхода из-под австрийской опеки.

В таком положении вещей решительно нет ничего удивительного. Не следует забывать, что дружба Румынии с Австрией носит характер случайный и вызвана неудачной политикой наших дипломатов. Всем известно, какие большие услуги оказала нам Румыния в самый критический момент нашей последней войны с Турцией. Известный историк ее, ген[ерал] Скалон признает, что падение Плевны, несомненно, обусловлено военной поддержкой румын. И вот за эти услуги мы отплатили тем, что отторгли от Румынии часть Бессарабии, собственно говоря, нам совершенно ненужную. Отторгли исключительно по соображениям дипломатического самолюбия. Император Александр II хотел взять реванш за ту уступку, какую пришлось сделать России после неудачной крымской кампании.

Легко понять, какие чувства вызвало это в Румынии. Не рассуждая, бросилась она от своей обидчицы в объятия Австрии. Но дорого пришлось ей

заплатить за это. Целых тридцать пять лет эксплуатировала Австрия свою союзницу; наводнила ее чуждой народу немецкой бюрократией, презиравшей румын и угнетавшей их; два раза самым решительным образом вмешивалась во внутренние события Румынии; чисто в своих интересах заставляла ее нести непосильные расходы на армию, и ничего не могла дать ей взамен. Это особенно рельефно обнаружилось в текущем кризисе.

За нейтралитет во время войны с Турцией Австрия обещала Румынии линию Силистрия — Балчик, но когда дело дошло до расплаты по векселю, Австрия ничего не могла сделать ввиду категорического veto из Петербурга.

В Румынии поняли, что игра с Австрией не стоит свеч, и решительно стали от нее отдаляться, ища сближения с Россией. Такое сближение явилось тем более естественным, что в будущем оно обещало воссоединение всех румын — и тех четырех миллионов, которые влачат ныне в Австрии такое жалкое существование.

Так создалась настоящая политическая обстановка. Нельзя, однако, скрывать, что, несмотря на всю ее выгодность для России, она создает для русской дипломатии и большие трудности. От одного бестактного выпада может уйти от нас Болгария, а дружба с Румынией может оказаться и недолговечной. Мы должны сделать так, чтобы число наших друзей на Балканах не убывало. Румыния должна понять, что не в ее интересах, и тем паче не в интересах России, ослабление Болгарии. Если компенсации необходимы, они не должны, во всяком случае, иметь характер чрезмерных.

130

«Русские ведомости». 28 июня 1913 г. Ослепление

Не в русском общественном мнении, надеемся, но в некоторой части его, не в русской публицистике, но в отдельных органах ее новые события на Балканах вызвали такое направление мыслей, которое мы считаем гибельным для славянской идеи. Если те, кто громче всех кричал о братстве славян, кто громче всех хвалился болгаро-сербскими победами, кто ликовал всех шумнее по поводу пострадавшего от турецких поражений австро-германского престижа, — если они действительно вдохновлялись чем-либо, а не галдели из любви к искусству и просто потому что представился несравненный случай погалдеть, то нынешняя позиция этих любителей славянства, готовых приветствовать греков, румын, турок, готовых приветствовать кого угодно из нападающих на Болгарию народов, решительно непонятна. Ни общеславянской идеей, ни русской государственной идеей, ни требованиями наших интересов, ни требованиями справедливости — ничем она не может быть обоснована.

Разве лишь тем, что в первые дни войны, когда успех и неуспех греко-сербского и болгарского оружия еще не вполне мог определиться, военная удача больше клонилась на сторону короля Константина и короля Петра? Существуют же люди, при поражении всегда готовые кричать: Добей его!

Болгария со всех сторон окружена противниками. На войну с сербами и греками она шла сама. Сама она пожелала, чтобы македонские разногласия вторично разрешались оружием. Оружие и решит. Но ожидаемое нападение Румынии на Болгарию — разве это не разбой, чистейший и откровеннейший разбой? Лишь в воскресенье мы читали поразительную и характерную бухарестскую телеграмму: румынское общественное мнение не хочет удовлетвориться никакими компенсациями; румынское общественное мнение требует категорически войны. Что это значит? По-видимому, лишь одно: что Румыния желает во что бы то ни стало воспользоваться случаем и разгромить свою опасную соседку в тот момент, когда все силы последней устремлены на запад и на юг. Румыния желает добить славянское государство, по всем историческим традициям, по крови, по культуре самое близкое нам. И если румыны в то же время кричат «ура» России, то это не более, как недоразумение. Вчера они приветствовали двуединую монархию, сегодня — нас, а завтра снова станут союзниками Габсбургов. Что связывает нас с ними? Что может нас связывать с Румынией в момент, когда она собирается напасть на болгар, хотя бы трижды виноватых? И чем объяснить, чем оправдать, что в ответ на последние румынские приветствия могли из среды русского общества раздаться ответные клики?

Но не одни румыны поднимают оружие на Болгарию. И Турция начинает им бряцать. Требование об эвакуации турецкой Фракии само по себе еще не содержит в себе ничего чрезвычайного и противоречащего предварительному договору о мире. Намерение занять территорию вплоть до линии Мидия — Эннос, линии, которая еще никем не установлена, уже более агрессивно. Но всего тревожнее и опаснее для Болгарии ведущиеся военные приготовления и пущенный уже телеграфными агентствами и корреспондентами слух, что и турецкое общественное мнение требует реванша. Может быть, и требует — не знаем. Но что может быть бессмысленнее и нелепее того, что в русском обществе и в русской печати раздаются голоса, готовые с этим не только мириться, готовые почти торжествовать по поводу готовящегося турецкого выступления?

Болгария, окруженная со всех сторон, Болгария, отражающая удары греков, сербов, румын и турок, может быть, и будет добита. Если состоится эта коалиция, которую с полным правом, несмотря на участие сербов, можно будет назвать противославянским союзом, то не исключено, что Болгария, лишившись части территории на западе, на севере и на юге, не лишившись ее лишь там, где от набега ее охраняет море, поистине останется у разбитого корыта. Но кто выиграет от этого? Если болгаро-сербская война уже нанесла славянской идее непоправимый и тяжкий удар, то греко-сербско-румынская победа вместе с турецким реваншем эту идею добьет и уничтожит.

Болгария, думаем мы, менее Сербии виновна в том, что между славянскими народами завязалась война. Но, будь она даже наиболее ответственной стороной, нельзя же об одной виновности думать, необходимо предусмотреть и последствия. Нельзя чувству обиды позволить окончательно ослепить себя. Если Вена пожелала взять Болгарию под свою высокую руку, дабы не дать окрепнуть Сербии, а Болгария согласилась искать поддержки в Вене, то ведь отсюда не следует, что «неблагодарную» Болгарию мы должны решительно записать в число наших противников и отдать ее противославянской коалиции балканских народов на растерзание.

Мы создали ее. Мы, небогатые материальной и духовной культурой, все же нашли средства помочь сказочно быстрому развитию этой страны, поразившей недавно Европу своей настойчивостью и силой. И среди нас находятся публицисты, которые кричат: «Добивайте»!

Юр. Лигин

131
«Земщина». 29 июня 1913 г.
Пора кончить бойню

В настоящее время выяснилась полная неудача болгар на македонском театре войны. Даже известия из Софии говорят, что армия генерала Ковачева, действующая в Вардарской долине, отбив многочисленные атаки сербов, «отступила в полном порядке» на заранее заготовленную позицию. В то же время телеграммы из Афин передают распространившийся там слух, будто генерал Иванов, действующий против греков на юге, взят в плен!..

Этому слуху нельзя, конечно, доверять. Но самое появление его свидетельствует, что положение болгарской армии крайне тяжелое.

Да если взглянуть на карту, то сразу бросается в глаза невозможность держаться болгарам в Македонии после занятия сербами Кочана и Иштиба, а греками — захвата южной железной дороги. Болгарская армия оказалась, как в мешке, причем отступление возможно только по узким горным ущельям при полном отсутствии железнодорожного сообщения, тогда как в руках сербов и греков находятся две линии железных дорог, проходящие позади всего их расположения.

Если же подтвердится еще известие, что сербы подошли к Кюстендилю, то им открыт путь на Софию, правое же крыло болгар окончательно отрезано от своей базы.

Положение, действительно, критическое. Но нет худа без добра. И именно потому, что сербы и греки бьют болгар, а не наоборот — есть полная надежда, что при настойчивом посредничестве России можно будет достигнуть

прекращения бойни и — худо ли, хорошо ли — примирить ожесточенных противников.

Если бы победительницей была Болгария, она стремилась бы к главенству и потому безжалостно добивала бы Сербию, опираясь на сочувствие Австрии. Теперь же Болгария, несомненно, будет стоворчивее, тем более что на нее насаждает и Румыния, а если война затянется, и болгары потеряют свое обаяние, то как бы не раскачалась и Турция.

Что же касается Сербии и Греции, то они не претендуют на главенство, их аппетиты умереннее, и потому эти союзники не решатся слишком упорствовать и предъявлять чрезмерные требования. Не могут они не опасаться, что в тылу у них могут оказаться австрийские и даже... итальянские войска...

При том положении, которое создалось на поле брани, русская дипломатия может вполне рассчитывать на успех — и она должна налечь всей своей тяжестью на воюющие стороны. За неуважение к призыву нашего царя все уже жестоко поплатились. Крови более, чем достаточно пролито. Страсти нашли исход. Месть утолена, и — надо думать — союзники не могут не понимать, что лучше им не создавать себе из Болгарии заклятого врага. Полагаю даже — обе стороны ждут не дождутся посредничества России и восстановления союза.

В союзе им никто не страшен. Наоборот, всем союзникам рано или поздно представится случай раздвинуть свои границы. Сербии и Черногории — на запад, Греции — на север, Болгарии — на восток. При вражде же всем им вечно будет угрожать опасность быть проглоченными...

Не спору, доверие друг к другу не скоро вернется. Но если союзные отношения восстановятся, то через два-три поколения они могут стать вполне искренними, и более прочное объединение всех балканских государств станет возможным...

Не следует только забегать слишком вперед и не стремиться к главенству. Духовным главою всех славян может быть только русский царь.

С. Глинка

132

«Новое время». 29 июня 1913 г. Румынское вторжение

В печати сообщалось, что Румыния объявит Болгарии войну в субботу, 29 июня. Бухарестский кабинет поторопился, и румынские войска вторглись в болгарские пределы уже 27 числа, опередив предсказание на два дня.

Причины выступления Румынии до сих пор хранятся в какой-то странной полутайне. Между Румынией и Болгарией только что заключен договор

при содействии России. Содержание его всецело в пользу Румынии. Договор этот приводился в исполнение без всякого противодействия со стороны Болгарии. Никаких новых столкновений между Румынией и Болгарией с тех пор не возникло. Никаких поводов для нарушения только что заключенного договора не появилось. И тем не менее, Румыния без долгой думы переступила через него, попирая вместе с тем авторитет державы, содействовавшей его заключению. Она не удовлетворилась приобретениями, допущенными русской дипломатией, как справедливыми, и пошла за новыми землями.

Балканские государства, готовясь к братоубийственной войне, озабочились нравственным оправданием своих действий. Они доказывали европейскому общественному мнению, что к нападению и сопротивлению их побуждает не завоевательный пыл, не жадность к приобретениям, а долг, справедливость, жизненная необходимость. Румыния не сочла нужным оправдывать перед Европой своих действий. Она просто увидела у своих границ незащищенные военной силой земли и решила занять их. Такой образ действий может вызвать суровое осуждение со стороны строгих моралистов; но он, во всяком случае, запечатлен одной похвальной особенностью: румынские государственные деятели не повинны в грехе лицемерия. Они действуют по началу «здорового эгоизма» и не скрывают этого.

По мере развития братоубийственной войны задача Румынии облегчалась с каждым днем. Битвы остатков балканских армий происходят с неслыханным ожесточением. Не давая решительного стратегического перевеса ни той, ни другой стороне, они ежедневно сокращают живые силы борющихся на десятки тысяч. Румынии при таких обстоятельствах, по-видимому, ни к чему было торопиться с военными приготовлениями и вторжением в болгарские пределы. Однако она поторопилась. Ускорение последнего шага находит себе объяснение в последнем болгарском сообщении.

Оказывается, что русская дипломатия, невзирая на ряд неудач, не отчаялась в окончательном успехе. Она продолжала работать для умиротворения балканских народов и, как уверяет болгарское сообщение, была близка к успешному завершению своих усилий. Благодаря России близился момент восстановления между Болгарией, с одной стороны, и Сербией и Грецией — с другой, мирных отношений. В то время как войска вели взаимно истребительную войну, правители, под влиянием и при содействии русской дипломатии, изыскивали средства к ее скорейшему прекращению. При таких условиях Румынии, само собой, приходилось торопиться, чтобы не опоздать. В случае приостановки братоубийственной войны, Болгария могла бы дать румынам отпор. Пока она длится, болгары лишены всякой возможности защитить свои земли от нового врага. Болгарское правительство откровенно признало это обстоятельство и дало приказ военным властям не оказывать нашествию никакого сопротивления.

При самом возникновении последних балканских осложнений, мы указывали на шаткость расчетов софийского кабинета. Народы ждут от своих

правителей не столько возвышенных побуждений, сколько трезвой оценки обстоятельств и возможностей. Народы живут эмоциями, правители должны вносить в стихийную сумятицу событий меру и счет. Эту обязанность власти софийское правительство исполнило неудовлетворительно. Упорствуя в своих спорах с Сербией, оно явно просмотрело, что поднимает против болгарского народа грозные тучи со всех точек горизонта. Оно просмотрело, что силы болгарского народа не безграничны, и что бороться одновременно с четырьмя соседями он не в состоянии.

По сегодняшним сообщениям, сербы и греки еще раз окончательно разбили на всех пунктах болгарские войска, а болгары столь же окончательно разбили сербов и греков. Не беремся судить, которое из этих официальных сообщений правдиво, которое ложно. Допустив, что правительства обеих сторон говорят чистую правду, мы должны прийти к одному обязательному заключению: на смену войск, окончательно разбитых, обращенных в паническое бегство и взятых в плен, наутро являются свежие части и продолжают ту же безнадежную бойню. Несомненно же пока только одно: румынские войска одерживают полные победы всюду, где ни появляются; эти победы обеспечены, ибо им никто не будет оказывать ни малейшего сопротивления.

До сих пор злополучный рок тяготеет над всеми начинаниями русской дипломатии. После неудач и злосудий она стояла накануне счастливого события: приостановки братоубийственной войны. Минутой колебания пользуется Румыния, и добрые начинания русской дипломатии еще раз терпят крушение.

Где же первопричина всех этих систематических неудач?

133

«Новое время». 29 июня 1913 г. Ураган растет

Уже выступила в бой Румыния, не сегодня-завтра снова выступит Турция. Ураган войны втягивает в себя народы. «Враждуйте, народы, но трепещите, — говорил пророк: — Внимайте, все отдаленные земли! Вооружайтесь, но трепещите, — вооружайтесь, но трепещите!» (Исаия VIII, 9)¹.

Вооружениями и трепетом полна вся Европа, а глухие громы и стоны режущих друг друга братьев на Балканском полуострове показывают, до какой степени страшная эта вещь — война, и как трудно бывает остановить безумие, раз оно началось. У самых маленьких в Европе народов, когда они передрались, вышла неожиданно очень большая война с многодневными

¹ Цитируются слова библейского пророка Исайи.

кровопролитными боями, с многими тысячами убитых, раненых и взятых в плен, с десятками потерянных орудий и пр.

По-видимому, бесспорно, что победа останется за греко-сербско-румынской коалицией. К удивлению всего света, храбрая болгарская армия, только что разбившая старую турецкую силу, в нападении на братьев потерпела ряд решительных поражений. Сбылось давнее слово: «на нападающего Бог». В войне с Турцией величайшим союзником болгар было их нравственное сознание, что война эта священная, что она предпринята в защиту порабожденных братьев, что жизнь и честь болгарской народности требуют их освобождения. Вот, что было движущей силой того беспримерного одушевления, с которым болгары шли «на нож»¹ под командой своих замечательных генералов. В войне с сербами и греками этой моральной силы очевидно уже не было; в глубине души и генералы, и офицеры, и солдаты болгарские не могли не чувствовать, что они идут на дурное дело. Победители под Сливницей сознавали, что на этот раз высшая правда не на их стороне. Помощь Божья отошла одновременно с безупречностью военных целей. Болгарское правительство сделало ошибку всех современных правительств, когда они не считают с народной психологией. При движении на юг, против вековых угнетателей славянства, — болгарские солдаты знали, за что они сражаются и идут на смерть. При движении на запад, против сербов и греков, те же болгарские солдаты не знали, ради чего, собственно, начинается новая ужасная война. Оказались спорные пограничные участки, но народ, а вместе с ним и армия — едва ли заражены километрическим психозом, которым страдают иные правительства. Расширить во что бы то ни стало территорию, захватывая соседскую межу, — вовсе не в правах простых селяков, приученных уважать свои деревенские границы. Многострадальная болгарская армия, составленная из крестьян, только что сделала огромные напряжения, потеряв в битвах с турками весь цвет своей геройской силы. Армия уже измучена и утомлена, она знает, что проходят летние дни, драгоценные для полевых работ, и что если война затянется, то сотням тысяч семей солдатских есть будет нечего. Давно, давно пора домой, и если правительство, окончив со славою одну войну, сейчас же затевает новую братоубийственную войну с христианскими соседями, то вполне естественно, что солдаты идут неохотно в бой. А идущие неохотно обрекают себя на поражение. Они колеблются, когда нужно решаться, они пропускают критические минуты, они неспособны к неудержимому натиску. Наоборот, — какая-то сила их тянет назад, и они наконец бегут, бросают позиции и орудия, целыми тысячами сдаются в плен. Кровавые итоги последних дней не оставляют сомнения, что храбрая болгарская армия еще до первых боев была морально угнетена, и гений победы отлетел от нее. И сербы, и греки считались гораздо менее боеспособными, нежели болгары, и вероятно, таковыми и останутся, но их удивительное одушевление и победоносный

¹ В штыки (болг.).

успех свидетельствуют, что на их стороне нравственное право в данной войне. Кто не колеблется и не уступает, кто умирает за свой идеал, тот доказывает искренность и законность своих притязаний.

Разобраться в пограничных балканских спорах почти невозможно. Возникает опасение, что оспариваемая область никакой из притязающих на нее народностей не принадлежит, будучи одинаково чуждой и болгарам, и сербам. На мое имя пришло письмо одного македонца¹, который недавно вернулся с театра войны, где участвовал шесть месяцев в отряде македонско-одринского ополчения, поймавшего Явер-пашу с 10-тысячным отрядом. По словам автора письма, он родом из Македонии (из гор. Крушева), хотя и русский подданный. Достаточно повоевавший, награжденный болгарским крестом за храбрость, македонец убедительно просит дать место его письму, как выражению наболевшей скорби македонского населения. Будучи на войне, он имел случай слышать подлинные желания родного ему македонского населения, из-за которого теперь льются потоки сербской, греческой и болгарской крови. Вот с некоторыми сокращениями это письмо:

«Македония после Берлинского трактата сделалась ареной всяких агитаций, пропаганд, ужасных восстаний и гонений, что давало возможность туркам не вводить никаких реформ в этой богато одаренной природой провинции. Целые деревни уничтожались до основания вместе с обывателями их. Македонские горы усеяны человеческими черепами и костями. Наконец, кочанская резня прошлого года, казалось, переполнила чашу терпения болгарских государств², и они ураганным напором быстро сломили Турцию, освободив единокровных и единоверных братьев. Но зависть затмила умы союзников. Они забыли первоначальную цель войны. Они сражались за свободу македонских братьев, и когда эта свобода наступила, *балканские государства начали поработать македонское население, как неприятеля*. Поведение греков, сербов и болгар в завоеванных провинциях в Македонии в отношении населения не своего лагеря ниже всякого порицания. Офицеры врывались в церкви, срывали иконы святых противного лагеря, заменяя их своими святыми. Возбуждение ныне дошло до ужасного самоистребления. Сотни тысяч людей поставлены один против другого для верного самоуничтожения. Победенная Турция готовится снова вернуться в недавние владения в Европе. Балканские государства решили, по-видимому, погибнуть в междоусобной брани. Тот же психоз братоубийственной войны был у этих народов и пять веков тому назад, когда они в своем безумии позвали на помощь турецкие орды.

Если Австрии ныне удалось создать автономию для Албании, неужели Россия и те же великие державы, подписывавшие когда-то Берлинский трактат, не могут сейчас принудить балканские государства прекратить

¹ Весьма вероятно, что это Владимир Стоянович Везенков.

² Так в тексте. Должно быть — балканских государств.

междоусобие и дать Македонии автономию? Ведь население Македонии всегда было смешанное. Там живут и болгары, и сербы, и греки, и куцо-ва-лахи, и арнауты, и турки, и цыгане, и даже армяне. Как же можно проводить какую-то зону, национальное разграничение, когда все упомянутые национальности перемешаны по всей провинции?

Почему также Европа не заступится за македонское население, которое страдает ныне, как и прежде, больше всех — и морально, и материально. Ведь мог же сэр Эд. Грей шесть лет тому назад подать свой голос за Македонию и даже достичь своим авторитетом многого для нее. Были проведены даже некоторые реформы, была организована и самостоятельная македонская жандармерия¹. Да даст Бог, чтобы мой голос был услышан всесильной Россией и Европой, и чтобы моя родина, наконец, получила полную свободу, которую она ждала целых пять веков. Да здравствует свободная автономная Македония!»

Как видите, Македония вовсе не желает быть добычей которого-нибудь из трех балканских королевств. Ни болгарское, ни сербское, ни греческое владычество ей одинаково не улыбается, и вместо турецкого гнета ее удовлетворила бы только македонская независимость. Может быть, это был бы наилучший выход из теперешней распри. Нельзя, однако, не признать, что и этот выход, как все прочие, не отличается легкостью исполнения. Во-первых, «всесильная» (как пишет автор письма) Россия вовсе не всесильна, и до такой степени, что даже не могла предотвратить гибельного теперешнего столкновения славян. Как это ни грустно, следует признать, что авторитет России в славянстве чрезвычайно упал. Еще в старые годы, когда, не щадя крови собственного народа и его средств, мы вели тяжелые войны с турками и постепенно освобождали славян, они с благодарностью принимали эту свободу, побранивая нас разве только за то, что получали меньше, чем желали. Ждать от России благодеяний и наконец требовать их вошло у наших братьев в привычку. Когда волею судьбы Россия перестала быть пеликаном, кормящим детей своей кровью, освобожденные славяне отшатнулись от нее с поспешностью, неприличие которой было замечено во всем свете. Милан в Сербии, Стамбулов в Болгарии, один княжич в Черногории, пивший за здоровье японцев, — они не были одинокими в своих отечествах, и единомышленников их насчитывается немало. В критическую минуту и теперь славяне всего ждут от России, но, когда доброжелательный к ним монарх русский воззвал к их нравственному долгу в отношении славянства и России, балканские народы ответили на это оскорбительным невниманием. Теперешняя война вспыхнула не только без согласия «всесильной» России, но наперекор торжественно выраженному ее несогласию, а это еще раз подтверждает, что не имеющая никаких реальных прав за Дунаем Россия давно не несет никаких обязанностей в отношении единоверных наций. Россия с величайшей искренностью приветствовала создание Балканского

¹ Имеются в виду реформы младотурок, носившие больше внешний характер.

союза; может быть, дипломатия наша помогала этому созданию, может быть, строила на нем блистательный план *учетверения*, так сказать, Тройственно-го соглашения, но вся эта сложная и тонкая работа рухнула, и именно благодаря двум качествам, столь грустно проявившимся у наших братьев: бездарности их политики и бессовестности ее. Конечно, разрушить собственными руками столь блистательный результат балкано-турецкой войны кровавой ссорой из-за дележа добычи — это могли только политики, лишенные совести и таланта. Ближайшее будущее покажет, какую тяжкую самоизмену оказали балканские народы самим себе, но мы не можем забыть, что это было также изменой и всему славянству, и в частности — России.

Чем же может разрешиться балканский кавардак? Поражением Болгарии, которая находится уже под угрозой оккупации четырех держав: Сербии, Греции, Румынии и Турции. Кто вступится за небольшую страну (не более наших двух губерний), если разбитая в пух и прах, она будет разделена между соседями? Россия не может же ради прекрасных глаз царя Фердинанда рисковать войной со всеми его соседями, на нас пока не нападающими. Нажим на Турцию, вероятно, был бы сделан, но мы живем в эпоху, когда каждое резкое движение угрожает вызвать всемирную катастрофу. Странам, какова Россия, еще недавно воевавшим и нуждающимся в благе долголетнего мира, приходится долго думать, прежде нежели решиться нарушить столь неустойчивое равновесие среди великодержавных союзов. Враги наши рукоплещут новой балканской войне как скандальному поражению нашей политики. Но весьма щекотливым складывается и положение Австрии. Победоносная Сербия, разгромив при помощи Черногории и Греции Болгарию, наверное, еще глубже втянется в психоз величия, обуревающий все маленькие победоносные страны. Усилившись за счет Турции и Болгарии, сербы непременно сочтут это сигналом к разрешению великосербской идеи. Не только королевство, но еще княжество сербское считалось Пьемонтом для будущего объединения всех сербских племен. Так как главная масса этих племен находится в черте австрийской монархии, то для Австрии предстоит тяжелый вопрос: ждать ли в течение десятилетий созревания великосербского восстания или каким-нибудь насилием свести победоносное королевство с его теперешнего пьедестала? Уже ходят слухи, будто за сербские захваты в долине Вардара австрийцы потребуют себе «компенсации» в бывшем Новобазарском санджаке. Но это будет нарушением торжественного обещания Австрии не искать в этой войне территориальных приобретений. Россия едва ли останется равнодушной к захватам Австрии — «случится то, что должно случиться», как говорится в арабских сказках.

Если сравнительно ясны роли двух славянских империй (ибо Австро-Венгрии начинают называть славянской, и она стремится еще более ославить себя), то загадочной представляется роль Германии, которая слишком поспешно вооружается и заставляет трепетать народы. Новый военный закон принят в Германии с единодушием, необычным даже для этой высокопатриотической

дисциплинированной страны. Немецкая печать уже поднимает воинственный тон, учитывая, насколько возвысится значение Германии в концерте держав. Запугивают Францию формированием шести новых кавалерийских полков. Общим хором доказывают, что могущество Германии достигло высоты, еще небывалой со времени подписания Франкфуртского договора¹. Рейнская «Westph. Zeit»² в готовности страны дать все, что требует правительство для военной мощи, видит доказательство того, что германский народ желает политики, достойной 70-миллионного народа. «Политика эта должна быть решительной, и император, и канцлер должны знать, что в случае необходимости они могут рассчитывать на пять миллионов штыков для осуществления мировых желаний германского народа. *В течение 25 лет Германия отступала, но теперь она должна наступать!*»

Что значит «наступать», читателям уже известно. Weltmacht oder Niedergang³ — вот лозунг современной воинствующей Германии. Наша соседка только что отпраздновала 25-летие царствования своего монарха. Это царствование для Германии без всяких преувеличений должно быть названо благополучным, и в хоре всесветных оваций и похвал императору Вильгельму II слышалась одна преобладающая нота: все 25-летие его правления стоял ненарушимый для Германии мир. Кто, однако, поручится, что благословение этого мира не сменится в ближайшем будущем проклятиями вражды? Именно теперь наша соседка лихорадочно увеличивает свои военные силы. В то время, как мы считаем себя до такой степени застрахованными от всяких бед, что В. А. Сухомлинов уехал в долговременный отпуск куда-то на лазурные берега, германское министерство, по словам берлинского корреспондента «Matin», спешит осуществить новый закон с курьерской скоростью. «Вместо 1 октября, как предполагали раньше, — все будет готово уже к половине сентября». Итак, всего лишь 2 ½ месяца отделяют нас от зловещего момента, когда величайшее из могуществ Европы почувствует готовность свою быть втянутым в ураган войны.

Ураганы — явление по милости Божией редкое, но они не только существуют, они бродят в непосредственной с нами близости, и один из них развертывается с ужасной силой на западном горизонте. Необходимо готовиться к большой беде, и готовиться неустанно, день и ночь, как в те времена, когда говорил пророк: «Вооружайтесь, но трепещите!» Горе запаздывающим и неготовым!

М. Меньшиков

¹ Франкфуртский мирный договор, подписанный 10 мая 1871 г., завершил франко-прусскую войну 1870–1871 гг.

² Правильное название: «Rheinisch-Westfälische Zeitung».

³ «Мировое господство или крах» (нем.).

**«Русские ведомости». 29 июня 1913 г.
Передовая статья**

События на Балканском полуострове приняли трагический для Болгарии оборот. К поражениям на западе присоединилось вторжение румынских войск на востоке. Борьба с соединенными Сербией, Грецией и Черногорией оказалась Болгарии не под силу; теперь к числу прежних противников присоединился новый, еще более опасный, и Болгария лишена какой бы то ни было возможности оказывать дальнейшее сопротивление. Ее судьба, если не вмешаются державы, в руках ее врагов, не склонных к пощаде. Всего несколько месяцев тому назад после головокружительных успехов в войне с Турцией Болгария оказалась наверху славы и могущества, и как глубоко должна она чувствовать теперь свое унижение! В несколько дней у нее отнято все, что подготовлялось многими годами внутренней работы, во имя чего были принесены такие тяжелые жертвы и что казалось уже окончательно достигнутым...

Агрессивная политика Румынии не представляет чего-либо совсем неожиданного. Ее мобилизация была объявлена одновременно с началом острых осложнений между недавними союзниками. Но тогда румынские государственные деятели находили для своей готовности воспользоваться начавшейся смутой объяснение в желании сохранить равновесие на Балканах и не дать Болгарии возможности чрезмерно усилиться. Теперь эта опасность, если только можно вообще говорить о подобной опасности, Румынии не грозит. Разбитая Болгария уже не может получить того, на что она заявляла притязания, ее территориальное расширение, во всяком случае, не может принять угрожающих кому-либо размеров... И все-таки румынские войска вторглись в болгарские пределы. Это дает надлежащую оценку вероломной румынской политике, для которой нет никакого оправдания, никакого снисхождения.

Болгария, конечно, и сама в значительной степени виновата в несчастьях, которые на нее обрушились. Она сама очень быстро отступила от освободительных лозунгов, во имя которых была начата война с Турцией, и вступила на путь территориальных захватов, ничего общего с освобождением единоплеменников не имеющих. Этим она ослабила свою моральную позицию в споре с Сербией, Грецией и Румынией и ради этого уже добровольно пожертвовала коренной болгарской Силистрией. Но теперь пред лицом обрушившихся на Болгарию напастей не хочется вспоминать об ее собственных ошибках. Теперь преобладает естественное чувство жалости к ней — чувство, тем более законное и естественное, что напавшие на нее противники еще менее Болгарии могут говорить о своей моральной правоте. Недавние союзники все неправы, но почему же страдающую роль должна играть одна Болгария?

Да и помимо этого соображения другого порядка должны теперь обратить наши симпатии на сторону Болгарии. Из всех балканских народов болгары наиболее доказали свою государственную зрелость, они больше всех подавали надежду на образование нового сильного очага славянской культуры, от них больше, чем от кого-либо другого, можно было ожидать в будущем влиятельной роли в разрешении славянского вопроса — и вот плоды долголетней культурной работы, плоды упорного государственного строительства пошли прахом. От нового поражения и унижения Болгарии проигрывает все славянство, проигрывает дело культуры и свободы.

135

«Утро России». 29 июня 1913 г. Горе Болгарии

Сербы и греки одержали верх в борьбе с болгарам. Две болгарских армии разбиты наголову. Третья сосредоточена около Софии — последний оплот государства. Сербские войска угрожают Кюстендилю. Румыния ввела свою армию в пределы Болгарии, не встречая со стороны болгар сопротивления, и занимает ее территорию.

Униженная, почти низведенная в прах Болгария просит мира, посредничества дружественных держав. И Россия, по слухам, пришла уже на помощь Болгарии, предъявив в Белграде и Афинах требование о немедленном прекращении военных действий и о посылке представителей балканских государств на совещание в Петербург.

К этому совещанию предполагается, будто бы, привлечь и представителя Румынии, той Румынии, что, воспользовавшись бедственным положением Болгарии, прервала с ней дипломатические сношения и занимает сейчас вооруженной силою ту часть северной Болгарии, на которую предъявлены ее основанные исключительно на праве сильного притязания.

Россия вызывает в Петербург балканских премьеров. Условие этого вызова — предварительное примирение воюющих сторон. Раз в Петербурге решено пригласить и представителя Румынии, условие это обязательно и для нее. А потому одновременно с приостановкой военных действий между Болгарией, Сербией и Грецией Румынии следует отозвать свои войска из пределов Болгарии.

Нельзя доводить Болгарию до отчаяния. Трое на одного — этого не может допустить Россия. Русская дипломатия должна действовать смело и решительно и не затягивать бедственного положения окруженной со всех сторон врагами Болгарии.

В момент отчаяния Болгария обращается к помощи России, к ее посредничеству. И Россия великодушно окажет болгарам помощь. С момента румынского выступления сочувствие русского общества обращено в сторону бедствующей Болгарии. Россия ее не покинет.

136
«Речь». 30 июня 1913 г.
***Fides punica*¹**

Неслыханное вероломство совершается на наших глазах. В то самое время, когда голос России, освободительницы единоверных с нею народов, склонил уже к примирению сербов и болгар и можно было предвидеть скорый конец братоубийственной войне, Румыния входит со своими войсками в пределы соседнего и дружественного ей царства, нарушая элементарнейшие требования международного права. Или нет более в мире ни справедливости, ни представления о нравственно дозволенном и запрещенном? Или в сношениях народов между собою призваны господствовать одно коварство и грубая сила? К чему послужили вековые усилия народов Европы и Америки над созданием общечеловеческой гражданственности и условий мирного сожительства самостоятельных, свободно определяющих свою судьбу наций?

Все русское общественное мнение глубоко возмущено грубейшим нарушением нейтралитета со стороны державы, не принимавшей непосредственного участия в освободительной войне и, тем не менее, уже получившей при посредничестве России значительные выгоды насчет соседа. Достигнутого ей, однако, мало. Она мобилизовала свою армию, вошла в чужие пределы. Подобно Бренну, она готова бросить свой меч на весы. Ее торгашество, как слышно, с обеими сторонами поистине возмущает совесть. Едва ли найдется иная оценка ее поведению. Да и какое оправдание дать ему? Говорят, Румыния не хочет допустить гегемонии Болгарии. Но что же доказывает, что такая гегемония является действительной, а не мнимой? Уж не то ли обстоятельство, что Румыния способна выставить в поле шестисоттысячную армию; уж не успехи ли соединенного черногорского, сербского и греческого оружия?

Жажда территориальных приобретений едва ли оправдает перед лицом истории использование в себялюбивых целях тяжелого положения соседа, сколько бы ее ни прикрывали заботою о сохранении политического равновесия.

¹ «Пуническая верность» (лат.) — ироническое описание карфагенского вероломства, выражение восходит к эпохе Пунических войн между Римом и Карфагеном.

Обстоятельства могут измениться. Нация, недавно овладевшая твердыней Адрианополя, нелегко простит ничем не вызванную обиду; начнет она сводить счета — и снова исчезнут условия мирного сожития для балканских народов.

Кому дорого спокойствие Европы, тот не станет утешать себя мыслью, что Румыния потеряна для Австрии и может усилить собою Тройственное согласие. Недавнее выражение ею пылких симпатий к нам никого не обманет. Причина их слишком себялюбива, чтобы породить в ком-либо доверие к их прочности.

Насколько мы чувствуем себя славянами, не щадившими героических усилий к освобождению наших братьев и единоверцев, мы оскорблены поведением румын, вторгающихся в семейную распрю, уже близкую к мирному исходу. Те, кто со времен еще Петра Великого были предметом нашей постоянной заботливости, являются теперь препятствием к близкому осуществлению нами нашей исторической миссии. Старший брат протянул уже свои мощные руки к поссорившимся между собою членам одной с ним по крови семьи. Его убеждения начинали влиять тем сильнее, что обе стороны одинаково признавали его незаинтересованность и готовность принять на себя тяжелое и ответственное дело. И вдруг выступает на сцену народ, еще недавно испытывавший к собственной выгоде силу нашего посредничества и многим нам обязанный в прошлом; бряцая оружием, он требует себе подачек от одной из договаривающихся сторон. Кто готов уже был идти на мировую, увеличивает свои претензии. Посредничество становится невозможным. Обида растет; ее начинает чувствовать весь русский народ, тем более задетый в своей чести, что неизвестно откуда появляется и быстро растет слух, будто он сам вызвал к жизни ту темную силу, с которой ему предстоит бороться.

Тяжким кошмаром ложится на душу эта смесь безумия, коварства и умышленного убожества. С одной стороны, резня тех, кто еще недавно шел рука об руку против общего врага, с другой — нашествие культурного народа на мирного соседа, по образцу полчищ Батыя и Тамерлана, и, наконец, та же неспособность прозреть будущее, какая пятьсот лет назад сказала в призыве турок спорящими между собою славянами!

Но как бы ни беспредельна была, по выражению Ренана, глупость, и какое бы торжество в прошлом ни было обеспечено силе над правом, все же в сознание культурных народов еще со времен римлян проникло убеждение, что *fides etiam hosti servanda est*¹. Ведь вероломству Карфагена приписывали его гибель!

Если вековой ход истории породил политику с правом и нравственностью, если существует то, что называют общественным мнением цивилизованного мира, если идея славянского культурного единства еще жива, то вторжение румын в пределы Болгарии будет заклеено на веки прозвищем

¹ Даже по отношению к врагам следует соблюдать верность (лат.).

новой *fides punica*. Она рассеивает лучшие надежды людей нашего века на водворение между народами хотя бы обыкновенной честности.

Пора России и заодно с нею всей Европе поднять свой голос против новых нашествий и кровавых безумий! Пора ей напомнить о том, что включение в среду культурных наций налагает своего рода обязанности. Пора вспомнить о том, что в наши дни имеются другие способы решения международных тяжб, помимо меча; пора всем сторонникам человечности и мира высказаться за посредничество, принятое на себя главою сильнейшего из славянских государств.

Да положен будет немедленный конец братоубийственной войне и вторжению чужеземцев и да упрочится на Балканах мир и прежнее благоволение между южными славянами.

Максим Ковалевский

137

«Славянские известия». 30 июня 1913 г.

Брат на брата

Орудия балканских союзников, еще недавно громившие общего врага — турок, теперь нашли себе другую цель, иную добычу: вчерашние друзья обратили их друг против друга, совершая величайшее в мире преступление — братоубийство. Неизбывной скорбью наполнятся сердца тех, кто работал на пользу идеи славянского единения и кто недавно радовался успеху этой идеи.

По правде сказать, при возникновении Балканского союза как-то не верилось ни в прочность, ни в верность Греции. Греки слишком испытанный в области лжи и коварства народ, и слишком слабыми узами связаны они с балканскими славянами, чтобы можно было надеяться на добросовестное отношение их к союзническим обязанностям.

Другое дело балканские славяне — сербы и болгары. Союз между ними не явился неожиданностью для тех, кто постоянно следил за балканскими делами: это результат работы многих поколений, плод усилий целого ряда честных идеалистов, много поработавших в пользу взаимного сближения в обоих государствах, — это, наконец, то, без чего существование на Балканах независимой и сильной Сербии совершенно немыслимо и неосуществимо. Объединившись в феврале 1912 года с болгарами, сербы доставили немало огорчений своей соседке Австрии, терявшей с осуществлением Балканского союза верную надежду на поглощение ничтожной по размерам и слабо защищенной Сербии. И в Австрии были приняты решительные меры к тому, чтобы разрушить этот союз, чтобы разбередить старые сербо-болгарские раны

и возбудить между сербами и болгарами соперничество и вражду. Эта иезуитская политика, как доказывают последние события, имела успех.

Привычному наблюдателю не могло не броситься в глаза, что в Сербии в последнее время стали выдвигаться и громко и уверенно говорить те люди, которые после смерти несчастного Александра Обреновича попрятались по темным углам и, словно пауки, незаметно плели роковые для сербского народа сети; не могло не броситься в глаза появление на сцене бывшего при-спешника Александра Обреновича и его личного друга Павла Маринковича, выступление с авторитетными заявлениями заядлого австрофила Стояна Новаковича и страстного врага болгар Стояна Протича (он же «Balcanicus»), посылка в качестве эmissара в Россию также принципиального сторонника австрийского влияния в Сербии — хитрого и пронырливого Генчица и т.д. С этими пауками, опутавшими Сербию ядовитой паутиной, не удалось справиться ни миролюбивому королю Петру Карагеоргиевичу, ни даже такому опытному политику, как Никола Пашич, кстати сказать, никогда и ни при каких обстоятельствах не изменявшему своего обычного курса широкой славянской политики.

Пауки сделали свое дело, и сербы совершили непоправимую ошибку, дав волю своим мелким страстям и пищу своей безмерной мегаломании. Какие бы тайные болгарские «приказы», «дневники» и «телеграммы» ни публиковали сербы, ни для кого не секрет, что они именно главные и первые виновники совершающейся на Балканах ужасной славянской трагедии. История не простит этого сербам...

Особенно обидно видеть и сознавать ошибку сербов еще и потому, что сербы из всех остальных славян ближе всего по натуре и по психологии к нам, русским, и что сербский народ по существу чрезвычайно симпатичный и славный народ, заслуживающий и поддержки, и сочувствия, и нашей искренней любви. Но близость к Австрии, но многолетняя растлевающая политика Обреновичей дает себя чувствовать: плодом ее является сербская интеллигенция, мелко и неумно политиканствующая, в политической науке всегда напоминающая зарвавшегося азартного игрока, боящаяся Болгарии и России и добровольно идущая в мертвую хватку Австрии.

Старая и затихшая было вражда между сербами и болгарами вновь проявилась с бóльшим, нежели прежде, ожесточением. Свидетели кровавых сцен, происходивших в недавнее время между сербами и болгарами в несчастной Македонии, поверят нам, что в новой балканской войне с такой силой обнаружится злоба и жестокость, как нигде и никогда раньше; сербы будут резать болгар и болгары сербов с бóльшим остервенением, нежели резали они своих исконных врагов — турок.

Часть вины и ответственности за это тягчайшее преступление падает, несомненно, и на Россию, ибо ее дипломаты снова не сумели и не успели предупредить братоубийственную войну и заставить сербов и болгар прийти к обоюдному соглашению. С ужасом будет заполнять страницу, повествующую

о наших печальных днях, будущий историк славянства, а кровь, пролитая враждующими братьями на сербско-болгарских полях, послужит проклятием для противников. Новые тысячи жертв потребуют отмщения, и кровь их падет на главу как сербов, так и болгар.

Они в великом безумии забыли святые слова Христа и воскресили образ Каина...

Кровь ваших жертв, безумцы, на вас и на детях ваших!

В. Кораблев

138

«Русские ведомости». 2 июля 1913 г. Балканский арбитраж

«Балканские малютки» на славу отпраздновали свое совершеннолетие. Игра маленьких государств в великие державы с заботой о политическом их равновесии между собой принесла плоды на удивление всему миру. Старейший из монархов, которым Балканский полуостров обязан бурей братоубийственной войны, положим, сам находит, что ею можно даже утешаться. Он не остановился перед выражением надежды, «что на орошенной братской кровью почве вырастет новое крепкое древо славянской общности». Но разве могут такие речи повысить уважение к актерам возмутительной по своей жестокости и бессмысленности драмы? Волей-неволей приходится признать необходимым энергическое вмешательство России и Европы, чтобы положить конец кровавому балканскому скандалу.

Однако победители в позорной распре толкуют, что никому не следует становиться между ними и той Болгарией, которой они еще недавно так боялись и над которой им так приятно теперь «куражиться», выражаясь подходящим вполне к достоинству балканских политиков вульгарным стилем. Пускай Болгария выпьет до дна горькую чашу унижения, пусть она прямо обращается с просьбой о мире в Белград и в Афины; а те подумают еще, какие ей предписать условия.

Vae victis! Горе побежденным! Войной не шутят. Возможно ли отнять у победителей, жертвовавших кровью, плоды так дорого доставшейся победы? И много есть подобных изречений к услугам героев дня, которыми являются серб Пашич и критянин Венизелос. Но чтобы поставить вещи на соответственные места, Белграду следует напомнить о том, как после Сливницы он не был взят болгарскими войсками, Афинам же — о знаменитой телеграмме из Петербурга в Константинополь, без которой столица Греции в 1897 [году] неизбежно снова познакомилась бы с турецким гарнизоном. Если бы политика невмешательства строго применялась Европой

на Балканском полуострове, то ни одно из воюющих в настоящее время государств совсем бы не увидало даже света или, возникнув, вскоре было бы поглощено кем-либо из могущественных соседей. Да, не Афинам и не Белграду к лицу держать себя, как они держатся под хмелем неожиданного триумфа. А Бухарест? Тот даже не в состоянии сослаться ни на какие победы и ни на какие жертвы.

Какой же принцип должен руководить Европой, если она возьмет на себя труд развязать узел балканских отношений? Ей надо отрешиться от хода и от исхода последней распри, в которой, повторяем, правых нет, а виноваты все, и поставить своей единственной задачей создание условий, обеспечивающих возможность прочного мира на Балканах. Болгария и четыре другие государства, которые сейчас готовы разорвать ее в клочки, выйдут из кризиса, как бы он ни разрешился, исполненными взаимной жесточайшей ненависти, причем несколько не потерпевшая от Болгарии Румыния будет особенно, быть может, злоститься на свою соседку, как то бывает неизменно при несправедливом стяжании. Но гнев, и жажду мести, и страх расплаты — все это время сгладит, если арбитр сумеет разрешить вытребованные им к себе на суд вопросы так, чтобы в сердце ни одного народа не осталось жала из тех, над какими самое время не имеет силы. Таких обид, которым нет срока давности, мы в данном случае укажем две. Не знает давности чувство национальности, раздражаемое иноземным гнетом. Не знает давности чувство стеснения народа препятствиями, мешающими ему добывать свой хлеб насущный. Отсюда — необходимость развязать спор из-за Македонии каким угодно способом, но так, чтобы она не осталась очагом непрекращающегося национального брожения. Отсюда же — необходимость не допускать, чтобы Греция отрезала или серьезно стеснила для болгар выход к удобным гаваням на Эгейском море. Болгарскую победу над Турцией — ибо не надо забывать, что османы выброшены в Азию болгарской силой — Греция, видимо, была бы не прочь использовать после жестокого промаха Софии в том смысле, чтобы протянуть поближе руку к давно пленяющему ее мечты «граду Константина». Для этого ей надобен и особый автономный Адрианопольский вилайет, чтобы держать подальше Болгарию от лежащего на берегу Босфора яблока раздора. Но если у Болгарии будет так или иначе перерезан естественный торговый путь к свободным средиземным берегам, то о реванше будут думать уже не одни лишь шовинисты и милитаристы: как только сознание экономического ущерба с достаточной ясностью проникнет в массы, реванш делается требованием самого народа, и стоит создаться сколько-нибудь удобной международной конъюнктуре, чтобы это чувство прорвалось со стихийной силой, — как со стихийной силою бросил Болгарию на Турцию в сентябре прошлого года вопрос национальный.

Считая, таким образом, необходимым, чтобы Европа не дала сербам, грекам и румынам распорядиться по праву сильного участием болгарского и македонского народа, мы не становимся несколько адвокатами Софии.

На Балканах должно быть создано устойчивое равновесие — не фантастическое политическое равновесие, которым оправдывают войну, не имеющую оправданий, союзники, схватившие Болгарию за горло, — а подлинное равновесие, основанное на возможности здорового мирного развития для каждого отдельного балканского народа. В его основу должны быть положены этнографические, экономические и политические реальности, а не случайности настоящего исторического момента. Стремиться же к прочному умиротворению Балкан Европе повелевает чувство собственного самосохранения. Война балканцев с Турцией, закончившаяся такой безобразной свалкой между ними, имела колоссальные косвенные последствия. Из-за нее Австрия стонала долгие месяцы под гнетом жестокого экономического кризиса и потеряла на содержание войска под ружьем сотни миллионов; из-за нее германское правительство вынуло у своих подданных из кармана сразу целый миллиард на усиление сильнейшей армии на свете; из-за нее каждому французу придется отдавать теперь казарме лишний год их жизни. Благодаря балканцам милитаризм в Европе достиг по напряженности почти что крайнего своего предела. Если же на Балканах останется материал для нового пожара — войны ради реванша — то вместе с этим приблизится момент страшного европейского катаклизма — коллизии уже задыхающихся под тяжестью своего вооружения гигантов «европейского концерта». Такая перспектива уполномочивает Европу безусловно перешагнуть через все тирады Белграда и Афин о, якобы, приобретенных победой правах расчерчивать балканскую карту по собственным своим соображениям.

Asper

139

«Русское слово». 2 июля 1913 г. Румынское вмешательство

Балканский кризис осложнился вооруженным вмешательством Румынии, и войска короля Карла вторглись в пределы Болгарии. Болгарское правительство было заранее предуведомлено бухарестским кабинетом о том, что вторая балканская война не может оставить Румынию равнодушной. Но со своей обычной самонадеянностью г. Данев не обратил никакого внимания на это серьезное предостережение и пытался отделаться от Румынии разными дипломатическими увертками. Видимо, болгарские правящие круги твердо рассчитывали на помощь своих венских покровителей и будапештских подстрекателей. Но в решительную минуту двуединая монархия коварно повернула фронт в сторону Румынии, и Болгария осталась одинокой. Быть может, софийский кабинет втайне надеялся, начиная

войну, что болгарской армии удастся быстрым натиском справиться с Сербией и Грецией раньше, чем закончится румынская мобилизация. Как бы то ни было, г. Данев не может отговариваться неожиданным выступлением Румынии, и ответственность за настоящее плачевное положение Болгарии всецело падает на самого царя Фердинанда и его министров. После того, как румынская нота о сохранении мира была оставлена софийским кабинетом без ответа, бухарестское правительство вынуждено было от слов перейти к делу. Лживые победные бюллетени, распространяемые с усердием не по разуму из Софии, дали последний толчок к выступлению Румынии, которая не могла ждать, пока болгарская армия из Македонии переправится к берегам Дуная.

Переход румынских войск чрез болгарскую границу уже повлек за собой полную перемену в настроении софийских правящих кругов. Болгария обратилась к России с просьбой о посредничестве, выражая готовность заключить мир. Однако неизвестно еще, до каких пределов идет уступчивость г. Данева. Сербия и Греция проявляют вполне естественное желание, прежде чем сложить оружие, определить главные основы будущего мирного договора. После вероломного образа действий болгарских военных властей союзники не могут по-прежнему доверять Болгарии и добиваются достаточных гарантий того, что перемирие не будет использовано болгарским генеральным штабом им во вред, с затаенной мыслью о новом возобновлении войны под каким-нибудь мелочным предлогом. Таким образом, и для Румынии опасность нарушения политического равновесия на Балканах отнюдь не миновала окончательно. Занятием болгарской территории румынское правительство преследует цель помешать такому обороту дел, при котором Болгария дипломатическим путем получит то, чего ей не удалось взять силой оружия.

Помимо желания упрочить политическое равновесие на Балканах путем более равномерного раздела уступаемой Турцией территории, Румыния предъявляет еще к Болгарии требование об уступке территории к северу от линии Туртукай — Балчик. Требование это крайне тяжело для Болгарии, так как речь идет не о вновь завоеванных территориях, а о земле, 35 лет входящей в состав царства и населенной по преимуществу болгарами. Но следует иметь в виду, что болгарское правительство, начиная войну со своими бывшими союзниками, было хорошо осведомлено о перспективах захвата Румынией болгарской Добруджи: на Петербургской конференции Румыния вынуждена была отказаться от своих требований лишь под давлением России. Трудно оспаривать то положение, что румынские интересы требуют установления новой, более обеспеченной границы с Болгарией. Раз увеличенная Болгария носится с планами гегемонии на Балканах, Румыния должна принять надлежащие меры для обеспечения себе доступа к морю. В настоящее время, когда Констанца, единственный черноморский порт Румынии, отстоит от болгарской границы всего на 20 верст, болгары

легко могут внезапным нападением захватить в свои руки железную дорогу, взорвать мост через Дунай и отрезать Румынию от Черного моря. Когда румынская граница отодвинется до линии Туртукай — Добрич — Балчик, на 20 верст к югу, внезапный захват болгарам железной дороги Дунай — Констанца станет невозможным. Получив в свое обладание плоскогорье болгарской Добруджи, Румыния может создать цепь укреплений от Дуная до моря, тогда как теперь инженерная оборона равнин и болот румынской Добруджи почти немыслима. Румыния борется сейчас не только за более или менее академическую проблему балканского равновесия, но и за свои жизненные интересы. Если настоящий удобный случай был бы пропущен бухарестским правительством, то Румынии пришлось бы покорно тащиться в хвосте воинствующей Болгарии. Вот откуда тот энтузиазм, с которым мирные румынские крестьяне встретили весть о мобилизации своей армии. Экономическое благосостояние Румынии всецело зависит от обладания свободным доступом к Черному морю.

Россия никоим образом не может и не должна становиться Румынии поперек дороги. Как ни близки и дороги нужды болгарской нации, освобожденной и призванной к политическому бытию победами русского оружия, мы не можем забыть того, что и Румыния создана и освобождена от турецкого ига также ценою полуторавековой борьбы русской армии с Турцией. Если Румыния теперь станет прочной ногой за Дунаем, этим будут отчасти заглажены ошибки русской дипломатии на Берлинском конгрессе. Болгария сама довела дело до вооруженного вмешательства Румынии, и Румыния, истратившая на мобилизацию десятки миллионов рублей, не может отказаться от требования компенсаций. Само собою разумеется, при настоящем запутанном политическом положении румынское правительство должно соблюдать величайшую осторожность. Операции румынской армии, понятно, не должны выходить за пределы необходимости. Румынская конница уже заняла почти всю пограничную полосу Болгарии от Дуная до Балчика, и таким образом Румыния уже осуществила явочным порядком свои территориальные притязания. Дальнейшее движение румынских войск в пределы Болгарии представляется бесцельным и, по меньшей мере, преждевременным. Болгарские войска, согласно полученному из Софии приказанию, отступают пред румынскими передовыми отрядами без боя, а гражданские власти должны встречать румын, как гостей. Стратегические соображения со стороны румынского генерального штаба при таком образе действий болгарских войск отпадают, так как перед армией короля Карла нет врагов. Политические цели румынского выступления ныне также достигнуты: болгарское правительство наглядно убедилось, что с ним не шутят. Поэтому новые жертвы со стороны Румынии становятся бесполезными.

**«Речь». 3 июля 1913 г.
Положение на Балканах**

Сегодняшние телеграммы не сообщают ни о новых военных действиях, ни о крупных передвижениях армий. На театре войны затишье. Но на фоне этого затишья тем ярче выделяется острота политического момента. В необычайном напряжении находятся не только политики воюющих сторон, но и вся дипломатия великих держав. Если Европа хотела убедиться на новом примере, какими опасными явлениями сопровождается разрешение ближневосточного вопроса, то этот пример налицо.

Телеграммы сообщают о двух возможностях, открывающих различные перспективы для ликвидации кровавого конфликта. Согласно одним сведениям, Болгария вступает или вступит в непосредственные переговоры с Грецией и Сербией. Сегодняшнее свидание Пашича с Венизелосом в Белграде должно, очевидно, наметить направление для этих переговоров. На непосредственных переговорах Сербия и Греция настаивают потому, что посредничество третьей стороны неизбежно ведет к смягчению требований, которые победители могут предъявить побежденному.

Крайние требования выставляются союзниками — как сербами, так и греками. Но сербский официоз все же говорит о том, что нельзя требовать сохранения всего того, что завоевано силой оружия, и что Сербия не нарушит признанного ею принципа балканского равновесия. Если расшифровать заявление «Самоуправы», то мы найдем в них некоторые, правда, слабые намеки на уступчивость, которую Сербия склонна проявить в отношении к побежденной Болгарии. Быть может, в них заключаются и затаенные опасения, что с того момента, как Болгария окажется слишком ошипанной с юга греками и с севера румынами, балканское равновесие нарушится именно во вред Сербии. Слишком слабая Болгария перестанет давить на центры балканской политики, и Сербия, все же лишенная *собственного* выхода в Эгейское море, окажется в невыгодном положении сравнительно с греками. Вот почему она, говоря о новых границах, упоминает и о балканском равновесии.

Но с тактикой Сербии, если предположить, что она склонна к уступчивости, не согласуется тактика Греции. Последняя подхватывает знамя «величия», выпавшее из рук Болгарии. Она требует Эгейского побережья. По некоторым сведениям, она ждет от Болгарии уплаты контрибуции. О балканском равновесии, которое требует внимания к интересам и достоинству пострадавшей страны, Греция не говорит ни слова. Политику захвата она расширяет до крайних пределов. Вступить в непосредственные переговоры с неприятелем для Болгарии значило бы очутиться при таких условиях перед резко сформулированными притязаниями, на которые она не в силах была дать ответ. И далеко не представляется очевидным, что Сербия могла бы во имя принципа равновесия воздействовать на Грецию в смысле умаления ее требований, так как

Греция может найти поддержку в Турции и особенно в Румынии, политика которой рисуется явно агрессивной по отношению к Болгарии.

Но возможности непосредственных переговоров, которая отдала бы Болгарию на полное усмотрение победителей и свидетельствовала бы о новом поражении нашей дипломатии, противостоит другая возможность, о которой говорят полученные телеграммы. Эта возможность заключается в европейском посредничестве, осуществляемом путем конференции великих держав. И в этом случае совершившиеся факты в значительной мере останутся «неприкосновенными». Греция и Сербия выйдут с солидными приращениями. Но тот «остаток», который имеется сейчас, для которого еще действительны соображения справедливости, права, признания прежних заслуг — этот остаток может остаться по приговору Европы в руках Болгарии. Не будет великой Болгарии, но должна же остаться средняя, не окончательно обрезанная со всех сторон Болгария, которая выдержала весь натиск турецких армий в первую балканскую войну.

Положение на Балканах сейчас напряженно именно своей кажущейся неопределенностью. Какая из двух указанных возможностей реализуется в ближайшие дни? От ответа на этот вопрос зависит дальнейшее развитие событий и их окончательная развязка. И, быть может, симптоматической является в этом отношении произнесенная вчера речь Грея в палате общин. Война «возмутительная и ужасная» не может долго продолжаться, она не должна нарушить контакта европейских держав, и потому могущие «возникнуть затруднения» будут преодолены. Вот предсказание Грея, который заслужил славу удачного пророка. Если затруднения «будут преодолены», то тяжкий кризис может закончиться так, что Болгария выйдет из борьбы с потерями, которые не отнимут у нее последних сил — и лишь тогда тезис о балканском равновесии получит сколько-нибудь реальный смысл.

141

«Утро России». 3 июля 1913 г.

Дело царя Фердинанда

Несчастье, обрушившееся на Болгарию, разгром ее военной мощи и падение ее международного авторитета — дело рук царя Фердинанда и его пресловутой политики престижа. Болгарский народ здесь ни при чем.

Народ вправе сказать своему главе: «Я дал тебе власть, дал возможность медленно и верно вести молодое государство к культурному расцвету и политическому совершенствованию, а ты привел Болгарию к раздору с другими балканскими государствами, к военной, быть может, даже и к государственной катастрофе!»

Ровно 26 лет тому назад прибыл кобургский принц Фердинанд в Болгарию. Бывший австро-венгерский ротмистр привез с собою в Софию воспринятое им из Австрии влечение к тонкой дипломатической игре и стремление к крупным политическим ставкам. Азарт империализма властно кружил еще в те далекие от нас времена восприимчивый ум юного ученика Бисмарка и Андраши. Но перенесенная на малокультурную почву только что формируемой Болгарии «политика интересов» великих учителей превратилась в руках нетерпеливого ученика в чисто внешнюю, легковесную «политику престижа».

Эта политика авантюры заставила нынешнего царя Фердинанда вечно извращиваться между двумя крайними полюсами болгарского государственного глобуса — Петербургом и Веной. Петербургом потому, что туда увлекала его необходимость считаться с народными симпатиями, Веной потому, что к ней властно склоняли его личные симпатии, родовые традиции, голос его неславянской крови.

Неослабная связь болгарского государя с враждебной славянству Веной сыграла роковую роль в жизни и деятельности царя Фердинанда. Вместо политики интересов, реальных интересов Болгарии, раздвоенная между Россией и Австрией воля его увлекала его к осуществлению политики престижа, имевшей в виду достижение лишь чисто внешних показных целей, удовлетворение личного ненасытного честолюбия.

В прошлом году исполнилось первое двадцатипятилетие со дня избрания кобургского принца на престол болгарского княжества. Говорят, современная Болгария — дело его рук. Он создал нынешнюю военную мощь Болгарии, и он же по справедливости должен будет сказать, что своею роковою политикой сам и разрушил создание своих рук.

Человек, просидевший в продолжение четверти века между двумя стульями, не устававший заверять официальную Россию в чувствах своей неизменной преданности и признательности и на первом же официальном приеме в Шенбрунне лобызавший руку своего «благодетеля» Франца Иосифа — такой человек, очевидно, не был способен довести вверенную ему судьбою страну до ясно и твердо намеченной общепризнанной национальной цели. И немудрено, что царю Фердинанду придется пасть жертвой своей собственной непоследовательной политики в том случае, если безжалостной судьбе угодно будет потребовать искупительной жертвы.

На одной из нынешних почтовых марок царь Фердинанд изображен в мундире адмирала болгарского флота. Сегодня этот самый болгарский флот, спасаясь от греков и румын, укрылся в южной бухте Севастополя. Суда разоружены, команда высажена на берег. По злой иронии судьбы, выпавшей на долю царя Фердинанда, его укрывшиеся в русском порте моряки будут получать с родины письма, на которых будет красоваться и эта самая почтовая марка царя-генералиссимуса трех армий, из которых две разбиты, а третья вынуждена безучастно взирать на вражеское вторжение соседа

в северные пределы страны, царя-адмирала, весь флот которого разоружен в нейтральной гавани.

Царь Фердинанд завел крупную игру, несоответственно крупную для маленькой Болгарии. В союзе с тремя балканскими государствами ему удалось справиться с деморализованной внутренней разрухой Турцией. Совладать с двумя недавними боевыми союзниками ему не удалось.

Никогда за все 35 лет существования современной Болгарии она не нуждалась так сильно в государе, способном слиться душою с народом, способном придать государственному кораблю единственно правильный и верный курс, как именно теперь. Болгарии нужен сейчас глава, который, познав и оценив ошибки прошлого, сумел бы твердою рукою повести свой народ по пути общеславянских интересов.

Известно, какой именно из европейских держав улыбалась перспектива разгрома Сербии. В этом смысле на Австро-Венгрию открыто указывает даже германская печать. В данном случае эгоистические советы Вены упали на восприимчивую почву. Австрофильствующие круги Болгарии во главе с царем Фердинандом легко дали себя увлечь. Обостряя конфликт с сербами, они, быть может, сами не отдавая себе отчета в этом, творили чисто австрийское дело.

Болгарский народ отрезвлен от искусственно навешанного на него воинственного угара, он понял, в чьих интересах предпринята была эта безумная борьба славян между собою. В чьих интересах было внести раздор в славянскую семью, перессорить Болгарию с Россией.

Но интрига эта не удалась вполне. Россия не изменит своих чувств к народной Болгарии, своему в болезни вынесенному детищу. Россия сознает, что деятели официальной Болгарии, увлекшие страну на путь, приятный единственно врагам славянства, ничего общего с болгарской народной душою не имеют. Россия знает, что люди, навлекшие на Болгарию все нынешние беды и напасти, будут бесследно смыты волною забвения, и что Болгария завтрашнего, быть может, дня искренно и прямодушно вернется равноправным членом в лоно великой славянской семьи.

142
«Земщина». 4 июля 1913 г.
Разъяснение спора

Помещаемая карта Балканского полуострова, заимствованная из брошюры скончавшегося на днях Табурно, выясняет предполагавшийся *раздел* отвоєванных союзниками турецких владений¹.

¹ Карта воспроизведена в данной книге. См. вклейку с иллюстрациями.

Правда, автор этой карты был серб, но едва ли он может быть заподозрен в искажении договорного раздела, ибо, если бы Табурно что-либо искажил, то болгарское посольство в Петербурге имело бы полную возможность указать искажение. И так как эта карта *не опорочена*, то на основании ее можно сделать тот вывод, что Болгария проявила необыкновенную жадность, которая и вызвала братскую резню.

В самом деле, Сербия и Черногория приобретали только Новобазарский санджак, который поделен между ними. Все же их завоевания вдоль берега Адриатического моря (№№ 1 и 2) у них отобраны, по настоянию Австрии и частью Италии. Греция приобретала земли с несомненно греческим населением. Болгарии же прирезалась вся Македония, за исключением небольшого *спорного участка* (к западу от Вардара, № 3) и значительная часть Фракии (№ 4).

Заметим при этом: ни Сербия, ни Греция, ни Черногория ничего не приобрели, что не было предусмотрено союзным договором, тогда как густо заштрихованная на карте часть Фракии, присоединенная к Болгарии, составляет *крупный излишек*.

Но этого мало. Для того, чтобы Болгарии достался Адрианополь с частью Фракии, Сербии пришлось прервать лондонские мирные переговоры с Турцией и *возобновить войну, совершенно для нее бесцельную*. И не только возобновить, но значительно усилить своими войсками и своей осадной артиллерией осадный корпус болгар под Адрианополем...

Вторичная война из-за настояний Болгарии, желавшей захватить Адрианополь и большую часть Фракии, союзным договором *не предусматривалась*. Поэтому за принесенные Сербией братские жертвы *сверх договора* Болгария смело должна была уступить ей хотя бы спорную часть у р[еки] Вардара. Но она не пожелала этого сделать и настаивала *на букве договора*, воспользовавшись, однако, *сверхдоговорными услугами Сербии*...

Бог сурово и покарал Болгарию. Теперь ей придется уступить не только спорную землю, но и часть Македонии. Да и Румынию необходимо будет вознаградить за бескровное «содействие» Сербии...

Но что еще более тяжко — Болгария сразу утратила свое обаяние на всем Балканском полуострове, выступив в роли авантюристки и проявив свою отчужденность...

Да послужит пример Болгарии всем балканским государствам уроком — не зазнаваться, не зарываться, не надеяться на вечное счастье и не проявлять излишней жадности...

Жадность нередко губила не только дюжинных людей, какими оказались болгарские управители, но и величайших полководцев. Жадность погубила Карла XII, она же погубила и Наполеона I...

Не мешало бы помнить это и Греции, предъявляющей, бесспорно, чрезмерные требования, если верить телеграфным известиям...

Или, быть может, Греция, как торговая страна, привыкла продавать... с запросом...

С. Глинка

143

**«Новое время». 4 июля 1913 г.
Довольно драки!**

Когда на Лондонской конференции представители балканских народностей, напыщенные победами, обнаружили крайнюю несговорчивость, сэра Грей в прозрачных выражениях указал им дверь: не можете, мол, столковаться, так неужто ли убираться из Лондона. На днях тот же руководитель английской политики в своей парламентской речи откровенно намекнул, что в случае продления теперешней «возмутительной и ужасной» войны, балканские народы дождутся физических репрессий со стороны Европы. Вот до какого обращения с собою дожили разбушевавшиеся народцы, вчера еще бывшие под турецкою пятою.

В юго-славянской печати стоит оскорбительный против России визг и вопль за ее будто бы повелительный тон в отношении «независимых» балканских братьев: они, видите ли, такие же суверенные национальности, как и сама Россия, они не привыкли, чтобы с ними непочтительно обращались, они не потерпят непрошенных внушений и вмешательств и т. п. Все это пустые фразы, господа балканцы. России, конечно, нет оснований затрагивать ваше самолюбие, обостренное, как у всех маленьких народцев, до сумасшедшей болезненности. Но России нет также оснований, если нужда потребует, и слишком церемониться с вашими самолюбиями. Не от одной России — и от доброжелательной к вам Англии (не говоря о враждебных немецких империях) вы дождались не совсем вежливого обращения, и если преступная резня ваша протянется, — вы окружите себя не только нравственным негодованием народов, но может быть, и материальными воздействиями некоторых из них. Россия, конечно, не тронется умирять вас, или с ее стороны это было бы слишком фатальной ошибкой. Но над вами давно уже занесен кулак Австро-Венгрии, — и кто знает, не опущен ли уже этот кулак в виде загадочной румынской диверсии. Что-то странное в том, что целые десятилетия считавшаяся в системе Тройственного союза Румыния вдруг решилась выступить будто бы наперекор австрийской политике. В дипломатической тактике и стратегии практикуются всякие приемы, и язык дипломатам дан не для того, чтобы раскрывать свои мысли, а чтобы скрывать их. Возможно, что румынское общественное мнение обмануто, что правительство короля Карла имеет тайный мандат Австрии и благословение из Берлина. Если так,

то воздействие враждебной вам Европы *уже началось*. Продолжиться оно может вторжением Австрии в Ново-Базарский округ, а окончиться может разделом Балканского полуострова между Румынией и Австрией. Напрасно думают болгары и сербы, что Россия этого ни в каком случае не допустит: Россия не Бог, ее могущество имеет пределы. Допустите, что Россия связана войной с Германией и Японией. Сил для борьбы одновременно с Австрией, Румынией и Турцией у нее не хватит, и тогда истощившие собственные силы в идиотской борьбе славянские близнецы сделаются самой легкой добычей своих соседей.

Если бы Бог не наказал балканских славян и не отнял у них разума, они увидели бы, что кроме великих врагов — австрийцев и турок — у них есть и малые враги: Румыния, Греция, Албания, которых натиск на славянство требует союзного отпора. Элементарный смысл требовал не раздора между сербами и болгарами, а теснейшего сплочения. Но бездарная политика обесценивает оба народа и приносит их в жертву их врагам. К кому бы ни тяготели македонцы, во всяком случае при болгаро-сербском союзе *их территория осталась бы за славянством*, теперь же часть Македонии несомненно отойдет к Греции, а часть северной Болгарии — к Румынии, т. е. опять некоторое количество славян попадет под иноземное иго. Этакая проклятая черта нашего племени: никак оно не может высвободиться из-под власти чужаков! Уже высвободившись, сами друг друга тянут под чужестранное ярмо. Да еще дай Бог, чтобы потери славянства ограничились частью Македонии и Болгарии. Если славянская распря затянется, придется и Сербии что-нибудь уступить Австрии, да и Турция может что-нибудь урвать от Болгарии. Вместо dokonченного освобождения славян сложится новый их раздел. Со стороны это видно чрезвычайно ясно; если сами болгары и сербы, ослепленные глупой ненавистью, не видят этого, тем хуже для них. «Братоубийственная» война их самоубийственна, и окружающие их соседи не сделают даже большого преступления, если поделят между собою жалкое наследие самоубийц.

Мне доставлены брошюры¹ одного болгарского митрополита, дышащие ненавистью против России. Почтенный монах, получивший свое воспитание, если не ошибаюсь, в России, с чисто стамбуловским азартом утверждает, что слепое русофильство ведет Болгарию к гибели. «За България един изход спасителен има: да се присъедини към тройния съюз». Россия, видите ли, готова удовлетворять болгарскими землями и Румынию, и Грецию, и Сербию, и в конце концов сама Россия подрывает основы той Великой Болгарии, что установлена императором Александром II в Сан-Стефанском договоре. В Великую Болгарию и должна входить вся Македония. По смыслу статьи выходит так, что Россия обязана теперь осуществить то, что не удалось

¹ «Виновниците за днешните дипломатически неуспехи на България» и «Македония в своите жители само срби нема» от старозагорския митрополит Методия (прим. авт. статьи).

в 1878 году, а если нет, то Болгария и знать не хочет своей «освободительки» и отдается в объятия Австрии.

Вообще говоря, многим русским порядочно-таки надоел этот глупый тон освобожденных братьев: подавай то-то и то-то, иначе мы запишемся в лагерь твоих врагов. Да записывайтесь, Христос с вами, хочется сказать им — не так уж это страшно. Пять-шесть миллионов человек, прибавленных к австро-венгерскому славянству, не могут повлиять на судьбу России. До сих пор, за тысячу лет истории, австрийские славяне, как и иные, не принесли России существенной пользы, — даст Бог, они не принесут ей и особенного вреда. Не страшен, но противен тон, когда бедные родственники кланчат у вас о помощи, кричат о своей вечной благодарности, а потом вдруг начинают ругаться и угрожать изменой. Митрополит Методий мог бы спросить себя, имела ли когда-нибудь Россия фактическую возможность распоряжаться территорией Болгарии по своему усмотрению. Россия издавна связана советом держав, и в этом совете ей, скрепя сердце, приходилось соглашаться на многие урезки Болгарии, дабы сохранить основное ядро ее. Воевать с европейской коалицией из-за сан-стефанской Великой Болгарии нам не приходилось, не рискуя погубить Малую Болгарию. Потрудившись для болгарской независимости гораздо больше, чем сама Болгария, Россия имела право подавать ей свои благожелательные советы. Исполняя их, Болгария, вероятно, не была бы доведена до теперешних несчастий. Вмешательство России в балканскую передрагу не даст ей решительно никаких выгод, — напротив, оно сопряжено с величайшими неприятностями. И, тем не менее, вмешательство это совершенно неизбежно. Не одна Россия — все великие державы устремляют крайние усилия к тому, чтобы остановить пожар, легкомысленно зажженный правительствами маленьких стран. Если война задунайских липипутов в течение двух недель накрошила и изувечила до 140 тысяч человек убитыми и ранеными, то трудно даже представить себе размеры бойни при столкновении великодержавных народов. Одна Германия обещает выставить пять миллионов штыков, стало быть, одна Германия через две недели войны рискует потерять до миллиона убитыми и ранеными, да постольку же Россия, Франция и Австро-Венгрия. Спрашивается, может ли не тревожить Европу столь грандиозная катастрофа? И не вправе ли Европа принять в отношении зачинщиков ее и подстрекателей тон суровый, граничащий с физическими воздействиями? Задунайские православные царства едва родились на свет и мало еще потрудились, — вот почему они готовы рисковать и своим существованием, и соседскими. Старая же Европа состоит из многовековых и культурных наций, которым есть что поберечь. За две недели отчаянной резни балканские народы обесславили себя поразительными жестокостями в стиле турецких башибузуков: женщины и дети подвергались насилию, мирные жители — грабежу, а некоторые города совсем разрушены, и обитатели их истреблены. Это убедительно доказывает, что война всегда есть война, и что в XX веке она так же бесчеловечна, какой была в X веке.

Если страшно читать о разграбленных и пылающих городах полудиких балканских захолустьев, то какую картину обещает нам всесветное побоище, если оно вспыхнет между шестью великими державами сразу? А что оно может вспыхнуть, в этом, к глубокому сожалению, сомневаться не приходится. Именно теперь идут наиболее напряженные приготовления к войне, какие помнит история. Английские военные писатели и государственные люди вполне определенно указывают срок надвигающейся войны: осень 1915 — весна 1916 года, но Германия из всех сил спешит, чтобы быть готовой к половине сентября текущего года. Не с легким сердцем великие народы готовятся к страшному состязанию — и вполне понятно желание их отдалить роковое столкновение. Оберегая неисчислимые блага мирной культуры, приходится даже самым могущественным народам иногда идти на уступки, и на весьма чувствительные для самолюбия жертвы. Чего же, как не сурового отпора заслуживает безоглядная политика маленьких держав, дерущихся из-за спин своих покровительниц? Напрасно болгары, сербы, греки, румыны воображают, что планы их так глубоки, что никто их не разгадывает. Напротив, эти планы очень ясны. Они спекулируют на заступничестве того или другого европейского лагеря, на вражде великодержавных наций, на общем страхе войны и воображаемой безнаказанности грабежа. Но именно потому, что все эти спекуляции небезосновательны, для серьезной политики они кажутся преступными. Европа прекрасно знает, что поджог еще не есть пожар, но она осведомлена также, что эти явления сродни друг другу, и потому с поджигателями обращается непочтительно.

Суть балканской трагикомедии в том, что маленьким народам страстно хочется быть большими: Болгария хочет быть непременно Великой Болгарией в черте Сан-Стефанского договора, Сербия хочет быть Великой Сербией, Греция — Великой Грецией и т. д. При ограниченности Балканского полуострова, это величие едва ли возможно даже в одном-то экземпляре. Все балканцы, включая Румынию, при величайшем теперешнем напряжении, способны выставить полтора миллиона штыков и сабель. Даже если довериться этой (крайне сомнительной) цифре, вся она вдвое и втрое меньше великодержавных армий, мобилизованных в военное время. Полтора миллиона солдат — внушительная сила, *но при условии лишь тесного единения и союза*. Чуть вражда — и единственный экземпляр политического величия за Дунаем рвется на несколько клочков. Претензия на величие тотчас рассыпается в прах, как это мы и видим сейчас на Балканах. Разгромив Турцию, союзники что-то значили в глазах Европы, и с ними начали было считаться. Перессорившись и передравшись, те же народцы обратились в толпу незначительных наций, ни вражда, ни дружба которых не имеют большой цены.

По последним телеграммам Болгария согласилась вступить в непосредственные переговоры с греко-сербской коалицией. Остается поздравить воюющие стороны с мудрым решением потолковать о мире и остается также пожелать им побольше скромности и справедливости. Положение Болгарии

тяжелое, она побеждена, но еще далеко не покорена; греки и сербы торжествуют, но положение их тоже довольно нелегкое. Как часто бывает после ряда ожесточенных боев и как было в русско-японскую войну, в действительности ни одну сторону нельзя считать безусловно разбитой и вернее обе следует считать дошедшими до изнеможения. А при таком условии ни победителю не приходится быть слишком требовательным, ни побежденному — слишком уступчивым. Совершенно бесполезно подавать какие бы то ни было, хотя бы самые прекрасные советы: они были высказаны дипломатией и печатью множество раз, но из всех решений возобладало самое бессовестное — кровавая драка. Всего вероятнее, что и теперь мы еще не скоро дождемся успокоения страстей и искреннего благоразумия. Несомненно, оба воюющие лагеря воспользуются переговорами прежде всего для некоторого отдыха и освежения своих сил. Если верно известие, будто главной причиной разгрома болгарских войск была их разбросанность и малочисленность, то может быть, болгары исправят эту ошибку и стянут армию в один кулак. Явится соблазн пустить кулак в дело, и война вспыхнет снова, причем исход будет зависеть от новых элементов стойкости и одушевления. Возможно, что болгарское правительство, угрожаемое несколькими нашествиями извне и революцией изнутри, согласится даже на тяжелые условия, и тогда замирение будет достигнуто сомнительное, чреватое новыми восстаниями (македонцев) и войнами. Ходят уже толки о возможности нового балканского союза с Румынией во главе, союза, направленного, очевидно, против Австрии. Но, не обещая ничего Болгарии и Греции, такой союз мало вероятен, и явился бы скорее опасным для последних стран.

Возможно образование, наконец, двух враждебных друг другу балканских союзов: сербско-румынского и болгаро-греческого, покровительствуемого Австрией. Все это не представляет важности, сколько-нибудь ощутительной, в сравнении с опасностями большой политики, именно — великодержавной.

Будет ли в ближайшем будущем война между тройственными коалициями или нет? — вот вопрос, начинающий серьезно угнетать всю Европу. И государственная, и частная деятельность парализованы весьма естественными страхами: стоит ли затевать долговременные, дорогостоящие реформы, если мы накануне катастрофической войны, могущей осложниться, Бог ведает, какими последствиями? Можно ли входить в производительные долги для железнодорожных, портовых, элеваторных, оросительных и других культурных сооружений, если ураган войны сметет все эти, хотя бы самые благотворительные планы? Даже частные предприниматели, собирающиеся в акционерные общества, связаны страхом за будущее. В. Н. Коковцов придает справедливое значение организации капитала в нашей малокультурной и плохо финансируемой стране. Но могут ли туземные и особенно иностранные капиталы организовывать труд народный иначе как на хищнических основах, если ближайшая судьба угрожаемой страны является темною? Вот почему всякие неурядицы, в роде балканских, вызывают к себе отвращение и негодование

со стороны культурной части европейского общества. Если кроме трагических причин всеобщий мир компрометируется еще и трагикомическими, то становится слишком уже трудно жить. Правительства великих народов кроме тяжких усилий поддержать техническое и нравственное могущество своих армий вынуждены вести непрерывный дипломатический процесс друг с другом, род примирительного разбирательства, поглощающего много сил и искусства. Если все эти сложные усилия и расходы к поддержанию мира расстраиваются больше полицейскими, нежели политическими беспорядками среди маленьких и малоответственных членов европейской семьи, то и воздействия на них принимают невольно характер полицейских мер. Европа сочувственно смотрела на освободительную войну балканских народов, но драка из-за добычи, особенно столь варварская и истребительная, может вызвать лишь общий окрик: довольно скандала! довольно злодейств!

М. Меньшиков

144

«Московские ведомости». 5 июля 1913 г.

Позор и горе

«Любяй брата своего во свете пребывает, и соблазна в нем несть, а ненавидяй брата своего во тме есть, и во тме ходит, и не весть, камо идет, яко тма ослепи очи ему»

(1 Иоан. II: 10–11)¹.

Война не объявлена, но братоубийственные схватки начались; кровь льется, а вчерашние союзники и друзья уже питают друг к другу вражду и ненависть!.. Какое ужасное ослепление! Какое торжество для врага человеческого! Какая радость для всех врагов православия и славянства!

Если всякая война, независимо от ее целей и результатов, является и для отдельных семей, и для всего государства тяжелым испытанием, то что же сказать про такую войну, которая после совместной победы над исконным врагом веры и родины разгорается из-за раздела отвоеванных областей в позорной надежде воспользоваться правом сильного при пагубном опасении довериться заведомо беспристрастному посредничеству? Насколько светла была идея общими силами сбросить с себя и со своих братьев-соседей тяжкое иго давних угнетателей-иноверцев, настолько темна эта несчастная

¹ 1-е Соборное послание апостола Иоанна.

мысль решить междубратские разногласия тем же оружием, которое только что освящено было честным боем за веру и родину. Разве может быть хоть какое-нибудь идейное оправдание для этой кровавой борьбы единокровных и единоверных братьев? Не позор ли это для вчерашних славных победителей? Не горе ли это для всего славянского мира?

Но если люди, опьяненные успехом своих завоеваний, ослепленные блеском своих побед, потеряли способность подняться до идейной оценки своих действий, то неужели же эти действия лишены даже всякой и практической оценки? Неужели не понимают несчастные, что в этой братоубийственной войне победителей не будет и быть не может, потому что частный и временный успех неизбежно явится в то же время трудно поправимым ущербом для общего дела, а конечную выгоду получают от этой распри только общие враги православия и славянства... При этом может случиться еще и то, что опять поднимет голову вчера только побежденный общий враг, и эти «спорные» области вернутся под старое иго с его жестокой и беспощадной мстительностью... Кровь стынет в жилах от представления возможных ужасов!

Однако, что же можем сделать мы, при всей ясности сознания этого позора, этого горя славянства? Вразумляющий благожелательный голос свое временно раздался уже с высоты русского престола, и он произвел впечатление на весь читающий и мыслящий мир, но глухи остались к нему именно те лишь сердца и умы, к которым он был обращен... Сознать ли нам теперь наше бессилие и оставаться лишь немymi свидетелями дальнейших событий?

Нет! С этим мириться не позволяют и не к тому нас призывают наши чувства — братские и по крови, и по вере! Близко касаются и нас этот позор, и это горе и безучастными оставаться нам в этом деле — грех! Это испытание, ниспосылаемое нашим братьям, чувствительно и для нас, и мы не должны забывать, что у нас всегда есть могучее средство помощи, это — молитва! Если общее наше молитвенное участие было уместно и желательно в том случае, когда это печальное разногласие поступило бы на примирительное рассмотрение венценосного посредника, то тем более уместно и даже обязательно оно теперь, когда разногласие это разрослось до позорного братоубийственного кровопролития! Все, кому сколько-нибудь дороги интересы православного славянства, должны горячо и неотступно молиться о вразумлении заблудших братьев, о прекращении их междоусобной брани, о мире всего мира... Необходимы не только частные, но и общественные моления об избавлении от этого испытания, болезненно чувствительного для всей славянской семьи, — об отвращении этого бедствия, сказывающегося во всех уголках славянского мира.

Пусть знают ослепленные виновники этого горестного столкновения, пусть знают все братья наши, поднимающие братоубийственное оружие, что не победы желает им на сей раз единоверная и единокровная Россия, а что молит она Бога лишь о скорейшем прекращении этой усобицы, — явного плода наветов вражьих...

Пусть это испытание заставит славян подумать о том, соблюли ли они веру отцов своих, верны ли они заветам предков, не меркнет ли свет их исконных церковно-общественных идеалов, идеалов соборности и свободы.

«Не по беззаконию нашим сотворил есть нам, ниже по грехом нашим воздал есть нам» (Пс. 102: 10).

Однако, как ни велики воистину эти грехи и беззакония, будем помнить, что у той любви, которая сама прошла чрез испытание Голгофы, нет границ ни долготерпению, ни милости!..

«Не до конца прогневаешься, ниже во век враждует». Пусть объединится единоверный славянский мир в горячей молитве, да минует его чаша гнева Господнего, да направит Всеблагий заблудших рабов своих на путь истины и любви, и да взойдет опять солнце мира и братского единения над всей славянской землей!

Врач Владимир Клевезаль.
Тума-Рязанская, 24 июня 1913 г.

145

«Речь». 5 июля 1913 г.

Новая балканская война

В настоящее время приходится говорить уже не о войне сербов и греков с болгарами, а о войне всех народов, населяющих Балканский полуостров, с Болгарией.

Мы говорим о войне, потому что иначе, как войной, нельзя назвать вооруженное нашествие румынской армии на болгарскую территорию и угрожающее движение на север турецких войск от Чаталджи.

В нашем прошлом обзоре мы говорили об ужасе последствий, сопряженных с неудачной войной, которые объединяются в двух коротких, но ужасных словах — «горе побежденным».

Полученные с тех пор известия с театра войны достаточно обрисовали картину событий в их угрожающем не только для одной Болгарии значении.

Создавшееся в настоящий момент положение указывает на крайне неблагоприятные в военном отношении границы, которые Румыния предложит болгарам в исходе текущей войны.

Заняв в настоящее время Добрич, Балчик, Туртукай и Силистрию, Румыния уже далеко перешла за требования, предъявленные ею на Петербургской конференции, фактически отбросив Болгарию от наиболее выгодной в военном отношении пограничной линии, представлявшей до настоящего момента значительные стратегические выгоды для болгар.

Образуя исходящий угол широкого раствора, болгарская граница представляла возможность, действуя наступательно от Рушук на Бухарест и от Силистрии на Слобоздию, захватом инициативы наступления в свои руки ставить румынскую армию в пассивное и тяжелое положение.

Этому же обстоятельству весьма способствовало отсутствие у румын на Черном море подходящего военного порта, который уравнивал бы обладание Болгарией Варной и Балчиком. Захватом Балчика Румыния в настоящее время выходит в непосредственное соседство с Варной, и в результате это знаменует для Болгарии в первую очередь крупные расходы по созданию военного флота и соперничество в этом отношении с Румынией.

Отброшенная от своих естественных границ на северо-восток, Болгария силою вещей вынуждена будет израсходовать крупные суммы на создание в этом месте искусственной инженерной границы, что, разумеется, повлечет для несчастной страны новые экономические и культурные бедствия.

До последнего времени Румыния предпочитала не излагать своих завоевательных планов, обещая сделать это в ближайшем будущем.

В настоящее время уже достаточно определилась, однако же, вся «военная» обстановка, чтобы можно было эти планы предугадать.

Румыния уже заняла Варну, значительный отряд идет на Софию, и кавалерия находится в одном переходе от болгарской столицы.

Другое обстоятельство, меньшего значения, но также весьма знаменательное, заключается в отбытии к армии румынского короля. При отсутствии всякого сопротивления со стороны болгар в настоящий период войны, при решимости довольствоваться занятым такая мера, как принятие командования армией самим королем, вряд ли была бы уместной.

Очевидно, Румыния рассчитывает предъявить такие требования, которые могут вынудить болгар просто к акту отчаяния и сопротивления какою бы то ни было ценою, когда и понадобится наступление на Софию.

Мы полагаем, что вождения Румынии направятся на отторжение от Болгарии всей той части ее теперешней территории, которая лежит между Рушук и Силистрией на севере и линией Рушук-Разград-Шумла и Варна на юге.

Отнятие этой плодороднейшей полосы земли и захват Варны были бы равносильны полной катастрофе для Болгарии, и при этих условиях ей, может быть, придется воевать с Румынией во что бы то ни стало.

Мы полагаем, однако же, что такое положение вещей едва ли не знаменовало бы и для России самого тяжелого будущего.

Не предвещая сейчас спора, на чьей стороне окажется Румыния в грядущей европейской войне, мы должны только отметить со всей решительностью, что в случае такого ослабления Болгарии, которое связано с захватом Румынией полосы Рушук-Варна, для нее будет большим соблазном держаться вплотную за австрийцев.

В самом деле, обративший, как и все весьма важное, малое внимание нашей дипломатии факт очередного нарушения правил Берлинского конгресса

захватом острова Ада-Кале Австрией фактически ставит Румынию в весьма большую от Австрии зависимость.

Расположенный в пяти километрах у Орсовы, остров Ада-Кале находится в месте схождения границ Австрии, Румынии и Сербии.

Представляя собою островок около $1\frac{3}{4}$ километров в длину и $\frac{3}{4}$ километра по ширине, остров этот занимает все пространство по течению нижнего Дуная, ибо находится всего в $2\frac{1}{2}$ километрах от теснины Дуная, получившей название «Железных ворот».

Так как Берлинский трактат, конечно, обязателен для слабых, то ни одно из придунайских государств не имеет возможности строить укрепления и содержать военную флотилию на всем протяжении реки от гирл¹ до «Железных ворот».

Отсюда, обладая военной базой у «Железных ворот», Австрия обеспечивает себе командующее положение на всем протяжении от Орсовы до устья Дуная.

При этих условиях доведение Болгарии до полного ничтожества почти равносильно непременно участию Румынии в сфере деятельности Австрии в войне против России.

Мы не говорим уже о положении на юге — там, если турецкому движению вперед не будет положено предела, Болгария может разом лишиться всех результатов побед во Фракии и, низведенная на степень совершенного ничтожества в военном отношении, перестает служить угрозой Турции, далеко еще не сказавшей своего последнего слова.

Не имея отныне нужды держать в своих европейских владениях огромную армию численностью в семь корпусов, турки смогут направить теперь не менее 5 корпусов в свои азиатские провинции, а следовательно, и на нашу кавказскую границу.

Последние соглашения Германии с Англией крайне невыгодны для России в военном отношении, ибо в своем результате они означают усиленное строительство Багдадской дороги, которая через Бейрут и Мосул приведет анатолийские провинции империи в непрерывную связь с главными военными силами государства. Последние события в Ванском и Эрзерумском вилайетах, где идет непрекращающееся истребление армянского народа, показывают, что при всяких комбинациях Турция фатально будет стоять в стане врагов России.

Поэтому ввиду столь очевидного усиления на наших границах Турции, стоя перед фактом вероятного умножения и роста румынского военного флота, было бы больше, чем безумием, со стороны русской дипломатии предоставить теперь Болгарию на полный разрыв вероятным врагам России, ибо это значило бы отказываться от элементарных основ политического здравого смысла.

¹ Гирло — название рукавов и протоков в дельтах крупных рек, впадающих в Чёрное и Азовское моря.

Перед лицом настоящего, глядя в будущее, немыслимо допустить, чтобы вожделения Румынии и Турции не нашли себе должного отпора в политике России.

В. Плетнев

146

«Новое время». 6 июля 1913 г.

Печальные возможности

События развиваются с поразительной быстротой, и если балканские народы или какая-нибудь внешняя сила не остановит их течения, мы должны приготовиться к новому и глубокому изменению политической карты всего Балканского полуострова. Девять месяцев назад, словно по волшебству, была разрушена Европейская Турция, от которой остались теперь лишь печальные руины. В настоящее время та же судьба, по-видимому, угрожает Болгарии.

Две недели назад болгарские правители, полагаясь на союзный договор и полумиллионную армию, чувствовали себя в такой безопасности, что уволили до ста тысяч человек из-под знамен на полевые работы. Вопреки общим советам, они не пожелали сделать ни малейшей уступки требованиям сербов, предпочитая, как они тогда говорили, скорее погибнуть, чем поступиться своим правом. Теперь они должны думать уже не о Македонии, а о спасении своей столицы и династии.

Румыния заняла Добруджу. Не видя отпора, она пошла дальше и заняла Варну, отрезав таким образом Болгарию от сообщений с внешним миром. Не довольствуясь этим, она переправила свои войска на болгарский берег Дуная у Виддина и Никополя, откуда железные дороги ведут к Софии. Болгарская армия, по всей видимости, могла бы еще долго сопротивляться сербским и греческим войскам, но бороться сверх того с полумиллионной и совершенно свежей румынской армией она, очевидно, не в состоянии. Поэтому началось общее отступление с сербской и греческой границ на защиту угрожаемой с трех сторон болгарской столицы. В довершение бедствия оттоманское правительство не желает упустить случая, чтобы возвратить себе часть своих бывших владений, уступленных Болгарии по недавнему Лондонскому мирному договору. Турецкие войска перешли границу и уже проникли на болгарскую территорию на тридцать с лишком верст. Главной целью их движения, видимо, является Адрианополь. Болгарии угрожает теперь потерять¹ не только границу Энос — Мидия, которая столь недавно казалась ей неудовлетворительной,

¹ Так в тексте.

но весь Адрианопольский вилайет. На остальную часть Эгейского побережья заявляют притязания греки, и Болгария будет тогда совсем отрезана от выхода к морю. В печати уже появились указания на соглашение по этому поводу между Грецией и Турцией. Что же будет дальше?

Румыния двигается вперед и неизвестно, где она остановится. В последней ноте своей она заявляет, что пределом ее притязаний является линия Туртукай на Дунае и Балчик на Черном море. Вместе с тем нота прибавляет, что в зависимости от очертаний местности действительная граница продвинется на несколько километров к югу и западу от этой линии. Практически это значит, что Румыния намерена захватить столько болгарской земли, сколько позволят обстоятельства. Турецкие войска двигаются вперед по беззащитной стране и продвинулись к старой болгарской границе так далеко, как у них хватит сил. Сербь и греки преследуют отступающие болгарские отряды и идут к Софии.

Две недели назад Болгария стояла перед большими опасностями. Теперь она у самого края гибели.

Спрашивается, в интересах ли Сербии было доводить отношения с Болгарией до непоправимого разрыва на долгие времена? Был ли этот разрыв также в интересах держав Тройственного согласия? Полагаем, что ответ на оба эти вопроса будет отрицательный.

Освободительная война оставила в Европейской Турции незначительный клин земли до линии Энос — Мидия. Турция, таким образом, вышла из счета балканских держав и возможных соперников. Теперь она, видимо, предполагает вернуть себе значительную часть потерянной территории. Правда, дипломатия Тройственного согласия напоминает оттоманскому правительству о святости только что заключенного договора и дает совет не нарушать его. Но Турция, как и все остальные державы, видят, как безнаказанно нарушаются договоры, только что торжественно заключенные. Советы же и настояния дипломатии Тройственного согласия давно утратили на Балканах малейшее значение. Возможно, таким образом, что Турция вернется на Балканский полуостров и укрепится на нем тверже, чем это было раньше. Вопрос о равновесии, о котором так много говорят теперь в Афинах, Бухаресте и Белграде, усложнится, и притом не к выгоде сербов. Ибо Греция уже теперь вошла с Турцией в соглашения и благодаря этому становится сильнее своего союзника. Не имея прямого доступа к Эгейскому морю, Сербия станет в зависимость от соседа, располагающего ее выходом на свободную воду. И чем он сильнее, тем тяжелее будет зависимость. У Сербии в этом отношении есть большой и поучительный опыт с Австро-Венгрией. Способствуя чрезмерному усилению Греции, Сербия собственными руками создает для себя теперь вторую Австро-Венгрию на юге. При добрых отношениях с Болгарией зависимость от Греции не была бы так опасна.

Румыния, переправив свои войска через Дунай у Виддина и Никополя, облегчает наступательные задачи сербов. Болгарским войскам дан приказ

не оказывать сопротивления румынам. Они могут благодаря этому беспрепятственно занять болгарскую столицу. На этой почве возможны совершенно непредвидимые комбинации. Румыния, завладев болгарской столицей, из фактического союзника Сербии может обратиться в ее противника. Из-за раздела турецкого наследства возгорелась война, которая обошлась бывшим союзникам дороже войны с Турцией. Из-за раздела Болгарии может с такой же вероятностью возникнуть третье столкновение, в котором погибнут не только болгарские, но и сербские надежды.

Кабинет г. Данева, в течение нескольких недель сумевший довести Болгарию до последних пределов отчаяния, пал. К власти призваны новые государственные люди с определенными политическими воззрениями. Состав нового болгарского правительства обязывает предположить, что Болгария для своего спасения от гибели прибегнет к помощи Австро-Венгрии. Такая помощь обойдется Болгарии, само собой, очень дорого. Быть может, в той или другой форме она потерпит даже умаление своей национальной самостоятельности... Но этот бедственный для Болгарии час не будет часом торжества для Сербии. На ее северной границе остается Австрия. На южной она сама способствовала созданию второго сторожа, безраздельно владеющего сербским выходом к морю¹; Македония, которой Оттоманская империя обязана началом своих последних несчастий, будет и для Сербии еще долгое время источником беспокойства и слабости, а не силы. Болгария, отдавшаяся в отчаянии во власть Австрии и Румынии, сомкнет вокруг Сербии роковой круг.

Вот возможности, с которыми приходится теперь считаться сербским государственным деятелям. Двадцать дней назад судьба южного славянства находилась в руках болгарского правительства. Оно не поняло задачи и поставило на карту и свое существование, и судьбу балканских народов. Теперь решающее слово принадлежит сербскому правительству. Повторит ли оно ошибку, сделанную болгарам, или найдет более разумные решения, мы увидим на днях.

147

«Речь». 6 июля 1913 г.

Дипломатия и балканский кризис

Предполагалось — неизвестно кем и зачем, — что на ускюбское свидание прибудет Данев. Этого не случилось. Греческий и сербский премьеры договорились до конца без участия третьего собеседника, который мог бы только стеснить их. Тем временем в Софии произошел назревавший

¹ Имеется в виду Греция.

правительственный кризис. Место Данева занял либерал Радославов, а портфель министра иностранных дел в новом кабинете занял Геннадиев, вождь стамбуловцев¹.

Этими двумя фактами — свиданием в Ускюбе и сменой кабинета в Софии — характеризуется один момент текущей политики на Балканах. И надобно признать, что характеристика эта не принадлежит к числу благоприятных для балканского примирения. Венизелос и Пашич пришли к полному соглашению по вопросу об условиях, которые должны быть предъявлены Болгарии. Полный перечень этих условий неизвестен, но известно, что Болгария должна отказаться от мысли о расширении своих границ в Македонии и предоставить последнюю в пользование Сербии и Греции. При этом Сербия как бы намеренно отодвигается в тень, а первый план занимает Греция, выступающая с тяжелыми для Болгарии и категорическими требованиями. С этой стороны, следовательно, ключ к положению держит в своих руках Греция.

Что касается замены кабинета Данева кабинетом Радославова, то было бы преждевременно видеть в ней признаки такого оборота в болгарской политике, который свидетельствовал бы об ее агрессивности. Такое толкование не отвечало бы сейчас существующему соотношению сил на Балканах. Но эта смена говорит об изменившихся в Софии политических тенденциях. Если Гешов полными ожидания глазами глядел на Россию, возлагая надежды на ее посредничество, то Радославов и Геннадиев обратят свои взоры на Австро-Венгрию. Греция и Сербия отказались принять русское предложение, Россия вынуждена была после этого официально заявить софийскому правительству, что она оставляет мысль о посредничестве. Русофильские тенденции себя не оправдали, их место естественно заняли тенденции австрофильские. Расчет при этом мог заключаться в том, что из всех европейских держав Австро-Венгрия больше других расположена и словом, и делом оказать давление на Сербию в сторону сокращения ее аппетитов, а такое сокращение изменило бы всю политическую ситуацию в пользу Болгарии.

Наряду с указанным выше и не располагающим к оптимизму моментом внутрибалканской политики, имеется, однако, еще другой, который, правда слабо, но все же позволяет видеть возможность такого разрешения балканского кризиса, которое предотвратит катастрофический его исход. Эдуард Грей достаточно сдержанно и неопределенно высказался о возможности европейской медиации в балканских делах, и при лучшем желании в его заявлении трудно было прочесть слова утешения. Тем не менее быстрый ход событий на Балканах, по-видимому, растопил лед равнодушного созерцания, на которое Европа обрекла себя, приняв формулу: «свобода драки» для балканских государств. Последние известия из разных источников говорят

¹ Имеются в виду члены Народно-либеральной партии, часто именуемые по фамилии ее основателя С. Стамболова, за которым закрепилась прочная репутация русофоба.

об одном и том же: европейские державы не хотят допустить дальнейшего разгрома Болгарии. Тройственное соглашение поставило на вид румынскому правительству, что наступление румынской армии на Болгарию более недопустимо. Державы обеих группировок сделали Турции категорические заявления относительно недопустимости ее вторжения во Фракию. Аудиенции гр[афа] Берхтольда у Франца Иосифа имели своим результатом более энергичные выступления Австро-Венгрии во имя «жизненных интересов» монархии, и эти выступления сложились к выгоде Болгарии.

Таким образом, с разных сторон замечаются признаки дипломатического воздействия, которые оцениваются как «благоприятные» шансы.

И в самом деле, Турция, пожелавшая вернуть Фракию, приостановила дальнейшее движение своих войск. Румыния, по сведениям агентства Рейтера, представила державам ноту, в которой раскрывает свои планы относительно исправления границ по линии Туртукай — Добрич — Балчик, и если хочет прирезать к этой линии еще что-нибудь, то не больше «нескольких километров к югу и к западу от нее». О линии Рушук — Варна нет речи, есть речь о безопасной границе за Дунаем, и то «для сохранения мирных отношений с Болгарией», которые были нарушены стремлениями Болгарии к гегемонии.

Если приостановка турецких выступлений и румынская декларация, которая при всей своей недоговоренности все же является политическим исповеданием, связывающим поведение Румынии, — если оба этих факта обусловлены сепаратными или согласованными воздействиями европейских держав, то мы имеем дело с новым шагом в балканской политике, плодотворность которого очевидна. Тот контакт Европы, о котором упомянул английский министр иностранных дел, дал себя, по-видимому, знать. Тройственное соглашение и Тройственный союз находятся в антагонизме друг с другом, но желание сохранить европейский мир вынуждает антагонистов после ряда проб решать вопросы за свой страх, находить линию равнодействия, которая — худо ли, хорошо ли — вводит нас в полосу временного спокойствия.

Царь болгарский Фердинанд обратился и к Францу Иосифу, и к румынскому королю Карлу за поддержкой. Это, конечно, свидетельство той безвыходности, которую чувствует глава вчера победного, а сегодня побежденного государства. Но это обращение не могло бы иметь места, если бы для него не была подготовлена почва дипломатическим путем.

Поэтому даже в том случае, если балканские политики разных лагерей вступят в непосредственные между собою переговоры — а этот случай представляется сейчас близким к осуществлению, — то, по-видимому, эти переговоры произойдут при прямом или косвенном участии европейских держав. А это участие умерит требования «друзей», окруживших Болгарию со всех сторон и отнимающих ее не только теперь приобретенные, но и исконные территории.

**«Московские ведомости». 7 июля 1913 г.
Накануне заключения мира**

«Происходящая ныне война столь возмутительна и ужасна, что не может продолжаться долго, ее напряженность должна ускорить ее окончание», — говорил сэр Эдвард Грей в парламенте, утешая членов тем, что война эта не вызовет затруднений, способных побудить какую-либо из держав выйти из контакта с другими державами или подвергнуть опасности доброе согласие европейского концерта.

Такой оптимистический взгляд на балканский вопрос в его настоящем фазисе едва ли разделяется всюду. Положение не так просто, как полагал английский статс-секретарь иностранных дел, и усложняется как настроением победителей, так и выступлением Румынии, и происками некоторых великих держав, полагающих, что настала минута для навестания ранее потерянного по собственной ошибке.

По окончании войны с Турцией Болгария выступила с преувеличенными требованиями, которые и привели к вооруженному столкновению с недавними союзниками, закончившемуся бесспорным поражением Болгарии. Какие причины привели к этому исходу — разбирать сейчас излишне, но, несомненно, важную роль сыграло то обстоятельство, что Болгария не успела сконцентрировать свои войска, утомленные тяжелой борьбой во Фракии, против сербо-греческих войск, ведших на западном театре войны более легкие операции. Виной этого замедления Болгарии явилась ее ненасытность, бесцельное удерживание войск на Мраморном море и у Чаталджи, хотя в Софии должны были знать, что после решения держав нечего было думать удерживать область на Мраморном море. Теперь Болгария обратилась к державам с просьбой о посредничестве, и Россия пригласила представителей воюющих держав прислать делегатов для предварительных переговоров.

Весьма возможно, что Болгария не решилась бы обратиться с призывом о посредничестве уже в настоящее время и попыталась бы продолжать борьбу, если бы на сцене не появилась Румыния, которую толкнули враги славянства, чтобы не дать Болгарии возможность усилиться. Это выступление Румынии усложнило вопрос, оно заставило Болгарию сложить оружие и подняло еще более дух и несговорчивость ее противников, заставляя их впасть в ту же ошибку, какую совершила раньше Болгария, то есть выступить с чрезмерными требованиями. В ответ на переданное им предложение Болгарии прекратить военные действия Сербия потребовала, чтобы Болгария прислала делегата для предварительного соглашения о программе переговоров, а греки высокомерно заявили, что мир будет подписан только на поле битвы. Конечно, в основу новых переговоров теперь не может быть положен прежний договор Болгарии и Сербии и должно быть осуществлено требование Сербии о соединении греческих и сербских границ, чем Болгария

будет отделена от Албании. Может быть, претензии Сербии распространяются и дальше, но благоразумие заставит провести для этих претензий определенные границы. Проявят ли такое благоразумие и греки, у которых аппетит возрастал по мере их побед, — сказать нельзя, но можно предположить, что влияние добрых советов со стороны держав окажет и здесь свое действие. Они требуют себе всей Македонии, включая сюда Охрид, Монастырь, Дойран, Серес, Каваллу и Дедеагач. Греция действительно нуждается в известной области для Салоник, но требование всей Македонии ничем не оправдывается, а тем более желание получить Каваллу и Дедеагач, единственные гавани, дающие Болгарии выход в Эгейское море. Это, быть может, входит в планы Греции, но никоим образом не может соответствовать желаниям держав, интересы которых требуют, чтобы на Балканах, наконец, установились спокойные, нормальные отношения, не вызывающие постоянной тревоги в Европе. А между тем исполнение планов греков устраняет возможность установления спокойствия. Болгария вынуждена добиваться выхода в Эгейское море и добьется его, несмотря на все противодействие Греции, которая имеет значение не сама по себе, а только в союзе с другими. История народов создается не в один день. Греция, имеющая естественного противника в Италии и не могущая рассчитывать при всех условиях на помощь Сербии, вынужденной думать о более сильном враге, рискует в будущем лишиться не только Каваллы, но и Салоник, и потерять все приобретения настоящей войны. Нынешний руководитель греческой политики является человеком благоразумным, и нужно ожидать, что он сведет претензии греков до таких границ, которые не будут составлять ущерба для интересов других балканских государств.

Больше всего затруднений при улажении вопроса представит выступление Румынии, ведущей чисто австрийскую политику захвата территорий без войны, потому что занятие Добруджи, очищенной от болгарских войск, является такой политикой. Претензии ее тоже чрезмерны. Она уже не довольствуется исправлением стратегических границ, не имевших особенного значения при неизменно добрых отношениях с Болгарией, а требует уступки крепостного четверугольника: Рушук — Силистрия — Варна — Шумла. Эти ничем не оправдываемые требования являются залогом новых крупных осложнений не только на Балканах, и в собственных своих интересах державы должны позаботиться об устранении всего, что может грозить в недалеком будущем европейскому миру, а также балканским *славянским* державам. К сожалению, при теперешнем отношении держав, при явном стремлении держав Тройственного союза ослабить положение славянских государств ожидать от европейской конференции улажения всех спорных вопросов в безобидной для балканских держав форме — нет надежды. Это должны понять, прежде всего, в Софии и Белграде и поспешить прийти к соглашению и заключению крепкого союза. В этом — их спасение при окружающих со всех сторон опасностях. В Белграде и Софии не могут надеяться только на свои силы, а для

этого необходимо вести политику, которая не отталкивает единственную опору, способную придать им необходимую крепость. Речь сэра Эдварда Грея показывает им лучше всего, что и на Англию они не могут рассчитывать, как и на тройную лигу, и что у них по-прежнему существует только один защитник — Россия. Но чтобы эта защита была действительной, сами славянские державы не должны вредить себе распрями и сплотиться в крепкий союз.

Эти державы должны знать, что об окончательном ослаблении Болгарии не может быть речи и что без покровительства России ни Греция, ни Сербия существовать не могут. Об этом они должны заранее подумать и свести свои требования до тех размеров, которые отвечают интересам *всех* балканских государств.

149

«Новое время». 7 июля 1913 г. Балканская гегемония

Румынское правительство представило вчера державам ноту, в которой излагает цели своего вступления в балканскую распрю. Целей этих две. Румыния, во-первых, желает обеспечить себе стратегическую границу за Дунаем, во-вторых, намерена лишить Болгарию возможности установить на Балканском полуострове свою гегемонию. Ради первой задачи Румыния занимает в Добрудже линию Туртукай — Балчик, ради второй намерена принять участие в разрешении всех вообще вопросов, которые нарушали общий мир. Другими словами, Румыния присваивает себе решающий голос в сербо-греко-болгарском разграничении. Для придания же своим требованиям должного веса Румыния переправила свои войска не только в Добруджу, но и в северо-западную Болгарию.

Сербия и Болгария не пошли на третейское разбирательство своих взаимных притязаний, потому что каждая из них надеялась получить силой больше, чем присудил бы справедливый суд. Они захотели стать сами судьями своего спора без всякого постороннего вмешательства. Их расчеты оказались ошибочными. В Будапеште было объявлено, что сербы и болгары могут сколько угодно сражаться и побеждать друг друга, но окончательное решение будет зависеть не от них, а от австро-венгерской дипломатии. Час для произнесения австрийского решения еще не настал. Пока же на место спора в качестве судьи первой инстанции явилась Румыния с надлежащим военным эскортом. В случае нужды она приведет произнесенное решение в исполнение силою.

Сербы и греки проливают свою и болгарскую кровь для обуздания болгарских гегемонов. Эту задачу они разрешили. Болгария занята теперь

не честолюбивыми планами о господстве на Балканском полуострове, а скорбной заботой о сохранении своей независимости, но в момент сокращения Болгарии выросла другая гегемония, с которой ни сербам, ни грекам не справиться. Выходит, что балканские государственные деятели самоотверженно трудились ради учреждения на Балканах румынского владычества.

Гегемония Румынии уже признана. Румынский король получил от царя Фердинанда телеграфную просьбу о содействии скорейшему заключению мира. Румынская королева получила от королевы Элеоноры письмо такого же содержания. Что это значит? В Болгарию вторгаются армии пяти государств — Сербии, Черногории, Греции, Турции и Румынии. Болгарский монарх в последних усилиях спасти свое положение обращается не к сербскому, не к греческому королю, не к Черногории и не к Турции. Он идет к румынскому монарху, веруя, что именно от его воли зависит заключение мира. Надо думать, что гегемонию Румынии на Балканах придется признать и остальным балканским государствам, за исключением Турции. Ибо подлинным распорядителем судеб балканских народов в настоящий момент является единственно Румыния. Если она найдет необходимым в своих целях окончательно раздавить Болгарию, она в состоянии это сделать. Бессилие Болгарии перед Румынией так велико, что румынским войскам, вторгшимся в Болгарию, не оказывается никакого сопротивления. Румыния может занять любой пункт в Болгарии, не проливши ни капли крови. Если Румыния сочтет полезным для своих интересов воздержаться от вмешательства в дальнейшую борьбу Болгарии с Сербией и Грецией, борьба будет длиться еще долгое время. Если, наконец, Румыния сочтет за благо прекратить войну, ей стоит для этого послать в Белград короткую телеграмму. Ибо румынские войска уже стоят в Виддине, в близком соседстве с сербской границей.

Болгарский царь обратился к гегемону, и европейская дипломатия с нетерпением ждет, что скажет новый балканский властелин. Роль, от которой отказалась великодержавная дипломатия, естественным образом перешла в руки государства малого пространством и численностью населения, но руководимого решительной волей.

Во вчерашней ноте румынское правительство присваивает себе право участия в решении вопросов о разграничении Болгарии с Сербией и Грецией. В звании сначала самозванного, а теперь уже полупризнанного суперарбитра Румыния может использовать свое положение различным образом. Обстоятельства, не ею созданные, дают ей возможность стать во главе балканских народов. Теперь она гегемон на час. От нее зависит продлить это положение на более долгий срок. Пока же Румыния является на Балканах авангардом Австро-Венгрии, она сияет на Балканском полуострове отраженным светом.

Дипломатия Тройственного согласия отказалась от деятельного вмешательства в балканские осложнения. Благодаря этому освободилось поле действия для Австро-Венгрии. Австрийская дипломатия заявила, что она

не допустит примирения Болгарии и Сербии, если основания мира сочтет для себя неприемлемыми. Такое же заявление сделано теперь Румынией. Расположив эти два заявления по их росту, приходится сказать, что над будущим болгаро-сербским миром уже теперь учреждены две проверочные инстанции: румынская и австрийская. Румынии предлагается почетное звание показного гегемона; последним безапелляционным судьей над Балканским полуостровом собирается стать Австро-Венгрия.

Если бы обо всех этих сложных комбинациях знали сербские и болгарские селяки, одетые в военные мундиры!

150
«Речь». 7 июля 1913 г.
Передовая статья

Со времени первой войны на Балканах «Европа» успела уже несколько раз переменить свое отношение к народам Балканского полуострова.

Первое военное выступление четверного союза против Турции было повсеместно встречено с большим или меньшим скептицизмом. Европейская печать изощрялась в насмешках над воинственными «свинопасами» и сопровождала известия о славянских победах над турецкою армией вопросительными знаками и примечаниями в скобках. Головокружительные успехи союзников, в самый короткий срок стерших с лица земли Европейскую Турцию, произвели сильнейшее впечатление на международное общественное мнение и заставили его «пересмотреть» свое отношение к «балканцам». Болгары и греки, сербы и черногорцы были объявлены «совершеннолетними» и с их вчера еще «подопечными» государствами стали считаться, как с серьезными и самостоятельными факторами балканской, а следовательно, и европейской политики. Больше того. Военные и политические удачи союзников окружили их даже некоторым ореолом. «Балканцы» положительно «вошли в моду» и сделались «любимцами» европейской публики.

Но вот на Балканах вспыхнула братоубийственная война, и отношение Европы к ее участникам переменялось еще раз. Побежденных болгар и победоносных сербов и греков опять начинают третировать, как расшалившихся мальчишек, обнаруживших к тому же явно дурные наклонности и полное отсутствие моральной дисциплины. Compliments и восторги берутся обратно, и на «балканцев» изливается обильный поток укоров и проклятий. Даже старых, испытанных друзей балканских народностей как будто одолевают сомнения и разочарования. Будущее Балкан рисуется им в самых мрачных, тревожных красках.

Было бы, конечно, безнадежным делом оправдывать участников братоубийственной войны, которые все в большей или меньшей степени показали и недостаточную политическую проницательность, и недостаточно уважительное отношение к основам доброго международного правопорядка. Но отсюда и до того безудержного пессимизма, которому многие склонны сейчас предаваться, еще очень далеко. Общественное мнение Европы — это нужно признать прямо и откровенно — было введено в заблуждение стремительным ходом событий в первую балканскую кампанию, и оно ошибочно предположило, что с той же легкостью и быстротой, с какою шла ликвидация турецкого владычества в Европе, пойдет и «усвоение» союзниками плодов их для них же самих неожиданных побед. Печальная действительность не оправдала этих розовых надежд. Вместо мирного «почивания победителей на их скороспелых лаврах», второй акт балканской драмы принес с собою жестокую драку неразумных охотников, не умеющих добром поделить богатую добычу. Но справедливость обязательна и по отношению к балканским «драчунам» и даже тогда, когда они своим «домашним спором» подвергают опасности спокойствие нервной старушки-Европы. В конце концов, разве то, что сейчас творится на Балканах, так-таки уж совершенно безпримерно и не имеет параллелей во всемирной истории? Разве на территориях этих высокомерных «держав», так ревниво отстаивающих каждая свой status quo, не бушевали еще недавно такие же «братоубийственные» и на первый взгляд еще более «бессмысленные» и «преступные» войны? Стоит вспомнить хотя бы историю объединения Германии, чтобы убедиться, что «балканцы», быть может, не заслуживающие расточавшихся им недавно чрезмерных похвал, не заслуживают и того безмерного презрения, которым обливают их теперь все познавшие и все понявшие «европейцы». «Балканцы» политически и культурно очень молоды. Их дипломаты неопытны и прямолинейны, их генералы горячи и вспыльчивы, их национальные и социальные взаимоотношения еще не отстоялись и не отлились в стройные, определенные формы. Они не «ходят осторожно», как ходит мудрая старость. Они передвигаются, как это свойственно молодости, с шумом, с грохотом, со «скандалом». Но молодость никогда не бывает безнадежной, и самая бурная стремительность ее несдержанных порывов обычно обещает в будущем только смелую бодрость и энергию здорового темперамента.

Как это всегда бывает с современниками, мы очень нервно реагируем на задевающие и тревожащие нас перипетии балканской «смуты». Но когда эта смута отойдет в историю, наши потомки увидят в ней просто период детских болезней, через который должны были пройти новые, еще лишь формирующиеся политические организмы. Все дело только в том, что в соответствии с условиями места, времени и среды эти болезни принимают на Балканах особенно острые и бурные формы.

**«Русское слово». 9 июля 1913 г.
Адрианополь и Турция**

Невероятное свершилось. Турция решила не считаться ни с только что заключенным Лондонским миром, ни с требованиями великих держав, единодушно восставших против стремлений константинопольских правящих кругов возвратить обратно Адрианополь. Оттоманская армия получила приказ двинуться к бывшей второй столице падишахов, и турецкая кавалерия уже дошла до Кулели-Бургаса на полпути между Люле-Бургасом и Адрианополем, так что всего 30 верст отделяют головной турецкий отряд от этой крепости. Из Лондона даже пришло известие о том, что 7-го июля турки заняли Адрианополь, защищавшийся лишь одним болгарским полком. Турецкая дипломатия на этот раз действовала блистательно. Еще три дня назад Порты объявила, что Турция подчиняется воле Европы, и что турецкие войска остановились на линии Энос — Мидия. Когда же одураченная международная дипломатия поверила турецким обещаниям и клятвам, армия Абул-паша форсированным маршем подошла к Адрианополю. Теперь европейский концерт поставлен почти вплотную пред свершившимся фактом, и Порты сбрасывает маску. Турецкая циркулярная нота, разосланная вчера державам, с цинической откровенностью констатирует, что от пограничной линии Мидия — Энос остаются только два конечных пункта. Правительство султана твердо решило провести болгаро-турецкую границу от Эноса вверх по Марице на Адрианополь и от Адрианополя на Мидию. Неизвестно только, как эта новая граница, установленная самой Портой единолично, идет от Адрианополя на Мидию и не захватывает ли она еще и Киркилисе.

Ответственность пред историей за такой беспримерный крах блестяще завершенной освободительной войны всецело ложится на преступную и лицемерную политику правительства царя Фердинанда, вызвавшего братоубийственную войну с союзниками и отдавшего злосчастную Болгарию буквально на растерзание соседям. Можно подумать, что во главе софийского кабинета стоял не чистокровный болгарин доктор Данев, а какой-нибудь Дани-паша или Данеску. Впрочем, теперь не время разбираться в том, кто больше всего виноват в разгроме Болгарии. Болгарский народ проснется и сам сумеет воздать должное вершителям своих судеб, которым не уйти от суда современников, а не только потомства. Вопрос сейчас идет даже не о кровных интересах повергнутой в прах Болгарии, а о высших интересах правды и справедливости, об обеспечении европейского мира и водворении прочного порядка на Ближнем Востоке. Турецкая армия, ознаменовавшая свое шествие к Адрианополю рядом зверских погромов и превращением в пустыню всего пути от Чаталджи и Родосто до реки Эргене, наглядно напомнила миру о значении освященного веками принципа, по которому однажды освобожденные от турецкого ига местности более не должны возвращаться под власть султана. Великие державы

не должны и не могут отдавать свои решения, добытые с таким трудом, на посмешище младотурецким политикам. Фракия в руках Болгарии служит залогом того, что Турция перестанет быть вечной угрозой европейскому миру и не поведет политики реванша. Если же Турции удастся продвинуть свою границу за р[еку] Эргене и снова стать твердой ногой в Европе, новая болгаро-турецкая война в более или менее близком будущем явится неизбежной.

Россия самым серьезным образом заинтересована в том, чтобы территориальное status quo, установленное Лондонским трактатом, отнюдь не нарушалось. Война за освобождение балканских христиан для нас была вместе с тем и войной за ослабление Турции, держащей в своих руках ключи Дарданелл. Если до сих пор Россия воздерживалась ставить на очередь грозный вопрос о проливах, то только потому, что Турция, ограниченная своими азиатскими провинциями и владеющая в Европе лишь побережьем Мраморного моря, должна была коренным образом изменить свою политику и не представляла опасности для свободы сообщения России со Средиземным морем. Но раз на сцену снова выплывает турецкий империализм, интересы России должны быть прочно и бесповоротно закреплены самыми энергичными действиями. Появление турецких войск в Адрианополе заставляет Россию теперь же гарантировать себя от повторения таких тяжелых ударов, как закрытие Дарданелл в 1911 году¹.

152

«Земщина». 10 июля 1913 г.

Еще что выдумали

Занятие турками Адрианополя побуждает наших воинственных славянолюбцев вновь проповедовать вмешательство России. «Новое время» осторожно нащупывает почву. Там в таких случаях появляются телеграммы из Лондона сначала с намеками, а потом и в более определенной форме, что от России ожидается-де ультиматум Турции. А «Русская молва» — та еще быстрее идет к цели. В начале статьи она заявляет, что «Россия может взять на себя не только задачу объединения Европы в коллективном шаге, который был бы для Турции повелительным и не допускающим сомнений жестом», а через несколько строк говорится уже о «неизбежности отпора», причем от России требуется непосредственное выступление.

Для отпора «у России имеются в распоряжении *вполне реальные способы воздействия*».

¹ Во время итало-турецкой войны 1911–1912 гг. Османская империя закрыла судоходство через пролив Дарданеллы, что негативно сказалось на российском экспорте, осуществлявшемся через Черное море.

Да, у России имеются люди и пушки, это — несомненно. Но только не для того, чтобы Россия обязана была спасать всякого славянина, который дурит не в свою голову, не слушая советов России, а как только ему приходится туго, так сейчас же — Россия, спасай!..

«Освободительная» газета Петра Струве заговорила в конце таким тоном, что тут и речи быть не может о каких-либо колебаниях. Россия, мол, «*обязана теперь защищать* и поддержать Болгарию». Это даже «излишне доказывать»...

Почему же Россия *обязана* теперь защищать Болгарию? А потому, что она удержала ее «в свое время от натиска на Константинополь».

Не угодно ли вдуматься в эту логику господ «освободителей». Россия «в свое время», т.е. во время войны союзников с Турцией, удерживала Австрию от вмешательства и, видя, что захват Константинополя может расстроить единение Европы, — советовала не зарываться. Поэтому теперь, когда Болгария неудачно пустилась в приключения и бросилась на балканские государства ради своего главенства, — Россия, защищай Болгарию!

Удивительная логика!

К этому надо добавить еще, что Болгария начала эту братоубийственную войну *после безусловного воспрещения русского царя*. Одно это дерзкое ослушание говорит за то, что Болгария не имеет никакого права рассчитывать на помощь России.

Русский царь по своему великодушию может простить ослушников и нравственно воздействовать на Сербию, Грецию и Румынию, дабы они не добивали своего же лежачего брата и не предъявляли ему чрезмерных требований. Но говорить об *обязанностях* России перед Болгарией — могут только разные Петры Струве или шовинисты, жаждущие втравить Россию во всякие приключения.

Какова наглость! Да после того Болгария всегда в состоянии будет бросаться на кого ей вздумается, и чуть плохо придется — Россия, отвечай! Это еще что такое!.. Довольно мы спасали славян. За их свободу пролили целые реки крови и израсходовали миллиарды русских народных денег.

Несомненно, России больно видеть, что ее усилия идут прахом, но кто же в этом виноват? И кто может поручиться, что и новые усилия не пойдут прахом?

Если же в благодарность за все жертвы мы видели стамбуловщину, а теперь видим полное неуважение к царскому призыву — то пусть Болгария скажет спасибо и за дипломатическое воздействие...

Ничего иного она не вправе требовать. Все, что Россия делает для Болгарии, является незаслуженною милостью царя, но отнюдь не обязанностью России. Обязанностей перед славянами — никаких быть не может...

С. Глинка

**«Киевская мысль». 10 июля 1913 г.
Организаторы катастрофы**

То, что произошло с Болгарией, кажется совершенно непостижимым. Не потому, чтобы произошло нечто, нарушающее законы логики. Наоборот, произошло, как всегда, именно то, что наиболее вытекало из совокупности обстоятельств. Сербская и греческая армии по численности превосходили болгарскую, которая к тому же была несравненно более истощена турецкой войной. Естественно было ожидать поражения болгар, и уж во всяком случае не было никакого основания надеяться вместе с г. Милоковым на повторение событий 1885 года. Что Румыния готовилась вступить на болгарскую территорию; что суетливое соперничество австрийской и русской дипломатии из-за благоволения бухарестского двора развязывало румынам руки для разбойничьего выступления; что в Бухаресте только ждали наиболее благоприятного момента для нанесения Болгарии удара в спину, — все это было совершенно ясно. Ясно было и то, что, вовлеченная в борьбу с Сербией и Грецией, Болгария не сможет противопоставить Румынии никакого отпора. Таким образом, сущность положения почти что исчерпывалась четырьмя правилами арифметики. И если болгарская катастрофа кажется непостижимой, то исключительно под углом вопроса: как же этого всего не предвидели в Софии? Почему там до самого последнего момента третировали Сербию и Грецию, как ничтожные величины, и в то же время, в ответ на румынские домогательства, бесцеремонно поворачивали спину политикам из Бухареста? Зачем, наконец, дразнили Турцию, сохраняя свои оккупационные отряды в тех областях, которые по условиям мира должны были отойти обратно к османам? На что надеялись Фердинанд, Гешов и Данев?

Считали свою армию несравненно сильнее сербской и греческой? Верили в сокрушительную победу? Но чего ждали в таком случае со стороны Румынии? Надеялись, что она молчаливо примирится с чрезмерным усилением Болгарии? Или полагали, что она «устыдится» напасть на истекающую кровью Болгарию? Как не опасались, наконец, что во всеобщем хаосе Турция, со своим азиатским тылом, снова может проявить признаки жизни? Да, — чего хотели, на что рассчитывали в Софии? Вот это именно кажется непостижимым. И непостижимым это кажется потому, что люди привыкли думать, будто правящие знают какое-то особое искусство управления — расчета и предвидения, — и когда оказывается, что наверху царят безоглядное легкомыслие и самоуверенная глупость, бывают всегда поражены.

Что думал о завтрашнем дне Данев, наиболее непосредственный организатор катастрофы, никто не знает. А Данев вовсе ничего не думал. Он наслаждался собою и давал интервью.

Данев имеет в себе все черты политического выскочки и этим, может быть, наиболее ярко отражает правящую Болгарию. Он из бедной семьи,

из Шумлы, кончил за счет города гимназию в Праге, изучал, как государственный стипендиат, право в Париже, затем в Лондоне, знает английский язык, был чиновником финансового ведомства, вышел в отставку, стал правой рукой «деда» Цанкова, был уже несколько раз у власти, хотя ему всего 54 года.

Партнер Данева, Гешов, стоявший во главе министерства во время войны, является не только шефом партии богатых людей (поставщиком, банкиром, ростовщиком), но и считается самым богатым человеком в Болгарии. История его обогащения незамысловата и очень характерна для молодой страны, правящий класс которой еще в своем нынешнем поколении проделывал и проделывает практику первоначального накопления. В Браилове (Румыния) жил в 70-х годах богатый болгарин Евлогий Георгиев, который весьма попользовался от военных поставок во время русско-турецкой кампании и давал значительные суммы на болгарские культурные предприятия. Георгиев завещал Софии 6 миллионов франков на постройку университета. Его представителем в Софии был Иван Гешов. Вся Болгария знает, что Гешов вступил в сделку с нотариусом и переделал завещание на себя. Стоявшие у власти стамбулисты ничего не могли поделать, ибо подлог был совершен в Румынии, с которой у них были контры. Гешов стал богатым человеком, шефом партии и премьером. Его партизаны называются в просторечье «гешефтари» — столько же от Гешова, сколько и от гешефта¹. В применение к их управлению приспособлена поговорка: «болгарский народ — мучной мешок, сколько ни выколачивай, всегда что-нибудь останется».

С Гешовым Фердинанд был «в ссоре», не разговаривал. Он примирился с ним, только когда понадобилось прочное, «солидное» министерство для ответственных внутренних и внешних предприятий, но поставил Гешову условие — создание коалиции с так называемыми прогрессистами, бывшими цанковистами.

Партия либерального оппортуниста Цанкова состояла из профессиональных русофилов, все ее руководящие люди, как выражаются в Болгарии, «ели из русского котла». Когда рекламное русофильство, под ударами политического опыта, утратило в Болгарии прежний кредит, цанковистская партия под руководством молодого адвоката Данева перекрасилась в прогрессивно-либеральную и выработала себе довольно широкую демократическую программу. Это нимало не помешало ей объединиться с гешефтарями.

Так как коалиционное правительство имело решительный русофильский уклон, то верный всегдашней своей политике Фердинанд, чтоб избежать чрезмерного крена на один бок, поставил во главе армии стамбулиста, находившегося под судом за хищения, генерала Савова, а во главе штаба — генерала Фичева, другого стамбулиста, людей из партии с большими антирусскими традициями. Чтобы, с другой стороны, не дать стамбулистам

¹ От немецкого *Geschäft* — бизнес, сделка.

слишком большой роли в армии, на второй по значению пост был поставлен Радко Дмитриев, близкий к цанковистам русофил, участвовавший в свое время в низвержении Александра Баттенберга. Таким образом, все равновесие было построено на системе жестоких внутренних трений и интриг. Дмитриев по возможности игнорировал Савова, по несколько дней не сносился с ним. В свою очередь, Савов на беспокойно-почтительные запросы своего смертельного врага Гешова о ходе кампании и планах отвечал по телефону солдафонскими грубостями: «не ваше дело», «когда можно будет, скажем» и пр. В этой системе неустойчивого равновесия, основанного на взаимной вражде, Данев занимал особое место: введя в министерство четырех своих «партизанов» (обычное в Болгарии выражение), он себе портфеля не взял, сохраняя на всякий случай свободные руки. Числясь председателем народного собрания, он незаметно присвоил себе функции «канцлера» Болгарии, сосредоточил в своих руках внешние сношения, мчался по Европе из столицы в столицу и воображал при этом, что его значение растет прямо пропорционально километрам его пути и километрам его интервью. Перед Европой Данев выступал посланником от болгарских побед и сам себе казался балканским Бисмарком, хотя был на самом деле лишь словоохотливым адвокатом, подбитым самомнением.

«Мы останемся у власти долго... лет пятнадцать... — полушутя-полусерьезно говорил мне редактор даневского официоза “Болгария”, д-р Списаревский. — Побед над Турцией на наш век хватит!»

В новозавоеванных областях прогрессисты уже заводили свои избирательные бюро. Что обладание этими областями совсем еще не обеспечено, об этом никто не хотел думать.

Трудно представить себе, как быстро росла самоуверенность в болгарском обществе после первых же пограничных успехов, особенно же после падения Киркилиссе. По сравнению с этой крепостью Адрианополь объявлялся «игрушкой». В ответ на цифры и факты, имеющиеся в каждом серьезном справочнике, нетерпеливо пожимали плечами. Когда греки взяли Салоники, а сербы Монастырь, прошло первое облако досады: «Почему не мы?». Что эти города все же достанутся болгарам, никто не сомневался. «Никогда Фердинанд не даст грекам Солуни», — говорили политики софийских кофеен. «А с греками мы непременно еще подеремся, — прибавляли наиболее откровенные, — только не сейчас, а лет через десять, когда оправимся». «В Великой Болгарии будет слишком много греков, — поясняли они, — необходимо будет заставить их жить болгарскими национальными идеалами. А этого-то не достигнем, если не проучим, как следует, Грецию».

«Если греки посмеют настаивать на Салониках, мы непременно доведем дело до войны», — говорил демократический шеф Малинов, бывший премьер, и жаловался, что цензура не пропускает в телеграммах этой его мысли. Цензура, впрочем, на этот счет скоро смягчилась и не только пропускала, но и поощряла всякие выпады против союзников.

— Румыния? Бессильное, гнилое государство, несмотря на свою культурную позолоту! Пятно боярской реакции на карте Европы! Вторая Турция! Если они посмеют пошевелить пальцем, мы, вернувшись, разнесем их! Мы поднимем их собственное крестьянство! Мы обрушим на их головы аграрную революцию!

О Сербии, о ее армии, о ее политиках, — несмотря на то, что союз еще не был поколеблен, — отзывались с полным презрением.

Чудовищное самомнение питалось из двух источников: с одной стороны, победами, с другой — режимом солдатской цензуры. Газеты писали только то, что было угодно «штабу»¹. Все, что противоречило видам, настроениям или капризам победоносных генералов, беспощадно вычеркивалось. А за спиной штабной цензуры тогдашний министр почты Франгя, один из самых темных гешефтарей, дополнительно вычеркивал из телеграмм все, что не нравилось министерству. Софийские газеты превратились в подобострастное эхо военной диктатуры. «Руководящая» европейская пресса пресмыкалась перед победителями и заискивала их симпатий. Ни слова критики или предостережения! Редактора софийской рабочей газеты Христо Кабакчиева комендант Бонев вызвал к себе в комендантство и, показав плетью (она всегда лежала у него на «письменном» столе), разъяснил:

— Если будешь печатать твою газету, я ее вот этой плетью пропечатаю у тебя на спине.

И газету пришлось приостановить.

Кучка людей, которая уверовала, что веками подготовленный разгром Турции есть дело ее собственного гения, ее силы и решительности, вообразила, что она может теперь властно командовать не только своими репортерами и вернопреданными ей иностранными журналистами, но и европейским общественным мнением, а заодно уж Сербией, Грецией и Румынией... Когда отношения достигли последней степени напряжения, Гешов, более других осторожный в своем двойном качестве богача и старика, отступил в сторону. Его место занял Данев, политика которого, как скоро выяснилось, целиком укладывается в формулу: «море по колена».

Недели его господства были неделями стремительного падения с высоты. Было бы бессмысленно обвинять во всем злосчастного софийского Бисмарка. Он только дал наиболее яркое выражение самоуверенности, бесшабашному азарту и легкомыслию правящей Болгарии.

На смену ему теперь пришел Радославов, бывший сподвижник Стамбулова, потом его противник, фигура на софийских улицах очень популярная, хотя и, «с другой стороны», «палочник», по установившемуся политическому определению. Палка не есть изобретение Радославова, который вообще ничего не изобрел. Палку, как решающий политический фактор, ввели в конституционный обиход Болгарии стамбулисты. Но у Стамбулова палка была

¹ Штабу (болг.).

орудием политической идеи. Опасаясь политики русской дипломатии, которая прибирала освобожденную Болгарию к рукам, в качестве будущей придунайской губернии, и не находя опоры в насквозь русофильском населении, преисполненном еще свежей благодарности к «освободительнице», Стамбулов принялся при помощи палки вколачивать в болгарские головы идею самостоятельной болгарской политики. Радославов унаследовал от Стамбулова палку, но освободил ее от всякой политической идеи, если не считать чистую идею палки. Доктор Радославов стоит с суковатой дубиной в руках, готовый на всякие поручения. Он выжидает момента политической безвыходности, когда нужны меры чрезвычайные, на которые никто другой не решится. Такой момент и наступил. Министерство иностранных дел, т.е. то министерство, через которое будут проходить вопросы жизни и смерти Болгарии, Фердинанд предоставил не Радославову, а умному Геннадиеву. Формулярный список этого политика тоже не свободен от «особых примечаний». Геннадиев был первое время заклятым врагом Стамбулова, но потом дал себя убедить: аргумент Стамбулова в Софии точно известен и измеряется всего-навсего четырехзначным числом. Как утверждают, тайные документы Стамбулова, весьма компрометирующие многих лиц, в том числе и князя (NB: стремление овладеть этими документами было одной из причин убийства Стамбулова), перешли через Петкова к Геннадиеву и являются будто бы в его руках важным оружием. К этому нужно еще прибавить, что Геннадиев вместе с Савовым и Пайковым, умершим при входе в народное собрание в день разбирательства его «дела», составляли наиболее скомпрометированный хищениями триумvirат последнего стамбулистского министерства...

Таковы вчерашние и сегодняшние вершители болгарских судеб. Вслед за эфемерной славой побед они взвалили на трудолюбивый и энергичный болгарский народ такую гору несчастий, что трудно предсказать, сумеет ли трудовая Болгария выпрямить спину в ближайшие годы. И горячее сочувствие к беспримерным бедствиям народа, вконец истощенного и распятого меж четырех враждебных армий, естественно сочетается с негодованием против правителей Болгарии и организаторов ее разгрома.

Антид Ото

154

«Земщина». 11 июля 1913 г. Воинственный зуд

Вчерашние мои слова уже и оправдались. Я указал на *подготовку* «Новым временем» *почвы* для проповеди самостоятельного выступления России в целях умирения Турции и говорил, что вслед за тем появится и требование

немедленной расправы. И вчера же «Новое время» поместило две передовицы именно в этом духе. Турки режут христиан и могут совсем вырезать — Россия, скорее спасай их!

Вопрос ставится ребром. Дипломатия Европы неоднократно-де давала советы Турции, делала угрозы, однако, все это не действовало и приучало не только Турцию, но и все балканские государства не считаться с постановлениями дипломатии и не придавать им никакого значения. Поэтому мы должны добиваться самого решительного воздействия на Турцию, и дело это вовсе не трудное — можно ведь использовать Россию. *В руках России есть, мол, средства воздействовать* — «русские войска могут немедленно оккупировать» соответственную часть смежной с нашими пределами турецкой территории и продолжать оккупацию, пока области Адрианопольского вилайета к западу от линии Энос — Мидия не будут очищены от турецких войск»...

С таким решением вопроса можно было бы согласиться, но при условии — если эта оккупация произведена будет *с согласия всех великих держав* и, стало быть, не вызовет *ни с кем* никаких осложнений и не даст повода *другим державам* вмешиваться в нынешнюю распрю. Если же мы должны спасти Болгарию *за свой страх*, с риском обострить свои отношения и, может быть, дойти даже до драки, то я указал бы более простые средства спасения Болгарии — предложить ей немедленно заключить мир с Сербией, Грецией и Румынией и выгнать турок из Адрианопольского вилайета...

Мне скажут господа шовинисты и болгаролюбы — болгары готовы заключить мир, но сербы, греки и румыны предъявляют чрезмерные требования... Не наше это дело. Болгарии следовало об этом раньше думать. Если же она, «не спросясь броду, сунулась в воду», — пусть сама и платится. Не русским же подставлять свои головы за легкомыслие и подлость болгарских правителей, а иначе, как подлостью, нельзя назвать разбойное нападение болгар на вчерашних своих союзников. Кто виноват в этом — пусть и несет ответственность.

Нечего нам втирать очки и зверствами турок. В зверствах все упрекают друг друга. Болгары упрекают не только турок. Они кричат о зверствах и сербов, и греков. Сербы же и греки еще громче вопиют о зверствах болгар... Мы достаточно спасали всех от зверств турок, раздувавшихся в свое время до чудовищных и небывалых размеров. Теперь же у балканских государств довольно силы, чтобы прекратить турецкие зверства — нужно только перестать зверствовать над своими же братьями и заключить немедленно мир...

Нам тычут еще в нос, что наш престиж падает в Болгарии. А я скажу — он потому и падает, что мы слишком нянчимся с ней и готовы превратить русский народ в пушечное мясо болгар-«братушек». Если же они поймут, что к призыву русского царя надо относиться с благоговением, если они поймут, что Россия выручает только тех, кто сообразуется и с русскими интересами и потому внимательно прислушивается ко всякому царскому слову, тогда подымется и наш престиж. Престижем пользуется только сила, а не слякоть.

Допустить уничтожение Болгарии мы, конечно, не можем. Но проучить ее и притом проучить сурово — даже должно. Нужно заставить раз навсегда болгарских управителей помнить, что покровительство России оказывается не всякому встречному. Оно оказывается только тем, кто того заслуживает...

Болгария все свои шашни ведет по соглашению с Веной. Когда же Вена заводит ее в трясины, то только тогда взоры обращаются к России...

Очень нам нужны такие взоры!..

Я далек от мысли, чтобы Россия мстила Болгарии и за стамбуловщину, и за неуважение к царскому призыву, и за начало братской бойни. Не в нашем духе мстить кому бы то ни было. Говорю лишь, что после всех тех преступлений, которые позволила себе Болгария, приносить за нее новые жертвы кровью и народными деньгами — было бы безумием...

С. Глинка

155

«Московские ведомости». 11 июля 1913 г.

Славянская идея

(Письмо к издателю)

М. Г. — Крайне поразило нас объявление всеславянского общества «Славия» (*Моск[овские] Вед[едомости]*, № 146) о состоявшемся постановлении *закр[ыть]* общество «Славия», «так как после Каинова дела на Балканах на долгое время устраняется возможность плодотворной пропаганды в России славянской идеи».

Как от того, что один из славянских народов, совершенно лишенный славянского самосознания и притом руководимый государем-иноземцем, которому не только чужда славянская идея, но, как видно, даже ненавистна, ибо уже не в первый раз бросает он свой народ в объятия Австрии, готовый принести в жертву интересы славянства; от того, что этот славянский народ из-за честолюбивых планов своего неславянского вождя из недавнего союзника обратился в коварного врага, — мы должны хоронить славянскую идею?

Вот именно потому, что этот печальный пример служит доказательством того, что между славянскими народами есть такие, которые лишены славянского самосознания, нужно настойчиво, неустанно пропагандировать славянскую идею. Эту идею нужно не только распространять, но воспитывать и постепенно развивать ее содержание.

Славянская идея еще в зародыше, несмотря на то, что она была провозглашена полвека тому назад бессмертными Колларом и Штуром. Она долго лежала под спудом, лелеемая и разрабатываемая в тиши кабинета нашими

славянофилами и некоторыми западными славистами-патриотами. Сильный толчок ей был дан русским народом войной за освобождение балканских славян. Затем, после несчастного Берлинского конгресса она опять сошла со сцены.

Что воскресило ее опять?

У западных славян — сознание необходимой борьбы объединенного одним племенным чувством славянства с вековым врагом славянства — немцами, все энергичнее и энергичнее наступающими на славянство и угрожающими всему славянству; у славян восточных, именно у русских и сербов¹, аннексия Боснии и Герцеговины глубоко оскорбила их племенное чувство. Сербов это событие буквально воскресило после моральной смерти, поразившей их со времени кровавого 20 мая 1903 г.²

Это несчастное событие (аннексия) в то же время раскрыло степень самосознания славянского у западных славян. Поляки, так красноречиво говорившие на Пражском съезде³ накануне аннексии о равноправии и свободе каждого славянского народа, теперь в лице посла своего в венском парламенте г. Гломбинского, *польского национал-демократа*, провозгласили: «Поляки приветствуют присоединение Боснии и Герцеговины, как *политическую необходимость* не только для империи и оккупированных провинций, но и для Турции и Европы».

Лучше нельзя было формулировать отсутствие всякого славянского самосознания.

Хорваты, мечтающие о великой Хорватии, видели в аннексии шаг к осуществлению своей хорватской идеи.

Клерикальная партия у словенцев одобряла аннексию; одни чехи открыто порицали ее.

Это было пять лет тому назад. С тех пор какие успехи сделала славянская идея у западных славян и в какую форму вылилась она?

Чехи понимают эту идею для настоящего времени как экономическое и культурное сближение, и в этом смысле у них кое-что делается.

У хорватов славянская идея существует только в форме юго-славянской идеи, дальше этого они еще не идут и славянскую идею вообще не понимают. Да оно и понятно: им приходится бороться с мадьярами за свое существование: это стоит у них на первом плане, и славянская идея у них выражается в форме сочувствия к славянам, боровшимся с турками. Из славян они больше всего симпатизируют единоверным полякам и совершенно равнодушны к преследованиям русских галичан поляками.

Поляки, известно, кроме притеснений русских галичан, отрицающие в них самое русское происхождение, в венском парламенте всегда

¹ Так в тексте. Сербы относятся к южным славянам, а не к восточным.

² Что это так, мы можем доказать (*прим. авт. статьи*).

³ Славянский съезд в Праге в июле 1908 г.

поддерживают антиславянскую политику, и, как сообщали недавно газеты, предложили (краковские поляки) туркам свою помощь против славян.

В Силезии (часть короны Свято-Вячеславовой¹) поляки вытесняют чехов из их земли, переселяя туда массами мазуров, и устами своей газеты *Głos ludu slaskiego* (апр. 1910 г.) говорят о чехах: «И эта-то европейская сволочь осмеливается нас упрекать, что мы не работаем против германизации... Мы, польский народ, имеем для этих славянских трутней единственное лекарство: “прочь от Кракова!!!”».

В прошлом 1912 г. летом была польская выставка в Праге. Она называлась «этнографической», но оказалось, что по этой части поляки ничего не могут выставить, и они повезли продукты современного искусства, в том числе модные шляпы и платья. «А сколько ненависти к нам высказывалось поляками без всякого такта!» — говорила мне одна русская дама. Словом, полное отсутствие славянского самосознания в поляках. А если когда высказывается ими *славянская идея*, то она понимается как объединение западного славянства под гегемонией Польши для борьбы западного славянства с восточным.

У русских славянская идея выливается в форме сочувствия к православным славянам и с недавнего времени к русским галичанам, притесняемым поляками и украинцами.

Вот и все, что можно сказать о славянской идее, как она понимается славянами в настоящее время.

Как видит читатель, славянская идея пока носится только в воздухе, как смутная идея. Ее нужно еще определить и затем воспитывать ее, как делали немцы со всенемецкой идеей в течение целого столетия.

Во-первых, славянская идея для своего существования требует прежде всего славянского самосознания. С этого нужно и начать, а для этого нужно сближение славян между собой, личное знакомство, посещение славянских земель, знакомство с культурой каждого славянского народа и с его историей. Кое-что в этом отношении и делается отдельными лицами и даже группами, съездами ученых и представителями разных ветвей культуры. Следует усиленно продолжать это, и тогда со временем воспитается в массах, — по крайней мере интеллигентных, — *славянская идея*.

Как же славянскую идею нельзя теперь пропагандировать в России, по мнению представителей общества «Славия»?

Ел. де-Витте

¹ Земли короны Святого Вацлава или Земли Чешской короны — понятие, объединяющее территории, полученные чешским королем Карлом I от отца, затем вошедшие в состав Австрийской империи и, согласно ее законам, должны оставаться единым целым.

**«Утро России». 11 июля 1913 г.
Триумф цинизма**

Двадцать шесть лет тому назад покойный Стамбулов возвел на княжеский престол Болгарии Фердинанда Кобургского. Положение двадцатишестилетнего австрийского офицера, не признаваемого ни Россией, ни Европой, было в ту пору не из приятных. Камердинер Федор Иваныч в появившихся два года спустя после появления принца Фердинанда в Софии толстовских «Плодах просвещения» следил весьма усердно за европейской политикой. Берясь по утрам за газету, он неизменно интересовался болгарскими событиями. «Ну-ка, что Фердинанд наш, как изворачивается?»

Федор Иваныч мог быть вполне довольным своим героем: Фердинанд великолепно изворачивался. И в конце концов довел себя и свою страну до Люле-Бургаса, Лозенграда и Адрианополя. Судьба, казалось, избрала кобургского принца своим баловнем. Но, как все баловни судьбы, и Фердинанд утратил то чувство меры, без которого так трудно удержаться на вершинах политического и общечеловеческого благополучия.

После прошлогодних фракийских побед настали злополучные дни македонских поражений. Весь Балканский полуостров ополчился на фердинандову Болгарию. И не одни вчерашние союзники-соратники, но и нейтральная до сей поры Румыния, и, наконец, даже сама только что разбитая Турция выступили против болгар. Настали черные дни для Фердинанда. Полтора месяца тому назад он был непреклонен в своих решениях, горделиво стоял на своем, не хотел идти на компромиссы ни с сербами, ни с греками. Сегодня, униженный и пораженный, он готов на все уступки, лишь бы сохранить Болгарию для себя, себя для Болгарии.

И снова старый фердинандов доброжелатель, увековеченный Толстым Федор Иваныч, если еще жив и читает газеты, наверное, полусочувствующе, полунасмешливо побрякивает. «Ну-ка, что Фердинанд наш, как изворачивается?»

Что царь Фердинанд изворачивается, и изворачивается из последних, видимо, сил, ясно для всех, следящих за развитием дел на Балканах. Быть может, дальнейший ход событий примет такой оборот, что большинство болгарского народа отделит общее дело страны от личного дела ее нынешнего государя. Утративший симпатии народа и сочувствие Европы монарх явится в таком случае естественной искупительной жертвой, которую придется принести во имя будущего покоя и благоденствия несчастной Болгарии. Но, как бы то ни было, а Россия и сейчас не отождествляет болгарское государство с личностью ее монарха. Россия жалеет Болгарию, печется о ее судьбе, озабочена ожидающим ее будущим.

Покуда борьба шла между болгарам, сербам и грекам, можно было еще говорить об относительном равенстве сил, можно было обсуждать вопрос

о правых и виноватых в возбуждении этой возмущившей славянскую совесть войны. Но когда на теснимую сербами и греками Болгарию вероломно напали румыны, когда в очищаемую концентрирующимися вокруг Софии болгарскими войсками Фракию вторглись турки, присущее человечеству чувство элементарной справедливости восстает против пяти народов, решивших до конца использовать благоприятный момент и окончательно унизить одинокую, всеми покинутую Болгарию.

То, что совершили румыны и совершают сейчас турки — не что иное, как циничная пощечина веками освященным традициям войны. Прецедент, нарушающий те общепризнанные условности, обязательные в международных взаимоотношениях, без соблюдения которых распадается в прах вся практика и теория международного права, грозит превратить в общеевропейскую свалку любое столкновение двух или нескольких государств между собою.

Возмутительным вторжением румынских войск в беззащитные северные пределы Болгарии устанавливался своего рода прецедент. Этим прецедентом, молчаливо признаваемым Европою, не замедлила воспользоваться Турция. На неспособное к отпору государство, боевая мощь которого разгромлена победоносным противником, с алчностью мародеров набрасываются его соседи, стремясь подобно трусливым гиенам урвать свою долю добычи. И те самые так называемые культурные страны, что недавно еще созывали гаагские конференции и на них вырабатывали и устанавливали высокогуманные основы права войны и обязательные для культурных народов приемы и обычаи войн, те самые страны не восстают сейчас против вопиющего нарушения прав воюющих, не протестуют против мародерских приемов, позорящих культурное человечество.

Разбойное нападение Румынии на Болгарию создает прецеденты, как бы целиком выхваченные из диких времен глухого средневековья. Следуя этим прецедентам, Австрия имела бы основание в годину злополучной эритрейской кампании¹ напасть на Италию, Германия могла бы вторгнуться в наш Прибалтийский край в дни Ляояна и Цусимы², и мы, со своей стороны, могли бы захватить Константинополь и проливы в период последних чаталд-жинских боев.

Былой принцип балканского равновесия, исповедуемый до сей поры европейскою дипломатией, уступил место принципу разнузданного цинизма. Элементарное чувство порядочности по отношению к осиленному в борьбе со своим противником соседу атрофировано у остальных, не принимавших участия в борьбе соседей. С жестокой алчностью шакалов, рыскающих по свежему полю сражения, набрасываются на беззащитных болгар турки и их достойные товарищи — румыны.

¹ Имеется в виду неудачная для Италии война с Эфиопией 1895–1896 гг.

² Во время неудачных для России сражений русско-японской войны 1904–1905 гг.

И хочется верить правдивости слухов о том, что Сербия, Черногория и Греция решили всемерно воспротивиться тому, чтобы Турция уничтожила плоды болгарских побед, добытых кровью общевосточного союза. Хочется верить, что протест этот будет направлен не только в сторону Турции, но что и чрезмерные притязания чуждой славянству Румынии встретят дружный отпор со стороны всех четырех членов бывшего Балканского союза.

Вот благоприятный момент для восстановления этого нарушенного несчастной междоусобицей союза. На почве этого общего протеста могли бы вновь сплотиться и побежденные, и победители.

Выход в море нашей мобилизованной черноморской эскадры, о чем вчера сообщило официальное «Агентство»¹, приобретает в настоящий момент политический характер и будет, конечно, приветствован всеми, кто дорожит восстановлением нарушаемого равновесия и надеждами на возобновление Балканского союза.

157

«Голос Москвы». 12 июля 1913 г. Предел терпения!

В тот самый момент, когда в Нише начались долгожданные мирные переговоры между представителями Сербии, Греции, Румынии и Болгарии, наглое и абсолютно ничем не обоснованное выступление Турции грозит надолго отодвинуть умиротворение Балкан.

Отоманская империя ввела свои войска на территорию, только что уступленную Болгарии Лондонским мирным трактатом.

Последние, уже официальные, сообщения с театра войны указывают, что турецкая армия, все предавая огню и мечу, захватила Лозенград и Одрин.

Турция давно уже собиралась с силами, чтобы вернуть хотя бы часть Фракии, и турецкие армии, сосредоточенные под Чаталджей и вблизи Булаира, не были демобилизованы.

Для охранения безопасности и преследования разбойничьих шаек в новоприобретенных округах Болгария располагала всего восемью эскадронами и несколькими ополченскими дружинами.

Оборона Фракии была вверена Болгарией постановлениям Лондонского трактата и державам, бывшим посредниками при заключении мира.

Отоманская империя вторично увлечена на опасный путь войны шовинистами, проигравшими первую кампанию и мечтающими смыть пятно бегства от Лозенграда и Люле-Бургаса.

¹ Санкт-Петербургское телеграфное агентство.

Первая война едва не привела к полному разгрому Турции. Он был предотвращен заступничеством держав.

Но турецкое правительство недостаточно вдумалось в ряд горьких уроков. Оно не поняло того, что Турции так же невозможно возвратиться на Балканы, как невозможно заставить воды Босфора течь от Стамбула к Черному морю.

Турция не пожелала понять, что ей, лишь *терпимой* в Европе, никоим образом не следует идти против воли держав. Она объявила войну не Болгарии, а *Европе*, и из этой войны она выйдет навсегда обессиленной.

Не может быть ни малейшего сомнения, что кровавое нашествие турецких войск, занявших без боя Адрианополь и Лозенград, не принесет Турции никаких реальных выгод. Поправ только что подписанный договор, Порта нанесла оскорбление России, Англии и Франции. На этот безумный выпад азиатской державы, возникшей на пепле древнейшего очага христианской культуры, Европа должна ответить вытеснением Турции по ту сторону Босфора и Дарданелл.

Линия Мидия — Энос показалась Турции недостаточно удовлетворяющей ее интересам, но еще менее она удовлетворяет интересам балканских держав и Европы, потому что, опираясь на этот клочок европейских владений, Турция еще может играть роль в европейской политике.

Балканский союз может возродиться из порохового дыма македонских боев обновленным и даже более мощным, ибо к нему примыкает Румыния. Этот союз из пяти государств явится достаточно сильным для того, чтобы указать Турции ее надлежащее место; взамен уступленной Румынии Добруджи и отданной Сербии и Греции части Македонии Балканский союз должен предоставить Болгарии компенсацию за счет Османской империи, отдав ей Фракию до Родосто и Чаталджи включительно.

Европейским державам нет более причин ставить подпорки Турции, нагло идущей вразрез с международными договорами и единодушной волей держав.

Настало время и для России позаботиться об охране собственных интересов. Пусть Англия аннексирует Египет и остров Тазос — мы должны исправить в стратегическом отношении нашу кавказскую границу и занять Баязет, уже не раз бывший в русских руках. Но наиболее важным вопросом дня является открытие проливов, которое может быть нами безотлагательно осуществлено *явочным* порядком.

Предел терпения России превзойден!

**«Утро России». 12 июля 1913 г.
Европа против Турции**

Усилия европейского концерта локализовать вторую балканскую войну не увенчались успехом. Пример Румынии, выступившей в роли европейского жандарма, увлек Турцию. Адрианополь уже в руках турок. В Константинополе неописуемый подъем народного воодушевления, в мечетях фанатики-муллы призывают правоверных к походу на Софию и празднуют возвращение Адрианополя, как великий исторический день для ислама.

Пресловутый Энвер-бей, великий мастер на малые дела, снова во главе движения. Убийца Назима-паши предводительствует оттоманскими полчищами, вторгнувшимися во Фракию, и торжествует победы над беззащитными жителями и мелкими, не оказывающими сопротивления болгарскими гарнизонами. Герой современной Турции!

Занимая покинутые болгарями города, турки режут христианское население, турецкие банды опустошают Адрианопольский вилайет. Адрианополь, по слухам, горит. Наступление продолжается. Турки перешли уже старую болгарскую границу и движутся на Софию.

Нападение турок на болгар не что иное, как дерзкий вызов Европе, той Европе, которая на лондонском совещании санкционировала условия мира между Турцией и бывшими балканскими союзниками. Порта, конечно, и на этот раз следует своей традиционной тактике — сваливает ответственность за возобновление военных действий на свою фанатизированную военной партией армию.

Но Европе нет надобности разбираться в вопросе, кто в Турции виновен в нарушении с трудом налаженного в Лондоне мира. Европа знает одно лишь оттоманское правительство, и в том, что творится сейчас турецкими войсками, ответственна перед Европой официальная Турция.

Пользуясь бедственным положением Болгарии, со всех сторон окруженной победоносными противниками, Турция пожелала вернуть себе хоть часть того, что она только что утратила. Конечно, Европа не допустит этого, и ее «Руки прочь!» не замедлит отогнать полчища Энвер-бея обратно за линию Энос — Мидия.

Но сейчас не в этом одном только дело. Своим внезапным вторжением в болгарские пределы Турция доказала, что и в тех тесных границах, к которым свели ее европейскую территорию победы балканских союзников, она все еще представляет явную угрозу для европейского мира.

Вопрос о воздействии на Турцию решается на сегодняшнем экстренном заседании лондонской посольской конференции. Обсуждаются меры воздействия на Турцию. Меры эти могут быть весьма разнообразны, начиная с международной морской демонстрации в проливах вплоть до занятия русскими войсками Армении.

Но Европа может поднять вопрос более существенный. Она может поставить на очередь необходимость разрешения так называемого восточного вопроса во всем его объеме. А это может выразиться в совершенном оттеснении Порты с европейского материка.

Сейчас Турция объявила, что считает мирный договор, отредактированный в Лондоне, несостоявшимся. По ее словам, она договаривалась с Балканским союзом, теперь же этого союза более не существует. С юридической точки зрения мотив этот, конечно, неприемлем. В момент заключения договора Балканский союз существовал. Но Турция, видимо, не считается с тем, что союз этот не сегодня-завтра может вновь возродиться, быть может, даже под мощным давлением нарушения турками мира.

Новый балканский союз может на этих же днях вновь сплотиться против своего недавнего общего врага, и тогда Турция будет окончательно выдворена в азиатские пределы. Между нею и балканскими государствами окажется тогда естественная, более надежная граница — водная полоса проливов.

Вот перед какой перспективой может очутиться политически дезорганизованная Турция вследствие восторжествования в ней демагогических импульсов Энвер-беев и стоящей за их спинами непримиримой военной партии.

Уничтожить плоды балканских побед Турции не удастся. Европа жаждет мира. И этот мир во что бы то ни стало будет восстановлен.

159

«Московские ведомости». 13 июля 1913 г.

Балканская горячка

Будущий историк, рассматривая события нынешнего года, будет поражен патологическим характером развивавшихся событий, этим переходом от высшего подъема человеческого духа до его крайнего падения, этими проявлениями необычайного героизма и самопожертвования и вместе с тем низкой зависти, заносчивости с каким-то полнейшим отсутствием прозорливости, не позволявшим целым народам предусматривать даже свой ближайший шаг. Будущие поколения будут не менее поражены при виде того, как культурные государства равнодушно взирали на бойню народов, не предпринимая никаких мер для прекращения ее, и как они в собственных эгоистических интересах натравливали обезумевшие народы один против другого, видя в этом средство продлить собственное существование.

Кто решился бы три месяца тому назад предсказать, какой оборот примут события на Балканском полуострове после того, как геройскими усилиями соединенных балканских государств была повержена во прах

Отоманская империя? К несчастью, в четырех балканских государствах не нашлось ни одного светлого государственного ума, который сумел бы разъяснить союзникам, что у них враги имеются не только в Турции, и предостерег бы их от коварных речей и советов этих недругов. И вот достаточно было каждому союзнику в отдельности подсказать, что он может выиграть для себя изменой общему союзу, достаточно было Австрии устами Тисы крикнуть: беритесь за оружие! и союзники, как панургово стадо, бросились топтать в грязь свою светлую будущность на пользу своим непримиримым врагам, забыв сразу, что только в единении сила, что раздробленные между собой балканские народы являются добычей жадных соседей. Особенно непростительна роль руководителей государств. В результате теперь самая цветущая, самая здоровая часть населения этих стран, залог расцвета и укрепления молодых государств, уничтожена. Балканские государства потеряли даже возможность отразить самое коварное нападение на свои границы, и теперь трудно даже предвидеть, сколько нужно лет, пока будут возмещены потери, принесенные в жертву зависти, честолюбию и корысти отдельных лиц.

Разве это не безумие? Разве все эти жертвы могут чем-либо быть возмещены? Кто поручится, что этими жертвами ограничится начавшееся истребление балканских славян? Если Сербия в союзе с Грецией, этим коварным врагом славянских народов, решилась разгромить Болгарию, то почему Румынии, вмешавшейся в борьбу, по выражению английского официоза, как морской разбойник, не попытаться вместе с той же Грецией, обуреваемой манией величия, сокрушить Сербию? Это только соответствовало бы тем пиратским инстинктам, которыми стали руководствоваться балканские государства, прислушивающиеся к голосу из Вены.

Руководители этих государств, очевидно, не отдают себе отчета в тех чувствах, которые вызывают их действия в русском народе, приносившем столько неисчислимых жертв в пользу славянских племен. Возможно ли продолжение этих жертв, когда Россия видит, как ее добрые советы оставляются без внимания и вместо того принимаются советы врагов славянства. На Балканах могут судить по отношению держав к событиям, что от них нельзя ожидать энергичных мер в пользу мира, и что дипломатия способна заниматься только пустой болтовней. Если бы европейские державы не раздробились на две группы, которые только и думают о том, как ослабить противную группу, тогда они сумели бы настоять на уважении своих постановлений и никогда бы Турция не решилась так дерзко насмеяться над решением Лондонской конференции, нарушить установленную границу и занять Адрианополь. Но в Турции хорошо знают внутреннее бессилие раздробленной Европы, об общности интересов которой считает необходимым говорить красивые фразы каждый дипломат. Нисколько не будет удивительно, если турки спокойно пойдут дальше, чтобы возвратить себе все недавно завоеванное у них союзниками. Европа им мешать не будет, союзники помешать не могут,

потому что свежая, отдохнувшая турецкая армия легко может справиться с истощенными армиями союзников, наполовину составленными из призывных самых старых сроков. Если это не принесло бы пользы Турции, потому что завоеванное она все равно не могла бы удержать, и что она предназначена судьбой к гибели, то и балканские государства очутились бы в руках своих врагов и, может быть, даже вспоминали бы о том времени, когда находились под игом Турции.

В Нише собрались теперь делегаты балканских государств для выработки условий мира. Несомненно, и здесь нужно ожидать мелочного торга мелких людей. Но если европейское согласие не звук пустой, то эти делегаты должны знать, что не они скажут последнее слово о судьбе Балканского полуострова, а европейские державы. Голос же европейских держав зависит от того, раздастся ли, наконец, с должной энергией слово России, указав обезумевшим балканцам *обязательное примирение* и такое разграничение, которое они обязаны беспрекословно принять.

160

«Голос Москвы». 14 июля 1913 г.

Начало конца

В Нише начались мирные переговоры, отвратительные по своему моральному содержанию. К Болгарии, вынесшей на своих плечах всю тяжесть турецкой кампании, предъявлен счет жестокий и беспощадный, причем наиболее неумолимыми кредиторами оказались... греки, эти храбрые вояки, занимавшие земли и крепости, очищенные предварительно турецкими войсками, выставившие в поле сражения армию не свыше 80 тыс. человек и понесшие потери всего в шесть тысяч.

Совершенно бесполезно говорить с этими людьми на языке порядочности, долга, права. Они сами уничтожили все основания для такого отношения. Не может быть и речи о каких-то обязанностях к ним нравственно-национального свойства со стороны России. Они доказали, что Россия им нужна только тогда, когда это им выгодно. Во всех остальных случаях они предпочитают обходиться без ее участия. Им надо дать почувствовать, что значит «политика интереса», которой они присягнули.

В некоторых дипломатических кругах в Петербурге думают, что в результате передрыг на Балканах создастся положение, неблагоприятное для Австрии. По крайней мере, два члена намечающегося балканского союза — румыны и сербы — имеют с Австрией весьма серьезные счета и по этому самому являются как бы естественными союзниками России. Но в том-то и дело, что имеется еще один член союза — Греция, аппетиты которой

направлены в сторону, самым существенным образом задевающую интересы России — на Константинополь и проливы. Есть и у Румынии счеты с Россией: из-за Бессарабии. Кто же возьмется предсказать, по какой линии пойдет новый союз?

В этом году балканцы дали столько доказательств вероломства, что приходится рассчитывать решительно на все. Говорят, что сербы при всех условиях не поднимут оружия против России. Увы, их заставят это сделать даже против их желания, под угрозой уничтожения их национальной самостоятельности, ибо не может же Сербия выступить сразу против всех своих соседей. Предусмотрительная дипломатия должна быть всегда готова к худшему, тем более что худшее в данном случае вполне очевидно, и должна сделать все, чтобы это худшее предотвратить.

В этом направлении намечаются две несомненные задачи: ни в коем случае не может быть допущено значительное усиление Греции и Румынии. Область территориального приращения Румынии не должна выходить за пределы Туртукай — Балчик, но и такое расширение может быть допущено лишь в том случае, если Румынией будут даны вполне осязательные гарантии «доброго соседства». В противном случае против нее должно быть направлено острие того самого принципа компенсаций, который так охотно провозглашен ею, ибо одни лишь «добрые чувства» на международном рынке котируются низко, а на балканском — в особенности. Расширение Греции не может быть допущено далее Салоник при условии, что последний порт будет объявлен нейтральным, ибо расширение Греции по эгейскому побережью создаст опасность для интересов России в будущем и, вместе с тем, создает возможность для гегемонии над Сербией и Болгарией. Не может быть допущено и излишнее увеличение Сербии, ибо захват последней чисто болгарских областей Македонии в значительном количестве создает лишь источник для будущих волнений на полуострове, что во всяком случае поощрения не заслуживает.

Вот те главные начала, которые должны лежать в основе поведения русской дипломатии. Она уже заявила, что не потерпит излишнего умаления Болгарии. Прекрасные слова, но они должны быть подкреплены делом. Сейчас же должен быть достигнут контакт между державами европейского концерта с целью обеспечить пересмотр мирного договора балканских бретеров; в том случае, если окажется, что общее согласие невозможно, надо готовиться к защите своих интересов крайними мерами, ибо дальнейшего унижения нашего престижа мы ни в коем случае допустить не можем.

161

«Голос Москвы». 16 июля 1913 г.

Греческая вакханалия

(От нашего корреспондента)

Афины

Кажется, не найдется сейчас в Афинах и во всей Греции ни одной семьи, которая не лишилась бы сына, мужа, брата. Несмотря на стратегические таланты «греческого Наполеона», как теперь здесь называют короля Константина, военные успехи греков при таком противнике, как болгары, даются им недешево. Правительство скрывает точные цифры потерь, но из источников, близких к военному министерству, всем здесь прекрасно известно, что общее число погибших в боях и лежащих по госпиталям не менее 35 тысяч.

Однако, несмотря на все это, энтузиазм здесь царит неописуемый. Греки далеко не сентиментальны. Цена человеческой жизни здесь — грош, и о потере близких людей и в обычное время недолго плачут. А теперь, когда все взвинчено до последних пределов искусно раздутой политической идеей и начинено прямо химерическими бреднями насчет великого будущего, ожидающего Грецию, теперь на жертвы никто и внимания не обращает.

Вот характерный ответ одного занимающего высокое положение грека, когда я со всевозможными предосторожностями спросил его, правда ли, что его сын умер от раны в госпитале:

— Ну да, мой сын умер, но что же из этого? — со спокойной улыбкой ответил он. — Спросите лучше, сколько до этого он перерезал болгар для счастья родины.

Энтузиазм и взрыв шовинизма, доходящий до умопомрачения, обусловлен двумя причинами: сознанием в народе всей важности настоящего исторического момента для эллинизма и целым ураганом сверхчеловеческой тупой ненависти к болгарам.

Это настроение печать раздувает до колоссальных размеров. Или теперь, или никогда! Именно теперь должно совершиться зарождение Великой Эллады. Пущена даже в оборот давно забытая, появившаяся при рождении нынешнего короля, легенда, будто при взятии Константинополя турками было предсказано, что ровно через 450 лет, то есть в нынешнем году, у греков явится опять царь Константин, который отберет этот город обратно.

Что касается вражды к болгарам, при одном упоминании имени которых каждый грек теперь обращается в зверя, то эта вещь далеко не новая. Греки всегда относились крайне враждебно к этому живучему сильному славянскому племени, видя в нем главную помеху торжеству эллинизма.

То, что происходит здесь сейчас — это целая вакханалия ненавистничества. Печать, руководящие круги, интеллигенция, если только позволительно так назвать греческие «образованные» классы, всевозможные ораторы и духовные проповедники — все это провозгласило один лозунг: «смерть болгарам». Объявлена какая-то священная война против всего болгарского! Тут уже речь не о государственных приобретениях и отнятии у болгар завоеванных земель, а о поголовном «истреблении» всей болгарской нации. Народу внушается, что пока останется хоть один болгарин, Греция не может быть спокойна, потому что, «как показал опыт последней войны, болгары имеют в виду полное уничтожение эллинизма».

Слово «болгары» исключено во всей печати. Его заменило выражение «эти грязные животные». Газеты, самые серьезные, наполнены издевательствами и остротами каторжного свойства по адресу несчастных пленных и вообще болгар.

Одним из козырей для сеятелей вражды являются сообщения о пресловутых болгарских «зверствах». Что сказать об этих зверствах? Несомненно, некоторые такие факты были, так как засвидетельствованы не греками, а беспристрастными лицами. Но где же и когда длительная, изнурившая всех война, да еще на Востоке, обходилась без излишних жестокостей? В этом кипучем котле, в этой политической бродильне, где все теперь оскалились друг на друга, нужно удивляться не зверствам, а тому, как еще не случилось массовых помешательств целых армий и племен.

Что же касается греческих обвинений, то тут многое странно и плохо вяжется с истиной. Очень часто, например, оказывается, что не существует совсем на свете таких болгарских генералов, губернаторов и чиновников, фамилии которых указываются как виновников избиений, не существует и названий деревень и местечек, где они якобы произошли. Один из здешних статистиков подвел итоги всем газетным сообщениям, и оказалось, что до сих пор убито и разрезано на части что-то около 120 греческих епископов и 480 священников, какого числа не имеется даже во всей Македонии и Фракии, и до 115 тыс. обыкновенных греков.

Во всяком случае, можно сказать наверно только одно: греки в долгу в этом отношении не остаются, ибо если они приводят в исполнение хоть одну сотую часть того, к чему их ежедневно приглашает вся эта вакханалия печати, ораторов и духовных лиц, — то и этого более чем достаточно.

Таким образом, как видите, сочувствие, выражаемое некоторыми органами нашей печати успехам греков, и удовольствие по поводу тесной сплоченности Греции, Румынии и Сербии, от которой ожидают установления мира, спокойствия и равновесия на Балканах, едва ли основательны. Греки сами немало удивляются этому сочувствию и тому, что их у нас при трактовке балканского вопроса валят в одну кучу со славянами. Греки не славяне, и интересы их прямо противоположны и враждебны славянским. Этого не нужно забывать.

Между тем все обстоятельства сейчас складываются благоприятно для греков. Несомненно, что из нынешних балканских пертурбаций Греция выйдет усилившейся и пойдет быстрыми шагами к той гегемонии, на которой свихнулась Болгария.

В. Ф. В-н

162

«Московские ведомости». 16 июля 1913 г. Возрождение варварства

Среди умопомрачительных безобразий, запятнавших Балканский полуостров, истинным сверхбезобразием является вторжение турок в Болгарию, этот вероломный удар в спину обезумевшего царства, сцепившегося в братоубийственной резне на западе и обнажившего свой тыл.

Мы помещаем ниже беседу сотрудника нашего с высокопоставленным турецким сановником относительно этого сверхбеззакония, и читатели видят, что турки находят свое поведение совершенно естественным. Им Адрианополь нужен, его можно захватить: они его и захватывают. Так смотрит на вопрос и министр внутренних дел, как передает корреспондент Петер[бургского] Телеграфного Агентства. Весь расчет на бессилии Европы, на том, что она стерпит и это безобразие, как все прочие за эту несчастную войну. «Я уверен, — говорит сановник, — что Европа отнесется терпимо к нашему отступлению от договора». Не теряй же времени, осман, хватай что можно захватить. Но такого полного отсутствия совести, как у нынешних турок, мир не запомнит со времен древнейших османов, и такого наглого оплевания Европа не получала еще ни от кого.

Форменно уступивши всю территорию западнее линии Мидия — Энос, заключив санкционированный Европою мир, турки ринулись на Адрианополь, как только увидели, что там нет болгарского войска. Это напоминает древние набеги каких-нибудь печенегов и половцев. От варваров, способных на такую выходку, мы можем ожидать такого же набега и на свои владения в случае, если на каком-нибудь пункте не окажется достаточно войска для их отражения. Это чистое возрождение варварства. Это не действие государства, хотя бы турецкого, а выступление корсаров. Но недопустимо оставлять воскресение варварства без примерного обуздания. Иначе соседям Турции станет невозможно жить.

Без сомнения, не может не быть достаточно заклеймлена и роль Румынии, обнаружившей такое же вероломство. Но вторжение турок, помимо своего вероломства, составляет дерзкий вызов всей Европе, и особенно нам как ближайшим соседям, наиболее работавшим над турецко-болгарским соглашением. На нас теперь лежит даже известная нравственная ответственность за бедствия болгар. Никто больше нас не помешал болгарам в свое время

взять Константинополь и раздавить ядовитую змею в самом ее логовище. Теперь эта змея при первом же случае кусает болгар сзади, пользуясь тем, что обезумевшая страна в увлечении братоубийственной войной не обеспечила достаточной защитой свой тыл.

Мы не знаем, как европейские державы намерены отнестись к тому оскорблению, которое наносит им Турция вторжением в Болгарию, за границу, Европою гарантированную. Явится ли со стороны держав что-либо более, чем пустые слова увещаний. Но Россия должна бы охранять свою честь независимо от того, делает ли это какая-нибудь другая держава. Россия как пограничная с Турцией держава не может допустить, чтобы вероломные вторжения вошли у Турции в привычный способ действий. Спасшая Турцию от болгар Россия не может допустить, чтобы теперь Турция загрызла Болгарию. Наконец, Россия, уже долгий ряд лет старающаяся о водворении правильных норм международного права, не может допустить столь неслыханно наглого их попрания какой-нибудь жалкой, издыхающей Турцией. Россия должна показать, что право и справедливость — не пустой, бессильный звук, а более могущественный, нежели беззаконное насилие.

Вторжение турок должно быть немедленно остановлено, и варварский набег должен получить примерное наказание, а в то же время и сама возможность повторения подобных случаев должна быть безусловно предотвращена.

Все это не может быть достигнуто ни протестами, ни представлениями, ни соглашениями, никакими подобными гомеопатическими средствами дипломатической аптеки.

Бесконечная пассивность европейской дипломатии, среди которой центральное место мы занимаем уже целый год, укрепили общее мнение о нашем будто бы малодушии и бессилии. Убеждение в этом глубоко пропитывает речь турецкого сановника. А Азия уважает только силу. Поэтому в ответ на дикий набег османов должна выступить сила — аргумент единственно понятный наследникам Магометовых полчищ.

Само собою разумеется, что Турция обязана немедленно вывести войска из Болгарии и дать болгарам блистательное удовлетворение. Но этого было бы мало. Доказавшая свою дикость и бесчестность Турция должна совсем убрать свои орды в Азию. Ее войскам нечего делать в Европе, и Чаталджинская позиция не должна оставаться засадой корсаров. Для того же, чтобы убедить турок в справедливости и необходимости всех этих мер, наилучшее средство может составить занятие Босфора и ультиматум под аргументацией пушек, направленных в дворцы Стамбула. Только такие объяснения могут быть понятны османам.

Если же — паче чаяния — убеждение в малодушии «гяуров»¹ так сильно уже укрепилося у них, что они не поверят даже орудиям броненосцев, то

¹ Презрительное именование немусульман у турок, искаженное арабское «кяфир» (иноверец).

с турецким пребыванием в Европе должно совсем, раз навсегда покончить, заняв вооруженною рукою Стамбул и вывезши все его правительство куда-нибудь в Бруссу.

Полагаем, что это был бы единственный соответственный обстоятельству ответ на неслыханную дерзость Турции — ответ тем более благотворный, что он послужил бы воспитательным уроком и для тех молодых государств, как Румыния, которые, желая пользоваться правом государственного гражданства в цивилизованном мире, не умеют отучиться от варварского воспитания, полученного ими во время турецкого ига.

Если последнее безобразие турок, достойно увенчавшее безобразные балканские события последних недель, не будет примерно наказано, то можно сказать, что мы присутствуем в 1913 году при начале распада культурной государственности и возвращении ко временам азиатской дикости. Однако, из всех держав Европы Россия, вековая носительница цивилизации в Азии, менее всего может допустить такое попрание всей ее исторической миссии.

163

«Русское знамя». 16 июля 1913 г.

Война между братьями

Румыния объявила Болгарии войну тотчас, как только узнала, что воюющие стороны готовы заключить мир. Для болгар дать румынам отпор оружием было немислимо: тогда румыны объявили бы свой захват болгарской территории завоеванием победоносного оружия. Один на один для Болгарии было бы достаточно трудно справиться с Румынией, а разбитую предварительно сербами и греками нечего было и думать о сопротивлении. Болгарское правительство отдало приказ войскам отступать перед разбойниками без выстрела, и румыны уже заняли большую область по реке Дунаю и берегу Черного моря, с хорошими городами Туртукаем и Балчином, намереваясь захватить крепости Рушук и Варну. Это им удастся, если война между братьями будет продолжаться. То, что сейчас отняли у Болгарии румыны, в три раза превышает то, что хотели подлым ночным разбоем захватить болгары у сербов. Так наказал господь подлых людей. Поистине, не стоили братушки того, чтобы из-за них проливалась русская кровь. Видя поражение болгарской армии, турки потребовали немедленного очищения болгарскими тех мест, которые они занимали в пределах Турции в ожидании разграничения новыми линиями болгарских и турецких владений. Вместе с тем турки потребовали начать немедленно установление границ этих, чтобы в случае сопротивления болгар турецким капризам решить дело по-румынски — захватом силою.

Положение Болгарии отчаянное, а берега Эгейского моря уже отняты у них греками, которые требуют образования независимых областей по берегу или присоединения их к Греции. Такое же требование предъявили Сербия и Черногория — увеличения своих земель за счет Болгарии. Величайшее несчастье доставил немец и католик Фердинанд своим православным славянам жадностью своею, вероломством и братоубийством. На севере дела Болгарии еще хуже.

Здесь между Зайчаром и Пиротом болгары ворвались в сербскую землю, заняв город Княжевац. Сербы сделали обходное движение и отрезали отряд от границы, заставив его спешно отступать. Последние известия гласят, что сербы показались уже в одном переходе от Софии, угрожая с севера и с юга занятием болгарской столицы. Такое унижение послал господь убийцам!! Благодаря энергичному вмешательству России кровопролитие будет остановлено, но сербы и греки требуют, чтобы болгары обратились к ним непосредственно с извинениями в коварстве. Это унижение вполне заслуженное. Надлежит полагать, что Болгария сократит теперь свои границы. Уже намечено, что болгары теряют всю область между Вардаром и Струмицей и побережье Эгейского моря. Так как эти местности перейдут к сербам и грекам или будут автономны, то для России такое ослабление Болгарии ввиду ее наглости весьма полезно. Слишком близкие связи Фердинанда с католиками-швабами грозили составить в будущем большие затруднения России в овладении константинопольским проливом, что является для России жизненною необходимостью. Лучше иметь на Балканах несколько слабых государств, чем одно хотя сильное. В то же время усилившаяся Сербия станет тем магнитом, который будет притягивать к себе сербов в Австрии. Влияя с этой стороны, Россия ослабит агитацию Австрии среди поляков к отложению от России польских губерний. Таким образом, даже коварство Фердинанда служит русским людям на пользу. Ряд поражений, испытанных болгарами, побуждает Австрию выступить с претензиями против усиления сербов — своих исконных и будущих злостных врагов. Составлен план занятия Австрией Новобазарского санджака. Хотя и одержавшие победы сербские войска истомлены, потеряли запасы снарядов и не имеют денег, чтобы дать Австрии должный отпор. Все же, надо полагать, затея швабов обойдется им не даром, и Россия скажет свое последнее слово достаточно внушительно. Вот, когда понадобилось свежее русское войско. Дойдет ли дело до такой остроты, предсказать с достоверностью трудно, но все возможно. Испуганная обязанностью своей помочь тогда своей союзнице, Франция уже нервничает, настаивая на европейском невмешательстве. Таким образом, улегшиеся было тучи на Балканах становятся все более зловещими. Выиграет тот, кто скажет последнее слово, которое предугадать составляет талантливую дипломатическую задачу. В Турции в ожидании возможности реванша настало затишье. Турецкое масонское правительство стремится удержаться

у власти игрою на патриотических чувствах своей армии, а это обстоятельство является тем маслом, которое разожжет тлеющее пока пламя. Вообще жадность Фердинанда и его высокая заносчивость испортили все благие результаты победоносной войны союзников. Теперь надлежит вновь работать над созданием нового союза, в который есть прямой расчет вступить Румынии. Тогда коалиция балканских государств станет несокрушимой, и счастливо то государство, дипломаты которого сумеют ее использовать в своих интересах. Будет ли такою Россия — вот вопрос, волнующий великие европейские державы.

164

«Русские ведомости». 17 июля 1913 г.

Передовая статья

Сегодня в Бухаресте открываются заседания мирной конференции из представителей воюющих балканских государств, и открываются они при самых неблагоприятных для Болгарии предзнаменованиях. Требования ее врагов с каждым днем все повышаются. Сербские газеты говорят уже о переходе к Сербии всей Македонии, занятой сербскими войсками, и об исправлении прежней сербско-болгарской границы, — конечно, в пользу Сербии. Занятие Грецией Дедеагача свидетельствует об ее намерении совершенно отрезать Болгарию от Эгейского моря и захватить в свои руки все побережье вплоть до устья Марицы. Фракия фактически опять перешла в руки турок; болгарская Добруджа отходит к Румынии. В итоге Болгария, вынесшая на своих плечах главную тяжесть войны с Турцией, может даже оказаться с урезанными границами в сравнении с тем, что она имела раньше. Плодами ее побед всецело воспользуются другие, несравненно меньше ее сделавшие для сокрушения владычества турок на Балканах или и совсем ничего для этого не сделавшие. Самой Болгарии в награду грозит лишь уплата контрибуции, на которой настаивает Греция и от которой не прочь также Сербия и Румыния, и, может быть, унижение в виде предоставления грекам в Болгарии церковных и школьных капитуляций.

Помочь болгарам могло бы лишь энергичное вмешательство Европы, но о таком вмешательстве пока ничего не слышно. Единственное, о чем сейчас идет речь, это о воздействии на Турцию в целях побудить ее вернуть Адрианополь болгарам; но и это воздействие лишено пока нужной убедительности. Это, впрочем, и понятно. Ведь для большинства европейских держав сам по себе факт принадлежности Адрианополя болгарам или туркам безразличен; он не затрагивает непосредственных реальных интересов ни Франции, ни Италии, ни Англии, а Германия и Австрия по существу

дела даже прямо предпочли бы, чтобы у Турции сохранился больший кусок владений в Европе. Протестовать против Турции во имя права и уважения к санкционированным державами условиям Лондонского договора? Конечно, это можно, но ведь тогда надо протестовать и против действий Румынии, права которой на Добруджу, никогда не бывшую румынской и населенную сплошь болгарами, ни в коем случае не больше прав Турции на Фракию и Адрианополь, еще так недавно бывшие турецкими и населенные преимущественно турками. Надо тогда протестовать против Румынии и за то, что она нарушила петербургское соглашение; надо протестовать и против Сербии, которая так легко отказалась выполнять заключенное ею с Болгарией соглашение относительно раздела Македонии. Конечно, граница Мидия — Энос санкционирована державами, но ведь державами были также санкционированы прежние границы Турции, что не помешало их нарушению. В ответ на подобные возражения Европа могла бы сказать Турции только одно: то сербы или румыны, им можно, а вам, туркам, нельзя; но и для такого аргумента *ad hominem*¹ или, вернее сказать, *ad nationem*² теперь нет почвы. Разве теперь, после ужасной братоубийственной войны, после взаимных обвинений в самых невероятных жестокостях, перед которыми бледнеют рассказы о турецких зверствах, разве можно теперь противопоставлять цивилизованные Грецию, Сербию, Болгарию варварской Турции? Авторитетным выступление Европы могло бы быть лишь в том случае, если бы она взяла на себя решение балканского вопроса в его целом; но на это у нее, по-видимому, нет охоты. Выхватывая же из цепи взаимно переплетающихся событий один разрозненный факт, трудно принять по поводу его надлежащее решение. Так и теперь, первые известия о занятии турками Адрианополя произвели некоторое впечатление; заговорили об оскорблении, нанесенном всей Европе, но затем дипломатия очень быстро успокоилась и занимается теперь главным образом тем, что бракует одну за другой предлагаемые ей меры воздействия на Турцию.

Несколько особняком в этом вопросе стоит Россия, но и ее моральная позиция в данном случае значительно ослаблена. Ведь если мы можем протестовать против захвата турками Адрианополя, то не потому, чтобы сами были так или иначе заинтересованы в этом городе, а исключительно по сочувствию к Болгарии. Но мы только что сами допустили экзекуцию Румынии над болгарами, захват ею болгарской территории, и это, несомненно, ослабляет моральную силу наших протестов против экзекуции, производимой Турцией. Да и выбор имеющихся средств воздействия на Турцию не так уже велик. Наиболее решительное из них — оккупация Армении. Но с одной стороны, это может повести к оккупации

¹ От человека (лат.) — аргумент, убедительность которого основана не на фактах или логике, а на том, какой человек его выдвинул.

² От нации (лат.).

Санджака Австрией, а с другой — турки уже заявляют, что осуществление этой угрозы не заставит их все же очистить Адрианополь. И весьма возможно, что подобные заявления не простые фразы, потому что по многим соображениям турки особенно дорожат Адрианополем и ради обладания им способны пойти на очень большие жертвы. Что в таком случае мы будем делать с оккупированной Арменией, неизвестно, но Болгария от этого ничего не выигрывает.

Указывают на возможность еще иного решения адрианопольского вопроса: именно на возможность объединения против Турции теперешних врагов и на новое завоевание Адрианополя совместными силами Болгарии, Сербии, Греции и Румынии. Весьма вероятно, что на бухарестской конференции Сербия, Греция и Румыния будут рассматривать Фракию как уступленную Турцией всем союзникам и от себя еще раз переуступят ее Болгарии. Но это даст им только лишний повод еще больше обделить Болгарию в других частях Балканского полуострова именно ссылками на принадлежность ей Фракии. Что касается до того, чтобы греки, сербы или румыны действительно стали помогать болгарам отвоевать у турок обратно Адрианополь, в этом позволительно очень сильно сомневаться. Или же они назначат за свое содействие такую плату, что Болгария сама предпочтет от него отказаться. Позволительно также сомневаться и в том, чтобы Болгария способна была теперь выдерживать третью войну подряд и справиться и с Турцией собственными силами: помимо громадных жертв людьми, помимо финансового истощения, Болгария ведь потеряла почти половину своей артиллерии, израсходовала почти все свои военные запасы, и ей потребуется много лет для того, чтобы опять собраться с силами.

Таким образом, возможность возвращения Болгарии Адрианополя и Фракии является проблематичной, и ввиду этого европейские державы, поскольку они способны влиять на ход переговоров в Бухаресте, должны настаивать на том, чтобы Сербия, Греция и Румыния умили свои требования, чтобы у Болгарии не была отнята вся Македония, чтобы у нее не был отрезан доступ к Эгейскому морю. Та конstellляция¹, которая может получиться в случае осуществления всех стремлений врагов Болгарии, невыгодна для Европы сама по себе, и, кроме того, она будет вечно таить в себе угрозу нового пожара на Балканах. Для более прочного умиротворения Балканского полуострова нужна Болгария, способная к независимому и достойному существованию.

¹ Стечение обстоятельств.

«Утро России». 17 июля 1913 г.

Россия и Сербия

Статья ген.-лейт. Е. И. Мартынова.

В России довольно распространено мнение, что балканские славяне — это своего рода бедные родственники, весьма назойливые и весьма неблагодарные.

Если такой взгляд до некоторой степени верен по отношению к созданной русскою кровью и на русские деньги Болгарии, правительство коей постоянно виляет между Россией и Австрией, то он несколько не подходит к Сербии.

Совершенно непонятно — за что сербы должны быть благодарны России?

Правда, в 1876 году русские добровольцы боролись за сербское дело, а в последовавшей затем русско-турецкой войне, сражаясь вместе с Россией, Сербия завоевала себе независимость, обратившись из вассального княжества в самостоятельное государство. Однако по сравнению с этими услугами как велики те обиды, которые русская политика нанесла сербскому народу!

Не говоря уже о давно прошедших временах, когда она имела обыкновение перед каждой войной с Турцией подымать сербов щедрыми обещаниями и при каждом заключении мира оставлять их на жертву туркам, но даже в последние 30–40 лет каково было ее отношение к Сербии?

Перед русско-турецкой войной 1877–78 гг. князь Милан обратился к русскому правительству с вопросом — нужно ли России содействие Сербии? На это был дан ответ, что пока Сербия должна сохранять нейтралитет, а потом ей будет указано, что следует делать.

Впоследствии, когда произошли неудачи под Плевной, император Александр II настойчиво потребовал помощи сербской армии, причем за это обещал князю Милану обеспечить будущее Сербии, поддержав ее во всех национальных стремлениях.

Сербское княжество в это время не успело еще оправиться от предыдущей опустошительной войны, к тому же князю Милану угрожал заговор, организованный турками, тем не менее, наскоро справившись с затруднениями, он в декабре 1877 года двинул сербскую армию в указанном русской главной квартирой направлении — на Софию.

Несмотря на незначительность своих сил, сербы смело прошли мимо турецкой крепости Ниш и разбили турок в боях при Ак-Паланке и Пироте, что, несомненно, облегчило западному отряду генерала Гурко переход через Балканы.

После занятия русскими войсками Софии сербская армия повернула на юг и, одержав над турками ряд новых успехов, дошла до Коссова поля, где остановилась вследствие заключения перемирия.

Помня обещание императора Александра II, князь Милан обратился к русскому правительству с просьбой — при заключении мира выговорить

Сербии, кроме политической независимости, уступку крепости Виддина с округом, Косовского вилайета и Ново-Базарского санджака.

Между тем вскоре выяснилось, что русское правительство не желает давать сербам никакого территориального приращения, а предполагает всю завоеванную их войсками территорию вместе с крепостью Ниш передать проектированному Болгарскому княжеству.

Глубоко возмущенный такой несправедливостью, князь Милан ответил, что не отдаст Ниш ни в каком случае, хотя бы пришлось сражаться с целой русской армией. Только после столь решительного заявления эта крепость с небольшой полосой прилегающей земли была по Сан-Стефанскому договору назначена Сербии, а на Берлинском конгрессе благодаря заступничеству австрийских уполномоченных, коим возражали представители России, Сербия получила кроме того города Пирот и Вранью с округами.

Как известно, тот же Берлинский конгресс дал Австрии полномочие на оккупацию Боснии и Герцеговины, населенных чистыми сербами. Общественное мнение России и всего славянского мира возмущалось таким «коварством» Бисмарка, и только впоследствии выяснилось, что Австрия взяла лишь то, что ей было предоставлено секретным договором с Россией 15 января 1877 года.

Оказалось, что перед войной с Турцией русская политика, желая обеспечить себе нейтралитет Австрии, расплатилась за это Боснией и Герцеговиной!!

В настоящее время документально известно, что тайные попытки подобных действий по отношению к сербскому народу делались и раньше. Так, император Александр I в 1811 году и император Николай I перед восточной войной¹ предлагали Австрии занять не только турецкие провинции Боснию и Герцеговину, но даже и автономное сербское княжество!!!

События последних лет знакомы всем. В 1908 году г. Извольский, желая устроить какой-то дипломатический гешефт, изъявил Австрии согласие на аннексию Боснии и Герцеговины. Когда же его хитроумная комбинация не удалась, то русская политика стала подзадоривать сербов против Австрии, но в последний момент, испугавшись угроз Германии, по старому обыкновению оставила их на произвол судьбы.

Наконец, в этом году во время мирных переговоров, следовавших за войной с Турцией, русская дипломатия, совершенно поддав под влияние австрийской, приняла участие в устранении Сербии от берегов Адриатического моря, результатом чего явилась происходящая теперь братоубийственная война и крушение Балканского союза...

Если ко всем указанным историческим фактам прибавить продолжавшееся до недавнего времени постоянное высокомерное и бестолковое

¹ Имеется в виду Крымская война 1853–1856 гг.

вмешательство русских дипломатических представителей во внутренние дела Сербии, то нужно удивляться, каким образом в этой стране еще сохранились те симпатии к России, которые обнаруживаются уже при первом знакомстве с сербами и на наличность коих, особенно в сельском населении, указывают все знатоки Сербии.

Впрочем, вопрос о «благоденствиях» и «благодарности», который так часто обсуждается в русской печати, на мой взгляд, не имеет серьезного значения, ибо здравая государственная политика должна основываться на других, более реальных условиях.

Что же представляет собой Сербия с точки зрения прямых интересов России?

После тяжкого унижения, испытанного в 1908 году от Австрии, сербы с лихорадочной поспешностью принялись за устройство своей народной армии и в несколько лет довели ее численность в военное время до 400 000 человек; с присоединением же вновь завоеванных областей Сербия в состоянии будет выставить в поле около 600 000 человек.

Высокие боевые качества этой армии, проникнутой горячим патриотическим духом, доказаны двумя последними войнами. В случае борьбы России с Австрией операции такой шестисоттысячной массы на фланге уже сами по себе могут оказать серьезное влияние на исход кампании.

Но мало того — внутри самой Австрии сербы будут иметь многочисленных друзей и помощников. Последние победы Сербии создали ей огромный престиж в глазах австрийских славян и особенно в глазах тех шести миллионов сербов, которые стонут под немецким и мадьярским игом. Сильная и демократическая Сербия является тем магнитом, который неизбежно будет притягивать к себе все сербские народности Австрии. В Австрии отлично понимают грозящую опасность, и этим и объясняется особая злобность австрийской политики по отношению к Сербии и постоянная травля ее в немецких и мадьярских газетах.

При очерченной обстановке русская дипломатия должна оставить прежнюю трусливую, вероломную и, в конце концов, глупую политику и вступить с Сербией в тесный, открытый союз. Не в роли бедного родственника, ищущего покровительства, является теперь Сербия, а в качестве новой славянской силы, которую связывают с Россией огромные общие интересы.

Е. И. Мартынов

166

«Русское знамя». 21 июля 1913 г.**У соседей.****Болгария**

От великого до смешного только один шаг — может с гордостью повторить слова Наполеона Первого болгарский король Фердинанд. В своем высоком самомнении он может теперь считать себя вполне похожим на Наполеона, которому ему мечталось подражать. После Березины¹ положение завоевателя было все-таки лучше, чем положение Фердинанда сейчас. Все же Наполеон еще имел запас армии во Франции и на пути в Германии, где находились гарнизоны. У Фердинанда же вся его армия, оставшаяся в живых и не взятая в плен, сосредоточилась около столицы Болгарии Софии и совместно с жителями горько оплакивает минувшую боевую славу.

Позор, павший на голову Болгарии, невозможно описать. В Софии сосредоточились власти, бежавшие от неприятеля, наступающего со всех сторон, жители юга, подвергаемые неслыханным жестокостям со стороны сербов, греков и турок, раненные воины, плененные турки, те, кто не мог вынести перехода родины в руки неприятелей, и иностранцы. Мест на всех в Софии не хватает. Хорошо, что лето, и скопившиеся расположились под открытым небом. Цены на припасы поднялись по высокой цене, так как кругом стоит неприятель и секвестрирует все припасы. Сам Фердинанд вынужден терпеть недостатки, запершись в своем дворце и избегая показываться на улицах, дабы вместо недавних бурных приветствий не услышать оскорблений. Последние известия гласят, что румыны вошли в соприкосновение с сербами у Виддина и, таким образом, петля не замкнулась кольцом только у Черного моря. Несколько еще дней промедления, и турки, уже овладевшие Адрианополем, войдут в соприкосновение с румынами у Черного моря, и тогда болгары задохнутся в той яме, которую сами себе вырыли. Своим поступком Каина-братоубийцы Фердинанд возмутил против себя даже собственных подданных, которые не свергли его только потому, что объявлено было вовремя осадное положение.

Сербы и греки заняли всю долину реки Струмы, а греки — побережье до Дедеагача. Греки объявили уже болгарам, что с занятых мест не уйдут, и таким образом лишают Болгарию завоеванной территории на огромном и самом дорогом пространстве. Сербы потребовали себе границу с рекою Вардаром, с выходом у залива Лагоса к Эгейскому морю и, кроме того, всей территории до реки Струмы от реки Вардара; мало того, им необходимо

¹ Имеются в виду бои при р. Березине 14 (26)–17 (29) ноября 1812 года между французскими и русскими войсками во время переправы Наполеона через реку в ходе его бегства из России. Считается, что в их результате «Великая армия» Наполеона прекратила свое существование.

исправить старую границу в целях стратегических, и они это поставили условием, на которое болгары вынуждены со смирением согласиться. Турки взяли Адрианополь обратно и высказывают намерение продвинуться дальше. Хотя державы и утешают Болгарию, что будут протестовать, но эти протесты имеют практические результаты только относительно слабых славянских стран, вроде Черногории, — но бывают бесплодными, когда заинтересованными в деле захвата являются сильные государства. Но это еще не все бедствие. Румыны заполнили половину Болгарии своими войсками с севера и востока и находятся на расстоянии двух дней марша от столицы Софии, сопротивляться которой бесполезно. Все важнейшие крепости в руках румын. Давно уже мир не был свидетелем такого позорища для государства, какое испытывает Болгария, еще накануне гордая своими победами. Поистине Божье наказание постигло Болгарию за вероломство ее короля. Долго не хотел смириться Фердинанд, но, наконец, когда у него осталась только одна столица, да два-три незначительных города, и оборванная, голодная, истощенная, избитая со всех сторон армия, зазнавшийся католик-немец запросил пощады. Победители потребовали ведения переговоров у них в стане, и Фердинанд униженно послал своих парламентариев соглашаться на всякие условия мира, лишь бы сохранить хоть что-нибудь. Победители — сербы и греки действуют против нахала дружно и присоединили к себе Румынию, дабы скрутить болгар так, чтобы они более никогда уже не решались нападать ночью вероломно на спящих друзей. В деле, однако, заинтересованы и державы. Позволять чрезмерно усиливаться кому-либо на Балканах невозможно, так как всем тамошним народам по вероломству одна цена, и потому серьезно возникает вопрос об образовании автономного нового государства — Македонии. Этим путем прекратятся распри из-за жадности на новые земли, и не усилятся ни Турция, ни Болгария, ни Сербия, ни Греция.

167

«Мусульманская газета». 23 июля 1913 г.

«Адрианополь или смерть»

Вот клич, который разносится сейчас по всей Турции и который будит былую веру османского народа в себя и в светлую будущность свою.

Почему непременно все помыслы турок и даже всего мусульманского мира сосредоточились именно на Адрианополе? Почему этот болгарский Одрин, греческий город Адриана и турецкий — Идернэ, так приковал к себе все внимание народа?

Почему турецкий народ готов идти на все жертвы только бы иметь Адрианополь своим?

Почему даже какой-то безвестный татарин одной из губерний России застрелился, не перенеся обиды падения Адрианополя? Почему?

Ведь не Адрианополь защитил Стамбул?

Ведь катившаяся волна Балканского союза споткнулась о Чаталджу, т. е. славную османскую армию, а не у Адрианополя.

Почему же турецкий народ избрал себе только этот клич «Адрианополь или смерть»? Почему такие ценные жертвы, как Назим-паша и Махмуд-Шевкет-паша, унесены в могилу именно из-за Адрианополя?

Почему весь мир для османского народа и всех мусульман как бы клином сошелся именно в Адрианополе?

Несомненно, что многие задумывались над этим вопросом и искали ответа.

Дело в том, что у каждого народа есть, так сказать, сердце, самое дорогое, самое больное место, как, например, у русского народа — Москва. Вполне понятно, что все чаяния, все думы, все желания русского народа сосредоточены у Москвы.

Смерть Москвы — смерть русскому народу. Точно такое же значение имеет, стечением исторических обстоятельств, для турок и Адрианополь. Там окрепла Османская держава; оттуда протянула она свою руку и на самую Византию; оттуда угрожала она во времена Солимана Великолепного всей Западной Европе, подступая под самые стены неприступной Вены; оттуда диктовала она в течение многих лет свою волю; там засиял впервые на земле христианской Европы полумесяц — символ окрепшей турецкой государственности; там стали османы впервые на Европейском материке твердой ногой и, забыв свою Азию навсегда, сделали Адрианополь колыбелью и могилой своей.

И вдруг какой-то Балканский союз, втихомолку составив заговор, напавший, поддерживаемый всей Европой, на вчерашнего господина¹.

Непобедимые таборы османской армии бегут...

Адрианополя нет... Великолепная мечеть Селима² обращена в церковь. Полумесяц на куполах сменился крестом.

Все, что считали турки священным для себя — все осквернено. Ликует вся Европа, печать которой только и писала о «зверствах турок, этих единственных варваров XX века».

Казалось, что падение Адрианополя — лебединая песня османов.

И почувствовали они — эти гордые внуки славных сельджуков страшную боль; заныла, казалось, уже неизлечимая рана, и проклятия народа сыпались на головы тех, кто, руководя государственным кораблем, не мог понять всей величины значения Адрианополя для турок.

¹ Так в тексте.

² Построенная в 1569–1575 гг. мечеть Селимие — главная достопримечательность Адрианополя.

Кто не смог либо умом, либо оружием отстоять его; кто не смог понять, что Адрианополь — душа османского народа; что потеря его — потеря у турок веры в себя. Уныние царило кругом.

Не дремали только младотурки — эти истые патриоты, поставившие вопрос ребром — либо смерть Турции, либо полное возрождение.

Как затравленные Европой и внутренними врагами львы они бросались во все стороны, хватаясь за все, только бы спасти родину, только бы возродить ее.

Олицетворение их — герой революции, Триполитании и январского переворота — Энвер-бей — не задумываясь перешел даже через труп честнейшего и любимейшего вождя армии¹, только бы спасти Адрианополь.

Но... Все уже было кончено.

Адрианополь пал...

Война была проиграна...

Вексель, данный османскому народу младотурками 10-го января 1913 года, оставался не погашенным. Пользуясь этим, внешние и внутренние враги обвиняли младотурок и в измене, и в полном банкротстве, и в низком эгоизме и во многом плохом.

Но младотурки все же не отчаивались и продолжали свое. С верой в Бога, они день и ночь боролись направо и налево за счастье отчизны.

И Аллах, как говорили фанатики-старотурки, «отвернувшийся от них — масонов, безбожников и т. п.», вновь повернул свое лицо к ним.

Он отнял у зарвавшихся далеко славянских союзников разум, и «братья», вчерашние союзники, бок о бок бывшиеся против векового врага, «освободители истерзанной турецкими зверствами Македонии», «защитники угнетенных христиан», «авангард европейской культуры на Востоке», вдруг подрались уже между собой, не поделив шкуры «освобожденной Македонии».

Много позорного в жизни вообще, а в политической в частности, но такой позорной драки, как война «вчерашних союзников» и «братьев-славян», никогда мир не видал.

И застонала действительно на этот раз несчастная Македония. Весь мир ужаснулся при вести об этой неслыханной в истории подлой драке.

Содрогнулось все, что только есть еще хорошего в людях.

Но обезумевшие «братья» рвали друг друга на клочья.

И все, у кого были руки развязаны, торопились подбирать «братское» добро.

Первой потянулась «честная» Румыния и начала, что называется, нагло хапать.

И никто в Европе не пикнул. А вот когда опомнившаяся Турция бросилась за потерянным вчера своим добром, облитым потом и кровью османского народа в течение пяти веков; как только младотурки захотели вернуть

¹ Имеется в виду младотурецкий переворот и убийство военного министра Назыма-паши 10 (23) января 1913 года.

у «ослепленного» самим Аллахом врага свою душу — свой Адрианополь, вся Европа заулюлюкала и заговорила, то о морской демонстрации на Босфоре, то о высадке десанта у Деде-Агача — Чаталджи, то об оккупации Армении, то о роли международного жандарма — вручаемой якобы Румынии и т. д.

Но давший над трупом Назима-паши османскому народу вексель от 10-го января Энвер-бей форсированным маршем двинулся вперед и, заняв Адрианополь, пошел дальше и дальше. Вексель погашен....

Правда, при всех тех печальных обстоятельствах, в условиях коих живет сейчас Турция, окруженная только врагами, очень и очень тяжело наметить что-либо точно и выполнить его.

Но покинуть Адрианополь для турок хуже всякой смерти.

Ни одно государство не пережило такой революции, какую переживет Турция, если младотурки вернут Адрианополь врагам. Измученный народ сметет все на своем пути и допев под звуки революционной музыки свою лебединую песнь — навеки заснет.

Ни капли веры в себя не останется у османского народа.

И, конечно, не понимать всего этого младотурки не могут, и их последний крик «Адрианополь или смерть» является последней погребальной песнью или гимном счастливому возрождению «Ватана» — отечества.

Что же касается Энвер-бея лично, этого героя, которого в «песне свободы» воспел османский народ и имя которого дается мальчикам во всех углах мусульманского мира, то вот что говорят о нем как в Турции, так и повсюду: «он должен вернуться в Стамбул только утвердив Адрианополь за Турцией».

Иначе пусть лучше фракийская земля послужит ему могилой. Так думает каждый турок и мусульманин.

Для героев — жизнь должна быть только героической.

Вне этого, место героям — только могила.

Удивительнее же всего, так это Европа с ее своеобразными понятиями о праве и справедливости.

То, что прекрасно делается румынами, вопреки международным и, главное, Петербургскому постановлению, и балканскими «братьями», того почему-то нельзя делать туркам, которым запрещают даже входить в свой дом, откуда ушел захвативший было его силой сосед.

Болгарин ли, серб ли, грек ли или румын может даже отнимать, а турок не смей даже занимать свое. Что и говорить, это тоже — логика, но, по нашему глубокому разумению, чисто готтентотская.

Ясно из всего только одно, что турки виноваты лишь в том, что они — турки.

Я не читаю ни «Речи», ни «Русского Слова» — этих «либеральных органов» печати, но интересно было бы знать, что думают сейчас гг. Дорошевич, Немирович-Данченко, Милюков¹ и им подобные «славянофилы», кои

¹ Журналисты В. Дорошевич, Вас. И. Немирович-Данченко и политик и публицист П. Н. Милюков.

во время войны «креста против полумесяца», как они окрестили было первую балканскую войну, договаривались до таких глупостей, от которых даже тошнило многих. Интересно, как они говорят теперь о «македонских освободителях», «последних крестоносцах» и «братьях».

Слышали ли они или читали о «болгарских зверствах», «сербских жестокостях», «греческих подлостях» и т. п. прелестях второй войны «союзников», то бишь «братьев»?

Если «да», то что они думают об этом?

Когда почти в каждом № я кричал «знаем мы этих братушек», меня обвиняли и в туркофильстве, и в подкупе австрийскими деньгами, и в желании видеть еще раз «Косово поле». Я же всего-навсего говорил только то, что думал искренно, и то, что считал правдой и справедливым. От души сочувствую горю сотен тысяч матерей, жен и сестер балканских народов, но, видно, только их тяжелому горю-несчастью суждено было показать миру, что варваров хватит и в Европе, что «зверства» есть похуже, чем турецко-мусульманские, и у «христианских народов». Что нечего Европе кичиться своей культурой, разгрызая брат брату горло и пользуясь дум-думом¹. История дала очень и очень тяжелый урок испытания, но он был необходим.

Никогда история не знала такого быстрого реванша, и было бы по меньшей мере странно, если бы турецкая армия очистила Адрианополь. Турки сделали, заняв его, только то, что не мог бы не сделать каждый благородный народ, еще не схоронивший себя.

Да, весьма и весьма поучительная история!

Теперь уж не будут говорить лишь о «турецких зверствах» и «тормозе для цивилизации — исламе».

Спасибо болгарским «братушкам», раскрывшим русскому обществу глаза и указавшим на всю фальшь манифестаций господ Скутаревских, Башмаковых и Даневских встреч, прервав занятия, в Государственной думе².

Печальная необходимость, но без второй балканской «братской драки» на страницах истории лежала бы печать фальши — исторического обмана. Правда выяснилась и явилась во всей своей отвратительной наготе.

Саид Габиев

¹ Пуля, в силу конструктивных особенностей наносящая более серьезные раны, была изобретена английскими войсками для борьбы с восстаниями в Индии.

² Имеется в виду празднование в Государственной думе взятия Адрианополя в 1913 г.

**«Утро России». 23 июля 1913 г.
Бухарест и Австрия**

Как в Лондоне, так и сейчас в Бухаресте, за кулисами совещания балканских делегатов притаилась Европа и воздействует на мирные переговоры. Вопрос мира зависит не от одной уступчивости сербов, греков или болгар, а от взаимного согласования взглядов Европы на новое политическое разделение территории Балканского полуострова. Как только Европа стоворится по балканскому вопросу, сговорятся и балканские делегаты. Продление перемирия на дальнейший срок потребует лишь для того, чтобы дать европейским державам, сгруппировывающимся, с одной стороны, вокруг России, с другой — вокруг Австрии, прийти к полюбовному соглашению.

Коренной пункт соглашения — спор о крайних пределах ослабления Болгарии. Три государства наиболее заинтересованы в этом вопросе: Румыния, Австрия и Россия. Ослабления Болгарии определенно желала Румыния. Сильная военная держава к югу от Дуная являлась прямою угрозой для Румынии. Вот почему решение румынского правительства направить свои войска в пределы Болгарии было принято задолго до возникновения междоусобной войны на Балканах, при получении известий о первых блестящих победах болгар над турками.

Австрия, наоборот, мечтала об усилении Болгарии за счет воевавшей с нею Сербии. Победная Болгария должна была помочь австрийцам навсегда ликвидировать волнующий их сербский вопрос. План венской дипломатии был разработан до мельчайших деталей. Имелось в виду, что побежденная болгарами Сербия низвергнет с престола Карагеоргиевичей и что скупщина под воздействием оккупировавших страну фердинандовых войск призовет на опустевший престол Сербии болгарского царевича Бориса. После смерти Фердинанда естественным путем совершилось бы слияние Сербии с Болгарией на правах личной унии: «Борис, царь болгарский и король сербский». Вековое австрофобство сербского народа распалось бы в прах под державой Фердинандова сына. Австро-Венгрия создала бы и приблизила бы к себе новую Сербо-Болгарию, дружественную, быть может, союзную.

Смело задуманный план не осуществился. Окрепла династия Карагеоргиевичей, колеблется на своем престоле Фердинанд. И снова приспосабливается к вновь создававшемуся положению австро-венгерская дипломатия. Австрия выступает с проектом болгаро-румынского союза. Все против той же Сербии.

Вряд ли и этот план Вены увенчается успехом. Поддерживать Болгарию и впредь не в видах Румынии. Союз с румынами, несомненно, укрепит Болгарию, создаст ей твердую почву для культурного и военного развития. Бухарестские политики, наверное, улыбнутся в ответ на наивное предположение графа Берхтольда, будто Румыния с легким сердцем согласится своими

же руками усиливать государство, рост которого является наглядной опасностью для нее.

Очевидно, румынские дипломаты и в данном случае водят за нос своих венских коллег. По крайней мере, до окончательной ратификации болгаро-румынского мирного договора.

Одна Россия поддерживает Болгарию без каких бы то ни было личных целей, единственно в силу принципа соблюдения балканского равновесия. И в силу этого же принципа будет всемерно отстаивать притязания Болгарии на Каваллу.

Что касается Австрии, то она присоединилась к русской точке зрения на Каваллу единственно в расчете на то, что поддерживаемая ею теперь Болгария поддержит в будущем ее корыстолюбивые виды на Сербию. Кто знает, откажись сейчас Бухарест наотрез от австрийского проекта болгаро-румынского союза, стала ли бы австрийская дипломатия в дальнейшем поддерживать Болгарию в вопросе о Кавалле.

Австро-венгерская дипломатия предусмотрительна. Она всегда держит про запас несколько путей для отступления, так равно и для наступления. Как только виды ее на содействие Болгарии не оправдаются, она круто изменит свою тактику. Она попытается сойтись с Сербией, убедить сербов в том, что лишь в тесном союзе с Австрией они могут рассчитывать на осуществление всех своих национальных мечтаний, вплоть до территориального выхода к Адриатическому морю.

И когда этот вождеденный выход к берегам Адриатики станет совершившимся фактом, когда в угоду сближившейся с Австрией Сербии северная граница «независимой» Албании внезапно окажется продвинутой далеко к югу, тогда сербы поймут, что не русское, а австрийское влияние первенствует на Балканах.

И после целого ряда обидных для самолюбия графа Берхтольда поражений и разочарований, сближение с Сербией вновь явится крупной, решительной победой Вены. Победой не особенно, правда, тяжелой, так как к ней, увы, приведет Австрию исключительно нерешительность нашей русской дипломатии.

169

«Русское слово». 25 июля 1913 г.

«Встреча» московского отряда в Болгарии

Нам пишут из Одессы:

Врачебно-санитарному отряду московской александринской общины «Красного креста», выехавшему через Одессу в Болгарию для оказания помощи больным и раненым воинам, болгарское население Рушчука устроило враждебную демонстрацию.

Капитан и команда парохода Русского дунайского пароходства «Болгария», на котором следовал из Одессы отряд, передают следующие подробности этой обидной для русских демонстрации.

Еще из Одессы по телеграфу было дано знать в Рущук тамошним властям, а также и русскому консулу о том, что 15-го июля прибудет отряд «Красного креста» в составе 65-ти человек.

Однако по прибытии в Рущук на пристани не оказалось ни одного человека для встречи русских. Несколько болгар, находившихся на пристани, при приближении «Болгарии» поспешили демонстративно удалиться. Даже русский консул — и тот отсутствовал.

Капитан парохода «Болгария» отправился на поиски консула и представителей городского управления.

Консул заявил о враждебном отношении болгар ко всем русским, и действительно — приглашенные два представителя магистрата отделались весьма сухими приветствиями, добавив при этом, что им больно сознавать, что Россия продала Болгарию...

Дальше произошло следующее:

Через два-три часа после прибытия «Болгарии» к пристани подошел австрийский пароход, на котором находился отряд австрийского «Красного креста» в составе 20-ти человек.

Вся пристань моментально наполнилась народом и болгарскими властями, устроившими австрийцам грандиозную дружественную манифестацию.

Тяжелые сцены произошли при отъезде русского отряда по железной дороге в Софию.

Для австрийцев болгары предоставили поезд из великолепных и удобных пульмановских вагонов. Русским же были поданы три старых вагона.

Русские врачи, потеряв терпение, потребовали от администрации дороги объяснений, заявив, что они не поедут дальше до тех пор, пока им не будет дан другой поезд.

Настойчивость русского отряда возымела действие, и через несколько часов для русских был составлен более приличный поезд, хотя и уступавший поезду, поданному австрийцам.

При отправке отрядов первым был подан поезд для австрийцев, уехавших под шум и аплодисменты австрофильской манифестации.

Ровно через 15 минут был отправлен поезд с русскими. Платформа станции к этому моменту опустела.

Расположившиеся около станции группы болгар провожали поезд с русским отрядом свистом.

Обо всем этом начальником отряда послан доклад в Москву.

«Русские ведомости». 26 июля 1913 г.**Передовая статья**

Война кончена и мир подписан. Заключен он на очень тяжелых условиях для Болгарии, которая, не имея возможности сопротивляться, должна была подчиниться требованиям своих недавних союзников. Правда, Сербия и Греция в последний момент сделали некоторые уступки, но эти уступки имеют лишь второстепенное значение. Граница между Болгарией и Грецией перенесена от городка Макри на берегу Эгейского моря к устью реки Месты (Кара-Су), граница между Болгарией и Сербией пройдет не по водоразделу между Местой и Струмой, а по водоразделу между Струмой и Вардаром с оставлением Струмицы за болгарами, а Радовишты за сербами. Все-таки западная Болгария не получила выхода к морю, так как Кавала осталась за греками, а из Македонии, во имя освобождения которой была начата война с Турцией, Болгария получает самую незначительную долю.

Заключение мира не означает, однако, чтобы с балканскими делами все было покончено. Наоборот, тут есть достаточно много вопросов, которые еще долго будут привлекать к себе внимание европейской дипломатии. Не решенным остается вопрос о южных границах Албании и об ее будущем государственном устройстве. Не решена судьба Эгейских островов, так как Италия, по-видимому, хочет оставить за собой навсегда если не все, то по крайней мере часть из островов, занятых ею во время войны с Турцией. По-прежнему турки сидят в Адрианополе, и державы тщетно пытаются найти средства удалить их оттуда. Наконец, самые постановления Бухарестской конференции, по крайней мере в части, касающейся предоставления Кавалы грекам, будут подлежать пересмотру со стороны держав. Таким образом, для дипломатии остается еще достаточно много дела на Балканах, и трудности решения всех этих вопросов значительно увеличиваются вследствие розни между державами и вследствие того, что дипломатия еще не успела ориентироваться как следует в изменившемся положении на Ближнем Востоке. Большинство держав вообще не проявляет в данный момент склонности к энергичному вмешательству в балканские дела, заседания Лондонской конференции идут чрезвычайно вяло и грозят затянуться до бесконечности. Столь же вяло идут переговоры относительно мер воздействия на Турцию, и нет оснований надеяться на то, что с большей энергией будет вестись пересмотр вопроса о Кавале. Ни одна из держав не хочет брать на себя инициативу более активного выступления, и весьма возможно, что вопросы об Албании, Эгейских островах, Адрианополе и Кавале формально так и останутся нерешенными, что, не давая своей санкции сложившемуся фактически положению дел, державы тем не менее не смогут ничего сделать для изменения его в ту или иную сторону.

Возможность такого результата облегчается еще тем, что сами балканские государства, истощенные войной до последней степени, очень долгое

время не способны будут ни к какой активной политике и будут вынуждены мириться с существующим фактически положением вещей, каким бы тяжелым оно ни казалось. Ведь две войны, следовавшие одна за другой и отличавшиеся необыкновенной жестокостью и кровопролитием, обошлись этим государствам страшно дорого — так дорого, что для сравнения тут совершенно не годятся примеры из истории войн последнего времени. Ведь даже Франция не только во время войны 1870–1871 гг., но и в эпоху революционных и наполеоновских войн все же понесла относительно меньше жертв людьми, чем Болгария за последний год. Из рядов ее войск выбыло убитыми и ранеными в общей сложности за две войны, вероятно, около 200 000 человек, т.е. почти пятая часть всего взрослого мужского населения страны, и вряд ли многим меньше потери сербов, греков и черногорцев. Но это еще далеко не все. Мирное население Македонии тоже беспощадно избивалось и турками, и греками, и сербами, и болгарами, и число этих жертв, может быть, даже еще превышает потери регулярных войск во время сражений. Македонские города и селения сжигались до основания, а немногочисленное уцелевшее население их разбегалось в ужасе во все стороны. Со времен Тридцатилетней войны Европа, пожалуй, не знала другой столь же опустошительной и ужасной войны. Много лет пройдет, сменится, может быть, даже не одно поколение, прежде чем балканские государства сумеют залечить нанесенные ими друг другу раны. Все они расширили свои пределы, и тем не менее все они (за исключением, конечно, Румынии) гораздо слабее, чем были год тому назад. Их новые приобретения долгое время будут требовать только новых жертв. Не скоро удастся восстановить сожженные города, разрушенные до основания деревни, заселить обезлюдевшие и превратившиеся в пустыни местности, установить в них хоть какой-нибудь порядок. А главное — не скоро удастся смягчить чувство ненависти и взаимного озлобления, с каким смотрят теперь друг на друга болгары, сербы и греки. Опять-таки и в этом отношении мы видим теперь на Балканах нечто такое, от чего Европа уже отвыкла. Во время всякой войны противники дурно отзываются друг о друге, но разве во время русско-японской войны русские отзывы о японцах или японские о русских доходили когда-нибудь до такого ожесточенного тона, в каком говорят друг о друге балканцы. Турки считались исконными, вековыми врагами русских, и все-таки во время последней русско-турецкой войны мы отзывались о своих врагах неизмеримо терпимее и благодушнее, чем говорят теперь на Балканах друг о друге вчерашние союзники. Даже франко-прусская война не посеяла тех семян вражды и ненависти, которые посеяны на Балканах. И с такими-то чувствами балканским государствам придется считаться не только во внешней, но и во внутренней политике. К Сербии и Греции отошли чисто болгарские области Македонии, и они будут постоянно источником внутренней розни в Сербии и Греции, их организической слабости. Политики Сербии говорят об усилении ее международного значения, но кто теперь будет с нею считаться, когда за спиною у нее стоит

ненавидящая ее до глубины души Болгария, а в составе ее населения имеются многие тысячи болгар, а местами и албанцев, которых будет трудно превратить в лояльных граждан Сербии. Политическая роль и Болгарии, и Сербии надолго сыграна; они могли бы быть сильными только в тесной братской дружбе между собою. Когда же они готовы всякую минуту броситься друг на друга, с ними считаться не будут.

Государства Балканского полуострова вступают в темную полосу своего существования. Только сознав свои ошибки и найдя пути к искреннему примирению, сумеют они возродиться к новой жизни.

171
«Речь». 26 июля 1913 г.
Передовая статья

Сегодняшние сведения о мирном соглашении, заключенном в Бухаресте, вполне подтверждают наши вчерашние соображения. Основные черты договора установлены, границы владений между недавними «союзниками» определены; остается проредактировать договор в деталях, и дня через три документ будет окончательно подписан.

Мы говорили уже, что это будет печальный документ. Победители в последнюю минуту, правда, показали себя «умеренными» и сделали легкую скидку с тех фунтов мяса, которые они вырезали из болгарского тела. Сербы уступили болгарам течение Струмицы с городами Струмицей и Петричем, которые врежутся узким клином между сербскими приобретениями на севере (Радовиште и даже Пехчево) и греческими на юге (южный склон Беласицы).

Греки прибавили к смехотворной полоске берега в тридцать километров (между Макри и устьем Марицы) еще вдвое большее пространство до устья Месты, но оставили себе Кавалу. Болгарским делегатам осталось сделать вид, что они удовлетворены... И возжеланная цель достигнута: военных действий больше не будет, прекратится физическое опустошение Македонии, пожары и убийства перестанут уничтожать мирное население, холера перестанет косить войска. Мир будет восстановлен. Но какой мир?

На лицемерном жаргоне победителей это — мир самый прочный, ибо он основан на вновь устанавливаемом «равновесии» на Балканах. Идея «равновесия» давно уже вытеснила идею «жизненных интересов», на которые ссылались при нарушении договоров. «Жизненные интересы» оправдывали *минимум* требований сербов и греков. О них не приходится вспоминать после того, как победители сполна использовали безысходное положение побежденного и отмерили себе захваченные территории щедрой рукою.

Еще недавно со стороны некоторых великих держав слышались категорические утверждения, что они не допустят крайнего унижения Болгарии. Столь же категорически заявлялось, что в случае неумеренности требований сербов и греков бухарестское соглашение будет пересмотрено европейским трибуналом. А требования победителей определенно признавались неумеренными и неприемлемыми. Кто решится сказать, что они стали приемлемыми после уступок, носящих характер насмешки и издевательства?

Действительно, мысль о пересмотре договора европейскими державами еще не умерла. Но она уже подверглась серьезному испытанию во время самых бухарестских переговоров. Державы уже вмешались фактически в ход этих переговоров — и каковы же были результаты? Те же, что и в вопросе о воздействии на Турцию. Произошел раскол, притом в самом неожиданном месте. Наш союзник — Франция — нам изменил и стал в рядах противоположной нам комбинации, увлекшись реальными с виду и весьма призрачными, по существу, соображениями средиземной политики. Пересмотр бухарестского соглашения, прежде всего, должен был бы касаться Кавалы, и само согласие болгар на уступку Кавалы диктовалось соображениями, и даже обещаниями, о возможности пересмотра. Но Кавала уже сделалась предметом международного торга: если верно сообщение итальянского агентства, за Кавалу Греция сделала уступки на южной албанской границе; поступилась Корицей и Аргирокастро. Достаточно, казалось бы, одного этого факта, чтобы опровергнуть заявление «Temps», будто требование оставить Кавалу за Болгарией исходит из того же источника, из которого исходило требование оставить Скутари и Дураццо за Албанией...

Впрочем, бухарестский договор останется печальным документом и независимо от того, как будет решен вопрос о Кавале. Румынское маклерство помогло поставить надгробный памятник над целой страной и над целым народом — Македонией и македонцами. Вместо народов-освободителей теперь придется говорить о народах-насильниках, народах-удавах, которым придется долго и медленно переваривать проглоченное сгоряча инородное тело.

И тут мы подходим к последней черте, о которой необходимо помянуть в связи с «благополучным» исходом бухарестской конференции. Проглоченное тело Македонии есть тело не мертвое, а живое. Об этом хорошо знают турки и Европа. Пристроить Македонию к сербским и греческим рукам во все не значит решить ее участь. Это значит только изменить цель и направление борьбы за македонскую самобытность.

Конечно, если бы балканские победители уважали начало национальной самобытности, если бы они сами придерживались того начала невмешательства в самоопределение народностей, которого требуют от Болгарии, тогда дело могло бы еще наладиться. Но мы слишком хорошо знаем ассимиляторскую тактику сербов и греков в Македонии, чтобы полагать, что вслед за аннексией македонских областей в них наступит благоденствие и внутренний мир. Мы не хотели бы быть пророками, но не для одних нас, а даже и для

г. Спалайковича несомненно, что македонские «четы» отнюдь не прекратят существования. Их будут, конечно, подводить под рубрику «болгарской» пропаганды. Но это не меняет дела. Несчастливая страна, поневоле пожертвованная своими законными освободителями, не может отказаться от права на жизнь, и задушить ее окончательно едва ли удастся.

172

«Утро России». 26 июля 1913 г. Мир без примирения

Мир заключен. Весьма плохой мир. Со скрежетом зубовным, окруженная со всех сторон неприятелями, согласилась на этот мир Болгария. Должна была согласиться. Для страны, потерявшей на полях сражения сто тысяч человек, плохой мир лучше доброй ссоры.

Болгария заключила мир со своими противниками, но не примирилась ни с ними, ни со своей судьбой. В этом-то мире без примирения и заключается тот ужас положения, в котором оказывается православный Балканский полуостров с момента официального объявления мира.

Мир заключен, но никто из заключивших этот мир не верит в него. Одни будут ждать нападения, другие — готовиться к нему. И победители — Сербия, Черногория, Греция, — и побежденные — Болгария и Турция — одинаково будут ковать свои мечи. Весь Балканский полуостров с момента заключения мира вступит в эру неустанный лихорадочного усиления и совершенствования своих боевых сил. Как после франко-прусской войны оба противника тотчас же приступили к небывалым до тех пор вооружениям, так и сейчас идея реванша заставит болгар отдаться во власть безудержного шовинизма, как только страна придет в себя и хоть отчасти наладит свои расстроженные финансы.

Эта пандемическая, всенародная мечта о возможности будущей, более счастливой войны, отчасти, быть может, и примиряет сейчас болгар с ужасающим для них фактом военного разгрома. Они пошли на унижительный мир, чтобы скорее начать готовиться к войне. *Si vis bellum, para pacem*¹. Это та самая спасительная мечта о реванше, которая помогала иным, более великим, чем болгары, народам пережить и перетерпеть национальные унижения. Найдутся и среди болгар Гамбетты², которые воплотят в своем лице эту

¹ Перефраз знаменитой пословицы «Хочешь мира — готовься к войне». Дословно: «Хочешь войны — готовься к миру».

² Леон Мишель Гамбетта — французский политический деятель, сыгравший большую роль в стабилизации ситуации во Франции после поражения в битве при Седане от прусских войск и пленения императора Наполеона III.

всенародную мысль о реванше и словом и делом своими удержат свой народ от духовной прострации.

Балканский союз. Что останется от этого союза, что останется от основной идеи этого союза по заключении мира? Говорят уже о совершившемся сближении Болгарии с Румынией. Чтобы не стоять одинокой между Грецией и Сербией, ей поневоле пришлось искать опоры со стороны Румынии. Союз этот подневольный, не брак по любви, а брак по расчету. И как широко разведут руками наши авгуры¹ с Певческого моста, когда к этому союзу присоединится не менее расчетливая Австрия.

Греция, упоенная своими победами над турками и болгарами, победами, которых она сама не смела ожидать, быстро освоится со своим новым положением господствующей в Эгейском море державы и тотчас же начнет увеличивать свой флот, вступит на путь Италии и Австрии. Она махнет рукою на славян, от которых ей больше нечего ждать, и станет искать иных, более великодержавных друзей и союзников.

И одна лишь Сербия, эта балканская золушка, остается одинока. Со всех сторон окруженная тайными недругами и откровенными врагами. Австрийцами, албанцами, болгарами. Спасайся, как можешь. Правда, ей дали расшириться, но еще более усилили вокруг нее ту стену, которая, очевидно, теперь уже навсегда преградила ей свободный выход к обоим морям.

Как сон, отлетел от балканских народов этот сплотивший их на несколько месяцев союз. И снова пред Европой былая картина балканского разъединения. Пред Европой и пред русскою дипломатией.

Язык дан дипломатам для того, чтобы скрывать свои мысли. Но исключение, видимо, сделано для русских дипломатов. И это злополучное для международного престижа России обстоятельство особенно ярко проявилось в переживаемые нами дни всеобщего напряженного ожидания. Что же делает Россия? Какими путями она, оставившая за собою свободу действий, заставит Европу стать на ее точку зрения?

Наши дипломаты слишком много и слишком громко говорили. Не говорили даже, а вещали. Поневоле приходилось им верить. Верила им за последние дни и Болгария. «Мы не допустим чрезмерного унижения Болгарии». Это звучало гордо и внушительно, в этих категорически-императивных словах чувствовалась самодовлеющая мощь сознавшей, наконец, свою силу великой славянской державы. Иным не в меру доверчивым и нервным людям по ту сторону Карпат мерещилась, пожалуй, стальная щетина насторожившихся миллионов русских штыков. «Мы не допустим чрезмерного унижения Болгарии!»

А между тем, вопреки этому горделивому «не позволим» с Певческого моста, обессиленная, загнанная в тупик Болгария сдавала одну позицию

¹ Жрецы-предсказатели в Древнем Риме.

за другой. За поражениями на бранном поле следовали не менее жестокие поражения на Бухарестской конференции. От Кавалы, которую великодушно предоставила ей русская дипломатия, Болгарии также пришлось отказаться. Кто знает, почему так стремительно выехал Гешов из Петербурга в Париж! Если он убедился в безусловной поддержке России, для чего было ему ехать еще и в Париж?

Сейчас, когда зловещим для всего славянства призраком вновь возникает слух о втором берлинском конгрессе, на котором Бетман-Гольвеги и Берхтольды будут по-своему санкционировать Бухарестский договор, не позволительно ли спросить у русской дипломатии, не в Берлине ли предполагает она выступить со своим протестом против чрезмерного унижения Болгарии?

В том самом Берлине, где тридцать пять лет тому назад отстаивали кровные интересы Болгарии и всего балканского славянства господа Горчаковы и Шуваловы¹ и где в нынешнем году собираются выступать в той же роли их заместители?

173

«Московские ведомости». 27 июля 1913 г. Мирная конференция в Букуреште

После работы делегатов балканских государств над выработкой мирных условий в Букуреште в течение недели, дело закончилось под давлением великих держав подписанием предварительных условий мира. По предложению председателя конференции Майореску, уже в первом заседании было решено приостановить военные действия на пять дней, и мир перестал быть свидетелем одной из самых позорных братоубийственных войн. Теперь мир подписан и нужно надеяться, что военные действия не скоро возобновятся.

Если румыны быстро договорились с болгарами о новых границах их королевств, то это объясняется известным чувством стыда у румын, которые, не понеся никаких жертв, не испытав даже особых затруднений, как послушные ученики австрийцев, вероломно напали на совершенно обессиленного противника. Но это соглашение болгар с румынами мало упростило работы конференции, вся трудность которой заключалась в приведении к согласию требований болгар и их объединенных противников. А эти требования были таковы, что могли заставить Болгарию лучше продолжать борьбу, нежели согласиться на принятие их, потому что Греция и Сербия не столько пытались

¹ А. М. Горчаков и П. А. Шувалов представляли Россию на Берлинском конгрессе 1878 г., по итогам которого были значительно пересмотрены условия Сан-Стефанского договора в ущерб прежде всего Болгарии.

охранить собственные интересы, сколько поставить Болгарию в такое положение, чтобы она не была способна к расцвету и самостоятельной жизни, завися от своих противников экономически и политически.

На предложение союзников болгары ответили контрпредложением, в котором требовали, чтобы граница начиналась на прежней сербо-болгарской границе и шла к югу между Куманово и Эгри-Паланкой, между Велесом и Иштибом чрез Вардар до Мурихово у Монастыря, затем чрез Гевгели и к западу от Струмы и заканчивалась у Орфано. Таким образом за Болгарию остались бы Эгри-Паланка, Кратово, Кочана, Иштиб, Радовишта, Струмица, Дойраков, Серес, Демирь-Гиссар и Кавала.

Это тоже были чрезмерные требования, которые союзниками не могли быть приняты, и сами болгары питали мало надежды сохранить все эти пункты и выставили свои требования только для того, чтобы иметь возможность пойти на уступки. И на этой почве действительно состоялось соглашение противников, так как они не желали, чтобы великие державы сами взяли в свои руки вопрос о разграничении.

Интересы держав требуют утверждения на Балканском полуострове такого порядка, который не давал бы поводов к новому нарушению мира, и потому Болгарию не должно было ставить в условия, вынуждающие ее в новой войне искать выхода из тех тисков, какие желали бы создать ей противники ее. Лишение Болгарии выхода в Эгейское море ставит ее в такое же положение, в каком находилась и находится Сербия, лишенная выхода в Адриатическое море. Притязания греков на Кавалу объясняются поэтому не столько их политическими интересами, сколько жадностью и, быть может, весьма основательными опасениями, что трудолюбивые, экономные и энергичные болгары могут создать флот, превосходящий морскую силу Греции. Совсем уже несостоятельна ссылка на то, что Кавала населена греками. Во-первых, эта область заселена болгарами, и если расширять до такой степени этнографический принцип, то греки могут заявить притязания и на наши южно-русские города. Тем не менее, болгары были вынуждены уступить в вопросе о Кавале. Великие державы с этими доводами едва ли могут сообразоваться и должны ставить выше интересы болгарского народа и свои собственные, чем удовлетворение appetitов греков, которое грозило бы новыми волнениями на Балканах. Вот почему не исключена возможность, что великие державы пожелают пересмотреть некоторые пункты предварительного мира. Болгария достаточно наказана за ошибки своих честолюбцев, пытавшихся разыгрывать роль Фридриха Великого, и нет основания заставлять народ страдать за эти ошибки.

Еще более, нежели державы, заинтересована Россия в том, чтобы отношения балканских государств приняли такой вид, который исключал бы возможность повторения последних печальных событий. Россия имеет права требовать от этих государств, вызванных к жизни жертвами русского народа, чтобы они прекратили свои раздоры ради более высоких задач.

И с установлением мира эти государства не будут гарантированы от разных треволнений, а будут нуждаться в покровительстве твердой руки России. Но балканские государства, и может быть Сербия более других, должны заслужить эту защиту, памятуя, что русский народ не может приносить бесконечные жертвы на пользу славянских народов, если они сами делают все возможное, чтобы вредить интересам покровителя. Пусть они не думают, что в России забудут, как они отнеслись к братским советам, им преподанным. Мольба о заступничестве, с которой обращался на все стороны король Фердинанд, может служить для балканских народов примером, к чему может прийти правительство, изменяющее славянской идее.

К сожалению, заключенный мир показал, что славянские державы не воспользовались удобным случаем выйти на прямой путь, уклонение от которого всегда приведет к катастрофам. Мир в той форме, какую он получил в Букуреште, кроме греков и сербов никого не удовлетворил и носит в себе зародыши новых столкновений. Нельзя было интересы Болгарии и заинтересованных в мире держав столь эгоистично приносить в жертву жадности греков и сербов, и державам, дорожающим установлением порядка на Балканах, придется сказать свое властное слово. Уже много, что греки получили Салоники, которые, собственно, должны были бы отойти к нуждающимся в порте сербам, тогда как грекам Салоники без гинтерланда¹ ни к чему не нужны. Отдавать им вдобавок Кавалу с островом Тазосом — значит возводить несправедливость в принцип, а на это никто не может согласиться. Кавала должна быть возвращена болгарам, иначе спокойствия ожидать на Балканах нельзя.

174

«Речь». 27 июля 1913 г.

Передовая статья

Будет ли Бухарестский договор только прелиминарным или же окончательным документом мира? Французская печать всячески старается доказать, что следует предпочесть последнее. Европейский концерт показал себя явно бессильным в Лондоне; стоит ли опять пускать в ход эту громоздкую машину с риском всевозможных осложнений? Не лучше ли как можно скорее покончить с бесконечным балканским кризисом и дать, наконец, отдых утомленным народам?

Можно, пожалуй, предполагать, что попытка пересмотра Бухарестского договора европейским ареопагом окажется бессильной и безрезультатной. Но никак нельзя утверждать, что в этом пересмотре нет никакой надобности.

¹ От нем. Hinterland — тыл, тыловой район.

Та же французская печать настойчиво убеждала сербов и греков заключить договор так, чтобы он не нуждался в пересмотре и в санкции Европы. Можно ли доказывать, что эти увещания достигли цели?

Близорукая и беспощадная жадность победителей привела как раз к противоположному. Сделанные ими уступки не только ничтожны и унижительны для побежденного; они случайны, произвольны и бессмысленны. Почему оставлено Болгарии течение Струмицы с городом этого имени, когда верховье той же реки с Радовиштой отошло к Сербии? Почему греки получили порт, который не имеет никакого практического значения в их руках и не мог бы в чужих руках конкурировать с их Салониками, после того как Салоники получили теперь в виде *Hinterland*'а всю Македонию? Произвольность этих территориальных урезок и полная их ненужность для интересов победителей бросаются в глаза. Не должны ли державы вспомнить, что так недавно еще они громко заявляли, что не допустят унижения Болгарии? Не пора ли теперь серьезно подумать о выполнении этого обещания?

Из сегодняшних телеграмм нашего корреспондента видно, что, действительно, Австрия, а за ней Россия настаивают на пересмотре договора великими державами. Более того, телеграмма прибавляет, что, несмотря на сопротивление балканцев, державы считают этот вопрос решенным. Таким образом, есть возможность надеяться, что по крайней мере частичные исправления будут сделаны, и что болгарам достанутся из их завоеваний не одни только камни и горы.

Хуже обстоит дело с другим вопросом — о понуждении Турции очистить Адрианополь и Фракию. Пока державы ораторствуют, совещаются и демонстрируют, «Васька слушает да ест». Телеграммы вполне единодушны в описаниях систематического истребления населения в местностях, занятых турками. Турки, очевидно, радикально очищают места для будущих «могаджиров»¹. К этому прибавились теперь сведения о поспешном укреплении турками Адрианополя и Кирк-Килисе. Очевидно, одними дипломатическими жестами дело ограничиться уже не может. Турки хотят остаться во вновь занятых ими местностях.

Конечно, если пришлось бы ждать, пока все державы решатся на коллективное выступление, то это равносильно было бы отказу от всякого действия и косвенному признанию *fait accompli*². Но для воздействия на Турцию было бы достаточно дать поручение той или другой отдельной державе. Недоверие могло бы парализоваться, если бы мандат получили одновременно два соперника и конкурента в международной борьбе, выступающие ныне первыми защитниками идеи пересмотра договора.

По крайней мере, один из этих соперников — Австрия — доказал на деле, что он умеет добиваться раз поставленной цели. Если в данном случае он

¹ Мухаджиры — мусульмане-переселенцы.

² Свершившийся факт (фр.).

обнаружит ту же настойчивость, как в вопросах об Адриатическом море и о Дураццо, то, можно сказать, успех обеспечен. Но как быть с другим соперником, Россией?

За Россией признается, и вполне основательно, заслуга сохранения европейского мира. Заслуга, бесспорно, почтенная. Но для того, чтобы закрепить ее за собой, надо от времени до времени проверять свой вес на международных весах. Россия в последнее время что-то от этого отвыкла. Мы не говорим о том, что ее предложение арбитража оказалось так легковесно в глазах ее клиентов, что было просто отброшено за ненужностью. Тут речь шла лишь о честном маклерстве с большой примесью идеологии. Но в настоящую минуту дело заходит уже о собственных интересах, во всяком случае, не менее важных, чем интерес Франции в Кавале или интерес Италии в Албании. И вот при новых, менее извинительных обстоятельствах, мы так же упорно молчим, как молчали при старых. Хуже того: мы не молчим, а умолкаем после того, как заговорили было — и заговорили очень высоким тоном. Давно ли шла речь о морской демонстрации против Турции, а мысль о занятии турецкой Армении отстранялась не по существу, а только за «преждевременностью»? Где же теперь все эти гордые позы — теперь, когда дело зашло о необходимости действительного доказательства силы?

Когда мы молчали и сдерживались, не желая приносить интерес в жертву идее, это было понятно. Но когда уже в самой узкой сфере наших ближайших интересов мы продолжаем ту же политику, то объяснение напрашивается другое. И его сделают на международном рынке политических ценностей. Выгодно ли это и совместимо ли с теми огромными жертвами, которые страна приносит для своей обороны и для поддержания своего престижа?

175

«Русское слово». 27 июля 1913 г.

Худой мир

Мир заключен; остается разрешить несколько второстепенных вопросов (о денежном вознаграждении пострадавшим, о гарантиях подданным, не принадлежащим к господствующей национальности) и выполнить некоторые формальности. Завтра все эти вопросы будут разрешены, и делегаты разъедутся по домам.

Бесславный и непрочный мир, достойный конец бесславной войны из-за добычи. Болгария не получила надлежащего выхода к Эгейскому морю, и большая часть Македонии также досталась не ей, а ее противникам. И это для болгар самый тяжелый удар. «Мы предпочли бы отдать Фракию туркам, чем лишиться Македонии», — заявляет болгарский делегат генерал Фичев.

Но судьба сурово отнеслась к начавшим братоубийственную войну болгарам: они лишились и Македонии, и Фракии.

Львиная доля добычи досталась сербам и грекам. Но самую большую победу одержала Румыния — победу бескровную, — получив в качестве гонора за «честное маклерство» плодороднейший кусок болгарской территории, не пролив ни капли крови и заняв положение гегемона на Балканах. Настолько оказалась истощенной двумя войнами Болгария, что ей пришлось дорогой ценой купить заступничество Румынии, чтобы спастись от окончательного разгрома. Понесшая больше всего жертв во время первой войны, Болгария получила меньше всех из общей добычи, отнятой у турок. Мало того: ее восточная граница находится под угрозой вторжения турецких войск, и она даже не может защищаться. Болгарское правительство решило произвести немедленную демобилизацию армии, несмотря на опасность вторжения турок. Конечно, расчеты Болгарии на то, что державы не допустят этого вторжения, надо признать основательными. Неизвестно, как разрешится вопрос об Адрианополе, но дальнейшее движение турок вглубь Болгарии не может быть допущено. В этом отношении сомнений в солидарности держав не может быть, да и сами турки не решатся на такой рискованный шаг. Здесь они натолкнулись бы, прежде всего, на свежую румынскую армию, так как ни окончательного разгрома Болгарии, с которой Румыния собирается заключить союз, ни нового усиления турок на Балканах Румыния не может допустить.

Разгром Болгарии может служить порукой, что мир не будет нарушен более или менее продолжительное время. Но этот же разгром и лишение Болгарии законной доли в общей добыче позволяют утверждать, что тот мир, который только что заключен, есть мир худой. Болгария не забудет нанесенных ей обид, хотя она и сама виновата больше всех. Балканские государства понесли слишком большие жертвы, чтобы в непродолжительном будущем вступить в борьбу. Они ослабели, да кроме того им предстоит усиленная работа ассимилирования вновь добытых областей. Сербь и греки получили несколько сот тысяч македонцев, считающих себя болгарами, и, хотя на мирной конференции в Бухаресте будут приняты решения, гарантирующие на бумаге свободу языка, школы и религии всем национальностям, в чем бы подданстве они ни состояли, балканская практика не такова, чтобы эти бумажные решения могли немедленно претвориться в жизнь. Исконная ненависть между болгарами и греками только усилилась, а та вражда, которая существовала между болгарами и сербами, превратилась в ненависть.

Внутренний мир на Балканах всегда был проблематичен. Как только начинал таять снег на горах, начинала литься в Македонии человеческая кровь. И где гарантии, что это не повторится теперь, и еще с большей силой, чем было при владычестве турок. Македония, ее мирное население разорены, многие тысячи людей потеряли там все: имущество, кров, родных. Говорят о десятках тысяч беглецов. А кто потерял все, тому нечего жалеть.

Не будет плодотворен этот мир и в другом отношении. То недоверие, которое питали друг к другу договаривающиеся стороны в Бухаресте, конечно, не исчезнет, а еще более усилится. Следовательно, эти государства будут направлять все усилия на подготовку армии и на вооружения, а не на культурную работу, которая неминуемо отойдет на второй план.

Милитаризм, под тяжестью которого стонут мировые колоссы, с тем большей силой будет истощать жизненные соки балканских государств, так как призрак болгарского реванша будет висеть вечной угрозой над ними. Сербия и Греция вскоре почувствуют, какую ошибку они сделали, превратив Болгарию в ожесточенного врага.

Ошибки бухарестского мира могли бы до некоторой степени исправить великие державы. Но на это плохая надежда, и согласие Болгарии на все условия победителей — лучшее тому доказательство. Отказ держав теоретически признать новый status quo на Балканах ничего не изменил бы в фактическом положении дел. Такой молчаливый протест никого не испугает и не заставит победителей отказаться от плодов своей победы: как Иштиб остался за сербами, так и Кавала, по всей вероятности, останется за греками.

Остается вопрос об Адрианополе и Фракии, но и здесь не предвидится серьезного давления. Нота, врученная послами всех великих держав великому визирию, предлагает лишь «уважать принципы лондонского трактата, главным образом, относительно линии Энос — Мидия». Нетрудно предвидеть ответ турок. Как и всегда, турецкое правительство ответит, что оно не может заставить войска очистить Адрианополь, так как иначе неизбежно восстание и полная анархия в стране. Такого только ответа и можно ожидать, тем более что в той же ноте говорится, что «державы готовы принять во внимание изменение границ в тех условиях, которые оттоманское правительство считает необходимыми».

176

«Голос Москвы». 28 июля 1913 г. К пересмотру Бухарестского трактата

Вся русская печать единодушна в оценке условий мира, подписанного в Бухаресте. Нигде не раздалось ни одного слова в его защиту, ибо на самом деле он ничего, кроме негодования, вызвать не может. Это — могильная плита над Болгарией и над славянским населением Македонии.

В упоении победой победители забыли то, чему недавно присягали. Об установлении равновесия на Балканах, о чем раньше так много говорилось и чем оправдывалась самая кампания, — тем более ни слова. Болгария раздавлена и унижена в размерах необычайных. Она после двух кампаний

оказалась даже меньше по объему, чем до войны. Все ее соседи усилились за ее счет, грубо нарушая ими же выдвинутый принцип балканского равновесия.

Не много выиграла от братоубийственной бойни и Сербия. Ее территориальные приобретения и политическое значение на Балканах усилились в незначительной степени. Все цветы кампании отданы в руки Румынии, не потерявшей в бою ни одного солдата, и Греции, крайне слабого в военном отношении государства, никогда и не думавшего о войне с Турцией и Болгарией. В слепой распре славяне унизили и обессилили себя. Они не задумались даже над тем, чтобы отдать Греции и Румынии огромную славянскую территорию и навсегда этим закабалить своих братьев.

Мы уверены, что на этом пункте разгром славянства еще не окончился. Австрийские официозы громко требуют пересмотра Бухарестского трактата, якобы нарушающего интересы Австрии. Они грозят отдельным выступлением Австрии, если условия договора не удастся изменить на европейском концерте. Практически это означает будущий разгром Сербии и, следовательно, ослабление второго славянского государства на Балканах.

Нельзя назвать положение русской дипломатии при этих обстоятельствах легким. Она не может примириться с Бухарестским трактатом, ибо значительное усиление Греции не может входить в расчеты России. Но сокращение притязаний Греции тесно сопряжено с допущением разгрома Сербии, что опять-таки не в интересах России.

Конечно, если бы удалось установить контакт между всеми великими державами и вынести общее решение от общего имени, задача значительно упростилась бы. К сожалению, рассчитывать на это нет никаких оснований. От европейского концерта отошли Франция и Германия. Это явление чрезвычайно пикантное — такое соглашение непримиримых врагов; никто не допускает мысли, чтобы оно произошло во взаимных интересах. Очевидно, и та, и другая держава плетет тонкую политическую интригу, где Греции отводится определенное место. Франция думает, что Греция сослужит службу против Тройственного союза, Германия рассчитывает на обратное.

Мы думаем, что французская дипломатия на этот раз перемудрила.

Тройственный союз уже много выиграл. Он выиграл Аргирокастро и Корицу для Албании, Эгейские острова для Италии и вогнал глубокий клин в сердце франко-русского союза. Если Франция вовремя остановится, дело поправимо без сильных нажимов; если же этого не произойдет, Певческому мосту придется решать крайне трудную проблему.

Совместные действия с Австрией, конечно, поведут к потере Сербией Ново-Базарского санджака. В то же время, где у России средства заставить греков уступить Каваллу болгарам?

Есть, правда, еще одна возможность, позволяющая русским дипломатам с известной дозой чести выйти из создавшегося положения: в мирный договор включен пункт о том, что Румыния, Греция, Сербия и Черногория

взаимно гарантируют «status quo» на Балканах и защиту его против притязаний других государств. Это создает новый балканский союз, острие которого будет направлено не только против Болгарии, но и против Австрии. Тогда для России останется хоть то утешение, что поступательному движению Австрии на Балканы будет положен прочный предел. Только при этом условии мы можем помириться с Бухарестским трактатом, и всякое сотрудничество России с Австрией окажется излишним.

В противном случае пересмотр договора должен быть произведен обязательно, но русская дипломатия должна определенно обусловить свое участие в нем надежной гарантией, что ни одно государство Европы не извлечет для себя личных выгод из такого вмешательства.

177

«Киевская мысль». 28 июля 1913 г. Бухарестский мир

Сейчас, когда я пишу эти строки, здесь ждут с часу на час подписания договора, который войдет в балканскую историю под именем Бухарестского мира 1913 года. По отношению к сербам, а особенно к румынам, болгары проявили торопливую уступчивость, по-видимому, надеясь, таким образом, изолировать греков. Торопливость болгарских делегатов была так велика, что они, гарантировав национально-культурную автономию (в вопросах языка, школы и церкви) входящим в состав Болгарии куцовлахам, совершенно позабыли потребовать в соответствующий момент таких же национальных гарантий для болгар, отходящих к Румынии. В центре их внимания стояла все время Кавала — важнейший после Салоник порт на Эгейском море, экспортный центр табачного производства: уже сейчас через Кавалу проходит ежегодно на 10 миллионов рублей табаку. Перед лицом табачных плантаций и табачного экспорта вопросы культуры и совести 200 тысяч болгар в южной Румынии отступили далеко на задний план. Но Кавалы Болгария все-таки не получила, и у нее остается теперь только весьма химерическая надежда на помощь Австро-Венгрии при ратификации договора великими державами. Здесь, однако, утверждается мнение, что этого ратифицирования вообще не будет.

В том, что мир будет подписан, никто не сомневается. Журналисты и политики уже дисконтируют близкий мир в застольных спичах. Третьего дня румынская ассоциация прессы давала банкет иностранным журналистам, на котором красноречиво говорилось о правах культуры на мир и о благах мира для культуры. Однако же, после опыта последних месяцев никто решительно не верит в то, что Бухарестский договор действительно обеспечит

мир на Балканах. То новое «равновесие на основе соотношения сил», которое обещали народам после второй балканской бойни, будет на самом деле гораздо менее устойчивым, чем тот *status quo*, который охранялся европейской дипломатией в течение трех с половиной десятилетий. Об этом лучше всего свидетельствует судьба Лондонского «мира». Бухарестская конференция исходит формально из определений Лондонского договора, который провел новую границу между Турцией и бывшими союзниками. Но что осталось к моменту Бухарестской конференции от Лондонского договора? Турки сидят в Адрианополе, а болгары ждут в ближайшие дни формального объявления войны со стороны Турции, вслед за чем последует немедленное занятие ничем не защищенного Филиппополя. По Лондонскому «равновесию сил», Болгарии причитается Фракия, а на самом деле ей грозит потеря Восточной Румелии. Болгары сейчас ищут союзников против полумесяца среди собратьев по кресту и — не находят. До болгаро-турецких отношений Бухарестской конференции дела нет — здесь ведь нет вовсе и делегатов Турции. Этим вопросом предстоит, очевидно, заняться новой конференции, которая, в свою очередь, явится не последним этапом в кошмарной истории европейского юго-востока. Каким образом болгары, которым приходится выступать в двойной роли истца и судебного пристава, приведут в исполнение решение лондонского трибунала, этого сейчас никто не знает. Но если бы даже на помощь им пришла сильная рука (от которой, впрочем, болгары пострадали бы не менее, чем турки), если бы даже Турция, как государство, была совершенно уничтожена, — в Европе, как и в Азии, турки ведь все равно остались бы. И эти лишённые государственного крова турки, с традициями пятивекового владычества в Европе, были бы, во всяком случае, не меньшим элементом смуты и потрясений на Балканах, чем македонцы в Старой Турции. Если Лондонская конференция балканских уполномоченных, работавшая под надзором конференции посланников великих держав, не предупредила войны между союзниками, то тут возможен еще формальный отвод: лондонская задача состояла-де не в распределении турецкого наследства между союзниками, а в определении его общего размера. Но ведь именно в пределах этой последней задачи Лондонской конференции удалось, как мы видим, определить лишь одно: размеры импотентности коллективного дипломатического «разума» Европы. Бухарестская конференция делает вид, будто ей и невдомек, что от Лондонского трактата ничего не осталось. В свою очередь, Бухарестская конференция, установившая (надолго ли?) границу между Болгарией, с одной стороны, Сербией и Грецией, с другой, — совершенно не коснулась сербско-греческой границы. Правда, нас уверяют, будто у сербов с греками все предусмотрено. Но разве не было «все предусмотрено» у болгар?

Если есть какая-либо гарантия против немедленной сербско-греческой войны, так это не договор, а полное истощение обоих государств.

С румыно-болгарскими отношениями — не лучше. Новая территория, со своим преобладающим болгарским населением, вопьется, как страшная

заноза, в тело Румынии. Добруджа превратится в румынскую Эльзас-Лотарингию¹ — да еще осложненную теми методами борьбы, какие применялись в Македонии. А болгары никогда не забудут румынам того, что именно они своим выступлением дали решающий толчок второй балканской войне!

Еще менее устойчивыми будут болгаро-греческие отношения, как они сложатся на основе Бухарестского мира. В Южной Македонии к Греции отходит около 200 тысяч болгар. Во Фракии, наоборот, около 200–250 тысяч греков становятся гражданами Болгарии или, вернее сказать, числятся в этом звании по Лондонскому трактату. Национальный принцип и здесь оказывается несовместимым с империалистическими притязаниями: дело идет вовсе не об общности культуры на однородной этнической основе, а о числе податных плательщиков и о емкости внутреннего рынка. Разумеется, и в этих границах возможно было бы мирное сожительство Болгарии с Грецией при условии обеспечения национальной автономии «инородцам» каждой из этих стран. Но ясно, что люди, которые только что вспарывали животы друг другу, или, вернее, те, которые руководили этим вспарыванием, абсолютно неспособны установить устойчивые условия сожительства народов по обе стороны границы, перерезавшей Македонию.

На судьбе этой трижды несчастной области с убийственной для национальных романтиков ясностью обнаруживается, что даже на отсталом Балканском полуострове национальной политике место лишь постольку, поскольку она совпадает с империалистической.

Греческий империализм — наиболее старого происхождения. Греческая церковно-аристократическая олигархия (Фанар) разделяла с военной кастой османов господство над христианскими народностями полуострова. Греческая буржуазия, распространяясь по берегам Эгейского, Мраморного, Черного и Средиземного морей, подчиняла земледельцев и пастухов своему торговому и ростовщическому капиталу. Греческие попы и купцы проложили дорогу греческому империализму, который сразу оказался в смертельной вражде с пробуждающимися балканскими народностями: для этих последних экономическое и национальное пробуждение означало борьбу на жизнь и на смерть не только с турецкой военно-бюрократической кастой, но и с церковным и торгово-ростовщическим засильем греков. Греческий империализм столкнулся с болгарским на почве Македонии.

Болгарский империализм — недавнего происхождения, но тем он воинственнее и азартнее. Болгарская буржуазия выступила поздно и сразу начала работать локтями, чтобы пробить себе дорогу. Болгарские министры получают жалованья тысячу франков в месяц. А в капиталистической Европе есть должности, которые оплачиваются тысячей франков в день. Софийский корреспондент «Times'a», мистер Баучер, располагал такими суммами,

¹ Имеются в виду две провинции, столетиями являвшиеся яблоком раздора и причиной войн между Германией (Пруссией) и Францией.

о которых софийские властители не могли грезить и во сне. Расширить пределы государства, увеличить число податных единиц, умножить источники обогащения — вот начала империалистической премудрости, направлявшие политику всех правящих клик в Софии.

Этими же началами — империалистическими, а не национальными — определялась и вся македонская политика Болгарии. Цель была всегда одна: аннексия Македонии. Софийское правительство лишь постольку поддерживало македонцев, поскольку могло таким путем закрепить их за собой, и наоборот: оно без зазрения совести предавало те их интересы, которые могли бы отдалить их от Болгарии. Известный балканский политический деятель и писатель, доктор Х. Раковский, с которым я встретился теперь, после двухлетнего промежутка, в Бухаресте, сообщил мне, в числе многих других сведений, следующий чрезвычайно красноречивый факт. В 1903–1904 гг. болгарский экзарх хлопотал в Софии об учреждении крестьянского банка в Македонии. Это было после «Ильинденского» восстания, когда в Македонии царил хаос и турецкие помещики готовы были сбывать крестьянам свои поместья за бесценок. Болгарское правительство решительно отвергло проект экзарха и в объяснение привело то соображение, что достигшие известного благосостояния македонские крестьяне сделаются недоступными для болгарской пропаганды. На ту же точку зрения стала и революционная македонская организация, которая — особенно после разгрома восстания — окончательно превратилась из национально-крестьянской организации в орудие империалистических предначертаний софийского правительства.

Эта паразитическая борьба, в которой зверство сочеталось с героизмом, закончилась — чем? Предательским договором о разделе Македонии. Вторая балканская война и увенчивающий ее ныне Бухарестский мир довершили этот договор, — и вот теперь Шип¹ и Кочаны — те два пункта, где болгаро-македонские революционеры своей «предъизыкательной» (провокационной) тактикой вызвали турецкую резню, послужившую вступлением к первой «освободительной» войне, — эти самые Шип и Кочаны ныне переходят к Сербии!

Сербский империализм оказался совершенно бессильным вести наступление по «нормальной», т.е. национальной линии: по пути стояла Австро-Венгрия, включившая в свои пределы большую половину сербства. Отсюда устремление Сербии по линии наименьшего сопротивления — в сторону Македонии. Национальные завоевания сербской пропаганды на этом пути оказались совершенно незначительными, но тем более решительными кажутся территориальные завоевания сербского империализма. Сербия включает теперь в свои пределы около полумиллиона македонцев, как она уже включила около полумиллиона албанцев. Головокружительный успех! На самом же деле этот враждебный миллион может оказаться роковым для исторического существования Сербии...

¹ Ошибочная транслитерация с болгарского. Верно: Штип.

Казалось, что болгарству легче всего сплотиться в одно национальное и государственное целое, так как болгары — те, что за пределами «царства», — находились только под властью пережившей себя турецкой касты, а не под властью Австро-Венгрии, как сербы, или Австро-Венгрии и России, как румыны. Но оказалось не так: именно сербы и румыны, выброшенные великими северными державами из колеи своего естественного развития, наложили руки на болгарство. Х. Раковский не без оснований называет Бухарестский договор первым разделом «балканской Польши».

Относительно новых межевых линий на Балканском полуострове — независимо от того, как долго они продержатся, — приходится, таким образом, установить, что все они прошли по живому телу истощенных, обескровленных, растерзанных наций. Ни одна из этих балканских наций не собрала своих рассыпанных частей. И наоборот: каждое из балканских государств, в том числе и Румыния, включает теперь в свои пределы враждебное ему компактное меньшинство.

Таковы плоды войны, которая поглотила убитыми, искалеченными и умершими от болезней не менее полумиллиона душ. Ни один из коренных вопросов балканского развития не решен.

Экономическое развитие требует таможенной унии, как первого шага к общебалканской федерации. Вместо этого мы видим вражду каждого против всех и всех против каждого. Взаимной враждой дышат балканские государства, и не менее острой враждой пропитаны осколки наций внутри отдельных государств. Надолго исчерпаны материальные ресурсы полуострова, а национально-политические отношения запутаны несравненно больше, чем до войны. Но мало этого: даже и с внешней, чисто дипломатической стороны балканские отношения остаются неоформленными. Не приведен еще в полную ясность вопрос о сербско-греческой границе, тревожным вопросом остаются взаимные отношения Сербии и Черногории, и угрожающей загадкой висит над полуостровом судьба Фракии.

Бухарестский мир состоит из недомолвок и лжи. Он достойно венчает войну жадности и легкомыслия. Венчая, он не заканчивает ее. Прекратившаяся вследствие полного истощения сил, эта война снова возобновится, как только свежая кровь появится в артериях.

На банкете, который в воскресенье будет дан в честь уполномоченных в королевском дворце, будет сказано много парадных слов о великом значении Бухарестской конференции. Каким отвратительным издевательством над судьбами народов прозвучат эти слова! Поистине кровь павших вопиет к небесам, ибо она пролита напрасно. Ничто не достигнуто, ничто не улажено... Восточный вопрос страшной язвой горит и гноится на теле капиталистической Европы!

Антид Ото

**«Русские ведомости». 30 июля 1913 г.
Передовая статья**

Бухарестская конференция закончила свои занятия и выработала условия мирного договора. Договор уже подписан уполномоченными делегатами от воюющих государств. Известие об этом было принято с ликованием в самом Бухаресте, в Белграде и Афинах, и, наоборот, в Софии суровые условия мира произвели гнетущее впечатление. Единственное, на что надеются болгары, это — на пересмотр договора великими державами и на изменение его условий в пользу Болгарии.

Есть ли, однако, основания считать такой пересмотр осуществимым? Сторонниками его являются Россия, Австрия, Италия, отчасти Англия, противниками — Франция и Германия. Такая неестественная группировка держав уже сама по себе свидетельствует о сложности и запутанности положения, мало дающих шансов для возможности выработать какое-нибудь решение, одинаково приемлемое для всех держав. Дело в том, что у европейской дипломатии не установлены даже общие принципиальные основания, на почве которых можно было бы сделать попытку решить балканскую проблему. Некоторые из держав руководствуются в данном случае исключительно только своими эгоистическими побуждениями. Особенно рельефно это сказывается на политике Франции, настойчиво поддерживающей Грецию отнюдь не из расположения к последней, отнюдь не в силу каких-либо соображений о справедливости или об интересах самих балканских государств, а исключительно из желания создать новые затруднения для Италии. Получается не столько политика, сколько дипломатическая игра, при которой можно выиграть, но можно и проиграть. Во всяком случае, готовность Германии тоже поддерживать интересы Греции свидетельствует о том, что правильность расчетов Франции на непримиримый антагонизм между сильной Грецией и Италией не может быть признана стоящей вне всяких сомнений. Но пусть даже Франция права в этих своих расчетах, все-таки ее узкоэгоистическую политику нельзя назвать правильной по существу: ради мелких выгод текущего момента она готова пожертвовать интересами высшего порядка.

Балканы долгое время были кошмаром всей Европы. Они держали ее в постоянном напряжении, давали толчки ко все новым вооружениям, заставляли ее жить под угрозой катастрофического общеевропейского взрыва. Вся Европа поэтому заинтересована в том, чтобы покончить с балканским вопросом, чтобы создать на Балканах такое положение вещей, которое приближалось бы по существу к нейтрализации полуострова. До тех пор, пока дипломатия будет исходить только из предпосылок, что Сербия — враг Австрии, Румыния — противник России, Греция — антагонист Италии, до тех пор, конечно, никакое соглашение между державами невозможно; каждая держава будет стараться усилить противника своего противника

в расчете на то, что балканские государства так или иначе могут быть вовлечены в общеевропейский конфликт. Но именно от этого расчета и необходимо отказаться, и не только в силу одних соображений морального порядка, а также из своих собственных интересов. Мы видели на Балканах столько самых прихотливых комбинаций, столько союзов самых неожиданных и даже невероятных, что никакой действительно точный расчет тут невозможен. Даже относительно ближайшего будущего нельзя говорить с уверенностью, что данное балканское государство непременно примкнет к такой-то комбинации держав. Ведь была же Сербия долгое время ближайшим другом Австрии; Румыния, в течение многих лет казавшаяся верным сторонником Тройственного союза, внезапно отшатнулась от Австрии и т. д., и т. д. Все проекты собственного усиления путем усиления того или другого из балканских государств не имеют под собой сколько-нибудь твердой почвы. Все эти проекты должны считаться с возможностью опасности получить в результате дипломатической игры вместо собственного усиления усиление своих противников. Поэтому наиболее правильной и, в конце концов, наиболее выгодной политикой европейской дипломатии было бы создание на Балканах такого положения, которое исключало бы возможность вовлечения балканских государств в конфликт между державами. Этим самым из расчетов дипломатии был бы исключен ряд гадательных возможностей, и международная политика много выиграла бы в своей определенности и устойчивости.

Очевидно, что наибольшим приближением к такому положению является создание сильной Болгарии. Болгария расположена в центре полуострова и не соприкасается с границами ни одной из великих держав. Она не может, поэтому, принять непосредственного участия в конфликте между державами, если в этот конфликт не будут вовлечены другие балканские государства. А в этом последнем случае она скорее выступила бы не в роли союзника, а в роли противника своих соседей, т. е., иными словами, помешала бы их участию в конфликте. При наличии сильной Болгарии опасность Румынии, Сербии, Греции для России, Австрии и Италии была бы значительно ослаблена, и это явилось бы весьма существенным приобретением с точки зрения устойчивости европейской политики. С этой точки зрения политика России, протестующей против чрезмерного ослабления Болгарии, является безусловно правильной. Для Балканского полуострова в целом подобное положение было бы наиболее желательным. Если бы державы отказались от преследования своих узких интересов на Балканах, если бы у них была отнята навсегда надежда поймать рыбу в мутной воде, балканские государства от этого только выиграли бы.

Не всегда, однако, общие соображения доминируют в политике над мелкими интересами текущего момента, и потому нельзя быть уверенным в пересмотре постановлений Бухарестской конференции. Недостаточно простого формального пересмотра, надо, чтобы решения держав были проведены в жизнь, а это было бы возможно лишь при полной солидарности держав,

при их уверенности в искренности друг друга, при отсутствии взаимных заподозрений. Отобрать у греков Кавалу и отдать ее болгарам, конечно, трудно, но гораздо труднее удалить сербов из захваченных ими болгарских областей Македонии. Эту задачу не могут взять на себя одна-две державы при молчаливом согласии остальных; ее разрешение возможно лишь при настойчивом и активном стремлении к этому всех держав. Между тем этого условия пока в наличности не имеется.

179
«Речь». 30 июля 1913 г.
Передовая статья

Бухарестский мир подписан и отпразднован пушечными выстрелами в Бухаресте, Белграде и Афинах. Наградившие себя свыше меры победители прославляют этот договор, как зрелый плод государственной мудрости, как торжество справедливости и как залог балканского равновесия, «гармонии» и дружбы между подписавшими его сторонами. Послушать эти приветствия — можно было бы подумать, что никогда балканская федерация не была так близка к осуществлению. Недаром в Бухаресте хлопотали о внесении в договор статьи, которою участники договора гарантировали бы друг другу их теперешние владения.

Увы, в этой самой заботе проявилось все беспокойство победителей, скрываемое под личиной триумфального настроения. Боязнь мести со стороны раздавленной теперь Болгарии — вот то естественное и вполне реальное чувство, которое все время чувствовалось под гладким стилем дипломатических прений. Болгары, впрочем, сделали все, чтобы не оставить никакого сомнения, что волнующие их чувства так далеки, как только возможно, от чувства соседского благожелательства. Они отказались от выражений официального лицемерия и открыто заявили протест против «сложившегося положения», вынудившего их подписать формальный отказ от всего, для чего была начата и велась эта война, для чего приносились жертвы, для чего был заключен и самый союз, ныне так бесцеремонно растоптанный партнерами, когда нужда в союзе для них миновала.

Редко бывал мир, который бы так очевидно нес в себе зародыши будущих вооруженных столкновений. Как бы чувствуя это, Европа делает вид, что хочет позолотить пилюлю. Договор предлагают пересмотреть. Если предложение будет принято и достигнет своей цели, Болгария получит в придачу к бухарестским обрезкам еще порт Кавалу. Значение этого порта, за который так ухватились теперь греки, несомненно, сильно преувеличено. И большую роль в этих преувеличениях сыграли сами болгары. Выставляя

Кавалу, как опасного конкурента Салоникам, болгары сами, так сказать, набили ей цену. В действительности, отделенный со всех сторон горами от окружающего плато, порт этот далеко не так удобен для торговли и железнодорожного пути, как это часто говорили. И, получив Кавалу, Болгария далеко не будет вознаграждена за то, что потеряла. А главное — поднятый около Кавалы шум отвлекает внимание от самого существенного вопроса — о судьбе Македонии.

Пересмотр Бухарестского договора, если он состоится, никоим образом не может оставить без внимания этот вопрос. Если для чего-нибудь этот пересмотр нужен, то прежде всего для того, чтобы решить, какова же будет дальнейшая судьба тех, кого «освободили» — жителей Македонии.

Сербы и греки, конечно, решительно намереваются объявить этот вопрос своим внутренним вопросом. Г. Спалайкович прямо заявил на самом конгрессе, что с присоединением Македонии, наконец, определились границы... Старой Сербии! Мы когда-то проследили по сербским документам, как неумеренно росло в своих размерах это старое географическое понятие. Теперь достигнута высшая точка: все, что взяли сербы, все это — «Старая Сербия». А судьба ее жителей определяется... сербской конституцией, в которой так либерально говорится о гражданских свободах.

Мы вспоминаем, что такая — и даже лучшая — конституция есть и в Болгарии. Однако это не помешало грекам и румынам требовать гарантии национальной автономии их соотечественников в пределах болгарских владений. Если где-нибудь эта гарантия нужна, то это именно в Македонии. Мы не раз характеризовали тот режим террора, который господствовал в Македонии во время сербской и греческой оккупации. Можно представить себе, что там будет, когда население Македонии превратится в сербских и греческих подданных. Первые признаки этого уже имеются налицо. Гордость македонского населения, экзархистская церковь, уже объявляется (конечно, «добровольно») уничтоженной. Экзархистская школа и церковь фактически упразднены с изгнанием учителей и священников. Кто же помешает объявить теперь «македонских славян», без дальних справок, сербами и греками?

Если Европа может чему-нибудь помешать и что-нибудь предотвратить, то она должна помешать и предотвратить это. Политическая автономия Македонии есть, конечно, теперь уже дело несбыточное. Еще несбыточное или уже несбыточное — это смотря по вкусу, но, во всяком случае, несбыточное теперь. Этим, однако, вовсе не все сказано. Остается еще автономия национальная, гарантия культурно-национального самоопределения. И эту гарантию Европа должна дать македонцам, если не хочет, чтобы «македонский вопрос» продолжал существовать по разрешении балканского.

Если вспомнить, что Венизелос, собственно, предлагал, в греческих интересах, взаимную гарантию свободы школы и церкви, и что отклонил это предложение болгарский публицист Радев за недостаточностью инструкций, то можно заключить, что новое возбуждение того же вопроса в более

обобщенном виде вовсе не представляется невозможным или неосуществимым. Между тем, это — самая существенная из поправок, которые могли бы несколько поднять шансы будущего мира на Балканах без насильственного разрыва Бухарестского договора.

Будет ли она сделана?

180

«Русское знамя». 30 июля 1913 г. Непрочный мир

Пушечные выстрелы в Букаресте, Афинах и Белграде оповестили о состоявшемся 27 июля подписании мира между повздорившими жителями Балканского полуострова из христиан. Неизвестно только, последовали ли такие же салюты радости в Софии? Вряд ли, по крайней мере, таково общее мнение. Болгары спешили подписать мирный договор. Каждый день промедления становился для них тягостною петлею. Румыны расположились лагерем в 10 верстах от совершенно беззащитной Софии, и румынские солдаты ездили в нее покупать табак. Сербь расположились на расстоянии 30 верст, у Кюстендила, а греки только отбиты были от Джумании. Турки зашли на болгарскую прежнюю территорию и грабили жителей. Сношения с внешним миром для Болгарии были прерваны врагами — вся Болгария была осаждена, точно крепость. Телеграф, почта, железные дороги, пароходы — все захвачено было врагами. Если бы они захотели покончить с Болгарией совсем, то могли бы это сделать, и вряд ли кто в состоянии был им помешать. При таких условиях спадает всякая гордость, и еще не потерявший понятие о рабстве болгарин униженно целовал ноги победителям, соглашаясь на всякие условия, лишь бы остаться в живых. Но на бухарестскую конференцию, однако, не была допущена Турция. Христианские государства объявили ее чуждою Балканам и пожелали иметь дело только между собою, и притом находя, что турки не имели права вступать во Фракию обратно. Эта двойственность взглядов особенно поразительна для Румынии, которая только что подписала долгий мирный договор с Болгарией и тотчас его нарушила. Как бы то ни было, но кровавая ссора у балканских христиан с Болгарией покончена. Опасаясь ее вероломства снова, христиане поставили задачей своею обессилить Болгарию так, чтобы она не скоро могла стать для них опасною. Это было необходимо в особенности потому, что всем балканским христианам приходится опасаться Австрии, к которой болгары лезут с союзом. Своей цели балканские христиане достигли: они дали Болгарии местности бесплодные, гористые, лишив ее даже сообщения с югом и берегами Эгейского моря, так как Фракия занята турками, заявившими о нежелании

своем уходить оттуда. Выбить турок из Фракии болгарам не под силу, а надеяться на чью-либо помощь ненадежно. Вряд ли осуществится надежда Болгарии на то, что державы заставят греков отдать им порт Кавалу. Обещанное содействие Австрии и России будет действительно лишь при готовности принудить к тому силою оружия, но союзники в Бухаресте заключили уже между собою балканский союз, по которому в случае нападения на одного из них остальные из Румынии, Сербии, Греции и Черногории обязаны прийти на помощь. При таких условиях какая надобность кому бы то ни было облегчать Болгарию. Иностранные державы могут постановить, что хотят, но это вовсе не обязывает к исполнению.

Разве Лондонская конференция не пущена в трубу. Имеется много оснований полагать, что к этому же союзу примкнут и турки, если союз не побудит ее очистить Фракию. Наконец, балканский союз становится весьма существенною величиною, чтобы в нем терять опору из-за Болгарии — как для Тройственного союза, так и для Тройственного согласия. Поэтому потере порта Кавалы надо считать окончательною для Болгарии. Такое разрешение споров на Балканах вносит большой переворот в политику соседних стран. Австрия уже не решается давить на Сербию. Румыния, ее союзница, также заинтересована в отторжении от Австро-Венгрии молдавских земель, как и Сербия сербских, и через несколько лет обе они могут изрядно пощипать дуалистическую империю. Благодаря прирезке огромных для себя пространств Сербия быстро поправится и, не имея выхода к морю, будет тянуть к Адриатике, в сторону принадлежащих Австрии сербских земель. Это сознает Австрия и всю надежду возлагает на Болгарию и Турцию. Потому она не хочет защищать ослабление ни Болгарии, ни Турции. Чтобы не ссориться с Турцией, она не настаивает на очищении ею Адрианополя и в то же время требует от Греции отдачи Кавалы болгарам. Естественно, давно уже существовавшая дружба католика Фердинанда болгарского с католическою Австрией при таком политическом горизонте должна усилиться и вылиться также в союз. Если Австрии удастся уговорить Болгарию добровольно уступить Турции Адрианополь, то наступит союз между Австрией, Болгарией и Турцией. Душою этого союза — Болгария, оскорбленная гордость которой пылает мстием к виновнице ее униженного положения — Сербии, нанесшей Болгарии за подлость такую пощечину! Злоба овладела ныне всей Болгарией, и она мечтает о реванше. К этой отплате сербам болгары теперь будут готовиться, и если им станут помогать извне, то мир на Балканах вскоре же нарушится. Такой результат является очень неприятным для спокойствия Европы после удара, нанесенного Турции, но для России он выгоден. Только имея на Балканах две враждующие стороны, может она надеяться на получение в будущем проливов, ставя тем всю ее торговлю в зависимость от каприза какого-нибудь турка или грека или болгарина, могущих в союзе между собою преградить ей всякий выход в Средиземное море. Если из Балтийского моря кораблям заперт ход немцами, а из Черного — любым из трех

ничтожных, но достаточно наглых государств, то России приходится принимать решительные меры для овладения проливами. А при таких условиях иметь союзников на Балканах весьма важно, на какой бы стороне они ни были.

181

«Новое время». 31 июля 1913 г.

Ничему не научились

Прощаясь с запасными чинами, увольняемыми с действительной службы, царь Фердинанд издал красноречивый приказ по армии. Припоминая события последних десяти месяцев, царь Фердинанд воздаёт хвалу войску, своей отвагой и дисциплиной в войне с Турцией «воскресившему славу древних болгарских царей». Все усилия болгарского народа оказались, однако, бесплодными и жертвы напрасными. Приказ объясняет солдатам причины такого поворота судьбы. Дело излагается при этом с крайней простотой. По словам приказа, «союзники задумали предать болгар и отнять то, что было куплено ими кровью десятков тысяч героев». Вторая война приписывается в приказе исключительно «вероломству» и «низости» сербов, греков и черногорцев, а неуспех ее — «непредвиденным политическим обстоятельствам», парализовавшим болгарские силы. В заключение приказ предлагает солдатам, возвращающимся к мирным занятиям, рассказывать своим детям и внукам об отваге болгарского войска и «подготовить их к завершению славного дела».

Сомнительно, чтобы такого рода провозглашения с высоты престола были полезны для Болгарского царства и его будущего. Несправедливо и неверно, что вторая война вызвана вероломством и низостью союзников. Несправедливо и вредно, опираясь на неверное изложение событий, подстрекать многострадальный болгарский народ к новой вражде с соседями, внедрять ее в души подрастающих поколений и подготавливать новое кровавое столкновение. Наконец, нерассудительно вслед за подписанием мира осыпать соседей оскорблениями и грозить им ненавистью до третьего поколения.

Вторая война обязана своим происхождением не чьему-либо вероломству, а близорукости сербских и болгарских политических деятелей, причем большая доля ответственности ложится естественно на более сильную сторону. До турецкой войны и по ее окончании крупнейшим и влиятельнейшим членом четверного военного союза была Болгария. Мир или война в конце концов зависели от характера решений, принятых софийскими правителями. Русское общество страстно призывало их не рассчитывать в своем споре с Сербией на силу. Русская печать изо дня в день убеждала

их без оговорок и условностей отдать дело на решение русского государя. Наконец державный глава России лично обратился к обоим славянским государям с призывом не начинать братоубийства, а прибегнуть к его беспристрастному решению. Если бы софийские правители не отвергли благожелательных советов России и приняли их, белградское правительство точно так же было бы вынуждено принять русский арбитраж. Война со всеми ее несчастными последствиями для Болгарии и южного славянства была бы избегнута. Но софийские правители верили в то время больше в силу своей армии, чем в убедительность доводов, которые пришлось бы представить на третейском разбирательстве. И они дали ответ уклончивый и двусмысленный.

Тот, кто для осуществления своих притязаний полагается больше на свою собственную силу, чем на справедливость судьи, не вправе в случае неуспеха жаловаться и поносить своих более удачливых и искусных противников: он сам избрал изменивший ему способ действий; он сам был кузнецом своей судьбы.

Софийским правителям накануне войны предстояло решить: что лучше — домогаться полного осуществления своих притязаний, но с риском войны и опасностью потерять все, или уступить по второстепенным вопросам, чтобы сохранить существенное? Уступив требованиям сербов о политической судьбе Македонии, софийские правители могли обеспечить ее болгарскому населению школьное и церковное самоуправление, т. е. именно то, во имя чего македонское население боролось с Турцией. Софийские правители избрали первое решение и при осуществлении его потерпели потрясающую неудачу. Если кто имеет теперь законное право жаловаться и негодовать, то именно македонские болгары, культурные интересы которых были принесены в жертву честолюбию азартных игроков. И подсудимыми по этим жалобам будут не союзники, а софийские правители, которые свое политическое честолюбие поставили выше жизненных интересов болгарского народа и при этом, не сумев сделать правильного подсчета сил, погубили напрасно десятки тысяч героических жизней и дело болгар в Македонии.

Софийские правители пробуют теперь переложить свою вину перед Болгарией и болгарским народом на «вероломных» союзников и «непредвиденные политические обстоятельства». Под этими якобы непредусмотримыми событиями разумеется выступление Румынии и вторжение Турции. Но эти события оказались «непредвидимыми» только для софийских правителей. Русское общественное мнение их предвидело и настойчиво указывало, что столкновение Болгарии с Сербией вызовет вступление в спор Греции, Румынии и Турции. Софийские правители, называя вмешательство Румынии и нападение Турции обстоятельствами непредвиденными, собственноручно расписываются таким образом в своей непредусмотрительности, а вовсе не в непредусмотримости самых событий.

Не сумев предотвратить вторую балканскую войну, подвергнув болгарский народ чрезвычайным испытаниям без разумной цели, потеряв все плоды побед над Турцией, софийские правители подстрекают теперь болгарский народ к неумолимой ненависти к соседям и, оскорбляя соседей, вызывают у них новую ответную вражду и недоброжелательство к Болгарии.

Не думаем, чтобы такие государственные акты вели к благу болгарского народа. Нам представляется, что прямая задача болгарского правительства при настоящих обстоятельствах заключается в мирной культурной работе, а не в раздувании ненависти.

Мы до сих пор тщательно уклонялись от обсуждения вопроса, на ком лежит главная ответственность за только что пережитую балканскую трагедию. Приказ царя Фердинанда по армии ставит этот вопрос на очередь, и мы даем на него беспристрастный ответ. Царь Фердинанд и его сподвижники многое забыли и, кажется, ничему не научились.

182
«Речь». 1 августа 1913 г.
Горе побежденным

Горе побежденным! Не успели обсохнуть чернила на договоре мира, а этот варварский клич уже громко раздается со столбцов газет, привыкших к ставкам на сильных. Кто виноват во второй балканской войне? Конечно, Болгария. Это она в своем самомнении и грандомании натянула струну до того, что порвала с возможностью мирного исхода. Она сошла с почвы права и договора, положила на силу — и силой покарана. Она отвергла советы благоразумия и не видала в своем ослеплении тех опасностей, на которые ей настойчиво указывали со стороны. Она первая провозгласила лозунг: «все или ничего», и она одна должна нести ответственность за то, что очутилась перед разбитым корытом. Болгария отвечает перед Балканами за разрушенную мечту балканского единства; болгары отвечают перед македонцами за погубленный шанс национального объединения; болгарский царь отвечает перед своим народом за переоцененные силы и неудачно выбранный момент. В своем царе и в его личных связях народ усматривал гарантию доброго расположения Европы к Болгарии. Теперь, когда Европа отнеслась холодно и неприветливо к болгарской катастрофе, в этом равнодушии видят последнее непопулярности Фердинанда, и это после того, как только что считали его великим политиком и дипломатом, который все предусмотрел и предвидел — и держит судьбу родной страны в собственном кармане.

Если откинуть горечь и злобу обличений, в них, быть может, можно было бы найти немалую долю истины. Но не в том дело, что тут есть доля истины,

пусть даже очень большая. Итальянский писатель Луиджи Барцини прекрасно видел эту долю истины в своей статье в «Corriere della Sera», однако, он умел найти человеческую сторону в постигшем Болгарию несчастье и написал в честь ее золотой национальной мечты, ныне погибшей, целое стихотворение в прозе.

Но, говорят нам, Болгария не проявляет достаточного смирения и скромности, приличествующей ее положению. Болгарские делегаты еле высидели положенные часы заседаний и расстроили своим мрачным видом общее ликование по поводу мира. Царь болгарский осмелился назвать вещи их именами, говорить в своем приказе о «вынужденном» мире, о «вероломстве» союзников, о «низости» их образа действий. Он позволил себе призвать свой народ верить в «лучшие славные дни». Да, он осмелился это сделать. Подчиняясь насилию, он решился не признать его перед своими подданными и перед всем светом за источник, создающий право.

Личная доля ответственности царя Фердинанда во всем происшедшем очень велика и серьезна и по нашему мнению. Когда-нибудь мы определим точнее, в чем она состоит. Но мы не можем одного: не можем не признать, что в своих решениях болгарский царь опирался на мнение и желание своего народа. Когда в своем приказе по армии он говорит, что «ни один болгарский патриот не мог добровольно, без борьбы отказаться от Монастыря, Охриды, Дибры, Прилепа, Салоник, Сереса и др.», то этим он прямо попадает в самую исходную точку всех затруднений и злоключений Болгарии. И, говоря это, он не рискует быть дезавуированным. Действительно, каждый болгарин, безусловно, одинаково признавал эту невозможность. Народ негодовал на Фердинанда, когда 29-го февраля 1912 года он подписал договор, по которому уступалась сербам сравнительно небольшая часть Македонии. Народ никогда не пошел бы и на эти уступки и предпочел бы сохранить status quo, воевать с Турцией один на один, — все что угодно, только не нарушение своей основной национальной задачи. Напротив, решение вырвать у союзников неправильно захваченные ими куски национальной земли и добиться этого силой, если нельзя добиться добром — это решение могло вызывать сомнение у Данева, лучше осведомленного о неудовлетворительной международной обстановке спора. Но оно было чрезвычайно популярным среди народа.

Царь Фердинанд повинен и в другой дерзости в своем приказе. Он решился утверждать, что война против союзников «окончилась бы успехом, если бы непредвиденные политические обстоятельства не парализовали наших сил». «Новое время» видит тут намек на выступление Румынии и вторжение Турции. И газета удивляется откровенности, с которой глава болгарского государства расписывается в собственной непредусмотрительности и близорукости. Поистине, горе побежденным! Их не хотят даже слушать, не хотят понимать, что они говорят. К чему попытки самооправдания, когда приговор произнесен заранее?

А между тем не трудно, казалось бы, понять при более объективном отношении, что под «политическими обстоятельствами, парализовавшими силы» Болгарии, в данном месте разумеется, помимо Румынии и Турции, нечто совсем иное. Припомним обстоятельства. Пусть военные действия болгар в ночь с 16-го на 17-е июня были роковой ошибкой и даже преступлением. Но ведь 18-го последовало приказание Данева отступить на прежние позиции. Приказание это, конечно, диктовалось не военными, а политическими соображениями. Между тем, оно «парализовало» возможность добиться первых военных успехов. Идея похода на Салоники не была ли парализована политическим обстоятельством — указанием держав, что Салоники отойдут к Греции? А идея похода прямо в сердце Сербии, на Ниш и Белград, разве не была парализована чисто политическим соображением: нежеланием формально нарушать мир (движение в оккупированные области могло объясняться простым осуществлением кондоминиума, основанного на договоре 29-го февраля)? Историк когда-нибудь скажет, что помешало Гешову заключить с Румынией договор против Сербии, в то время как Сербия уже заключила договор с Грецией против Болгарии. Быть может, тогда будет ясно, кто более уважал идею союза и кто более церемонился торговать чужими землями. Во всяком случае, тут мы имеем дело с политическим обстоятельством, которое в корне парализовало силы, необходимые Болгарии для борьбы против союзников. Таким образом, история покажет, что реалистические болгарские политики грешили... идеологией Балканского союза, уже разорванной в клочки идеалистами-сербами.

Та же идеология не допускала и мысли, что Македония когда-нибудь станет не болгарской, а сербской и греческой. Только этой уверенностью можно объяснить поразительную беспечность болгар во время первой войны относительно судьбы Македонии. Со стороны их предупреждали тогда о возможных последствиях этой беспечности, но даже и в их реальный ум не могло встать тогда представление о том, как широки могут быть пределы «вероломства» и «низости».

После всего этого хотят, чтобы болгары делали *bonne mine au mauvais jeu*¹. Презрения заслуживал бы народ, который так легко мог бы расстаться со своими национальными задачами. Те, кто доказывает теперь, что болгарам надо отдать Кавалу, надо вернуть Адрианополь, ведь постоянно ссылаются на то, что иначе мир будет непрочен. Но что такое Кавала, что такое Адрианополь для болгар сравнительно с этим капитальным вопросом о национальной самостоятельности Македонии?

¹ Хорошую мину при плохой игре (фр.).

«Речь». 2 августа 1913 г.**Передовая статья**

С одной трудностью, которую предстояло разрешить нашей дипломатии, она, как кажется, справилась благополучно. Требование это заключалось в том, как примирить наше бездействие с данными нами обещаниями и с громко заявленными требованиями о передаче Кавалы болгарам. Нашим дипломатам удалось, прежде всего, отделить этот вопрос от вопроса о пересмотре Бухарестского трактата. Тот общий вопрос о пересмотре выдвинут Австро-Венгрией. Австро-Венгрия затрагивает действительно важный вопрос о справедливом разделе Македонии между сербами и греками. Захват Македонии сербами и греками есть, в самом деле, самое больное место Бухарестского трактата. Но это вопрос слишком серьезный, грозящий вызвать новые осложнения на Балканах. Предоставим эти осложнения будущему. В настоящем же ограничимся сравнительно второстепенным вопросом о Кавале. Для решения его не понадобится ни европейской конференции, ни формального пересмотра трактата. Достаточно простой дипломатической переписки, которая, во-первых, окажет ту услугу, что оттянет решение, а во-вторых, вполне приличным образом выяснит его невозможность в смысле, желаемом Россией. Раз дело вступило в эту стадию канцелярской переписки, его уже можно считать решенным.

Но как быть с Адрианополем? Тут еще памяты думские аплодисменты; не могло забыться и недавнее заседание Совета министров, постановившее принять против Турции «энергичные меры»; еще говорят «энергическим тоном» с Турханом-пашой, а Турхан-паша еще посылает своему правительству встревоженные донесения. На местах слухи ходят о появлении русской эскадры у Босфора; в Европе ждут, что Россия возьмется за свою естественную роль... А у нас только придумывают приличную обстановку для того, чтобы и этот неприятный вопрос благополучно сдать в архив.

Ну, «пусть достоинство России скомпрометировано», говорят, в петербургских сферах корреспонденту «Temps». Так что же? Ведь «так же скомпрометировано достоинство Франции, Германии, Австрии, всех тех держав, которые посылали ноты в Константинополь, участвовали в переговорах о Лондонском договоре, устанавливали новую болгарско-турецкую границу, наконец, даже послали своих чиновников, чтобы определить это разграничение в натуре... Неужели же нам играть роль европейского жандарма? Пожалуй, державы были бы не прочь пустить нас в это осиное гнездо и оставить одних»...

Аутентичность этих соображений, передаваемых французским корреспондентом, вполне подтверждается и тем «буквальным» ответом, который дается руководителями нашей политики представителям русского финансового мира. «Если Россия получит единодушный мандат Европы изгнать

турецкие войска из Адрианополя и Фракии, причем Россия будет гарантирована, что она не понесет никакого ущерба, то, конечно, Россия выступит. Если же в Европе не будет достигнуто единодушие в этом вопросе, то Россия одна не выступит, во избежание международных осложнений».

Конечно, это говорится в том предположении, что «единодушия» Европа не проявит, а стало быть, в «осиное гнездо» можно будет и не соваться. Приличная обстановочка, очевидно, уже придумана и здесь. Вопрос только в том, соблюдены ли достаточно все аппарансы?¹

Для соблюдения аппарансов должно пройти еще некоторое время. Теперь еще все помнят, как только несколько дней тому назад, когда в Европе ожидали энергичного выступления России, Асквит в своей бирмингемской речи произнес угрозу по адресу Константинополя. «Турки должны быть готовы, что будут подняты неприятные для них вопросы» (т.е., очевидно, об Армении и о проливах). Турки этой угрозе, однако, не поверили — и были правы. Теперь, ободрившись, турки после словесного уклончивого ответа на ноты держав, выработали и письменный ответ. В нем, по сведениям «Temps», повторяются уверения, уже данные с месяц тому назад, что турецкое правительство «старалось» выполнить решения Лондонской конференции. Но... помешали болгары! Теперь во всем виноваты болгары. Пусть болгарское правительство немедленно согласилось на эвакуацию турецких областей за линией Мидия — Эннос. Уже в Родосто турки заявили: не вы уступаете, а мы от вас вновь отвоевываем! Теперь в ответ прямо уже говорится, что «болгарские излишества побудили озаботиться сохранением уцелевшего мусульманского населения». И для этого вырезать дочиста «уцелевшее» болгарское население?

К открытой лжи турки прибавляют еще и скрытую иронию. «Турция ограничилась занятием вновь мусульманской территории, необходимой для того, чтобы обеспечить безопасность Константинополя и проливов». От составителей ответа едва ли ускользнуло совпадение этого аргумента с прежними аргументами русских генералов против взятия Адрианополя болгарам.

Адрианополь и Константинополь «стратегически это один район», который должен принадлежать одним хозяевам.

Как бы в пояснение этого соображения «один видный русский дипломат» сказал одной не очень видной русской газете: «еще большой вопрос, что для нас выгоднее: чтобы Адрианополь был болгарским или турецким».

А что, если Европа вдруг возьмет да и даст мандат: ступайте одни и берите Адрианополь у турок? О каких «гарантиях» против «ловушек» придется тогда хлопотать, чтобы все-таки во что бы то ни стало уклониться от мандата?

Это, конечно, шутка. Все будет в порядке. Ничего необыкновенного, требующего оригинальных и быстрых решений, не произойдет. Европа

¹ Приличия.

будет коварно молчать; Россия не двинется. И чаша сия минует наших благодушных дипломатов и боящихся собственной тени руководителей нашей политики.

184

«Новое время». 3 августа 1913 г. Кто кому должен

Балканские народы имеют основание перекреститься: громы войны за-молкли, мир — худой или хороший — заключен. Для всех изнуренных народов, грызших друг другу горло, это большое счастье. Братоубийственная война была для всех постыдной: и для Болгарии, заносчивая глупость правителей которой обрушила на отечество столько бед, и для победителей Болгарии, бросившихся на вчерашнего союзника, как собаки на зайца. Невелика, согласитесь, честь пяти государствам напасть на одно, истощенное только что законченной тяжелой войной, — напасть и хотя бы победить. Такая «победа» ничуть не украшает страниц военной истории и не прибавляет славы. И сербы, и греки, и румыны теперь хорохорятся до смешного, и даже турки выказывают необычайную храбрость, но неизвестно, чем еще окончилась бы война, если бы болгары имели дело с *любым* из противников на условиях поединка. Это чуть ли не единственное утешение для самолюбия несчастного болгарского народа, вышедшего из свалки чуть не разорванным на клочья.

Самой счастливой из партнеров «грязной» войны (как ее звали в Европе) оказалась Румыния. Без выстрела, не пролив капли крови, ни своей, ни чужой, эти потомки римлян отхватили у соседа 8 тысяч кв. километров плодороднейшей земли, считавшейся житницей Болгарии. Мало того: за этот денной грабеж та же Румыния приобрела славу умиротворителя Балканского полуострова. В Бухаресте — подумайте, какая честь! — заключен «Бухарестский мир», который установит, так сказать, закон дальнейшей истории для всех балканских держав. Эта честь предназначалась в прошлом году Петербургу, но и арбитраж, и посредничество, и роль честного маклера, заключающего мир между народами, проехали мимо нашего носа.

После Румынии, получившей награду за умение лишь бряцать саблей, первый приз взяла Греция, получившая 60 000 кв. километров, т.е. почти *удвоившая* свою прежнюю территорию (до войны Греция имела 64 ½ тыс. кв. кил[ометров]). Почти удвоила свою территорию и Сербия, получившая 44 тыс. кв. кил[ометров], и Черногория, получившая 9 тыс., и только одна Болгария оказалась жестоко обделенной. Именно ее, болгарской силой по преимуществу была сокрушена Турция, и в награду за это ей дается лишь клочок турецкого наследства. Размер этого клочка еще неизвестен,

во всяком случае вдвое или втрое меньше, чем досталось грекам и сербам. Если великие державы не выгонят турок из Фракии, а похоже на то, что их никто пальцем не тронет, то земельные приобретения Болгарии немногим превзойдут клочок земли, уделенный Черногории. Как бы знала, да ведала Болгария, что дело кончится для нее так плачевно, уж конечно она не затевала бы Балканского союза. Но, снявши голову, по волосам не плачут. Для Болгарии остается еще одно, хоть и грустное утешение: Бухарестский мир, где еще раз восторжествовал территориальный принцип, а не этнографический, — сооружение явно *глупое*, едва ли прочное, таящее в себе, как плохая архитектурная постройка, задатки быстрого разрушения. Подумайте сами: Сербия по договору получает 1 200 000 новых подданных, из которых сербов очень мало, а половина болгары, половина — албанцы. Греция получает до 200 тыс. болгар и Румыния — почти столько же болгар же. Маленькая Черногория, которой до сих пор вся сила заключалась в единодушии, получит около 200 тыс. албанцев. Сама Болгария натаскает себе за пазуху несколько тысяч таких тарантулов и скорпионов, каковы греки, турки и армяне. Господа дипломаты еще раз обнаружили глубокое непонимание национального принципа и той психологии, из которой складывается вражда. Перед дипломатами лежали географические карты и таблицы населения, и они резали территорию с населением, как пирог с начинкой, не вникая в народные желания и интересы. За это грубое неуважение к природе, граничащее с невежеством, Балканский полуостров снова будет наказан Богом — и не только мелкими братоубийственными войнами, но и внутренней хворью, которую вносят инородцы во всякой стране. После «грязной» войны, заключив не слишком честный мир, балканские народы обязываются теперь к новым преступлениям: инородцы, очевидно, будут мечтать об отпадении, а коренные народности — о поглощении инородцев, т. е. начнется та самая *подлая* (иначе не умею выразиться) история, которая привела Турцию к ее разложению. Каждая из балканид захотела играть роль маленькой Турции и захватила, сколько могла чужаков. Каждая поступила, как древняя Троя, втащившая в свои стены деревянного коня данайцев. Вместо мирной и дружной жизни одноязычного и единокровного народа всюду начнется внутренняя борьба, напоминающая австрийскую или, если хотите, российскую политическую жизнь. Ничего хорошего нельзя предсказать этой группе народностей, обворовавших друг друга: восьмая заповедь о себе напомнит, и напомнит больно!

Оплакивая «балканское горе» в целом ряде статей, г. Паренсов в «Нов[ом] вр[емени]» высказывает по моему адресу попрек, которому в интересах истины я должен дать отпор. Я как-то высказался, что Россия давно не несет никаких обязанностей в отношении единоверных наций. Г. Паренсов устами какого-то «москвича-славянофила» называет эту мысль «ошибочной и опасной». К сожалению, не приводится никаких, хотя бы слабых, доказательств, почему же эта мысль ошибочна и опасна. Говорится только — с обычную у московских славянофилов пышную голословностью — следующее:

«От обязанностей своих по отношению к православному Востоку и славянству мы далеко не освободились и освободиться никогда не можем». Большинство читателей, не менее русские люди, чем г. Паренсов и анонимный его москвич-славянофил, с удивлением узнают, что Россия — единственная из суверенных стран — имеет какие-то *обязанности* в отношении соседних стран, не утвержденные договорами, притом обязанности *вечные*, «освободиться от которых мы никогда не можем». Стало быть, это нечто похуже крепостного права или рабства, допускавших освобождение за выкуп. Но что же это, однако, за жерновый камень, надетый на многострадальную шею России? Не говоря точно, в чем состоят наши обязанности по отношению «к православному Востоку», москвич-славянофил пишет: «Исполнение этих обязанностей неразрывно связано с нашим историческим призванием и со всем смыслом нашего народного бытия». Хорошо бы, кстати, пояснить, в чем же заключается наше историческое призвание и смысл нашего народного бытия? У всех здравомыслящих народов — у немцев, англичан, французов, итальянцев и пр[очих] — историческое призвание и смысл бытия заключается в том, чтобы поставить себя среди народов в положение независимое и достойное уважения. Ни немцы, ни англичане, ни французы никогда не брали на себя мессианической роли в отношении к протестантскому или католическому Западу, ни в отношении маленьких народностей германского или латинского корня. Налагать на себя *обязанности*, да еще вечные обязанности, освободиться от которых нельзя — показалось бы названным трезво мыслящим народам смехотворной глупостью. Очевидно, их сознание далеко от московского и петербургского славянофильства.

«Мы готовы думать, — пишет московский славянофил, — что мы и так уже достаточно благодетельствовали разных “братушек”, и что они недостаточно ценят все содеянное им добро. Между тем наши отношения к православному Востоку должны вытекать вовсе не из одного чувства сострадания и не из желания оказывать благодеяния и играть таким образом роль, льстящую нашему самолюбию, а из ясного сознания нашего *долга* и из твердой решимости исполнить его во что бы то ни стало или по крайней мере ставить его выше всяких других политических соображений и расчетов». Г. Паренсов «вполне присоединяется» к этим строкам, и потому я позволю себе ответить обоим почтенным оппонентам, московскому и петербургскому. Господа, почему бы вам не говорить на языке хоть сколько-нибудь реальных доводов и доказательств? Не пустая ли эта фраза — навязать какой-то долг России по отношению к православному Востоку и даже не сказать, в чем, собственно, этот долг заключается? И старые, и очевидно новые славянофилы страдают одним тяжким грехом: употреблением красивых слов, совершенно необоснованных, не соображенных с суровой действительностью. Я очень благодарен московскому славянофилу за то, что он исключает со стороны России долг благотворительности в отношении к православному Востоку. В самом деле, если мы обязаны быть добрыми, как христиане, к бедным единоверцам

Востока, то одновременно обязаны быть такими же добрыми и к разноверцам Запада: Христос повелевал любить и врагов своих. Если же отбросить этот благотворительный долг, не имеющий никакого применения в политике, то какой же еще-то *долг* должна нести Россия, и не только в отношении славян, но и в отношении обижающих славян наших единоверцев — греков и румын?

Простите за выражение — все эти туманные пышные разглагольствования славянофилов о вечных *обязанностях* наших по отношению к Востоку, о бесконечном долге *России* — мне кажутся сентиментальной болтовней. Все это не трезвая политическая мысль, считающаяся с действительностью, а старомодная политическая схоластика, красивое празднословие, жестоко опровергаемое историей. Кроме христианских, никаких иных обязанностей в отношении православного Востока Россия не несет, но христианские обязанности одинаково должны нести все христианские страны — и Германия, и Англия, и Франция и т. д. Вот почему мне кажется, я был прав, в свое время утверждая, что изгнать турок из Европы — обязанность всех христианских стран, а не одной России. Если же отказаться от идеи крестовых походов, очевидно, несвоевременной в XX веке, то *никакого исключительного долга* на России не лежит в отношении православного Востока и *решительно никаких обязанностей*. Все это плод умов мечтательных и праздных. Сентиментальная в отношении единоверных народов политика уже стоила непричастному к ней народу русскому неисчислимым жертв и кровью русской, и трудовым потом. Мне кажется, пора «православному Востоку» и честь знать: не в пример другим, более своекорыстным народам, мы восемью войнами с Османской империей распатали ее до основания и помогли освободиться всем единоверным племенам. Но из этой титанической борьбы если и сложился *долг*, то не *наш* в отношении Востока, а *его* долг в отношении России. Да, если не впадать в маниловскую чувствительность, то не мы обязаны, а нам обязаны, и не за нами долг, а за ними — за всеми этими греками, сербами, черногорцами, румынами, болгарам. Конечно, они этого долга ни в малой степени не признают и платить не собираются. Конечно, не только благодарность, но даже приязнь их к нам нисколько не обеспечена, а о политическом союзе и думать нечего. Единоверная Румыния, перед которой мы будто бы тоже несем вечные обязанности, открыто находилась, да и теперь, вероятно, находится в системе Тройственного союза. Греция ненавидит и славянство, и Россию, как главную представительницу славянского начала. Сербы и болгары ведут самый недвусмысленный флирт с Австрией. За ту поддержку, которую мы оказали Балканскому союзу, обеспечив тыл Сербии и Болгарии мобилизацией армии, — теперь над нами смеются и в Сербии (дерзкий ответ на предложение арбитража) и проклинают в Болгарии. Кроме бессмысленных выходов против России в болгарских портах, еще на днях болгарская армия переделалась в австрийские фуражки вместо русских: манифестация, конечно, безвредная для нас, но многоговорящая.

Славянофилы вроде г. Паренсова кричат: «Погрешили правящие, погрешили честолюбивые, но не погрешили же народы в их целом! А кто страдает? Страдают народы» и пр. Простите меня — это неверно. Погрешили не только правящие и честолюбивые, погрешили, несомненно, и сами народы. В наше время в странах конституционных, особенно таких демократических, каковы балканские народы, *правлящие* неотделимы от *управляемых*, когда дело касается столь острых возбуждений, каковы война и политические союзы. Не один царь Фердинанд распоряжается Болгарией, и фактически едва ли его голос обладает даже председательскими преимуществами. Господа Даневы, Савовы и пр. — коренные болгары. Они не более честолюбивы, чем весь народ, и народ предан России не более, чем они. Зачем строить воздушные замки? Зачем декорации принимать за действительность? Я боюсь, что московские и петербургские славянофилы, начитавшись старинных книг, судят о славянстве и православном Востоке так, как прилично было судить нашим дедам и прадедам. Да, когда-то, в бесконечно далекие времена, а именно всего сто лет назад, был на свете православный Восток и было славянство, которым *в то время* грех было не помочь. Сто лет назад не существовало ни одной из держав, столь на шумевших теперь на Балканском полуострове. Все они, включая Грецию, находились еще в турецкой утробе, проглоченные точно исполинской акулой. Находясь в несказанном унижении, на уровне домашнего скота (райя), балканские христиане были, однако, *искренними христианами*: на одного Бога у них была надежда, да разве на русского государя. Все балканские христиане, не исключая греков, мечтали о подданстве их России. Но за сто лет произошла *волшебная перемена*, которую вправе не замечать только замаринованные в хомяковщине москвичи. Волшебная перемена! Уже все православие освобождено, кроме разве тех греков, что сами желают оставаться под турецким флагом. Уже все православие поделилось на независимые державы. Пять православных корон выросло кроме русской, считавшейся когда-то единственной православной (что выразилось и в нашем народном гимне: «царь православный»). Все эти православные короны заражены лютой ненавистью друг к другу и яркой враждебностью к их матери — короне русской. Но что поразительнее всего и что проспали славянофилы, одновременно и в Москве, и в Петербурге — *самое православие почти исчезло*, и никакого «православного Востока» нет как нет. Он остался в воспоминании народном, в поэзии, в старых книгах — в живой же действительности его более нет или остались лишь картинные развалины, вроде рейнских замков. Вместо громких фраз и красивых хитросплетений в стиле старой хомяковщины, послали бы господа славянофилы добросовестных наблюдателей на Балканский полуостров и поручили бы им разведать: да существует ли объект наших будто бы вечных обязательств — православный Восток? Я уверен, что результатом такой экспедиции было бы неожиданное для многих открытие — а, ведь, Востока-то нет! Был да сплыл!

Как и у нас в России, на Балканском полуострове остались еще немногочисленные представители старого поколения, верующие в Бога и посещающие православные храмы. Но они уже не правило — они довольно жалкое исключение, ежедневно тающее. Молодая часть православных наций отошла от церкви на значительное расстояние и с каждым десятилетием отходит все дальше. Религиозный индифферентизм отмечается всеми наблюдателями, особенно у болгар и греков. Лишь только бог перестал быть единственным защитником от турок, так христиане и охладели к нему. Церковное просвещение быстро вытесняется, как и в России, светским. Всеобщее народное обучение, железные дороги, печать, кинематографы, граммофоны — на древний, когда-то действительно «православный» Восток движется всемирная волна безбожия, нового язычества с тем отличием, что древнее язычество все-таки знало алтари и храмы. Просматривая понятные русскому, напр[имер], болгарские газеты, вы убедитесь, что душой народной и там, как у нас и всюду в христианстве, становится постепенно интеллигентный нигилизм. Что ж, в самом деле, говорить о великих явлениях, когда-то бывших, но уже тлеющих и почти истлевших?

Долг — и притом вечный — Россия действительно имеет, но лишь перед своим народом, нуждающимся в чрезвычайной степени и во всех отношениях. Пусть г. Паренсову и его единомышленникам кажется, что Россия еще мало растратила крови и золота для братушек и что она должна продолжать эту расточительность до полного насыщения их аппетита. Я держусь иного мнения. Болгары все освобождены, а вот четыре миллиона русских людей еще томятся под австрийским и венгерским игом¹. С освобожденными народами Ближнего Востока мы должны стараться вступить в дружественные взаимовыгодные отношения, как и со всеми соседями. Мы должны дорожить тем, что нравственно балканские народы обязаны нам, а не мы им. Но политику жалких слов, хотя бы красивых, пора оставить...

М. Меньшиков

185

«Речь». 3 августа 1913 г.

От Портсмута до Бухареста

(От нашего парижского корреспондента)

«Россия в Портсмуте тоже заключила невыгодный мир, а между тем тогда не было речи ни о пересмотре, ни о реванше».

Вот до какого аргумента договорилась французская пресса в своей полемике с русскими газетами по вопросу о пересмотре Бухарестского мира,

¹ Имеется в виду восточнославянское население Галиции и Закарпатья.

а также об Адрианополе. Ей можно было бы в ответ напомнить о мире Франкфуртском и указать, что всего меньше к лицу французам, продолжающим требовать Эльзас-Лотарингию, заставляя болгар считать окончательным договор, по которому к грекам и сербам переходят чисто болгарские местности. Но она, может быть, права в другом отношении: Бухарест можно сопоставлять с Портсмут. Если бы русская внутренняя и внешняя политика не довела восемь лет тому назад до путешествия С. Ю. Витте в Портсмут, не было бы возможно платоническое выступление в Бухаресте нашего представителя Шебеко; не дошло бы там и до мирного договора, который с ножом к горлу заставили подписать Болгарию на виду у России, возмущенной, но парализованной своим соперничеством с Австрией и, как оказывается, также своим союзом с Францией.

Ничего подобного, конечно, не произошло бы, если бы балканский кризис наступил десять лет тому назад. Тогда Россия была во всеоружии своего военного могущества и дипломатического престижа; тогда она сама руководила политикой франко-русского союза, и никому в Европе и в голову не пришло бы сделать ей прямой вызов, пренебречь ее историческими правами на Балканах, начать войну вопреки ее советам и ставить мирные условия, противоречащие ее желаниям.

Бухарестский мир был бы немислим и после Портсмута, если бы у нас 17 октября оправдало ожидания, если бы перед Европой и в особенности перед славянством предстала новая Россия, не официальная, а общественная, живая, полная энергии и самостоятельности. Разве истинное народное представительство, не третье-июньская Государственная дума¹, позволило бы нашей дипломатии растратить наследие XIX столетия, свести на нет историческое положение России на Балканах? Все, что Дума сумела сделать в пользу болгар, это отслужить молебен по случаю первой сдачи турками Адрианополя. Но разве истинное народное представительство допустило бы отступление великой России перед греками и сербами, а теперь и перед турками? И разве во Франции могли бы не считаться с ним и утешаться, как это делают теперь парижские официозы, что протесты против странного понимания обязанностей союза, которые раздаются на столбцах русских газет, не разделяются петербургскими официальными сферами?

Да, возможно, что Бухарестский мир является отдаленным последствием мира Портсмутского, после которого, будем верить, восстановлено было русское военное могущество, но продолжало падать влияние России на почве внешней политики.

«Назад, домой, в Европу, на Ближний Восток» — вот формула, какой хотели утешить русскую дипломатию после полного провала ее политики

¹ Имеется в виду Государственная дума Российской империи, избиравшаяся согласно закону от 3 июня 1907 г., который обеспечивал слоям населения с высоким имущественным цензом контроль над большинством мест в парламенте.

на Дальнем Востоке. Но политический маразм, наступивший внутри России, отразился и на ее внешнем положении. Формула эта оказалась нашей дипломатии не по силам. Она ничего не успела сделать и на Ближнем Востоке. Напротив. Ей пришлось стерпеть все политические потрясения, устроенные помимо нее на полуострове. Австрийцы присоединили Боснию-Герцеговину, позже без спроса у России началась балканская война, к концу которой румыны, нисколько не боясь ее вмешательства, напали сзади на Болгарию и, наконец, ее собственная союзница Франция энергично поддержала притязания греков наперекор русским интересам.

Это три стадии падения русского политического влияния: сначала с Россией перестали считаться соперники-австрийцы, затем ее протеже сербы и болгары и, наконец, ее собственные союзники — французы. И после этого у парижских официозов хватает еще смелости апеллировать против протестов русской печати к «благоразумию и хладнокровию» русского правительства.

Иные крупные парижские газеты дописались не только до обвинения русских публицистов в личной заинтересованности в болгарских делах и до ехидных напоминаний о Портсмутском мире. Они еще выставляют другой аргумент: император Вильгельм II против пересмотра Бухарестского мира, — следовательно, русские должны подчиниться, иначе он им «задаст». Французы, которые выдвигают «кайзера» как *croquemitaine*¹, *croquemitaine* против своих собственных союзников, — это политический парадокс, дальше которого, кажется, уже идти нельзя на почве союза.

Д.

186

«Земщина». 6 августа 1913 г. Опасная игра

Усилиями России достигнуто было согласие великих держав относительно невмешательства Европы в борьбу балканских государств с Турцией. У союзников развязаны были руки, и они победили общего своего врага. Европе оставалось признать совершившийся факт, и она своей Лондонской конференцией утвердила завоевания, назначив и границы. На западе границами Сербии, Черногории и Греции установлены были владения автономной Албании, на востоке — линия Энос — Мидия.

Вслед за тем по непростительному легкомыслию правительства Болгарии возгорелась между союзниками братоубийственная война, которой

¹ Пугало (фр.).

воспользовались Румыния и Турция. Румыния, не пролив капли крови, отхватила полосу земли свыше 6000 кв. километров, а Турция отвоевывает отнятую у нее Фракию.

Раздавленная по своей же вине Болгария подписала в Бухаресте мир, но вместо смирения проявляет невообразимую надменность и в то же время малодушие. Надменность доходит до того, что в приказе по армии царь Фердинанд позволяет себе обзывать прежних своих союзников, на которых болгары предательски напали, «изменниками». Малодушие проявляется в унижительных благодарностях Румынии, оттягавшей — здорово живешь — лакомый кусок, но содействовавшей заключению мира.

Стало быть, мир *нужен был Болгарии*, если она так благодарна за него обобравшей ее Румынии. Почему же это дерзкое выражение пренебрежительности к своим победителям? Очевидно, Болгария смотрит на мир, как на перемирие, и громко выражает свою злобу, не замечая в пылу своей заносчивости, в какое отчаянное положение ставит все государство. Своими протестами против «насилия» — как будто война состоит в поднесении лавровых венков или в поединке красноречия — и своими оскорбительными приказами по отношению к соседям Болгария их отталкивает от себя и ясно на их помощь рассчитывать не желает. Но... таким тоном может говорить правительство, *уверенное в своей силе*, уверенное, что и *без чужой помощи* оно может обойтись и осуществить самостоятельно свои государственные задачи. А что же мы видим?

Отнятый у турок, *при содействии Сербии*, Адрианополь Болгария не только не может удержать, но турки захватывают всю Фракию, и Болгария только вопит — спасите!..

А кто же станет ее спасать? Если бы ей помогли балканские державы, Европа нисколько не возражала бы. Она предоставила балканским народам разобраться самим между собой и, надо полагать, не стала бы мешать изгнанию турок за линию Энос — Мидия. Но чтобы Европа своими руками отвоевывала для Болгарии ее же вчерашние завоевания — да какое же основание у болгарского правительства надеяться на это? Европа признала известный мир Болгарии с Турцией, но вовсе не обязалась путем насилия — вот тут уместно слово «насилие» — охранять болгарские завоевания. Европа охраняет только неприкосновенность владений нейтральных государств, вроде Швейцарии. Болгария же, бросающая громы и молнии по адресу своих соседей, таковым государством, очевидно, стать не желает. Ей, стало быть, приходится *самой* озаботиться об удержании Адрианополя и всей Фракии. Не сможет отстоять своих приобретений — временно придется о них забыть, если Европа дипломатическим путем или финансовым давлением не заставит Турцию отказаться от прежних своих владений. Драться же за Болгарию никто не будет.

Ныне дон Кихоты вывелись из моды. Кто может всем угрожать — пусть сумеет сам защитить свое достоинство...

Ссылки на долг Европы настаивать на исполнении Лондонской конференции — нелепы. Европа подписала и Берлинский трактат. Однако, когда союзники оттрепали Турцию, Европа не считала своим долгом отстаивать ее владения в пределах Берлинского трактата. Точно так же она, видимо, относится к постановлению Лондонской конференции. Она признала за Болгарией известные права на Фракию, но эти права не угодно ли ей самой защищать.

Несомненно, болгарское правительство и само это понимает. Если же оно кричит об измене союзников и поддерживает надежды на Европу, то не делается ли это с целью оправдать *перед народом* свое легкомысленное предательство по отношению бывших союзников?.. Но ведь это обман. А на обмане долго не проживешь. Раскроется истина, увидит народ, что прахом пошли все его жертвы, увидит, что Турция отнимает все завоеванные у ней кровью болгарских солдат земли, увидит, что отняты Адрианополь и Фракия, узнает, что турки врываются и в болгарские владения, а правительство ждет чей-то помощи — и поколеблено будет не только доверие к болгарскому правительству, но может рухнуть и трон царя Фердинанда...

Опасная эта игра — обвинять всех и вся ради своего оправдания, когда государство находится в беспомощном состоянии...

С. Глинка

187

«Русские ведомости». 6 августа 1913 г.

Торжество победителей

(От нашего корреспондента)

Мертвый в гробе мирно спи, жизнью пользуйся живущий!¹ Кругом все фраки, фраки, звезды, ленты, ордена, блестящие военные мундиры, почтенные седые бороды, внушительные лысины, сверкающие и лоснящиеся под бесчисленными огнями электрических люстр, огромные зеркала во всю стену, цветы... На эстраде, под скромно затерявшейся в зелени искусственных пальм статуей Геня Мира с протянутой рукой томятся и бурно разливаются звонкими каскадами скрипки румынского оркестра. Порой, по знаку ретивого господина во фраке со звездами, музыка смолкает, и тогда посреди стука десятков вилок и ножей о тарелки раздаются странные в этой обстановке и так гордо звучащие здесь слова: гуманность, цивилизация, прогресс... Гремят аплодисменты, снова играет оркестр, и гений мира робко смотрит

¹ Цитата из стихотворения В. А. Жуковского «Торжество победителей» (1829).

на нас с эстрады из-под закрывших его пальмовых листьев, точно ему неловко от всех этих громких фраз, всего этого блеска, шума и оживленных разговоров...

Мы на историческом отныне банкете города Бухареста в ознаменование заключения мира на Балканах и в честь делегатов, принимавших участие в конференции государств. «Гвоздь вечера», предмет всеобщего внимания — конечно, Венизелос. Красивый, ловкий, элегантный старик в очках, сквозь стекла которых глаза, полные огня и жизни, окидывают и оценивают собеседника быстрым и пронизывающим взглядом. Говорит необычайно убедительно и тонко, точно сеть плетет из неотразимых по своей логичности аргументов. К концу разговора невольно убеждаешься, что, если бы даже и хотелось, все равно ничего такому «хитроумному Улиссу» не возразишь!.. Окружен вечной и многочисленной свитой поклонников и секретарей. «О, наш Венизелос! — щелкая от восторга языком конфиденциально сообщил мне один из них. — Это гениальный, замечательный человек! В шесть утра уже на ногах, сам читает все газеты, разбирает корреспонденцию. В семь у него сегодня был фотограф... Мы хотим большой, поясной портрет... Только, знаете, в Греции нами еще все не довольны. Ругают за уступчивость. Ужасно трудно нам с ними. От одной дамы вчера письмо получили — на четырех страницах грозит Венизелосу, что его убьют, если он Фракию у болгар оставит!..» И восторженная радость на смуглой и подвижной физиономии моего собеседника сменяется огорченным сокрушением.

Действительно, требовательный у них в Греции народ. Чего им не дай — все мало. А в сущности говоря, вся современная Греция, такая, какая сейчас, это — Венизелос. Он, положим, и сам в пылу разговора проговаривается: «Я не хочу...», — и иногда только поправляет сам себя — т.е. Греция не хочет. Проследив хотя бы в общих чертах головокружительную по успехам биографию этого человека, можно сознаться, что он имеет полное право быть нескромным. Выдвинувшись на Крите как умный, тонкий и необычайно искусный вождь критского революционного движения, Венизелос, попав в Грецию в наиболее критический для нее момент, сумел войти в неограниченное доверие короля Георга и получить от него два министерских портфеля сразу — военный и иностранных дел — вместе с полномочиями реорганизовать внутреннее управление страны в качестве министра-президента. На последнем посту Венизелос остается бессменно уже несколько лет. За это время он успел уладить раздирающие греческую армию партийные несогласия, примирить недовольное офицерство с принцами королевского семейства, изменить постановку военного дела на французский лад, привлечь вместе с французскими военными инструкторами французское общественное мнение и капиталы на сторону Греции, освободить государственные финансы от опеки *Dette publique*¹ (на манер турецкой, при участии германского контр-

¹ Государственный долг (фр.).

оля), координировать действия греческих революционеров в Македонии с таковыми же на Эгейских островах и везде, где только имеется движение в пользу «великогреческой идеи». Между прочим, лишь при Венизелосе выступление греческих чет против сербов и болгар перестали носить прежний, явно разбойничий характер. Теперь он на пороге к осуществлению самых грандиозных планов греческого воинствующего патриотизма, и ближайшее будущее улыбается ему всеми розовыми своими красками. Венизелос в настоящий момент, несмотря на все происки политических противников, — народный кумир Греции, с именем которого неразрывно будет связано в греческой истории воспоминание об одном из наиболее блестящих моментов ее современного существования.

Против Венизелоса сидит другая балканская знаменитость — «самая хитрая лисица всей Сербии», как называют Пашича в Белграде. Пашич — представительный, маленький старик с большой седой бородой, которую он сейчас разглаживает с самоуверенным самодовольством. Когда Венизелос произносит свою нескончаемую речь с «прогрессом, цивилизацией и гуманностью» через каждые пять слов, он делает вид, что бесконечно восхищен и время от времени осторожно аплодирует кончиками пальцев. Когда болгарский делегат Тончев усталым и разбитым голосом благодарит дорогих хозяев за гостеприимство и высказывает ряд более или менее отдаленных дружественных пожеланий, грустные морщины собираются на широком и умном лбу главы сербской делегации, он утомленно закрывает глаза и всем существом своим показывает, что ему глубоко, бесконечно жаль. Но ничего, мол, не поделаешь... Такова судьба... *Tu l'as voulu, George Dandin!*¹

Карьера Пашича, приведшая его после всевозможных политических злоключений к почетному месту на сегодняшнем банкете, — пестра и разнообразна. В течение своей долгой жизни этот человек обнаружил необычайную приспособленность ко всему, что требовалось окружающими его обстоятельствами данного момента. Мечтатель-энтузиаст, работавший над созданием балканской федеративной республики, социалист, политический эмигрант в Австрии, обвиняемый в участии в убийстве князя Михаила, ученик и ближайший сподвижник в Швейцарии Лаврова и Бакунина, энергичный пропагандист сербо-болгарского сближения при амнистировавшем его короле Милане, снова эмигрант и даже заочно приговоренный к смертной казни, в сильном подозрении и в тени по возвращении в Сербию после вторичной амнистии короля Александра, премьер-министр и создатель Балканского союза при Карагеоргиевичах и один из победителей в только что закончившейся войне. Теперь, со вздохом облегченья оглянувшись на пройденный тяжелый и тернистый путь, он может со справедливой гордостью подвести итоги:

¹ «Ты этого хотел, Жорж Данден!» (фр.) — отсылка к комедии Мольера «Жорж Данден, или Одураченный муж», используется, когда реализация желания принесла лишь разочарование.

достиг я высшей власти!.. Характерно, что даже партийные единомышленники Пашича никогда не считали и не считают его своим, и что, забрав, наконец, «вожжи» в руки, он немедленно же повернул в направлении, обратном тому, какого держался, будучи оппозиционером.

Болгарские делегаты! Что можно сказать о них? Они приехали сюда как политические мавры с тем, чтобы сделать свое дело и потом уйти. Уйти, быть может, сопровождаемые проклятиями и всеобщим осуждением тех, кто яростнее всех кричал о необходимости так печально кончившейся для Болгарии войны и теперь всех яростнее будет негодовать и возмущаться «последними условиями недостойного и гибельного мира»... Держат себя болгары в Бухаресте с большим достоинством, но их невольно жаль... как всяких побежденных.

А на эстраде скрипки заливаются, то весело, то грустно, без устали, не переставая. Стучат тарелки. Гул десятков голосов становится все оживленнее и громче... Что думают сейчас в далекой Македонии десятки и сотни тысяч оторванных от родины голодных и измученных людей, которых дома ждет все тот же голод, разоренное хозяйство, нищета?..

А. Деренталь.
Бухарест, 30-го июля

188

«Русское знамя». 6 августа 1913 г. Роковая ошибка

Итак, вторая эпопея на Балканах заканчивается: в Бухаресте, говорят, подписан мирный трактат между воевавшими союзниками, и теперь, по мнению наших дипломатов, и в особенности после того, как они пересмотрят Бухарестский договор, на Балканах наступит вполне прочное положение — враждовавшие между собою союзники под главенством Румынии заключат прочный дружеский союз, в силу которого они будут обязаны защищать неприкосновенность территории, распределенной между союзниками и Болгарией по взаимному соглашению. Согласно мирному договору, Греция захватывает себе весь юг, Сербия — запад, Румыния — северо-восток, Турция — юго-восток; Болгарии остаются довольно жалкие объедки.

Неужели при таких условиях возможно рассчитывать на то, чтобы между державами, заключившими мир на Балканах, могло действительно установиться прочное положение? Думать так — свидетельствовало бы о том, что психология балканских народов совершенно неизвестна.

За все время существования Румынии и Греции мы видим со стороны этих держав лишь проявление самой жгучей ненависти по отношению к славянским народам.

Грек мечтает лишь об одном: захватить все те земли, которые входили в состав Византийской империи, и восстановить на берегах Босфора новую Византийскую империю, которая была бы еще могущественнее, чем угасшая. Все, кто может ему помешать, ненавистны для грека, и так как в этом отношении наибольшее препятствие можно ожидать от славянских народов, то греки были, есть и будут всегда их злейшими врагами.

Точно так же относятся и румыны: считая себя правопреемниками римлян, они бы хотели, чтобы все то, что не будет принадлежать грекам, принадлежало бы им, и чтобы славяне были бы ими окончательно порабощены.

В силу этих обстоятельств не только в ближайшем, но и в более отдаленном будущем обе народности в силу своих национальных увлечений неминуемо должны находиться всегда в состоянии скрытой [или] явной вражды к славянам.

Может ли быть при таких условиях речь о каком-нибудь, сколько-нибудь прочном мире на Балканах? Очевидно, нет.

Если теперь обратиться к Болгарии и к болгарскому народу, то разве может она когда-нибудь забыть о предательстве Румынии и поступке с нею Греции и Сербии? Зная характер болгар, можно сказать с полной уверенностью, что болгарский народ никогда этого не забудет, не забудет того унижения, которое он пережил, и при первой возможности постарается отплатить как Сербии, так и Румынии. Находясь под игом турок в течение многих сотен лет, болгары научились ждать и подождут не только года, а и десятки лет, но так или иначе используют первый удобный момент для восстановления своих нарушенных прав.

Насколько союз греков с болгарями был искусствен, видно из того, на каких условиях и как греки вступили в союз против Турции и как себя держали по отношению к болгарам во время войны и сейчас же вслед за нею. Греки смотрели на союз с болгарями, как на средство достигнуть того, что им особенно хотелось, а затем, когда это было достигнуто и болгары им стали не нужны, против них Греция выступила с весьма определенным намерением захватить все, что только возможно из земель, бывших во владении Византии, и впредь Греция всегда будет вместе с тем, кто пойдет против Болгарии и Сербии. С момента подписания Бухарестского мира не только нельзя считать начала умиротворения, но надо считать, что с этого момента никогда не может быть прочного мира или даже сколько-нибудь продолжительного мира.

Эти обстоятельства мы должны учесть и так вести нашу политику, чтобы иметь всегда развязанными руки для действия в защиту наших интересов, как только кто-нибудь вздумает их нарушать. Мы должны также принять в соображение то, что греки всегда были и будут нам враждебны. Маленькая пока еще Греция всегда будет тяготеть к романским народам или Германии и никогда не будет тяготеть к нам.

Кто знает, быть может, и весь инцидент между греками и болгарями инсценирован был Германией? Если только это так, то нельзя не подивиться

дальновидности и мудрости германской политики, которая умудрилась для более отдаленного будущего ослабить славян, заставить их изрубить друг друга.

Нам особенно нежелательно втянуться в какую-либо войну. Воевать теперь для нас несвоевременно и во всяком случае является актом чрезвычайно убыточным для всего государства, да, кроме того, и опасным. По-видимому, все, что происходит на почве дипломатических сношений по балканским делам, именно к тому и клонит, чтобы нас втянуть в общеевропейскую войну и поступить так, как поступлено с Болгарией.

Поэтому нам бряцать оружием нет совершенно никакого основания, но с другой стороны — нельзя все время уступать и уступать, так как всякий объяснит это нашей слабостью и вынужденным миролюбием. Очевидно, что в таком случае война станет неизбежной, и для избежания ее, не проявляя никакой воинственности, мы должны проявить спокойную твердость и, главное, быть вполне готовыми к войне. Только при этих условиях мы можем избежать кровопролитной войны и в то же время вполне отстоять достоинство нашей страны.

Итак, все то, что нам известно о положении дел, несомненно свидетельствует о том, что прочного мира достигнуть на Балканах не удалось.

Квис

189

«Голос Москвы». 8 августа 1913 г. Болгария и новый балканский союз

На днях в Белград прибыли премьеры Сербии, Черногории, Греции и Румынии для заключения, как говорят, нового балканского союза. Это — событие колоссальной важности. Нельзя не прислушиваться к образованию политической силы, располагающей миллионною армией. Мы убеждены, что, если даже новый союз не примкнет формально к группе Тройственного соглашения, их дороги все же совпадут. У всех государств, входящих в его состав, есть те или другие счеты с державами Тройственного союза, и потому они не могут быть их друзьями. В частности, осуществление национальных их идеалов неразрывно связано с разгромом Австрии, и теперь, после таких блестящих успехов, жажда воплощения их в жизнь должна быть страшна по своему напряжению. Конечно, Сербия и Черногория страшно истощены и не могут сейчас быть агрессивными, почему на первых порах соглашение силою вещей будет иметь скорее оборонительный, чем наступательный характер, но и оборона в настоящем случае равна решительному поражению Австрии.

Двери на Балканы для нее отныне наглухо закрыты, и роль ее как вершителницы судьбы полуострова потеряна безвозвратно. А вместе с этим ею

утрачено и место в системе европейских великодержавных комбинаций. Вот почему мы не можем не приветствовать нового политического образования и не желать ему всяческого успеха.

С грустью должны мы, однако, констатировать, что Болгария не только остается вне союза, но явно враждебна ему.

Ее ответственные деятели продолжают грозить будущим реваншем и скорыми междоусобицами. Оставшиеся не у дел македонские деятели открыто говорят о возобновлении террористической деятельности в провинциях, отошедших к Сербии и Греции.

Но справиться с четырьмя противниками — задача совершенно безнадежная и сейчас, и в будущем. Реванш возможен при помощи Австрии; однако, в Софии должны же понимать, что выступление Австрии невозможно без потрясения европейского мира.

А еще вопрос, как выйдет из будущей катастрофы двуединая монархия. Отсюда следует, что политика реванша при создавшейся комбинации совершенно бесплодна. Для Болгарии при настоящем положении вещей гораздо выгоднее войти в балканский союз, обусловивши свое вступление обещанием помощи против турок.

Балканский союз тоже заинтересован в том, чтобы примирить с собою Болгарию, и он достаточно силен, чтобы заставить Турцию подчиниться. Таким образом, от вступления в союз Болгария получит прямую и большую выгоду, не говоря о ряде других. Не нужно забывать, что союз создает для своих членов и огромные экономические выгоды.

Не задумаются ли в Софии над этой проблемой? Не поймут ли, наконец, там, что ненависть — плохой советчик, и не вспомнят ли там, что отказавшаяся от вражды Германии Австрия извлекла из союза с ней колоссальные выгоды? Да, в конце концов, так ли серьезен вопрос о границах там, где существует тесный союз между государствами? Разве та же Германия не дает тому блестящее доказательство? И не придут ли в Софии к выводу, что дело славянства выиграет гораздо больше в том случае, когда на Балканах поставят крест над взаимными счетами и когда все балканские славяне будут действовать рука об руку?

190

**«Утро России». 9 августа 1913 г.
Цена Адрианополя**

Окончательное выяснение спорных вопросов, которые не обсуждались в Лондоне и были обойдены молчанием в Бухаресте, состоится, по всей вероятности, в Крыму. Волны того самого Черного моря, что разбивается

о крымские скалы, омывают берега Турции, Румынии и Болгарии. И вопрос об Адрианополе может быть ликвидирован к общему удовлетворению путем мирных переговоров именно между этими четырьмя черноморскими государствами.

Черное море, географически разделяющее примыкающие к нему страны, политически объединяет их. И это объединяющее начало Черного моря необходимо иметь в виду при возникновении в будущем и иных вопросов, которые, поднятые одним из черноморских государств, в одинаковой мере будут затрагивать интересы и остальных соседних стран, берега которых омываются Черным морем.

Путь России по Черному морю через нынешние турецкие проливы в Средиземное море ведет мимо берегов Румынии и Болгарии. Россия должна ревниво оберегать этот морской маршрут от враждебного воздействия. В кильватере русских военных судов, следующих от южнорусских портов, немыслимо появление враждебного нам флага. Это должно отныне стать аксиомой для русской дипломатии. И, очевидно, становится ею.

Постепенное сближение наше с Румынией — совершающийся факт. Общность национальных задач румын и сербов, задач, о которых ни в Бухаресте, ни в Белграде громогласно не рассуждают, но которые, тем не менее, ни на единое мгновение не теряют из виду, естественно должна увлекать эти оба государства в сторону единой России. Недаром Румыния и Сербия широкой непроницаемой стеной от Черного моря до Адрии отделяют монархию Габсбургов от Балканского полуострова.

Несчастье, обрушившееся на Болгарию, накликало австрофильством ее правящих кругов и русофобством некоторых из ее влиятельных политических групп, считающих своим духовным отцом Стамбулова. Болгарию нечего более наказывать, она наказала себя сама. России нечего отвергиваться от болгар, равно как и нечего убеждать их вернуться на путь здраво постигаемой национальной политики. Болгары сами, по племенному инстинкту, должны избрать свой путь и, раз избрав его, не уклоняться от него в стороны. Воля их должна быть выражена ясно и искренно и вместе с тем должна быть облечена в такую форму, которая раз навсегда даст России и славянству непреложную гарантию, что никогда и ни при каких обстоятельствах болгары не окажутся вовлеченными в лагерь врагов славянства, а вместе с тем — и России.

При таком лишь условии Россия со спокойной совестью сможет последовать влечению своего сердца, подать руку униженной и всеми покинутой Болгарии и помочь блудному сыну славянства вновь вступить равноправным членом в балканскую семью. При наличии подобных гарантий Россия будет и реально заинтересована в возвращении Адрианополя болгарам, и никто из русских не посетует на свою дипломатию за энергичное выступление в болгарских интересах перед Портой.

Чрезвычайная оттоманская миссия, традиционно прибывающая в Крым в дни пребывания там Высочайшего Двора, по всей вероятности, и в этом

году воспользуется благоприятным для Турции случаем. Следуя политике реальных интересов, русская дипломатия получит возможность взвесить ценность и тех компенсаций, которые, несомненно, будут предложены России со стороны турок за Адрианополь.

Во всяком случае, безразлично, останется ли Адрианополь во владении турок или окажется возвращенным болгарам, — то или иное разрешение этого спорного вопроса должно одинаково укрепить позицию славянской России на Ближнем Востоке.

С бесплодной, злополучной для России политикой чувства пора покончить навсегда.

191

«Московские ведомости». 10 августа 1913 г. Балканы после мирного договора

Мирный договор в Букуреште ратификован и на днях должен состояться обмен ратификаций. Таким образом, нынешнее положение на Балканском полуострове считается окончательным, и великие державы оставили всякое желание изменить постановления договора, выработанные делегатами балканских государств. Телеграммы европейских монархов королю румынскому, пожалование звания германского фельдмаршала королю греческому служат подтверждением, что в столицах Европы довольны результатами мирного договора и не намерены предпринимать какие-либо меры к изменению установившегося порядка, полагая, очевидно, что этот порядок гарантирует то спокойствие на Балканах, в котором так нуждаются европейские государства.

Однако для мира имеет значение не только то обстоятельство, как смотрят на создавшееся положение великие державы, но еще более — как относятся к нему сами балканские государства.

Все эти государства вышли из борьбы с Турцией усиленными территориально, если считать, что Фракия в конце концов отойдет к Болгарии. Турция перестала быть европейской державой и никогда ею более не сделается. В этом отношении все державы Балканского полуострова могут испытывать чувство удовлетворения. Но события, последовавшие за этим героическим периодом войны, исход братоубийственной войны, создали на Балканах атмосферу, которая грозит новыми осложнениями в будущем. Нападение Сербии и Греции на Болгарию, вмешательство Румынии в борьбу под предлогом не допустить полного разгрома Болгарии, и лишение Болгарии всех плодов ее побед, потребовавших столько жертв, могли вынудить обессиленную страну подписать мирный договор, но не могли заставить ее

примириться с этим. Румыны до сих пор продолжают доказывать, что они спасли Болгарию, добившись для нее более мягких условий мира, но этому болгары могли бы поверить только в том случае, если бы сама Румыния не являлась участницей раздела добычи и не оторвала от Болгарии обширную область. Ясно, что болгары могут питать к румынам только такие чувства, какие они питают к сербам и грекам, и не могут смотреть на букурештский мир как на окончательное упорядочение балканского вопроса. Это дал понять уже король Фердинанд в своем приказе по армии, в котором он приглашал солдат готовиться к достижению задач, оставшихся неразрешенными закончившейся борьбой.

Эти задачи состоят в освобождении Македонии от владычества греков и сербов и в достижении выхода в Эгейское море. Не скоро Болгарии суждено будет приступить к выполнению этой задачи, ей потребуются многие годы для залечения причиненных ран. Война причиняла всем государствам громадные убытки. Не говоря о потере человеческих жизней, эти области превратились почти в пустыни, потому что борьба велась средствами, напоминавшими войны давно прошедших времен Василия Болгаробойцы¹. Вырезание населения, разгром городов и сел, сожжение людей в церквях — все это не забудется в Болгарии и других балканских государствах, и ненависть и жажда мести будут расти и развиваться до той минуты, когда они сочтут себя готовыми к новой борьбе, которая по своей жестокости и беспощадности, быть может, превзойдет и последнюю братоубийственную войну. Отвратить эту опасность могли бы только великие державы, если бы они в своей политике не руководились сами завистью друг к другу.

В общей сложности, однако, европейский концерт показал себя совершенно несостоятельным. Державы не сумели настоять на выполнении ни одного из решенных ими вопросов. Турки заняли Фракию с Адрианополем, отошедших по постановлению Лондонской конференции к Болгарии. Петербургская конференция постановила передать Румынии Силистрию, а Румыния решила захватить целую область, и ни одна держава не указала правительству Румынии на незаконность ее действий. Столь же несостоятельным является решение относительно Албании, которая будет, конечно, служить лишь новым источником политических затруднений. Решение вопроса об островах тоже готовит угрозы будущему. Вместо того, чтобы постановить, что ни одна из великих держав не имеет права занимать острова, державы в угоду Италии решили, что последняя передаст Турции занятые ею острова тогда, когда Турция выведет из Ливии последнего своего солдата. Турция давно вывела всех солдат, но Италия не признает этот факт

¹ Византийский император в 976–1025 гг., заслуживший свое прозвище победами над Первым болгарским царством и особенно в битве при Беласице 1014 г., по итогам которой приказал ослепить 15 000 болгар, оставив в каждой сотне по одноглазому.

и острова не отдает. Такая оккупация может оказаться бесконечной, а Германия с Австро-Венгрией будут всегда поддерживать интересы своего союзника, чтобы ослабить в западной части Средиземного моря положение Франции и Англии.

Это, конечно, не может повлиять на улучшение отношений между великими державами, что делает их решения не авторитетными ни для Турции, ни для балканских государств. На «совокупную» Европу никто не обращает внимания, а всякий хватает, что может. В общем политическое положение остается таким же неопределенным, каким было до букурештского мира, и в этом виновны столько же великие державы, преследующие свои узкие эгоистические цели, как и балканские государства, не сумевшие использовать то выгодное положение, в какое их поставила борьба против Турции.

192

«Русское знамя». 10 августа 1913 г. К характеристике балканских славян

За 500 лет мусульманского ига над балканскими славянами, несомненно, здесь произошла расовая помесь, и от болгар и сербов остались только одни славянские имена их отдаленных предков, а самая кровь в этих племенах давно смешалась с азиатскою, и потому эти народы так дики, буйны, вспыльчивы и заносчивы, что их почти нельзя назвать славянами, так как эта раса сама по себе очень добрая, мягкая, сердечная и приветливая. Ничего подобного нет в балканских славянах. Это люди грубые, дикие, настойчивые, совсем не добры, не ласковы, не сердечны, и в них нет почти никакой братской любви. Это все эгоисты, люди себялюбивые, не знающие, что такое сострадание к ближним... Стоит только вспомнить, с каким диким озверением сербские офицеры терзали своего короля Александра и королеву Драгу в их дворце в Белграде, рубили их шашками, расстреливали из револьверов, а потом выбрасывали их тела из окон дворца на улицу города¹. Мир не помнит такого человеческого озверения среди культурных народов, каким считают себя сербы... Все бывшее зверство европейских революционеров тут блекнет перед варварством сербских офицеров... Они привыкли к крови. Их постоянные восстания в Турции сроднили их с этим... Потребность в крови у балканских народов сложилась органически. Эти люди не могут жить без резни. Они, как кавказский горец, только тогда отдыхают, когда все ранены. Но как

¹ Имеется в виду «Майский переворот» 1903 г., в результате которого офицеры-заговорщики свергли и убили короля Александра Обреновича и его супругу Драгу Машин, а на престол вновь взошла династия Карагеоргиевичей.

только поправились, им опять требуется резня. Они скучают без нее. У них застой крови получается. Им необходимо открыть вены.

Вот почему теперь началась братоубийственная война на Балканах. Этим народам мало было кровопускания с Турцией. Им нужно было положить там не сотни тысяч, а миллионы людей...

Г-В

193

«Славянские известия». 11 августа. 1913 г. Балканские письма

XXII¹

<...> Другой жгучий вопрос на Балканах — это жестокости и зверства, учиняемые воюющими сторонами над ранеными, пленными и мирным населением. Турки жгут и режут болгар; македонские четники производили бесчинства в некоторых местах над греками, турками и сербами, а сербские и в особенности греческие войска истребляли поголовно почти всех раненых болгарских солдат и все мирное болгарское население в южной и средней Македонии. Цветущие города Кукуш, Серес, десятки и сотни сел обращены в пепелища. Действительность была такова: со стороны болгар так называемые македонские отряды учиняли бесчинства над мирным населением, но этого нельзя сказать о болгарском солдате, который и в турецкую войну, и в боях с союзниками не бесчинствовал над мирным населением. Сознывая свое преимущество как более сильной нации, болгары менее шовинисты, нежели сербы и греки, и не так жестоко относятся к своим противникам, чего нельзя сказать о сербах и в особенности о греках. Греки давно уже признавали свое бессилие против болгар, и теперь, когда в союзе с сербами они имели возможность одолеть ненавистных им схизматиков, их расовая ненависть вообще к славянам и, в особенности, к болгарам достигла высшего напряжения. Десятки тысяч болгарских семейств из южной Македонии бросились бежать к пределам старой Болгарии из мест, занимаемых греческими войсками: толпы мужчин, женщин и детей, священников, торговцев и крестьян в отрядах, словно лава, затопили все юго-западные города Болгарии, особенно

¹ Обращаем внимание читателей «Слав. Изв.» на интересное письмо нашего постоянного сотрудника. Оно написано на русской территории и не подвергалось болгарской цензуре и внешнему давлению. Много горьких истин высказано в нем по адресу болгарского правительства, но истина требует беспристрастия, и мы печатаем это письмо (*прим. редакции*).

Филлиппополь, Кюстендиль, Дупницу, Самоков, Княжево и Софию. В Софии все училищные и другие общественные здания переполнены беженцами; правительство, городские управления, македонские братства, частная благотворительность принимают меры, чтобы облегчить участь несчастных, раздают им хлеб, организуют бесплатные обеды и т.д. Но беда слишком велика; несчастья беженцев не поддаются описанию.

А в это время Болгария была изолирована от всей Европы; прервано было почтовое и телеграфное сообщение; только по русскому кабелю Варна–Севастополь существовали сношения с внешним миром, и европейская и русская почта получались в Болгарии только два раза в месяц на русских пароходах через Бургас. Пользуясь этим, греки поспешили опубликовать в западноевропейской печати ряд сообщений о зверствах болгарских солдат над греками и сербами. Такие же сообщения против болгар систематически посылаются из Белграда, и даже турки жалуются общественному мнению Европы на болгарские бесчинства. Таким образом, помимо общих политических причин против болгарской армии и против болгарского народа создавалось в европейском общественном мнении крайне враждебное настроение, основанное на пристрастных и несправедливых обвинениях болгар в бесчинствах и зверствах над греками, турками и сербами. Болгары только теперь принимают меры, чтобы опровергнуть клевету греков и турок. Болгарское правительство потребовало международной анкеты на Балканах для установления истинных виновников зверств и для изобличения клеветников.

На это воззвание Болгарии откликнулся американский миллиардер Карнеджи. Он отпустил необходимые средства на производство анкеты. Анкетная комиссия приступила уже к выполнению своей чрезвычайно важной миссии.

К. Бербенко

194

«Славянские известия». 11 августа 1913 г.

Итоги балканской войны

Блестяще начатая страница славянской истории волею судеб заканчивается грустными строками и навеивает живым свидетелям невеселые думы. Поистине «невеселая година» настала в славянской семье, ибо брат восстал на брата, ибо не враги, а «други» стали «нести землю розно».

Многовековые страдания югославян, их нечеловеческая борьба за свою свободу и веру завершились событием, которое должно было иметь мировое значение. Приблизился момент, когда, видимо, готовы были осуществиться казавшиеся ранее несбыточными и химерическими мечты славянских

деятелей о наступлении «славянского века», и все это в один момент пошло прахом. Мечты разлетелись, как мыльные пузыри, и остались в наличности разрушенные воздушные замки, горечь от совершенной кем-то и где-то великой неправды, опустошенные села и города, нивы, усеянные костями и обильно политые славянской кровью, — и зловещая пустота на сердце. Возможность объединения южного славянства снова отодвинулась на целые годы и, быть может, даже на десятки лет. Это отнюдь не мысли и думы пессимиста, а то, что диктует неумолимая действительность.

Каких же реальных результатов добилось все-таки славянство ценою десятков тысяч жизней и сделки с совестью? Славянский союз сербов, болгар и черногорцев сокрушил турецкое могущество и приблизил к разрешению тот вопрос, который стоял на очереди с XVI столетия, — вопрос об изгнании турок из Европы. Оставалось сделать одно дружное усилие, чтобы это осуществилось. Славянский союз, помимо того, в будущем освобождал Балканский полуостров от чужого влияния, от хозяйничанья чужеземцев и остальному славянству — разрозненному и разбитому — подавал пример, куда идти и что делать.

И то, и другое было выгодно только для одних славян и убыточно для остальной Европы и, в особенности, для восточной ее части, всегда парализовавшей рост и успехи славян и зорко следившей за тем, чтобы гегемония на европейском материке не перешла в славянские руки¹. Бессмысленное и ничем не оправдываемое существование Турции в Европе являлось одним из средств к этому, и несмотря на решительные победы славянского оружия, на полное поражение турок, в высшем совете европейского концерта было предпрешено «сохранить Турцию», как выгодный тормоз против славянства.

Но оставался еще грозный призрак в виде славянского союза, и были приняты все меры к тому, чтобы прекратилось его существование. В этом отношении единодушно действовали не только члены Тройственного союза, но и европейские государства, входящие в состав Тройственного соглашения. Всякие «*ententes cordiales*»², сладкие слова о дружбе и согласии вылетели в трубу, и Европа в отношении славян и России осталась прежней Европой. Неумолимая история лишней раз подтвердила, что законы ее неизменны и непреложны, что Запад и по религии, и по культуре далек от Востока и враждебен ему, что общая опасность объединяет даже кровных врагов, что дипломатические акты одно, а жизнь — другое.

Незначительные ошибки и промахи южнославянских дипломатов и руководителей югославянской политики привели к чреватым серьезными последствиями результатам — к крушению идеи славянского союза на Балканах в том виде, в каком он был бы опасен для Европы, и свели к нулю все

¹ В данном случае явно имеется в виду Австро-Венгрия.

² Сердечное согласие (фр.), Антанта — военно-политическое объединение России, Франции и Великобритании.

успехи Первой балканской войны. Вечное пугало для Европы — «идея панславизма» — окончательно скомпрометирована. Россия отодвинута на задний план, и решение славянского вопроса передано, смешно сказать, ничтожной и враждебной славянам Румынии. Европа видимо осталась в стороне, но невидимо она искусною рукою обратила братьев в злейших врагов, вбила румынский клин в славянское тело, воскресила измелъчавшую и потерявшую всякое политическое значение Грецию, бросила ей обглоданную кость в виде призрачной идеи о «великой Элладе», о «старой Византии».

Греция, производящая коринку, выделяющая рахат-лукум и вылавливающая губки, как известно, имеет чисто бутафорскую армию, которая в новейшей истории всегда терпела только поражения. И эта самая Греция, почти не воевавши, получила львиную долю добычи в Балканской войне: к ней перешли плодороднейшие и богатеишие берега Эгейского моря, лучшие гавани на этом море — Салоники и Кавала; в ее распоряжение отдано около полумиллиона македонских славян.

Черногорские орлы по старинной и испытанной привычке показали в новой балканской войне чудеса храбрости. Черногория отдала Балканскому союзу в этой войне цвет своего народа и надолго ослабила возможность дальнейшего своего роста. В результате ей дали узенькую полоску земли на северо-востоке (часть Новобазарского санджака), отняли у нее плодородную Скутарию долину и создали на границе с нею Албанское государство для того, очевидно, чтобы черногорцы не разучились в будущем воевать и сражаться.

Прекрасная сербская армия сделала большое дело: пока болгары наносили стремительные удары главным турецким силам во Фракии, она постепенно, выдерживая упорное сопротивление турок, занимала Македонию и затем, блестяще выполнив свою задачу, оказала помощь болгарам под неприступным Адрианополем. Несомненно, сербы в этой войне украсили свою историю прекрасными и трогательными страницами. То, о чем только мечтали сербы, легко и просто далось в руки: вернули Косово, политое кровью царя Лазаря, Скопье, Призрен, Дечаны, Драч — старинные сербские земли и подошли к Синему морю¹, которое одно только может спасти Сербию в будущем от верной гибели. Но при этом сербы обязались письменным договором с болгарам ограничить свои претензии в Македонии известными требованиями и обязательства этого в дальнейшем не исполнили. Нарушив договор и разбив союз, они вошли в секретное соглашение с лживой и хитрой Грецией, при дележе славянской Македонии уступили грекам сотни тысяч своих единокровных и единовѣрных братьев и ценою этой торгашеской сделки получили половину Македонии, но не вышли к морю: на западе у Драча им поставили барьер в виде Албании, на юге у Солуны путь их пройдет по чужой и в недалеком будущем враждебной им территории. Свойственная маленьким

¹ Имеется в виду Адриатическое море.

народам мегаломания и желание воскресить старое сербское царство в его былых границах ослепили сербов, заставили их войти в сделку с своей совестью и совершить неправо дело. Внешним образом по сумме результатов сербы выиграли, но вместе с тем в Македонии они вырыли себе могилу. Болгария в течение последних пяти лет упорно готовилась к войне с Турцией. Благодаря стараниям главы болгарского народа болгарская армия достигла большого совершенства в военном искусстве. Балканский союз и последовавшее затем объявление войны Турции не застали Болгарию врасплох, и она вынесла на своих плечах главнейшую часть кампании. Лучшие турецкие силы, сосредоточенные у Люле-Бургаса. Мустафа-Паши, Кирк-Килиссе, Адрианополя, Булаира и Чаталджи, были поражены именно болгарами, что обеспечило успехи сербов, черногорцев и греков на македонской территории. Болгары подошли почти к стенам заветного Царьграда, и Фердинанд Кобургский уже явно мечтал о короновании в храме Святой Софии и о титуле «царя болгар, сербов, греков и арбанасов». Ослепленный призрачным величием, он позволил вовлечь себя в ошибки, стал прислушиваться к голосам тех из своих приспешников, которые, опьяненные первыми победами, как молодым вином, возмечтали о завоевании целого Балканского полуострова. Бог карает гордыню, и несчастный болгарский народ испытал на себе всю тяжесть небесного гнева: у него отняли почти все его завоевания, оставив узкую полосу земли по Эгейскому побережью, мало плодородную, с плохими гаванями и занятую чужим населением; на севере Румыния, воспользовавшись слабостью соседа, истощенного длительной и кровопролитной войной, насильно с благословления все той же Европы отторгла от Болгарии значительную территорию, населенную исключительно болгарами, а Македония, о которой давно мечтают болгары, ускользнула, как угорь, из их рук.

Между тем за десять месяцев войны болгарская казна истощилась, из строя выбыло около 100 000 лучших людей, города и села опустели, нивы остались незасеянными и необранными, горе свило себе гнездо почти в каждой семье, и в течение долгих лет Болгария приговорена к каторжному труду, чтобы вернуть то, что утрачено. Наряду с этими потерями на долю болгарского народа выпали унижение и позор, несмотря на то что болгарская армия покрыла себя неувядаемой славой. Трудолюбивый и прекрасный болгарский народ заслуживал лучшей участи и ныне принужден платить за ошибки своих руководителей, которые в последние моменты забыли свою поучительную историю и захотели порвать связи с Россией, забыв, что Россия и русский народ никогда не руководствовались жестокой политикой хищных завоевателей.

С прискорбием приходится отметить, что и русское общественное мнение сделало крупную ошибку: оно отвернулось от Болгарии в ту минуту, когда она именно нуждается и в сочувствии, и в моральной поддержке. Хотелось бы верить, что такая непростительная ошибка является лишь временным заблуждением.

В результате войны на Балканах возникает новый союз из четырех государств — Сербии, Черногории, Греции и Румынии, до сих пор даже не считавшей себя балканской державой. Прочного будущего союз этот, несомненно, не имеет, ибо то, что построено на песке, в один прекрасный день может снести порывом бури. Злосчастная Македония разделена между двумя завоевателями — Сербией и Грецией — и снова обречена на жестокое существование: ей снова суждено быть ареной кровавых столкновений между сербами и болгарами, болгарами и греками, сербами и греками. Таким образом, по существу дела все балканские союзники проиграли; выиграла только Европа и, в частности, Германия, осторожно таскавшая горячие каштаны руками Австрии. Отныне господство Германии на Балканах упрочено в ущерб влиянию России, а последняя окончательно «потеряла голос» в решении балканских дел.

В. Кораблев

195

«Земщина». 14 августа 1913 г. Назойливые требования

Удивляться надо, как не надоест Болгарии одолевать Европу своими слезницами. Ведь постоянным хныканием, вместо того чтобы действовать, Болгария подрывает последнее к себе уважение.

Европа ясно показала, что ей нет дела до балканских дележей. Она прилагала все усилия, чтобы заставить Турцию подписать в Лондоне мир с союзниками и прекратить войну, державшую в тревоге самую Европу. Но когда выяснилось, что никакая из великих держав не собирается более идти на рожон из-за того, как поделят между собой полуостров балканские государства, Европа нисколько не волнуется и нимало не интересуется, за кем останется Адрианополь с прилегающими к нему землями Фракии. Напротив, большинство великих держав скорее сочувствует захвату Турцией Адрианополя по той простой причине, что чем сильнее Османская империя, тем обеспеченнее ее долги и тем больше надежды, что и впредь будет возможность кое-что сорвать с этой дойной коровы. И Германия, и Англия, и Франция, и Италия готовы беречь Турцию, тогда как все то, что захватят другие балканские государства, будет отрезанным ломтем, который никому не достанется...

Даже Австрия не особенно горячится, понимая, что чем неудовлетвореннее будет Болгария, тем более ее враждебные взоры будут обращены на Сербию и Грецию. А Австрии больше ничего не требуется, как не допускать сильного союза на Балканах.

Что же касается России, то она, конечно, безучастно относиться к судьбе Болгарии не может — все же она, хотя и вероломное, но наше дитя. Мы

ее создали и готовы надеяться на некоторое просветление, если не в настоящее время, то в будущем. К тому же нам не расчет поддерживать враждебность между Болгарией и Сербией, народы которых, несомненно, тяготеют к России, невзирая на разные течения в их правительственных кругах. Однако из этого отнюдь не следует, чтобы мы приносили новые жертвы ради Болгарии, в данную минуту играющую роль авангарда Австрии на Балканах.

Наши ка-дэки и прогрессисты изо дня в день трубят о каких-то юридических обязанностях Европы — гнать турок из Адрианополя и заставить их исполнить постановление Лондонского мира. Но это пустые слова. Об этом мире можно было бы говорить, как о «юридическом акте», сохраняющем силу, если бы сама Болгария *после подписания мира не возобновила войны*. Но раз оружие поднято — мир пошел насмарку. Рухнул же Берлинский трактат, когда началась первая война. Рухнул и Лондонский договор, заключенный Турцией *с союзом балканских государств*, раз этот союз исчез. Нет союза — нет той стороны, с которой заключен мир, и у Турции оказались развязанные руки.

Она отбирает сегодня то, что вчера у нее отняла Болгария. В данном случае Турция пользуется *правом сильного* точно так же, как десять месяцев перед тем пользовалась этим же правом Болгария...

О юридических, стало быть, правах или обязанностях можно говорить от нечего делать. Когда идет борьба между двумя государствами, то права их находятся на острие мечей. Чей меч одолеет, тот приобретет свое право. Обязанности же налагаются договорами, пока существует мир. Начались военные действия, и обязанности остаются только на самом государстве, защищать свое достоинство, свою землю, свой народ. То же государство, которое защитить себя не может и даже не желает, призывая на помощь Европу, то государство недостойно жизни. Оно не может быть самостоятельным...

«Жизни только тот достоин, кто на смерть всегда готов» — так начиналась наша солдатская севастопольская песня. И в ней сказался дух великого народа. Русский народ, не страшась смерти, умирал за родину и в борьбе с татарами, и в борьбе с поляками, и с Карлом XII, и с Наполеоном I, и с коалицией Наполеона III — и ни у кого помощи не просил. В 1612 году Россия была несравненно более изничтожена и унижена, чем теперь Болгария. Троице-Сергиева лавра была при последнем издыхании. Москва присягнула уже Владиславу... Но возвысился голос русских святителей, прогремел призыв Минина, Россия поднялась и выгнала супостатов...

В Болгарии же есть организованная армия, есть правительство, есть и царь, а она притворяется немощной, прося помощи Европы — иносказательно же — России... Да это какой-то паразит, желающий питаться чужой кровью. «Хотим-де быть великим государством, но пусть Россия сражается за нас»...

Только того и не доставало! За все предательства Болгарии, за измену общему славянскому делу, за дерзкое пренебрежение к призыву русского царя, Россия должна за нее драться!.. Она, мол, обессилена...

Но как же быть, турки переходят на правый берег Марицы. Они заняли уже Гюмюльджину и Мустанли, как жалобятся болгары. Займут берег Эгейского моря и отрежут от него Болгарию. Если Европа будет безмолвно взирать на эти захваты, то турки вторгнутся и в старые владения Болгарии... Дойдут, пожалуй, и до Софии...

Разумеется, это вызывает тревогу, но не потому, что Турция что-то отхватывает, а потому, что можно опасаться, как бы наша дипломатия не размякла. Если же она твердо заявит Болгарии, что *ни при каких условиях Россия не двинется с места*, ибо, прежде всего, Болгария сама обязана себя защищать, то болгарский народ вострепнется, наконец, и найдет исход...

Я думаю, мы делаем огромную ошибку, что обнадеживаем Болгарию каким-то дипломатическим воздействием на Турцию. Всем это воздействие давно уже очертело, Германия от него уже и уклоняется, а в Болгарии поддерживаем состояние полной расслабленности... Ни царь, ни правительство, ни сам народ, ни на что не желают решиться, питая надежды на чью-то помощь. Кто-то должен подставлять за них свои головы, расходовать свои средства...

Если Болгария не может самостоятельно выгнать турок, то единственно, что Россия должна была бы сделать, это посоветовать царю Фердинанду навсегда покинуть Болгарию. Не может же он не понимать, что именно ему обязана Болгария своим унижением. Не взвесив своих сил, он пустился в безумную авантюру. Союзники боятся не Болгарии, а его честолюбивых замыслов, которые он слишком неосторожно проявил. С его удалением немедленно все балканские государства придут Болгарии на помощь, и одним махом выгонят турецкие войска...

Вот единственный исход из создавшегося положения...

Если же Фердинанду желательно царствовать, то пусть сумеет проникнуться сознанием своего долга. Пусть сумеет поднять потухнувший патриотизм и воодушевить армию на спасение своего нового отечества.

С. Глинка

196

«Новое время». 14 августа 1913 г. Независимая Македония?

В Петербурге в настоящее время издается журнал «Македонский голос»¹. Цель и смысл этого журнала легче всего понять из эпиграфа, напечатанного

¹ «Македонский голос» — издание, выходившее на русском языке в Петербурге в 1913–1914 гг. силами членов т. н. Македонской колонии — выходцев из Македонии, приверженцев идеи существования отдельной македонской нации. Среди

на первой странице: «Мы, македонцы, не сербы и не болгары, а просто македонцы. Македонский народ существует независимо от болгар и сербов. Мы сочувствуем и болгарам, и сербам: кто поможет нашему освобождению, тому мы скажем спасибо. Но пусть болгары и сербы не забывают, что Македония — только для македонцев».

Сущность статей журнала «Македонский голос» может быть выражена в немногих тезисах. Македонцы не удовлетворены Бухарестским миром, так как этот мир разорвал Македонию на три части — сербскую, греческую и болгарскую. Македонцы желают, чтобы Бухарестский мир был уничтожен, и чтобы Македония была объявлена независимым государством, в роде Албании. Для этого македонцы в настоящее время посылают меморандумы в различные государства. Кроме того, они возбуждают вопрос о том, чтобы перейти в униатство, — факт, к которому редакция не относится с особенным осуждением. Наконец, можно ожидать, что они в скором времени начнут террористические предприятия: «уже происходит борьба с оружием в руках». «Независимая, неделимая Македония нужна и необходима не только самим македонцам, которые больше всего имеют на это права, но она даже необходима в интересах самих дерущихся из-за нее: Сербии, Болгарии и Греции, так как самостоятельная Македония перестает быть предметом распри между ними».

«Македонский голос» ставит пред русским общественным мнением одну из самых важных проблем славянской жизни данного момента. Но мы не дуем, чтобы он разрешал ее правильно.

Мы не будем углубляться в вопросы этнографии и лингвистики. На всем протяжении веков, со времени Кирилла и Мефодия, никогда не было серьезного разговора о македонцах и никогда не существовало македонского государства. Ходили по Балканскому полуострову волны оттоманские, сербские и болгарские, поочередно перекрывавшие все одно и то же сравнительно небольшое количество земли (именно поэтому так и трудно прибегать в македонском вопросе к историческим аргументам, ибо в Македонии нет такого пункта, который не входил бы поочередно в состав или Великой Болгарии, или Великой Сербии). Повторяем, спорить с «Македонским голосом» о том, существует ли македонская нация, мы не будем: слишком уже расплывчато это понятие, тем паче, что основным признаком «нации» является ее самосознание. Совокупность людей, которая ярко и остро чувствует себя

виднейших их представителей можно назвать К. Мисиркова, Д. Чуповского, Н. Димова, Г. Георгова. На титуле газеты были помещены слова их единомышленника Б. Сарафова: «Мы, македонцы, — не сербы, не болгары, а просто македонцы. Македонский народ существует независимо от болгарского и сербского». Однако такая позиция серьезного отклика и заметного сочувствия не встретила в России. Предполагалось, что «Македонский голос» будет выходить несколько раз в месяц, но с июня 1913 по ноябрь 1914 г. свет увидело 11 выпусков.

самостоятельной этнической единицей, называется нацией. Поди проверь: удовлетворяет ли все население Македонии этому признаку?

Мы не будем также спорить по другому основному вопросу, представляющемуся редакторам «Македонского голоса» самоочевидной аксиомой, по вопросу о том, что Македонии под сербским владычеством будет хуже, чем Македонии самостоятельной. Здравый политический смысл говорит противоположное. Если какая-нибудь территория присоединяется к культурному государству, уже доказавшему, и притом блестящим образом, свою жизнеспособность, то этой территории устраиваться и организоваться будет легче, чем если бы она была предоставлена на произвол судьбы. У Сербии есть государственный опыт, многими десятилетиями организованная администрация, есть кредит, есть установившаяся политика. Все это не импровизируется. Независимая Македония все это, может быть, когда-нибудь выработала бы. Но когда, но ценой каких внутренних потрясений, партийных распрей и кризисов? Одна судьба Болгарии в период с 1878 по 1890 год может послужить таким устрашающим примером, после которого призадуматься. Македонцы, по-видимому, предполагают, что стоит Европе сказать: будьте автономны (между прочим, об автономной Македонии, как идеале, можно было говорить тогда, когда эта несчастная страна находилась под турецким игом и когда автономия была компромиссным исходом; теперь же речь может идти только о Македонии независимой, так как для автономной Македонии мы решительно не знаем, где найти сюзерена), — и Вардар потечет млеком среди кисельных берегов, страсти успокоятся, наступит рай на земле... Повторяем, в этой области полемизировать мы не будем. Македонцы предсказывают будущее: как их опровергнуть? Всякое пророчество есть чисто субъективная вещь...

Мы хотели бы посмотреть на македонскую проблему не с македонской, а со славянской точки зрения. Славянская же точка зрения представляется нам в следующем виде.

Где в настоящее время находится самое уязвимое место славянства? Всякий поверхностный наблюдатель происходящих событий, наверное, скажет нам: в Болгарии, истощенной, обескровленной, разбитой. Мы же думаем несколько иначе. Мы считаем, что в настоящее время наибольшая опасность грозит Сербии. Это звучит парадоксом, а между тем...

По отношению к Болгарии Австрия уже добила своего. Этот член балканского союза уже жестоко наказан за ту продерзость, которую он проявил, выступив против турок без разрешения Германии. Болгария в настоящее время — тот калека-воин, которого здоровье игнорируется. Калеке позволяют жить, до известной степени учитывают его выздоровление, помогают ему, но как с реальной силой с ним не считаются, его не боятся. Германизм знает, что если для него существует какая-нибудь политическая опасность, то только со стороны Сербии. Блестящие, неслыханные победы сербов составили эпоху в истории славянства. Мы не говорим уже о сербах зарубежных,

до которых отзвуки Куманова, конечно, дошли. Но мы убеждены, что даже и для сербов королевства блестящий исход двух балканских войн был таким откровением, которое вдохнет неслыханную силу и блестящую энергию во все слои сербского общества. В недалеком будущем нужно ожидать нового и очень серьезного подъема сербских производительных сил. Неужели возможно допустить, что все это понимают, и что одна только Австрия этого не видит? Выражаясь фигурально, мы бы сказали, что вся сила германизма представляется нам одним громадным мечом, который свое страшное острие направляет в данный момент против сердца Сербии, выжидая того момента, когда можно будет ударить и сразить. Немцы никогда не боролись со всем славянством сразу. Они всегда раздробляли своих врагов и били их поодиночке. Искренний славянский патриотизм подсказывает нам, что очередной намеченной жертвой являются не чехи, не хорваты, не болгары и не русские — являются сербы. В тот момент, когда Австрия раздавит сербов, балканский вопрос перестанет существовать. В этот день все автономные македонцы рассыплются, как прах: от всех их национальных вождедений останется только горькая мечта. Сербь в данный момент являются авангардным прикрытием, сзади которого нет ни армии, ни резервов. И преступником пред славянством будет тот, кто начнет — в той или другой форме — ослаблять этот авангард с тыла.

Легко македонцам сказать: мы будем бороться. Если они не маленькие дети, они поймут, что бороться им придется с сербами; и борьба эта будет ужасна. Сербь не турки; сербы культурная нация, имеющая в своем распоряжении культурный государственный механизм, т.е. такой механизм, который будет беспощадно реагировать против всякого бунта. Если болгары, потеряв 40 тысяч человек на Брегалнице, не сумели вырвать у сербов Монастыря, то неужели какие-нибудь разрозненные и плохо вооруженные македонские четники сумеют победить короля Петра и Пашича с меньшим количеством жертв? Мы не знаем ни силы, ни количества македонцев, желающих положить свой живот за осуществление идеи независимости. Но мы знаем силу Сербии и, зная эту силу, мы с уверенностью говорим: может быть, македонцы и одержат верх, но какою ценою?

Как искренние славянофилы, мы всеми силами нашего разума протестовали против сербо-болгарской войны, считая ее преступлением. Так неужели же македонцы думают, что найдется в России хоть один славянин, который благословит их на ту третью войну (или борьбу), которую они замышляют?

Всякий славянин в настоящее время должен работать над тем, чтобы всячески помогать славянскому авангарду Сербии. Ибо в Сербии — последняя надежда на лучшее будущее южных славян.

«Русское слово». 15 августа 1913 г. Еще одна сербская победа

В вокзальных книжных шкапах появились уже типичные французские книжечки in 8^o¹, в желтых обложках, с громким заголовком:

«Les victoires serbes» — сербские победы.

Конечно, описание сражений и восхваление сербского героизма.

Однако герои на Балканах особенного сорта. Им нельзя отказать в любви к родине, в личной храбрости, в военных доблестях.

Но у них нет того, чем отличаются истинные герои свободных стран:

— Благородства.

Что тут причиной — пятисотлетнее ли турецкое иго, пропитавшее их мстительностью, жестокостью и грубостью, или еще что-нибудь — судить не беремся, но в балканских войнах только что не пировали по татарскому образцу:

Связав побежденных и бросив их под доски, на которых уселись победители.

Расследовать жестокости, творившиеся на театре войны, отправилась целая международная комиссия.

В состав ее вошли общественные деятели и ученые от всех европейских государств: Англии, Франции, Германии, любимой сербами России и ненавистой для них Австрии.

Задача, поставленная им, сама по себе чрезвычайно неблагодарна.

Легко ли расследовать ужасы войны? Легко ли пройти сотни разоренных мест, видеть тысячи жертв войны, опрашивать их, заставлять снова и снова переживать былые ужасы, растревать еще незажившие раны?

Это нелегко психологически, но и фактически чрезвычайно трудно. Страх подвергнуться новым преследованиям со стороны изобличаемых сам по себе может зажать рот даже мужественным людям. И при полном содействии правительств международная комиссия только с величайшим трудом могла бы справиться со своей задачей.

И не надо забывать, что не по личному почину отправилась на Балканы эта комиссия.

Ее призвали сами правительства балканских государств в качестве беспристрастного судьи.

Если мы представим себе, с какими трудностями проходит обычно всякий третейский суд между любыми поссорившимися, то какой же колоссальной трудности задача разрешить спор между тремя только что окончившими войну государствами и тремя национальностями, да еще не гражданский спор, а спор кровавый!

¹ Формат книги («in octavo», «в восьмую часть листа») — обычно характеризует книги высотой от 20 до 25 см, т. е. размера большинства современных книг.

Три правительства призвали эту комиссию и сказали:

— Судите, кто из нас прав, кто виноват.

И самым приглашением своим приняли на себя обязательство, прежде всего, оказывать судьям безусловное уважение.

Для этого не нужно джентльменства, не нужно даже простой порядочности — нужен только здравый смысл.

Ничего этого не оказалось у сербов.

Даже простого здравого смысла, которого, казалось, все же можно было ожидать.

Кто бы мог допустить такой невероятный скандал в Белграде, такое изумительное выступление не сербских студентов — что с них взять! — а сербских государственных деятелей, со стариком Пашичем во главе.

Какая удивительная некультурность у этих маленьких Бисмарков!

Неужели они не понимают всего неприличия, всей бессмысленности своего поведения?

Неужели они не понимают, что, нанося оскорбление П. Н. Милюкову, они оскорбляют и всю ими же приглашенную международную комиссию?

И на каком основании эти люди позволили себе недостойную выходку? На том только, что Милюков был сторонником болгар и противником сербов в сербо-болгарском споре?

Но ведь Милюков явился не по собственной инициативе.

Даже если бы Милюков был «открытым врагом» сербского народа, как его величают белградские неучи-студенты, — чего в действительности, конечно, нет — все-таки он оставался избранным членом международной комиссии, он оставался, прежде всего, *гостем* тех стран, которые приглашали эту комиссию.

И если выходку невоспитанной сербской молодежи¹ можно было бы оставить без внимания, как оставила без внимания русская печать выходку болгар против отряда русского «Красного креста»², то выходку сербского правительства нельзя пройти молчалием, ее должно заклеить.

Согласимся даже, что Милюков — враг Сербии. Не обязывало ли это сербов к сугубой корректности по отношению к нему именно потому, что он враг?

И не служило ли бы свидетельство этого врага наиболее убедительным доказательством правоты сербов, если бы и он при расследовании подал в том или ином случае голос в пользу сербов?

Теперь, изгоняя Милюкова с театра ужасов войны, не показывает ли само сербское правительство, что ему нежелательно это расследование, что ему есть чего опасаться?

¹ Имеется в виду инцидент в августе 1913 г. в белградском ресторане «Москва». В присутствии П. Н. Милюкова посетители начали вслух читать его статьи, а затем хором требовать выдворения политика за пределы Сербии.

² См. в настоящем издании статью: «Встреча» московского отряда в Болгарии // Русское слово. 25 июля 1913 г.

Ведь Милюков не единственный член делегации. Ведь нельзя, даже допуская пристрастность с его стороны, оправдываться тем, что он может оказать невыгодное влияние на всю делегацию. Она состоит из равноправных и совершенно независимых друг от друга людей. Ее мнений подделать нельзя, и всякая подобная попытка упала бы на голову того, кто к ней вздумал бы прибегнуть.

В комиссии принимает участие другой болгарофил, английский журналист Брайльсфорд. Он даже состоит вице-председателем комиссии.

Однако сербское правительство не требует его исключения.

А если бы среди членов комиссии находился известный австрийский сербод Фридьонг — как бы тогда поступили сербы?

Так же, как с Милюковым? Или не посмели бы?

Итак, сербы отказались допустить международную комиссию на обогреную кровью македонскую землю. Они не могли не понимать, что комиссия ответит на оскорбление одного из своих членов только так, как она ответила.

И с наивным цинизмом официальное белградское «Pressbureau» оповещает:

— Сербское правительство с полной предупредительностью приняло необходимые меры, чтобы комиссия могла выехать в Салоники.

Эта «полная предупредительность» положительно лучше всего.

Сербское правительство великодушно: оно не посадило Милюкова в какую-нибудь старую турецкую тюрьму, а отпустило его с миром в Салоники.

Это, если хотите, тоже своего рода джентльменство.

В той форме, в которой оно может быть доступно вчерашним рабам.

Сербская миссия в Петербурге объясняет, что изгнание Милюкова ни в коем случае не направлено ни против России, ни против русских вообще.

Охотно верим. Еще этого не хватало бы!

Оно вообще ни против чего не направлено.

Если бы изгнали не Милюкова, а английского журналиста-болгарофила, это тоже, конечно, не было бы направлено против Англии и англичан, а просто доказывало бы отсутствие у сербов элементарного такта и воспитанности.

И больше ничего.

Конечно сербы, зная англичан, не посмели этого сделать.

Но это было бы одинаково возмутительно.

А по отношению к русскому грубость прорвалась наружу.

Победы вскружили сербам голову, и, как люди невоспитанные, они стали грубы.

К спискам их побед надо будет прибавить еще одну:

— Победу над русским профессором Милюковым.

**«Речь». 23 августа 1913 г.
Немножко справедливости**

В русской печати теперь принято бранить болгар. Бранят их чуть не ежедневно и чуть не во всех органах печати — от крайних правых до крайних левых. Откуда же такое почти всеобщее ожесточение против болгар? Они первые начали братоубийственную войну против своих вчерашних союзников, они совершали зверские насилия по отношению к неприятелю, они не исполнили своей прямой обязанности к Македонии, и за все это нет другого им приговора, кроме «guilty»¹! Мы нисколько не сомневаемся, что в преступлениях этих болгары виноваты, очень виноваты; не сомневаемся, что зверства с их стороны имели место, как имели и со стороны сербов, и со стороны греков; не сомневаемся, что желания Македонии быть страной автономной — желания безусловно законные, желания, на стороне которых лежат все наши симпатии, — но и за всем тем, — неужели болгары всею своею историей так-таки не заслужили решительно ничего другого, кроме беспощадного их осуждения? Почему не взглянуть на дело и с другой точки зрения? Зачем забывать, что этот маленький народ сумел сохранить свою собственную физиономию под пятивековым рабством; что, освободившись от него всего тридцать пять лет тому назад, он успел за этот короткий промежуток времени создать у себя демократический и основанный на самой широкой политической свободе строй жизни; что в это же время он развил школьное дело в такой мере, что теперь во всей Болгарии грамотных болгар почти 100 процентов; что, имея в момент освобождения всего около 50 болгар с высшим образованием, он имеет теперь их — обоего пола — около 50 000; что именно в среде этого народа все время вентилировались идеи македонской автономии, балканской федерации и т.д.? Почему же вдруг забыто все это? И затем — пусть кругом виноватая, опьяненная до головокружения достигнутыми в столкновении с Оттоманской империей успехами — но когда страна эта вдруг оказалась под мечом целых пяти народов, без единого союзника — мало того, без единого доброжелателя и среди великих держав — как вела себя она? Уж будто бы она побеждена? Да в каком же генеральном сражении были болгары так разбиты, что победа другой стороны стала фактом общепризнанным? Такого факта, ведь, не было, и, если бы не нашествие Румынии, то, ведь, еще неизвестно, чем бы кончилось столкновение Болгарии с ее вчерашними союзниками. И найдись тогда кто-нибудь, кто удержал бы Румынию от исполнения ее «цивилизаторской миссии», благодаря которой румыны отхватили теперь от Болгарии ее житницу — Добруджу, и исторические события могли бы разыграться совсем иначе... Но в том-то и вопрос — находилось ли в интересах нашей бюрократии — разумеется, в том смысле,

¹ Виновен (англ.).

в каком понимает она эти «интересы» — соседство с очень сильной, а стало быть, и независимой — не *de jure* только, а и *de facto* — и в то же время свободной и демократической Болгарией?.. Была ли бы она тогда такой «послушной дочерью», как этого от нее хотели?.. И не это ли соображение решило окончательно дело?.. И вот, надо только представить себе это осязательно, уже всего в восьми верстах от Софии появляются румынские кавалерийские разъезды и над самой столицей летают румынские аэропланы... То поддерживаемая чьею-то незримою рукою Румыния исполняет свою «цивилизаторскую миссию»... И в это-то время всеми оставленная, истерзанная, несчастная страна все-таки не падает духом, ею не овладевает паника, она борется до последних сил, и после Бухарестского договора ее армия вступает в Софию «изнуренная, но не побежденная»... И в это же время стране, поставившей под ружье все свое мужское трудоспособное население, нужно же было думать и об уборке хлебов, дабы прокормить и себя, и свою армию. Прочтите в августовской книжке «Современника» письмо из Софии И. Н. Калины («Организация полевых работ»), и вы увидите, как удивительно справилась Болгария и с этой многотрудной задачей. Много ли найдется примеров такой силы духа в истории всех стран, и что выиграло и дело балканских народов, и дело всей европейской культуры от того унижения, в которое повергнут теперь народ болгарский?..

Таковы гири, которые нужно положить и на другую чашу весов, дабы чаша, на которой лежат преступления болгар, не вздымалась непомерно высоко.

Болгары имеют право требовать этой к себе справедливости.

Между тем, наше общество болгар только бранит, бранит и бранит...

А официальная Россия? Что выиграла она? Ведь это несомненный факт, что антирусское настроение охватило теперь самые широкие круги болгарского народа, и газетные известия о враждебных демонстрациях даже солдат против Данева являются не демонстрациями против Данева персонально, а против того «русофильского» направления, главным представителем которого он считался в Болгарии. А в это же время сербы ненавидят Россию за ее, будто бы, «болгарофильство»...

Действительно, ухитрились разрешить балканский вопрос и снискать себе симпатии балканских славян...

Теперь в Петербурге находится македонская депутация, издается журнал «Македонский голос». Они требуют автономии Македонии. Без всякого сомнения, необходимо поднять голос в пользу их справедливого требования, а если это «утопия», то хоть в пользу автономии в Македонии церквей и школ входящих в ее состав народов.

С нашей стороны это пожелание, конечно, лишь платоническое, но его, тем не менее, нужно высказывать, как нужно говорить по отношению к Болгарии свое «guilty» в той мере, в какой она действительно этого заслужила, а не бранить ее походя, при всяком удобном и неудобном случае. Необходимо

воздать Болгарии, в особенности теперь, в трагический момент ее жизни, и должное, памятуя, что страна эта во многих и многих отношениях опередила и нас.

В. Богучарский

199

«Русские ведомости». 28 августа 1913 г.

Софийские настроения

(От нашего корреспондента)

Македонские добровольческие дружины возвращались в Софию. На украшенной национальными флагами триумфальной арке были написаны огромными буквами названия мест, где особенно отличились македонцы — Булаир... Шар-киой... Султан-Тепе и т. п.

Добро пожаловать, милые и славные герои!.. — виднелась центральная надпись посреди гирлянд свежей зелени... Мы с одним русским корреспондентом проталкивались сквозь толпу, ближе к непрерывным волнам вливающимся под арку рядам.

— Как? И вы тоже здесь! — неожиданно окликнул нас знакомый голос.

Студент-болгарин, бывший доброволец в македонских отрядах, уже успевший переодеться в штатское, улыбаясь, грозил нам пальцем.

— А вам бы лучше здесь не показываться. Наши такой теперь имеют зуб против вас...

Он дружески поздоровался с нами и оживленно стал рассказывать о только что пережитых им военных впечатлениях.

Разумеется, намек этот на «зуб» македонцев и вообще всех болгар против русских был только лишь шуткой, но шутка эта весьма характерна для переживаемого нами момента. Патриархальная идиллия между Россией и Болгарией кончилась — наступила полоса «трезвых и реальных деловых отношений», а так как от недавнего идиллического прошлого остались кое-какие пережитки, известные требования и взаимные воспоминания, то переход от вчерашней еще «эпохи доверия» к новому положению вещей не обошелся без некоторых трений, обоюдного недовольства и разочарований. Что бы там ни говорили здешние «западники», не без основания, впрочем, опасаящиеся, как бы дружественный «дядя Иван» не слишком крепко наложил на их внутреннюю жизнь свою тяжелую руку, все же современная Болгария — создание русских рук, поля ее обильно политы русской кровью, и русская литература и наука дали первый и самый сильный толчок к ее дальнейшему интеллектуальному пробуждению после пятивекового рабского сна...

Но, как это, к сожалению, бывает довольно часто, носители известных идей сами первыми являются помехой к тому, чтобы идеи эти смогли в скором времени осуществиться. Так называемые «русофилы» в Болгарии были наиболее крепким камнем, о который разбивались вдребезги малейшие попытки со стороны действительно знающих и Россию, и Болгарию людей познакомить обе страны между собой не только лишь на «славянских» банкетах. Получилась странная и очень оригинальная картина: с одной стороны, редкий интеллигентный болгарин не знает русского языка, не знаком в той или иной степени с русской наукой и литературой, но с другой стороны, все тот же интеллигентный болгарин, если он действительно «патриот» в прямом и благородном значении этого слова, редко не думает совершенно искренно и определенно, что чем дальше от России, тем для Болгарии полезнее и лучше.

Русофилы здесь смотрели сами и приучили общественное мнение смотреть на Россию как на «барина, который придет и все рассудит», и при этом рассудит так, как того хочется им самим, ибо он «должен» так рассудить по своей исторической роли благодетеля и опекуна. Естественно, что подобному течению в противовес явилось другое, но и то в свою очередь не сумело удержаться на достаточно объективной высоте. Болгарские австрофилы создали себе из Австрии такой же точно фетиш, как русофилы из России. Если они полагали, что Россия «непременно должна», то и другие не сомневались в том, что Австрия «обязательно захочет»... Когда из поведения русской дипломатии, двойственного или нет — о том судить в отрезанной сейчас от всего остального света Софии и по одним лишь болгарским источникам довольно трудно, — выяснилось в конце концов, что и у России, естественной покровительницы славян, своя рубашка оказалась к телу ближе, здешние русофилы вслед за русофобами сперва грозились «броситься в объятия Австрии», после бросились в них, но уже слишком поздно. Кокетливая с бравыми победителями двуединая империя с уклончивой холодностью встретила побежденных. Противопоставление «австрофильства» «русофильству» потеряло всякое значение, ибо из обоих ничего хорошего не вышло.

Теперь эти деления на русофилов и австрофилов — совершеннейшая бессмыслица! — говорил мне в Бухаресте один из членов болгарской делегации, Семен Радев, виднейший в Болгарии «стамбуловист» и, следовательно, сторонник Австрии по партийным традициям, — без помощи России нам все равно не обойтись, и потому мы должны стараться войти с нею в соглашение. Мы поняли, что эту помощь Россия нам окажет всегда, но лишь при неизменном условии, если того потребуют ее собственные интересы. В политике не может быть сентиментальностей. Во имя каких-то отвлеченных «славянских, братских» идеалов Россия для нас теперь не двинет пальцем, мы в этом уже успели убедиться. Русофилы наши приучили нас к мысли, что Россия с нами во всем и везде; житейская практика показала нам, что Россия с нами

только лишь там, где ей нужно быть самой по своим собственным политическим и всяким иным соображениям, и винить ее за то, конечно, мы не можем...

Но, если в правящих кругах уже пришли к подобному заключению, широкая публика думает совершенно иначе на этот счет. Там сейчас, без преувеличения, имя России — синоним измены самым лучшим и заветнейшим идеалам болгарского народа. «Это вы, вы во всем виноваты!..» — с ненавистью крикнула одному моему знакомому русскому, уже давно живущему по делам в Софии, какая-то болгарская дама, в то время как они рядом стояли в толпе, смотревшей на только что привезенную новую партию раненых солдат. «Вот я, который сейчас перед вами, русский воспитанник, любивший Россию, как вторую родину, — заявил в трамвае другим моим знакомым случайно разговаривавший с ними болгарин, — клянусь вам: отныне ни один из моих детей не будет знать ни слова по-русски»...

Характерно для общего настроения напечатанное 29-го июля в № 3,921 распространенной софийской газеты «Дневник» большое стихотворение под заглавием: «Будь проклята!..»

Скрывшийся под псевдонимом автор, по словам знающих его лиц, до недавнего еще времени убежденнейший русофил, описывает ужасные картины разоренной, покрытой трупами и дымящимися пожарищами Македонии... Багровеют от кровавого пламени вершины Родопских гор, жадные стаи воронов носятся с хищными криками в ожидании добычи над измученными, босыми и голодными беглецами, в отчаянии простирающими руки к безжалостному знойному небу... Кругом вместо цветущей, богатой страны — пустыня. Тяжелая и бледная заря загорается и гаснет. Наступает бесконечная, темная ночь.

Сильно и с очевидно искренним подъемом написанное стихотворение заканчивается следующими строфами, полными мучительной скорби и негодования. А ты, пославшая на нас пиратов, греков и румын, ты, покрывшая трауром славянское дело, ты, коварно подстрекнувшая православные народы на кровавый пир, ты, отдавшая свою родную сестру на растерзанье, будь проклята, православная Россия!..

Нет надобности говорить о том, насколько неправ автор этих строф. Для меня важно лишь одно: отражают ли они известное общественное настроение, или нет? Я думаю, отражают, и притом с достаточной и верностью, и полнотой, что само по себе уже достаточно тяжело и печально!..

А. Деренталь.
София, 12-го августа

«Русское слово». 29 августа 1913 г.
Идейное убожество

Если вся Европа вообще с ее официальными, экономическими, правовыми, политическими и национальными вопросами, остро встающими то там, то сям напоминает собою громадную больницу, то Балканский полуостров в этой больнице является палатой тяжкобольных хроников.

Воздух в этой палате тяжелый, удушливый. Больные в давних, застарелых пролежнях. Болезни для больных дело привычное. Лечению поддаются страшно туго. Врачи почти потеряли веру на какое-либо улучшение лежащих здесь и на обход палаты хроников смотрят как на самую скучную, постыдную, бесполезную повинность.

В самом деле, за многие последние годы в политической жизни Европы что было и есть скучнее и безнадежнее текущих балканских событий? Господа балканские политики все делают так, что, вместо не только сочувствия к ним, а простого даже интереса, хочется махнуть на всю балканщину с досадою рукой.

Прежде всего, раздражает вопиющая бездарность режиссеров балканской трагедии. Иметь в руках такие богатые, выигрышные карты, держать, как говорится, самое фортуны в руках — и так дурацки провести игру, остаться позорно при самом пиковом интересе. Противник — Турция — как враждебная, борющаяся сила, заранее обречен на поражение. В народных массах Греции, Болгарии, Македонии, Сербии, Черногории, ожесточенных былыми вековыми ужасами турецкого гнета, вулканом хлопочут озлобление, даже озверение против турок: только кинь людей на вековых насильников, — зубами начнут грызть врага, с голым штыком ползут на пушки, стихийным ураганом ринутся на неприступные, казалось бы, твердыни.

С такими боевыми силами, при подобном настроении войска балканцев-союзников должны были делать, — да и делали, не могли не делать, — чудеса. Материал под руками вершителей балканских дел был великолепный, обстановка — исключительно благоприятная. Успех был наперед обеспечен. — И в итоге... картина какого-то поганого, угарного, трактирного дебоша: столы опрокинуты, стулья переломаны; на заплеванном, заваленном окурками полу битые бутылки из-под пива и водки; в дымном воздухе тошно от перекрестной общей топорной брани. Дерущиеся все с разбитыми лицами. Бьют уже без разбора: направо и налево, вперед и назад, — лишь бы бить.

Турцию уже и забыли; на великую идею союза балканских народов наплевали. Болгарин собирался разбить головы греку и сербу; сербы и греки переломали ребра болгарину. Румыния вывела свою армию в поле и сама хорошо даже не знала, кого станет бить: удобно если — будет лупить болгарина; если покажется выгоднее — кинется с кулаками на сербов.

Болгары за углом шептались с турками; греки, чтобы досадить болгарам, готовы были тем же туркам пожимать руки. Получилась какая-то чертова

кадриль, дирижируя которою, приказчики балканской политики то и дело кричали дерущимся несчастным народам: «Меняйте ваших дам».

Картина не только постыдная, но и гнусная, противная до отвращения. Однако наплевать на нее не приходится. Бездарные и ничтожные балканские политики, конечно, — людишки в высокой степени дрянные; политика их — сплошное, затяжное идиотство на грошово-корыстной почве, и все Балканы — удручающая своею скукою и духотой палата гниющих хроников, — но все-таки в этой палате живут целые народы, которые могли бы жить завидною, цветущею, самою полною и привольною культурною жизнью.

Нужно хоть раз побывать на Балканском полуострове, чтобы восхититься и красотою, и плодородием, богатством даров природы этого благословенного угла земного шара. Везде здесь мог бы быть рай, а имеется... живопырня, вечная грызня, взаимоистребление и дикое, клокочущее, бессмысленное взаимоозлобление.

Послушайте в Греции, что говорят там вершители народных судеб о болгарях и сербах. Поговорите в Болгарии и Сербии о греках. В Софии — о Белграде, в Белграде — о Софии. За человека становится страшно.

— Резать, истребить, стереть с лица земли, — только и слышишь.

— Погодите, дайте срок, мы их проучим, поставим на свое место, — вот обычный припев балканцев друг о друге.

А народы, гуща населения Балкан, за всю эту грубость, дикость, бездарность и некультурность своих политиков своим хребтом расплачивайся!

И Европа целые годы с опаской, как на складе динамита, вокруг которого полоумные забавляются скаканьем чрез огни костров, на Балканы смотрит, того и жди: вот взлетит склад, разнесет все кругом. Тут, пожалуй, даже и без высокой идейности, из одних грубых, шкурных вопросов, ради спокойствия своего угла, Балканами, делами их заинтересуешься. Нельзя быть покойным, когда у вас под боком, у вашего соседа во дворе, очаг кровавой эпидемии, склад легковоспламеняющегося горючего материала. В подобном положении и помимо всякого братства, славянства, поверх высоких идей, крикнешь балканцам:

— Послушайте, господа хорошие: как вы себя и свое положение понимаете? Как прикажете рассматривать вас? Если претендуете на звание культурных народов, так и благоволите проявить хотя бы начатки культурности.

Как первобытные дикари, из волчьей жадности затевают позорную междоусобную войну. Как опыянные злобою буяны, бессмысленно тянут эту войну, вышибая друг другу последние зубы и выпуская драгоценную, так нужную и без того уже обагренным Балканам свою и чужую кровь. Мало того, и на будущее еще сулятся тем же. На залитых кровью одурманенных народов полях сеют зубы дракона. Хотят отравить злобою грядущие поколения, завещать им, как основное наследие, непримиримую месть к братьям-соседям.

— Мы им не простим, не простим, не простим! — задыхаются от злости по адресу сербов болгары.

— И Россия попомнит, горько спокается, — злобно сверкают глазами те же виновники позора и бед Болгарии сейчас.

Случись обратное, — побей болгары сербов и греков, — грозились бы те, сеяли бы на будущее злобу те.

Словом, мелкая злобность, куцая мысль, идейное убожество, грубая политическая безграмотность, — короче, вопиющая некультурность балканцев, строителей их политики, — так и прут, из казавшегося острым припадка принимают удручающий затяжной, хронический характер.

И, кажется, никогда так не обнаруживалась несостоятельность современной европейской культуры, идейной силы ее, как в позорных событиях Балкан сейчас, особенно на фоне даже только что почившего конгресса мира в Гааге.

Целая груда балканских народов воочию показала, что культурность не вошла в их плоть и кровь, не стала даже требованием их хотя бы внешней чистоплотности, что всякие культурные ценности для них не имеют цены, что они нужны им лишь как нарядный, показной, верхний костюм. Смотрите, с какою страстью разные там македонцы, софийцы, афинцы, белградцы по всему миру кричат о своей злобе, а в ответ на это — тихое бормотанье тихих старцев тихой Гааги.

Когда думаешь об этом, сопоставляешь кровь, бушующую страсть дикой злобы, с одной стороны, и бледную немочь, вялое малокровие бормочущих проповедников идейной культурности — с другой, — вспоминаются из «Путешествия Гулливера» свифтовские мудрецы с большими головами на длинных-длинных, тонких шеях, на тощих, хлябких телах.

Не тихими речами тихой Гааги надо отвечать на дикие речи, на дикие крики и на дикую потасовку людей в грязном исподнем. Равно и не выкрутасами таинственных дипломатических внушений, нот и совещаний. Вся эта черная и белая магия дипломатов, как показали события последних дней, утратила последнюю свою даже призрачную цену.

— Посмел, решил, — и пошел. Взял и сию. Хотите отнять, выгнать, — попробуйте, — вот такая «дипломатия» оказалась сильною.

Грубая сила нагло полезла вперед и другого символа веры, кроме кулака, не признает.

Чтобы не быть убитою, тут и идейность должна проявить силу, забурлить кровью, заплыть страстью, засучить свои «идейные» рукава. Не бормотать скучные, избитые слова в тихой Гааге, а по всему миру кричать, возмущаться, негодовать, облить опьяненные головы холодной водою презрения всего культурного мира. Сказать раздевшимся:

— Безобразно! Прикройтесь! Примите культурный вид, если хотите, чтобы вас считали членами семьи культурных народов.

Г. Петров

**«Русские ведомости». 20 сентября 1913 г.
Балканские перспективы**

Со дня заключения Бухарестского мира прошло менее двух месяцев, но и за этот короткий срок достаточно выяснилось, насколько мало этот мир открывает период спокойствия на Ближнем Востоке и культурного возрождения балканских народностей. Несмотря на весь фимиам, который воскурляли друг другу победители, несмотря на дифирамбы по их адресу, раздававшиеся в Германии и Франции, ясно сознавалось уже тогда, что разгром Болгарии, вынесшей на себе главную тяжесть первой войны, является в конце концов не только явную несправедливостью, но и глубокой близорукостью, ибо здесь была надолго убита самая идея Балканского союза. Правда, тогда же появились известия о предстоящем союзе Румынии, Сербии, Черногории и Греции. Но ведь эта новая комбинация направлена против Болгарии и преследует одну цель — обеспечить *spolia victoribus*¹: никакой более глубокой внутренней связи между этими государствами сложиться не может.

Все эти предположения начинают оправдываться. Сербия сразу же обнаружила явное намерение денационализировать болгарское население Македонии, которой вместо автономного устройства предстоит, по-видимому, жить под режимом военного положения. Турция, вернувшаяся от униженной Болгарии Кирк-Килисе и Адрианополь, выражает явное намерение свести счеты с торжествующей Грецией. Наконец, приобретает значительную остроту албанский вопрос. Автономная Албания была первоначально весьма искусственным созданием австрийской и итальянской дипломатии, направленным против справедливых стремлений Сербии выйти к Адриатическому морю. К несчастью, сербская политика в Македонии до известной степени оправдывает тех, кто возражает против того, чтобы албанское население подпало под власть Сербии. Вероятно, сербские войска справятся с вторгнувшимися албанскими отрядами, но, несомненно, сербско-албанский антагонизм несколько не прекратится по мере того, как Албания примет формы правильно устроенного, хотя бы и несuverенного государства. Правда, сербы здесь могут действовать солидарно с греками, но за Албанией стоит Австро-Венгрия, которая после Бухарестского мира еще более заинтересована иметь у берегов Адриатики достаточно сильный противовес сербам, и, несомненно, существующее положение в Македонии создает известный параллелизм интересов между Албанией, Болгарией и Турцией. Очень странный союз! Но в этом и сказывается один из самых пагубных результатов Бухарестского мира: открывается возможность самых противоестественных политических комбинаций, вроде сближения Болгарии и Турции. Надо сознаться, что прежние союзники Болгарии сделали все для подобного сближения.

¹ Военную добычу (лат.), в данном случае — те территории, которые были отвоеваны у Болгарии во Второй балканской войне.

В настоящее время балканские народности все более или менее обессилены, им приходится залечивать раны, восстанавливать государственное и народное хозяйство и проявлять во внешней политике минимум активности. Это приходится сказать не только относительно Болгарии, но и Сербии, Черногории, Греции. Эта усталость до известной степени благоприятна для сохранения мира, но она не будет вечной. Искусственность создавшегося на Балканах порядка едва ли сгладится временем. Скорее, напротив: будет накапливаться запас утеснений и обид, запас национальных ненавистей и рано или поздно Балканский полуостров опять сделается местом кровавой борьбы. Вероятно, европейская дипломатия, опасаясь общеевропейских осложнений, будет стремиться охранять *status quo*, созданный в Бухаресте. Так поступала она и с Берлинским трактатом и все-таки не могла предупредить стихийных событий. А Бухарестский договор заключает в себе еще больше зародышей будущих осложнений. Истинные интересы европейского мира требовали бы прежде всего возможно смягчить последствия этого договора и удержать, в особенности Сербию и Грецию, от действий, которые всегда будут поддерживать тлеющий огонь на Балканах.

Трудность заключается в том, что европейский концерт как бы не существует или, во всяком случае, едва ли способен к каким-нибудь положительным выступлениям. И грань уже проходит не всегда там, где проходила прежде, между державами Тройственного союза и Тройственного соглашения. Франция, покинувшая Россию, и Германия, отвернувшаяся от Австро-Венгрии, на это ясно указывают. Мы не знаем, чем кончится франко-греческий флирт, ради которого ответственные руководители французской внешней политики сочли возможным колебать основания франко-русского союза, но нельзя закрывать глаза на эту новую и самостоятельную политику Франции на Ближнем Востоке. И если заслуга русской дипломатии заключалась в отказе от отдельных выступлений и в умении найти точки солидарности между всеми великими державами, то теперь ее задача носит более активный характер. Мы не можем забывать, что в вопросе о Кавалле и Адрианополе Россия, защищая дело справедливости, не была поддержана — и здесь, и там она потерпела неудачу. Наши интересы на Ближнем Востоке, материальные и моральные, слишком значительны, чтобы мы могли ограничиться лишь простым регистрированием таких неудач. И эти интересы требуют значительно иных отношений с Болгарией, чем те, которые развились в результате злосчастной войны. Пусть большая доля ответственности за эту войну падет на самих болгар и в особенности на их государственных руководителей, пусть мы не могли поддерживать их великодержавных притязаний — унижение Болгарии, которая связана такими крепкими историческими и культурными узами с Россией, не может оставлять ее равнодушной, как не может быть для нас безразлично, восстановится ли более естественная группировка на Балканах или Болгария окончательно направит свою политику в сторону Турции.

С. Котляревский

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абдул-Гамид (Абдул-Хамид) II — турецкий султан в 1876–1909 гг. 16, 79, 103, 123
- Абдул-Меджид I — турецкий султан в 1839–1861 гг. 144
- Александр Карагеоргиевич — король Королевства сербов, хорватов и словенцев, а затем Югославии в 1921–1934 гг. 111, 236
- Александр Обренович — сербский король в 1889–1903 гг. 246, 325, 380, 497, 505
- Александр II — российский император в 1855–1881 гг. 13, 363, 392, 442
- Андраши Дьюла — венгерский политик, премьер-министр Венгрии в 1867–1871 гг., министр иностранных дел Австро-Венгрии в 1871–1879 гг. 233, 388
- Антид Ото см. Троцкий Л. Д.
- Асквит Герберт Генри — британский премьер-министр в 1908–1916 гг. 107, 485
- Бакунин Михаил Александрович — российский общественный деятель, один из основателей идеологии анархизма 134, 497
- Барцини Луиджи — итальянский журналист и военный корреспондент, сотрудник газеты «Corriere della Sera» 482
- Баттенберг Александр — болгарский князь в 1879–1886 гг. 211, 325, 417
- Башмаков Александр Александрович — российский публицист, активный деятель славянского движения, главный редактор «Правительственного вестника» в 1906–1913 гг. 253, 450
- Белич Александр — сербский лингвист 32, 74, 231
- Бербенко Кирилл Дмитриевич — корреспондент «Нового времени» в Болгарии 235, 507
- Берхтольд Леопольд — австро-венгерский министр иностранных дел в 1912–1915 гг. 28, 29, 37, 65, 107, 290, 350, 363, 405, 451, 452
- Бисмарк Отто — премьер-министр Пруссии в 1862–1873 гг., рейхсканцлер Германской империи в 1871–1890 гг. 70, 161, 167, 200, 261, 338, 339, 388, 417, 418, 443, 518
- Богучарский (Богучарский-Яковлев) Василий Яковлевич — российский публицист, активный деятель народнического движения 522
- Борис Кобург — болгарский престолонаследник, сын Фердинанда I 104, 106, 115, 137, 451
- Брайльсфорд Генри — британский журналист, член Комиссии Карнеги 519
- Бурмов Тодор — болгарский деятель национального возрождения, первый премьер страны в 1879 г. 144
- Варнава (Петар Росич) — сербский патриарх в 1930–1937 гг., накануне Балканских войн — епископ Дебарско-Велесский, назначенный Константинопольским патриархатом, после перехода Македонии под сербский контроль являлся епископом Охридским, Битольским и Струмицким 114
- Василий Болгаробойца — византийский император в 976–1025 гг., победитель битвы при Беласице 504
- Вейганд Густав — немецкий лингвист, балканист 218
- Венизелос Элефтериос — греческий политик, многократный премьер-министр страны, в т.ч. в 1910–1915 гг., лидер Либеральной партии 19, 36, 37, 95,

- 150, 170, 216, 247–249, 266, 320, 339, 343, 381, 386, 404, 476, 496, 497
- Верус см. Язвицкий В. И.
- Викторов (Топоров) Владимир Викторович — корреспондент «Речи» в Болгарии 99, 102, 106, 112, 145, 195, 205, 334
- Вильгельм II — германский император в 1888–1918 гг. 40, 344, 374, 493
- Вирт Альбрехт — немецкий историк 304
- Витте Елизавета Ивановна — российский педагог, публицист 45, 423
- Витте Сергей Юльевич — российский государственный деятель, министр финансов в 1892–1903 гг., премьер-министр в 1903–1906 гг. 492
- Вольский Ст. (Соколов Андрей Владимирович) — российский публицист левого толка, активный участник социал-демократического движения 134, 213
- Габиев Саид Ибрагимович — российский общественный деятель, лакский писатель, активный деятель горского движения. В 1912–1914 гг. редактировал и издавал в Санкт-Петербурге «Мусульманскую газету» 450
- Ганчев Христо — болгарский актер 193
- Гартвиг Николай Генрихович — российский посланник в Сербии в 1909–1914 гг. 212, 330
- Генадиев Никола — болгарский политик, лидер Народно-либеральной партии 231, 240, 380
- Генчич Джордже (Георгий) — сербский политик 240
- Георг I Глюксбург — греческий король в 1863–1913 гг. 31, 33, 104, 116, 149, 150, 151, 286, 496
- Георг V — английский король в 1910–1936 гг. 291
- Георгиев Евлоги — болгарский предприниматель, меценат 416
- Гетцендорф Конрад — начальник австро-венгерского Генерального штаба в 1906–1911, 1912–1917 гг. 86
- Гешов Иван — болгарский премьер-министр, министр иностранных дел в 1911–1913 гг., лидер Народной партии 19, 29, 33, 36, 151, 153–155, 163, 169, 170, 218, 264, 275, 276, 279, 283, 286, 287, 308, 318, 319, 339, 350, 404, 415–418, 460, 483
- Гика Димитрие И. — румынский дипломат 146, 344
- Глинка-Янчевский Станислав Казимирович — российский публицист правового толка, редактор право-монархической газеты «Земщина» 258, 303, 357, 367, 391, 414, 421, 495, 513
- Гольц Кольмар — немецкий военачальник, реформатор турецкой армии 30, 86
- Грей Эдуард — британский министр иностранных дел в 1905–1916 гг. 27, 116, 152, 264, 265, 309, 372, 387, 391, 404, 406, 408
- Гурко Иосиф Владимирович — российский военачальник 13, 442
- Данев Стоян — болгарский премьер и министр иностранных дел в 1913 г., глава парламента в 1911–1913 гг., лидер Прогрессивно-либеральной партии 28, 36, 37, 86, 156, 216, 283, 290, 297, 308, 319, 325, 330, 339, 340, 343, 353, 383, 384, 403, 404, 412, 415–418, 482, 483, 490, 521
- Деренталь (Дикгоф) Александр Аркадьевич — российский журналист 85, 115, 223, 248, 498, 524
- Димитриев Радко — болгарский военачальник 139
- Дорошевич Влас Михайлович — российский журналист 449
- Драга Машин — супруга сербского короля Александра I Обреновича 246, 505
- Душан Стефан — сербский средневековый правитель, при котором держава достигла максимального территориального расширения 14, 85, 114, 179, 189, 228, 235, 293
- Иванов Никола — болгарский военачальник 162, 293, 356, 366
- Извольский Александр Петрович — российский министр иностранных дел в 1906–1910 гг., посол во Франции в 1910–1917 гг. 18, 443
- Ионеску Таке — румынский министр внутренних дел в 1910–1913 гг. 86

- Кабакчиев Христо — болгарский политик, социал-демократ 418
- Калина (Кашинцев) Иван Николаевич — российский журналист 157, 186, 521
- Карл (Кароль) I Гогенцоллерн-Зигмаринген — румынский король в 1881–1914 гг. 38, 63, 67, 70, 71, 86, 88, 92, 93, 108, 130, 354, 355, 383, 385, 391, 405
- Карл (Карел) I — чешский король в 1346–1378 гг. 432
- Карл XII — шведский король в 1697–1718 гг. 390, 512
- Карнеги Эндру — американский предприниматель, основатель Фонда Карнеги за международный мир 43
- Кастриоти Георгий (Скандерберг) — вождь албанского антиосманского движения XV в., национальный герой Албании, одна из ключевых фигур албанского эпоса 73
- Клевезаль Владимир Павлович — российский врач и религиозный мыслитель 398
- Ковалевский Максим Максимович — российский ученый и публицист 12, 379
- Козьма (Пречистанский) — болгарский религиозный деятель, митрополит Дибрский в 1897–1913 гг. 155, 182
- Коллар Ян — словацкий политик, писатель и философ, один из первых в XIX в. пропагандировал идею славянской взаимности 421
- Константин I Глюксбург — греческий король в 1913–1917 гг. 21, 33, 40, 104, 106, 113, 137, 150, 151, 178, 248, 345, 365, 433
- Кораблев Василий Николаевич — российский ученый-славист, публицист, главный редактор «Славянских известий» 92, 141, 381, 511
- Корошек (Корушек) Антон — словенский государственный и политический деятель 241
- Кутинчев Васил — болгарский военачальник 293
- Лавров Петр Лаврович — российский общественный деятель, один из основателей идеологии народничества 497
- Лаптев И. — российский публицист, автор «Утра России» 44, 349
- Лигин Юр. см. Юровский Л. Н.
- Майореску Титу — румынский премьер в 1912–1913 гг. 28, 39, 86, 344, 460
- Максимов А. — российский публицист, автор «Русских ведомостей» 192
- Малинов Александр — болгарский политик, лидер Демократической партии 417
- Мамонтов Николай Петрович — российский военный, публицист 226, 237, 293, 351
- Мансуров Павел Борисович — российский дипломат, публицист 210
- Маринкович Павле — сербский политик 380
- Марко Мрнявчевич (Королевич) — правитель одного из средневековых сербских королевств, герой распространенного на Балканах эпического цикла 14, 114
- Мартынов Евгений Иванович — российский военачальник, публицист, корреспондент газеты «Утро России» 442, 444
- Матвеев Н. Е. — российский публицист 136
- Махмуд Шевкет-паша — турецкий великий визирь в 1913 г. 447
- Меньшиков Михаил Осипович — российский публицист правового толка, сотрудник «Нового времени» 44, 77, 274, 374, 396, 491
- Меттерних Клеменс — австрийский министр иностранных дел в 1809–1848 гг., государственный канцлер Австрии в 1821–1848 гг. 118, 327
- Мефодий (Кусев) — болгарский религиозный деятель 224, 236
- Мехмед (Магомед) II Фатих — турецкий султан в 1444–1446, 1451–1481 гг., завоеватель Константинополя 167
- Милан I Обренович — сербский правитель в 1868–1889 гг. 14, 211, 227, 293, 372, 442, 443, 497
- Милетич Любомир — болгарский ученый 123
- Милуков Павел Николаевич — российский ученый, публицист, политик, лидер кадетской партии 35, 43, 50, 120,

- 126, 153, 176, 185, 213, 217, 228, 232, 415, 449, 518, 519
- Михайловский В. — российский публицист 190, 228
- Мишич Живоин — сербский военачальник, во время Балканских войн помощник начальника штаба верховного командования 183
- Мурад I — турецкий султан в 1362–1389 гг., завоеватель Адрианополя, участник битвы при Косовом поле 167
- Мушанов Никола — болгарский политик 162
- Назым (Назим)-паша Хусейн — турецкий военный министр в 1912–1913 гг. 428, 447–449
- Наполеон I — французский полководец и государственный деятель. Первый консул Французской Республики в 1799–1804 гг., император Франции в 1804–1814 и 1815 гг. 11, 46, 390, 445, 512
- Наполеон III — французский государственный деятель. Президент Франции в 1848–1852 гг., французский император в 1852–1870 гг. 71, 338, 459, 512
- Начович (Начевич) Григор — болгарский политик, дипломат 234
- Неклюдов Анатолий Васильевич — российский посланник в Болгарии в 1911–1913 гг. 207, 212, 238, 328
- Немирович-Данченко Василий Иванович — российский журналист 24, 449
- Неофит (Караабов) — болгарский религиозный деятель, митрополит Величский, управляющий Велесской епархией в 1912–1913 гг. 155, 182–184, 199
- Неофит (Паскалев) — болгарский религиозный деятель, митрополит Скопийский в 1910–1913 гг. 83
- Николай I — российский император в 1825–1855 гг. 66, 286, 443
- Николай II — российский император в 1894–1917 гг. 16, 26, 36, 38, 207, 212, 295, 296, 304, 306, 308, 315, 316, 321, 345, 359
- Новакович Стоян — сербский ученый, политик 330, 380
- Нушич Бранислав — сербский писатель 111, 112, 114
- Орлов Аркадий Александрович — российский дипломат, в 1906–1911 гг. генеральный консул в Скопье 235
- Паренсов Петр Дмитриевич — российский военачальник, общественный деятель, активный участник славянского движения 487, 488, 490, 491
- Пашич Никола — сербский политик, многократный премьер страны, в т.ч. в 1912–1918 гг., лидер Радикальной партии 33, 34, 36, 37, 179, 183, 184, 232, 254–257, 259, 260, 262–264, 275, 279, 297, 307, 319, 325, 329, 330, 333, 339, 340, 343, 345, 380, 381, 386, 404, 497, 498, 516, 518
- Петков Димитр — болгарский политик, лидер Народно-либеральной партии в 1901–1907 гг. 419
- Петр I Великий — российский царь (1682–1721) и император (1721–1725) 9, 10, 378
- Петр I Карагеоргиевич — сербский король в 1903–1918 гг., король Королевства сербов, хорватов и словенцев в 1918–1921 гг. 36, 65, 123, 183, 190, 293, 296, 298, 301, 321, 322, 325, 345, 365, 378, 380, 414, 516
- Петров Григорий Спиридонович — российский религиозный деятель, публицист, один из ведущих сотрудников газеты «Русское слово» 527
- Пий IX — Папа Римский в 1846–1878 гг. 144
- Плетнев Владимир Дмитриевич — российский военный, правовед 401
- Протич Стоян — сербский министр внутренних дел в 1912–1914 гг. 330, 380
- Пуанкаре Раймон — французский премьер в 1912–1913 гг., президент в 1913–1920 гг. 107
- Радев Симеон — болгарский политик, публицист 476, 523
- Радославов Васил — болгарский политик, лидер Либеральной партии 38, 350, 404, 418, 419
- Раковский (Станчев) Христиан (Крыстю) — российский политический деятель болгарского происхождения, советский государственный деятель 471, 472

- Ризов Дмитрий — болгарский посланник в Риме в 1908–1915 гг. 275
- Савов Михаил — болгарский военачальник, политик 38, 208, 353, 416, 417, 419
- Сазонов Сергей Дмитриевич — российский министр иностранных дел в 1910–1916 гг. 18, 26, 29, 30, 36, 37, 108, 156, 276, 318, 330, 354
- Санданский Яне — один из руководителей Внутренней македонско-одринской революционной организации 134
- Симеон I — болгарский правитель в 893–927 гг. (с 918 — царь), при котором страна достигла своего максимального территориального расширения 32, 161
- Скалон Дмитрий Антонович — российский военный историк, председатель Императорского Русского военно-исторического общества 363
- Скутаревский Аркадий Платонович — российский военный, историк 450
- Спалайкович Мирослав — сербский посланник в Болгарии в 1911–1913 гг. 252, 290, 458, 476
- Сперанский Николай Васильевич — российский историк, публицист и общественный деятель 383
- Списаревски Коста — болгарский политик, публицист 417
- Стамболов Стефан — болгарский премьер-министр в 1888–1894 гг. 404
- Струве Петр Бернгардович — российский общественный деятель, публицист 414
- Сулейман I (Солиман) Великолепный — турецкий султан в 1520–1566 гг. 447
- Сурин Н. И. — российский журналист, корреспондент на Балканах 139, 200
- Сухомлинов Владимир Александрович — российский военный министр в 1909–1915 гг. 26, 374
- Схинас Александрос — греческий анархист, убийца короля Греции Георга I 33, 149
- Табурно Иероним Павлович — российский публицист черногорского происхождения, сотрудник «Нового времени» 34, 292, 389, 390
- Такев Михаил — болгарский политик 198, 199
- Таксин (Тахсин)-паша Хасан — турецкий военачальник 116, 137
- Тиса Иштван (Стефан) — венгерский политик, в 1913–1917 гг. премьер-министр Королевства Венгрии 37, 430
- Тодоров Петко — болгарский поэт, писатель 95, 190, 191, 192, 283
- Тончев Димитр — болгарский политик, лидер Младолиберальной партии 234, 497
- Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович — российский политик, публицист. До революции сотрудничал в различных левых изданиях («Киевская мысль», «Луч»), писал под псевдонимом «Антид Ото». После Октябрьской революции — первый народный комиссар советского правительства по иностранным делам (в 1917–1918 гг.), затем — народный комиссар по военным делам и председатель Реввоенсовета (в 1918–1925 гг.) 49, 50, 419, 472
- Турхан-паша Пермети — турецкий посланник в России в 1908–1914 гг. 484
- Тухолка Сергей Владимирович — российский дипломат, вице-консул в Призрене, консул в Косовской Митровице, в 1912–1913 гг. генеральный консул в Скопье 235
- Фердинанд I Кобургский — болгарский правитель в 1887–1918 гг. 25, 31, 32, 36–38, 41, 43, 94, 95, 104, 106, 111, 123, 137, 150, 164, 170, 183, 188, 208, 254, 287, 290, 293, 296–298, 301, 318–322, 325, 345, 352–355, 373, 384, 387–389, 405, 409, 412, 415–417, 419, 424, 438, 439, 445, 446, 451, 462, 478, 479, 481, 482, 490, 494, 495, 504, 510, 513
- Фичев Иван — болгарский начальник Генерального штаба в 1910–1914 гг. 416, 464
- Франгя Антон — болгарский министр железных дорог, почт и телеграфов в 1911–1913 гг. 418
- Франц Иосиф I — император Австрии с 1848 г., император Австро-Венгрии с 1867 до 1916 г. 16, 28, 290, 325, 388, 405
- Фридрих II Великий — прусский король в 1740–1786 гг. 461

- Фридьонг Генрих — австрийский публицист 519
- Хесапчиев Христофор — болгарский военный представитель при греческой Главной квартире в 1912–1913 гг. 106, 344
- Хильми-паша Хусейн — турецкий генеральный инспектор в Македонии в 1902–1908 гг., посланник в Австро-Венгрии в 1912–1918 гг. 122
- Цанков Драган — болгарский политик, деятель национального возрождения, краткий период времени являлся сторонником распространения униатства в Болгарии 142, 143, 144, 416
- Цвиич (Цвижич) Йован — сербский ученый, этнограф 187, 191, 192, 228, 229
- Шебеко Николай Николаевич — российский дипломат, посланник в Румынии в 1912–1913 гг. 344, 492
- Штур Людовит Велислав — словацкий поэт и общественный деятель, один из идеологов словацкого национального возрождения в XIX в. 421
- Шукри-паша Мехмед — комендант Адрианополя в 1912–1913 гг. 32, 158, 162, 163, 166, 205
- Энвер-паша Исмаил — турецкий военачальник, один из лидеров младотурок 38, 428, 429, 448, 449
- Юровский Леонид Наумович — российский экономист, публицист 366
- Явер-паша Мехмед — турецкий военачальник 371
- Язвицкий Валерий Иоильевич — писатель и публицист, публиковался в газете «Утро России» под псевдонимом «Ветрус» 208, 238, 239, 268, 279, 289
- Якшич Гргур — сербский историк 326
- Asper *см.* Сперанский Николай Васильевич

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Адриатическое море 17, 21, 27, 67, 117,
120, 126, 179, 184, 230, 235, 241, 254,
257, 259, 262, 318, 334, 352, 390, 443,
452, 461, 464, 509, 528
- Александруполис, Дедеагач, Деде-Агач 40,
90, 117, 188, 232, 249, 268, 407, 439, 445,
449
- Арда, река 188
- Афины 19, 20, 40, 88, 116, 133, 138, 150,
153, 154, 170, 208, 232, 243, 247, 337,
338, 340, 344, 345, 353, 366, 376, 381–
383, 402, 433, 473, 475, 477
- Бабуна, река 184
- Белград 10, 17, 19, 20, 22, 32–36, 39, 41, 42,
44, 65, 83, 110, 112, 114, 126, 133, 134,
153, 154, 157, 164, 168, 178, 184, 185,
199, 200, 201, 203, 208, 211, 212, 222,
230–232, 234, 241, 246, 247, 251, 253,
254, 279–281, 285, 292, 296, 298, 299,
301, 304, 305, 308, 316, 326–329, 335–
338, 340, 343, 345, 349, 353, 376, 381–
383, 386, 402, 407, 409, 473, 475, 477,
483, 497, 500, 502, 505, 507, 518, 526
- Белоградчик 198
- Битола, Битолия, Битоль, Манастир, Мона-
стырь 33, 40, 59, 78, 79, 88, 109–115, 118,
120, 122, 138, 140, 141, 148, 149, 154, 156,
165, 177, 178, 180, 184, 199, 207, 219, 220,
225, 230, 231, 232, 247, 251, 275, 320, 332,
333, 407, 417, 461, 482, 516
- Болайир, Булайр 194, 234, 266, 267, 292,
426, 510, 522
- Брегалница, река 38
- Брезник 198
- Бухарест, Букурешт 10, 11, 27–30, 37, 38,
42, 85, 86, 88, 94, 128, 217, 290, 305, 338,
354, 363, 382, 399, 402, 415, 439, 441,
451, 452, 456, 460, 462, 465, 466, 471,
473, 475, 486, 491, 492, 494, 496, 498,
501–503, 523, 529
- Валахия 11, 12, 28, 64, 108
- Вардар, река 34, 39, 79, 85, 100, 101, 118,
120, 137, 138, 148, 153, 184, 185, 189,
198, 217, 227, 229, 231, 236, 240, 259,
271, 291, 298, 299, 319, 320, 326, 332,
352, 373, 390, 438, 445, 454, 461, 515
- Варна 87, 91, 127, 223, 290, 353, 399, 401,
405, 407, 437, 507
- Велес, Кэпрюлю, Кепрюлю 100–102, 114,
140, 148, 149, 154–156, 177, 181, 183,
184, 189, 199, 207, 225, 229, 230, 251,
275, 291, 461
- Велико-Тырново, Тырново 188
- Вена 11, 16–18, 26, 28, 29, 31, 34, 37–39,
41–43, 63, 65, 67, 108, 126, 165, 178,
246, 248, 259, 261, 283, 287, 305, 349,
352, 355, 363, 366, 388, 389, 421, 430,
447, 451, 452
- Гевгелия 102, 117, 191, 251, 332, 340, 347,
359, 461
- Гостивар 98, 181, 191, 207, 229
- Гюмениса, Гюмендже, Гюмеджа 207
- Демир Капия, Демир-Капы 79
- Демир-Хиссар 117, 119, 137, 461
- Джяковица, Дьяково 190
- Дибра, Дебер, Дебр, Дебра 140, 155, 164,
181, 182, 184, 190, 191, 196, 199, 207,
225, 359, 482
- Димитровград, Цариброд 198, 274, 276,
291
- Добруджа 27–29, 30, 38, 44, 64, 70, 87, 91,
92, 107, 108, 129, 131, 146, 219, 220, 351,
384, 385, 401, 407, 408, 427, 439, 440,
470, 520

- Дойран 117, 268, 341, 359, 407
Драма 39, 75, 117, 188, 249, 320
Дримкол 184
Дрин, река 190, 359
Дунай, река 10, 11, 63, 70, 76, 94, 129, 130, 151, 219, 233, 269, 332, 351, 352, 356, 372, 384, 385, 394, 400–402, 405, 408, 437, 451
Дуррес, Дураццо 184, 225, 230, 359, 457, 464
Злетовская, река 184, 229
Ионические острова 150
Кавала, Кавалла 39, 40, 90, 117, 119, 141, 177, 188, 232, 247–249, 266, 267, 320, 454, 456, 457, 460–462, 464, 466, 468, 475, 476, 478, 483, 484, 509
Кастория, Костур 31, 117, 124, 141, 214–216, 247
Кичево, Кричево 87, 140, 184
Комотини, Гюмюрджина 117
Корфу, остров 189, 242
Корча 117
Кочани 198, 207
Кочаник 225, 359
Кресна 137
Крива Паланка, Эгри-Паланка 19, 189, 199, 207, 249, 461
Крит, остров 17, 21, 36, 41, 116, 150, 496
Крушево 87, 189, 229, 371
Ксанти 117
Кукуш 144, 506
Кыйыкёй, Мидие, Мидия 36, 221, 289, 365, 401, 402, 412, 420, 427, 428, 435, 440, 466, 485, 493, 494
Кыркларели, Киркилисе 20, 188, 412
Кюстендил, Кюстендиль 187–189, 198, 291, 343, 356, 359, 366, 376, 477, 507
Лежа, Леш 184
Места, Карасу, река 40, 138, 188, 191, 249, 454, 456
Морава, река 118
Мраморное море 21, 74, 185, 188, 220, 223, 250, 289, 353, 406, 413, 470
Нигрита 31, 199, 217, 353
Новопазарский, Ново-базарский санджак 17, 19, 21, 65, 135, 165, 184, 201, 206, 227, 263, 363, 373, 390, 438, 440, 509
Охрид(а) 33, 40, 75, 120, 140, 156, 165, 172, 177, 180–182, 184, 189, 199, 207, 225, 229, 232, 320, 352, 407, 482
Охридское озеро 19, 140, 164, 176, 189, 191, 254, 255, 257, 291, 320
Петербург 11, 13, 14, 16–18, 25–27, 34, 35, 37–39, 46, 88, 123, 145, 152, 153, 156, 193, 201, 231, 240, 276, 293, 301, 305, 316, 321, 328–330, 339, 340, 344, 364, 376, 381, 388, 390, 431, 460, 486, 490, 513, 519, 521
Порече, Пореч 184
Прилеп 14, 40, 79, 111, 113, 114, 124, 140, 155, 156, 183, 184, 189, 191, 199, 207, 229, 230, 231, 251, 275, 291, 482
Пынархисар, Бунар-Гисар 21, 188
Радомир, гора 198
Ресен, Ресна 113, 181
Родопские горы 19, 21, 40, 188, 524
Русе, Рушук 11, 91, 351, 399, 405, 407, 437, 452, 453
Салоники, Солунь 15, 19, 21, 29, 31, 33, 34, 40, 75, 88, 90, 95, 99, 102–106, 109–111, 114–120, 124, 125, 137–139, 141, 144, 147, 149–151, 153, 164, 165, 167, 170, 172, 173, 176–178, 187, 188, 197, 199, 214, 215, 217, 224, 226, 230–235, 238, 247, 249–251, 259, 261, 267, 268, 271, 275, 278, 283, 284, 286, 287, 289, 291, 293, 309, 313, 314, 319, 322, 328, 338, 341, 344, 346, 353, 357, 359, 407, 417, 432, 462, 463, 468, 476, 482, 483, 509, 519
Самоков 198, 507
Свиленград, Мустафа-Паша 40, 158, 510
Сере, Серес 106, 117, 154, 188, 199, 217, 234, 407, 461, 482, 506
Скопье, Скоплье, Ускюб 14, 33, 38, 40, 77–80, 83–85, 96–99, 101, 104, 109, 110, 114, 118, 140–142, 145, 164, 165, 167, 180, 182, 183, 189, 191, 196, 207, 224, 225, 234–278, 291, 345, 359, 404, 509
София 15, 17, 19, 20, 23, 29, 32–43, 56, 74, 86, 104, 105, 112, 115, 119, 122–124,

- 127–129, 133, 134, 142, 146, 157, 158,
162, 163, 166, 168, 169, 178, 187, 194,
196, 199–205, 208, 211, 212, 222, 230,
232, 237, 248, 251, 252, 278–281, 283,
287, 290, 291, 296, 298, 301, 304, 305,
316, 319, 320, 322, 326, 328, 329, 331,
332, 334, 335, 337, 338, 340, 343, 344,
349, 352, 353, 355, 356, 361, 366, 376,
382, 384, 385, 388, 399, 401–404, 406,
407, 415, 416, 419, 424, 425, 428, 438,
442, 445, 446, 453, 471, 473, 477, 501,
507, 510, 513, 521–524, 526
- Странджа, Истранджа, горный массив 188
- Струга 140, 199, 249
- Струма, река 19, 39, 188, 191, 249, 291, 341,
359, 445, 454, 461
- Струмица, город 39, 249, 454, 456
- Струмица, река 191, 438, 456, 463
- Тасос, Тазос, остров 177, 427, 462
- Текирдаг, Родосто 124, 185, 188, 194, 221,
235, 283, 284, 412, 427, 485
- Тетово, Канканделен 98, 140, 164, 191, 199,
207, 229, 236, 278
- Тимок, река 219
- Фессалия 75, 90, 91, 113, 150, 189
- Флорина, Лерин 31, 117, 138, 217, 247
- Фракия 19, 33, 36, 38, 40, 75, 89, 117, 118,
148–150, 170, 178, 187, 188, 196, 220,
240, 243, 249, 254, 256, 262, 289, 298,
317, 320, 336, 338, 365, 390, 400, 405,
406, 413, 425–428, 434, 439–441, 463–
466, 469, 470, 472, 477, 478, 485, 487,
494–496, 503, 504, 509, 511
- Халкидонский полуостров, Халкидика
150, 224, 289, 313
- Чаталджа 21, 38, 101, 124, 168, 194, 195, 202,
203, 224, 234, 247, 263, 265, 267, 278, 305,
313, 331, 398, 406, 412, 426, 427, 436, 447,
449, 510
- Шар-Планина, Шар-Даг, Шар-Гора 19, 84,
191, 207, 225, 228, 254, 255, 257, 359
- Шенгини, Сан-Джiovанни-ди-Медуа
184
- Шкодер, Скутари 21, 30, 69, 160, 169, 190,
201, 202, 230, 250, 270, 293, 310, 457
- Штип, Иштиб 19, 39, 40, 100, 137, 198, 225,
251, 268, 276, 335, 340, 342, 360, 366,
461, 466, 471
- Шумен, Шумла 91, 130, 399, 407, 416
- Эгейские острова, Архипелаг, Греческий
архипелаг 59, 95, 150, 168, 233, 248,
251, 254, 255, 257, 454, 467, 497
- Эгейское море 18, 21, 31, 40, 41, 42, 59, 67,
75, 90, 96, 141, 150, 155, 188, 227, 232,
242, 249, 262, 263, 275, 320, 332, 341,
352, 382, 402, 438, 439, 441, 445, 454,
459, 464, 468, 477, 509, 513
- Эдеса, Воден, Водена 109, 141, 191, 247
- Элефтере, Элефтера, Элевтера 224, 232
- Энез, Энос 36, 289, 365, 401, 402, 412, 420,
427, 428, 435, 440, 466, 485, 493, 494
- Эпир 21, 33, 75, 90, 91, 138, 139, 150, 242, 248
- Эргене, река 188, 412, 413
- Янина 21, 30, 137, 138, 219

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Правители государств-членов Балканского союза* — Искры. 1912. № 38
- Турецкий султан Мехмед V (1909–1918)* — Нива. 1912. № 40.
- Правитель Румынии Кароль I (1866–1914)* — Нива. 1912. № 39.
- Греческий король Константин I (1913–1917 и 1920–1922)* — Нива. 1913. № 13.
- Карикатура, опубликованная после подписания Бухарестского мира* — Сатирикон. 1913. № 33.
- Премьер-министр Болгарии И. Гешов (1911–1913)* — Искры. 1913. № 16
- Премьер-министр Сербии Н. Пашич (1912–1918)* — Искры. 1913. № 16
- Премьер-министр Болгарии С. Данев (1913)* — Wikipedia.org. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B0%D0%BD%D0%B5%D0%B2,%D0%A1%D1%82%D0%BE%D1%8F%D0%BD#/media/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Stoyan_Danev_by_Ivan_Karastoyanov.jpg
- Премьер-министр Греции Э. Венизелос (1910–1915)* — Νόστιμον ἤμαρ... URL: https://www.nostimonimar-online.com/2021/12/blog-post_22.html
- Премьер-министр и министр иностранных дел Франции Р. Пуанкаре и министр иностранных дел России С.Д. Сазонов. Совещание о балканских делах в кабинете Р. Пуанкаре в Париже 24 сентября 1912 г.* — Нива. 1912. № 41
- Министр иностранных дел Австро-Венгрии Л. фон Берхтольд (1912–1915)* — Искры. 1912. № 43.
- Министр иностранных дел Великобритании Э. Грей (1905–1916)* — Wikipedia.org. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Edward_Grey,_1st_Viscount_Grey_of_Fallodon#/media/File:Portrait_of_Edward_Grey,_1st_Viscount_Grey_of_Fallodon.jpg
- Этнографическая карта Европейской Турции, основанная на сведениях Й. Цвишча* — Русское слово. 10 апреля 1913 г.
- Карта спорных областей* — Утро России. 24 апреля 1913 г.
- Карта распределения территории, завоеванной у Турции* — Земщина 4 июля 1913 г.
- Бухарестский раздел* — Речь. 27 июля 1913 г.

ABSTRACT

The Balkan strife: the collapse of the Balkan Union and the Inter-Allied War of 1913 in the mirror of the Russian opinion journalism. Compilation, preparation for publication, comments, introduction by Nikita Gusev and Boris Kotov. Moscow: Institute of Slavic Studies RAS; St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2023. 540 p. ISBN 978-5-4469-2294-9.

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 23-28-01062 “The Balkan Strife of 1912–1913 and Russian society”, <https://rscf.ru/project/23-28-01062>.

In the autumn of 1912, the First Balkan War broke out: Bulgaria, Serbia, Greece, and Montenegro jointly opposed and defeated the Ottoman Empire. However, the interference of external actors, primarily of Austria-Hungary, and unresolved issues of territorial demarcation in the Balkans soon caused a conflict among the allies, which led to the Second, Inter-Allied, Balkan War in the summer of 1913. Russian society greeted the Balkan Union victories with great enthusiasm. Disappointment over the conflicts between the Allies and anger at the Austro-Hungarian and Romanian interference were quite prevalent. At the same time, Russian society was unable to take sides in the dispute between Bulgaria and Serbia over the behaviour of Macedonia, which was more harmful to the interests of all Slavic peoples. It called for the preservation of the Balkan Union in the face of the threat of confrontation with Germanism. This book is a republication of articles from 1912 and 1913 from Russian newspapers of different political directions, from the nationalist *Zemshchina* to the left-wing *Kievskaiia Mysl'*, including the major antagonist newspapers *Novoe Vremia* and *Rech'*, as well as the pan-Slavist *Slavianskiiie Izvestia*. The main themes are the confrontation between Bulgaria and Romania, territorial disputes between the Allies (Bulgaria and Serbia, Bulgaria and Greece), the search for right and wrong in the dispute over Macedonia, the horror of a fratricidal war and disillusionment with the Slavic idea. A cross-sectional topic is the evaluation of the actions of Russian diplomacy and the perception of Russia's foreign policy interests.

The book addresses specialists in the history of the Balkans, Russian opinion journalism of the early twentieth century, and a wide range of readers interested in the historical past of Russia, the Balkan peoples, and the Slavic idea.

Научное издание

Утверждено к печати Ученым советом Института славяноведения РАН
(Протокол № 5 заседания Ученого совета
ФГБУН Института славяноведения РАН от 27.06.2023)

БАЛКАНСКАЯ РАСПРЯ:
Распад Балканского союза и Межсоюзническая война 1913 года
в зеркале русской прессы

Корректор *Г.В. Засыпкина.*
Оригинал-макет *Л.Е. Голод*
Дизайн обложки *П.К. Донской*

Подписано в печать 04.08.2023.
Формат 70×100^{1/16}. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 43,5. Тираж 500 экз. Заказ № 2970

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

